

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> приятного чтения!

Полное собрание сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Герцен

(Письмо второе¹[1])

участие к чтениям Г. Грановского не только не ослабло, но возрастает более и более. Круг слушательниц увеличивается: есть нечто увлекательно-прекрасное в постоянном внимании дам к его чтениям; видя, как они тройным венком окружают кафедру, – становится хорошо на душе, и невольно завидуешь доценту. Г-н Грановский читает свой предмет со всею серьезностью науки, он не сыплет ненужных цветов, не жертвует подробностями и глубиной для приятной легости, он не делает свою науку дамской (как называли в стары годы жалкие и плоские переделки астрономии, физики и пр.) – мне кажется, ничем он не мог более выразить своего уважения и благодарности слушательницам, посещающим его чтения. Прошло время того оскорбительного внимания к женщинам, когда для нее, рядом с дельным изложением науки, излагали намеренно искаженным образом, считая один мужской ум способным к глубокомыслию. Наука и разум не имеют пола. Истина и талант равно принадлежат мужчине и женщине.

В прошедшем письме я сообщил вам несколько мыслей о значении лекций Г. Грановского; обращаюсь теперь к самому курсу. Два первые чтения были посвящены введению, в котором доцент передал главнейшие моменты развития исторической науки. В этом чрезвычайно сжатом и быстром обзоре талант преподавателя вполне обозначился; характеристика школ,

484

мыслителей, направлений немногими словами, одной фразой, всегда резкой и удачной, – напомнила мне те барельефы великих художников, в которых несколькими чертами, двумя- тремя ударами резца фигура обозначена так, что никогда не изглаживается из памяти. Введение Г. Грановского было необходимо: им он передал современное состояние науки и ее сочленение со всем предыдущим развитием, сверх того, им он показал свою точку зрения на историю; такое определение себя, относительно предмета, в наше время более необходимо, нежели когда-либо, всего же необходимее в истории. История для одних наука, для других орудие партии. События бывшие немые и темные; люди настоящего, входя в тайники, в которых они схоронены, берут свой фонарь и одни и те же факты освещают разное, изменяют тенями; прошедшее, чтоб получить гласность, переходит чрез гортань настоящего поколения; оно, как всякий предмет, готово раскрыть свою истину, но только желающему безусловно истины: большая часть историков не хотят быть просто органами чужой речи, а суфлерами; они заставляют прошедшее подтверждать их заготовленные теории. Такое вызывание прошедшего из могилы унижительно: это не есть истинное воззвание из мертвых, а чернокнижные нечистые

1[1] Первое письмо помещено было в <142> № «Московских ведомостей».

попытки Аполлония Тианского. Даже и в том случае, когда историки имели в виду пользу и поучение, искажая факты, их простить нельзя, – они слишком надменны и неучтивы к человечеству; нет никакой необходимости натягивать по-своему смысл исторических событий и насиловать их для моральной цели, потому что истинный смысл их бесконечно глубже и нравственнее личных нравоучений. Дело историка – понять этот смысл и раскрыть его. В наше время это вполне понятно: достаточно называть Нибура, братьев Гриммов, Огюстина Тьерри, Савиньи, Ранке, Эйхгорна. Но рядом с прекрасными и добросовестными трудами этих мужей науки, с благоговением склоняющихся пред объективным значением прошедшего, всякий день появляются искаженные духом одностороннего воззрения, так сказать, раскольнические опыты ложной истории. Мне кажется, все разнообразнейшие попытки корыстного изложения истории можно соединить под одним именем иезуитского направления. Разумеется, что многие, не принадлежащие ни к ордену, ни

485

к католицизму, даже враждебные ему, – по какой-то симпатии, по какой-то сродности душ, принимают иезуитизм в истории и с тем вместе их средства и их раздражительную нетерпимость. Таков протестант Лео – талантливый историк Италии и иезуит во всеобщей истории. Неуважение к судьбам человечества, непомерная гордость, с которой они берутся поправлять прошедшее, недостаток сочувствия с настоящим, обрекающее их на праздность самолюбия, тем более жгучее, что оно ежедневно оскорблено событиями, – таков характер историков этого рода. Лео, например, убедившись, что высшая органическая форма государства есть форма средневековая, двуглавая и носящая сама в себе условия вечного расторжения, – принимает за личную обиду историю трех последних веков; ему в голову не приходит покориться царственному течению истории, в голову не приходит, что однажды

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
прошедшее – есть вечно прошедшее, потому что проходит одно временное, долженствующее пройти; он не внимает ни глаголу веков, ни веянию духа, а шлет бессильные анафемы современности, не покоряющейся г. профессору. Отсюда ясно, что человеку, предпринимающему рассказ истории средних веков, должно было с самого начала отклонить всякое подозрение в каком бы то ни было одностороннем направлении; излагая развитие исторической науки, он очевидно показал свой наукообразный, свято уважающий объективное значение истории, взгляд. Наконец введение его было необходимо для слушателей, – оно возводило их разом на ту высоту, с которой возможно истинное понимание частного отдела истории. В этом введении г. Грановский, упомянувши о бытописании в древнем мире, показал, что стремление схватить в мысли единство и разумность истории не могло иначе развиться, как в мире христианском, снявшем преграды исключительных народностей, постигнувшем иудеев и эллинов единою паствой. Без сознания этого единства не токмо невозможна история, как наука, но и самая идея человечества невозможна. Средние века, несмотря на то, что имели великое творение Августина «о веси господней», – долго не могли достигнуть до разумного понимания истории; мыслители того времени были обращены на другие вопросы; история тех веков была летопись, составленная скромным отшельником легенда, которую слушали, сидя зимой пред очагом. На пороге, отделяющем средние века от реформационных, указал г. Грановский мужа, глубоко понимающего историю: «перед ним лежали уже два оконченные мира, мир древний и мир средних веков, он имел два великих документа»²[2]. Этот муж – Махиавелли. Сказавши о нем, преподаватель в коротких словах рассказал о трудах Вико, о французской школе, о немецких рационалистах в истории; их бедные декламации вызвали очень удачное выражение г. Грановского: «Этот прозаический гимн, – сказал он, – воспеваемой плоской мысли полезности». Потом, остановившись на трагическом образе Кондорсе, который закованной рукою, ожидая плахи, писал свои утопические верования, – г. Грановский перешел к XIX веку – тут Фихте встретился ему первый. «Этот мыслитель холодно смотрел на историю, вечно обращенный к грядущему». – Вот эти несколько ударов резца, управляемого истинно художнической рукою. В самом деле Фихте, стоик нового мира, непреклонный и великий в своей логической мощи, не мог склонить гордой выи своей пред законом исторической последовательности; история для него скорее была в будущем, нежели в прошедшем. Мысль, отрешенная от мира событий, не знает категории времени. Но миновать его г. Грановский не имел права: от критической философии к современной один путь – творения Фихте. Далее г. Грановский рассказал главные заслуги Шеллинга и основные положения философии истории Гегеля. Здесь заметно было, что Грановский, коротко знакомый с писаниями великих германских мыслителей, не подавлен ими. Он смотрит на Гегеля, как на исторический момент науки, – а вовсе не как на последний предел, он смотрит на него, как на такой момент, который миновать нельзя, так, как нельзя и остаться на нем навеки; он, историк, знает, как истинны слова философа, что человек никогда не может стать выше своей эпохи. Не зная Гегеля и отвергать его не мудрено; но идти далее можно после добросовестного изучения. Нельзя не согласиться с г. Грановским, что построение истории у Гегеля и его разделение односторонне и по очень простой причине: он, в противоположность Фихте, в истории

487

больше смотрел назад, нежели вперед; он видел в одном отделе истории целое; его разделение, исчерпывающее все движение идеи развитием от Адама до цветения Берлинского университета, забывает все будущее развитие от цветения Берлинского университета до совершения судеб человеческих; но это не мешает мне быть не согласным с почтенным доцентом в его замечании, что последний период, по Гегелю, представляет старчество человечества; если он это основывает на том, что Гегель римский период называет возмужалостью, то по наведению оно выйдет так, но по смыслу, придаваемому германским мыслителем германо-христианскому миру, оно вовсе не так. Делая свои возражения с скромностью, свойственную знанию дела, г. Грановский очень справедливо присовокупил, что Гегель для философии истории несравненно более сделал всем воззрением своим на науку,
²[2] Выносные знаки означают собственные слова доцента.

нежели собственными лекциями об истории, изданными после его смерти. К этому он мог бы присовокупить, что односторонняя архитектоника исторического развития не от того вышла ошибочна, что она строго вытекла из начал логики, а напротив, от того, что она дурно выведена была из них. Целость истории не может быть заключена ни в каком отделе ее, след. и в прошедшем; что за подвижная грань настоящее, и почему именно наше настоящее получает такое безусловное значение. Целость истории состоит из прошедшего и будущего вместе. Впрочем, этот недостаток не должен заслонять заслуги, и поправкой гордиться нельзя, – она сделана временем, которое все поправляет. Никто не отвергает заслуг Вико за то,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Грановский, что у него человечество вертится всю жизнь в беличьем колесе dei corsi et ricorsi: чтоб написать «Szienza nuova», надобно было иметь исполинский гений, а чтоб гораздо спустя отчасти поправить недостаток воззрения Вико, достаточно было французского историка Мишле, который из беличьего колеса сделал спираль, развертывающуюся в бесконечность. Хорошо сделал г. Грановский, что не забыл упомянуть брошюру Чешковского «Prolegomena zur Historiosophie»; ему принадлежит честь первого опыта наукообразно выйти из гегелевского построения истории, и он первый заметил односторонность, о которой мы говорили. Главная мысль его состоит в том, что он, оставляя целью германского мира ведение истины, не принимает эту

488
цель за всеобщую цель истории, предоставляя грядущему благое и исполненное любви одействование истины. Теперь это не ново, но пять лет тому назад славянин Чешковский первый произнес это в философском мире Германии. В заключение г. Грановский с негодованием защитил науку от некоторых нареканий и показал всю суетность односторонних исторических школ (Бональд, Местр) и их упрямое неуважение к прошедшему, которое они гнут под <...>3[3] личных мнений. – Вторая лекция была читана увлекательно; г. Грановский несколько раз одушевлялся и речь его отзывалась глубоко в душе. Вы можете смеяться, как вам угодно, но глаза мои были влажны. Эта мощь предоставляется одному истинному таланту и истинному одушевлению. Я не стыжусь слез, которые не один раз навертывались у меня на глазах, когда Талиони бывала на сцене и увлекала меня своей грацией, музыкальной изящностью своих поз и чистотою своих движений.

В третьем чтении г. Грановский явился на своем собственном поле и истинно удовлетворил всем требованиям, которые я делал, – конечно, это не много значит, я не имею никакого права судить лекции истории с ученой точки зрения. – Меня обрадовала чрезвычайная жизнь, выразительность, с которою воскресали события в чтении доцента; надобно много жить с своим предметом, много думать о нем, чтоб так излагать его. Четыре чтения были посвящены дряхлому языческому миру и вступающим на сцену германцам. Слушатели могли видеть лицом к лицу эти два великие фактора, из которых под благословением церкви развились средние века. Прекрасно передал доцент главные черты страшной повести, как с речью 3[3] в источнике слово пропущено; очевидно, оно было не разобрано копиистом. – Ред.

предсмертного бреда отходил вечный город. Он вводит в жизнь римскую, когда в ней по видимому все еще покойно и цветет, когда будущее, чреватое целым миром, хочет разверзнуться, но еще не разверзлось, когда сильная гроза предвидится, когда ее неотразимость очевидна, – но еще царит наружная тишина и тупое доверие к неизбежности и прочности существующего порядка. Страшное зрелище! Вот почти слово в слово, как начал г. Грановский: «Рассматриваемый извне древний мир еще

489
блистал отблеском прежнего величия, по видимому он обладал всеми условиями могущества и развития. У него была своя образованность, своя администрация, свое право; римский император владел землями от Рейна и Дуная до внутренности Африки, от Атлантического океана до Евфрата; Средиземное море, как озеро, заключалось в его владениях. Все религии, народности, цивилизации древнего мира слились в одну политическую массу. Враги римлян – германские куниги – добивались римских титулов... Но вглядываясь пристальнее в эту огромную массу, мы видим, что она страдает страшными язвами...», и г. Грановский рассматривает элемент за элементом жизнь Рима и везде указывает следы разъедающей гангрены и иронию видимой мощи, прикрывающей отчаянное бессилие. Императорская власть, управление, городская и сельская жизнь, подати и религия, наука и нравственность – все носит страшные следы разложения. Декурионы просят охотой в рабы и колонаты, Аркадий и Гонорий предлагают в Галлии подданным права участия в правлении – подданные отказываются. Рабы соединяются для грабежей с германцами; неистовая, развратная столичная чернь мятется на площадях, и изнеженная, развратная аристократия пирует среди общих бедствий. – От быта общественного г. Грановский переходит к быту умственному. Поэзия того времени – подлые панегирики, риторические фразы, отсутствие мысли. Представителем тогдашних литераторов берет г. Грановский Авзония. «Он принадлежал к одной из богатейших аристократических фамилий, учился в знаменитейших школах, наставник двух императоров Валентиниана и Грациана, префект Рима, консул, потом префект Галлии – в то время, когда варвары прорывались со всех сторон в империю, когда римляне тревожно приходили к Рейну и следили ход его, видя в нем единственную защиту, когда язычество вело последнюю борьбу с христианством. И что же этот государственный муж, этот знаменитый ученый – нашел ли в себе сочувствие, отзывался ли современности? – Он писал пошлые идиллии, педантские похвалы педантам профессорам Бордоской школы и пр.» – Слепота и ребячье неразумье поражает людей в страшные години, предвещающие обновление. Другой литератор и также аристократ Сидоний Аполлинарий, зять

императора, видел своими глазами, как Галлию терзали варвары – и писал мадригалы, послания и шарады. В этом равнодушии общества, в этих занятиях мелочами, когда разрушается целый мир, – есть что-то веющее холодом того жалкого старчества] людей, которые делаются ничтожными и суетными на краю могилы. Все было превратно в этом мире. «Философия отрывала человека от действительности» – и сосредоточивалась в гордом самобытном противоборстве с жизнью или в горестном недоверии к ней. Жаль, что Г. Грановский не вполне оценил, а потому не воспользовался всем трагическим элементом, находившимся у стоиков гордо-грустных, и у скептиков – несчастных в вечном расторжении: Г. Грановский только назвал их, а характеризовал одних неоплатоников, да сказал несколько слов о тех совопросниках мира сего, неутомимых бойцах слова, которые спорили направо, спорили налево, без любви к истине, а для диалектических упражнений. Этот разлагающийся мир не имел сам в себе средств обновления – но по обеим сторонам совершались великие события. На востоке восходило солнце веры Христовой, и сам Апостол Павел принес благовест искупления в Рим; но «Рим, томимый мучительной жаждой, не мог утолить ее из этого святого источника». Ему самому надобно было быть распятому, как разбойник, одесную Христа, чтоб переродиться и быть помянутому в царствии его. – На севере двигались какие-то дикие, долговолосые, белокурые народы, обитатели дремучих лесов и холодных стран: они шли совершить казнь языческого мира огнем и мечом. Удары их уже слышны в Риме, проповедование евангелия уже раздаётся на его форумах, – а он стоит еще, нелепый и отживший, и тяготеет над всем древним миром. Становится жалко и смешно, слушая, как римские умники считали христианство чем-то преходящим или надменно не знали его, читая безнравственные и сухие Милезийские сказки. Но рабы, городские жители, труждающиеся и обремененные, – принимали христианство, и оно быстро распространилось. Юная церковь имеет в рядах своих мужей святых и великих, в противоположность софистам философии: св. Климента Александрийского, св. Амвросия, св. Иеронима и великого Августина. – Жалею, что рамы письма не позволяют мне передать вам одушевленный рассказ Грановского о высокой

491
деятельности епископов и отцов церкви, увлекательное повествование о св. Амвросии, о народных поучениях, которыми они внедряли слово божие низшим сословиям людей, – и которые Г. Грановский справедливо ставит на первое место христианской литературы. И среди всего этого была возможность такого лица, как Юлиан-отступник; очень хорошо сделал Г. Грановский, остановившись несколько на нем. Вот оно, последнее усилие умирающего, – посмотрите, как в нем древний мир очистился, стал строг и мудр, глубокомыслен и доблестен, как он собрал все субстанциальные силы свои, чтоб явить миру полноту своего здоровья и доказать свое право на жизнь – все тщетно; мало зрелищ более торжественных и успокоительных, как бессилие каких-нибудь титанов против воли провидения, как несостоятельность несхороненного прошедшего против грядущего, свыше благословенного.

В пятом чтении Г. Грановский переходит в леса Тевтонии. Он оставляет Рим следующей похоронной речью: «Церковь в лице своих святителей произносит приговор над древним обществом и благословляет германских пришельцев; Блаженный» Августин ждал их, как наказание падающей веси». Доцент начинает с рассказа о быте германцев во времена дохристианские, – ему необходимо надлежало показать германский элемент т сшбо4[4], 4[4] в сыром виде (лат.). – Ред.

типом его избрал Г. Грановский скандинавский быт. С каждым словом слушателям открывался другой мир; они из тяжелого, сгущенного воздуха искусственно освещенной залы, у которой потолок готов был рушиться на голову, из вечного шума и суеты городской площади выходят на другую почву; повеяло свежим воздухом лесов, являются племена полудикие, но полные силы и энергии. Слушая простой рассказ о их быте, понимаешь, что эти племена были достойны великого призвания обновить языческий мир, принять в себя благодать искупления, и потом XV столетий находиться главою всемирного развития. – Кого не поразило в аудитории величественный образ этих старых пиратов, которые, чувствуя приближение смерти, садились на ладьи свои, выплывали одиноко в море и сжигали себя вместе с кораблем; или другой образ, в котором так человечески сочеталась дикость с нежностью –

492

я говорю о саге, упомянутой доцентом, в которой пленник, несколько раз порывавший железные цепи, не имеет сил порвать волоса любимой женщины. В ребячьих, неустоявшихся чертах этих народов, на их детском челе можно прочесть великое призвание их, их огромную будущность. Говоря о нравах германцев, между прочим, Г. Грановский сказал: «Больших селений не было, германец господин жил в

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович дворе своем, окруженный летами, для них он был единственный судья и пр.» – Видите ли вы, как лицо отторгается от поглощения в государстве (как то было в древнем мире); тут становится ясно, что из германца никогда не выйдет гражданина в смысле греко-римском, а выйдет человек в смысле христианском. Ничто не мешает этому германцу господину, «скукая праздной жизнью, – как говорит г. Грановский, – собрать дружину и идти, куда глаза глядят, занять земли, где случится, переменить их и пр.» Тут в зародыше виден основной элемент германского развития, источник феодализма и рыцарства – бесконечная самобытность личности. Мы увидим после, как вследствие этого германская душа должна была отозваться на учение Спасителя, искупающее именно личность человека. У германцев нет той непосредственной, субстанциальной связи с землею, как у восточных и древних народов; родина в нем и с ним, он всегда готов, как скандинавы, о которых рассказывал г. Грановский, разобрать по бревнам избу свою и пустить ее по морю, – куда пристанет, там осесть. От того – «вдруг исчезает народ могущественный без следов, на его место появляется новое имя, доколе неизвестное в истории». Этой почве только недоставало оплодотворения евангелием. При своих мрачных богах германцы остаться не могли; скандинавы обращались с богами так же дерзко, как под конец афиняне с своими. «Они упрекали богов в том, что они смертные; наконец у них было темное предчувствие, что мир сгорит и родится новая земля, на которой будет царить любовь». Слова любви были уже близко тогда от лесов Германии. Позвольте в третьем письме изложить вам превосходную лекцию г. Грановского о проповедовании слова божия в Германии. Теперь ежели не мне, то наверно вам хочется отдохнуть. Ежели вы имели терпение прочитать все письмо, конечно вы имеете на то полное право, – и не мне оспаривать его.

1843. Декабря 15.

CONTENTI ESTOTE

La Suisse entend raison. Chaque jour nous apporte une nouvelle preuve de la conversion sincère des cantons et des sommités du pouvoir fédéral. Les Furrer, les Druey se surpassent les uns les autres.

Ce matin le National nous raconte une histoire dégoûtante. Il s'agit des tracasseries qu'on a fait subir à Zurich à un enfant sourd-muet âgé de six ans, qui était simplement suspect d'être le fils d'un réfugié. On a demandé, d'une manière très grossière, un cautionnement «destiné, comme dit le National, à garantir que l'enfant ne porterait aucune atteinte à la sécurité des gouvernements voisins».

L'histoire est parfaitement vraie; un de nos correspondants de Berne nous écrit aujourd'hui à ce sujet. Mais admirez l'ironie: dans leur zèle sans exemple pour servir la police de tous les Etats, les braves Zuricois se sont trompés: le père de l'enfant n'est pas réfugié.

La direction de l'institut n'a pris aucune part, ni en bien ni en mal, à toute l'histoire.

Et la Suisse pense qu'elle sera quelque chose par ces lâches concessions!

Qu'elle gagnera le pardon pour la Démocratie en s'abaissant! – Pauvre Suisse! on l'avilira aux yeux du monde, et lorsque toute sympathie pour elle se changera en mépris – on l'envahira, on la supprimera. Pourquoi pas? – Il semble que ce pays tient à être tout bonnement le suisse des nations, gardant l'entrée de toutes les frontières et refusant le cordon à ceux qui déplaisent aux maîtres, aux Radetzky, au roi de Prusse etc., etc.

494

ПЕРЕВОД

CONTENTI ESTOTE5[5]

Швейцария внимает доводам рассудка. Каждый день приносит нам новое доказательство искреннего исправления кантонов и глав федеральной власти.

Фуреры, Друэ превосходят и тех и других.

Сегодня утром «National» рассказывает нам отвратительную историю. Дело касается придинок, которыми преследуют в Цюрихе глухонемого шестилетнего ребенка, подозреваемого только в том, что он сын эмигранта. За него потребовали, самым грубым образом, залог, «предназначенный, как говорит „National“, служить гарантией, что ребенок не принесет никакого ущерба безопасности соседних правительств».

История эта совершенно верна; один из наших бернских корреспондентов пишет нам сегодня по этому поводу. Но подивитесь же иронии: пуская в ход беспримерное усердие, дабы

5[5] Да будут они довольны (лат.). – Ред.

услужить полиции всех государств, славные цюрихцы ошиблись: отец ребенка вовсе не эмигрант.

Дирекция учебного заведения не приняла никакого участия в этой истории – ни в положительном, ни в отрицательном смысле.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Швейцария воображает, что она добьется чего-нибудь для себя такими подлыми уступками! Что она выслужит прощение для демократии, унижая себя! – Бедная Швейцария! ее унижат в глазах всего мира и, когда вся симпатия к ней превратится в презрение, – ее захватят, ее упразднят. И почему же нет? – Создается впечатление, что эта страна хочет быть у других народов не более как швейцаром, охраняющим вход у всех границ и не позволяющим войти тем, кто не нравится хозяевам, Радецким, королю Пруссии и т. п., и т. п.

495

<« QUI NOUS ETONNE PARFOIS DANS LES ORGANES
DE L'HEBERTISME MONARCHIQUE... »>

Ce qui nous étonne parfois dans les organes de j'hébertisme monarchique, ce ne sont point leurs opinions, nous ne les connaissons que trop; mais c'est l'effronterie de leur polémique, le cynisme abject de leurs dénonciations. Ils devraient bien prendre pour exemple M. Donoso Cortès, dont ils ont accueilli avec tant de sympathie les élucubrations, et qui, cependant, tout en professant les doctrines contre-révolutionnaires, sait du moins les envelopper de phrases qu'un honnête homme peut lire sans rougir.

M. Donoso Cortès, auquel du reste nous répondrons dans un de nos prochains numéros, tout en protestant contre la liberté, ne s'abaisse pas à ce langage de halles, à ces personnalités impertinentes distillées sous la sauvegarde du gourdin de la police, à ces calomnies qui n'épargnent ni les prisonniers ni les exilés. Les gendarmes ne sont-ils pas là pour mettre au secret les premiers, pour traquer les seconds?

En vérité, pour que la discussion avec ces messieurs soit possible, il faudrait que chacune de leurs paroles ne résonnât pas comme le vil métal dont la contre-révolution paie leurs services. Pamphlétares des égouts, qui puisent leurs accusations aux sources les plus immondes, dans les confidences de ces mouchards, qui se glorifient de leurs titres comme les filles publiques qui sortent de Saint-Lazare.

Peut-on, par exemple, sérieusement discuter avec un journal français, qui bénit le ciel d'avoir donné «Radetzky à l'Autriche»; qui bénit les Croates, «barbares dont l'énergie est indispensable aux civilisations énervées»!

Nous sommes persuadés que le général Changarnier lui-même a dû éprouver un moment de dégoût en voyant son nom associé au nom de Radetzky.

Peut-on discuter avec une feuille qui revient pour la cinquantième fois sur «les assassinats de Mazzini», sans en citer un seul. Ces folliculaires savent très bien que Mazzini ne s'est mêlé à aucun assassinat, ni directement, ni indirectement, qu'il a été parfaitement étranger au meurtre de Rossi; qu'il n'y a pas eu une seule exécution à Rome pendant la République. Nous les défions de citer des noms, de nous donner des détails authentiques.

Nous ne connaissons qu'un seul assassin qui ait quelque rapport avec Mazzini: c'est celui qui a été envoyé à Genève par le digne représentant de la politique de la dynastie Carignan, pour assassiner le célèbre triumvir romain. Et ils répètent ces contes à dormir debout, lorsque les dernières révolutions, magnanimes et clémentes, qui avaient pardonné aux massacreurs de la Gallicie, ont été étouffées sous les ruines de Brescia et sur les échafauds de la Hongrie!..

ПЕРЕВОД

<« ЧТО ИНОГДА УДИВЛЯЕТ НАС В ОРГАНАХ
МОНАРХИЧЕСКОГО ГЕБЕРТИЗМА... »>

Что иногда удивляет нас в органах монархического гебертизма – это не их мнения – нам они слишком хорошо известны, – а наглость их полемики, гнусный цинизм их доносов. Им следовало бы брать пример с г. Донозо Кортеса, словоизвержения которого они приняли с таким сочувствием и который, однако, проповедуя контрреволюционные учения, умеет, по крайней мере, облекать их во фразы, которые честный человек может читать не краснея.

Г-н Донозо Кортес, которому, впрочем, мы ответим в одном из наших следующих номеров, открыто протестуя против свободы, не унижается до рыночного языка, до наглых личностей, просочившихся под охраной полицейской дубинки, до клевет, не щадящих ни узников, ни изгнанников. Разве нет там жандармов, чтобы бросить в карцер первых или травить вторых?

497

Поистине, для того, чтобы дискуссия с этими господами была возможна, каждое их слово не должно было бы звучать, как тот презренный металл, которым контрреволюция оплачивает их услуги. Это памфлетисты сточных труб, черпающие свои обвинения в самых отвратительных источниках, в секретных сообщениях шпигов, гордящихся своим званием, словно публичные девки, выходящие из Сен-Лазара. Можно ли, например, серьезно спорить с французской газетой, благословляющей небо

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович за то, что оно дало «Радецкого Австрии», благословляющей кроатов, «варваров, энергия которых необходима для расслабленных цивилизаций»! Мы уверены, что сам генерал Шангарнье должен был испытать минутное отвращение при виде своего имени, связанного с именем Радецкого. Можно ли спорить с листком, который в пятидесятый раз возвращается к «убийствам, совершенным Маццини», не называя ни одного. Эти пасквилянты очень хорошо знают, что Маццини не имел ни прямого, ни косвенного отношения к какому бы то ни было убийству, что он был совершенно непричастен к убийству Росси, что в Риме во время Республики не было ни одной казни. Мы предлагаем им привести имена, представить нам достоверные подробности. Нам известен только один убийца, имевший сношения с Маццини, – это тот, который был послан в Женеву достойным представителем политики Кариньянской династии с целью убить знаменитого римского триумвира. И они повторяют эти усыпляющие сказки, тогда как революции последнего времени, великодушные и милосердные, пощадившие убийц из Галиции, были задушены под развалинами Брешии и на эшафотах Венгрии!..

498

<LE JOURNAL LA SUISSE NIE LE FAIT...>

Le journal la Suisse nie le fait concernant la tentative d'expulsion d'un enfant sourd-muet, mentionnée par le National et la Voix du Peuple. Elle a beau jeu. L'enfant n'a pas été expulsé (ausgewiesen), c'est le terme employé par la police dans une feuille de Zurich, où elle essaye de se justifier; mais c'est parce qu'on a immédiatement déposé le cautionnement exigé. Reste à savoir ce que l'on aurait fait si les parents n'eussent pas eu assez d'argent pour payer la somme. Question que nous posons à la Suisse.

ПЕРЕВОД

<ГАЗЕТА «SUISSE» ОТРИЦАЕТ ФАКТ...>

Газета «Suisse» отрицает факт, касающийся попытки выслать глухонемого ребенка, о котором шла речь в «National» и «Voix du Peuple». Напрасные ухищрения. Ребенок не был выслан (ausgewiesen) – это термин, употребленный полицией в одном из цюрихских листков, где она пытается оправдаться, – но только потому, что немедленно внесен был потребованный залог. Остается лишь узнать, что было бы предпринято, если бы у родных не оказалось достаточно денег, чтобы выплатить эту сумму. Вот вопрос, который мы задаем «Suisse».

499

AU CITOYEN REDACTEUR DE L'HOMME

Citoyen,

Il y a plus de trois années, j'ai publié en Allemagne un volume de lettres sur l'Italie et sur la France. La publication fut heureuse. Les événements de 1848 – appréciés par un Russe, – cela avait son piquant.

J'ai encore trois lettres qui n'ont jamais été publiées; ce ne sont pas des récits, mais plutôt des méditations philosophiques, et – passez-moi l'expression – lyriques, sur les événements qui ont précédés le 2 décembre.

Voulez-vous les insérer dans votre journal?

L'idée m'en est venue en vous voyant ouvrir largement vos colonnes à toutes les opinions révolutionnaires.

...Mais, est-ce qu'il y a par hasard une opinion révolutionnaire russe? En quoi, comment peut-on différer des opinions révolutionnaires en France, en Allemagne? La véritable patrie de la civilisation russe n'est pas en Russie, – mais en Europe. En effet, l'idée révolutionnaire est la même. Mais la position est tout autre...

Personne n'a encore sérieusement envisagé l'étrange, l'excentrique position d'un Russe en Europe, lorsqu'il cesse d'être touriste, flâneur.

La vie, chez nous, est intolérable. Tous les regards sont tournés vers la porte, verrouillée par le tzar et qui ne s'entrouvre que rarement et bien peu encore.

Faire un voyage en Europe, c'est le rêve de tout Russe civilisé. Nous désirons passionnément voir de nos propres yeux le monde que nous connaissons par l'étude, et dont la façade majestueuse, riche, séculaire, nous impose, de loin, une profonde admiration. Nous désirons peut-être plus passionnément

500

encore ne plus voir le Palais d'hiver, les alguazils de Pétersbourg et l'aspect consolant de l'ordre triomphant.

Nous quittons le pays, ivres de bonheur, le cœur ouvert, la langue déliée...

rajeunis, aimants... le gendarme prussien à Lauzagen nous semble un homme, Königsberg une cité libre; nous marchons heureux et un peu troublés sur le sol sacré de la grande lutte pour l'indépendance de la pensée...

Dans les premiers temps, cela va bien, – et comme on s'y attendait, – on ne cesse d'admirer, d'être content. Mais, au bout de quelques mois, nous commençons

à ne plus reconnaître le nouveau monde. Nous sommes fâchés, nous sommes froissés. L'espace, l'air nous manque; nous ne sommes pas à notre aise et nous avons peur de nos propres sentiments; nous en rougissons même et nous cachons avec soin notre découverte aux yeux de tout le monde... Nous étouffons en nous le sentiment droit et naïf, et nous faisons semblant d'être des Européens, des Européens consommés. – Cela ne nous réussit pas. Nous avons beau nous affubler d'un vieil habit râpé... tôt ou tard l'habit se déchire, et le barbare apparaît avec sa poitrine nue... tout honteux de ne pas savoir porter un habit – qui n'est pas fait pour lui, et qui a déjà été usé par d'autres!..

Le célèbre «grattez un Russe et vous trouverez un barbare» de m-me de Staël est parfaitement vrai. Pour qui la perte? je n'en sais rien.

Mais ce que je sais, c'est que l'Europe n'a pas de témoin plus importun qu'un Russe. L'étonnement offensant qui succède chez lui à l'étonnement d'admiration est un reproche; c'est comme un remords, c'est la conscience de l'Europe se réveillant.

En voici la raison: nous entrons en Europe portant dans notre âme son idéal à elle, qui est devenu notre dogme religieux, notre étendard. Notre connaissance de l'Europe est théorique, littéraire; nous la connaissons comme elle veut être connue, nous l'étudions d'après ses abstractions, purifiées et sublimées, d'après les pensées générales qui surnagent tranquilles et limpides, sur des abîmes sans fonds...

Ce côté lumineux est en effet très réel; mais ce n'est qu'un côté, c'est le seul quartier de la lune qui soit éclairé... malheureusement,

501

la vie européenne a ses trois autres quartiers très obscurs. De loin, on ne les voit point; de près on les voit sans cesse.

Entre la réalité qui s'idéalise et la réalité qui se perd dans la boue des rues, – entre l'idéal politique, le desideratum littéraire, et la concupiscence des halles et des maisons, – il y a toute la distance qui a subsisté de tout temps entre le précepte de l'Evangile et la vie des peuples chrétiens, entre la morale prêchée et la conduite pratiquée. D'un côté ce sont des mots – de l'autre des actes; d'un côté des aspirations, de l'autre – l'usufruit, – d'un côté des méditations, de l'autre des jouissances, – d'un côté un parlage éternel, un éclairage à giorno – de l'autre tout se passe à l'ombre et en silence.

Certainement ce dualisme n'est pas volontaire; c'est le résultat d'une grande et longue existence historique. La vie s'est formée comme elle l'a pu, le mieux possible. Des dépôts de tous les siècles, des alluvions de toutes les nationalités se sont incrustés dans la manière d'être d'aujourd'hui; ils ont traîné après eux l'écume et la boue, les vices et les maladies héréditaires du temps de Rome et de tous les temps... Des séries de tous les peuples se sont exténuées et sont déjà mortes dans ce torrent de la vie occidentale qui charrie leurs os, leurs cadavres et conserve avec respect leurs pensées et leurs rêves. C'est l'idéal qui surnage sur cette mer profonde et en éclaire la surface; c'est l'esprit de Dieu planant sur les eaux.

Mais les eaux ne se partagent pas.

On ne peut créer un monde nouveau que dans le chaos. Le vieux monde est encore trop bien organisé, il plaît trop aux uns, il est trop ignoré par les autres – il peut encore quelque temps traîner son existence divisée, contradictoire, paralysée.

Le Russe sent plus amèrement qu'un autre ce dualisme, non parce qu'il est étranger, mais parce que, en même temps, il l'est et ne l'est pas.

Un véritable étranger regarde les particularités d'une contrée avec curiosité, les étudie, les note avec sang-froid. Qu'est-ce que cela lui fait? Au fond il y est indifférent, il est étranger. C'est Bou-Maza regardant Paris de sa fenêtre aux Champs-Élysées; c'est un voyageur européen en Chine.

Le Russe, au contraire, est offensé dans son amour, il s'aperçoit

502

qu'il s'est trompé, et il hait, comme les jalousies haïssent, pour le trop d'affection et de confiance qu'elles avaient eu.

Le Bédouin a son sol, son désert, sa tente, il y retournera, il s'y reposera. Le Juif – ce réfugié des époques siluriennes, ce proscrit diluvi testis – il a quelque part un tabernacle dans lequel repose sa foi – où il se réconcilie...

Jusqu'à ces derniers temps, le Russe a été plus pauvre que le Bédouin, plus pauvre que le Juif – il n'avait rien, aucune consolation, aucune réconciliation, et c'est peut-être par là qu'il faut comprendre le germe révolutionnaire en lui. Le dualisme chez nous est plus flagrant, plus brutal, plus absurde et par cela même moins profond, et aussi moins supportable. Séparé de la vie populaire

depuis un siècle et demi, le Russe civilisé est élevé non comme Russe, mais comme Européen. Son éducation à peine terminée, il se trouve face à face avec le monstre de la Russie officielle. Il est trop faible pour l'abattre, et trop homme pour pactiser. Il n'y a pas de transaction – il faut s'éloigner, s'abstenir – ou s'avilir pour toujours.

Se retirer – où? Peu nombreux sont ces élus qui peuvent calmer les cris du cœur par les orgies, le jeu et le tumulte extérieur – se retirer dans l'étude, c'est ce que la minorité civilisée fait en effet.

On étudie l'histoire, la grande épopée de la fin du XVIIIe siècle. Le culte de la Révolution française, c'est la première religion d'un jeune Russe; et qui de nous ne possédait pas, en cachette, les portraits de Robespierre et de Danton? La seconde initiation c'est la science allemande. Et nous n'avions pas besoin des indiscretions de Feuerbach pour comprendre que la philosophie de la religion était une oraison funèbre sur la tombe du christianisme.

De ce monde de l'histoire, de ce monde de la raison pure, le jeune Russe passe enfin en Europe; il y va comme les pèlerins allaient à Jérusalem – il y retourne plutôt. – Figurez-vous un Ostrogoth du IVe siècle allant à Rome, la Rome d'Héliogabale et Cie, pour y chercher la Cité de Dieu d'Augustin!

Les pèlerins du Moyen âge trouvaient au moins un cercueil vide; la Résurrection était de nouveau prouvée; le Russe trouve un berceau vide et une femme exténuée de ses couches... Est-ce

503

que l'enfant est mort... Oui, – non, on n'a personne à qui le demander; les philosophes sont idolâtres, les révolutionnaires conservateurs!

Il prenait pour de l'or pur toute la partie décorative, hyperbolique de la chose, toute la mise-en-scène, – et voilà qu'il s'obstine, qu'il se révolte, il présente comme une lettre de change échue, les livres et les théories auxquelles il a cru sur parole, il exige la réalisation de ses illusions – on lui rit au nez, on le plaint – et il commence à s'apercevoir que les débiteurs sont insolvables. Leurs prétendues richesses n'étaient que des actions sur un capital futur, c'était le système de Law appliqué à la morale!

Mais où sont donc ceux qui nous ont guidés, nos prophètes, nos oracles, les forts, les sages, les chefs?

Ce sont les premiers insolvables. Le cœur leur a manqué à deux pas du bord. Eux, si braves, si dévoués, si persistants, ce sont des poltrons en logique; ils redoutent les conséquences extrêmes des principes pour lesquels ils avaient versé leur sang. Ils ont pris en pitié ce monde, – et pendant qu'ils essuient leurs larmes, – le monde futur leur échappe; il leur est pénible de détruire celui du passé, et presque tous ils se tiennent sur l'autre rive, là où il y a pour nos ennemis des palais et des églises, pour nous des gibets et des prisons...

Eh bien, nous voyons en cela le triste indice de l'arrêt d'impuissance, le signe de la mort; et nous l'écrivons de la même manière sur le front des saints martyrs, et sur le front des galériens des Tuileries...

– «Et ce sont des esclaves du tzar, qui apparaissent, Dieu sait pourquoi, perçant leur neige; ce sont les Russes qui prétendent voir ce signe!»

Ce n'est pas leur faute, s'il le voient.

Les barbares se sont distingués de tous temps par une excellente vue, et vous savez qu'Hérodote nous fait l'honneur de nous appeler le peuple aux yeux de lézard.

Permettez-moi de citer ce que j'écrivais en 1851 à J. Michelet dans une lettre publiée à Nice (Le Peuple russe et le socialisme) et dont l'édition m'a été soustraite par la douane française de Marseille, de manière qu'il n'en reste pas un exemplaire:

«Le Russe émancipé est l'homme le plus indépendant de l'Europe. Qu'est-ce qui pourrait l'arrêter? serait-ce le respect pour son passé?... mais l'histoire de la Russie nouvelle ne commence-t-elle pas par une négation absolue de la nationalité et de la tradition?

Serait-ce cet autre passé indéfini, la période de Pétersbourg peut-être? Ah! Celui-là ne nous oblige à rien; „ce cinquième acte d'une tragédie sanguinaire jouée dans un lupanar” nous émancipe, mais il ne nous impose aucune croyance. D'un autre côté, votre passé à vous, occidentaux, nous sert d'instruction, et voilà tout; nous ne nous considérons nullement comme les exécuteurs testamentaires de votre histoire.

Vos doutes, nous les acceptons; votre foi ne nous émeut pas: vous êtes pour nous trop religieux. Vos haines, nous les partageons; votre attachement pour l'héritage de vos ancêtres, nous ne le comprenons pas; nous sommes trop opprimés, trop malheureux pour nous contenter d'une demi-liberté. Vous avez des

ménagements à garder; des scrupules vous retiennent; nous autres, nous n'avons ni ménagements, ni scrupules, mais la force nous manque pour le moment. C'est de là, monsieur, que nous vient cette ironie, cette rage qui nous exaspère, qui nous mine, qui nous pousse en avant, qui nous conduit quelquefois en Sibérie, à la torture, en exil, à une mort précoce. L'on se dévoue sans aucun espoir; par dégoût, par ennui... Il y a quelque chose d'insensé dans notre vie, mais rien de banal, rien de stationnaire, rien de bourgeois. Ne nous accusez pas d'immoralité parce que nous ne respectons pas ce que vous respectez. Depuis quand reproche-t-on aux enfants trouvés de ne pas vénérer leurs parents?

Nous sommes libres, car nous commençons par nous-mêmes. Le traditionnel est nous, c'est notre organisme, c'est notre nationalité; ils sont inhérents à tout notre être; c'est là notre sang, notre instinct, et nullement une autorité obligatoire. Nous sommes indépendants, car nous ne possédons rien, nous n'avons presque rien à aimer; il y a de l'amertume, de l'offense dans chacun de nos souvenirs: la civilisation, la science, on nous les a tendu au bout d'un knout. Qu'avons nous donc à démêler avec vos devoirs traditionnels,

505

nous, les mineurs deshérités? Et comment pourrions-nous franchement accepter une morale fanée, une morale ni chrétienne, ni humaine, existant seulement dans les exercices de rhétorique, et dans les réquisitoires des procureurs? Quelle vénération voudrait-on nous inspirer pour ce prétoire de votre justice barbare-romaine, pour ces voûtes lourdes, écrasantes, sans air, sans lumière, rebâties au Moyen âge et replâtrées pour les affranchis du tiers-état? Ce n'est peut-être pas là le guet-apens des tribunaux russes, mais qui pourrait nous prouver que c'est de la justice?

Nous voyons clairement que la distinction entre vos lois et les oukases gît principalement dans la légende du préambule. Les oukases commencent par une vérité accablante: „Le tzar l'ordonne"; vos lois portent en tête le mensonge offensant de la triple devise républicaine, l'invocation ironique du nom du peuple français. Le code Nicolas est, dis-je, exclusivement contre les hommes et en faveur de l'autorité; le code Napoléon ne nous paraît pas avoir d'autre caractère. Nous traînons assez de chaînes que la force nous a imposées, sans les alourdir encore par d'autres dues à notre propre choix. Sous ce rapport, nous nous trouvons parfaitement les égaux de nos paysans. Nous obéissons à la force brutale; nous sommes des esclaves parce que nous n'avons pas le moyen de nous affranchir; toutefois, du camp ennemi nous n'accepterons rien.

La Russie ne sera jamais protestante.

La Russie ne sera jamais juste-milieu.

La Russie ne fera pas de révolution dans le seul but de se défaire du tzar Nicolas, et d'obtenir, pour prix de sa victoire, des représentants tzars, des tribunaux tzars, une police tzar, des lois tzars.

Nous demandons trop, peut-être, et si nous ne parviendrons à rien? C'est possible, mais nous ne désespérons pas; la Russie, avant 1848, ne pouvait, ne devait pas entrer dans la phase révolutionnaire; elle n'avait qu'à faire son éducation, et elle l'a faite en ce moment. Le tzar lui-même s'en aperçoit; aussi assomme-t-il, à coup de massue, les universités, les idées, les sciences, s'efforce-t-il d'isoler la Russie de l'Europe, de tuer la civilisation: il fait son métier.

Réussira-t-il?

506

Je l'ai dit ailleurs: il ne faut pas se fier aveuglement à l'avenir; chaque fœtus a le droit au développement, mais chaque fœtus ne se développe pas pour cela. L'avenir de la Russie ne dépend pas d'elle seule; il est lié à celui de l'Europe entière. Qui pourrait prédire le sort du monde slave, lorsque la réaction et l'absolutisme auront vaincu la révolution en Europe?»

Le Lloyd parlant d'une de mes brochures allemandes, m'appelle un Jérémie russe pleurant sur les barricades de Juin, et ajoute que mon livre est très intéressant dans le genre d'un fait pathologique tendant à montrer tout le dégât que peuvent produire la philosophie allemande et la Révolution française dans un cerveau russe.

Eh bien, j'accepte tout cela.

Oui, j'ai pleuré sur les barricades de Juin, chaudes encore de sang, et je pleure maintenant lorsque je pense à ces journées maudites, au triomphe des cannibales de l'ordre. Je serais très heureux si mes lettres pouvaient être utiles à l'étude de la pathologie de la Révolution, et mon but sera complètement atteint si elles font voir comment les derniers éclairs révolutionnaires se reflètent dans un cerveau russe.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Герцен.
C'est de ce triple point de vue, citoyen rédacteur, que je vous offre mes autres lettres.

Je vous salue fraternellement, Londres, 7 février 1854.

A. Herzen.

507

<ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ШАРЛЮ РИБЕЙРОЛЮ>

Citoyen rédacteur,

Je vous envoie pour votre almanach de la scolastique révolutionnaire quelques nouvelles variations sur les thèmes, très vieux. Je vous aurais envoyé quelque chose de plus actuel – mais il est impossible de se faire entendre maintenant lorsqu'on parle du monde slave. La guerre grise, la fumée du sang des victimes tombées monte et étend devant les yeux un voile rouge qui empêche de voir. J'ai tenté de continuer quand-même à parler de la Russie comme je le faisais antérieurement – applaudi par la presse radicale en Europe et en Amérique. L'essai ne m'a pas réussi. On s'est indigné qu'un réfugié russe ait la scélératesse d'aimer le peuple russe, de ne pas le confondre avec le gouvernement [féroce] monstrueux de Pétersbourg et de penser même que le monde slave a un avenir.

A-t-on jamais vu qu'on ait exigé d'un réfugié quelconque qu'il haïsse non son gouvernement – mais son peuple?

J'avais raison en disant dans une lettre publiée dans l'Homme que notre position était exceptionnelle. A vous, on vous vole le présent, à nous, on nous interdit même l'espérance. Est-ce toujours au nom de la solidarité et de la fraternité des peuples, qu'on excommunie, qu'on met hors la loi du progrès quatre-vingt millions de slaves?

Une voix s'éleva protestant énergiquement contre cette injustice – c'était la voix d'un de ceux qui ont le droit de nous haïr, la voix d'un Polonais. Nos frères polonais comprennent très bien d'où vient notre amour pour le peuple et quelle est la haine que nous portons au tzarisme. J'avais les larmes aux yeux <en> lisant la brochure de Swentoslawsky...

508

[Je cède à la force majeure, la guerre oblige – au silence.]

En attendant, je pense qu'il sera permis de faire de la science, de l'abstraction, de la dogmatique socialiste, du doctrinarisme révolutionnaire. Je vous salue fraternellement.

A. Herzen.

19 novembre 1854.

Twickenham.

Au citoyen Ch. Ribeyrolles.

ПЕРЕВОД

Гражданин редактор,

посылаю для вашего альманаха революционной схоластики несколько новых вариаций на весьма старые темы. Я послал бы вам что-нибудь посовременней – но заставить слушать себя теперь, когда говоришь о славянском мире, – невозможно. Война пьянит, пар от крови павших жертв вздымается вверх и расстилает перед глазами багровую пелену, мешающую видеть.

Я пытался все же продолжать говорить о России, как делал это ранее, приветствуемый радикальной печатью в Европе и Америке. Опыт этот мне не удался. Возмутился тем, что русский изгнанник возымел наглость любить русский народ, не смешивать его с [свирепым] чудовищным петербургским правительством и думать даже, что у славян есть будущее.

Но виданное ли дело – требовать от какого-либо изгнанника, чтоб он ненавидел не свое правительство, а свой народ.

Я был прав, говоря в письме, опубликованном в «L'Homme», что мы находимся в совершенно исключительном положении. У вас похищают настоящее, нам же запрещают даже надежду. Уж не по-прежнему ли во имя солидарности и братства народов отлучают, ставят вне законов прогресса восемьдесят миллионов славян?..

Один голос раздался, энергично протестуя против этой несправедливости, – то был голос одного из тех, кто имеет право ненавидеть нас, – голос поляка. Наши польские братья прекрасно понимают, откуда истекает наша любовь к народу и какова ненависть, питаемая нами к царизму. На глазах моих были слезы, когда я читал брошюру Свентославского...

509

[Я уступаю чрезвычайным обстоятельствам, война обязывает к молчанию.]

Пока же, полагаю, нам позволено будет заниматься наукой, отвлеченными материями, социалистической догматикой, революционным доктринаризмом.

Братски приветствую вас.

A. Герцен.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
19 ноября 1854.

Twickenham.

Гражданину Ш. Рибейролю.

510

КАТОЛИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА НАЗИМОВА

Св. Митрофаний Воронежский не дает спать генерал-губернатору Назимову, и это не гипербола. Он начинает канонизировать святых – только католических. Он до того теснит полицейскими и всякими мерзкими средствами униат, что доводит их до героизма, до мученичества, до того, что католики их должны считать святыми. Протопоп Суханов и прочая духовная полиция помогает ему.

Не хотите ли, чтоб мы рассказали историю, бывшую в Ковенской губернии месяц тому назад?

511

<ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЖЮЛЮ БАРНИ

Mon cher Monsieur Barni,

Ogareff m'a communiqué votre bonne et amicale invitation, et cela au moment où j'allais vous écrire. J'ai beaucoup réfléchi si j'irais ou non à Genève pour le 9, et j'ai un besoin sérieux de vous expliquer mon absence. Il y a beaucoup de motifs qui me retiennent, je m'en vais vous dire franchement le plus grave. Que je sois avec vous, avec le Congrès, vous le savez; ma signature a été une des premières sur la liste. Ma présence muette n'ajoutera pas beaucoup à cette adhésion... donc il faut parler. Et que dirai-je au Congrès! Notre position est devenue très difficile. Il faut remettre la question de la Russie à sa place avant de parler, comme Russe, de la paix et de la guerre, avant de prendre une part active à une démonstration de la démocratie européenne – que fait des exceptions qui nous honorent pour les personnes – mais regarde avec défiance la cause que nous représentons.

Ce n'est pas à un Congrès de paix que nous pouvons discuter et plaider notre cause. Nous pensons très sérieusement mettre encore une fois cette question sur le tapis, dans un recueil que nous voulons publier en français (Ogareff et moi). Voilà, cher Monsieur Barni, mes excuses; communiquez-les à ceux de vos amis qui se souviennent de moi, et recevez mes désirs sincères pour la réussite la plus large, la plus grande et la plus pratique de l'œuvre que vous inaugurez.

Alexandre Herzen.

Nice, 3 septembre 1867.

512

ПЕРЕВОД

Мой дорогой господин Барни,

Огарев мне передал ваше любезное и дружеское приглашение, и это как раз в тот момент, когда я собирался вам писать. Я долго размышлял, ехать мне в Женеву к 9 или нет, и у меня есть серьезное намерение объяснить вам свое отсутствие. Есть много причин, которые меня удерживают, я чистосердечно открою вам наиболее важную. То, что я с вами, с конгрессом, вы об этом знаете – моя подпись была одной из первых в списке. Мое пассивное присутствие не много прибавит к этому согласию... но ведь нужно говорить. А что я скажу конгрессу! Наше положение вновь стало очень трудным. Необходимо снова поставить вопрос о России на свое место, прежде чем говорить как русскому о мире и войне, прежде чем принять деятельное участие в какой-либо демонстрации европейской демократии, которая, хотя и делает исключение, оказывая честь лично нам, но смотрит с недоверием на то дело, которое мы представляем.

Конгресс мира – это не то место, где мы можем обсуждать и отстаивать наше дело. Мы очень серьезно намерены вынести еще раз на обсуждение этот вопрос в сборнике, который мы хотим издать по-французски (Огарев и я).

Таковы, дорогой господин Барни, мои оправдания, сообщите о них тем из ваших друзей, которые помнят обо мне, и примите мои искренние пожелания самого широкого, самого значительного, самого практического успеха тому делу, которое вы предпринимаете.

Всецело преданный вам

Александр Герцен.

Ницца, 3 сентября 1867.

513

ЗАПИСИ, НАБРОСКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБРАБОТАННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ

«LA RUSSIE»

Cette lettre était déjà sous presse lorsque l'auteur a lu une brochure imprimée à Leipzig et portant le titre Russische Zustände, 1849. Elle est admirable de vérité et de profondeur, l'auteur de la lettre croit de son devoir de l'indiquer à ceux qui désirent savoir quelque chose sur la Russie – ils apprendront plus

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Герцен.
par ces deux feuilles imprimées que par des volumes de compilations. Sans connaître le nom de l'auteur – nous lui exprimons toute notre sympathie comme à un Russe et comme à un révolutionnaire.

ПЕРЕВОД

Это письмо уже печаталось, когда автор прочел брошюру, изданную в Лейпциге и озаглавленную «Russische Zustände, 1849». Она изумительна по правдивости и глубине. Автор письма считает своим долгом указать ее всем, кто хочет узнать что-нибудь о России, – они почерпнут из этих двух печатных листов больше, чем из целых томов компиляций. Не зная имени автора, мы выражаем ему глубокую нашу симпатию как русскому и как революционеру.

<LA TRADUCTION ALLEMANDE DE L'OUVRAGE...>

La traduction allemande de l'ouvrage de A. Herzen sur le développement des idées révolutionnaires en Russie qui a paru chez Hoffmann et Campe, vient d'être saisie dans toutes les librairies prussiennes.

514

ПЕРЕВОД

<НЕМЕЦКИЙ ПЕРЕВОД ТРУДА...>

Немецкий перевод труда А. Герцена «О развитии революционных идей в России», вышедший у Гофмана и Кампе, недавно был конфискован у всех прусских книготорговцев.

<10 ЛИСТ «КОЛОКОЛА» ВЫЙДЕТ...>

10 лист «Колокола» выйдет к 1 марту. В нем будут напечатаны: циркуляр министра внутренних дел и ложный донос на нас, ordre du jour губернатора П. Новосильцева, разграбление монастыря черниговским губернатором и проч.

СТАНОВОЙ ПРИСТАВ ГРИНЕВИЧ

И КОВЕНСКИЕ ПОРЯДКИ

В начале июля месяца нынешнего года Гриневич, пристав 3 стана, получил предписание о немедленном взыскании недоимок. Поручения эти обыкновенно выгодны. Пристава высекают при этом деньги из старшин для себя, запечатывают синагоги, пока народ не соберет недоимки и не откупится. Гриневич был очень доволен и мирно собрал уже выкуп с разных селений, как вдруг случилось удивительное происшествие в местечке Салантах. Жители, услышавши о приближении станового, внесли всю недоимку в казначейство. Огорченный пристав все-таки запечатал синагогу. Евреи, зная, что на это он права никакого не имел, сломали печать. Тогда пристав велел схватить главного члена общества

Натана Дейчера, сковать и посадить без всяких объяснений на съезжую. Откуда он его отправил пешком в город Тельши при рапорте, что Дейчер вредный человек для государственного спокойствия. Родственники Дейчера просили, чтоб его расковали и позволили бы нанять ему лошадь. Строгий пристав велел их разогнать палками, причем досталось и женщинам. В Тельшах Дейчера представили исправнику Милодовскому, но не удалось и ему взять окуп с невинного арестанта. Дворянский предводитель, к которому евреи бросились, прося защиты, вступился за Дейчера, и его отпустили. Губернатор Хоминский по просьбе предводителя хотел переместить Гриневича (что за наказание! вдруг бы разбойников стали переводить в наказание с Тульского тракта на Рязанский?). Но и на это не хватило характера у начальника губернии. Гриневич съездил в Ковно и обработал дело. Мы советуем Натану Дейчеру переселиться, а то его полиция заключет теперь.

515

Что же это Назимов-то, генерал-губернатор, не удивляется как его становые гиперболы много едят и шутки шутят не хорошие?

<О «РУССКОМ СОЦИАЛИЗМЕ»>

La puissante pensée de l'Occident, dernier terme de son long développement historique, pourra seule féconder les germes qui sommeillent au sein de l'ordre patriarcal des peuples slaves. L'artel (l'association ouvrière) et la commune rurale, le partage des produits et des champs, l'assemblée communale et la réunion des villages en arrondissements qui s'administrent eux-mêmes, tout cela servira d'assises à notre futur régime de liberté nationale. Mais ces assises ne sont encore que des pierres éparses et sans la pensée occidentale l'édifice de notre avenir n'aura jamais que ces fondements.

Alexandre H e r z e n.

24 mai 1862.

London.

ПЕРЕВОД

Одна лишь мощная мысль Запада, венец его длительного исторического развития, сможет оплодотворить семена, дремлющие в недрах патриархальных устоев славянских народов. Артель (рабочая ассоциация) и сельская община, распределение земли и продуктов производства, общинный сход и объединение деревень в самоуправляемые округа – все это послужит фундаментом для нашего будущего режима национальной

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
свободы. Но пока что этот фундамент – лишь разрозненные камни, и без западной
мысли здание нашего будущего останется при одних этих основах.

Александр Г е р ц е н .

24 мая 1862.

Лондон.

ПРИМЕЧАНИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ПЕРЕВОДУ ГЛАВ

«БЫЛОГО И ДУМ» В «KOLOKOL»

Nous prions de ne pas oublier que tout cela a été écrit en 1855 et 56. Tant de
choses ont changé depuis que les meilleurs portraits ne sont plus ressemblants.

ПЕРЕВОД

Просим не забывать, что все это было написано в 1855 и 56 годах. С той поры
произошло столько перемен, что самые лучшие портреты уже не имеют сходства.

516

<ЖЕРНОВ ЗАСОРЕННЫЙ И ПРИ МЕЛКОВОДЬЕ...>

Жернов засоренный и при мелководье стал [на мель] хрустеть и останавливаться. Мы
выбивались из сил – а всякие ерники, всегда радующиеся6[6] гибели силы,
издевались, хохотали, а битые с подлой завистью бросали в нас грязью. О врагах
не говорю. Россия томит<ся> и глуха. Посев сделан – дайте полежать под навозом
до осени. Тогда увидим, погибло ли зерно или нет.

<ПАРИЖСКИЕ ЗАПИСИ 1869 г.>

Из письма к Огар<еву>: «Я стал объяснять какому-то NN дело, как вдруг вылетел из
алтаря Дел<еклюз> с видом П. И. Озерова – сенатора и Ос<ипа> Ив<ановича> –
диктатора, желчевой, худой, не говоря худого слова, он принялся костить
Бакун<ина>. – Я, не говоря ни одного хорошего, заметил, что дело совсем не в его
мнении, а в том, что в статье Гесса инсинуация. „Я, говорит, не намерен печатать
элюкубрации Бакун<ина>, он делает страшный вред. Какой он представитель
французс<ких> работников? Мы будем до конца сил (jusqu'à l'extrémité) бороться с
этими теориями. Они, может, у вас хороши – но Европе не идут. Русские умеют
согласовать свой коммунизм с царским самодержавием etc.“. – „Где вы это видели?“
– Разумеется, он, кроме Ледрррю<?>, ничего не видал. Стали подходить разные
„надежды“ Франции и, наконец, к<ак>ой-то цирюльник, бритый и тощий, который
бросился ко мне, Камилл Боке. Те же фразы, те же ужимки, à la fin des fins7[7]
Д<елеклюз> сказал, что он никогда не думал лично оскорблять Б<акунина>, и что
если так, он напечатает мое письмо.

Современная страница париж<ской> жизни стоит томов. Положение больше натянутое,
чем издали кажется. Левая сторона – в параличе и не встанет – но и побившие ее
друг друга ненавидят (à propos8[8], Arago и Гюго) до... до героизма, т. е. до
сумасшедшей отваги, и тут опять эти люди становятся хороши до поэзии. – И в
этом-то пекле, в этой электрической атмосфере, близкой к грозе, глаз приятно
останавливается на нетающей, светлой, ледяной фигуре В<ырубова>, который обо
всем рассудил, привел в порядок, радуется прогрессу – не печалится регрессу.

6[6] Над словами: ерники, всегда радующиеся – надписано: смеялись, наз<ывали>
стариками. – Ред.

7[7] наконец (франц.)<. – Ред.>

8[8] кстати (франц.)<. – Ред.>

Я очень благодарен Б<акунину>, что он мне дал случай видеть еще львиную пещеру.
Если эти левшаи одержат верх когда-нибудь, я на другой день уеду из Парижа – но
на неделю, потому что через неделю от них останутся одни косточки и Боке». Я
был накануне 24 фев<раля> в Париже и писал мои письма об нем. Я был при
июньской борьбе, при Римской демонстрации и – судьба опять достается мне через
двадцать лет – схватить несколько черт.

Одна фаланга за другой является с страшной быстротой на платформе – и одна
фаланга за другой падает в пропасть... или в грязь – по невозможности
держаться... Это Monte rosa – не к чему привязать веревку – грунта нет. Грунт
только в социальных подземельях.

Оттого – правые и виноватые, смелые и осторожные одинаково валяются, столкнув
своих врагов, и через них их столкнувшие непосредственно падают.

Это лестница девяностых годов.

Даже язык тех страшных лет повторяется.

Надобно до всего касаться – всё брать к сердцу и к уму, всё переворачивать – и
шевелить, затрогивать заповедное; так переходят от мистической или юридической
религии – сомнением и разбором – к свободной совести. Даже новое ипотетически
лучше постоянных беличьих колес. А у них нет нового.

Дилке – замечательно умный человек, его слова – об Ост-Индской компании (только
меньше воруют), о Польше, о Японии как яблоке раздора между Ам<ерикой> и
Росси<ей>.

Лиссагаре (Lissagaray), изд<атель> «Реформы», несколько раз спрашивал –
несколько раз – отчета о стрельбе в Обен (Aubin); не получая ответа от

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
правительства, он написал страшное воззвание к офицеру Vablon – зная наверное,
что тот его вызовет.

Выр-убов> утешается тем, что это борьба – а при борьбе всегда есть жертвы.
Взгляд историка не идет деятельному человеку, он не обязан быть справедлив, как
квартильный, – а страшно верен своей стороне.

А тут проклятая теория – чем хуже, тем лучше.

АВТОРСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

QUATRIEME PARTIE (1847-1852)

1

AUX AMIS EN RUSSIE

...Est-ce que vous vous rappelez [comme] cette belle journée d'hiver, peu froide
et sereine, lorsque six ou sept traîneaux à trois chevaux nous reconduisaient au
premier relais de poste... C'est là que nous avons [trinqué] pour la dernière
fois choqué nos verres, que nous nous sommes embrassés... et que je partis en
sanglotant. – Vous pleuriez aussi.

C'était le soir, notre traîneau commençait à faire crier la neige... Vous nous
regardiez encore longtemps – avec tristesse, et pourtant personne de vous ne
pensait que c'était un enterrement et une séparation éternelle... Tout le monde
a été présent, un seul des amis n'y était pas, le plus proche des proches. C'est
comme s'il voulait laver les mains par son absence dans mon départ.

C'était le 21 janvier/2 février 1847.

Depuis [sept ans] s'écoulèrent sept années. Et quelles sept années – dans leur
nombre 1848 et 1852.

Tout s'est écroulé! La liberté du monde et le bonheur personnel, la révolution
et le foyer, la république et le toit de ma maison.

Pas une pierre sur pierre n'est restée à sa place. Alors j'étais dans toute la
force du développement, la vie m'avait donné des otages, je me pressai de
quitter un petit groupe d'hommes intimement soudés par la vie, par un amour
commun, et par le même malheur... Le lointain m'entraînait au large, par la
lutte ouverte, par la parole libre – j'avais soif d'une arène indépendante, je
voulais essayer mes forces sans entraves.

Maintenant... je n'attends rien, je suis prêt à tout... au moins rien ne
m'étonnera... la [jouissance] joie [est] sera bridée par

519

des souvenirs du passé, par la crainte de l'avenir. Je ne désire ni de mourir
demain, ni de vivre longtemps. La fin doit arriver par un hasard inintelligent
comme la naissance.

Et pourtant j'ai trouvé ce que je cherchais... même eine Anerkennung... et à côté
de cela la perte de toutes les croyances, de tous les biens – des trahisons...
des lâchetés... l'amitié qui mêle avec un

sourire et une larme du poison dans le verre... le dévouement qui vole l'argent
avec fierté et la tête haute... et en général une dissolution de laquelle vous
n'avez pas d'idée.

C'est difficile, très difficile pour moi de commencer cette partie de mon
récit... C'est en me retirant devant cette tâche que j'ai écrit les trois autres
volumes – mais enfin nous sommes face-à-face.

Pas de faiblesse. Celui qui a pu survivre, doit avoir le courage de se souvenir.
Depuis la moitié de l'année 48 je n'ai à raconter qu'une série d'épreuves
poignantes, des coups non mérités, des offenses non vengées. Il n'y a que de
tristes images ou des faces hideuses dans la tête... [et] des crimes... des
lâchetés, des fautes... des fautes à moi, des fautes [des] aux autres, des
fautes commises par des peuples entiers.

Là où il y avait des possibilité<s> de réconciliation, de salut, de triomphe –
la mort traversa le chemin.

...Par les dernières journées de notre [existence] séjour [vie] à Rome s'est
close la partie sereine de [ma] souvenirs qui commencent par le serment enfantin
sur la Montagne des moineaux.

C'est vrai qu'avant [l'Italie] Rome, Paris de 1847 me fit tressaillir et me
remplit de douleur... mais j'étais bientôt complètement entraîné par les
événements qui bouillonnaient autour de moi, dans le cadre magnifique de
l'Italie. J'ai vu la révolution sous les pieds de Vésuve, je l'ai vue devant le
Vatican, j'ai vu le roi de Naples muselé par le peuple, et le Pape allant
humblement demander l'aumône de l'amour populaire... [et j'ai entendu] et
derechef je croyais passionnément... c'était une ivresse, une fièvre... un
ouragan emportait tout, levait tout... toute l'Europe [tous les peuples] se
levait, était debout, marchait – je m'élançais aussi dans le tourbillon... et
lorsque je commençai à revenir à moi – tout avait disparu... tout a péri – la
sommambula effrayée par la police était tombée de son toit – car c'était un

accès de lunatisme et non un réveil... les amis se dispersèrent, on s'achevait les uns les autres et quelques jours de plus, j'étais tout seul – entre des cercueils et des berceaux – gardien, défenseur, vengeur, je ne sais quoi – et sans avoir ni force, ni savoir pour faire quelque chose – parce que je voulais faire plus qu'on ne fait communément.

Et tout cela a été... tout cela a passé – c'est incroyable.

520

Et je suis à Londres – dans [les brouillards] [entouré d'une race qui m'est étrangère... Quelle confusion. La lourde haleine de l'Océan est belle pour moi, elle est à sa place. Les formes se fondent, le feu ne fait que des taches... et ce monde, quelque chose de vivant, se meut, grouille. C'est un monde] un crépuscule éternel entouré d'une race qui m'est étrangère, plongé dans la lourde haleine de l'Océan – où les formes se fondent, où le feu ne fait que des taches – et où au fond un monde entier grouille et s'agite... un monde qui s'en va en chaos... ou qui en ressort... avance tout, mais [alors] pas pour nous...

Et loin de l'autre côté du cimetière... cette ligne lumineuse – et là – le pays inondé de lumière, baigné par une mer bleue, sous un ciel bleu.

O Rome, comme j'aime à retourner à toi, comme j'aime avec avarice et luxure repasser jour par jour, heure par heure [de] mon ivresse par toi [et à toi].

Nuit close. La Via del Corso couverte de peuple... Ça et là des torches... Il y a déjà un mois que la république est proclamée à Paris, des nouvelles sont arrivées de Milan, on se bat. Le peuple romain veut la guerre... on dit que Charles Albert va avec ses troupes contre l'Autriche... Et le parler de la foule mécontente ressemble au mugissement intermittent de la vague qui s'approche... de la vague qui s'éloigne... Le peuple se masse en colonne «sento la polvere» et [va] en avant chez l'ambassadeur du Piémont – s'informer si c'est vrai que la guerre est déclarée.

– Dans les rangs, dans les rangs... si vous êtes avec nous... – nous crie-t-on de dix côtés.

– Nous sommes des étrangers.

– [Corpo] Dio Santo! Tant mieux, vous êtes nos hôtes.

Et nous entrâmes dans les colonnes.

– Les étrangers en avant! Les hôtes en avant! et surtout les dames, le donne forestière – et la mer du peuple se sépare en deux avec un trépignement de joie. Cicerovachio, et avec lui un jeune Romain pâle et maladif, un poète, traverse<nt> les rangs avec le drapeau, ils viennent serrer nos mains... «Les dames sous le drapeau», – crie le peuple, et le tribun, il popolano, se met en avant... et les [serpent de] dix à quinze mille hommes se meuvent tout il Corso depuis la P<iazze> del Popolo jusqu'au forum de Trajan, est un [seul lézard] saurien immense serpentant par la ville éternelle – avec cette grâce majestueuse qui n'appartient qu'aux Romains – et qui est également éloignée de la marche soldatesque des Français et de cohue informe des Anglais.

Les premiers rangs entrèrent au Palais de l'ambassade [et sortirent] après quelques instants les portes du balcon s'ouvrirent... L'ambassadeur sortit et affirma la nouvelle – ses paroles ont été accueillies avec un trépignement d'enthousiasme.

521

C<icerovachio> se tenait sur le balcon fortement éclairé par des torches et des candélabres, et à côté de lui, couvert du drapeau de l'Italie, quatre jeunes femmes – toutes quatre des Russes, n'est-ce pas étrange? Je les vois comme si c'était hier sur cette tribune en pierre [taillée] ressortissante d'un Palazzo ancien et grave et en bas le peuple ondoyant et agité, qui mêlait aux cris de guerre et de menace parfois... son Evviva le donne forestieri!.. Evviva le sorelle forestieri!..

En Angleterre [nous] elles seraient sifflées et outragées, en France on les aurait pris pour des agents russes. Mais ici l'aristocratique prolétaire, le descendant de Marius et des anciens tribuns – nous salua avec sincérité et bienveillance.

Nous étions adoptés par lui dans la lutte européenne. Et ce n'est qu'avec l'Italie que le lien d'amour ne s'est pas brisé – au moins le souvenir du cœur reste immaculé.

[Comme tout cela paraît incroyable maintenant...] Quel rêve étrange... Mais je n'envie pas [ceux] les sages qui [n']étaient [pas entraînés] à jeun alors, qui [n']étaient pas ivres] ne s'endormirent pas le sourire à la bouche. Bientôt il fallait nolens volens se réveiller [d'être à jeun, le jour blafard et froid arrivait et] l'implacable Macbeth de la vie réelle leva déjà la main pour tuer le sommeil.

My dream was past... it has no further change...

НАДПИСЬ НА АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ ОТРЫВКА ИЗ «БЫЛОГО И ДУМ»

QUATRIEME PARTIE

Je dépose les feuilles traduites le 2 février 1856 – juste 9 ans après le départ de Moscou – comme une petite et pâle couronne d'immortelles à côté des fleurs qui ornent notre défunte – je les dédie à Malvida, un jour après qu'elle a perdu son amie – Anna.

A. Her zen.

2 fév<rier>. Londres.

ПЕРЕВОД

Я кладу эти странички, переведенные 2 февраля 1856 года, – ровно через 9 лет после отъезда из Москвы – как скромный и бледный венок из иммортелей рядом с цветами, украшающими нашу покойницу, – я посвящаю их Мальвиде, через день после утраты ею подруги ее Анны.

A. Герцен

2 фев<раля>. Лондон.

523

L'ARISTOCRATIE RUSSE

...Le général en chef n'était autre que notre vieille connaissance, le prince , le prince qui avait pris la petite

Française, au temps où le peuple de Paris prenait la grande Bastille. Il avait fait une carrière brillante et s'en revint après la campagne de 1815, décoré de croix de tous les souverains allemands, restaurés par les cosaques, et inondé de la voie lactée des étoiles russes. Il était couvert de blessures et criblé de dettes. Il voyait peu clair et ne se tenait pas tout à fait ferme sur ses jambes, il n'entendait pas avec toute la précision désirable, mais il peignait toujours avec un certain fion ses cheveux blancs, à la Titus, serrait son uniforme à la taille, teignait ses moustaches, s'arrosait d'odeur, faisait la cour aux jeunes personnes et entretenait, Dieu sait pourquoi, si ce n'est par pure convenance, une chanteuse française moins attrayante par les charmes de la voix que par les contours de son sein à l'antique.

Il m'intéressait beaucoup, mon vieux prince. Il appartenait à un type qui se perd, que j'ai beaucoup connu dans ma jeunesse, et qu'il faut nécessairement stéréotyper avant qu'il s'efface pour toujours. Il appartenait au type du général russe de 1812, de l'officier supérieur du temps de l'empereur Alexandre. Il faut nous rappeler que la société russe a changé de peau au moins quatre fois depuis Pierre Ier. On a beaucoup parlé, beaucoup écrit au sujet des hommes du temps de Pierre Ier et les vieillards du temps de Catherine II, mais les officiers du temps d'Alexandre sont comme oubliés. Est-ce parce qu'ils sont trop près de nous, ou par tout autre motif? Qui sait? Toujours est-il qu'on ne les traduit pas sur la scène, qu'on ne les peint pas dans les romans, et pourtant ils ne ressemblent en rien à leurs pères et sont tout autres que les acteurs contemporains «du calendrier de la cour».

Du temps de Catherine II, il s'était formé dans les hauts parages de la société, non une aristocratie, mais une certaine seigneurie de service, altière, orgueilleuse, ignorante, et nouvellement apprivoisée. De 1725 à 1762, ces gens de cour prirent part à toutes les chutes, à tous les avènements. Ils disposèrent en maîtres

524

de la couronne russe, tombée dans la boue finnoise, sachant bien que les pieds du trône de Pétersbourg n'étaient pas trop solides, sachant bien aussi que, si la forteresse de Pierre et de Paul était voisine du Palais, Pelym et toute la Sibérie n'en étaient pas loin non plus.

Cette foule mutine de hauts dignitaires, aidés par les officiers séditieux de la garde impériale, par un couple d'intrigants allemands, mettaient sur le trône à leur choix celui qu'ils voulaient, tout en gardant envers le souverain un air de soumission inaltérable et de dévouement sans bornes. Après avoir disposé de la couronne, à leur profit, ils faisaient savoir au peuple de la capitale et des autres villes de l'empire ce qui s'était passé, qui était maintenant tzar et qui ne l'était plus. Au bout du compte le peuple ne pouvait prendre grand intérêt à connaître précisément le nom de celui qui tenait le knout, le sceptre toujours si fermement tenu.

La princesse d'Anhalt-Zerbst, promue par les comtes Orloff au rang d'impératrice de toutes les Russies, joignant à l'art de la femme l'astuce de la courtisane, coupa les cheveux à ces seigneurs insolents et endormit leurs élans farouches. Dans cet entourage de Catherine II, dans ces ours efféminés il y avait un mélange de l'élément boyard patriarcal, antédiluvien, avec l'élément poudré de Versailles.

Ils avaient, ces sauvages, la morgue inabordable de l'aristocratie européenne, la soumission des serfs de l'Orient, l'humeur turbulente des hetmans de cosaques, l'effronterie des pandours et l'astuce des diplomates. Ces hommes étaient arrogants en russe et impertinents en français. Ils n'étaient polis qu'avec les étrangers; avec nous autres, il n'étaient que condescendants. Bornés et bouffis de leur importance, ces êtres étonnants gardaient en eux un certain sentiment de dignité; ils aimaient sincèrement, «la mère impératrice» et «la sainte Russie». Catherine II les ménageait et écoutait avec la plus grande condescendance leurs conseils, sans jamais les suivre, bien entendu. Le siècle lourd et imposant de ces vieux seigneurs couverts de poudre et de tabac à priser, de ces sénateurs, chevaliers de l'ordre de Saint-Vladimir et de Saint-André, de ces hommes à la longue canne à pomme d'or suivis de géants habillés à la hussarde et paradingant derrière leurs voitures, le siècle de ces vieillardes, dis-je, qui parlaient un peu du nez et en élevant la voix, fut soudainement clos par l'avènement au trône de Paul Ier.

Paul, vingt quatre heures après la mort de sa mère, métamorphosa le sérail masculin, aphrodisiaque, splendide, qu'on appelait le Palais d'hiver, et en fit un corps de garde, une prison, une maison de correction, un «Exerzierhaus», un bivouac de police, une caserne. Paul était un homme tombé en sauvagerie à Gatchina.

525

A peine gardait-il quelques idées romanesques de la chevalerie. C'était un tigre du Bengale avec des accès de tendresse amoureuse; toujours irrité et toujours intraitable, il eût été nécessairement logé dans une maison de fous, s'il n'eût été placé sur le trône impérial.

Il les accommoda vertement ces vieux seigneurs, habitués à des égards respectueux, à la solennité du repos. Paul n'avait besoin ni d'hommes d'Etat, ni de sénateurs; il avait besoin de sergents-majors et de caporaux. Ce n'est pas en vain qu'il avait passé une vingtaine d'années dans sa triste campagne à enseigner à un régiment de troglodytes un nouveau maniement des armes et une théorie entière de salutations militaires. Il voulait, c'était naturel, appliquer l'exercice qu'il avait lui-même inventé à Gatchina, au maniement des affaires et gouverner l'empire en douze temps, comme on charge le fusil. Jamais l'absolutisme, même en Russie, ne s'était montré sous une forme si simple et si naïve; c'était un délire, une fièvre ardente, un chaos. La soldatomanie de Paul, qu'il légua à tous ses enfants, allait jusqu'au ridicule, jusqu'à l'absurde – jusqu'au tragique. Figurez-vous ce Quasimodo couronné versant des larmes et battant des mains, avec une joie spasmodique, lorsque les soldats emboîtaient bien le pas.

Les cruautés de Paul ne se justifient pas; même par les raisons d'Etat. Son despotisme avait le caractère d'une véritable démence. Qui sont ceux qu'il torturait, qu'il exilait en masse avec son procureur général Oboljaninoff? Le monde entier l'ignore.

Quoi qu'il en soit, les seigneurs s'en émurent. Ils virent bien qu'ils étaient des serfs exilables et emprisonnables à merci; qu'ils dépendaient des caprices du tzar, comme les paysans des leurs. Ils regardèrent avec terreur les mauvaises plaisanteries de Sa Majesté... – tantôt l'un en Sibérie, tantôt l'autre... Ils commencèrent donc à faire leurs malles sans beaucoup de bruit et puis partirent, qui sous un prétexte, qui sous un autre, dans leurs lourdes voitures, attelées de chevaux de paysans, pour Moscou ou pour les terres à eux, gracieusement octroyées par la défunte impératrice. Alexandre se garda de les faire sortir de cet exil benévole, l'empereur ne crut pas nécessaire de les inquiéter dans leur vieillesse et les laissa tranquillement sommeiller dans leurs biens où ils s'arrangèrent de petites cours, à l'instar de celle de Catherine II.

La jeune génération, fouettée par l'âpre bise du régime de Paul, était gaillarde et éveillée. C'est d'elle que s'entoura Alexandre. Les événements se chargèrent de son éducation. Ce n'est pas une bagatelle qu'Austerlitz, Eylau, Tilsit, 1812, Paris à Moscou et Moscou à Paris.

526

Les ci-devant officiers de la garde vinrent à la cour avec le grade des généraux. Les dangers, les revers, les victoires, le contact avec la grande armée, la vie à l'étranger, tout cela leur avait formé un caractère à eux. Courageux, bons enfants, francs, généreux, ces hommes avaient le fanatisme de la discipline, la religion des uniformes boutonnés, mais ils avaient aussi la religion de l'honneur. Ils gouvernèrent la Russie jusqu'à ce que fut poussée la nouvelle génération des militaires civils et des élèves militaires, élevée par Nicolas.

Non seulement ils occupèrent toutes les charges militaires, mais encore les neuf

dixièmes de tous les emplois civils; sans avoir la moindre connaissance du maniement des affaires, signant les papiers sans les lire ou ne les signant pas du tout. (Les affaires n'allaient pas plus mal pour cela.) Ils aimèrent le soldat et le faisaient battre à chaque occasion, non par férocité, mais parce que l'idée ne leur est jamais venue qu'on puisse former un soldat sans le faire battre. Ils dépensaient des sommes folles, et comme ils n'avaient jamais assez d'argent, ils prenaient sans se gêner celui de l'Etat. Escamoter un chien, ne pas rendre un livre, ce n'est pas un vol dans de certains pays. – En Russie on n'est pas scrupuleux en matière de deniers publics; c'est là un sentiment national. – D'un autre côté, ces hommes n'étaient ni dénonciateurs, ni inquisiteurs et défendaient avec acharnement leurs subordonnés.

L'un des types les plus accomplis de ce genre était le comte Miloradovitch, téméraire, brillant, indomptable, sans soucis, bavard, dameret, dissipateur, endetté, dix fois racheté par l'empereur Alexandre, et toujours sans le sou; c'était l'homme le plus aimable du monde, l'idole des soldats, un excellent gouverneur général de Pétersbourg, sans avoir jamais connu une seule loi. – Miloradovitch a été, par une étrange fatalité, tué le jour de l'avènement au trône de l'empereur Nicolas. Lorsqu'on apporta le général blessé, sur la place d'Isaak, dans les casernes de la garde à cheval, alors que le docteur Arendt, après avoir visité la blessure, se préparait à retirer la balle, Miloradovitch lui dit: «Par ma foi, mon cher docteur, j'ai assez vu de blessures; celle-là est mortelle; mais si vous voulez, par acquit de conscience, qu'on retire la balle, faites appeler mon vieux chirurgien. Il m'était fort attaché! Cela le chagrinerait, par ma foi, si un autre que lui me fait l'opération. Effectivement, on alla chercher le vieux chirurgien qui, en sanglotant, retira la balle. Après l'opération, l'aide-de-camp demanda au comte s'il ne voulait pas faire quelques dispositions. – Miloradovitch fit de suite appeler un notaire. Le notaire venu, ne sachant que lui dicter, il réfléchit et finit par lui dire: «Par ma foi, c'est chose difficile; mais enfin, il faut en finir. Faites légalement ce que la loi exige». – «Mais n'avez-vous rien de particulier, général?» – demanda le notaire. – «Rien; pourtant, si fait, écrivez: il y a un jeune homme, le fils d'un de mes vieux camarades, un bon sujet, mais une tête chaude; il me semble que je l'ai vu parmi les insurgés. Ecrivez donc que le général Miloradovitch, en mourant, demande sa grâce à l'empereur... Par ma foi, je n'ai absolument plus rien à vous dicter».

Il mourut ensuite et fit bien...

Le règne prosaïque, brumeux, automnal de Nicolas, n'avait pas besoin de ces hommes qui, blessés à mort, se rappelaient un vieux chirurgien agonisant, et ne savaient écrire dans leur testament autre chose qu'une demande en grâce pour un insurgé. Ces gens sont peu maniables. Ils ont le parler trop haut, fort trop de tapage, répliquent, agissent à leur guise. Il est vrai qu'ils versent leur sang jusqu'à la dernière goutte et servent sous les armes jusqu'à la mort; mais heureusement alors on ne prévoyait d'autre guerre qu'une guerre à l'intérieur, et c'est nommément pour celles-là que ces hommes sont incapables.

On raconte que le comte Benkendorf, chaque fois qu'il entra, et il entra une dizaine de fois par jour, durant une vingtaine d'années, dans le cabinet de l'empereur, pâliissait en entrant. C'était le type de ceux qu'il fallait au nouveau souverain. Il avait besoin d'agents et non d'auxiliaires, d'exécuteurs et non de conseillers, d'ordonnances et non de généraux. Il n'a jamais su que faire du général le plus intelligent de tous les généraux russes, Iermoloff, et il l'a laissé mourir dans l'inactivité à Moscou.

Il a fallu beaucoup d'effort, de temps, de persistance, de triage, pour éduquer la race des employés contemporains, cette race de clercs portant sabre et plume, de généraux de maréchaussée, de tous ces commissaires reviseurs, correspondants et espions déguisés sous des dénominations plus ou moins atténuantes.

La meule du maître Nicolas a moulu, pulvérisé, usé tout ce qui restait de bon, hommes et choses, du temps d'Alexandre. Elle a moulu la Pologne entière. Elle moud les provinces Baltiques, si dévouées, et la Finlande si malheureuse, elle moud toujours... elle moud encore...

LETTRE A GARIBALDI

C'est que le père avait le mal de l'absolutisme, delirium tyrannorum. Chez le fils, dégénéré à l'état chronique, ce mal fut transformé en une fièvre lente, la malaria du despotisme. Le père avait été pris d'un tel accès, que n'ayant pu tordre le cou à la Russie, il mourut le cou tordu par elle. Le fils serre son noeud peu à peu, sans trop d'éclat; aujourd'hui pas de passeport, demain pas d'école, après – demain pas de livres; aujourd'hui quelques Russes pendus, demain quelques Polonais fusillés. L'haleine nous manque, nous suffoquons et nous n'avons plus d'air, et il serre toujours depuis 27 ans et jusqu'ici, grâce

à Dieu, se porte à merveille.

Cher et vénérable ami, cher maître – je vous appellerai comme vous voudrez, permettez-moi seulement de ne pas ajouter à votre nom le mot de Général; ce titre est tellement au-dessous de vous, que ma plume se refuse à vous le donner, et que je renoncerais au plaisir de vous écrire plutôt que de vous appeler Général.

Je me proposais d'aller vous voir, d'aller vous serrer la main avec respect et profonde sympathie, car on m'a dit que vous ne m'aviez pas oublié, mais les circonstances ne me l'ont pas permis. Je quitte l'Italie dans quelques jours et je veux profiter de la visite que vous fait un de nos amis, pour vous demander la permission de vous faire la mienne par écrit.

J'ai des raisons particulières pour cela. La lutte sombre et farouche avec la Pologne a dévoilé une fois de plus tout ce qu'il y a de féroce et d'inhumain dans le gouvernement de Saint-Petersbourg. – Chaque fois que le Palais d'hiver se laisse aller aux horreurs et aux carnages, il y a un reflet de sang qui tombe sur nous. Nous subissons cette solidarité imméritée, avec douleur mais sans protester. Malheureusement il y a plus encore. Les atrocités du gouvernement, les cris d'un journalisme vil et débauché, les applaudissements d'une foule corrompue ou abusée, font penser que le mouvement russe en général n'a été qu'une fiction, une déception préméditée, ou le rêve d'un esprit fantasque et malade. Il nous est impossible de tolérer cela. Nous nous sentons trop vivants pour nous laisser enterrer ainsi. Et je vous écris aujourd'hui pour constater que nous ne sommes pas morts, que le mouvement russe n'est pas écrasé, et que la nature de ce mouvement est telle qu'aucune force ne saurait l'écraser.

J'ai un besoin passionné de vous dire cela à vous qui êtes l'homme des peuples. Vous comprenez les masses, telles qu'elles sont, telles que l'histoire les a faites, sans toge romaine, sans civisme de parade, il est tout naturel que les masses aient fait de vous leur patron, leur saint, qu'elles aient pris votre chemise

529

rouge pour en faire leur Camicia Santa – il est tout naturel aussi que la femme, cet autre peuple, avec sa clairvoyance de coeur, ait presque partout ôté son corsage et l'ait remplacé par la chemise du champion de l'indépendance. Après la transfiguration du gibet romain en crucifix je ne connais pas de triomphe plus grand. Or, l'homme de «la camicia santa» n'a pas le droit d'ignorer ce qui se passe dans les profondeurs, dans les ténèbres de cette mer inconnue, qui débordant d'un côté dans les vallées de l'Asie orientale est bornée de l'autre par la Prusse et l'Autriche.

On sait bien que le peuple russe est sorti de son état de torpeur apparente, que la guerre de la Crimée l'a réveillé, que depuis ce temps une agitation sourde se fait sentir dans la chaumière et dans le palais, dans les steppes et dans les villes, enfin que le gouvernement réforme quelque chose et que le peuple aspire à quelque chose. Mais on ignore ce que veut ce peuple et où il va. Veut-il reconquérir sa liberté, son indépendance, rétablir comme la Pologne, son passé glorieux? Non. Le peuple russe n'a jamais possédé la liberté et n'a jamais perdu son indépendance; il n'a rien à reconquérir, rien à évoquer de son passé brumeux; ce que le passé lui a légué est entré dans son sang; ce ne sont ni des souvenirs, ni des institutions, ce sont des éléments, c'est-à-dire une nationalité fortement caractérisée, le sentiment de sa force, une conception originale du droit à la terre. C'est tout, si nous y ajoutons encore l'audace et la confiance en soi-même, et le courage de l'espérance dans le malheur. Le reste n'est que l'échafaudage d'un empire artificiel et exotique qui a fait son temps. Le droit à la terre, cette religion sociale du peuple russe, consiste dans l'admission du droit imprescriptible, inaliénable, de posséder un lot de terre lorsqu'on est membre d'une commune. Si l'on se rappelle que c'est par une colonisation consécutive et par l'absorption des aborigènes finnois plutôt que par la conquête, que les territoires qui composent la Russie proprement dite ont été acquis, et si l'on se souvient aussi qu'une fois installés les colons n'ont jamais été conquis (la conquête des Mongols, n'ayant point touché à la vie intérieure ni aux conditions sociales), on comprendra facilement l'origine du droit à la terre. Il a survécu à toutes les vicissitudes, et à peine un souffle de vie s'est-il fait sentir, que la première question a été naturellement celle de l'émancipation avec la terre. Il est aussi impossible de prendre la terre aux paysans russes, que de prendre la mer aux lazzaroni; – les lazzaroni, comme l'a dit un de nos compatriotes, ont leur droit à la mer, et ils y tiennent. Cependant la propriété foncière tend perpétuellement en Russie à se morceler entre les mains des particuliers ou à se concentrer dans les mains du gouvernement. Heureusement une grande

partie des terres est encore restée le patrimoine inaliénable des communes, mais il n'en est pas moins évident qu'il faut en finir avec ce double danger et éviter d'un côté le gouffre du prolétariat qui tôt ou tard engloutira toute la civilisation des beati possidentes, de l'autre le communisme gouvernemental qui, effaçant l'individualité, ferait de chaque homme un condamné aux travaux forcés. Pour trouver la diagonale, nous avons deux guides, les coutumes, la manière d'être et de faire de la commune rurale, et la science économique, la science sociale, telle que l'Occident l'a élaborée sans la réaliser. Or, la commune représente chez nous une alvéole qui contient en germe l'organisation rudimentaire de l'Etat autonome, disposant de ses forces économiques d'après le suffrage universel, s'administrant lui-même, ayant une police et des juges électifs. Cette alvéole ne reste pas isolée, mais forme un tissu par la réunion de plusieurs communes en un canton (Volost), qui se gouverne aussi par une administration élective. Au canton s'arrête le réseau des institutions populaires. Le canton se heurte contre la police, le fisc, l'administration impériale. Au-delà du canton, pas de libertés mais des privilèges, pas d'autonomie mais le plus grand arbitraire; la commune des serfs se brisait avant l'émancipation contre le droit absurde des seigneurs, le canton se brise maintenant encore contre le pouvoir exagéré du gouvernement.

L'une des barrières colossales qui arrêtaient tout progrès vient de tomber. L'émancipation des paysans, tout insuffisante qu'elle soit, a reconnu la liberté personnelle de l'homme attaché à la glèbe, sans nier son droit à la terre.

Il est temps d'ébranler les poteaux de l'autre barrière.

L'émancipation des paysans était la dernière carte du gouvernement; maintenant qu'il l'a jouée, il frise sérieusement la liberté. Les réformes dont il a tant parlé ne se font pas, parce qu'elles sont impossibles pour lui, parce qu'elles touchent à ses propres privilèges qui lui sont autrement chers que les privilèges de la noblesse. Le gouvernement veut les garder intacts tout en faisant des réformes: la contradiction est évidente, il ne s'en tirera pas, il se consume et se démène dans un cercle vicieux.

Attendre qu'il s'use jusqu'à son dernier fil est impossible. Il mine le pays, il médite une réaction complète et donne une nouvelle édition du règne de Nicolas en persécutant avec acharnement toute idée d'indépendance sous le voile d'un libéralisme raisonné. Il faut donc mettre des bornes à cet arbitraire, enrayer les roues de cette vieille machine, et pour cela s'entendre une fois pour toutes sur ce que nous voulons, sur ce que nous pouvons, sur ce que veut réellement le peuple. Pour arriver à cela, il n'y a qu'un moyen. Forcer le gouvernement à la convocation d'un parlement (Sobor), élu par tout le peuple, sans distinction de

531
classes et de religions, laissant la faculté à chacun d'élire qui lui plaît. Si le gouvernement consent, tant mieux, cela sera autant de sang épargné, autant de malheurs évités. Et s'il ne consent pas? Lui forcer la main, convoquer le parlement malgré lui.

Et après? Après on verra; le premier pas aura été fait.

En parlant de la convocation du Sobor, j'ai mentionné la tolérance religieuse; ceci demande quelques mots d'explication.

Nous avons près de 20 millions de dissidents, qui sont hors la loi; moins persécutés maintenant qu'ils ne l'étaient autrefois, ils ne sont toutefois qu'à peine tolérés. Il faut nécessairement qu'ils rentrent dans le droit commun.

C'est la plus énergique, la plus saine partie de l'immense population agricole de la Russie, elle forme les 9/10 de la population entière. Aguerrie par une persécution séculaire, élevée dès l'enfance dans une lutte sourde contre l'ordre des choses existant, cette population qui n'a jamais rien cédé, a acquis avec des mœurs austères une volonté de fer. C'est de ce milieu que surgiront naturellement les véritables représentants des aspirations populaires. Ils n'ont jamais pactisé avec l'Empire, qu'ils méprisent comme allemand et détestent comme impur. Entraînés par des agents du gouvernement, quelques dissidents ont envoyé naguère des adresses de dévouement à l'Empereur; ils ont fait un faux pas en vue de quelques concessions; la félonie était gratuite, le gouvernement n'a rien fait pour eux.

Les dissidents doivent apporter l'idée nationale, le génie populaire, la tradition, la coutume du peuple dans le grand concile, et y rencontrer des représentants énergiques de l'idée contemporaine et de la science. Le milieu qui fournira ces représentants est tout fait, c'est un milieu mélangé, dans le genre de ce qu'on appelait du temps de Louis-Philippe les «capacités». Tout y entre: de la petite noblesse, des officiers, des licenciés des écoles supérieures et

une classe qui n'existe nulle part excepté en Russie, les fils de prêtres, classe très instruite, très émancipée et détestant, en raison de sa position, la noblesse et l'arbitraire. A côté de cette classe viennent les fils des petits employés civils, ayant une noblesse personnelle; pauvres, méprisés en haut, redoutés en bas, ils ont beaucoup à haïr, beaucoup à envier, beaucoup à se faire pardonner, et rien à perdre.

La noblesse, comme classe, perd toute signification; elle n'a qu'à se fondre avec le peuple par son rez-de-chaussée et à laisser dépérir ses cimes et ses hauteurs au Palais d'hiver, dans une fainéantise majestueuse et dans la domesticité galonnée. Depuis l'émancipation, la noblesse a perdu sa base, sa force et sa raison d'être. Elle le sent si bien elle-même que la noblesse de provinces entières (par exemple celle de Tver) a sollicité de l'Empereur

532

comme grâce le droit de déposer des privilèges absurdes et qui entravaient tout rapport avec les autres classes. L'Empereur a refusé; pour quel motif? Certes, il est le premier à l'ignorer. Avoir une noblesse, est devenu une habitude au palais de Saint-Pétersbourg.

Le gouvernement, voulant à toute force paralyser le mouvement, a inventé les incendies politiques et exaspéré les étudiants, pour avoir tant soit peu le droit d'échanger son libéralisme frelaté en une réaction ouverte. C'est alors qu'il a commencé l'achat en grand des journalistes et des folliculaires, et fait courir le bruit que dans un profond secret il élaborait lui-même des projets de réorganisation qui ne tendaient à rien moins qu'à nous doter de libertés à la française et d'institutions à l'autrichienne. Les faibles, les hommes en quête d'un prétexte honorable pour s'abriter sous le patronage d'un gouvernement en gardant les apparences du libéralisme, furent seuls dupes de cette comédie. Cependant, des feuilles clandestines, déchirant les ténèbres comme des éclairs sans tonnerre, présageaient l'orage et témoignaient de la tension électrique de l'atmosphère.

Avant d'aller plus loin, je vous demande la permission de résumer notre position, d'indiquer encore une fois nos espérances, nos aspirations.

Peuple de paysans, nous tendons au développement de la commune rurale telle qu'elle existe, avec sa loi agraire, sa solidarité, son autonomie; nous aspirons à étendre le principe électif à tout le système administratif et judiciaire au delà des limites de la commune, du canton et de la province; nous voulons faciliter la liquidation d'une noblesse parasite et nuisible, nous voulons l'anéantissement d'un gouvernement antinational et antihumain.

Minorité d'hommes indépendants, sans tradition obligatoire, libres de tout héritage à respecter, de tous les venerabilia des vieilles civilisations, n'ayant rien à garder, nous acceptons sans hésitations, ni ménagements, tout ce que nous donne la révolution de l'Occident, et nous recueillons comme un legs précieux son idée socialiste et son rêve d'indépendance morale.

Nous disons avec le paysan: «Pas de liberté sans terre»; et nous y ajoutons: «Pas de terre garantie sans la liberté».

Notre drapeau est très prosaïque. Les âmes sensibles, les esprits idéalistes y trouvent du matérialisme. Nous le savons bien. Nous savons aussi par le triste exemple que nous donne l'Occident, ce que vaut la liberté, qui, comme un aérostat, n'a pour elle que le ciel bleu sans point d'appui matériel. Il y a un an, je disais à nos amis, les officiers russes en Pologne: «Les premiers Slaves qui se soulevèrent, les Taborites, avaient sur leur drapeau le Calice de vin.

Nous, nous aurons l'autre partie de l'Eucharistie, le Disque de pain! C'est bien pauvre, mais la Camicia rossa n'est ni la toge romaine, ni la pourpre doublée d'hermine. Le peuple est poète, mais il n'est pas idéaliste».

C'est au milieu de ce double travail de formation et de décomposition, au milieu de la fermentation produite dans les profondeurs de la vie populaire, d'un côté par l'émancipation des paysans et de l'autre par un commencement d'organisation et de concentration des forces de la minorité; c'est enfin au milieu de la plus grande confusion politique et des hésitations du Palais d'hiver entre le libéralisme et le despotisme, entre les réformes et le statu quo, que la révolution polonaise nous a surpris.

Cette révolution loin de nous être favorable a été plutôt un malheur pour nous, et les journaux soudoyés par le gouvernement russe, ont été les seuls à nous accuser d'avoir affirmé que tout était prêt en Russie dans le but d'accélérer le mouvement polonais. Nous savions que rien n'était prêt, qu'il n'y avait que des germes, que l'association des officiers russes ne faisait que commencer 9[9].

Nous aurions donné notre sang pour pouvoir arrêter le mouvement pendant une année ou deux. Mais que pouvions-nous faire? Certes, ce n'est pas le recrutement

seul qui a produit le soulèvement; le recrutement a été la goutte qui fait déborder le vase, le chapeau de Gessler, l'outrage des Vêpres siciliennes; il était presque impossible de ne pas se soulever contre cette chasse aux hommes. Les Polonais étaient seuls juges de l'opportunité de l'insurrection; et nous, nous devions accepter leur décision et nous mettre du côté de la justice et de la liberté.

C'est ce que nous avons fait. Et lorsqu'une minorité généreuse d'officiers russes nous a demandé notre avis sur ce qu'il y avait à faire en cas d'insurrection en Pologne, nous n'avons pas hésité à leur dire que mieux vaut abandonner les rangs, se faire tuer, passer dans le camp opposé, que de combattre contre la Pologne, qui a vis-à-vis de nous plus que le droit historique, plus que le droit du martyr et de l'héroïsme, le droit à la réparation. En ce qui nous concerne nous n'avons manifesté qu'un seul désir, c'est que la révolution polonaise acceptât notre principe agraire, c'est que cette guerre commencée pour l'indépendance

9[9] Le gouvernement russe, après avoir fusillé Arnholt, Slivitzky, Rostkoffsky, après avoir envoyé aux travaux forcés le colonel Krassowsky, l'officier de la garde impériale Obroutcheff et une dizaine d'autres officiers, persiste à nier et l'existence du comité des officiers et l'authenticité de l'adresse que nous avons imprimée. Or, le porteur de l'adresse, membre du comité des officiers russes, qui est venu à Londres, André Potebnia, a péri en combattant dans les rangs des Polonais à la Pieskowa Scala. Est-ce que le gouvernement niera aussi le corps de ce jeune héros et de tant d'autres qu'il connaît si bien?

d'un peuple proclamât la liberté des provinces. Avec ce drapeau, les Polonais avaient à faire au tzar et non au peuple.

Lorsque l'insurrection éclata, l'opinion publique en Russie était plutôt favorable aux Polonais, et le peuple restait parfaitement indifférent. Le gouvernement s'évertua à exciter les passions les plus haineuses que puisse enfanter un nationalisme exclusif, tantôt mettant en avant des exagérations et des calomnies, tantôt envoyant une nuée d'agents du ministère de l'intérieur pour obtenir des adresses de dévouement, tantôt effrayant le peuple par la perspective d'une guerre avec l'Europe entière. Dans cette tâche honorable, le gouvernement ne tarda pas à trouver un auxiliaire excellent et peu coûteux: une littérature entière, composée de chevaliers d'industrie vendus, un journalisme salarié et protégé par la censure contre les attaques de deux ou trois feuilles indépendantes, tels furent les guides de l'opinion publique. Les agents du gouvernement travaillaient le peuple, les chevaliers d'industrie littéraires se chargèrent de l'éducation des classes civilisées.

Nous savions, et le gouvernement le savait mieux encore, qu'il serait difficile d'entraîner le peuple russe à des sentiments d'exaspération contre la Pologne et les Polonais. Il comprit comment il fallait poser la question. Avec l'invention d'une Saint-Barthélémy, on n'allait pas loin. C'était bon pour le soldat auquel en même temps on permettait de piller. Pour le peuple il fallait autre chose. Le gouvernement fit passer la révolution polonaise pour hostile aux paysans, pour hostile à l'église grecque, en un mot pour une révolte de nobles et de prêtres catholiques. Se posant ainsi en champion des masses et en défenseur de la religion grecque, il faisait semblant d'être plus révolutionnaire et plus démocrate que la révolution et la démocratie.

L'empereur Alexandre II est allé à Nijni-Novgorod, et là, agenouillé près de la tombe de Minine, l'héroïque citoyen qui, en 1612, souleva la Russie contre les Polonais maîtres de Moscou, il a prié Dieu de le soutenir contre l'ennemi, c'est-à-dire contre «quelques centaines d'insurgés sans armes et déjà dispersés», à en croire les journaux russes.

Il est bien dommage que le gouvernement national polonais ait ignoré ces sourdes menées, c'est alors qu'il lui eût fallu se lever de toute sa hauteur, et proclamer à haute voix ce qu'il a dit dans une lettre adressée à nous, les éditeurs du Kolokol. C'est alors qu'il fallait dire que le gouvernement polonais n'avait pas attendu le gouvernement russe pour reconnaître aux paysans le droit à la terre, et ajouter qu'il désirait la réunion des provinces de la Pologne, lui qui n'a jamais accepté leur partage, mais qu'il laissait au peuple (au

535

du gouvernement russe) la pleine liberté de se prononcer sur son propre sort. La grande intrigue se serait évanouie, et tout ce patriotisme de terreur sauvage se serait évaporé avant d'infecter les cœurs et les esprits simples et naïfs. En évoquant des sentiments de haine et de férocité, en tuant ses adversaires avec une cruauté mongole, en expropriant la noblesse des provinces, le gouvernement russe n'avait d'autre but, que de se rendre maître de

l'insurrection et de sauvegarder sa domination dans les provinces, mais si le gouvernement de Saint-Petersbourg propose, il est une autre force qui dispose. Lorsqu'un organisme fort se développe, tout lui sert, même les maladies. L'agitation contre la Pologne s'évanouira, mais le mouvement produit par cette secousse restera. Pour provoquer les adresses, le gouvernement a permis des réunions politiques dans les petites villes, dans les bourgades! Dans les villages on s'est assemblé pour discuter des dangers de la patrie, de la guerre et de la paix. Moscou et Pétersbourg ont demandé l'autorisation de former une garde citadine. En Lithuanie le gouvernement a prêché contre la noblesse et a fini par exproprier la majeure partie des seigneurs pour donner la terre aux paysans et se les attacher; le premier résultat de ces mesures a été le refus de travailler pour les seigneurs russes dans le gouvernement de Kiev. Le gouvernement a réveillé des forces qu'il n'endormira pas de sitôt; il a mis en mouvement des masses qu'il ne lui sera pas facile d'arrêter. Ce que n'ont pu faire ni la presse clandestine, ni la propagande venue d'outre-mer, c'est le gouvernement qui le fait malgré lui. Semblable au Japonais qui, dans son accès de rage, s'éventre pour se venger d'un ennemi, le gouvernement russe devient terroriste et révolutionnaire par haine de la Pologne. Où peut-il s'arrêter? Personne ne le sait, mais c'est évidemment un suicide. C'est aux hommes indépendants, c'est aux groupes qui se détachent des masses et se fondent par l'affinité morale autour d'une idée, d'une tendance, c'est à ces groupes qui commencent à graviter vers un centre commun d'action, c'est à eux, c'est à nous, de profiter du mouvement provoqué par une main insolente et impure.

Pour le moment notre activité est entravée; la démente patriotique, la propagande de police, l'état de guerre, la lubie, la crainte folle inspirée par cette Europe si bonne, si pacifique, si raisonnable, tout nous empêche d'agir... Si vous saviez, vénérable ami, avec quelle anxiété nous attendons la fin de cette lutte maudite. L'indépendance de la Pologne, c'est notre propre affranchissement. Nous sommes courbés sous le joug des crimes que l'on fait accomplir par nos propres mains,

536

et cependant croyez bien que nous ne voulons pas moins nous affranchir de la Pologne que la Pologne ne veut s'affranchir de la Russie!

Le jour où la Pologne sera indépendante, nous jetterons un voile sur les terribles pièces de conviction, nous les couvrirons jusqu'au grand jour du jugement et nous irons d'un pas ferme, reniant un passé odieux, foulant aux pieds les fétiches d'hier, chercher notre avenir, travailler à l'écroulement de cet Empire qui fait le malheur d'un sixième du globe terrestre, – déchirer enfin cette camisole de force jetée sur les épaules d'un géant pendant son sommeil. Se serait-il réveillé en effet? Si vous me faites cette question ou tout autre, cher et vénérable ami, permettez-moi de vous répondre dans une seconde lettre et recevez maintenant le témoignage de mes sympathies, de ma vénération, de mon admiration pour vous.

A. Her z en.

Florence, le 21 novembre 1863.

537

CAMICIA ROSSA LA CHEMISE ROUGE. – GARIBALDI A LONDRES BREVIAIRE INTRODUCTION

La journée anniversaire de Shakespeare s'est changée en une journée de Garibaldi. L'histoire tire quelquefois ses rapprochements par les cheveux; il n'y a qu'à elle que cela réussisse.

Le peuple de Londres s'est rassemblé pour fêter le grand threecentenary. Après avoir solennellement planté un arbre en l'honneur de son poète sur la magnifique colline de «Primrose Hill», il a commencé à discuter le départ subit de Garibaldi. Une trentaine de policemen ont chassé cinquante mille hommes, qui ont obéi à un ordre illégal, par respect pour la loi.

Ce qui vient de passer ces jours-ci devant nos yeux sur le fond brumeux et monotone de la vie anglaise, ressemble bien en vérité à l'un de ces rêves fantastiques comme Shakespeare seul savait les concevoir et où l'on assiste à une promiscuité bizarre du grand et du mesquin, de ce qui fend l'âme et de ce qui écorche les oreilles. A côté de la sainte simplicité d'un homme du peuple et de la simple naïveté des masses, – des conspirations de ministres, de lords, des conciliabules derrière la tapisserie, des intrigues, des mensonges. Des ombres bien connues passaient devant nous, depuis Hamlet et le roi Lear, depuis Goneril et Cordelia jusqu'à l'honnête Jago. Les Jago étaient Lilliputiens... mais comme ils étaient nombreux et comme ils étaient honnêtes!

PROLOGUE

– Fanfares. – Les canons grondent, les cloches sonnent, les vaisseaux se

couvrent de drapeaux, – et s'il n'y a pas de musique, c'est que l'hôte de l'Angleterre est venu un dimanche, et que le dimanche est un jour maigre, marqué à la fois pour le repos et pour l'ennui. – Voilà le demi-dieu, l'idole des masses, la seule grande individualité, la seule populaire qui se soit élevée depuis 1848. – Elle apparaît dans toutes les splendeurs de la gloire. Londres, Londres tout entier reste six heures sur pied pour attendre le grand homme. Les ovations augmentent chaque jour. L'apparition de l'homme en chemise rouge produit une orgie d'enthousiasme, des milliers d'hommes reconduisent sa voiture après minuit de Covent-Garden à Saint-James, des milliers d'hommes l'attendent à sept heures du matin devant Stafford-house. Des ouvriers et des ducs, des pairs et des laquais, des blanchisseuses et la «high church», la ruine féodale Derby et le débris des orages de 1848, le fils aîné de la reine Victoria et le gamin, le «sweeper» couvert de lambeaux, qui n'a eu ni père ni mère, veulent lui serrer la main, le voir; Glasgow, Newcastle on Tyne, Manchester, l'Ecosse entière, frémissent du désir de le posséder... et il disparaît dans la nuit de l'Océan comme l'ombre de Hamlet père; il a mis le pied sur une trappe ministérielle, et il a disparu. – «Où est-il?» – «A l'instant il était là!» – «Et là!» – Il n'y est plus! – Il ne reste plus qu'un point, qu'une voile qui se gonfle. Comme ils l'ont attrapé le peuple anglais!.. «Grand peuple bête», comme a dit un grand poète. Je le plains, ce pauvre John Bull, si bon, si fort, si obstiné, mais si lent et si lourd, et tout en le plaignant il m'est impossible de ne pas rire. Pauvre taureau aux vellétés léonines, – tu as secoué ta crinière, tu t'es fait beau pour recevoir ton hôte, comme tu n'as jamais reçu aucun monarque, démissionné ou en fonctions, et on te l'a donc escamoté! – Le bœuf-lion frappe du pied la terre et rugit, mais ses gardiens connaissent trop bien le jeu des serrures et des verrous de la liberté pour s'en inquiéter. Ils lui débitent des contes à dormir debout en gardant la clef dans leur poche... et le point s'éloigne, s'éloigne et disparaît.

Sois raisonnable, pauvre Bull, retourne à ton rocher de Sisyphe. Trois ministres, un autre qui ne l'est pas, un duc, un professeur de chirurgie, un lord du piétisme, n'ont-ils pas publiquement témoigné dans les deux Chambres et dans dix salons, dans les journaux et dans les lettres signées, que l'homme bien portant que tu as vu hier était malade, et malade au point qu'il fallait l'envoyer dans un yacht le long de l'Océan et dans la Méditerranée? Le doute est-il permis après cela? Pense à la vieille histoire du meunier qui disait à son ami, que son âne n'était pas à la maison. Le voisin, entendant l'âne, voulait s'offenser, mais il fut désarmé par le meunier qui, d'un air triste, dit au sceptique: «Est-ce que tu crois plus à un âne qu'à ton ami?» – N'oublie pas que ces lords, ces ministres sont plus que tes amis, qu'ils sont tes tuteurs, tes pères et mères en l'Etat...

Les journaux ont raconté tous les détails des fêtes et dîners, des banquets et des épées, des discours chantés et des cantates

539

récitées, de Chiswick et de Guild-Hall. Les décors, les costumes, les ballets, les féeries, les arlequinades de ce rêve dans une nuit de printemps, tout cela a été illustré, illuminé, vendu à un penny, – je ne prétends pas faire une concurrence tardive à ces récits, je me hasarde simplement à offrir quelques petits tableaux que j'ai pris de l'humble coin où j'étais placé pour regarder. Ils auront les défauts de toutes les photographies reproduisant parfois les plis sans grâce, les poses guindées, les hasards qui accompagnent toute chose dans la vie réelle et les traits non corrigés par l'art.

Je dédie mon procès-verbal à mes enfants absents, c'est pour eux que j'ai commencé le travail, et, encore une fois, je leur répète qu'il m'a été bien pénible de ne les avoir pas eus avec moi le 17 avril 1864.

CAMICIA ROSSA I BROOK-HOUSE

Garibaldi est arrivé à Southampton le 3 avril, au soir; je voulais le voir avant qu'on eût le temps de l'entraîner dans la trombe qu'on lui préparait, de l'influencer, de l'harasser, de le fatiguer.

Je le voulais premièrement parce que je l'aimais et que je ne l'avais pas vu depuis près de dix ans. Déjà en 1854, c'était pour moi un personnage pris d'emblée dans un volume de Plutarque ou de Cornelius Nepos; – depuis, il a dépassé beaucoup de ces héros; depuis, il est devenu le «uncrowned king» des peuples, leur saint, leur légende et cela de l'Espagne jusqu'à l'Ukraine, de l'Ecosse jusqu'à la Serbie; depuis, il a vaincu une armée, un royaume avec une poignée de volontaires, et donné la liberté à deux pays; après quoi on l'a congédié, comme on congédie un postillon après la course; depuis, il a été vaincu... et de même qu'il n'avait rien gagné par la victoire, il n'a rien perdu par la défaite, au contraire, elle n'a fait que redoubler son prestige. Le sang

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
de sa blessure – faite par les siens – l'a soudé plus intimement aux peuples; il était leur héros, il est devenu leur saint, leur martyr, une auréole est venue éclairer ses lauriers. Je voulais voir s'il était toujours le même brave et bon capitaine du Common wealth, que j'avais vu en 1854 dans les «Indian Docks» – il rêvait alors à une émigration flottante sur l'Océan, prête à débarquer partout où les peuples pourraient en avoir besoin, et me régalaît, venant de Boston, d'un certain vin de Nice qu'on nomme bellet.

540

Ensuite, je voulais le voir pour lui parler des absurdités que faisaient à Londres une partie de ses adorateurs, qui, lui préparant d'une main des arcs de triomphe, s'évertuaient de l'autre à attacher Mazzini au pilori. J'étais sûr qu'il ne connaissait pas les détails de la chasse qu'on donnait à Stansfeld et du mal que faisaient les libéraux pauvres d'esprit en soutenant les tories qui, dans cette question, avaient un but tout autre – et nommément celui de renverser un ministère sans caractère et bigarré, par un ministère sans dents et enveloppé dans de vieux lambeaux armoriés.

Je partis donc le 4 avril.

J'arrivai à Southampton quelques moments après le départ de Garibaldi pour l'Ile-de-Wight, où il allait passer quelques jours chez le membre du parlement Seelly, à Brook-house. On voyait encore dans les rues les restes de la fête; des drapeaux, des ornements, des groupes assez nombreux, beaucoup d'étrangers. Sans m'arrêter je partis avec le premier bateau pour Cowes. Sur le bateau, comme dans les hôtels, tout parlait de Garibaldi, de sa réception, de sa chemise rouge; on racontait comme quoi, en descendant du bateau, il salua les matelots qui étaient rangés sur son passage, fit un pas et, se tournant tout à coup, alla donner une poignée de main à chaque matelot. Par ce seul fait, il a complètement gagné le cœur du bon sailor anglais.

J'arrivai à Cowes vers 9 heures du soir. – C'était la première soirée tiède de 1864, la mer endormie remuait ses vagues avec paresse, on voyait paraître et disparaître la phosphorescence et on respirait l'air imprégné d'iode et d'autres exhalaisons de la mer suaves comme l'odeur du foin. Au loin on entendait une musique de bal venant d'un casino; tout avait un air de fête...

Pourtant lorsque le lendemain à six heures du matin j'ouvris ma fenêtre, je m'aperçus bien que j'étais en Angleterre; la mer, la terre, le ciel, la perspective, tout avait disparu, on ne voyait qu'une masse grisâtre légèrement rayée par une pluie fine et inexorable qui semblait vous dire avec toute l'obstination britannique: «Vous pensez peut-être que je cesserai bientôt; eh bien, vous êtes dans l'erreur la plus profonde, je ne cesserai pas!» Je partis sous cette douche, à 7 heures du matin, dans une calèche à demi-couverte pour Brook-house.

Ne voulant pas entrer en longs pourparlers avec les valets, qui en Angleterre ne se distinguent pas par une trop grande sagacité, quoiqu'ils soient très avares de politesse, j'envoyai ma carte et une lettre de Saffi au secrétaire de Garibaldi, G. Guerzoni. Il vint à l'instant, m'amena dans sa chambre et alla prévenir Garibaldi. Un instant après j'entendis une marche inégale et le bruit d'une canne, il ne voulait pas m'attendre et venait lui-même en demandant: «Où est-il? Où est-il?». J'ouvris une porte

541

qui donnait dans un large couloir et me trouvai face à face avec Garibaldi. Il était là me regardant avec sérénité et me disant: «Oh que je suis content de vous voir ainsi, plein de force, plein de santé, – vous travaillerez encore!» Il m'embrassa. «Où voulez-vous aller? C'est la chambre de Guerzoni, là-bas est la mienne», – et il s'assit sur une petite chaise.

C'était mon tour de l'examiner. Il était revêtu de son costume que tout le monde connaît d'après les gravures, les statuettes, etc., c'est-à-dire qu'il portait sa camicia rossa en laine et par dessus un manteau d'une coupe originale et se boutonnant sur toute la poitrine; il avait au cou un foulard noué à la manière des matelots. Le tout lui allait parfaitement bien. Il avait beaucoup moins changé dans ces dix années que je ne m'y attendais. Tous ses portraits, toutes ses photographies rendent très médiocrement ses traits; on le représente trop vieux, trop noir, l'expression de sa figure manque complètement. Et pourtant tout le secret non seulement de ses traits, mais de sa force, y est gravé. Nous voulons parler de cette force d'attraction qu'il a constamment exercée sur tout ce qui l'entourait, sur une poignée de pêcheurs de Nice, sur l'équipage d'un vaisseau, sur un drapello de Guerrillas à Montevideo, sur une armée de volontaires en Italie, sur des masses de peuple, sur des continents entiers. Chaque trait de son visage, qui, loin d'être régulier, rappelle plutôt le type slave que le type italien, est pénétré d'une bonté si simple, si sympathique, si

touchante, si dévouée, respire une telle bienveillance, qu'il est impossible de ne pas aimer cet homme, si l'on n'a pas de parti pris ou si l'on ne reçoit pas d'appointements d'un gouvernement quelconque. La même chose dans son regard, dans son sourire, dans le timbre de sa voix. Pourtant la bonté est loin d'absorber toute l'expression de ses traits comme de définir tout son caractère; on sent que sous cette bonté, il y a une indestructible puissance morale, un dévouement sans bornes, et à côté de son abandon, un certain retour mélancolique et triste sur soi-même. C'était la première fois que je remarquais en lui cette nuance de tristesse.

Par moment la conversation s'arrête, des pensées passent rapidement sur ses traits, comme des nuages sur la surface de la mer – est-ce la crainte de la mission qui lui est dévolue, du sacre populaire, de la tâche à remplir, qu'il n'a plus le droit d'abdiquer? Est-ce un doute, une réminiscence de tant de trahisons, de tant de chutes, ou une tentation d'amour-propre, de gloire, de puissance? Non, sa personnalité s'est fondue dans l'œuvre qu'il accomplit, elle s'y est perdue. Je suis sûr que de pareils traits, de pareils pressentiments de souffrance se voyaient sur la figure de Jeanne d'Arc et de Jean de Leyde.

542

Tous trois ils étaient du peuple et n'avaient pas rompu avec les intuitions mystérieuses. Il y avait du fatalisme dans leur foi, et le fond du fatalisme est profondément triste. «Que ta volonté s'accomplisse, je n'y suis pour rien», dit par tous ses traits la madone Sixtine, «que ta volonté s'accomplisse et non la mienne» dit avec une triste résignation son fils allant accomplir son sort.

...Garibaldi se souvenait des détails de sa visite à Londres en 1854, comment il avait passé chez moi une nuit, s'étant attardé pour retourner aux docks, comment il m'avait fait cadeau d'une photographie de mon fils qu'il avait fait faire chez Caldesi, sans en dire mot; je lui rappelai un dîner américain, auquel assistait Buchanan, toute l'ambassade américaine et nous autres, dîner qui a fait beaucoup de bruit alors et qui n'avait aucun sens.

– Je dois vous avouer, – dis-je enfin, – que je me suis hâté de vous voir avec une certaine arrière-pensée, j'avais peur que l'atmosphère anglaise, brumeuse comme toujours, ne vous permît pas de voir l'intéressant mécanisme d'une nouvelle pièce qu'on monte sur les tréteaux du parlement. Vous me donnez le droit de vous parler de tout ce que je veux, n'est-ce pas?

– Allez, allez, nous sommes de vieux amis, – dit-il en souriant.

Je lui racontai donc les débats et les journaux, les hurlements contre Mazzini, la torture parlementaire infligée à Stansfeld. Je lui montrai que les tories persécutaient dans cette question non seulement Mazzini, qu'ils confondent avec la révolution, non seulement Palmerston qu'ils voulaient abattre sur cette question, mais encore Stansfeld lui-même, c'est-à-dire l'homme jeune et capable, qui, sans relations aristocratiques et sans grande position dans la société, est parvenu à la place de lord de l'amirauté.

– On vous ménage encore, – lui dis-je, – ils n'osent pas s'attaquer à vous, et pourtant regardez avec quel sans-gêne on vous traite déjà. Hier en arrivant à Cowes, j'ai pris l'Evening Standard, je vous l'ai apporté. Cette feuille feint d'être assurée que vous comprendrez assez les devoirs que vous impose l'hospitalité anglaise pour n'avoir aucun rapport avec votre ancien collègue et pour vous abstenir d'une visite à Thurloe Square 35 (maison de J. Stansfeld). Il y a là une petite savonnade par anticipation au cas où vous comprendriez autrement vos devoirs.

– J'ai entendu parler de cela, donnez-moi le journal. Une de mes premières visites sera pour Stansfeld.

– Vous savez mieux que personne ce que vous devez faire, j'ai seulement voulu vous montrer les contours très laids de cette intrigue, sous le brouillard qui l'enveloppera.

Garibaldi se leva: pensant qu'il voulait finir notre entrevue et me levant aussi, je commençai à lui souhaiter beaucoup de

543

forces pour supporter l'ouragan d'enthousiasme qui l'attendait. «Non, non, – me dit-il, – ne me quittez pas encore, allons chez moi dans ma chambre».

Il boit visiblement, mais en général son organisme est sorti glorieusement de toutes les épreuves des derniers temps, de toutes les opérations chirurgicales et morales, de deux grandes blessures, l'une au pied, l'autre au cœur. Je marchais à côté de lui, et encore une fois je jetai un coup d'œil sur son costume. Rien de professionnel, de militaire, ni rien de bourgeois. C'est un costume très simple et très commode. L'absence de toute affectation dans la manière dont il le portait, coupait court à la pruderie des salons, aux observations critiques des précieux et des précieuses. Je doute qu'il existe un

seul Européen, Garibaldi excepté, qui aurait pu imposer impunément sa chemise rouge aux palais de l'oligarchie anglaise.

Et il ne faut pas oublier que le costume de Garibaldi a une importance très grande, l'homme du peuple se reconnaît dans l'homme en chemise rouge.

L'aristocratie, tenant la bride de son cheval, pense qu'elle le guide et surtout qu'elle l'éloigne du peuple; mais le peuple regarde la camicia rossa et sourit de contentement en voyant les ducs, les marquis et les lords en fonctions d'écuyers, de majordomes, de piqueurs et de chasseurs, auprès du grand plébéien en costume plébéien.

Les journaux conservateurs ont bien senti la portée du costume et pour amadouer l'effet immoral de la mise peu convenable de Garibaldi, ils ont fait passer son habit pour l'uniforme d'un volontaire de Montevideo. Pourtant depuis les guerres de Montevideo, Garibaldi a eu de l'avancement. Le roi, auquel il a donné deux royaumes, lui a donné le titre de général; pourquoi donc ne porte-t-il pas l'uniforme approprié à ce grade?

Et pourquoi enfin pense-t-on que ce qu'il porte soit un uniforme?

Chaque uniforme est nécessairement orné d'un instrument homicide quelconque, d'un signe de puissance ou d'un souvenir de quelque haut fait sanglant.

Garibaldi ne porte aucune arme, il ne craint personne et ne veut intimider personne. Il n'y a pas plus de militaire en lui, que de bourgeois ou d'aristocrate.

«Je ne suis pas un soldat, – disait-il aux Italiens qui lui offraient une épée d'honneur. – Je n'aime pas le métier de soldat, j'ai vu ma maison paternelle envahie par des brigands, et je me suis armé pour les chasser. Je suis ouvrier, je descends d'ouvriers et j'en suis fier».

Il faut ajouter à cela qu'il n'a non plus rien de la rudesse plébéienne, ni d'un démocratisme étudié. Ses manières sont très douces. Italien et popolano, il représente sur le sommet social, non seulement un homme du peuple fidèle à son origine, mais

544

l'homme esthétique fidèle à sa race; son manteau boutonné sur la poitrine et aux larges plis, est plutôt le pallium d'un grand prêtre que le manteau militaire. Lorsqu'il lève le bras tout le monde attend une bénédiction et non le geste impératif d'un ordre.

Lorsque nous fûmes dans sa chambre, Garibaldi commença à parler des affaires de la Pologne; il parlait avec admiration du courage, du dévouement des Polonais: «Commencer une guerre sans armes, sans organisation, sans argent, sans frontière découverte, sans appui, et continuer plus d'une année, – je m'incline devant ces héros. Je pense qu'un mouvement en Gallicie les sauvera et j'ai raison de supposer que ce mouvement aura lieu».

Il s'arrêta, et voyant que je ne disais rien, il ajouta: «Et aussi en Hongrie. Vous n'y croyez pas à ce qu'il paraît?

– Pardon, mais je l'ignore.

– Et peut-on s'attendre à quelque mouvement en Russie?

– Pas le moins du monde. Depuis que je vous ai écrit ma longue lettre¹⁰ au mois de novembre, rien n'a changé. Le gouvernement se sentant soutenu par l'opinion ne s'arrête devant rien, va dans le sang et les atrocités, et méprise l'Europe; le peuple se tait, il sent que les affaires de la Pologne ne sont pas ses affaires; nous avons un ennemi commun, et c'est tout; nous plaignons les Polonais, nous les admirons, mais nous ne pouvons rien faire pour eux, notre chemin n'est pas le même, et de plus, nous avons beaucoup de temps devant nous, tandis qu'eux n'ont pas un jour à perdre».

La conversation continua encore quelques minutes dans ce genre, je remarquai dans le couloir des physionomies archi-anglaises passer et repasser, on entendait le frôlement des robes de dames. Je me levai. «Vous êtes pressé?» dit Garibaldi. «Non, mais je ne veux pas vous voler à l'Angleterre». – «Eh bien, au revoir, à Londres». – «Certainement, est-il vrai que vous deviez vous arrêter chez le duc de Sutherland?

– Il m'en a tant prié.

– Dans ce cas, je viendrai chez vous poudré, pour faire accroire aux domestiques de Stafford-house que j'ai un laquais».

Guerzoni vint prévenir Garibaldi de l'arrivée du poète lauréat Tennyson avec son épouse. C'étaient trop de lauriers, je partis pour Cowes, la pluie continuait toujours.

¹⁰ Voir l'appendice.

Changement de décorations, et continuation de la même pièce. Il fallait attendre plus de deux heures le bateau pour Southampton. J'entrai dans le premier hôtel venu en attendant le dîner et je me mis à lire le Times. La première chose qui me

frappa fut la démission de Stansfeld! Le vieil Abraham de soixante-quinze ans, qui a eu un petit procès avec une petite Agar l'année passée, a donc immolé son Isaac de Halifax! Et cela au moment où l'Angleterre commençait sa réception de Garibaldi. En parlant à Garibaldi, je n'ai pas songé à cela. Que Stansfeld eût donné sa démission pour la seconde fois, cela ne m'étonnait guère; en face d'un renouvellement d'attaques inouïes dans la vie parlementaire d'Angleterre, il n'avait pas le choix. Il devait dès le commencement se poser fièrement et renoncer à sa place de lord. Mais qu'a donc fait Palmerston... et qu'est-il venu balbutier dans son discours, sur le dévouement pour le magnanimous ally, et les soins à prendre pour la conservation de ses jours précieux?

C'était une journée de Magenta.

Je demandai une feuille de papier et j'écrivis une lettre à Guerzoni, avec toute la fraîcheur d'une indignation récente. Je le priai de lire à Garibaldi ma lettre et le Times; cette apothéose de l'un des grands lutteurs de l'Italie à côté de cet anathème lancé contre l'autre, me mit en fureur. J'ai 52 ans, lui disais-je, mais je vous assure que j'ai les larmes aux yeux en pensant à cette injustice flagrante! Quelques jours avant mon départ j'ai été voir Mazzini. Cet homme a beaucoup souffert, c'est un vieux et vigoureux gladiateur qu'il est impossible de plier ou de fatiguer, il a de fortes épaules pour porter les plus grands fardeaux. Il a le courage de sa religion. Et pourtant il était triste et abattu de ce qu'on le choisit pour champ d'une bataille qu'on livrait à son ami. Ses traits graves et sérieux, ses yeux étincelants étaient devant moi lorsque j'écrivis la lettre.

Ayant terminé ma lettre, je m'aperçus que je n'étais pas seul. Un jeune homme très blond et portant une petite moustache, en paletot bleu et très court, comme les marins en portent ordinairement, était assis près de la cheminée. Il se donnait beaucoup de peine pour tenir ses jambes à l'américaine, c'est-à-dire au niveau de ses oreilles; sa manière provinciale de parler avec une extrême vitesse et un accent peu intelligible pour moi, me confirmèrent dans l'idée que c'était un officier de marine en ribote. Je cessai de m'occuper de lui, d'autant plus qu'il ne s'adressait pas à moi, mais au domestique. Notre connaissance se borna à un mouvement de tête de sa part lorsque je lui rapprochai le sel. Bientôt un homme assez âgé vint le rejoindre; très brun, habillé de noir et boutonné jusqu'à l'impossible, il avait cet air de démençe spéciale que donnent aux hommes une connaissance longue et intime avec le ciel, et l'exaltation religieuse passée en habitude.

C'était probablement un ami du marin et il n'était venu que pour le voir. Après deux ou trois mots, il commença à prêcher.

«Oui, – dit-il, – oui, j'ai vu Gédéon... et je me suis humilié devant lui. J'ai vu le glaive dans la main du Seigneur, et mon âme s'est attendrie. Il a choisi David pour confondre Goliath. Le bon peuple anglais, ce peuple si chrétien, le comprend, et c'est pour cela qu'il le reçoit comme la fiancée de Liban».

La porte s'ouvrit toute grande et, au lieu de la fiancée de Liban, entrèrent une dizaine d'Anglais, très graves, et parmi eux lord Shaftsbury, Lindsay et autres. C'était la députation officielle de Londres qui allait chez Garibaldi pour l'inviter. Le prédicateur s'arrêta, mais le marin se rehaussa fortement à mes yeux par l'expression de dédain superbe et de haine manifeste avec laquelle il regarda le «respectable peuple» qui venait de s'attabler avec nous.

Je me tournai vers lui et je lui demandai s'il suffirait d'écrire sur ma lettre: «Brook-house» pour qu'elle y parvînt. Il me répondit affirmativement. Entendant notre courte conversation, un des membres de la députation me dit: «Nous y allons à l'instant même, votre lettre arrivera avant la poste si vous voulez me la confier». Je lui donnai ma lettre.

Il faut le dire à l'honneur de l'Angleterre, un incident pareil n'est possible qu'en Angleterre. Sur le continent, il y a peut-être beaucoup d'hommes obligeants pour faire une proposition semblable, mais pas un homme assez courageux pour l'accepter. Je n'ai pas besoin d'ajouter que le lendemain j'avais déjà la réponse de Guerzoni.

Je quittai l'honorable société, occupée à vaincre un dîner détestable, et j'allai dans le «Smoking room». Le marin était là, et l'homme noir pérorait déjà. Le marin s'adressa à moi et me dit: «Eh bien! que dites-vous de ces figures? c'est à crever de rire. Eux, allant à la rencontre de Garibaldi, lord Shaftsbury allant l'inviter? Quelle comédie! Est-ce que ces gens-là ont jamais pensé à ce que c'est que Garibaldi?»

– C'est une arme entre les bras du Tout-Puissant, – interrompit le prédicateur, – c'est la fronde de celui qui n'a ni temps, ni espace, et c'est pour cela qu'il le glorifie et lui laisse toute sa sainte simplicité.

- Tout cela est parfait, – reprit le marin, – mais je demande pourquoi ces gens vont à Brook- house? S'il s'agissait de prendre part à la construction de l'Alabama ce serait autre chose; laissez-le venir à Newcastle on Tyne, là il verra le véritable peuple anglais.

Ce n'était pas un marin, mais un constructeur de vaisseaux; il avait été longtemps en Amérique, connaissait bien les affaires du Sud et du Nord, en parlait beaucoup et ne voyait aucune issue à la guerre.

- Si Dieu a divisé un peuple, – dit le prédicateur, – s'il a poussé le frère contre le frère, il a ses vues, et si nous ne les comprenons pas, il faut nous soumettre et avoir une confiance illimitée dans la sagesse providentielle, même lorsqu'elle punit.

C'est dans cette forme étrange que j'ai entendu formuler encore une fois dans ma vie la célèbre thèse de Hegel: «Tout ce qui existe est raisonnable» (Alles wirkliche ist vernünftig).

Après avoir cordialement serré la main au marin et à son sombre compagnon, je partis pour Southampton.

Sur le bateau à vapeur je rencontrai le publiciste Holyoak, qui ne vit Garibaldi que plus tard que moi: Garibaldi l'avait chargé d'inviter Mazzini et avait déjà télégraphié à ce dernier de se rendre à Southampton où Holyoak avait l'intention de l'attendre avec Menotti Garibaldi et son frère. Holyoak désirait vivement faire parvenir deux lettres à Londres le même soir, mais par la poste elles n'auraient pu arriver que le lendemain matin. Je lui offris mes services.

A onze heures du soir j'arrivai à Londres, je me commandai une chambre à l'hôtel d'York, près de la station de Waterloo, et j'allai remettre mes lettres; la pluie n'avait pas encore cessé! A une heure et quelques minutes j'arrivai à l'hôtel, tout était fermé. Je frappai longtemps... Un ivrogne qui terminait sa soirée adossé à la grille d'un cabaret, me dit: «Ne frappez pas là, il y a une sonnette de nuit dans la ruelle»; j'allai où il me disait, je cherchai la sonnette de nuit et après l'avoir trouvée, je me mis à sonner. La porte ne s'ouvrit pas davantage, mais un homme à moitié endormi sortit la tête par une ouverture souterraine et me demanda brutalement ce que je voulais. – «Je veux une chambre». – «Il n'y en a pas une seule». «Mais j'en ai commandé une moi-même à 11 heures». – «On vous dit qu'il n'y en a pas une seule». – Et là-dessus il ferma bruyamment la porte de son souterrain sans même attendre les invectives dont j'allais certainement l'accabler.

La position n'était pas agréable; en effet trouver une chambre à Londres, à deux heures du matin, surtout dans cette partie de la ville, n'est pas chose facile. Je me souvins cependant d'un petit restaurant français et je m'y rendis.

- Avez-vous une chambre? – demandai-je au maître de l'établissement.

- Oui, j'en ai une, mais elle n'est pas très bonne.

- Montrez-la toujours.

temps de causer avec lui seul à seul, parce qu'il avait à me dire quelque chose de très grave.

Il avait dit vrai; en effet, sa chambre, loin d'être très bonne, était détestable. Mais je n'avais pas le choix, j'ouvris la fenêtre et je descendis un instant dans la salle commune. Quelques Français y jouaient encore aux cartes et aux dominos en criant et en buvant. Un Allemand, d'une taille colossale, que j'y avais déjà vu auparavant, s'approcha de moi et me demanda si j'avais le

- Assurément, j'ai le temps. Allons donc dans l'autre salle, il n'y a personne.

L'Allemand s'assit en face de moi et se mit à me raconter sur un ton tragique comment le Français, qui était son patron, l'avait trompé, comment il l'exploitait depuis trois ans et le faisait travailler trois fois plus qu'il n'était convenu en le leurrant de l'espoir qu'il le prendrait pour associé, et comment enfin, sans lui dire un traître mot, il était subitement parti pour Paris où il avait trouvé un autre associé. L'Allemand, en apprenant cela, lui avait écrit qu'il le quittait, mais son patron ne se pressait pas de revenir...

- Mais, – lui dis-je, – pourquoi vous êtes-vous fié à lui sans stipuler d'avance vos conditions par écrit?

- Weil ich ein dummer Deutscher bin.

- Alors, c'est différent.

- Je vais fermer la boutique et m'en aller.

- Prenez garde, il vous fera un procès; connaissez-vous les lois de ce pays-ci?

L'Allemand hocha la tête.

- Je voudrais seulement, – reprit-il, – le vexer comme il faut... Vous venez sans doute de chez Garibaldi?

- Oui, j'en viens.

- Eh bien, comment va-t-il? Ein famoser Kerl! s'il ne m'avait pas trompé pendant trois ans par ses promesses, j'aurais agi différemment... Je ne pouvais pas m'attendre à cela, non je ne le pouvais pas... Et sa blessure?

- Je crois que ce ne sera rien.

- Quel animal! Il ne fait semblant de rien et puis le dernier jour il me dit qu'il a déjà un associé... Je vous ennuie, n'est-ce pas?

- Pas le moins du monde, seulement je suis un peu fatigué, j'ai envie de dormir, je me suis levé à six heures, et il est maintenant deux heures passées.

- Que faut-il donc que je fasse? J'ai été bien content quand je vous ai vu entrer, ich habe so bei mir gedacht – der wird Rath schaffen. Alors, il ne faut pas fermer l'établissement?

- Non. Mais puisqu'il se plaît si bien à Paris, écrivez-lui demain ceci: «L'établissement est fermé, quand voulez-vous venir le recevoir?» Vous verrez l'effet de cette lettre, il laissera là sa femme et les tripotages de bourse, arrivera ici tout d'un trait et verra que l'établissement n'est pas fermé.

- Saperlotte! das ist eine Idee – ausgezeichnet, je vais écrire la lettre.

- Et moi, je vais dormir. Gute Nacht.

Je demandai une lumière. Le maître de la maison m'en présenta une lui-même et me dit qu'il avait besoin de causer avec moi. Je passais décidément à l'état de confesseur.

- Schlafen Sie wohl!

- Que voulez-vous? il est un peu tard, mais je suis prêt à vous écouter.

- Un mot seulement. Je voulais vous demander votre avis... si demain j'exposais un buste de Garibaldi, vous savez, avec des fleurs, une couronne de laurier, cela ferait très bien, n'est-ce pas? J'ai déjà pensé à l'inscription... il y aurait Garibaldi-libérateur en lettres de trois couleurs.

- Pourquoi pas – ce serait très bien! Seulement l'ambassade française pourrait donner un conseil, celui de ne plus fréquenter votre établissement, et vous savez que les Français sont de bons clients pour vous, ils sont ici depuis le matin jusqu'au soir et même la nuit.

- C'est vrai... mais aussi, ce buste exposé à ma porte me fera gagner tant d'argent... après on l'oubliera...

- Prenez garde, – lui dis-je en me levant résolument pour m'en aller, – ne parlez de cela à personne, on vous volerait cette idée originale.

- Je n'en soufflerai mot à personne. Ce que nous venons de dire restera, je l'espère, entre nous. Je vous en prie même.

Ainsi s'est terminée ma première entrevue avec Garibaldi en 1864.

II

STAFFORD-HOUSE

Le jour de l'arrivée de Garibaldi à Londres je ne l'ai pas vu, mais j'ai vu la mer du peuple, les fleuves du peuple, de longues rues inondées d'hommes, des hommes sur les toits, sur les balcons, aux fenêtres, et tous ces hommes l'ont attendu cinq et six heures. Garibaldi est arrivé à la station de Nine Elms à deux heures et demie et n'est parvenu à Stafford-house qu'à huit heures et demie.

La foule anglaise est grossière; lorsqu'elle se réunit en grand nombre, il y a toujours des scènes révoltantes, des rixes d'ivrognes, un vol largement organisé. L'ordre a été parfait ce jour là, je ne me souviens que d'un seul procès de vol. La foule a compris qu'elle était plus que spectatrice, et s'est tenue en conséquence.

Passé le pont de Westminster, près du Parlement, la foule formait une masse si compacte, que la calèche, qui allait au pas, s'arrêta... l'immense procession avec les drapeaux, les musiques, s'avança seule; on monta sur les roues, on lui serra la main, on baisa le pan de son manteau, on cria «wellcome!» «Sois le bienvenu!» On voulut dételer les chevaux et traîner la calèche. Une vague d'hommes succédait à une autre. La calèche faisait un pas en avant et s'arrêtait de nouveau.

La fureur, la rage des journaux conservateurs étaient légitimes. L'accueil de Garibaldi confondait toutes les règles de l'antichambre, de la hiérarchie, et constituait un exemple, un antécédent déplorable. Aussi les feuilles des trois empereurs et de l'impérial-torisme sortirent de toutes les limites, à commencer par les limites de la politesse; la tête leur tourna. Comment! L'Angleterre des palais, l'Angleterre des coffres forts, oubliant toute décence, fait cause commune avec l'Angleterre des ateliers, avec la mob, et cela pour aller à la rencontre d'un aventurier, d'un flibustier, d'un insurgé, qui aurait été pendu

s'il n'eût réussi à être le libérateur de la Sicile et de Naples! Pourquoi, remarquait avec justice la France, pourquoi Londres n'a-t-elle jamais reçu avec tant d'enthousiasme le maréchal Pélissier ou le maréchal Mac-Mahon, dont la gloire était autrement pure?

Et le duc de Sutherland, avec madame la duchesse, le recevant au bas du vestibule de Stafford-house!.. Ici je tombe d'accord avec les feuilles du parti de l'ordre: qu'est-il allé faire dans Stafford-house? Le peu d'importance politique du duc faisait, il est vrai, de son palais un hôtel pour Garibaldi, mais l'intrigue était nouée avant son arrivée, et a trouvé ensuite un sol trop propice. Le palais par ses murs, par ses livrées, par son atmosphère, éloignait Garibaldi de l'ouvrier et de ses amis restés fidèles à leur ancien drapeau.

La noblesse, la simplicité de Garibaldi renversaient constamment ces paravents qu'on relevait scrupuleusement le lendemain. Si Garibaldi ne se levait pas à 5 heures du matin, s'il ne recevait pas à 6, 7 heures, on ne pouvait le voir seul ou entre les siens; heureusement le dévouement ne peut se lever à Londres avant 8 heures et demie. Ce n'est que le jour de son départ que l'invasion des dames dans la chambre à coucher de Garibaldi a commencé avant huit heures. Un jour Mordini me dit en riant, après avoir attendu plus d'une heure pour parler à Garibaldi: «Il n'y a pas un homme au monde qu'on puisse voir plus facilement que le général, et auquel il soit plus difficile de dire un mot!»

En outre, l'hospitalité ducale était bien maigre. Le secrétaire, le docteur, les fils même de Garibaldi, ne trouvèrent pas place à Stafford-house et demeurèrent à Bath-Hotel. Pour bien apprécier cela, il faut voir l'édifice. On pourrait en cas de besoin y caser sans la moindre gêne pour le duc ni la duchesse, tous les cultivateurs ruinés et expulsés par le père du duc actuel, et il y en aurait beaucoup.

Les Anglais sont de très mauvais acteurs, et cela leur fait grandement honneur. Dès ma première visite à Garibaldi, la toile d'araignée dont on cherchait à l'entourer, me sauta aux yeux; autour de lui se remuait une nuée de factotums, de Figaros,

551

serviteurs et surveillants. On se faisait impresario, butafor, souffleur, maître de police, maître de cérémonie, maître d'hôtel, intendant, commissionnaire...

Comment résister en effet à l'honneur de siéger dans les conciliabules des ducs et des lords, d'inventer avec eux des mesures pour prévenir le rapprochement de Garibaldi avec le bas peuple et l'excès d'intimité avec ses amis, d'ourdir avec les duchesses la toile d'araignée où devait se prendre le héros italien, et que le général boiteux rompait à chaque pas sans l'apercevoir.

Garibaldi va chez Mazzini. Que faire! comment le cacher! – Vite on assemble les Figaros, les crispins, les faquins, pour trouver un expédient. Ils peuvent en trouver vingt, cinquante. Le lendemain tout Londres lit dans les journaux: «Hier vers 2 heures le général Garibaldi a fait une visite à John France, demeurant Onslow terrace, Brompton». Pas un mot de mensonge. Les appartements garnis où demeure Mazzini sont tenus par John France. Ils sont bien adroits les factotums, «very clever».

J'étais présent lorsque Garibaldi a été chez Mazzini, et j'ai ri de tout mon cœur en voyant cette espièglerie de Figaro.

L'idée de renier Mazzini ne s'est jamais présentée à l'esprit de Garibaldi. Il pouvait y avoir entre eux une divergence sur les moyens d'action, sur l'opportunité, mais aucune quant au but. Pourtant Garibaldi pouvait partir de Londres sans avoir publiquement affirmé ses rapports intimes avec Mazzini. Les habiles ont escamoté jusqu'à sa visite. Pensant à tout cela, j'entraî chez un stationer et écrivis une lettre à Mazzini. Je lui demandais s'il croyait que Garibaldi accepterait une invitation de ma part, vu la distance de Londres à Teddington, lui disant que dans le cas affirmatif je serais enchanté de l'inviter avec Garibaldi et un cercle très restreint d'amis. Mazzini me répondit le lendemain qu'il en avait fait part à Garibaldi, que tous les deux acceptaient mon offre et viendraient pour un «lunch», peut-être dimanche: nous étions alors un vendredi.

Le samedi matin j'allai voir Garibaldi pour lui demander définitivement s'il voulait venir dimanche. Il n'était pas à la maison, mais il ne tarda pas à rentrer. Le vestibule était rempli d'une foule de la seconde puissance, qui entraient par protection des laquais du duc. Lorsque Garibaldi parut à la grande porte, les visiteurs se ruèrent sur lui et un vigoureux Anglais se saisit de sa canne, l'arracha et lui en donna une autre, en disant avec une énergie farouche: «Celle-là est meilleure, celle-là est meilleure». – «Je suis très content de la mienne... pourquoi donc...» dit Garibaldi, mais voyant que l'Anglais ne

lâcherait pas sa canne sans une résistance acharnée il sourit, haussa un peu les épaules et s'appuya sur la nouvelle canne.

Lorsque nous fûmes au salon, j'entendis derrière nous, dans

552

l'embrasement d'une fenêtre, deux hommes qui discutaient avec une grande animation. L'un était Guerzoni, l'autre un des impresario. Je n'y aurais pas fait attention, si je n'avais entendu ces mots: «Ma capite, Teddington c'est à côté de Hampton-Court; c'est impossible, c'est inadmissible, ce sont 16 ou 17 milles».

«De 12 à 13», – dis-je à haute voix, me tournant vers les interlocuteurs.

L'impresario se tourna immédiatement vers moi et me dit: «Mais 13 milles, ce n'est pas une plaisanterie, savez-vous combien d'invitations à le général pour dimanche? dans tous les cas il faut ajourner, il faut choisir une autre journée».

Guerzoni lui répondit brièvement: «Le général veut y aller et il ira».

Bientôt le tuteur italien fut renforcé d'un tuteur anglais, qui trouva que l'acceptation d'une invitation à Teddington serait un antécédent fâcheux.

Voulant en finir avec cette discussion et leur faire sentir le peu de délicatesse qu'il y avait à la continuer en ma présence, je leur dis:

«Messieurs, permettez-moi de finir votre altercation», et me tournant vers Garibaldi, je continuai: «Votre visite chez moi m'est très chère, elle a une signification toute particulière à l'époque actuelle si sombre pour la Russie; vous feriez cette visite non-seulement à moi, mais à tous nos frères et amis qui sont dans les prisons, au bagne. Je n'osais vous inviter à Teddington, sachant combien votre temps est pris. Sur un mot de Mazzini, vous m'avez fait dire que vous vouliez venir chez moi, et cette circonstance me rend encore plus précieuse votre visite. Je suis même persuadé que vous le désirez sincèrement, mais en vue de ces difficultés insurmontables, je n'insiste pas». – «Quelles difficultés?» – demanda Garibaldi. – «Je n'en sais rien, questionnez ce monsieur dont le nom m'est inconnu», et je le montrai du doigt.

L'impresario s'approcha et commença, avec cette volubilité italienne que tout le monde connaît, à expliquer qu'il était impossible d'aller à 11 heures à Teddington et d'être de retour à 3 heures à Londres...

– Rien de plus facile, – dit Garibaldi, – il faut partir non à 11 heures, mais à 10 ou 972 heures».

L'impresario disparut.

– Dans ce cas, pour ne pas perdre de temps, pour ne pas chercher la rue, la maison, je viendrai moi-même chez vous demain à 9 heures.

Je le quittai sur cette promesse.

La veille, il avait dit à Mazzini qu'il voudrait bien se rencontrer chez moi avec Ledru-Rollin; j'allai donc inviter celui-ci en sortant de chez Garibaldi.

Il y avait environ un an que je n'avais vu Ledru-Rollin. Non pas qu'il y eût la moindre chose entre nous;

553

pas le moins du monde, mais la vie de Londres et surtout dans les suburbs de cette ville immense, sépare les hommes sans qu'ils s'en aperçoivent, et d'ailleurs, nous avons peu de chose en commun dans notre activité.

Ledru-Rollin mène une vie très retirée, gardant toujours sa foi ardente à l'avènement très prochain de la République une et indivisible. Moi, j'ai le malheur d'en douter.

Il me reçut avec sa politesse ordinaire, mais refusa d'accepter l'invitation. Il serait certainement enchanté de se rencontrer avec Garibaldi, plutôt chez moi qu'ailleurs, mais comme représentant de la République française, comme ayant participé à la journée du 13 juin 1849, il ne pouvait le voir pour la première fois que chez lui. «Si par hasard des considérations politiques le forcent de ne pas montrer officiellement sa sympathie pour la République française, en faisant une visite à moi, à Louis Blanc ou à tout autre républicain français, moi, je ne m'en plaindrai pas, mais je déclinerais aussi toute entrevue. La République française n'est pas une courtisane à laquelle on donne des rendez-vous secrets. Oubliez pour un moment que vous m'invitez chez vous, et dites-moi franchement, trouvez-vous juste mon raisonnement?»

– Parfaitement. Vous me permettrez de répéter vos paroles à Garibaldi?

– Certainement.

La conversation changea de sujet, elle devint générale. Je vis encore une fois devant moi l'ombre de 1848 se dresser sous les traits de son grand tribun; il était devant moi tel que je le vis autrefois, quelques rides, quelques cheveux blancs de plus, c'est tout ce qui avait changé en lui. Même religion, même style, même tournure de pensée, mêmes espérances. «Les affaires vont très bien,

l'empire est débordé; non seulement Paris, mais les départements lèvent la tête, l'opinion publique monte, – et il en est temps, etc., etc.».

Ainsi soit-il!

Le lendemain, dès mon arrivée à Londres, je commençai par prendre une grande voiture à deux chevaux. On verra que c'était parfaitement à propos. En entrant à Stafford-house je tombai sur l'impresario furioso, qui déclamait contre Teddington. – Est-il possible, – disait-il à Guerzoni qui ne l'écoutait pas, – est-il possible que les chevaux du duc puissent faire une telle course? on ne les donnera pas.

– Nous n'en avons pas besoin, j'ai en bas ma voiture.

– Et vous pensez que l'on peut être de retour à trois heures avec les mêmes chevaux!

– Ne vous inquiétez pas, si les chevaux sont fatigués, on en attellera d'autres.

Guerzoni commença à élever la voix et les expressions; son adversaire

554

aussi. A ce moment, Garibaldi parut à la porte; il regarda l'un, regarda l'autre et dit avec un calme sérieux:

– Je crois qu'il est temps, je suis tout prêt. Pardon, un instant, j'ai là un ami qui vient d'Italie et que je dois recevoir avant de m'en aller. Vous le connaissez peut-être, c'est Mordini, le ci-devant proconsul de Sicile.

– Beaucoup. Si vous le permettez, je l'invite.

– Cela me fera grand plaisir.

Je l'invitai avec Saffi, un de mes plus anciens amis italiens. L'impresario s'avança pour dire qu'il n'y avait pas assez de place. Je priai en conséquence Saffi et Mordini de prendre le chemin de fer. J'aurais proposé la même chose à Garibaldi, mais comme je n'avais pas pris de mesures en conséquence, il aurait pu se faire qu'au débarcadère de Teddington nous ne trouvions pas de voiture, et je ne voulais pas le faire marcher jusque chez moi.

Enfin, au grand déplaisir de l'impresario nous sortîmes accueillis par les acclamations du peuple.

Menotti ne pouvait aller avec nous, il était ce jour-là avec son frère dans le parc de Windsor. On dit que la reine, seule personne de l'Angleterre qui n'avait pas le droit de voir Garibaldi, désirait rencontrer ses deux fils. Cette fois la part du lion n'appartenait pas à la reine.

III

CHEZ NOUS

Cette journée a réussi admirablement. Elle avait un fini étonnant, une plénitude et une sérénité auxquelles je ne suis plus habitué depuis une quinzaine d'années. Un jour plus tard et notre réunion n'aurait pas eu le même caractère. Un convive non italien de plus, et le ton n'eût pas été le même; au moins la crainte de le voir altéré l'aurait gâtée. Des journées pareilles représentent les cimes de la vie, il n'y a rien au delà, pas plus que dans les sons d'une mélodie, dans l'aspect d'une fleur épanouie.

A partir du moment où disparurent Stafford-house, le suisse de son altesse ducale, les laquais et les Figaro... la disposition d'esprit changea, devint sereine, sérieuse, indépendante, et resta telle jusqu'au moment où Garibaldi choyé, pressé encore une fois par la foule, embrassé et embrassant, se mit en voiture et partit pour Londres.

Chemin faisant, nous parlâmes beaucoup sur tous les sujets possibles. Garibaldi dit entr'autres choses qu'il était bien étonné que les Allemands ne voulussent pas comprendre que dans la guerre actuelle, ce n'est ni leur unité, ni leur liberté qui auront le dessus, mais bien deux armées souveraines et despotiques, qui les subjuguèrent après la guerre. «Si le Danemark était soutenu,

555

les forces de l'Autriche et de la Prusse engagées au Nord, que ne pourrait-on pas faire sur le littoral opposé?... 11[11]»

11[11] Cette opinion énoncée par Garibaldi est la même que Charles Vogt a développée dans sa remarquable brochure.

Je lui fis observer que les Allemands sont des nationalistes exagérés, qu'on leur a fait la réputation de cosmopolites, parce qu'on ne les connaissait que dans les livres et par les livres. Ils sont chauvins comme les Français les plus Français, mais les Français savent qu'on les craint. Les Allemands, au contraire, ne jouissent pas de beaucoup de considération, et cela les met en fureur. «Croyez-vous qu'il y ait des Allemands qui voudraient sincèrement vous ouvrir Venise et le quadrilatère? Peut-être encore Venise, son nom aristocratique, le bruit qu'on en a fait... mais parlez-leur de Trieste, de la Posnanie. Les pays slaves leur sont nécessaires pour les civiliser», etc.

Je lui dis enfin la réponse de Ledru-Rollin, en ajoutant que dans mon for intérieur je partageais parfaitement son opinion. «Certainement, il a raison, mille fois raison. Je n'y ai pas pensé; j'irai demain chez lui et chez Louis Blanc. Ne pourrait-on pas aller chez lui maintenant?»

Nous étions sur la grande route de Wansworth. Ledru-Rollin habite un quartier de Londres, derrière le Regent-Park. C'était certainement une distance de huit milles. A mon tour, je trouvai que c'était matériellement impossible.

...Et derechef, par moments, ses traits s'obscurcissaient et exprimaient une grande douleur. Il se taisait et regardait au loin comme s'il cherchait quelque chose à l'horizon. Je ne l'interrompis pas. Je le regardai en me disant: «Je ne sais pas s'il est le glaive du Seigneur, mais il est évident qu'il n'est ni guerrier de profession, ni général. Soldat et apôtre, il est prêt à combattre et à prêcher, prêt à donner son sang et le sang de ses fils pour son peuple, pour sa cause, prêt à porter des grands coups et à les recevoir, prêt à répandre dans l'air les cendres de ses ennemis et oubliant la victoire, prêt à jeter son glaive ensanglanté, avec le fourreau, dans les profondeurs de la mer...»

Et c'est précisément là ce que les masses ont compris. Par quoi? Comment? – Par la clairvoyance qui leur a fait comprendre le mystère incompréhensible de la rédemption, et qui leur a fait saluer le gibet d'un homme exécuté. Pour eux, comprendre c'est croire, et croire c'est adorer.

C'est ce que toute la population pauvre de Teddington a fait. Lorsque nous arrivâmes à la porte du jardin, il n'y avait pas moyen de passer. La foule se jeta sur lui, le cerna, le pressa en criant: «God bless you. God bless you, Garibaldi». Des femmes soulevaient leurs enfants en s'approchant de lui pour qu'il les touchât;

556

des femmes (je l'ai vu de mes propres yeux) lui baisaient les mains en pleurant. Garibaldi souriait, priait qu'on ne le renversât pas, serrait lui-même les mains à tout le monde: il était là comme un patriarche dans sa famille. A peine entré, il sortit encore une fois sur le vestibule et, les mains sur la poitrine, remercia la foule qui continuait à l'acclamer.

Il est bien difficile de faire comprendre aux gens nés dans les chancelleries, élevés dans les antichambres, le motif de cet accueil enthousiaste, que l'on faisait partout à ce flibustier, fils d'un marin de Nice, à ce soldat rebelle. Qu'a-t-il fait pour le peuple anglais? Les braves gens cherchent, cherchent dans leur tête la véritable vérité, le mot de l'énigme, et trouvent enfin, comme le journaliste moscovite, que «tout cela était préparé sous main par le ministère actuel, qui est passé maître dans l'art d'arranger les démonstrations».

Je le crois, il est très probable même que le batelier de la Chiaja¹²[12] qui portait le médaillon de Garibaldi sur sa poitrine avec celui de la madone, était gagné par le parti Siccardi et le ministère Venosta!..

A dire vrai, <il> m'est avis que le jeu de joueurs tels que Palmerston, Gladstone et compagnie, n'est pas facile pour nos publicistes moscovites, et pourtant ils pourraient réussir à le deviner par l'effet de cette sympathie qu'une petite araignée, par exemple, peut éprouver pour nos énormes tarentules; mais quant au secret du tripotage qui se cache au fond de la réception de Garibaldi, voilà qui est trop fort pour eux. Et c'est très heureux. S'ils comprenaient une fois ce grand mystère, ces policemen de notre littérature, il ne leur resterait qu'à aller se pendre au premier arbre. Les punaises ne peuvent vivre confortablement et être heureuses qu'autant qu'elles ne soupçonnent pas leur odeur. Malheur à la punaise qui s'aviserait de s'adapter un nez humain. Mazzini arriva immédiatement après Garibaldi. Nous allâmes tous à sa rencontre. Le peuple l'acclamait; en général le peuple anglais connaît peu Mazzini, mais les hommes du peuple qui le connaissent éprouvent pour lui la même sympathie qu'ils éprouvaient pour Kossuth. La peur des conspirateurs, des agitateurs et des complots, ne commence qu'aux shopkeepers et aux petits propriétaires.

Une fois assis à table, Mazzini se leva et dit, au milieu d'un silence profond: «Mon toast comprendra tout ce que nous aimons et tout ce pour quoi nous combattons:

A la liberté des peuples!

557

A l'association des peuples!

A l'homme qui, par ses actions, est l'incarnation vivante de ces grandes idées!

A Joseph Garibaldi!

A la pauvre, sainte, héroïque Pologne, qui, depuis plus d'une année, combat en silence et meurt pour la liberté!

A la nouvelle Russie qui, sous la devise Terre et Liberté, tendra, dans un jour rapproché, une main de sœur à la Pologne pour la défense de la liberté et de

l'indépendance et effacera le souvenir de la Russie du tzar!

12[12] Voir: «Lettre de Naples», à l'Appendice.

Aux Russes qui, notre ami Herzen en tête, ont le plus travaillé à l'éclosion de la nouvelle Russie!

A la religion du devoir qui nous fera lutter jusqu'à la mort pour que toutes ces choses s'accomplissent!»

Garibaldi se leva et répondit en tenant à la main un verre de marsala:

«Je vais faire une déclaration que j'aurais dû faire depuis longtemps: il y a ici un homme qui a rendu les plus grands services à mon pays et à la cause de la liberté. Quand j'étais jeune et que je n'avais que des aspirations vagues, j'ai cherché un homme qui put me conseiller et guider mes jeunes années; je l'ai cherché comme l'homme qui a soif cherche l'eau. Cet homme, je l'ai trouvé; lui seul a conservé le feu sacré, lui seul veillait quand tout le monde dormait. Il est devenu mon ami et l'est toujours resté, jamais ne s'est éteint en lui le feu sacré de l'amour de la patrie et de la liberté.

Cet homme, c'est Joseph Mazzini.

— A mon ami, à mon maître!»

Après un instant de silence, Garibaldi s'est levé de nouveau et a repris:

«Mazzini a dit à propos de la malheureuse Pologne quelques paroles qui sont l'expression parfaite de mes propres sentiments. A la Pologne, patrie des martyrs, à la Pologne qui marche à la mort pour l'indépendance, au pays qui donne un sublime exemple aux peuples!

Buvons maintenant à la jeune Russie qui souffre et qui lutte comme nous, au nouveau peuple qui, une fois libre et maître de la Russie du tzar, est appelé à jouer un grand rôle dans les destinées de l'Europe!

A l'Angleterre enfin, à ce pays de l'indépendance et de la liberté, qui par son hospitalité et sa sympathie pour les bannis, mérite toute notre reconnaissance.

A l'Angleterre, à qui nous devons le bonheur de nous trouver réunis»...

La voix émue de Garibaldi, la profonde sincérité avec laquelle il venait de parler de Mazzini, la solennité que ses paroles empruntaient à la série d'événements qui les avaient précédées,

558

frappèrent tout le monde au point que personne ne répondit rien; le silence était absolu, les dames avaient les larmes aux yeux, les serviteurs mêmes s'arrêtèrent, le plat en main, pour écouter avec recueillement, comme si chacun avait la conscience que les paroles qui tombaient dans ce petit salon allaient être inscrites dans l'histoire.

Mazzini lui donna la main et répéta deux fois: «C'est trop! c'est trop!» Moi je m'approchai de lui, le verre à la main, et je lui dis que son toast parviendrait aux mines de la Sibérie et jusque dans les casemates où sont enfermés nos amis, et je le remerciai en leur nom!

Après le déjeuner, nous passâmes dans une autre pièce. Dans le corridor, il y avait quelques personnes qui s'étaient introduites pour voir Garibaldi, et je vis parmi elles un vieillard boiteux, émigré italien depuis trente ans, pauvre confiseur, qui travaillait chez le restaurateur qui avait fourni le déjeuner. Il me faisait des signes pour lui frayer le passage et le présenter à Garibaldi.

Saisissant sa main, le vieillard dit en fondant en larmes: «Maintenant je mourrai tranquille, je l'ai vu, je l'ai vu», et il couvrait la main de Garibaldi de baisers. Garibaldi embrassa le vieillard avec tendresse.

Tout habitué qu'il était à de pareilles démonstrations, Garibaldi, touché, ému, entra au salon et s'assit sur un petit sofa, et de nouveau des nuages noirs couvrirent son visage. Cette fois, il ne put se contenir et dit: «Parfois un sentiment étrange de crainte s'empare de moi, c'est un sentiment si pénible que j'ai peur d'en perdre la tête. Il y a trop de bonheur; la réception du peuple anglais a surpassé mon attente. Ah! comme je me rappelle les journées qui ont suivi mon retour d'Amérique à Nice, lorsque je revis enfin la maison paternelle, lorsque j'y retrouvai ma famille, mes anciennes connaissances, les endroits que je connaissais si bien; j'étais si heureux, si heureux! Vous savez, dit-il en se tournant vers moi, — tout ce qui est arrivé après. Qu'est-ce qui m'attend maintenant?»

Je n'avais pas un mot de consolation à lui adresser. Je tremblais intérieurement moi-même devant cette question: «Qu'est-ce qui l'attend?»

Il était temps de partir, Garibaldi se leva, m'embrassa, prit congé, et encore une fois la foule se pressa sur ses pas; les «hour-rahs!», retentirent mêlés de: «God bless you! Garibaldi, for ever!» Et la voiture disparut.

Tout le monde resta dans une disposition solennelle et pensive, comme si l'on venait d'assister à un service divin. Tout le monde récapitulant les détails de cette visite, revenait involontairement à la formidable question qu'il nous

559

Bientôt après Mazzini partit à son tour. Nous restâmes seuls avec deux ou trois amis intimes et la soirée commença dans une tranquillité profonde. Que de fois, mes enfants, j'ai regretté profondément que vous n'y fussiez pas. Cela fait du bien d'avoir à se souvenir d'une journée pareille; cela rafraîchit l'âme, fait notre paix avec le mauvais côté de la vie... de pareilles journées sont si rares!

Je me rappelai le lendemain que j'avais complètement oublié de proposer un toast. Le discours de Garibaldi en réponse aux paroles de Mazzini me semblait finir la fête. J'écrivis alors ces lignes à Garibaldi:

«Illustre ami,

J'étais trop ému hier pour vous dire ce que je voulais et je me suis borné à vous remercier au nom de la Russie qui germe, de la Russie vaincue et opprimée, comme la Pologne; de la Russie qui se meurt dans les casemates et en Sibérie; de la Russie qui existe dans les profondeurs silencieuses de la conscience du peuple et qui se réveille avec son propre idéal: Terre et Liberté; de la Russie enfin dont les fils ont été exilés pour avoir exprimé cette aspiration du

peuple.

Nos amis lointains sauront vos paroles sympathiques. Ils en ont besoin; leurs souffrances ne sont pas parsemées de fleurs, et un reflet des crimes qui se commettent en Pologne, tombe sur nous tous.

Au fond je ne regrette pas de n'avoir ajouté que de simples remerciements.

Qu'aurai-je pu dire? Porter encore un toast à l'Italie? Mais notre réunion n'était qu'un toast à l'Italie. Ce que je ressentais ne se concentre pas bien dans un toast: je vous regardais, je vous écoutais avec un sentiment de piété juvénile qui n'est plus de mon âge, et en vous voyant tous deux, vous les deux grands guides des peuples, saluant l'aurore de la Russie future, je vous bénissais tous les deux sous notre modeste toit.

Je vous dois le meilleur jour de mon hiver, un grand jour d'une étonnante sérénité. Le 17 avril sera une fête pour moi.

Permettez donc que je vous embrasse encore avec la plus ardente reconnaissance et avec une profonde et sincère vénération.

A. Her z en.

18 avril 1864.

Elmfieldhouse, Teddington. – S. W.»

IV

26, PRINCESS GATE

L'avenir prochain ne se fit pas attendre.

Comme dans les vieilles épopées, pendant que le héros dormait sur des lauriers, la vengeance, la discorde, l'envie, en costumes

560

appropriés à leurs rangs, se concertaient dans quelque nuage obscur, pour lui faire une niche. C'est ainsi que l'on a agi avec «l'hôte de l'Angleterre».

Seulement, la mise en scène a été adaptée à nos mœurs. Dans notre siècle civilisé, ces sourdes menées ne se font plus dans les nuages par des allégories, mais dans des salons bien éclairés par de simples humains qui ne sont pas suivis par des furies échevelées, mais par des laquais très bien poudrés. Les terribles décors des poèmes classiques et des pantomimes de Christmas sont remplacés par un jeu plus simple et plus efficace. On n'a pas employé plus de sorcellerie et de magie que ne le fait l'honnête épicier qui jure sur son âme en vendant du cassis fait au gin, que c'est du véritable Old-Port, sachant très bien que personne ne le croit, mais aussi que personne ne s'avisera de lui faire un procès qu'on perdrait infailliblement.

Pendant que Garibaldi était à Teddington à causer tranquillement avec des amis, des conspirateurs se réunissaient pour comploter contre son séjour en Angleterre. Il fallait en finir avec cette visite qui devenait de plus en plus gênante. Quoique les conspirateurs fussent des hommes vieillis dans la diplomatie et l'intrigue, blanchis dans l'astuce et l'hypocrisie, pourtant ils n'employèrent pas plus d'art que l'honnête épicier qui vend de l'infusion de cassis pour de l'Old-Port...

...Jamais le ministère anglais n'a invité Garibaldi, jamais il ne s'est opposé à sa visite. Ce sont là des cancanes des petits diplomates et des grandes feuilles politiques. Garibaldi a accepté l'invitation de ses amis anglais, pour mettre en avant la question italienne, pour réunir des fonds, entreprendre ensuite une campagne dans l'Adriatique et entraîner Victor-Emmanuel par la force du fait accompli.

On savait bien que le peuple anglais ferait une réception enthousiaste à

Garibaldi, mais la tournure que les ovations prenaient et promettaient de prendre dans les grands centres, donnait de l'ombrage. Il y avait dans cette apothéose pour le héros révolutionnaire, comme un reproche comprimé, comme un blâme par ricochet.

Pour le moment l'aristocratie anglaise n'a rien à craindre de son Samson courbé sous le poids du travail forcé et, en général, ce n'est pas de la révolution européenne qu'elle a peur. Pourtant le caractère que prenait l'enthousiasme populaire à la réception de Garibaldi, lui était très peu agréable. Cette agitation toute pacifique qu'elle était, faisait sortir les ouvriers de l'ornière, les détournait des soins éternels du travail pour un morceau de pain, du «hard labor» auquel ils ont été condamnés, non par leur propre volonté, mais par celle de notre fabricant à nous tous (our Maker), le dieu de Shaftsbury, le dieu de Derby, le dieu du Southerland et Devonshire...

561

Avec tout cela l'idée de renvoyer Garibaldi d'une manière discourtoise n'est jamais venue à la véritable aristocratie anglaise. Au contraire, elle voulait l'accaparer, l'absorber, le cacher du peuple par des nuages d'or, comme se cachait Junon lorsqu'elle faisait l'aimable avec Jupiter. Elle voulait le distraire, le nourrir, le désaltérer, l'occuper de manière, qu'il ne pût avoir un instant pour lui-même ou pour ses amis.

Garibaldi désirait de l'argent. Eh bien, que peuvent donner sur leurs épargnes ceux qui sont condamnés à la pauvreté par la sagesse du dieu de Shaftsbury, Derby et Devonshire? Nous lui réunirons, s'il le faut, un demi-million, un million de francs, nous lui donnerons le pari d'un cheval d'Epsom, nous lui achèterons l'autre moitié de Caprera, nous lui ferons cadeau d'un yacht, il aime tant la mer, et pour qu'il n'aille pas dépenser cet argent en bêtises¹³ (sous-entendu pour l'émancipation définitive de l'Italie), nous ferons un majorat, nous lui verserons la somme par annuités, comme on fait avec les mineurs ou les imbéciles. Tous ces plans s'exécutaient avec zèle et succès et pourtant Garibaldi, comme la lune par une nuit nuageuse, perçait par moments l'épaisseur des nuages, éclairait en plein... et disparaissait de nouveau.

Dans les autres villes le rôle pouvait bien changer.

¹³ Comme si Garibaldi voulait de l'argent pour lui-même! On se rappelle qu'il refusa la somme dès qu'il apprit ces conditions.

C'est alors que la providence envoya en aide à l'aristocratie les hommes d'affaires, les hommes d'Etat. Ceux-là, sans scrupules ni égards puérils, donnèrent une attitude tout autre à l'affaire. Eux, ils ne craignaient pas les démonstrations d'ouvriers, ils avaient d'autres soucis, – le voisin, les voisins, – et l'affaire de Stansfeld était si récente!

Par un hasard étonnant, précisément à la même époque, lord Clarendon éprouva le besoin de faire un pèlerinage aux Tuileries. Le besoin n'était pas grand, à peine parti, il revint. A Paris il a jaser avec l'Empereur sur Garibaldi. Tout allait bien, l'Empereur était content de ce que le peuple anglais appréciait si bien les grands hommes étrangers. A Drouin de Lhuys, Clarendon a dit – c'est-à-dire il n'a rien dit – mais s'il avait osé, il eût dit, comme

Palmerston: «Civis romanus sum».

Quant à l'ambassadeur autrichien, il n'était peut-être pas aussi satisfait, mais il ne disait mot de cette réception scandaleuse «des berüchtigten

Umwalzungs-Keneral».

Avec tout cela, des chats grattaient le cœur du ministère, il avait des insomnies. Le premier chuchote avec le second, le second avec le troisième, le troisième avec lord Shaftsbury, lord Shaftsbury avec Seely m. p., Seely m. p. avec Fergusson de la

562

Faculté, Fergusson avec le Duc-sapeur-pompier. Gladstone revient le premier à lui, mais il se sent pris d'une douleur vive, intense, d'une inquiétude maternelle pour la santé de Garibaldi. Qui aurait pu penser qu'il y eût tant de tendresse, tant d'amour, un tel abîme de sensibilité sous le portefeuille des finances.

Le lendemain de notre fête, je prends un journal du soir. Grande nouvelle, maladie du général Garibaldi, départ du général Garibaldi. – N'ayant pas la sensibilité de Gladstone, je flairai quelque chose d'étrange, et je restai sans inquiétude pour la santé d'un homme que j'avais vu la veille parfaitement bien portant. Certainement il y a des maladies galopantes, l'Empereur Paul se coucha un soir en parfaite santé, et ne se leva pas le lendemain. Mais Garibaldi n'était pas un homme à recevoir un coup d'apoplexie dans la tempe. – «Non, c'est un coup monté, allons voir», – me dis-je à moi-même.

D'abord, j'allai chez Mazzini, et ne l'ayant pas trouvé, chez une dame de ses

amies. Elle me donna la première quelques explications sur l'attention aiguë et les sentiments fougueux du ministère, à qui la santé d'un grand homme est toujours chère...

Je me dispense des détails. Shaen dans son discours au second meeting de Primerose-hill, a raconté l'affaire, et il n'a pas été réfuté. Je m'en tiens donc aux généralités de la mise en scène.

Lorsque le dimanche Garibaldi revint chez lui de Teddington, les conspirateurs étaient déjà derrière le mur de sa chambre, à Stafford-house. Il ne se doutait ni de sa maladie, ni du complot, et mangeait des raisins. On discutait chaudement à qui l'on donnerait la préférence, personne ne brigait l'honneur d'être le premier, enfin on fit un choix admirable. Gladstone devait parler. Shaftsbury et Selly l'assister par leur silence éloquent.

Il n'y a pas à plaisanter avec un parleur comme Gladstone qui, chaque fois qu'il a parlé à des parlements, à des universités, à des corporations, à des délégations, leur a fait perdre le fil de leur raisonnement, et accepter son propre raisonnement à lui. Comme captatio benevolentiae, il commença en italien, et il fit parfaitement bien, car il parlait dans un tête à tête, devant deux témoins qui ne comprenaient pas un mot d'italien. Au commencement Garibaldi ne comprit pas de quoi il s'agissait et lui dit qu'il se portait à merveille. Le ministre ne voulut pas accepter un fait éventuel et tâcha de lui prouver d'après Fergusson, lettre en main, qu'il était très malade. Enfin Garibaldi s'aperçut qu'il y avait quelque chose d'étrange dans cette attention amicale et demanda à son interlocuteur si ses paroles ne signifiaient pas par hasard, que le gouvernement désirait qu'il s'en allât. – Le ministre ne lui cacha pas que sa présence, si chère pour lui et pour ses collègues, compliquait d'une manière toute particulière

563

une position tendue. – «Mais qu'à cela ne tienne, – dit Garibaldi, – je suis tout prêt à partir».

Le succès était trop grand, trop rapide, Gladstone eut peur et insinua à Garibaldi qu'il ne fallait pas se presser, qu'avant de retourner à Caprera, il pouvait visiter deux ou trois villes.

– Il m'est impossible de faire un choix, – répondit Garibaldi, – mais je vous donne ma parole que je partirai dans deux ou trois jours.

La nouvelle de son départ se répandit dans toute la ville, on était très mécontent.

Le soir (lundi), il y eut une interpellation au parlement. Le jeune et volage Palmerston déclara aux membres des communes, que quant à lui il ne désirait nullement le départ de Garibaldi, mais qu'il avait des inquiétudes très sérieuses concernant la santé du général, et là il entra dans des détails hygiéniques comme si Sa Grâce était ou une femme aimante, ou un docteur attaché à une compagnie d'assurance sur la vie; il parla à la chambre des heures du sommeil et des heures du dîner du général, des suites de sa blessure et des émotions fortes que devaient lui causer les réceptions; il poussa sa sollicitude au point de faire de la séance du parlement une conférence médicale; il s'appuyait, non sur Chatam, ni sur Burke, mais sur Fergusson, qui l'aidait beaucoup dans cette opération.

Le Corps législatif décida que Garibaldi était malade. Les provinces et les comtés, les villes et les villages, les universités et les bourgs ont en Angleterre le self-government le plus étendu. Le gouvernement repousse avec un pédantisme timoré toute velléité d'immixtion dans les affaires qui ne le concernent pas; par crainte de restreindre la liberté des work-houses, il tolère la «starvation» (la mort par la faim); par crainte de restreindre l'industrie, il permet à de braves capitalistes de crétiniser une population entière. Et voilà que tout à coup le gouvernement se fait garde-malade, chirurgien, médecin, tuteur. Les grands pilotes de l'Etat quittent le gouvernail du grand vaisseau pour donner une consultation médicale, et prescrivent à un homme qui ne leur demande pas de conseil un voyage sur l'Océan. Le ministre des finances oublie le grand-livre, le crédit et le débit, l'income-tax, l'export et l'import, la balance et la surveillance, et se fait frater, tandis que le ministre des ministres rédige un rapport médical et pathologique aux représentants des hommes qui ont dix livres de rente... Est-ce que le self-government de l'estomac de Garibaldi et de ses autres fonctions organiques n'est pas aussi sacré que l'arbitraire des institutions de bienfaisance, qui servent si bien d'antichambres aux cimetières?

Garibaldi avait absolument le droit de ne pas partir, après la déclaration de Palmerston et de Clarendon. Il devait douter

564

ou des conseils qu'on lui donnait, ou de la sincérité de Palmerston, de la sincérité d'un ministre de la couronne parlant devant les représentants de l'Angleterre! L'Angleterre qui déteste le mensonge et l'hypocrisie... Never! «Les paroles de Palmerston ne peuvent en rien changer la promesse que j'ai donnée», – dit Garibaldi à ses amis, et il ordonna de faire les malles. C'était solferino!

Mon ami Bélinisky m'écrivit il y a une vingtaine d'années: «Sais-tu pourquoi nous perdons toujours en jouant avec les diplomates (je crois que ce n'est pas précisément le terme qu'il a employé – vingt années ne sont pas une bagatelle – mais le sens y est...). C'est que les diplomates nous traitent, nous autres, comme si nous étions des diplomates, tandis que nous les traitons comme s'ils étaient nos pareils».

On comprend maintenant pourquoi nous avons dit – qu'un jour plus tard – notre fête aurait eu un autre caractère.

Le lendemain j'allai vers huit heures du matin à Stafford-house. Garibaldi n'y était plus. Il avait voulu passer les derniers jours chez Seely, à Londres (26, Princess Gate, Kensington Garden). Je le trouvai là. Parler avec lui seul était chose impossible; il était gardé à vue par une vingtaine de personnes, qui marchaient, parlaient, le suivaient dans sa chambre, rôdaient dans le salon à côté, mais ne s'en allaient pas. «Vous partez?» – lui dis-je, en prenant sa main et d'un air de reproche. «Je plie aux nécessités», – me répondit-il tristement en me serrant la main.

La veille du départ de Garibaldi, je me rendis chez lui vers deux heures. Il était triste et fatigué; Stansfeld était là, il regarda sa montre et dit à Garibaldi:

- Votre réception va bientôt commencer.
- Comment, – dit Garibaldi comme effrayé, est-ce possible?
- Deux heures moins dix minutes.
- Grace à Dieu, profitons de ces dix minutes pour causer un peu.

Mais il ne s'en passa pas cinq avant que l'impresario vint dans la chambre; il était affairé, déplaçait des chaises, et annonçait que le salon, le grand couloir, tout était déjà rempli par le public.

Ce jour-là, les membres du Parlement avec leur famille, une partie des notabilités qui ne lui avaient pas été présentées, la haute nobility et la gentry, en tout deux mille âmes, d'après le Times, faisaient leur cour à Garibaldi. C'était un grand lever royal en forme, et encore un grand lever qui serait impossible non-seulement pour un roi de Wurtemberg, mais même pour le roi de Prusse, s'il n'y admettait pas les sergents, les savants et les docteurs.

565

- Je vais m'en aller, – dis-je à Garibaldi.
- Pourquoi faire? Restez donc.
- Mais que ferai-je ici?
- Ecoutez, – me dit-il en souriant, – je puis bien recevoir un vieil ami, recevant une telle masse de personnes inconnues.

Les portes s'ouvrirent, un homme en habit noir, une grande feuille à la main, alla se placer à l'entrée. Ce maître des cérémonies annonça d'une voix forte les personnes qui entraient:

- The right honourable..., honorable..., his Excellency... family... his Lordship... right honourable..., Lady..., Esquire..., Esq..., Misss., Esq..., Membre du Parlement..., M. p..., M. p..., M. p... – c'était sans fin. Après chaque nom, débouchaient dans l'appartement trois ou quatre énormes crinolines qui naviguaient lentement comme des moitiés d'aérostats, accompagnées des leurs cornacs, dans la direction de Garibaldi. Que d'étranges figures, coiffures, sourires, j'ai vu dans ce défilé..., des petits vieillards carrés, trappus, chauves et des vieillards longs, ressemblant à des girafes qui ont perdu les deux jambes de derrière, et qui tendent encore à grandir en soutenant leur tête par d'énormes dents jaunes et d'une forme inusitée pour ce genre d'instruments; et ensuite... les jeunes, et les gras, et les roux et les joyeux, et les tristes, et les endormis...

Chaque M. p. et chaque Esq. avait avec lui au moins trois dames appartenant à trois générations différentes. Chaque fournée s'approchait de Garibaldi, les hommes lui secouaient la main avec cette force musculaire que l'on emploie pour déraciner un arbre. Les uns lui adressaient quelques mots, les autres quelques sons; les dames faisaient un petit plongeon dans leur crinoline, passaient, puis s'arrêtaient à quelques pas pour contempler Garibaldi avec une attention tellement passionnée, que je suis sûr que nous aurons, pour la fin de l'année, une crue d'enfants à la Garibaldi, et comme les enfants portent déjà généralement la «camicia rossa» il ne leur manquera plus que le manteau gris.

Celles qui avaient fini, naviguaient par la porte opposée et entraient au large dans un grand salon, les plus braves restaient autant que la densité le permettait, sans suffocation.

Au commencement Garibaldi était debout, près d'un petit sofa lorsqu'il ne pouvait plus, il s'asseyait pour quelques instants; enfin, il s'assit tout de bon. Je regardai par la fenêtre: une file de voitures sans fin venait encore, et le maître des cérémonies annonçait toujours.: Right honourable. – His Lordship. – M. p. – M. p.

La magnifique musique des Horse guards, si je ne me trompe, se faisait entendre dans une salle au rez-de-chaussée. – Les crinolines entraient toujours, les longs et les courts, les chauves et les blancs, les bleus et les rouges, aussi je perdis patience, et

566

me confiant à un courant, je parvins sans difficulté, avec un aérostat, jusqu'à la cataracte, et même jusqu'à la porte du cabinet où travaillaient Saffi et Guerzoni.

Il n'y avait personne. J'étais triste, énervé. Cette farce d'une réception royale et d'un exil doré me scandalisait. Je voulais attendre Saffi, et je me jetai sur un sofa. La musique jouait des morceaux de Lucrecia Borgia: – Oui! oui. «Non curiamo l'incerto domani..!» – Je voyais les voitures qui venaient, et les voitures qui s'en allaient, je pensai à Garibaldi, à sa jambe blessée et à son bras démis, aux girafes, aux aérostats, et je m'endormis...

...Quelqu'un ouvrit la porte bruyamment, me dit: «Ah pardon!» et s'en alla. Je me levai, la musique continuait, les voitures venaient, les voitures s'en allaient. «Cela ne finira donc pas», – pensai-je, et je m'en allai à la maison. Le jour du départ je vins à sept heures du matin.

Garibaldi était encore plus sombre, il s'efforçait de sourire; cela n'allait pas, il était cassant et même impatient. Un monsieur lui présenta un bottier, inventeur d'un appareil pour sa jambe et demanda pour lui la permission de l'essayer. Garibaldi se laissa faire avec résignation. Une fois la bottine rivée, le bottier lui dit de se lever, il se leva, de marcher, il marcha. Tout allait très bien, le bottier et le monsieur se retirèrent, et Garibaldi se jetant sur la première chaise, dit avec désespoir à son jeune serviteur: «Débarrassez-moi de grâce de cette machine qui me fait mal».

C'était d'un comique parfait.

Nous (Ogareff et moi), nous nous approchâmes de lui pour prendre congé. Il m'embrassa tendrement, il était ému; il nous donna les deux mains et nous dit d'un ton de voix triste qui m'ébranla fortement: «Pardonnez-moi, pardonnez-moi, la tête me tourne. Oh! venez à Caprera, venez», et il nous embrassa pour la seconde fois.

Il se rendait à une entrevue avec le prince de Galles. Nous sortîmes de la porte cochère sans rien dire. Ogareff alla chez Mazzini, moi chez Rothschild... Chemin faisant j'entrai dans une taverne pour déjeuner, il n'y avait personne, j'en fus très content, je mangeai mon rumpsteake en évoquant encore une fois tous les détails étranges de ce «sommeil dans une nuit de printemps».

Va, grand enfant! va, grand simple et grande force! va, Plébéien, Camicia Rossa! va, roi Lear, va sur ton rocher! Goneril te chasse, mais il te reste la pauvre Cordelia, celle-là ne cessera pas de t'aimer et ne mourra pas!

Le quatrième acte de la pièce est terminé.

Que verrons-nous dans le cinquième? 15 mai 1864.

567

ВАРИАНТЫ

LE PEUPLE RUSSE ET LE SOCIALISME

ВАРИАНТЫ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ

ТОМ VII

Стр. 271

16- 17 Вместо: avec trop de confiance <с слишком полным доверием> // avec cette confiance illimitée <с тем безграничным доверием>

Стр. 272

8 Вместо: la Russie <Россию> // le pays <родину>

35 После: s'y prépare <к ней готовятся> // depuis un siècle <в течение столетия>

Стр. 274

28 Вместо: offre <предоставляет> // propose <предлагает>

Стр. 278

2-3 Вместо: au récit <при вести> // à la lecture <при чтении>

5 Вместо: nous exposait à des punitions <подвергало нас наказаниям> // entraînait des punitions <вызывало наказания>

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

36 Вместо: à leur témoignage; j'en suis convaincu <на их свидетельство; я убежден> // plusieurs, depuis, sont parvenus à rentrer dans leurs foyers; ils diraient j'en suis sûr <многим из них с той поры удалось возвратиться к своим очагам; они сказали бы, я в этом уверен>

Стр. 279

3 Вместо: aussi <также> // encore <еще>

12 Вместо: fort et indépendant <сильное и независимое> // fort, indépendant et armé de deux glaives, l'un dirigé contre l'Allemagne, l'autre menaçant la Turquie <сильное, независимое и вооруженное двумя мечами – одним, направленным против Германии, другим – угрожающим Турции>

Стр. 284

Подстрочное примечание: Вместо: Hegel. Œuvres posthumes <Гегель. Посмертные сочинения> // Biographie de Hegel par Rosenkranz. Œuvres posthumes. <Биография Гегеля, соч. Розенкранца. Посмертные сочинения>

21 Вместо: droits du seigneur <правам помещика> // droits de son seigneur <правам своего помещика>

Стр. 289

37 Вместо: un Plantagenet <Плантагенет> // un Tudor <Тюдор>

38 Вместо: des Cavendish <Кавендиши> // des Devonshire <Девонширы>

568

Стр. 291

16 Вместо: la Russie, elle non plus, n'a pas trouvé la solution <Россия также не нашла этого решения> // La Russie, d'un côté opposée, s'approche du même problème, mais <Россия противоположной своей стороной приближается к той же задаче, но>

Стр. 292

22 перед: lorsqu'elle est veuve de l'ancien de la famille <когда она вдова старшего в роде> // lorsqu'elle a des fils majeurs, ou, plus encore <когда она имеет совершеннолетних сыновей, или, еще более>

Стр. 295

Подстрочное примечание: Вместо: Mozart et Salieri. Ce poème est traduit en allemand par M. Kodenstadz <«Моцарт и Сальери». Эта поэма переведена на немецкий язык г. Коденстадтом> // Mozart et Salieri. Le poème est parfaitement traduit en allemand par M. Bornstaedt dans un petit volume de traductions de Pouchkine et de Lermontoff <«Моцарт и Сальери». Эта поэма великолепно переведена на немецкий язык г. Борнстедтом в томике переводов из Пушкина и Лермонтова>. – В обоих случаях фамилия переводчика Боденштета искажена.

5 перед: était le seul susceptible de vitalité <был один жизнеспособен> // était le seul national, il était le seul <был один национален, он был один>

Стр. 303

2-3 После: nom criminel <преступное имя> // nom sacré <священное имя>

Стр. 305

Подстрочное примечание отсутствует.

32 Перед: point d'illusion <нет места для мечтаний> // Bakounine a déjà subi la torture. L'on sait qu'il ne parlera pas; l'on ne veut même rien savoir; cependant on l'a torturé... Ici <Бакунин уже перенес пытку. Знают, что он говорить не будет; ничего не хотят даже узнать; тем не менее, его пытали... Здесь>

QUATRIÈME PARTIE

ВАРИАНТЫ ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА (BN)

Наст. том

Стр. 518

6 После: rappelez <помните> – было: comme <как>

9 Вместо: choqué <чокнулись> – было: trinqué <синоним>

32 Вместо: joie <радость> – было: jouissance <наслаждение>

Стр. 519

19 Перед: des crimes <преступлений> – было: et <и>

24 Вместо: séjour <пребывание> – было: а) existence <существование>; б) vie <жизнь>

27 Вместо: Rome <Рим> – было: l'Italie <Италия>

34 Перед: et derechef <и снова> – было: et j'ai entendu <и я услышал>

36 После: toute l'Europe <вся Европа> – было: tous les peuples <все народы>

Стр. 520

5 Перед: un crépuscule <сумрак> – было: les brouillards, entouré d'une race qui m'est étrangère. Quelle confusion. La lourde haleine de l'Océan est belle pour moi, elle est à sa place. Les formes se fondent <туманы, окруженный чужим мне племенем. Тяжелое дыхание Атлантического океана полезно для меня, оно уместно. формы смешиваются>

10° После: mais <но> – было: alors <тогда>

16 После: par toi <тобою> – было: et à toi <и тебе>

37 Вместо: et les dix à quinze mille hommes <и от десяти до пятнадцати тысяч человек> – было: et le serpent de dix à quinze mille hommes <и змея, составившаяся из десяти-пятнадцати тысяч человек>

39 Вместо: un saurien <пресмыкающийся ящер> – было: un seul lézard <единая ящерица>

43 После: l'ambassade <посольство> – было: et sortirent <и вышли>

Стр. 521

5 Вместо: ressortissant <выступающий> – было: taillé <высеченной>

9 Вместо: elles <они> – было: nous <мы>

16 Перед: Quel rêve! <какой сон!> – было: Comme tout cela paraît incroyable maintenant <как все это кажется теперь невероятным>

17– 19 Вместо: les sages qui étaient à jeun alors, qui ne s'endormirent pas le sourire à la bouche <мудрецы, которые сохраняли тогда трезвость, которые не задремали тогда с улыбкой на устах> – было: ceux qui n'étaient pas entraînés alors, qui n'étaient pas ivres <те, которые не были тогда увлечены, те, которые не были опьянены>

20 После: se réveiller <пробудиться> – было: d'être à jeun le jour blafard et froid

arrivait <сделаться, молодым, наступал тусклый и холодный день>

ВАРИАНТЫ ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА НАДПИСИ НА АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ ОТРЫВКА ИЗ «БЫЛЛОГО И ДУМ» (BN)

Стр. 522

4–6 Вместо: Je dépose ^ défunte <я кладу ^ покойницы> – было: Traduit le 2 février 1856 – juste 9 ans après le départ de Moscou – et dédié à Malvida – un jour après qu'elle a perdu son amie. Je dépose les feuilles comme une petite Allegro couronnée d'immortelles sur le cercueil récent de notre amie le lendemain de sa mort et <Переведено 2 февраля 1856 года – ровно через 9 лет после отъезда из Москвы – и посвящено Мальвиде – через день после утраты ею подруги. Я кладу эти странички, как маленькое Allegro, увенчанное имморталями, на свежую могилу нашей подруги через день после ее смерти и>

ОТВЕТ И. С. АКСАКОВУ

ВАРИАНТЫ РУКОПИСНОЙ КОПИИ (ЦГАЛИ)

Том XIX

Стр. 244

16– 17 Вместо: т. е. по старому календарю // что по старому стилю

18– 19 Вместо: на этих порогах и гранях // на этом пороге и гранях 20

Вместо: Вызвал я // Вызвал

22 Вместо: перебрал я // перебрал и

22– 23 Вместо: пробуждавшейся России // пробуждения в России 26 Вместо: и скажу // но скажу Стр. 245

2 Слова: всей нашей религии – отсутствуют,

6 Вместо: оставшегося // неподвижного

8 Вместо: в ином // в моем

8–9 Вместо: или жестком // и ожесточенном

12 Вместо: или без нас // и без нас

13 Вместо: Какой грех // Какой же грех

25 Вместо: второй раз // во второй раз

25–26 Вместо: без той земли // без иной земли

570

Стр. 246

1 Вместо: книжках // книгах

17– 18 Вместо: ваши мнения // ваше мнение

19 Вместо: пожертвовали нас // пожертвовали нами

26 Вместо: в руки // в руку

27 Вместо: начинает // уж начинает

28 Вместо: и из-за // из-за

31 Слова: Кому же каяться? – отсутствуют.

32 Вместо: грехов // греха

33 Вместо: чуть ли // чуть ли еще

33– 34 Вместо: вы все стали так храбро // вы все Стр. 247

1– 2 Вместо: два петербургские журнала // 2 петербургских журнала

2 Вместо: да что // что тут

4 Вместо: был на столе // лежал на столе 7 Вместо: в другие пути // на другие пути 20 Вместо: их восстания // их отчаянного восстания

29 Вместо: мять // не мять Стр. 248

3 Вместо: славянский // весь славянский Вместо: будут // они будут

7 Вместо: оружием захваченные куски земель // куски земель, захваченные оружием
10 Вместо: доказательства // доказательство
11 Вместо: государственную форму // форму государственного правления
12 Вместо: не называли // никто не называл
13 Вместо: Америке // американцам
18 Вместо: вспомните теперь // вспомните 20 Вместо: и едва // покуда
22 Вместо: застенков и пыток // застенков
23 Вместо: побежденных // подчиненных
23- 24 Вместо: на каторжную работу // в каторжную работу
24 Вместо: казни // казнь
25 Вместо: усмирения // полного усмирения
26 Вместо: отчего // почему
32 Вместо: в Польше рукоплескало // рукоплескало
34 Вместо: Смертная казнь сделалась // Смертные казни сделались
35 Вместо: начальников // начальников округов 37 Примечание в копии отсутствует.
Стр. 248-249
36- 1 Вместо: учредились // учреждались Стр. 249
3 Вместо: мстили, как их подражатели // мстили за тебя, как подражатели их
5 Вместо: не только ужаснулись // не молчали, <но>14[14] ужаснулись
6 Вместо: но имели // и имели
7 Вместо: Это // Но это
16 Вместо: останавливать // останавливало бы
17 Вместо: нет кринолин // нет кринолина
19 Вместо: но безмозглым хвастуном, грубым и неловким сыщиком // но и хвастуном грубым, неловким сыщиком
20 Вместо: умиротворения // умиротворе<ни>ю
22 Вместо: та же литературная // та русская
23 Вместо: простой смысл // смысл
25-26 Вместо: великого и громкого покаянья // великого покаяния 14[14] В копии, очевидно, по ошибке, переписчик поставил «не».
24 Вместо: на поляков // на побежденных поляков
29 Вместо: тяжелой // тяжелой
30 Вместо: слова // слово
33- 34 Вместо: панского ряда в «Вести» // панского ряда «Вести»
35 Вместо: очень строгие // очень к ним строгие
36 Вместо: И. Желудкова // Ивана Желудкова
37 Вместо: но человек // но и человек Стр. 250
4 Вместо: литературные богомазы // богомазы
5 Вместо: я оставляю // оставляю
32 Вместо: нет ни одного факта, который бы мог // ни одного факта который мог бы
Стр. 251
6 Вместо: год тому назад // год назад
10 Вместо: П. П. Гагарин // Павел Павлович Гагарин
12 Вместо: и пр. // и т. д.
13 Вместо: понятии // понятии и основании 15 Вместо: по середам и // по середам и по
21 Вместо: я и эту // и эту
24 Вместо: папиросов // папиросок
25 Вместо: от гонений по студентскому делу // от гонения по студенческому делу
26 Вместо: уже был // был
27 Вместо: русской грамоте // грамоте
31 Вместо: делая // сделала
32 Вместо: с жаргоном, естественным // с наглостью и жаргоном, свойственным
34- 35 Вместо: пока увидели в «Моск. ведомостях» //
пока не увидели в «Московских
ведомостях»
37 Вместо: с Маццини и пр. // с Маццини
2 Вместо: социальных // социалистических 4 Вместо: мысль зажигательства // мысль о поджигательстве
6 Сноска в копии дана к слову: Бакунина
6- 7 Вместо: не верите этому // не верите
7 Вместо: а Катков // И Катков
своим
8-9 Вместо: по обширным ученым связям своим знает, что это все вздор // по обширным связям знает, что все клевета, знает, что сам выдумал

13 Вместо: чего-нибудь // чего-либо

13-14 Вместо: где бы мы открывали // где открывали бы

17 Вместо: для нас // для вас

32 Вместо: получил // получал

самым

35- 36 Вместо: я на днях ^ отвергающее // На днях получил письмо от Бакунина, положительным образом опровергающее

Стр. 253

8-9 Вместо: имеем ^ одинакое понятие // с вами не имеем совсем одинаковые

понятия 25-26 Вместо: и в других // и других 31 Вместо: но во всех // но и во всех

31- 32 Вместо: отеческого умиротворения //отеческих умиротворений

32- 33 Вместо: Сераковский, Падлевский // Сераковские, Падлевские 35 Вместо: дела // дело

37 Вместо: Но отвратить восстания // Предотвратить восстание

37- 38 Вместо: мог кто-нибудь // кто мог

38 Вместо: было до того // до того было

1 Вместо: натянуто // невыносимо

2 Вместо: как // сколько

8 Вместо: действий // действия

10- 11 Вместо: собственному безумию // безумию

11 Вместо: Или еще лучше // или

12 Вместо: забыть // забыв

13 Вместо: он был оскорблен, прав // и он был оскорблен, и он прав

14 Вместо: по делам // по делом

16 Вместо: и с тяжелым сознанием // с тяжелым сознанием 19 Вместо: увлеченные // увлеченные и

21 Вместо: иногда // тогда

Вместо: обессиленные // бессильные

22 Вместо: бросали в нас // в нас бросали

25 Вместо: в Москве и Петербурге // в Петербурге и в Москве 27 Вместо: стали // стояли

28- 29 Вместо: что вы это? Не за горами // что вы думаете, не за горами 29

Вместо: в который // когда

31 Вместо: Пожарского // святую личность Пожарского Вместо: от Муравьева // от смрадной личности вешателя Муравьева

33- 34 Вместо: ему был гадок // был ему гадок 38 Вместо: всей их // всей нашей Стр. 255

2 Вместо: проползают с своим покаянием // проползают

3 Вместо: ренегаты и изменники // ренегаты, изменники

6 Вместо: в Москве и Петербурге // в Петербурге и Москве

13 Вместо: об этом предмете // о таком предмете

21 Вместо: уважать // и уважать

23 Вместо: Ницца, 6 апреля 1867 // 6 апреля 1867 г.

ПИСЬМО О СВОБОДЕ ВОЛИ

ВАРИАНТЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ИЗДАНИЯ

Тексту предшествует дата: Lucerna, giugno 1868 <Люцерн, июнь 1868>.

Том XX

Стр. 434.

3 Вместо: ta brochure sur le système nerveux <твою брошюру о нервной системе> // tuo studio fisiologico sulla volontà, ed ho ripensato alle nostre discussioni florentine col nostro amico, il grande fisiologo, Schiff <твою физиологическую брошюру о воле и вспомнил флорентинские споры с нашим другом, крупным физиологом Шиффом>

4 После: pour réfuter <чтоб опровергнуть> // poichè sono d'accordo con voi <потому что я с вами согласен>

17 После: inséparables <неразделимые вещи> // così come si cercava di dividere i due emisferi di Magdeburgo <точь-в-точь как пытались разделить Магдебургские полушария>

20 После: il concludet de là <он приходит вследствие этого к выводу> // del libero arbitrio, o <о свободе воли, или>

24- 25 Слова: et de leurs fonctions, ainsi que le centre de son activité sensitive et intellectuelle <и их функций, равно как и центр своей чувственной и умственной деятельности> – отсутствуют.

Стр. 435

4 После: d'une vérité pressentie <предчувствуемой истины> // fantasticamente addobbata – per supplire alla mancanza di un chiaro

573

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 intendimento. Ma quando la negazione è più povera dell'affermazione (quantunque
 erranea e lontana dal vero sia quest'ulti ma) – allora la negazione non riesce
 mai a sradicarla <в фантастическом убранстве, заменяющем ясность представлений.
 Но когда отрицание слабее утверждения (каким бы ошибочным ни было это
 утверждение), отрицание не сможет его преодолеть>.
 7 После: du monde physique <физического мира> // Supporre nell'universo (che non
 è altro che la realizzazione delle condizioni necessarie per la sua esistenza)
 una spontaneità illegale subbiettiva,
 non sottomessa al circolo di azioni e reazioni, è un non-senso evidente,
 un'assurda eccezione <Бессмысленно и абсурдно предполагать, что во вселенной
 (где реализуются условия, необходимые для ее существования) имеется некая
 незаконная субъективная самопроизвольность, не подчиняющаяся круговороту
 действий и реакций>. 12–13 Вместо: et de lui supposer une spontanéité subjective
 illégale <и предполагать в нем незаконную субъективную самопроизвольность> //
 Gli basta la possibilità di diventare pardone della natura in quanto la conosce
 <Ему довольно возможности стать господином природы в той мере, в какой он ее
 знает>
 15– 16 После: «pesant» les chances <«взвешивающую» условия> // (hai molto
 felicemente adoperato la parola pesare) (ты очень удачно употребил слово
 взвешивать)>
 34– 35 После: échappe à la physiologie <ускользает от физиологии> // per
 essa l'uomo-oggetto è il feto riuscito, niente più <для физиолога объект –
 человек – это развившийся зародыш, больше ничего>
 Стр. 436
 23 После: se conserve par la mémoire <сохраняется по памяти> // un riflesso
 della coscienza che si ritrova sempre in mezzo alle correnti opposte e continue
 di azioni e di reazioni, nel vortice di atomi, di celluli, che si accozzano e
 diventano solidali, formano un'unità rispetto al mondo esterno <рефлекс
 сознания, которое всегда находится между неизменными и противоположными
 направлениями действия и реакции, на высшей точке соединения атомов и клеток,
 ставшего прочным и образовавшего некое единство по отношению к внешнему миру>
 Стр. 437
 21 Вместо: L'individualité sociale est un son conscient <Социальная личность –
 это обладающий сознанием звук> // Ora, l'individualità sociale è un suono nel
 concerto della storia; ma un suono cosciente <Так вот социальная личность – это
 звук в концерте истории; но звук, обладающий сознанием>
 25– 26 После: après la mort <после смерти> // il nulla dal quale il dio
 ebraico l'ha creato, e il nulla del dio buddhistico nel quale si dileguerà.
 Allorquando comincia a svolgersi l'epopea storica, comincia pure la menzione
 della libertà individuale e la lotta fra l'idea della libertà e l'idea della
 necessità. In mezzo ad effetti compiuti, cause esaurite e realizzazioni
 avvenire, germi di un'esistenza futura, l'uomo cerca di impadronirsi della
 propria sorte, per conciliare la libertà colla necessità <небытием, из которого
 его создал иудейский бог, и небытием буддийского бога, в котором он исчезнет.
 По мере того как развивается история, растет представление о личной свободе и
 начинается борьба между идеей свободы и идеей необходимости. В мире, где
 завершаются следствия, исчерпываются причины, намечается свершение того, что
 зреет в настоящем, появляются зародыши будущего, человек пытается овладеть
 собственной судьбой, чтобы примирить свободу и необходимость>
 32 После: une explication <объяснения> // Un tal fatto non è uno di quei
 pregiudizii che si possano atterrare solo smascherandolo; si tratta di un modo di
 essere e di procedere dell'intelligenza, di un concetto inevitabile, di una forma
 della coscienza <Этот факт не является одним из предрассудков, которые можно
 уничтожить путем простого разоблачения, речь идет об определенном образе
 мышления, о понятии, ставшем неизбежным, об одной из форм сознания>.
 35 После: insoluble <неразрешима> // L'antinomia di questi due termini è
 rappresentata in tutta la sua flagrante inconciliabilità nelle varie religioni;
 ed è la causa per cui esse hanno bisogno di una terza potenza che sciogla la
 questione «par force majeure». Il buddhismo schiaccia l'uomo al segno che la sua
 libertà gli diventa indifferente. Il fatalismo islamitico – questo regime di
 terrore della predestinazione, col suo paradiso inconsequente – sarebbe una
 crudele ironia se non fosse ingenuo e di buona fede. Il cristianesimo non fu
 tante ingenuo: vedendo chiaramente la tremenda contraddizione, esso, con tutta
 l'astuzia dei teologi neoplatonici e della scolastica, ammise il sublime
 illogismo di due termini che si escludono a vicenda, e li saldo insieme per
 mezzo della grazia. La riunione della provvidenza onnipotente e onnisciente,
 colla responsabilità feroce e ad ogni costo, sarebbe un giuoco di parole
 teologico, se il mostruoso codice penale non vi trovasse la sua base <Антиномия

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
между необходимостью и свободой представлена в ее очевидной неразрешимости в
разных религиях, это причина того, что религии нуждаются в третьей возможности,
которая разрешила бы этот вопрос путем «высшей силы». Буддизм до такой степени
придавливает человека, что свобода становится ему безразлична. Мусульманский
фатализм с его терроризирующим предопределением и непоследовательным
представлением о рае звучал бы как жестокая ирония, если бы он не был столь
наивен и прямодушен. Христианство не было столь наивным: оно отчетливо увидело
это ужасающее противоречие и с помощью своих теологов – неоплатоников и
схоластов – допустило высшую алогичность этих двух представлений, которые
взаимно исключают друг друга, и связало их благодатью. Соединение всемогущего и
всезнающего провидения с жестокой ответственностью было бы теологической игрой
слов, если бы на этом не был основан чудовищный уголовный кодекс».

Стр. 438

8 После: Tu sais <Ты знаешь> // сago mio <дорогой мой>

21-22 После: dans la nécessité <в необходимости> // L'antinomia rimane intatta:
a tali questioni non vi sono risposte assolute <Антиномия осталась в силе: на
такие вопросы нет абсолютных ответов>

25 После: comprendre <понять> // Molti perseguitano l'idea di libertà morale
come erede dell'anima, come libero arbitrio teologico; essi fanno la guerra non
al fenomeno dell'itelletto, ma al fantasma che nessuno afferma, se non chi è
fuori della questione. Ti assicuro che nè i dei, nè i loro rappresentanti sulla
terra non sono più da temersi.

Tuo padre, Alessandro Herzen.

<Многие выступают против идеи нравственной свободы как порождения души, как
свободы воли теологов, они воюют не против феномена разума, а против призрака,
которого никто не защищает, за
исключением тех, кого мы в расчет не принимаем. Я тебя уверяю, что ни богов, ни
их представителей на земле бояться больше нечего.

Твой отец Александр Герцен >.

575

REPONSE à M. G. VYROUBOFF <ОТВЕТ Г. Г. ВYРyБOBy>

ВАРИАНТЫ ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА (ЦГАЛИ) Том XX

Стр. 507

5 Вместо: Le mot nihilisme // Le mot de «nihilisme»

8-10 Вместо: La destruction, prêchée par nos réalistes, tend par toutes ses
aspirations à l'affirmation <Разрушение, проповедуемое нашими реалистами,
всецело направлено к утверждению> – было: La destruction, la négation – du
nihilisme – tendent par toutes ses aspirations à la création, science positive
et affirmation <Разрушение, отрицание – присущие нигилизму – всецело направлены
к созиданию, позитивной науке и утверждению>.

11 Вместо: Vous n'exigerez pas de moi, j'en suis sûr <Вы не потребуете от
меня, я уверен в этом> – было: Vous n'exigerez pourtant pas <Вы все же не
потребуете>

12 Вместо: entendu <понимали> – было: sousentendu <подразумевали>

14 Вместо: nous avons tâché <мы пытались> – было: j'ai tâché <я пытался>

16 Вместо: froisse <задевает> – было: scandalise <возмущает>

17- 18 Вместо: une manière d'entendre ce mot, qui n'est pas exactement la
mienne <понимание этих слов, вовсе мне не свойственное> – было: une idée que je
n'ai pas <мысль, которой у меня нет>

20 После: contemporains <современникам> – было: bimanés <двуруким>

21 После: complète <полной> – было: ou incomplète <или неполной>

23- 24 Вместо: il s'agit de l'Etat, «sans Dieu ni Eglise», comme vous le
désirez <речь идет о государстве «без бога и церкви», как вы того хотите> // de
l'Etat «sans dieu et l'église» comme vous le dites <о государстве «без бога и
церкви», как вы говорите>

24 Вместо: le terme <выражение> // le mot <слово>

24-25 Вместо: comme un équivalent au nouvel Adam des chrétiens <как равнозначное
новому Адаму у христиан> – было: exactement comme les premiers chrétiens en
usaient du terme du «vieux Adam» <совершенно так же, как первые христиане
пользовались выражением «ветхий Адам»>

Стр. 508

7- 8 Вместо: la barre du Congrès ^ son souteneur <к суду конгресса ^ ее
сутенером> – было: la barre des accusés – l'un le bon Dieu, l'autre la bonne
propriété, l'un l'Eglise, l'autre l'Etat <на скамью подсудимых: один – благого
господа бога, другой – благую собственность, один – церковь, другой –
государство>

12 Вместо: par la victoire <победой> // par la gloire <славой>

11- 14 Вместо: de nos hommes nouveaux ^ dans une école <наших новых людей ^

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

ни в какую школу> – было: Or cette indépendance du vieux Adam n'appartient qu'aux hommes nouveaux <А ведь эта независимость ветхого Адама свойственна только новым людям>

15- 17 Вместо: Aussi les libéraux ^ contre eux <Поэтому-то либералы ^ против них> – было: Et c'est aussi pour cela que les libéraux, les doctrinaires, les républicains, les déistes – de l'ancien monde – ont voté contre vous <Именно поэтому либералы, доктринеры, республиканцы, деисты – старого мира – проголосовали против вас>.

17 После: Il s'est trouvé <Оказалось> – было: maintenant <теперь>

25 Вместо: «les peuples de braves» <«нации храбрецов»> // les peuples «de braves» <нации «храбрецов»>

576

24- 25 Вместо: une guerre acharnée ^ les peuples «de braves» <ожесточенную войну ^ нации «храбрецов»> – было: une guerre perpétuelle à tout ce qui est plus faible – exactement comme les hommes religieux et autres, comme les nations belliqueuses, les peuples «de braves» <постоянную войну со всеми, кто слабее их – совсем как религиозные и прочие люди, как воинственные нации и нации «храбрецов»>.

26- 27 Вместо: par un décret à la Thomas Münster <посредством декрета в духе Томаса Мюнстера> – было: par une ordonnance ou un décret <посредством ордонанса или декрета>

29- 31 Вместо: Mais simplement ^ humilient <Просто ^ унижают> – было: Mais simplement parce que la logique et la notion de la justice l'exige, parce qu'il? <f>aut y aller, parce que le faux et l'absurde, une fois démasqués m'offensent, m'oppriment, m'humilient <Просто этого требуют логика и понятие справедливости, потому что надо на это пойти, потому что ложь и нелепость, однажды разоблаченные, оскорбляют, подавляют, унижают меня>

32 Вместо: cher Mr Vyrouboff <дорогой г-н Вырубов> – было: cher philosophe positif <дорогой позитивный философ>

Стр. 509

13-14 Вместо: le réalisme révolutionnaire de la Jeune-Russie <революционным реализмом молодой России> – было: le réalisme – qui tend au même but <реализмом, который стремится к той же цели>

18- 19 Вместо: C'était d'autant plus pardonnable ^ à un catéchisme <для меня это тем более извинительно ^ катехизиса> – было: D'autant plus que, je vous avoue, toute l'incapacité de ma nature de me tenir à un catéchisme toutefois dans le passé <Тем более, что я признаюсь вам в полной неспособности моей натуры придерживаться какого бы то ни было катехизиса, во всяком случае в прошлом>

20 Вместо: recourir // accourir

22 Вместо: Il me semble qu'il n'y a pas de révélations dans la science <Мне кажется, что в науке нет откровений> – было: Il me semble – peut-être je me trompe – qu'il n'y <a> pas de révélateurs dans la science – ni Moïse, ni Mahomet <Мне кажется, может быть я ошибаюсь, что в науке нет пророков – ни Моисея, ни Магомета>

23- 24 Вместо: tout se meut en elle et progresse <все в ней движется и совершенствуется> // tout se meut, progresse <все движется, совершенствуется>

26 Вместо: constituer <предоставляя> // affirmer <подтверждая>

28 Вместо: J'ose penser <Смею думать> – было: Je suis sûr <Я уверен>

31 Вместо: Si vous n'étiez pas résigné à garder une tradition <Если б вы не решились безропотно подчиняться традиции> – было: Si vous n'étiez pas idéaliste de votre école résigné à garder une tradition <Если бы вы не были идеалистом собственной школы, безропотно подчиняющимся традиции>

32 Вместо: au milieu des circonstances <в той обстановке> // au milieu d'horribles circonstances <в той ужасной обстановке>

38 После: du peuple <от народа> – было: de la société <от общества>

Стр. 510

5 Вместо: Un élément mutin <Один непокорный элемент> // Un élément indépendant <Один независимый элемент>

6-8 Вместо: Il est évident ^ la société la suive? <Совершенно очевидно ^ общество следует за нею?> – было: C'est évident que la pensée, la logique passe<nt> de la religion à la métaphysique et de la métaphysique à la science – mais peut-on affirmer que l'énoncé de cette route suffit pour le conglomerat social <Совершенно очевидно, что мысль, логика переходят от религии к метафизике и от метафизики к науке – но можно ли утверждать, что изложения этого пути достаточно для социального конгломерата>

13-14 Вместо: Ce serait un grand bonheur pour votre pays, que Girardin étonne <Было бы большим счастьем для вашей страны, которую Жирарден удивляет> // Cela serait un grand bonheur pour votre pays sénile et stationnaire, que E. Girardin

étonne <Было бы большим счастьем для вашей старческой и неподвижной страны, которую Е. Жирарден удивляет>

Вместо: votre pays ^ par l'audace de ses propos <вашей страны ^ смелостью своих высказываний> – было: votre pays si arriéré que la hardiesse d'un E. Girardin l'étonne, l'abasourdit <вашей страны, которая настолько отстала, что смелость какого-нибудь Е. Жирардена ее удивляет, ошеломляет>

16– 18 Вместо: capable ^ beauté <способна ^ красоту> // capable de semence et de germination, car le monde latin est bien vieux et usé – il passe à vue d'œil de l'état des paturages fertiles à la triste beauté <лишь бы почва еще была способна к посеву и прорастанию, ибо латинский мир очень стар и истощен, и на наших глазах плодородные пастбища приобретают печальную красоту>

16– 17 Вместо: capable de semence et de germination <способна к посеву и прорастанию> – было: capable de régénération <способна к восстановлению>

21 Вместо: mon estime <мое уважение> // mon estime sincère <мое искреннее уважение>

На обороте л. 6 рукописи находится вставка к неустановленному месту текста: Vous citez dans votre lettre un auteur italien, Molinari – je ne le connais pas. Il me semble vaguement qu'il a été collaborateur de Katkoff à la Gazette de Moscou <В своем письме вы цитируете итальянского автора Молинари. Я его не знаю. Смутно припоминаю, что он был сотрудником Каткова в «Московских ведомостях»>.

578

ПИСЬМА

1. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

1833 – 1834 г., до 20 июля Москва.

Лев Алексеевич поручил мне пригласить вас, Эмилию Михайловну и, ежели можно, Марью Степановну сегодня к нему обедать, тотчас после обеда он вас доставит домой. Ежели моя просьба может что-нибудь прибавить, то надеюсь, что Mlle Natalie и Эмилия Михайловна постараются быть у Льва Алекс<еевича>, по крайней мере я об этом прошу. Прошу ответа.

Весь ваш

Алекс. Герцен.

На обороте: Наталья Александровне Захарьиной.

2. ТАТЕ ГЕРЦЕН и М. К. РЕЙХЕЛЬ

31 (19) мая 1852 г. Ницца.

Я очень рад, Таточка, что ты хорошо доехала до Парижа и познакомилась с Бертой и с Морицем, они люди почтенные. Ходишь ли ты в Champs Elysées гулять, и хороша ли твоя новая нянюшка? Юлия и Сезарина тебе кланяются, а Мария просит поцеловать Оленьку. Ну и от меня ты поцелуй ее много.

Ваш Папа.

Рукой Саши Герцена:

Милая Тата!

У меня есть для тебя поручение. Тебе кланяются Пачелли и Сириль. Эдмунд тебя целует.

Сегодня большой праздник, все поют, кричат и танцуют, кроме нас, потому что нам теперь не до этого...

579

Кинарейки мои и твоя опять имели маленьких, но они все умерли. Я даю их на содержание Madame Рока, пока меня в Ницце не будет.

Вчера уехала Пупенька с Ангелом. Но через три или четыре дня мы ее увидим.

Мутоновая женщина тебе кланяется.

Поцелуй Ольгу и себя от меня. Кланяйся всем и Madame Тессие.

Желаю тебе хоро<ше>го здоровья.

Саша.

Письмо получил. Благодарю и целую вас всех.

2 часа.

15 (3) июня 1852 г. Генуя.

Твоими письмами я очень доволен, Таточка, и собираюсь с Сашей тебе купить здешней работы браслет и булабочки – серебряные, филиграновой работы.

Вчера я поймал у себя на постеле скорпиона – вот здесь какие зверки водятся.

Прощай, мой дружок милый, поцелуй много Оленьку, и Сашку, и Маврушку, и Марихен, пожалуй.

Твой Папа.

15 июня.

Генуя.

4. ТАТЕ ГЕРЦЕН

26 (14) июня 1852 г. Лугано.

Милая Тата.

Маша покажет тебе на карте, где мы теперь, в Лугано, это в Швейцарии. И покажет

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
озеро, по которому ехали. – Саша собирается удить рыбу в озере. Здесь больше
цветов, нежели в Ницце.
Поцелуй Ольгуточку.
Прощай.
Lugano. 26 июня.
5. ТАТЕ ГЕРЦЕН
2 августа (21 июля) 1852 г. Берн.
Здравствуй, Таточка.
Мы теперь в Берне, где живут Фогтовы родные. Саша целое утро с ними. Здорова ли
ты и Оля? Я видел во сне, что ты скоро приедешь и привезешь Оленьку.
1852 г.
Целую тебя, милая Таточка. Я очень рад, что ты мне много пишешь, я твои письма
кладу в особую бумажку и иногда читаю. – Я часто тебя вижу во сне... Когда-то
увидю вас наяву. – Поцелуй Оленьку, и Маврикия, и Сашку № 2, или № 3.
7. М. Ф. КОРШ
27 (15) мая 1857 г. Путней.
27 mai 1857. At Mr. Tinkler's.
Putney.
Инструкция Марии Федоровне.
Приехавши на станцию железной дороги в London Bridge – взять карету (каб) до
Waterloo Station (произносите Уатерлу), заплатить ей 1 шилл., если вдвоем – 1
шилл. 6 пенс и 6, если 3, да 6 р<енс> за поклажу. Из Ватерлу отправляйтесь по
железной Windsor'ской в Putney – цена 9 реж'ов за каждого. Отправляется каждый
час до 12 ночи от 7 утра. Езда к нам и часа. На станции, т. е. на дебаркадере в
Путнее, спросить дом Tinkler и мою фамилию, прибавляя the russian
gentleman15[15]. Если будете писать – напишите, по какому тракту (через Булонь
или Фокстон) и в каком часу выезжаете, то я буду с Сашей вас ждать у Лондон
Bridge Station.
Щепкина жду с радостью и его супругу. А вас просто целую за милую, добрую
прогулку в град Лондон.
А Марье Каспаровне высочайшее неблаговоление. Ей, передумайте, потряните!
Весь ваш А. Герцен.
Дети в восхищенье. – Кроме Саши, он на скачке в Epsom, и Тургенев там же.
Вы, разумеется, остановитесь у нас.
А Мельгунов меня проучил на 6000 фр. – только ему не говорите.
На обороте: Miss M. Korsh Care of Mrs M. Reichel.
1 Avenue Marbeuf.
Paris.
15[15] русский джентльмен (англ.). – Ред.
8. Н. И. ТУРГЕНЕВУ
1858 г.
Возвращаем с глубокой благодарностью. «Колок<ол>» уже полон и в полтора листа.
9. Т. К. СЭНДЕРСУ
24 (12) марта 1859 г. Фулем.
24 mars 1859. Park House.
Fulham.
Monsieur,
Je vous suis bien obligé de m'avoir communiqué la réponse de J. S. Mill – je me
résignerai à attendre son retour du continent.
Après avoir eu le plaisir de vous voir, j'ai parcouru un livre anglais et
l'article d'une Revue anglaise – les deux traitant sur la Russie. J'en
merveille – «Letters of a recent traveller» et un article de la «Universal
Review». Les lettres ont été insérées dans votre feuille, on m'a dit que le nom
de l'auteur est Parson. Son livre est plein d'aperçues d'une largeur tout à fait
inconnue dans le monde de la vieille civilisation, et quoique il n'a pas bien
compris la loi agraire et le rapport du sol à l'homme – le tout de son livre est
excellent. J'ai écrit q<uel> q<ues> lignes sur son ouvrage pour le «Kolokol».
Si vous connaissez l'auteur je serai charmé d'avoir l'autorisation de lui
envoyer toutes mes publications françaises (je suppose même que M. Parson
connaît le russe d'après les traductions).
J'ai oublié l'autre jour de vous demander où vous demeurez – de cette manière je
ne pouvais venir vous remercier pour votre visite.
Votre tout dévoué
A. Her z en.
Перевод
24 марта 1859. Park House.
Фулем.
Милостивый государь,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
я весьма признателен вам за сообщение ответа Дж. С. Милля – теперь буду
терпеливо ждать его возвращения с континента.

После приятной встречи с вами я просмотрел одну английскую книгу и статью в
одном из английских журналов – и тут и там речь идет о России. Я пришел от них в
восторг – от «Letters of a recent traveller» и от статьи в «Universal Review».

582

Письма были напечатаны в вашем журнале, мне сказали, что имя автора – Парсон.
Его книга полна суждений, широта которых совершенно неведома миру старой
цивилизации, и хотя он не вполне понял аграрный закон и связь почвы с человеком,
книга в целом превосходна. Я написал о его труде несколько строк для «Колокола».
Если вы знакомы с автором, я был бы рад возможности послать ему все мои
французские издания (я даже предполагаю, судя по переводам, что г. Парсон
владеет русским языком).

Я забыл намерении спросить, где вы живете, поэтому не мог заехать к вам, чтобы
поблагодарить вас за посещение.

Преданный вам

А. Герцен.

10. Ч. Г. ПИРСОНУ

15 (3) апреля 1859 г. Фулем.

Monsieur,

Il y a bien longtemps que je voulais avoir le plaisir de vous témoigner la haute
considération que j'ai pour votre ouvrage sur la Russie. Etant russe moi-même et
constamment occupé de l'histoire contemporaine qui se déroule au nord-east –
j'ai lu vos pages avec une grande sympathie.

Permettez-moi de vous offrir une copie des mémoires de Catherine II que j'ai
publiés et trois de mes brochures, et recevez mes salutations empressées.

A. Herzen.

15 avril 1859. Park House.

Fulham.

Перевод

Милостивый государь,
я давно искал приятного случая выразить вам глубокое уважение, которое внушил
мне ваш труд о России. Будучи русским и постоянно занимаясь современной
историей,
развертывающейся на северо-востоке, я прочел написанные вами страницы с большим
интересом.

Позвольте предложить вам экземпляр записок Екатерины II, изданных мною, а также
три мои брошюры и примите уверение в моем совершенном почтении.

A. Герцен.

15 апреля 1859. Park House.

Фулем.

583

11. Ч. Г. ПИРСОНУ

25 (13) мая 1859 г. Фулем.

25 mai. Park House.

Fulham.

Monsieur,

Je ne vous ai rien dit par rapport à la correspondance – voulant savoir la
réponse de Turin sur les noms propres des individus qui sont intéressés à cette
correspondance – je viens de recevoir une lettre, par laquelle on m'autorise de
dire non au public, mais au rédacteur les noms.

D'un autre côté, j'ai vu M. Piggot, la «Daily News» a trois correspondances. Si
vous me permettez de vous prier maintenant d'en parler au rédacteur du journal
hebdomadaire – vous m'obligerez infiniment – moi et mes amis italiens.

Recevez mes salutations empressées.

A. Herzen. Перевод 25 мая. Park House. Фулем.

Милостивый государь,

я умолчал насчет корреспонденций, потому что хотел сначала получить ответ из
Турина относительно имен лиц, принимающих в них участие. Сейчас я получил
письмо, в котором меня уполномочивают сообщить – не читателям, а редактору – эти
имена.

С другой стороны, я виделся с г. Пигготом; «Daily News» располагает тремя
корреспонденциями. Теперь позвольте просить вас поговорить об этом с редактором
еженедельного журнала; этим вы бесконечно обяжете и меня и моих итальянских
друзей.

Примите уверение в моем совершенном почтении.

A. Герцен.

12. М. ГРАНТ-ДАФФУ

собрание сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
5 ноября (24 октября) 1859 г. Фулем.

5 nov<embre> 1859.

Park House. Fulham.

Mon cher Monsieur Grant Duff,

Je m'empresse de vous adresser la lettre pour J. Michelet, je lui recommande en même temps une dame qui désire faire sa connaissance. Moi je l'estime beaucoup, que de poésie et de jeunesse sous ses cheveux blancs.

584

Guerre ou non – je n'en sais rien, mais qu'on étouffe dans cette atmosphère occidentale et qu'il faut un orage, c'est assez évident.

Présentez mes respects à madame et recevez mes salutations empressées.

A. Her zen.

Перевод

5 ноября 1859. Park House.

Фулем.

Мой дорогой господин Грант-Дафф,

спешу переслать вам письмо к Ж. Мишле, одновременно я рекомендую ему одну даму, желающую познакомиться с ним. Что до меня, то я его глубоко уважаю – сколько поэзии и юности таится под его сединами!

Будет или не будет война, я не знаю, но что в этой западной атмосфере можно задыхнуться и что гроза необходима – это совершенно очевидно.

Прошу передать вашей супруге мой почтительный привет и примите горячее выражение моих чувств.

A. Г е р ц е н .

13. Ч. Г. ПИРСОНУ

11 апреля (30 марта) 1860 г. Фулем.

11 avril. Park House.

Fulham.

Cher Monsieur Pearson,

Je porte moi-même ces lignes chez vous, pour les laisser en cas que je n'aurai pas le plaisir de vous trouver.

Vous m'avez parlé d'un bon professeur de mathématique: il me semble que son nom est Good-Eve et qu'il est du Queen's College. Oserai-je vous prier un mot de recommandation pour mon ami Ogareff – qui désire prendre q<uel> q<ues> leçons chez lui ou chez un autre professeur?

Excusez-moi, cher monsieur Pearson, et recevez mes salutations empressées.

A. Her zen.

Перевод 11 апреля. Park House.

Фулем.

Дорогой господин Пирсон,

несу к вам эту записку сам, чтобы оставить ее в случае, если не буду иметь удовольствия застать вас дома.

585

Вы говорили мне о хорошем преподавателе математики; фамилия его, кажется, Good-Eve и он из Queen's College. Беру на себя смелость просить у вас рекомендацию для моего друга Огарева, который хотел бы взять несколько уроков у него или у какого-нибудь другого преподавателя.

Простите, дорогой господин Пирсон, и примите уверения в моем совершенном почтении.

A. Герцен.

14. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

28 (16) июня 1860 г. Лондон.

28 juin. 10, Alpha Road.

Monsieur,

Je ne sais vraiment comment demander votre indulgence – ayant reçu votre aimable invitation, j'ai quitté pour deux trois jours Londres – et j'ai oublié de vous répondre.

Malheureusement je ne serai non plus ici depuis le 1 – 10 juillet, par conséquence je ne pourrai profiter de l'invitation. Mais je sollicite le droit de venir vous présenter mes hommages.

Votre tout dévoué

A. Herzen.

Перевод 28 июня. 10, Alpha Road.

S. John's wood.

Милостивый государь,

не знаю, право, как просить вас о снисхождении: получив ваше любезное приглашение, я на два-три дня покинул Лондон – и позабыл вам ответить.

По несчастью, меня не будет здесь и 1 – 10 июля, следовательно, я не смогу

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович воспользоваться приглашением. Но я ходатайствую о праве явиться к вам, чтобы выразить свое почтение.

Всецело преданный вам

А. Герцен.

586

15. Ч. Г. ПИРСОНУ

22 (10) октября 1861 г. Лондон.

22 oct<obre>. Orsett House.

Westbourne Terrace.

Cher Monsieur Pearson,

En rentrant j'ai trouvé votre carte et la femme de chambre m'a dit que j'étais à la maison, mais occupé, tandis que c'est mon fils (qui revient d'Iceland) qui a été à la maison. Je suis désolé de ne pas avoir été à la maison. Vous me trouverez chaque dimanche (soir) à la maison. Avez-vous entendu que la police russe a voulu m'assassiner? – Mais ayant une contre-police mieux organisée, j'ai déjoué par la publicité leur bonne intention. Je vous envoie un exemplaire de ma lettre à l'ambassadeur Brounoff et vous prie de recevoir mes salutations empressées.

Al. Her z en.

Перевод 22 окт<ября>. Orsett House.

Westbourne Terrace.

Дорогой господин Пирсон,

возвратясь домой, я нашел вашу карточку, а горничная сказала мне, что я в это время был дома, но был занят; в действительности же дома находился мой сын (только что вернувшийся из Исландии). Я страшно огорчен, что в это время отсутствовал. Меня всегда можно застать по воскресеньям (вечером). Слыхали ли вы, что русская полиция намеревалась меня убить? Но у меня есть контрполиция, лучше организованная, и при помощи печати я расстроил их благие намерения. Посылаю вам экземпляр моего письма к послу Бруннову и прошу принять уверение в моем совершенном почтении.

Ал. Герцен.

16. Ч. Г. ПИРСОНУ

23 (11) октября 1861 г. Лондон.

23 oct<obre> 1861. Orsett House.

Westb<ourne> Terrace.

Cher Monsieur Pearson,

Je ne demande pas mieux que de vous renseigner sur toutes les choses qui se passent en Russie – je suis profondément convaincu qu'on les connaît très imparfaitement (ce n'est que le dernier temps que vous avez dans le «Times» une correspondance assez sérieuse). Il me semble pourtant que cela serait trop long

587

pour une lettre. Choisissez telle soirée que vous voulez – je suis presque toujours libre de 8 à 11 – donnez-vous la peine de m'écrire 24 h. avant. – Je peux très bien aussi venir chez vous (le soir). Lisez-vous encore le russe? – vous trouverez beaucoup dans le «Kolokol». Les deux premières publications desquelles on parle – le «Benukopycc» – ont été réimprimées chez nous. Je vous envoie le dernier.

Je suis toujours les dimanches à la maison le soir – mais je crains qu'on ne nous laissera pas assez de temps pour en parler sérieusement sur les affaires. C'est ainsi, cher Monsieur Pearson – que je me mets à votre disposition et vous présente mes salutations amicales.

А. Her zen.

Перевод 23 окт<ября> 1861. Orsett House.

Westb<ourne> Terrace.

Дорогой господин Пирсон,

я с величайшей охотой дам вам разъяснения обо всем, что происходит в России, – я глубоко убежден, что об этом знают весьма мало (лишь в последнее время у вас в «Times» стали появляться довольно серьезные корреспонденции). Однако мне кажется, что это будет слишком обширно для письма. Выберите любой вечер – я почти всегда свободен от 8 до 11 – возьмите на себя труд предупредить меня за сутки – могу и я приехать к вам (вечером). Если вы читаете по-русски, то многое найдете в «Колоколе». Две первых прокламации, называемые «Великорусс», были перепечатаны у нас. Посылаю вам вторую из них.

Я всегда дома по воскресеньям вечером, но боюсь, что нам не дадут серьезно поговорить о делах.

Итак, дорогой господин Пирсон, я к вашим услугам и прошу принять мои дружеские приветствия.

А. Герцен.

17. Ч. Г. ПИРСОНУ

31 (19) октября 1861 г. Лондон.

31 oct<obre>. Orsett House.

Westbourne Terrace.

Cher Monsieur Pearson,

Votre article est très bon – quoique nous ne sommes pas tout à fait d'accord. Il me semble (x première croix) que le gouvernement va en arrière maintenant. Le droit du paysan à la terre

cultivée par lui est incontestable – en cela je pense que nous différerons beaucoup. N'oubliez pas que nous acceptons la commune avec les champs en commun – comme une nouvelle phase de propriété et non comme une transition.

Je cède la plume à Ogareff, qui veut aussi vous communiquer quelques observations.

Encore un mot. Les étudiants (x x) des paysans peuvent être nourris et habillés aux frais du gouvernement – mais cela n'est pas général. Les étudiants aux frais de la couronne peuvent appartenir également aux classes aristocratiques, au clergé.

Рукой Н. П. Огарева:

And I take the pen for a few words on the NB 2:

I consider – not as a socialist, but simply as a Russian, the system of dividing the fields between the members of the commune, as a transitory state to a communal cultivation of all the ground and sharing the profits, as it is used among our people in all other branches of industry (as carpenters, bricklayers etc.) where the workmen go to work in companies, called artel, and share the profits of the work among the members of the artel almost equally. I think the future of our husbandry is the cultivation of the ground by artels; the spirit of the peasantry-life is inclining towards this issue of the question.

I will remember you also two interesting facts of the present days:

1. The peasants till now refuse to change the corvée for the payment of rent, saying, that if they acknowledge the right of rent, they will acknowledge the right of landed property of the lords; and as they do not acknowledge this right they rather will work at the corvée than pay any rent.

2. They do not subscribe any act or contract (уставная грамота) with the landlords, being sure that the course of things will be quite another than what is ruled by the government.

N. Ogareff.

Ch. H. Pearson Esq.

1 Wellington street.

Перевод 31 окт<ября>. Orsett House.

Westbourne Terrace.

Дорогой господин Пирсон,

ваша статья очень хороша, хотя мы с вами и не вполне согласны. Мне кажется (x первый крестик), что теперь правительство пошло вспять. Право крестьянина на обработанную им землю неоспоримо – в этом, кажется, у нас будут большие расхождения. Не забывайте, что мы признаем общину с общинным владением земель как новый вид собственности, а не как переходную ступень.

Передаю перо Огареву, который тоже хочет сообщить вам несколько замечаний.

Еще словечко. Студенты (x x) из крестьян могут получать питание и одежду за казенный счет, но это не обязательно.

589

Обучаться на счет казны могут также и выходцы из аристократии или из духовенства.

Рукой Н. П. Огарева:

Я берусь за перо, чтобы добавить несколько слов относительно NB 2.

Я считаю – не как социалист, а просто как русский, – систему разделения полей между членами коммуны переходным шагом к общественной обработке земли и разделению доходов; эта система используется нашим народом во всех прочих отраслях промышленности (плотники, каменщики и т. д.), где рабочие трудятся в объединениях, называемых артелью, и разделяют заработок между членами артели почти поровну. Я думаю, что будущее нашего сельского хозяйства в обработке земли артелями: дух сельской жизни тяготеет к этому решению вопроса.

Я напому вам также два любопытных факта из событий сегодняшнего дня:

1. До сих пор крестьяне отказываются менять барщину на уплату ренты, говоря, что если они признают ренту, они признают тем самым право помещика на владение землей. А поскольку они не признают этого права, они согласны скорее работать на барщине, чем платить ренту.

2. Они не подписывают никаких актов или контрактов (уставная грамота) с помещиками, уверенные, что в будущем порядок вещей совершенно изменится в

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
сравнении с тем, который ныне установлен правительством.

Н. Огарев.

Ч. Г. Пирсону, эсквайру.

1 Wellington street.

18. Ч. Г. ПИРСОНУ

14 (2) ноября 1861 г. Лондон.

14 nov<ember> 1861. Orsett House.

Westbourne Terrace.

Cher Monsieur Pearson,

Ogareff a écrit une série de lettres sur la Russie – en français; cette série qui expose avec une lucidité extraordinaire la question et qui répond aux objections dans votre lettre doit être à mon avis publiée. Maintenant donnez-nous un conseil. Faut-il l'imprimer comme une brochure? Je suis prêt à le faire en français à Bruxelles par ex<emple>. Ou en anglais? Faut-il plutôt l'insérer dans une revue – et dans ce cas il faut savoir – combien par ex. on paye chez vous par feuille (moins la traduction). Le travail est d'un haut intérêt – si on pouvait l'imprimer dans le «Times» – autre chose, pour la circulation cela serait parfait. Mais il y a dans les abords du «Times» une telle insolence bourgeoise que nous avons une sainte horreur de nous en approcher.

Recevez nos salutations empressées.

A. Herzen.

590

Перевод 14 ноября 1861. Orsett House.

Westbourne Terrace.

Дорогой господин Пирсон,

Огарев написал ряд писем о России – по-французски; эти письма, с необыкновенной ясностью излагающие вопрос и содержащие ответ на возражения, высказанные в вашем письме, на мой взгляд, должны быть напечатаны. Теперь дайте нам совет. Издать ли их в виде брошюры? Я готов это сделать на французском языке, в Брюсселе например. Или по-английски? Может быть, лучше опубликовать их в каком-нибудь журнале; в этом случае надо узнать, сколько, например, платят у вас за лист (за вычетом перевода). Труд представляет чрезвычайный интерес, и если бы можно было напечатать его в «Times» – это другое дело, для распространения это было бы превосходно. Но вокруг «Times» господствует такая буржуазная наглость, что при приближении к нему нас охватывает священный трепет.

Примите уверение в моем совершенном почтении.

A. Герцен.

19. Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

6 января 1862 г. (25 декабря 1861 г.) Лондон.

6 января 1862.

Мне, кажется, нечего прибавить кроме благодарности за ваше письмо и повторить просьбу о немецкой даме. Бени взял у моего сына статейку о его поездке в Исландию – чтоб предложить вам. Портрет ваш он доставил – я забыл вас благодарить. Огар<ев> его взял.

Вы, кажется, в Москве имеете некогда подаренный мне портрет Огар<ева> 14 лет (о котором я писал в какой-то главе «Былое и думы») – если бы можно было иметь хорошую копию, вы меня очень одолжили бы.

Еще раз прошу вас передать горячий привет вашему сыну.

20. О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ

30– 31 (18 – 19) января 1863 г. Лондон.

О-льга,

я видел Ол-мара – с Сашей вчера – да это чудеса, что он делает. Видела ты письмо от Гарибальди к русской девочке – Тхоржевский думает, что эта девочка ты.

591

Лиза очень была довольна письмом Мальвиды – и называет ее Meuseherzen. Она тебе кланяется. Сегодня я ей сказал: «Пошли эту игрушку Малуше Кельсиевой». А она мне говорит: «Да вот что, я боюсь с игрушкой мою болезнь послать – ты лучше купи другую».

Туту присылает свое лизанье.

Твой Папа.

Liebe Malvida Филипповна. Sie glaubten niemals – wenn ich sagte, daß ich werde alt – und doch werd'ich alt. Die Seele ermüdet von der Überladung der

Excitationen. Die Sachen in Polen, die Leute die dabei sind – läßt keine Ruhe.

Et comme le sublime est toujours assez près du ridicule – stellen Sie sich vor – daß Abicht von den Russen gefangen genommen ist.

Haben Sie gesehen, daß willich als Federal-General – auf dem Felde blieb.

31 Jan<uar>.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

Und Sie schreiben, daß er gefangen ist?
Schwer Ihnen Neues zu sagen. Heute gehe ich Mittag essen mit drei jungen Menschen – die hingehen. Ja, das ist ein Volk von Helden. Lesen Sie jetzt doppelt die Glocke.

Lisa hat mir für Sie einen enormen Brief gegeben – den ich Ihnen hier bewahren werde¹⁶[16].

16[16] Любезная Мальвида Филипповна. Вы никогда не верили, когда я говорил, что старею, и все же я старею. Душа устает от чрезмерности возбуждений. Дела в Польше, люди, в них участвующие – не дают покоя. Et comme le sublime est 21.

М. ГРАНТ-ДАФФУ

18 (6) июля 1863 г. Теддингтон.

Cher Monsieur,

Un accident tout à fait imprévu me prive du plaisir et de l'honneur de dîner avec vous. Excusez- moi auprès de Madame et permettez-moi de venir demain vous expliquer la cause.

Votre tout dévoué

Al. Her z en.

18 juillet 1863. Elmfield House.

Teddington.

592

Перевод

Дорогой господин Грант-Дафф !

Совершенно непредвиденный случай лишает меня удовольствия и чести пообедать с вами. Извинитесь за меня перед супругой вашей и позвольте мне явиться завтра, чтоб объяснить вам случившееся.

Всецело преданный вам

Ал. Герцен.

toujours assez près du ridicule <А так как от великого до смешного всегда недалеко>, представьте себе, Абихт схвачен русскими. Видели ли вы – Вилих, в чине федерального генерала, убит в бою. 31 января. А вы пишете, что он взят в плен? Тяжело сообщать вам новости. Сегодня я иду обедать с тремя отъезжающими молодыми людьми. Да, это народ героев. Читайте теперь сугубо «Колокол». Лиза дала мне огромное письмо к вам, которое я сохраню здесь для вас (нем., франц.). – Ред.

Teddington.

22. Ч. Г. ПИРСОНУ

25 (13) июля 1863 г. Теддингтон.

25 juillet 1863. Elmfield House.

Teddington.

Cher Monsieur,

Vous voyez que je suis à la campagne – si Teddington n'est pas loin de chez vous, je serai enchanté de vous voir. La question n'est pas si facile concernant les lettres. Le gouvernement national polonais s'est refait – et je ne connais personne de ceux qui sont à la tête du Comité Central. Connaissiez-vous le Cte Zamoïski (le général) – il peut vous donner facilement une lettre. Si vous allez par Paris – je veux bien vous offrir deux lettres – à des Polonais qui peuvent vous donner d'autres pour Cracovie.

Ecrivez moi ce que je dois faire.

Votre tout dévoué

Al. Her z en.

P. S. L'adresse du Cte Zamoïski est facile à trouver dans la Société Polonaise, Duke Street-Piccadilly No 10 ou 20.

Перевод 25 июля 1863. Elmfield House.

Teddington.

Дорогой господин Пирсон,

как видите, я тоже в деревне – если Теддингтон недалеко от вас, я буду счастлив вас повидать. Насчет писем – дело не такое простое. Национальное польское правительство преобразовано, и я не знаком ни с кем из лиц, стоящих во главе Центрального комитета. Знаете ли вы графа Замойского (генерала) – ему ничего не стоит дать вам письмо. Если вы поедете

593

через Париж, я охотно предложу вам два письма к полякам, которые могут дать вам другие письма – в Краков.

Напишите, что я должен сделать.

Преданный вам

Ал. Герцен.

P. S. Адрес графа Замойского легко узнать в Польском обществе, Duke Street-Piccadilly, № 10 или 20.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

23. Н. П. ОГАРЕВУ (?). (Отрывок)

1864 г.

А<нненков?> вряд будет ли особенно доволен мною. Середка на половину рус<ского> общества, урожденная от полубедных и [полубогатых] полублагородных родителей, шляхта на ов, цивилизованные варвары, бюрократические литераторы, сентиментальные палачи, прогрессисты- инквизиторы оказались самым гнилым слоем России. Вариаций на эту тему мильон: от малафей- софиста Бот<кина> до мастурбо-мастодонта Тур<генева>. Все это посвящено богом, а я в богов все верю. Аннен<ков> между ними поэт <?>.

Встряхнул сударь немножко.

– Ах, мать твою разтак.

Разве приятно им от меня это слышать viva voce – или на Ботк<ина> это сделает тот эффект, который ищут китайцы, пуская себе в ж... волчок, а потому не лучше ли не видеть.

24. А. А. ГЕРЦЕНУ

4 июня (23 мая) 1866 г. Женева.

Рукой Н. П. Огарева:

Petit Lancy, 4 июня.

Давно собираюсь к тебе писать длинное письмо, милый Саша, но вижу, что не скоро доберусь до длинного письма, редко находясь в эпистолярном расположении духа. Лучше уже напишу коротенькое, хотя бы поблагодарить тебя за желание меня видеть. Искренне плачу тебе тем же желанием тебя видеть. Я думаю, что даже можно свидание употребить на пользу для ради разных наблюдений и умозаключений. Увидимся, когда дело придет к делу.

Особого тебе сказать на сию минуту ничего не имею. Занят статьей о Сен-Симоне и кой- какими математическими вопросами, которые к разрешению приходят с огромными трудностями. Мне кажется, что мне всего больше мешает утрата памяти, что, может, совпадает с тем, что Сен-Симон называет утрата мамабильности мозга. Как бы то ни было – унывать не стану; труда потратится больше – лишь бы цель была достигнута. Дела в России колеблются на отвратительной точке; но и тут унывать нельзя, потому что остановиться на этой точке невозможно, даже в финансовом отношении. Унывать нельзя, но не беситься внутренне и не оскорбляться – тоже нельзя.

Жизнь моя идет тихо и довольно равномерно. Спать ложусь в 11-ть часов и встаю в 8-мь – большей частью аккуратно; а когда не аккуратно, то оно и не совсем даром обходится. Недостаточность сна большей частью всегда ведет к припадкам. Я даже обращаю твое внимание на разительное сходство судороги, когда человек (особенно не лежащий) засыпает и очнется – и судороги, сопряженной с припадком, так что припадочная судорога кажется только высшей степенью сонной судороги, по крайней мере ощущение безразлично... Впрочем, об этом писать долго, я лучше приготовлю несколько наблюдений. Одно только скажу, что со времени употребления льда дело идет таким образом: 3 недели здоровья, вдруг припадок и тогда через 6 или 7 дней другой, idem 17[17] третий, потом здоровье 27 дней, за сим припадок, через 7 дней другой, через 9 – 3-й. Что дальше будет – не знаю. По моему ощущению должен быть еще 4-й, но это пусть оправдывается фактом, а до тех пор только (?).

Погода у нас ужасная; тяжесть, облака, туман, проливные дожди, гроза, тепло – я думаю, и самый здоровый против этого не устоит.

Г<енри> по-французски довольно успеваает. – Тата у меня раз была – и я не могу не сознаться, что, несмотря на всю мою неловкость, ее присутствие было для меня каким-то благословением и напоминанием твоей матери.

Ну, прощай, мой милый Саша, – напиши хоть строчек несколько, а может быть и больше.

Все тебе кланяются. Т<ата> здорова.

Отдай 800 фр. Мейзенбург и спи хорошо, если вечер.

25. О. А. ГЕРЦЕН

21 и 22 (9 и 10) ноября 1868 г. Женева.

21 novem<bre>. Genève – Hôtel de la Paix.

Chère Olga,

Hier soir à 7 heures l'idée me vint de te faire une surprise par un télégramme – comme j'étais sûr qu'on ne le délivrera pas avant ce matin – je t'ai félicité par le fil électrique. Mais 18 ans... 18 ans... c'est très bon et très mauvais. Rien n'est perdu – si on a les forces, le courage et la bonne volonté. D'après tes lettres j'ai vu que tu comprends bien la grande nécessité du travail. Avant!

Je vais pour deux ou trois jours à Zürich – pour faire eine Recognoszierung – où bâtir nos tentes. Car je vous y attends pour le 1 de mai ou vers la fin d'avril. Le temps est venu – où je dois me mêler

17[17] так же (лат.). – Ред.

aussi activement – non à ton éducation, mais à ton développement. Demande <à> Tata comme nous avons activement lu à Vichy. Je suis très content de Tata – elle a la pensée logique et un grand tact. La seule chose que je te prierai pour moi c'est d'apprendre alors «tanto poco» de russe.

595

Et sur cela je t'embrasse toi, et toi embrasse Teresina.

Dis à Malvida – que depuis le 5 nov<embre> – le froid tempéré par la bise et orné de brouillard est tel que je n'ai jamais «erlebt» – avec cela je n'ai pas encore mis de flanelle et je n'ai pas eu le plus simple refroidissement. Est-ce Vichy? Est-ce mon régime (tout comme à Prangin) – mais je me sens physiquement bien. C'est déjà une réclame pour Zürich-Kommen.

Notre «Cloche» sonne pour la dernière fois le 1 décembre.

J'écrirai à Tata pour le livre.

Encore une fois adieu.

22 novembre.

Перевод 21 ноября. Женева – Hôtel de la Paix.

Дорогая Ольга,

вчера в 7 часов вечера мне пришло в голову сделать тебе сюрприз телеграммой – так как я был уверен, что ее вручат не ранее сегодняшнего утра – я поздравил тебя по электрическому проводу. Но 18 лет... 18 лет... это и очень хорошо, и очень плохо. Ничто не потеряно, если есть силы, мужество, добрая воля. Из твоих писем я увидел, что ты хорошо понимаешь необходимость труда. Avant!18[18]

Я еду на два-три дня в Цюрих на рекогносцировку – где разбить наши шатры. Так как я жду вас туда к 1 мая или в конце апреля. Настало время, когда мне также надлежит активно вмешаться – не в твоё воспитание – а в твоё развитие. Спроси у Таты, как мы активно читали в Виши. Я очень доволен Татой – у нее логическая мысль и большой такт.

Единственное, что я попрошу тебя тогда сделать для меня, это заниматься «tanto poco»19[19] русским языком.

18[18] Вперед! (итал.)<. – Ред.> 19[19] немного (итал.)<. – Ред.>

И на этом целую тебя, а ты поцелуй Терезину.

Скажи Мальвиде, что с 5 ноября здесь стоит такой холод, смягчаемый северным ветром и украшенный туманами, какого я еще ни разу в жизни не «ег1еы»20[20] – при всем том я еще не надевал теплого белья и у меня не было ни малейшей простуды. То ли это Виши? То ли режим (такой же как в Пранжене), но физически я чувствую себя хорошо. Это уже реклама для Zürich-Kommen21[21].

1 декабря наш «Колокол» отзвонит в последний раз.

Я напишу Тате о книге.

Еще раз прощайте.

22 ноября.

596

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПУБЛИКАЦИИ В «ВЯТСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»

ВЗГЛЯД НА ХОД СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ И ЗНАЧЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ

Во все времена, все правительства имели необходимость в знаниях статистических; каждое сведение о состоянии государства было уже началом статистики; но только в половине XVII столетия статистика начала являться под своим собственным названием; и в начале прошедшего века вменено в постоянную обязанность, чтобы конистории доставляли постоянные сведения о числе родившихся, умерших и сочетавшихся браком; чтобы таможи извещали о количестве привозимых и вывозимых товаров, судебные места о тяжбах и преступлениях. Все эти сведения были только случайным, бессвязным знанием, из которого не выводили никаких законов общественной жизни.

Но как высшее развитие человека состоит не в бессознательном действии, и цель каждого правительства заключается не в случайном и слепом управлении, на котором невозможно основать благосостояние народа, то каждое из европейских правительств, с общими успехами образования, почувствовало необходимость в твердых и постоянных знаниях о государстве, в исследовании законов, по которым живет каждое общество, по которым, напр<имер>,

20[20] переживал (нем.)<. – Ред.> 21[21] приезда в Цюрих (нем.). – Ред.

увеличивается его народонаселение, уменьшаются преступления, и даже предвидится какое-нибудь важное событие в деле торговли или в деле политическом.

Первое статистическое отделение, или комитет, было устроено в Швеции в 1744 году, оно обязано было каждые пять лет доносить о состоянии жителей и народного богатства.

Во Франции Луциан Бонапарт, вступив в 1800 году в управление Министерства внутренних дел, обратил особенное внимание на статистические знания. Преемник

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович его Шапталъ поручил известному статистику Пейше начертать план всеобщей статистики Франции и для каждого департамента отдельно. Он основал первое статистическое отделение, или

597

бюро, во Франции. Кроме этого, во Франции существует еще Bureau des longitudes, которое занимается изданием важных статистических сведений.

В 1805 году статистическое отделение основано в Пруссии, а в 1810 году в Австрии. В Англии подобные сведения составляют необходимость парламентов.

Кроме того, во многих европейских государствах учреждены статистические общества, как напр<имер> в Англии, Шотландии и Франции.

У нас в России еще в древние времена было обращено внимание на собрание географических и статистических сведений, особенно в царствование Бориса Феодоровича Годунова. При Петре Великом сведения сии начали получать вид чисто статистический и имели государственное значение. В последующие царствования все вообще знания о России сделались предметом исключительных занятий Академии наук. В царствование императора Александра все губернские места обязаны были доставлять статистические сведения в Министерство внутренних дел, и первый статистический отчет по сему министерству обнародован в 1804 году.

В царствование императора Николая Павловича устроено при министерстве особенное Статистическое отделение и в каждой губернии учреждены губернские статистические комитеты.

Столь заботливое внимание всех европейских правительств к делу статистики, к точному и верному знанию отечества и каждой из его областей, показывают то высокое значение, которым пользуется статистика в настоящее время. И чем образованнее правительство, тем оно более сознает необходимость верных сведений о состоянии народа и страны, которыми управляет; чем образованнее правитель которой-нибудь из отдельных областей, тем необходимее для него верные знания о средствах, недостатках и возможностях области, вверенной его управлению. И какой хозяин устроит имение, не зная его сил и средств, не познакомившись с образом жизни и обычаями людей, с которыми будет иметь дело. При настоящем образовании подобный образ мыслей был бы даже недобросовестным ни для владельца, ни для правителя. Мы слишком уважаем достоинство человеческого, чтобы, пользуясь удобствами своего звания, не желать и не содействовать счастью вверенного нам общества. А первый шаг ко всякому делу есть знание дела, первое условие для просвещенного правителя есть верное, глубокое знание страны. В этом отношении мы имеем единственный пример, какого не может представить вся Европа; у нас был Петр Великий, который умел и успел узнать свое отечество одним трудом гигантским, умом гениальным. Когда он ввел Россию в ее естественные пределы до моря Балтийского, оградил ее флотом и войском, тогда явилась потребность на полотно и сукно – чтобы одеть новую армию, чтобы дать паруса новому флоту, а у нас не было ни своих сукон, ни своих полотен; и вот великий Петр заводит парусинные и полотняные фабрики в тех губерниях, где не могла быть развита промышленность земледельческая, выписывает мастеров и учит нас обрабатывать предметы первой необходимости. Он видит всю важность соединения вновь приобретенных областей с губерниями совершенно русскими, желает оживить торговлю.

598

и ввести нас в общение с Европою и соединяет водяным сообщением два моря – Балтийское и Каспийское; сам пешком ходит по топям Новгородской губернии, чтоб избрать самые легкие, самые удобные места для прорытия каналов. Близ Холмогор он заводит голландский скот, на Обву переводит с острова Эзеля породу крепких лошадей; в Кизляре устраивает колонии армян и полагает начало виноделию; в Туле учреждает железный завод; на Урале делает новые прииски металлов; нашим купцам говорит, как новость, что Англия – торговое королевство, что ей надобно много льна и пеньки, которую мы можем доставлять в Ригу, им же присоединенную к России, – и наши купцы в первый раз повезли свои произведения в новую гавань, для сбыта их англичанам. Сам на себе испытал он меру солдатского пайка, сам строит новым образом речные суда и барки и запрещает строить их по-старому, оттого, что таковое построение было небрежно и несоразмерно. Сам он знает все службы, все работы, все ремесла – даже до плетения лаптей, которые научил финнов делать по новому, лучшему образцу. И все давалось Великому – потому, что в его намерении было добро и благо, потому что исполнению его предприятий предшествовали глубокие знания отечества, быта народного и даже личные знания большей части людей, имевших какое-нибудь значение в деле управления, или даже в какой-нибудь отрасли промышленности. Петру Великому надобно было знать, что на Обве, за две тысячи верст от столицы, есть прекрасные луга, и что на острове Эзеле есть хорошая порода лошадей, для того чтобы мы теперь ездили на обвенских или вятских лошадях; ему надобно было знать, что армяне занимаются винокурением,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
что степи около Кизляра удобны для разведения винограда, – для того, чтобы
большая часть России довольствовалась кизлярскою водкою и процвела в пустыне
новая колония; ему надобно было исходить пешком берега рек Новгородской губернии
– для того, чтобы так скоро и удобно соединить два моря и оживить торговлю.
Невольно благоговеешь, не столько пред всеобъемлющею деятельностью Петра
Великого, как пред благотворными следствиями этой деятельности. По его каналам
движутся тысячи судов и барок; на его фабриках делаются лучшие полотна и
парусина; на учрежденных им станках печатают наши книги; устроенная им армия
охраняет нас от смут внутренних и опасности внешней; флот, им созданный,
защищает нас от внезапных нападений и дает средство для ученых открытий; его
законы сделались коренными государственными; устроенные им балы сделались нашим
общественным увеселением; Академия наук, получившая от него свое начало,
ознаменовала себя делами, достойными ее назначения. Все это дело рук Петровых. И
если он был Великим государем, то смело можно сказать, что он был и Великим
статистиком, и его обширные предначертания исполнялись потому, что он хорошо
знал свое государство, богатство и недостатки каждой местности, характер и силу
нравственную своего народа. Он не пренебрегал никаким знанием, не убегал
никакого труда. Самая тяжкая, грубая работа не только не уменьшала достоинства
Великого монарха, но возвышала его в глазах всех понимающих и благонамеренных
людей.

599

В этом отношении Петр Великий был и будет примером для всех государей и служит
лучшим примером для каждого правителя, которому вверено благосостояние жителей
какой-нибудь области или губернии.

Конечно, нельзя не сознаться, что статистика еще не могла и не успела
воспользоваться всеми необходимыми сведениями, но при настоящем образовании
правительств и те законы, которые уже открыты статистиками, сделались
необходимыми для управления правильного и благотворного. Представим несколько
примеров для убеждения в истине.

Известно, что в Швеции на тысячу человек <умерших> – причитается более 550
младенцев; в России почти то же число, во Франции только 470. Из этого видно,
что образ жизни, а может быть, и самый климат Франции имеет для сохранения
здоровья детей особенные удобства, которых недостает ни у нас, ни в Швеции.
Следовательно, необходимо узнать вредные причины и принять меры для их
устранения и для сбережения жизни людей. Напротив, во Франции из тысячи человек
разного возраста умирает взрослых 316, а в Швеции только 263. Следовательно,
жизнь во Франции для взрослых людей имеет особенные неудобства в сравнении с
Швециею и должна обратить на себя внимание правительства. Было время, когда для
увеличения народонаселения употребляли все средства к размножению детей, даже
давали, с этою целью, пенсии тем родителям, у которых много сыновей; в настоящее
же время правительства убеждаются с помощью статистики, что успехи
народонаселения не столько зависят от размножения детей, сколько от сохранения
их удобствами жизни, распространением просвещения и развитием промышленности,
чтобы доставить более средств жизни для всех классов народа и улучшить их
жилища.

Известный статистик Дюпень, исследуя законы, по которым новое поколение занимает
старое, предсказывал июльские перевороты Франции – и призывал правительство к
удовлетворению новых потребностей и отвращению беспорядков. Он даже говорил, что
министерские лица или должны понять свое время и людей, с которыми имеют дело,
или добровольно отказаться от того поприща, на котором все действия их
становятся в противоречие с выгодами и пользами отечества, и предсказания его
сбылись с удивительною верностию.

Таковы выводы статистики и так очевидна не только польза, но даже необходимость
ее в настоящее время. Только в детском возрасте прилично действовать
бессознательно; только для темных людей нет греха в неведении и нежелании знаний
статистических, которые должны быть основанием для просвещенного управления.
Правительство призывает нас всеми средствами к содействию в этом великом деле. И
кажется, никогда не предстояло такой важности в знании нашего отечества, в
знании его средств и быта народного, как в настоящее время, потому что никогда
не являлось более важных вопросов о благосостоянии народа. Это ясно доказывает и
устройство нового министерства, и право на издание губернских ведомостей, и
губернские выставки, и постоянное учреждение губ<ернских> стат<истических>
комитетов.

600

СОСТОЯНИЕ НАРОДА В ВЯТКЕ ДО ВРЕМЕН ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Новгород было то место, где в первый раз встретилось племя славянское с племенем
норманским, где всего сильнее должно было развиться влияние норманнов. Походы на
Киев, походы на Царьград, колоссальность замыслов, отважность исполнения – имеют

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович что-то общее со всеми походами норманнов, которые так грозно и величественно являлись во всех краях Европы под предводительством своих Ярлей. Один и тот же дух увлекал и новгородцев и норманнов в завоевания дальние, в переселения, манил добычею, жизнью вольной, разгульной. Однакож космополитизм норманнов не был изъят любви к отечеству, ежели только мы дадим больший объем этому чувству. Отечество свое они носили с собою, любовь сия обращалась не к стране, не к земле, но к ряду идей, развитых ими, к известной форме гражданственности, к известному порядку религиозных обычаев и преданий, к необузданной воле, наконец, к удали и грабежу. Элемент норманский скоро совершенно поглотился элементом славянским в Киеве; но еще долго составлял основу характера новгородского. Малейшее несогласие, неудовольствие – и ватаги удальцов удалялись к племенам диким, дрались, грабили, плыли реками, не зная куда, и несли Новгород в края безвестные, заводя колонии, учреждая веси и города. Так в двенадцатом столетии шайка отчаянных граждан Новгорода, проплыв Волгою до Камы, потом вошедши в Вятку, завоевала городок Балванов, Какшаров и основала, после упорного сопротивления туземных обитателей, в местах едва в то время известных Хлынов. Успех новгородцев привлек к ним новых выходцев не только из Новгорода и его областей, но и с берегов Двины и с Устюга, которые основали еще три города: Шестаков, Орлов и Слободской. В четырнадцатом столетии страна сия называлась Великокняжескою волостию. Впрочем, зависимость ее была очень слаба и, вероятно, ограничивалась одним названием, которое послужило поводом к тому, что татары, при нашествии Тохтамыша, почитая ее принадлежащею великому князю, разорили ее города, не покорив впрочем своему игу; ибо Тохтамыш, теснимый Тамерланом, должен был соединить свои силы в других местах. Но страна сия сделалась известна татарам, и набеги были только отложены. Могли ли они оставить страну независимую, когда она открывала им путь в другие части России? Впоследствии они обложили вятчан данью и часто проходили их землями. Сами вятчане нередко разоряли страны великокняжеские и новгородские, лежащие близ Двины. Их набеги вынудили великого князя Василья Васильевича принять решительные меры к покорению сей колонии, до тех пор не думавшей покориться не только князьям московским, но и не хотевшей избрать своего собственного. В 1458 году войска великокняжеские явились под самым Хлыновым; но поход сей был совершенно безуспешен. В следующем 1459 году снова явились дружины московские; взявши Орлов и Котельнич, они покорили и самый Хлынов; впрочем и сие покорение их не было совершенно; ибо в 1482 и 1489 годах явились снова воеводы московские с ратями, завоевывая и покоряя вятские города. Знатнейшие граждане были отосланы тогда в Москву, прочие торжественно присягнули в верности великому князю. Сим оканчивается политическая самобытность Вятки. Но ежели дальнейшая жизнь этого края не имеет важности исторической, поглощенная жизнью государства, то нельзя отвергнуть относительной важности его в смысле статистическом, и потому мы намерены войти здесь в некоторые подробности о быте народном до царствования Петра Великого. Состояние народа на Вятке до царя Иоанна Васильевича было двоякое: посадские по городам и черносошные по уездам. Со времен же сего царя и его преемников, жаловавших землями монастыри и церкви, произошло состояние монастырских и церковных крестьян. Помещичьих же в весьма малом количестве находим уже в позднейшее время из приписных к разным заводам. Увидим впоследствии, в какой степени населенную застала первая ревизия, бывшая при Петре Великом, Вятскую область. А ревизия эта была главнейшим отвержением права поместного. Иоанн Васильевич Грозный в Писцовом наказе разделил пахотные земли по полосам на три доброты. Добрые земли были Заокские, средние – Владимирские, а Галицкие и Костромские считались худыми, к сим последним принадлежали и Вятские. Кто жил на доброй земле, клалась соха на 800 четвертей²² земли, в средней – на 1200 чет^{вертей}, в худой – на 1500. Следовательно, вятские землепашцы платили с 1500 чет^{вертей} в соху. Поелику же один не мог обрабатывать сей земли, т. е. 1500 чет^{вертей} или 113 500 квадратных сажен, то соха, единица подати, раскладывалась на несколько человек. Заметим при сем естественность такого налога, сообразность его с чистейшими понятиями идеи права. Наши предки руководствовались преданиями, а предание, *mos majorum*, всегда имеет за себя патриархальную простоту и естественное право. Сверх сего налога, который по малочисленной разработке земель не мог тогда быть значительным, были поборы ямские, половяничные, для выкупа пленных, стрелецкие, с государственных рыбных ловель, сенокосов и патриаршая десятина. Все эти поборы, кроме патриаршего, отсылались в Москву, в Новгородский приказ. Во время военное брали по одному человеку, на собственном его содержании, с 100 четвертей. Следовательно, и воинская повинность не могла быть значительна. Около 1626 и 1630 годов, при царе Михаиле Феодоровиче положено платить подати с дворов и выжей (семей). Между различными сословиями занимает здесь важное место купечество. Еще в

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
царствование Иоанна Васильевича Грозного учреждены были таможенные головы и
гостинное ведение в Вятской области. Когда англичане открыли путь к
Архангельску, то вятчане, пользуясь довольно удобным сообщением с этим городом
по Двине, стали доставлять к Беломорской пристани сало, хлеб, щетину и начали
таким образом главнейшую отрасль деятельности, доселе существующей.

22[22] четверть была 25 сажен в длину и ширину.

Весьма любопытный факт представляет сохранившаяся перепись жителей Вятской
области, составленная писцом Карауловым, в 1564 году. (Прежние переписи утрачены
в архивах.) Несмотря на предполагаемую ошибочность и неполноту переписей в те
времена и с тогдашними средствами, она весьма важна, ибо показывает значение
Вятской области в целостности государства того времени. Вот главнейшие результаты.

1. Хлынов

Дворов посадских - 676 » церковнослужителей - 50 людей посадских - 786

Церковнослужителей - 52 Его уезд

Дворов крестьянских - 5526 » церковнослужителей - 117 крестьян - 7152

Церковнослужителей - 127

2. Слободской

Дворов посадских - 359 » церковнослужителей - 22 людей посадских - 399

Церковнослужителей - 26 Его уезд

Дворов крестьянских - 1681 » церковнослужителей - 50 крестьян - 2083

Церковнослужителей - 56

3. Орлов

Дворов посадских - 62 » церковнослужителей - 15 людей посадских - 62

Церковнослужителей - 15 Его уезд

Дворов крестьянских - 1062 » церковнослужителей - 20 крестьян - 1277

Церковнослужителей - 21

4. Котельнич

Дворов посадских - 147 » церковнослужителей - 10 людей посадских - 147

Церковнослужителей - 11 Его уезд

Дворов крестьянских - 1501 » церковнослужителей - 30 крестьян - 2008

Церковнослужителей - 36

5. Шестаков

Дворов посадских - 27 » церковнослужителей - 6 людей посадских - 30

Церковнослужителей - 6 Его уезд

Дворов крестьянских - 95

» церковнослужителей - 3

603

Крестьян - 95 Церковнослужителей - 3 Монастырей - 8

К ним приписанных, или на их землях:

Дворов крестьянских - 1140 Крестьян - 1250 На землях, принадлежащих разным
соборам и приходам:

Дворов крестьянских - 524 Крестьян - 686 ВСЕГО:

Дворов посадских и крестьянских - 12770 » церковнослужителей - 323

13093

Людей посадских и крестьян 15875 Церковнослужителей 353

16228

Из сей переписи с первого взгляда видна величайшая непропорциональность дворов к
людям. Но не должно забывать, что 1) переписывались в те времена одни работники
мужского пола; 2) толпы людей могли скрываться от переписи в лесах, как в
недавнее время делали вотяки и черемисы; 3) чрезвычайная лесистость губернии,
особенно тогда, представляла множество средств отстроиваться, и страсть к
плотничеству, наследованная из Новгорода, заставляла пользоваться оными. А во
многих местах скоро истощаемая почва понуждала многих переменять места,
отделяться, и, следовательно, обстраиваться. Также велика непропорциональность
церквей и монастырей к народонаселению. Это есть уже прямое следствие духа
народного сей страны.

В том же году по приказанию патриарха никона был делан для десятинного сбора
зарубной окладной список, по коему число дворов 16 12323[23]. Вот пример
достоверности тогдашних переписей. Впрочем, мы готовы дать более веры переписи
патриаршей. Может быть, считали святотатством скрываться от десятинного сбора;
может быть, переписчики от патриарха имели более средств и доверия в народе.
По переписи, деланной в 1680 году, в коей выпущены церковничьи и подьяческие
дворы, значит, во всей области 13 134 двора; следственно 364 дв<орами> более,
нежели у Караулова. С сих дворов взималось стрелецких, данных, ямских,
полоняничных 15 760 руб. 20 коп., оброчных 1313 руб. 40 коп., таможенных,
питейных и прочих 8178 руб. 32 ал<тына> 2 ден<ьги>. Всего 25 245 руб. 15 коп. в
год. Сверх сего указом 1580 года, 12 марта состоявшимся, велено брать по всем
вятским городам с гостей гостинной

и суконной сотен и посадских людей, имеющих промысл или рукоделие, по десятой деньге, что и составило 429 руб. 7 алт<ын>, следовательно, капитал, обращавшийся в промышленности граждан, состоял из 4292 руб. 10 коп. Капитал сей покажется не столько мал, ежели взять в расчет количество денег, находившихся тогда в обороте во всей России, и ценность вещей. В том же 1680 году некоторые монастырские оклады, даваемые натурою, были выданы деньгами по справочным ценам, причем четверть ржи стоила 18 алтын, четверть овса 4 алт<ына>. Вспомним, что Сей и лучшие политические эконоы принимают ценность хлеба за единицу сравнения ценности денег.

В конце XVI столетия, после разрушения Казанского царства, единоплеменники вятчан, но отделенные от них, русские подвинулись ближе, заселяя новопокоренные места. Тогда-то возникли Уржум при р<еке> Вятке, Яранск при Пижме, Царевоганчурск при Кошкаге. С другой стороны, открытие пути в Сибирь, а особенно заведение соляных усольских варниц Строгановыми (1550 г.) способствовало к привлечению из России людей. Тогда построился Кай. В сем последнем вятчане покупали или выменивали на хлеб соль и производили торговлю пушистым товаром, привозимым из Сибири.

До сих пор племя русское, пришедшее в начале XII столетия на берега Вятки, было почти совершенно отстранено от своих соотечественников и мало делило судьбы их. Заключенное

23[23] Годовой оклад на патриарха положен был по 6 денег с четвертью со 100 дворов, по сему окладу собрано с Хлынова и его уезда 1 рубль 31 алтын и 1 уг деньги; с Орлова и его уезда 11 алт<ын> 2 уг деньги; с Котельнича и его уезда 17 алт<ын>, с Слободского и его уезда 20 алт<ын>, с Шестакова и его уезда 1 алтын и 3 деньги. Всего 3 рубля, 13 алтын и 3 деньги.

между племенами чуждыми, оно развивалось токмо своими внутренними силами, а не внешним влиянием. Племена финские, убитые, мертвые, не могли ни смешаться с ним, ни передать чего-либо своего. Татары могли более сделать влияния; видим даже, что, при покорении вятчан Москве, татарам даны были права владения в этой стране. Но татары, отделенные от русских непроходимой преградой религии, хранили в душе какое-то начало номадной жизни, столь различной от духа славянского, что большого влияния иметь не могли. Вследствие сих причин мы думаем, что в вятчанах должен был более сохраниться дух славянский, бывший в первую эпоху Новгорода, нежели в других местах. В самом деле, язык нынешнего вятчанина имеет в себе что-то, напоминающее язык новгородских летописцев. Певучее произношение, особенно конечных слогов, не есть ли древнее славянское?

Покорение Москве было позднее, да и при совершении его, по тогдашним учреждениям, мудрено было, сверх дани и общих мер, тесно прикрепить Вятку ко внутренней жизни Москвы. Далее совершенное отсутствие крепостных поселян позволяло несравненно самобытнее развиваться нижним сословиям, у которых доселе есть черты, унаследованные у Новгорода.

Вот в каком виде представляется жизнь новгородской колонии на берегах Вятки и Камы до великого переворота в России в начале ХУТТТ века. С Петра 1-го начинается другая Россия, отделенная от древней направлением, сообщенным ей европеизмом. Все части государственного и все части самой державы пересоздались. Последние черты федеративности исчезли,

605 государство срослось плотнее однообразием управления, силы материальные получили большее развитие. Отселе сведения статистические достовернее; следовательно, внутренняя жизнь страны, нами описанной, может быть исследована глубже.

Икона Николая чудотворца

Чудотворная икона Николая, находящаяся при кафедральном соборе в Вятке, соединяется со всеми воспоминаниями жизни вятчан: она руководила их дружинами, она спасала от зараз, останавливала пожары, давала хлебородие. Слава ее разнеслась во все страны русские. Вот что говорится о явлении этой иконы в рукописи о вятчанах:

«В 1363 году, следовательно, в двадцать первое лето княжения Дмитрия Иоанновича Донского, благоизволил бог прославить на Вятке образ угодника своего Николая чудным оного явлением и разными потом сбывшимися чудесами. Предания гласят так: случилось одному деревенскому жителю идти лесом для своей надобности, причем увидел он в чаще у одной речки²⁴[24] свет, как бы от множества возженных свеч исходящий. Постояв при сем явлении и

24[24] место явления образа сего находится от г. Хлынова вниз по течению р. Вятки около 40 верст по правую ее сторону при небольшой речке, которая по не вразумев значения оного, пошел крестьянин далее; но, возвращаясь домой чрез то же место, увидел на оном, вместо прежнего света, стоящую икону св. Николая. Удивясь прежнему и сему событию, взял он с благоговением, христианину приличным,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович образ сей в дом свой и держал оный несколько времени, никому об нем не объявляя. Между тем той же деревни крестьянину, лежавшему в расслаблении двадцать лет, явился в сновидении св. Николай, повелевая ему идти в дом к тому жителю и помолиться образу, обещая ему от того исцеление. Больной пренебрег сначала сие откровение, потом последовало ему другое подобное. Тогда уже больной, не почитая сего явления случайным, а притом почувствовал, проснувшись, некоторые силы, объявил о нем своим домашним и велел вести себя к тому крестьянину в дом. Здесь больному представился образ, окруженный светом; он пал пред ним и молился со слезами о исцелении; потом, встав, приложился к оному и сделался всем телом здоров.

Чудное сие происшествие, дошед до сведения ближних к той деревне селений, обратило на себя и образ внимание всех жителей, кои, любопытствуя о больном, собирались видеть его и благоговеть к образу. При чем общим согласием положено было на месте явления оного построить часовню и в ней поставить образ. А как о чудных происшествиях пронеслась слава по всей Вятской населенной христианами стране, то начали стекаться из разных мест для поклонения прославленному образу и, видя многие истекающие от него чудеса, обещались всею страню воздвигнуть храм во имя святителя Николая в той деревне. На сей конец послали избранного от всей страны человека в Москву к тогдашнему митрополиту Пимену, для испрошения у него благословения на построение того храма. Митрополит, слыша о чудесах святителя образа, засвидетельствованных ему всею страню чрез посланного, послал к вятчанам грамоту на построение и антиминос на освящение предназначенного ими храма. Вятчане, получив митрополичье соизволение, приступили было к построению на предназначенном ими месте и лишь

606

успели в первый день положить ему основание, как на другой день не нашли на том месте ничего; ибо как основание, так и заготовленный материал оказались перенесенными на другое, неподалеку от первого болотистое место, на котором и был воздвигнут храм²⁵[25] и чудотворный образ в нем поставлен, место же около него болотное стало с того времени само великим чудесам, от образа сбывшимся, прозвана Великою. ^АПримечание А. Вештомова.> ²⁵[25] Храм сей послужил началом бытности Великоорецкого села, которое поныне находится на том месте. Что я ни говорил доселе и впредь буду говорить о чудотворном образе Николая, все то почерпнуто мною из описания, находящегося при здешнем Кафедральном соборе. ^АПримечание А. Вештомова.> собою обсыхать. Не долго однако ж продолжалось чествование святителя образа на сем месте. Черемиса, чиня во многолюдстве набеги в той стороне на русские селения и покушаясь особенно разорить то селение и церковь, где стояла многотимая оная святыня христиан, то сии с общего согласия положили перенести оную в город Хлынов, яко место безопаснейшее.

При переселении образа в Хлынов бывшие обстоятельства возвещаются таковые: когда священник, при Великоорецком храме служение отправлявший, хотел с прочими христианами, при том бывшими, взять образ, дабы нести его в Хлынов, то образ сей никак с места сего сдвинуть не могли. По дошедшему о сем к хлыновским жителям слуху, составили они совет, на котором положили нарочитый взять пост и сделать моление, и послали между тем за чудотворным образом в село городских священников, кои, по прибытии в оное, отправили св. Николаю молебное пение и потом уже приступили взять оный; но и при сем последовало то же, что и прежде. И так общим советом положено было сделать обещание, дабы впредь повсегодно с сим образом иметь хождение на Великую реку и там праздновать в первое воскресение по пренесении мощей св. Николая из Мир в Барград; а при обратном оттуда возвращении встречать образ за семь верст на Филейке (что ныне село). Дав сие обещание, опять отправили за образом несколько священников, кои по отправлении молебного пения, взяли оный без всякого уже противления.

Вот начало Великоорецкого хода, который доныне свято соблюдается. Редко можно встретить духовное торжество великолепнее сего хода. В мае месяце, когда еще Вятка находится в разливе, образ отправляется водою на катере и за ним сотни различной величины лодок, наполненных пестрыми толпами народа, пришедшего со всех концов губернии. В числе молельщиков можно иногда встретить и татар некрещеных, и вотяков, столь упорных в своем язычестве. Все верят в чудотворную силу иконы, все молятся святому Николаю, и торжество это сделалось торжеством национальным, национальною необходимостью. Между тем другие толпы покрывают оба берега реки, которых не видать под плотною массою народа. Масса эта провожает икону глазами и потом спешит сухим путем или водою на Великую реку, где иной год собирается до 100000 человек.

Несколько раз, после перенесения в Хлынов, носили этот чудотворный образ в Москву. В первый раз по указу царя Иоанна Васильевича в 1552 году²⁶[26]. При царе Алексее Михайловиче 1647 года он был в Москве поновлен. Духовные, служившие

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович при иконе, получили разные права и преимущества.

607

О ВОТЯКАХ, ЧЕРЕМИСАХ И ТАТАРАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

26[26] Тогда воздвигнута в Москве поныне существующая церковь Николы Хлыновского.

Вотяки, черемисы и татары отличаются друг от друга нравами, образом жизни, земледельческим и домашним хозяйством.

Вотяки народ полудикий, суеверный, но добросовестный, кроткий, покорный и примерно трудолюбивый; придерживаясь обычая предков своих, избегают сближения с русскими, более их образованными, отличающимися чистотой и опрятностью домов и лучшим их устройством. Почти все они крещеные и ежегодно бывают на исповеди, как отзывается местное духовенство; но за всем тем имеют весьма слабое понятие о том, что должно знать православному христианину.

Домашний быт вотяка для человека, привыкшего к чистоте, невыносим. Зимой живут они в больших избах, где помещаются также телята, козы, овцы и домашние птицы; весною переходят в клетки, построенные во дворе, посреди которых днем и ночью тлится огонь под навешенным котлом, в котором готовится обыкновенная их пища, род кашицы с куском вяленой говядины или баранины, иногда сушеного зайца или белки, истолченных вместе с костями в мелкий порошок.

Пред наступлением полевых работ вотяки празднуют целую неделю, для чего готовят брагу и дозволенную им кумышку. С начала сенокоса до окончательной уборки озимого и ярового хлебов все способные к работе ни днем, ни ночью не сходят с поля, только старики и малолетние остаются в домах для присмотра. Вотяки имеют благоразумную предосторожность устраивать гумна и складывать хлеб вне селения, иногда за полверсты от него, для безопасности от пожаров, и стараются иметь запас оного на два и даже три года на случай неурожая. Этот запас, несмотря даже на значительную дороговизну, остается неприкосновенным. Зимой занимаются они выделкою кулей, рогож, звериною ловлею и вымолотом хлеба на продажу и для собственного употребления. Будучи привычны к холоду и зною, они в самые сильные морозы не имеют обыкновения одеваться тепло, подобно русскому или татарину, а носят обыкновенно легкие полушубки до колена, а сверху полусуконное или холщевое полукафтанье. Во всякое время года они находят для себя занятие и весьма редко можно встретить здорового вотяка праздным, почему все они живут безбедно, а многие даже зажиточно.

Религиозные понятия некрещеных вотяков весьма грубы. В случае какого-либо несчастья, как-то: неурожая, градобития, повальной болезни, скотского падежа, следуя преданиям, приносят жертву духу зла. Для сего, зарезав утку, гуся или теленка, варят их в котле, из которого каждый, участвующий в жертвоприношении, почерпнув первую ложку, выливает на огонь. Потом съедают приготовленное и тем оканчивают жертвоприношение. Обряды эти исполняются иногда и крещеными вотяками; но непрерывным назиданием местного духовенства и полиции, случаи эти урежаются. Язык вотяцкий – бедный, способный выражать только самые обыкновенные нужды, – довольно приятен для слуха. В нем нет этого

608

стечения грубых согласных букв, которое так терзает ухо при разговоре татарина. У вотяков нет поэзии, т. е. нет ни сказаний, ни песен, переходящих от поколения к поколению изустно или письменно. Между тем они имеют большую склонность к пению и, не имея постоянных песен, поют о том, что представляется глазам. Ежели спросить поющего вотяка, что поет, он ответит: лесом едем, лес поем, полем едем, поле поем. Чаще же всего поют одни слоги, не имеющие никакого значения. Черемисы во всем сходны с вотяками и отличаются только языком и одеждою: столько же дики и суеверны, но более упрямы и своенравны, более верят нелепым бредням мудрецов своих. У черемис есть предание, будто бы вотяки некогда были им подвластны, а потому питают к сим последним некоторое презрение. Подобно вотякам неопрятные и живущие в вечном дыму, они подвергнуты многим недугам, в особенности глазным болезням. Некрещеные черемисы признают многих богов: у них есть бог грома – кудурце юму, бог земли – кабя юму, бог солнца – юм каче, бог животных – сын юму, пятничный бог – уишнян юму (черемисы празднуют пятницу); бог пчел – пюрокш юму. Язык черемисский разделяется на разные наречия, имеющие между собою довольно значительную разность. В Яранском уезде три такие наречия: кордемское (к Уржумскому уезду), Пачинское (к Котельничу) и Устинское (к Костромской и Нижегородской губерниям).

Татары, одаренные от природы лучшими умственными способностями, нежели первые, и крепким телосложением, могли бы, без сомнения, чрез труд достигнуть благосостояния, но отвращение от земледелия и желание приобретать легчайшим способом доводит многих из них до крайности. Хлебопашество у них в самом жалком положении; они всегда последние принимаются за полевые работы. Когда русские, вотяки и черемисы, при наступлении весны, занимаются паханием и в продолжение

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович одного месяца оканчивают яровой посев, тогда татары подеревенно празднуют Зипн, нимало не заботясь о приготовлении земли к посеву и самом посеве. Праздник этот не есть религиозный, а вошедший в употребление издревле. Каждое почти селение имеет свой день, в который татары окрестных селений съезжаются на праздник. После угощения в домах, выезжают на поле, где производится конская скачка и борьба. Обогнавший всех и отличившийся силою получают в награждение платки, полотенца, кушаки и т. д. по определению старших, распоряжающихся праздником. На другой день отправляются на такой же праздник в другое селение и т. д. Празднование Зипна начинается в половине апреля и продолжается до последних чисел мая. Тогда только на изнуренных лошадях выезжают на пашню. Спахавши на скорую руку и облегчая обессиленную лошадь мелким запуском сохи в землю, царапают только поверхность оной; а, засеявши на столь худо приготовленной пашне, боронить высылают детей, которые и оканчивают работу. При паровой пашне татары также всегда бывают последними; пашут худо, сеют поздно, и потому всегда имеют недостаток в хлебе. Мена лошадьми, мелочная торговля крестьянскими товарами, извоз, распилка леса и плотничная работа суть обыкновенные

609

занятия татар, которые, будучи ловки и хитры, обманывают простодушных поселян. Во время разъездов и работ высматривают где что есть, знакомятся с расположением домов и, спустя некоторое время, производят кражи сами или чрез своих сообщников. Многие из них, не имея удачи в своем уезде, преимущественно же те, которые судились за подобные промыслы, получив паспорта, или билеты, расходятся в разные губернии, не оставив своим семействам средств для пропитания. Татары имеют страсть к роскоши, но ленивы, привержены к пьянству и склонны к воровству. Примеры наказания за преступления мало на них действуют; есть случаи, что целые семейства, начиная от отца до последнего сына, сосланных в Сибирь или отданных в солдаты, не удержали их родственников или сообщников от подобных преступлений.

610

ПУБЛИКАЦИИ ВО «ВЛАДИМИРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»

ВЛАДИМИРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Между огромнейшими памятниками царствования императора Николая 1-го, столь полного усовершенствованием всех элементов быта государственного, заведение в губернских городах публичных библиотек занимает место важное. Публичная библиотека никоим образом не заменяется учебными заведениями, она передает все умственное движение и передает прямо массам, и потому необходимость их представилась мужу государственному Н. С. Мордвинову; государь император, столь ревностно занимающийся усовершенствованием просвещения России, – дал жизнь мысли Мордвинова, и вот в главнейших городах России заведены библиотеки, ревнители просвещения снабдили их достаточными средствами, и книги, которые так трудно добывались прежде в дальних провинциях, вошли в оборот. Считаю не излишним сказать несколько слов о нашей публичной библиотеке.

Владимирская библиотека получила основание с 1 января 1834 года, и при начале существования своего имела уже 965-ть томов различных сочинений на русском и французском языках, купленных на пожертвованные деньги; после открытия ежегодно прибавлялись сочинения, частью приношениями, частью покупками, сделанными по распоряжению г-о^{сподина} гражданского губернатора (под главным ведением которого она и состоит). В течение 1835 и 1836 годов доставились чрез посредство г-о^{сподина} министра народного просвещения от разных мест 609 томов. Сверх того ежегодно выписывались лучшие периодические издания. Действия библиотеки должны были отчасти сократиться на нынешний год, по недостатку средств – и она получает токмо журналы Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел, «Общепольных сведений», «Земледельческий», «Мануфактур и Торговли», «Горный», «Коммерческую газету», «Библиотеку для чтения», «Северную пчелу» и еще некоторые сочинения, периодически выходящие («Энциклопедический лексикон» и «Живописное обозрение»).

Но не должно сомневаться, что жители Владимирской губернии, особенно просвещенное дворянство, показавши столько усердия при учреждении библиотеки, допустят падение ее, а напротив, окажут средство на прочном основании расширить круг ее действия.

В настоящее время библиотека помещается в Доме дворянства и занимает 2 комнаты, весьма удобные и снабженные всем необходимым, где с большим удовольствием всегда можно видеть занимающихся чтением, особенно из учащихся в гимназии и семинарии. По замечанию г-о^{сподина} зрителя читаются наиболее журналы, это весьма естественно, журналы и составляют собственно жизнь публичных библиотек.

Итак, каждый житель города имеет возможность знать все, что делается на земном шаре. Правительство доставило ему средство. С одной стороны статистические комитеты, губернские выставки и губернские газеты раскрывают по всем направлениям внутреннюю жизнь каждой части России, представляя в сумме обширный

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович статистический факт миру, который с удивлением смотрит на северного исполина. С другой – вся сумма познаний, изобретений и усилий всего мира отдана публичными библиотеками в губернских городах в народное употребление каждой части России. – И все это сделано одним правительством, благословим же его! 27[27]

СВЯТАЯ НЕДЕЛЯ

С самого первого дня праздника и во всю неделю погода была превосходная, прекрасные окрестности Владимира оделись в свое весеннее платье для того, чтобы участвовать в торжестве. В два дни исчезли все следы зимы, и множество гуляющих на улицах и бульварах оживляли во всю неделю город; Клязьма вскрылась 9 числа и разлившись течет теперь во всей красоте своей. Конечно, немного губернских городов могут представить такие виды, как Владимир, например, с вала, окружающего Рождественский монастырь. Пространство более нежели на двадцать верст раскрывается с трех сторон, смиренные деревеньки стелятся около своих церквей, а эти церкви, самой старинной архитектуры, напоминают историческую святость края. Как голубая лента чрез плечо, льется Клязьма чрез равнину и превосходный вид оканчивается Дмитриевским собором. Несмотря на позднейшие пристройки, он сохранил свой начальный характер, на нем ясно отпечатывается простота и величие, проникнутое глубокою мыслию византийского зодчества. Душа, невольно наслаждаясь природой, возносится молитвой к небу, глядя на памятник благочестия великого князя Всеволода Ш-го. В заключение заметим, не показывает ли выбор места для города и здание, выполненное в таком прекрасном стиле, как Дмитриевский собор, что изящное и в самые отдаленные эпохи не было чуждо душе русской.

612

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА СУЗДАЛЯ

<ВСТУПЛЕНИЕ, ПРИМЕЧАНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

27[27] Библиотека бывает открыта ежедневно зимою и летом, от 8-ми часов утра до 2-х пополудни, и после обеда.

В № 24 «Прибавлений» было помещено краткое описание Суздаля, подобно прочим уездным городам извлеченное из отчета полиции. Это описание составляет остов статистики городов нашей губернии. Но ими далеко не исчерпано все, что могут сообщить публике сами жители уездных городов. Г-н Смирнов, учитель Суздальского уездного училища, доставил в редакцию статистическое обозрение Суздаля, ныне помещаемое. В нем найдут читатели более полное и многостороннее описание, мы опускаем только те сведения, которые были помещены в № 24, и описание Спасо-Евфимьевского монастыря, о котором столь любопытную статью доставил штабс-капитан генерального штаба Н. Б. Герсеванов, помещенную в № 37. В следующем № в отделении о богоугодных заведениях поместятся дальнейшие подробности о сей богадельне.

Такого рода заведение, увековечивающее память г. Блохина, сзывающее ежедневно на него благословения неимущих граждан суздальских, получивших от него кусок хлеба и приют, – совершенно в духе русского купечества, отличающегося благотворительностью и готовностью на пожертвования, особенно для храмов божьих и богоугодных заведений. Всякое важное событие в их жизни отмечается вкладами и жертвованиями; мы с истинным умилением смотрим на это совершенно народное чувство. Кому неизвестно, что большая часть церквей наших – памятники событий важных. С скромные и благочестивые великие князья и цари молитвою радовались успехам, к молитве прибегали в несчастиях, а с молитвой тесно соединя благотворительность. Русское купечество умело сохранить эту святую сторону характера народного. Пожертвование г. Блохина городу, в котором он родился, доказывает это лучше всяких слов.

Некоторые подробности опущены, потому что были помещены в 24 № .

В заключение редакция вменяет себе в особенное удовольствие поблагодарить г. Смирнова за любопытное его описание города, столь замечательного по историческим воспоминаниям. Желательно, чтобы труд г. Смирнова возбудил соревнование г-оспод учителей в других уездных городах; редакция готова служить посредницею между ими и публикою.

613

ОТ РЕДАКЦИИ

С нынешнего листка «Прибавлений» наступает второй период их существования: издание губернской газеты дело столь новое, столь нелегкое, что мы первые готовы сознаться – пересматривая прошлогодние листки «Прибавлений», – что они еще далеки от того, чем могли бы быть; хотя мы и уверены, что план, нами принятый, вполне удовлетворителен (не будучи вполне выполненным). Вероятно, с каждым годом Владимирская газета будет улучшаться – нам приятно так думать. Тем не менее пересмотр прошлогоднего издания невольно приводит нас к желанию искреннему и сильному поблагодарить некоторых особ, делившихся с нами своими трудами и следственно облегчивших нам

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович издание. Очень знаем, что сим особам не нужна наша благодарность, но нам нужно ее высказать, и пусть эта благодарность за 1838 будет первою статьею в 1839 – она принадлежит всего более:

Петру Ивановичу Гаврилову, которого прекрасно написанная и оживленная святыми и теплыми чувствами дружбы и признательности некрология г. Бенедиктова была перепечатана в «Литературных прибавлениях»; который передал нам занимательную статью о рыбной ловле на Клязьме, и только что досказал в 52 № о плавающем острове. – Во всех статьях г. Гаврилова видно основательное и многостороннее знание быта нашей губернии.

Николаю Борисовичу Герсеванову, доставившему описание Спасо-Евфимьевского монастыря, в котором он поместил весьма важное открытие знамен с великобританскими гербами, хранящихся в кладовой монастыря и о существовании которых до него, сколько нам известно, не знали.

Дмитрию Васильевичу Небаба, начавшему на довольно просторном размере климатологическое описание нашей губернии – которого окончание, вероятно, передаст нам трудолюбивый педагог в нынешнем году.

Г<осподину> Борисову, доставившему важные грамоты из Шуи.

Члену-корреспонденту Статистического комитета г. Никитину, рассказавшему о торговле Вязниковского уезда.

Г<осподам> штатному смотрителю Яковлеву, присылавшему метеорологические наблюдения из Муром, и учителю Смирнову, описавшему Суздаль.

В заключение редакция должна с тою же благодарностию отозваться о трудах А. И. Герцена, постоянно участвовавшего в издании «Прибавлений» с 10 №.

Вероятно, особы сии и в нынешнем году примут то же бдительное участие в издании газеты. ВЛАДИМИР 13 ЯНВАРЯ

С каждым днем наш город более и более оживает, с каждым днем приезжают дворяне к предстоящим выборам. Дворянские выборы – это важнейший момент публичной жизни в губернии, в несколько дней решают

614

много и решают на несколько лет. – Русское дворянство, собираясь для совещания о делах своих, для избрания своих представителей и поверенных, всякий раз должно с благоговением вспомнить мудрую мать Отечества, великую императрицу Екатерину 11-ю, даровавшую дворянству права столь отличные. Едва протекло столетия после привития нам европеизма Петром Великим, и мы уже имели дворянские выборы и Наказ Великой Екатерины. Государю императору угодно было приобщить к правам политическим и помещиц. Не первый ли это пример равенства прав мужчин и женщин. Россия его дает Европе – до сих пор толкующей о салическом законе.

Мы не могли удержаться от этих вскользь брошенных замечаний, начавши говорить о дворянских выборах, предмет столь нераздельный с славой самодержцев, даровавших, поддерживавших и распространивших эти права; столь нераздельный со славой сословия, умевшего постоянною преданностию к престолу заслужить столько доверия у своих царей!

Редакция ждет с нетерпением полного съезда дворянства, и она имеет к нему дело.

Мы уже говорили в прошлом году, что принятый нами порядок издания газеты приводит к передаче читателям сведений о статистике уездов, говорили и о том, что трудно составлять нам описания уездов по официальным бумагам земской полиции. Кроме помещиков, никто не может сообщить редакции хозяйственных подробностей о состоянии агрономии и быта крестьянского вообще, и потому строгое выполнение плана газеты будет зависеть от благосклонного приема нашего приглашения сообщать нам статьи из разных уездов; мы не смеем думать, чтобы г<оспода> помещики отказались от содействия нам в труде столь очевидно полезном. ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ г. ШЕЛЕХОВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РУССКИМ ПРОСЕЛОЧНЫМ ДОРОГАМ»

<ПРИМЕЧАНИЯ>

Чрезвычайная занимательность статьи почтенного г. Шелехова побуждает нас поместить часть ее, относящуюся до нашей губернии.

Мы передали еще в прошедшем году нашим читателям описание этой замечательной пустыни.

ОТ РЕДАКЦИИ

В прошедшем № «Прибавлений» читатели наши были извещены о продолжении их на будущий год. Главный план издания остается тот же; он известен г<осподам> подписчикам. Редакция владимирских газет имела уже не один раз случай сообщать, как она понимает прекрасную цель правительства, с которой оно дало официальный голос и публичность каждому краю, каждой частице нашего Отечества, – этой великой страны, которую столь же великий император Петр называл частию света; она сообщала между прочим план, который желала выполнить при издании их в

615

1839 году. Но план ее на сей раз не вовсе удался. В прошедшем году мы помещали статистические сведения о всех городах Владимирской губернии, описания

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович замечательнейших монастырей, некоторых древностей и думали перейти к описанию уездов в их хозяйственно-статистическом отношении; с этой целью мы два раза обращались с покорною просьбою к г<осподам> членам-корреспондентам Владимирского статистического комитета и к г<осподам> помещикам нашей губернии, – но доселе еще никто не поделился с нами своими замечаниями и наблюдениями. Краткое описание Муромского уезда, взятое из официального источника, не выполняет объема, какого бы мы хотели; да и доселе официальные источники не могли быть ни вовсе удовлетворительны, ни вполне состоятельны, как и было замечено в одной из статей наших; ныне открывается ведомостям положительная надежда получить сведения, весьма точные и полные, о хозяйственном состоянии уездов, от Владимирской палаты государственных имуществ; состав ее, управление, отчетность ставят ее в полную возможность получать драгоценные статистические факты, – и мы твердо убеждены, что Палата государственных имуществ поделится с нами своими богатствами, и мы в 1840 году исполним обещанное.

В нынешнем году начала редакция помещать выписки из «Ведомостей» о чрезвычайных происшествиях; это важное дополнение к статистическим сведениям, эти частные случаи, кажется, не имеющие никакой связи между собою, приведенные к единству, дадут важные выводы относительно климатологии, общественного здоровья и, что всего важнее, нравственности жителей Владимирской губернии. Редакция думает на будущий год еще более воспользоваться ведомостями о происшествиях, составить сравнительные таблицы за последнее десятилетие и вывести несколько результатов из параллельного рассмотрения происшествий, помещаемых в «Ведомостях» других губерний. Весьма жаль, что за последние месяцы редакция не получала метеорологических наблюдений, помещаемых прежде за каждый месяц. Мы не теряем надежды, что Владимирская губернская гимназия не откажет газете постоянно сообщать свои наблюдения в 1840-м году.

В заключение снова обращаемся мы с просьбою ко всем жителям нашей губернии сообщать в редакцию сведения по всем предметам, обозначенным в программе, напечатанной в прошедшем № – и пусть будут они уверены, что каждое примется с величайшею благодарностию; равно да не усомнятся они и в том, что мы с своей стороны употребим все средства к возможно успешному исполнению возложенного на нас дела.

ОТ РЕДАКЦИИ

Что может сказать своим читателям редакция «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям», начиная третий период своего существования? Она сообщила в начале истекшего года свои намерения и свои надежды, в конце его – отчет об исполнении тех и других; трудно ей прибавить что-либо к сказанному. Основание издания, твердо установленное

616

законом, не могло измениться, оно токмо расширилось прибавлением в программе §, по которому будут помещаться в «Прибавлениях» высочайшие повеления, награды и разные постановления высшего начальства; не мог измениться и образ, как понимает владимирская редакция дело ей вверенное.

В прошедшем году первый № между прочим заключал в себе благодарность некоторым особам, поделившимся с редакцией своими трудами в 1838 году и способствовавших к более разнообразному наполнению листков «Прибавлений», нежели сколько они могли получить из одних официальных источников; приятно было редакции начать год с исполнения такой обязанности. На сей раз она почти должна отказаться от этого удовольствия; назвавши г. Борисова, который и в 1839 году присылал прекрасные материалы из Шуи, и еще два-три лица, одновременно доставившие статьи, и поблагодаривши их искренно и усердно, мы должны сознаться, что редакция в 1839 г. была совершенно оставлена на самое себя и оттого, при истощении сведений по некоторым отраслям статистики, она открыла в конце прошедшего года новые источники, вечнопроизводящие, неиссякаемые, живые – в множестве событий, в которых проявляются особенности жизни нашего края. – Редакция помещает чрезвычайные происшествия в том виде, в котором доносят об них губернскому начальству, тотчас по совершении их.

В заключение будем снова просить снисходительности читателей и благосклонного приема наших посильных трудов.

617

ЗАПИСИ В ВЯТСКОЙ ТЕТРАДИ

Kowalevsky. 10 Holborn Place (Russel's square), London.

Насмешка мертвого в деннице из записок гробовщика Звезда Флейта

6 марта 1836. Вятка (!)

A. Герц<ен> Гер<цен>

Fine Cha<mpagne> Epernay Vive Art Frères Musa

Sangue perfetto, che mai non si beve Dall'assetate vene, e si rimane

Quasi alimento che di mensa leve,

Prende nel cuore a tutte membra umane Virtute informativa, como quello Ch'a
farsi quelle per lo vene vane.

Ancor digesto scende ov'è piu bello

Tacer che dire; e quindi poscia geme Sovr'altrui sangue in natural vasello.

Ivi s'accoglie l'uno e l'altro insieme,

L'un disposto a patire e l'altro a fare,

Per lo perfetto luogo onde si preme;

E, giunto lui, comincia ad operare,

Coagulando prima, e poi avviva Cio che per sua materia fe' constare.

Anima fatta la virtute attiva,

Qual d'una pianta, in tanto differente,

che quest'è in via e quella è già a riva,

Tanto ovra poi che già si muove e sente,

Come fungo marino; ed indi imprende Ad organar le posse ond'è semente.

618

Or si spiega figliuolo, or si distende La virtù ch'è dal cuor del generante ove
natura a tutte membra intende

Ma come d'animal divenga fante,

Non vedi tu ancor: quest'è tal pun<to>

Ché piu savio di te fe'gia errante;

Si che, per sua dottrina, fe'disgiunto Dall'anima il possibile intelletto,

Perché da lui non vide organo assunt<o> Apri alla verita che viene il petto,

E sappi che si tosto come al feto L'articular del cerebro e perfetto,

Lo Motor primo a lui si volge lieto,

Sovra tanta arte di natura, e spira Spirito nuovo di virtu repleto,

che ciò che trova attivo quivi tira

In sua sustanzia, e fassi un'alma sola,

che vive e sente, e sé in sé rigira.

E perché meno ammiri la parola,

Guarda il calor del sol che si fa vino, Giunto all'umor che dalla vite cola.

Del Purgatorio, C<anto> XXV.

Nur wer die Sehnsucht kennt,

Weiss, was ich leide!

Allein und abgetrennt von aller Freude,

Seh' ich aufs Firmament Nach jener Seite.

Ach! der mich liebt und kennt,

Ist in der Weite.

Es schwindelt mir, es brennt Mein Eingeweide.

Nur wer die Sehnsucht kennt,

Weiss, was ich leide!

Goethe (Wil<helm> Meis<ters> Lehr<jahre>).

SYMBOLUM

Des Maurers wandeln,

Es gleicht dem Leben,

Und sein Vertreiben Es gleicht dem Handeln Der Menschen auf Erden.

Die Zukunft decket Schmerzen und Glücke.

Schrittweis dem Blicke,

Doch ungeschreckt Dringen wir vorwärts,

Und schwer und schwerer Hängt eine Hülle Mit Ehrfurcht. Stille Ruhn oben die

Sterne Und unten die Gräber.

Betracht' sie genauer Und siehe, so melden Im Busen der Helden Sich wandelnde
Schauer

Und ernste Gefühle.

Doch rufen von drüben Die Stimmen der Geister,

Die Stimmen der Meister: Versäumt nicht zu üben Die Kräfte des Guten.

Hier winden sich Kronen In ewiger Stille,

Die sollen mit Fülle Die Thätigen lohnen!

Wir heissen euch hoffen.

Goethe (Loge).

619

...e rimasse immobile, como al cader del vento, nel forte della burrasca, un
antica pianta ricompone naturalmente i suoi ramj, e riceve la gragnuola come la
manda il cielo...

I Promessi Sposi. Manzoni.

...«Ce que j'estime, ce que je loue en toi, c'est que seul tu as touché le fond
de l'affaire, et ce qui est le tout des choses; je veux dire: le libre arbitre.

Toi, tu ne me fatigues pas de querelles étrangères, de papauté, de purgatoire,
d'indulgences et autres fadaïses. – Seul tu as saisi le noeud, tu as frappé à la

gorge. Merci, Erasme!»

Luther (1524).

L'Empereur avait beaucoup d'idées nouvelles touchant l'éducation du roi de Rome: il comptait sur l'Institut à Meudon, dont il avait déjà décrété les principes attendant quelques loisirs pour leur développement. Il voulait y rassembler tous les princes de la maison impériale, surtout ceux de toutes les branches qu'il avait élevées sur des trônes étrangers. C'était là joindre, prétendait-il, aux soins de l'éducation particulière tous les avantages de l'éducation en commun.

«Destinés, disait-il, à occuper divers trônes et à régir diverses nations, ces enfants auraient pris là des principes communs, des mœurs pareilles, des idées semblables. Pour mieux faciliter la fusion et l'uniformité des parties fédératives de l'Empire, chacun de ces princes eût amené du dehors avec lui dix ou douze enfants, plus ou moins de son âge, et des premières familles de son pays; quelle influence n'en eussent-ils pas exercé chez eux au retour! Je ne doutai pas que les princes des autres dynasties étrangères à ma famille n'eussent bientôt sollicité de moi, comme une grande faveur d'y voir admettre leurs enfants. Et quel avantage n'en serait-il pas résulté pour le bien-être des peuples composant l'association européenne!»

Mémorial de S^{ainte} H^{élène}. Novemb^{re} 1815. (T. I).

Und so begann diejenige Richtung, von der ich mein ganzes Leben über nicht abweichen konnte, nämlich dasjenige, was mich erfreute oder quälte, oder sonst beschäftigte, in ein Bild, ein Gedicht zu verwandeln und darüber mit mir selbst abzuschliessen, um sowohl meine Begriffe von den äussern Dingen zu berichtigen, als mich im Innern deshalb zu beruhigen. Die Gabe hierzu war wohl niemand nöthiger als mir, den seine Natur immerfort aus einem Extrem in das andere warf. Alles, was daher von mir bekannt geworden, sind nur Bruchstücke einer grossen Konfession, welche vollständig zu machen dieses Büchlein ein gewagter Versuch ist.

Goethe. Aus meinem Leben. T. 2.

Der erste wahre und höhere eigentliche Lebensgehalt kam durch Friedrich den Grossen und die Thaten des Siebenjährigen Krieges in die deutsche Poesie.

Goethe . Aus <meinem Leben>.

Ich möchte mir wohl eine Gottheit vorstellen, die sich von Ewigkeit her selbst produziert; da sich aber Produktion nicht ohne Mannigfaltigkeit denken lässt, so musste sie sich nothwendig sogleich als ein Zweites erscheinen, welches wir unter dem Namen des Sohns anerkennen; diese Beiden mussten nun den Akt des Hervorbringens fortsetzen, und erschienen sich selbst wieder im Dritten, welches nun ebenso bestehend lebendig und ewig als das Ganze war. Hiermit war jedoch der Kreis der Gottheit geschlossen und es wäre ihnen selbst nicht möglich [gewesen, abermals ein ihnen

620

völlig Gleiches hervorzubringen. Da jedoch der Produktionstrieb immer fortging, so erschufen sie ein Viertes, das aber schon in sich einen Widerspruch hegte, indem es, wie sie, unbedingt und doch zugleich in ihnen enthalten und durch sie begrenzt sein sollte. Dieses war nun Lucifer, welchem von nun an die ganze Schöpfungskraft übertragen war, und von dem alles übrige Sein ausgehen sollte. Er bewies sogleich seine unendliche Thätigkeit, indem er die sämtlichen Engel erschuf, alle wieder nach seinem Gleichnis, unbedingt, aber in ihm enthalten und durch ihn begrenzt. Umgeben von einer solchen Glorie, vergass er seines höhern Ursprungs und glaubte ihn in sich selbst zu finden, und aus diesem ersten Undank entsprang Alles, was uns nicht mit dem Sinne und den Absichten der Gottheit übereinzustimmen scheint. Je mehr er sich nun in sich selbst konzentrierte, je unwohler musste es ihm werden, so wie allen den Geistern, denen er die süsse Erhebung zu ihrem Ursprunge verkümmerte. Und so ereignete sich das, was uns unter der Form des Abfalls der Engel bezeichnet wird. Ein Theil derselben konzentrierte sich mit Lucifer, der andere wendete sich wieder gegen seinen Ursprung. Aus dieser Konzentration der ganzen Schöpfung, denn sie war von Lucifer ausgegangen und musste ihm folgen, entsprang nun alles das, was wir unter der Gestalt der Materie gewahr werfen, was wir uns als schwer, fest und finster vorstellen, welches aber, indem es, wenn auch nicht unmittelbar, doch durch Filiation, vom göttlichen Wesen her stammt, ebenso unbedingt mächtig und ewig ist, als der Vater und die Grosseltern. Da nun das ganze Unheil, wenn wir es so nennen dürfen, bloss durch die einseitige Richtung Lucifer's entstand, so fehlte freilich dieser Schöpfung die bessere Hälfte: denn Alles, was durch Konzentration gewonnen wird, besass sie, aber es fehlte ihr Alles, was durch Expansion allein bewirkt werden kann; und so hätte die sämtliche Schöpfung durch immerwährende Konzentration sich selbst aufreiben, sich mit ihrem Vater Lucifer vernichten und alle ihre Ansprüche an eine gleiche Ewigkeit mit der Gottheit

verlieren können. Diesem Zustand sahen die Elohim eine Weile zu, und sie hatten die Wahl, jene Aeonen abzuwarten, in welchen das Feld wieder rein geworden und ihnen Raum zu einer neuen Schöpfung geblieben wäre, oder ob sie in das Gegenwärtige eingreifen und dem Mangel nach ihrer Unendlichkeit zu Hülfe kommen wollten. Sie erwählten nun das Letztere und supplierten durch ihren blossen Willen in einem Augenblick den ganzen Mangel, den der Erfolg von Lucifers Beginnen an sich trug. Sie gaben dem unendlichen Sein die Fähigkeit, sich auszudehnen, sich gegen sie zu bewegen; der eigentliche Puls des Lebens war wieder hergestellt, und Lucifer selbst konnte sich dieser Einwirkung nicht entziehen. Dieses ist die Epoche, wo dasjenige hervortrat, was wir als Lucht kennen, und wo dasjenige begann, was wir mit dem Worte Schöpfung zu bezeichnen pflegen. So sehr sich auch nun diese durch die immer fortwirkende Lebenskraft der Elohim stufenweise vermannigfaltigte, so fehlte es doch noch an einem Wesen, welches die ursprüngliche Verbindung mit der Gottheit wiederherzustellen geschickt wäre, und so wurde der Mensch hervorgebracht, der in Allem der Gottheit ähnlich, ja gleich sein sollte, sich aber freilich dadurch abermals in dem Falle Lucifers befand, zugleich unbedingt und beschränkt zu sein; und da dieser Widerspruch alle Kategorien des Daseins sich an ihm manifestieren und ein vollkommenes Bewusstsein so wie ein entschiedener Wille seine Zustände begleiten sollte, so war vorauszusehen, dass er zugleich das vollkommenste und unvollkommenste, das glücklichste und unglücklichste Geschöpf werden müsse. Es wahrte nicht lange, so spielte er auch völlig die Rolle des Lucifer. Die Absonderung vom Wohlthäter ist der eigentliche Undank, und so ward jener Abfall zum zweiten Mal eminent, obgleich die ganze Schöpfung nichts ist und nichts war als ein Abfallen und Zurückkehren zum Ursprünglichen.

Th<eil> 2.

621

Unsere Wünsche sind Vorgefühle der Fähigkeiten, die in uns liegen, Vorboten desjenigen, was wir zu leisten im Stande sein werden. Was wir können und möchten, stellt sich unserer Einbildungskraft ausser uns und in der Zukunft dar, wir fühlen eine Sehnsucht nach dem, was wir schon im Stillen besitzen. So verwandelt ein leidenschaftliches Vorausergreifen das wahrhaft Mögliche in ein ertäumtes Wirkliches. Liegt nun eine solche Richtung entschieden in unserer Natur, so wird mit jedem Schritt unserer Entwicklung ein Theil des ersten Wunsches erfüllt, bei günstigen Umständen auf dem geraden Wege, bei ungünstigen auf einem Umwege, von dem wir immer wieder nach jenem einlenken. So sieht man Menschen durch Beharrlichkeit zu irdischen Gütern gelangen; sie umgeben sich mit Reichtum, Glanz und äusserer Ehre. Andere streben noch sicherer nach geistigen Vortheilen, erwerben sich eine klare Übersicht der Dinge, eine Beruhigung des Gemüths und eine Sicherheit für die Gegenwart und Zukunft.

Nun giebt es aber eine dritte Richtung, die aus beiden gemischt ist und deren Erfolg am sichersten gelingen muss. Wenn nämlich die Jugend des Menschen in eine prägnante Zeit trifft, wo das Hervorbringen das Zerstören überwiegt, und in ihm das Vorgefühl bei Zeiten erwacht, was eine solche Epoche fordere und verspreche, so wird er, durch äussere Anlässe zu thätiger Theilnahme gedrängt, bald da-, bald dorthin greifen, und der Wunsch, nach vielen Seiten wirksam zu sein, wird in ihm lebendig werden. Nun gesellen sich aber zur menschlichen Beschränktheit noch so viele zufällige Hindernisse, dass hier ein Begonnenes liegen bleibt, dort ein Ergriffenes aus der Hand fällt, und ein Wunsch nach dem andern sich verzettelt. Waren aber diese Wünsche aus einem reinen Herzen entsprungen, dem Bedürfnis der Zeit gemäss, so darf man ruhig rechts und links liegen und fallen lassen, und kann versichert sein, dass nicht allein dieses wieder aufgefunden und ausgehoben werden muss, sondern dass auch noch gar manches Verwandte, das man nie berührt, ja woran man nie gedacht hat, zum Vorschein kommen wird. Sehen wir nur während unsers Lebensganges dasjenige von andern geleistet, wozu wir selbst früher einen Beruf fühlten, ihn aber, mit manchem andern, aufgeben mussten, dann tritt das schöne Gefühl ein, dass die Menschheit zusammen erst der wahre Mensch ist, und dass der Einzelne nur froh und glücklich sein kann, wenn er den Muth hat, sich im Ganzen zu fühlen.

Goethe.

...On nous dit encore que quand on connaît le caractère d'un homme on a la clef de sa conduite; c'est faux; tel fait une mauvaise action, qui est foncièrement honnête homme; tel fait une méchanceté sans être méchant. C'est que presque jamais l'homme n'agit par l'acte naturel de son caractère, mais par une passion secrète du moment, réfugiée, cachée dans les derniers replis du cœur.

Napoléon. Mém<orial> de S<ainte>-H<élène>.

PREMIER CHAPITRE DU SCHAFTA

Dieu est un; il a créé tout, il est une sphère parfaite, sans commencement, ni fin. Dieu conduit toute la création par une providence générale résultante d'un principe déterminé. Tu ne rechercheras point à déouvrir l'essence et la nature de l'Eternel, ni par quelles lois il gouverne: une telle entreprise est vaine et criminelle, c'est assez que jour et nuit tu contemples dans ses œuvres sa sagesse, son pouvoir et sa bonté.

II C h<apitre>

L'Eternel absorbé dans la contemplation de sa propre existence, résolu, dans sa plénitude des temps, de communiquer sa gloire et son essence à des êtres capables de sentir et de partager sa béatitude, comme de servir à sa gloire.

L'Eternel voulut et ils furent, il les forma en partie de son essence, capables de perfection et d'imperfection selon leur volonté.

(Birma, Vischnou et Sib).

Ils adorèrent l'Eternel, rangés autour de son trône, chacun dans le degré assigné. L'harmonie fut dans les cieux.

III Chap<itre>

Depuis la création de l'armée céleste, la joie et l'harmonie environnèrent le trône de l'Eternel dans l'espace de mille ans, multipliés par mille ans; et auraient duré jusqu'à ce que le temps ne fût plus, si l'envie n'avait pas saisi Mozor et d'autres princes des bandes angéliques. Ils rejetèrent le pouvoir de perfection, et exercèrent le pouvoir d'imperfection, ils firent le mal à l'aspect de Dieu, ils le désolaient. Ils séduirent les anges et la tristesse saisit les esprits angéliques fidèles, et la douleur fut comme pour la première fois dans le ciel.

IV Ch<apitre>

(On les précipite dans Vondera)

V Ch<apitre>

Au bout de mille ans, Birma, Vischnou et Sib sollicitèrent la clémence de Dieu en faveur des délinquants. L'Eternel daigna les délivrer de la prison de l'Ondera, et les mettre dans un état de probation. Il y eut encore des rébellions contre Dieu dans ce temps de pénitence.

Ce fut dans une de ces périodes que Dieu créa la terre, les anges pénitents y subirent plusieurs métempsycoses et enfin ils furent métamorphosés en hommes.

Dict<ionnaire> Philos<ophique> de Voltaire (Ange).

Me voilà en Asie; j'ai voulu voir cela par mes yeux. Il y a dans cette ville vingt peuples divers qui ne se ressemblent point du tout. Il faut pourtant leur faire un habit qui leur soit propre à tous. Ils peuvent se bien trouver des principes généraux, mais les détails? Et quels détails? J'allais dire, c'est presque un monde à créer, à unir, à conserver.

Catherine II. Lettre à M. Voltaire de Kazan, le 18/29 mai 1767.

Moscou est un monde, non une ville.

Catherine II à Voltaire de Pétersbourg, 6/17 octobre 1771.

D e s p e n s é e s d e P a s c a l

Le présent n'est jamais notre but. Le passé et le présent sont nos moyens; le seul avenir est notre objet...

...Cet éloignement que les hommes ont du repos et de demeurer avec eux-mêmes vient d'une cause bien effective; c'est à dire du malheur naturel à notre condition faible et mortelle, et si misérable que rien ne peut

623

nous consoler, lorsque rien ne nous empêche d'y penser, et que nous ne voyons que nous.

...Il (Napoléon) appelait cette grande lutte de nos jours la guerre des champs contre les comptoirs, celle des créneaux contre les métiers.

Mém<orial> de S<ainte>-H<élène>. Tom VII, page 220.

La démocratie peut être furieuse; mais elle a des entrailles, on l'émeut; pour l'aristocratie, elle demeure toujours froide, elle ne pardonne jamais etc., etc.

...Le vrai est que je n'ai jamais été maître de mes mouvements, je n'ai jamais été réellement tout à fait moi.

Je puis avoir eu bien des plans; mais je ne fus jamais en liberté d'en exécuter aucun. J'avais beau tenir le gouvernail, quelque forte que fut la main, les lames subites et nombreuses l'étaient bien plus encore, et j'avais la sagesse d'y céder plutôt que de sombrer en voulant y résister obstinément. Je n'ai donc jamais été véritablement mon maître; mais j'ai toujours gouverné par les circonstances; si bien que au commencement de mon élévation sous le consulat, de vrais amis, mes chauds partisans, me demandaient parfois où je prétendais arriver; et je répondais toujours que je n'en savais rien... et pourtant je leur disais vrai. Plus tard, sous l'empire, où il y avait moins de familiarité, bien des figures semblaient me faire encore la même demande et j'eusse pu leur faire

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

la même réponse. C'est que je n'étais point <le maître de mes actes...>

...Er besitzt, Ich wag'wohl sagen, Alles, was mir fehlt. Doch – haben alle

Götter sich versammelt, Geschenke seiner Wiege darzubringen,

Die Grazien sind leider ausgeblieben;

Und wem die Gaben dieser Holden fehlen,

Der kann zwar viel besitzen, Vieles geben,

Doch lässt sich nie an seinem Busen ruhn.

T<orquato> Tasso. Act II. Goethe.

Я ничего, я как для волка в басне филомела, один голос.

М. Лютер.

...L'unique disposition à recevoir la grâce, c'est la prédestination arrêtée par Dieu de toute éternité.

Luther.

Landon. Descrip<tion> de Londres, p. 89. Cité par Wiebeking.

«Les tombeaux ou monuments sépulcraux présentent un contraste frappant entre les monuments des premiers siècles et ceux des temps modernes. Sur les premiers on aperçoit les figures gothiques de quelques pieux évêques ou de quelques pieux chevaliers, courbés sur leur genoux et dans une attitude humble et modeste;

d'autres, étendus sur le dos, les mains jointes et les yeux fermés, paraissent,

suivant l'expression d'un auteur de nos jours, tout occupés de ce qu'ils voient

dans les rêves de la tombe. Sur les monuments modernes au contraire on voit les

statues des héros dans le costume le plus riche et le plus imposant, et avec un

maintien fier et majestueux. Des inscriptions fastueuses apprennent quel rang ils

ont occupé,

624

à quelles dignités ils sont parvenus; des figures allégoriques sont groupées autour d'eux, et tel est quelquefois l'assemblage des divinités de la fable qui les environnent qu'on se croirait plutôt dans un temple payen que dans une église chrétienne».

Pour peu qu'il eût cédé à tel point, se fût-il ensuite arrêté? Comment aurait-il pu rappeler des principes dont la violation eut été autorisée par son exemple?

Avant de s'engager dans cette vaste carrière où selon Cromwell «on ne va jamais

si loin que lorsqu'on ne sait pas où l'on va». La Fayette s'était interdit toute

chance d'égarement en assignant d'avance les limites de l'obéissance et de

l'autorité, du pouvoir légitime et de l'usurpation, en les cherchant non dans

les caprices de son imagination ou dans les calculs de son intérêt, mais dans

les droits évidents, impérissables, de la nature et de la société. Mais la

première, l'unique ambition de La Fayette était de voir son pays juste et libre;

ce sentiment excluait toute complaisance pour des

Mémoires de général Lafayette, t. 3 (1792 -94), p. 387.

У Липперта Baderhoffer's Geschichte der Phil<osophie>

Горе от ума У Панаева Reboul – Poésies У Огарева Кошихин Соллогуб

У Куторги Cieskowsky Prolegome<na zur Historiosophie>

У Носкова Фихте Leben

Schaller über Hegel

17 января 29 авг<уста> 3 мес. 29 дней 27 июня 22 октября Апрель

Май

Июнь

Июль

Buridan Goethe Lavater

Dichtung und Wahrheit – около 300 стр. 3 часть

С. Петербур<гский> жур<нал> от 1804 до 1809.

Жур<нал> Мин<истерства> Внутр<енних> Дел с 1829.

Lerminier.

Sur l'homme et le développement de ses facultés, un essais de Physique sociale.

Bruxelles, par Quetlet.

Картинки к Шекспиру.

<ИЗ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ 1850–1860-х годов>

INSIDE глава первая

ИЗ ЖУРНАЛА ЖЕНЩИНЫ

1846. октября 25.

Так много жилось и работалось, что мне наконец жаль стало унести все это с собою. Пусть прочтут дети, их жизнь не даст им, может быть, столько опыта. Не знаю, долго ли это будет и что будет потом, но пока я жива, они будут – больше или меньше – сохранены от этих опытов; хорошо ли это – не знаю, но как-то нет сил не отдернуть свечи, когда ребенок протягивает к ней руку.

Не так было со мною, с ранних лет или даже дней отданная случайности и самой себе, я часто изнемогала от блужданий впотьмах, от безответных вопросов, от

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович того, что не было точки под ногами, на которой бы я могла остановиться и отдохнуть, не было руки, на которую б опереться.

Мое прошлое интересно внутренними и внешними событиями – но я расскажу его после, как-нибудь на досуге; настоящее охватывает все существо мое; страшная разработка, до того все сдвинуто с своего места, все взломано и перепутано, что слова, имевшие ярко определенное значение целые столетия, для меня стерты и не имеют больше смысла.

30. Середа.

Сегодня я ездила проститься к Огареву, он уезжает в свою пензенскую деревню, и, может быть, надолго... Горько расставаться с ним, он много увозит с собою. У А<лександра> из нашего кружка не осталось никого, кроме его; у меня еще сохранилась к иным слабость – но только слабость... религиозная эпоха наших отношений прошла, юношеская восторженность, фантастическая вера, уважение – все прошло! И как быстро, шесть месяцев тому назад мы все, протягивая друг другу руку, думали, что нет в свете людей ближе между собою – или хотели думать. Теперь и этого никому не хочется. Какая страшная тоска и грусть была у всех, когда они сознали, что нет той близости, о которой мечтали. – Какая сделалась пустота, будто после похорон лучшего из друзей, и в самом деле были похороны не одного, а всех лучших друзей. У нас остался О<гарев>, у них – не знаю кто. Однако же мало-помалу силы возвращаются, становишься проще, самобытнее, будто сошел со сцены и смотришь на нее из партера; игра была откровенна – но все же было трудно, тяжело, неестественно. Разошлись по домам, теперь хочется уехать подальше, подальше...

1 ноября.

...Да, уехать... мы уже несколько лет собираемся в чужие край, здоровье мое расстроено, для меня путешествие необходимо. Пять лет хлопотали мы об этом – все бесполезно. Опять пошла бумага в Петербург – о снятии полицейского надзора. Что-то будет. Впрочем, я как-то спокойнее ожидаю теперь позволение ехать или отказ. Что это – равнодушие или твердость? На все смотришь спокойнее; удовлетворения все меньше и меньше и требовательности меньше... Не самоотвержение ли это? Какое жалкое чувство, нет, лучше сердиться или страдать. Отчего же я не сержусь и не страдаю, и не сознаю самоотвержения... Это не равнодушие – стало, твердость. По временам я чувствую страшное развитие силы в себе, не могу себе представить несчастья – под которым бы я пала. Последний припадок слабости был со мною в июне, на даче, тогда, как разорвалась цепь дружеских отношений и каждое звено отпало само по себе. У меня тогда поколебалась даже вера в Ал<ександра>, не в него, а в нераздельную слитость наших существований, но это прошло, как болезнь, и не возвратится более. Теперь я не за многое поручусь в будущем, но поручусь за то, что это отношение останется цело – сколько бы ни пришлось ему выдержать толчков. Могут быть увлечения, страсти, но наша любовь во всем этом останется невредима.

2. Суббота.

Теперь О<гарев> далеко. Как хорошо ему ins Freie²⁸[28]! Что за чудный человек. По фактам, по внешней жизни его – я никого не знаю нелепее его. Зато какая мощь мысли, твердость, внутренняя гармония – в этом отношении он выше Александра, со мною никто в этом не согласен, все почитают его слабым, распущенным до эгоизма, избалованным до сухости, до равнодушия, – никто его не понимает, оттого что наружное слишком противуречит с внутренним. И я не могу доказать этого, объяснить, но довольно видеть его наружность, чтоб понять, что этот человек не рядовой. В наше время он не мог ничего из себя сделать и самое воспитание отнял у него много средств. Может, я и увлекаюсь – но не могу противостоять этому влечению. Раз, просидевши со мной п[н] часа три, он сказал, что еще не соскучился, – приятнее этого комплимента я никогда не слыхала. Его любишь бескорыстно, как-то и не думается, чтоб он тебя любил, от других требуешь любви, уважения, требуешь покорности; отчего, почему все это так – не знаю. От иных не требуешь вовсе ничего, потому что не замечаешь их – но от него вовсе не потому. Ему не смеешь ничего пожелать, так сильно сознание его свободы и воли.

4. Понедельник.

Как тяжело бывает с некоторыми из прежних близких друзей, в беседе с ними нет больше ни содержания, ни смысла. Как тяжело притворяться, и притворяться не для того, чтоб обмануть, а оттого, что еще нет силы высказать, насколько мы стали далеки. Мне даже с А<лександром> трудно говорить об этом. И между тем есть полное убеждение, что мы не виноваты в том, что отошли от них далеко, что мы не можем быть близки. Некоторых благородных черт – для этого мало. Прежде это как-то натягивалось, не давая себе полного отчета, – теперь это невозможно – какая-то жажда овладела нами – открывать во всем истину, насколько б это ни было больно, хотя б куски собственного тела

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович вырывались с ложным убеждением. Видно, возраст такой пришел, оттого-то и разошлись мы, что они боятся правды, что им нравятся сказки и детские игрушки. Иные хитрят, желая обмануть самих себя – тут есть еще надежда; откровенное ребячество – жалко. – Все до такой степени изменило для меня свое значение, что то, что прежде казалось трогательным и вызывало какое-то нежное, неопределенное сочувствие, теперь возмутительно и возбуждает гнев. Например, Сатин – мне его долго было жаль, долго хотелось сохранить его, у него такая любящая натура – и он все хотел заменить любовью, но полного сочувствия, сознательного согласия никогда не было. В последний разговор с ним до того все натянулось, что и порвалось. Я молчу сколько можно, но уже не прикрою ни одной правды, когда нужно говорить. Его нежность, ласки, попечительная любовь, страдание о том, что никто не отвечает вполне на его любовь, – все это не что иное, как слабость, недостаток содержания в самом себе. Пять лет тому назад он оставил меня «идеалом женщины, такой чистой, святой, погруженной совершенно в любовь к А<лександр>у и к Саше, не имеющую никаких других интересов; возвратившись, нашел холодной, жесткою и совершенно под влиянием Александра, распространяющею теорию ложной самобытности и эгоизма. Я не пережила ничего (т. е. со мною не случилось никаких несчастий) и потому не могу знать жизнь и понять истину, выработать же это мыслию не свойственно женщине». Ну, на это трудно возражать. Такое понимание очень обыкновенно между людьми, но пока – не высказал его вполне, я никогда бы не подумала, что он делит его с ними. В нем много благородного – и руки ему я, разумеется, не протяну без уважения и холодно... и только.

5. Середа.

Как нелепо устроена жизнь, вместо того чтобы облегчить, прочистить себе как-нибудь дорогу – люди отдаются слепому произволу, идут без разбора, куда он их ведет, страдают и погибают с каким-то самоотвержением, как будто не в их воле существовать хорошо. Иные с большим трудом выработали себе внутреннюю свободу, но им нельзя проявить ее, потому что другие, оставаясь рабами в самих себе – не дают им воли действовать, и все это так, бессмысленно, безотчетно, сами не понимая, что делают и зачем? Ну а те, которые понимают? Им трудно отстать от предрассудков, как от верования в будущую жизнь, они добровольно оставляют на себе цепи, загораживают ими дорогу другим и плачут о них и о себе.

Иногда в бедности есть столько жестокости, гордости, столько неумолимого, как будто в отмщение (но кому в отмщение) за то, что другие имеют больше средств, она казнит их этими средствами, не желая разделить их. И это истинная казнь. Сидеть за столом, покрытым драгоценными ненужностями, и не сметь предложить другому самого необходимого. Тут делается противно все, и сам себе покажешься так жалок и ничтожен. Я всегда была довольно равнодушна к украшениям, даже к удобствам жизни, однако же иногда бывали желания иметь что-нибудь – чего нельзя было; теперь мне противно всякое излишнее удобство; так бы хотелось поделиться с теми, у кого нет и необходимого – единственное средство пользоваться без угрызений самому богатством, а тут не смеешь предложить или получаешь отказ... непростительная жестокость.

11. Понедельник.

Получили письмо от О<гарева>. Он пишет, что для него Ал<ександр>, я и еще одно существо нигде и никем не заменимы. Захватило у меня дух от этих слов, он не лжет, но не ошибается ли, если же это правда, если это долго не изменится – выше счастья нельзя себе представить.

Такая полная симпатия, а мне и прежде другая симпатия казалась полной, а наконец вышло из нее полное отчуждение... Пусть это юношеская мечта, глупость, ребячество – но я отдаюсь всей душой этой глупости, после Ал<ександра> никого нет, кого бы я столько любила и уважала, никого, в ком бы было столько человеческого, истинного. Он грандиозен в своей простоте и верности взгляда. Мне тяжело бы было существовать, если б он перестал существовать, и у Ал<ександра> это единственный человек, вполне симпатизирующий ему. Если все это мечта – так уж наверное последняя. И то она одна в чистом поле, ничего нет кругом... так, кой-где былинка... Дети – это естественная близость, ей нельзя не быть, общие интересы тоже, и это наполняет ужасно много, не прибавляя к этому ничего, можно просуществовать на свете, но я испытала больше, я отдавалась дружбе от всей души, и кто же этого не знает, что, отдаваясь, берешь вдвое более – и все это исчезло, испарилось, и как грубо, как неблагоприятно разбудили и показали, что все это мне снилось... Разбудить надо было, горькое реальное всегда лучше всякого бреда – это не естественная пища человеку, и рано или поздно он пострадает от нее; но зачем же так бесчеловечно будить, меня оскорбляет только манера, в ней было даже что-то пошлое, а мне хотелось бы, чтоб память моего идеала осталась чиста и свята.

13-е.

Как смело проводит Жорж Санд живую душу сквозь падения и разврат и как умеет

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович выводит ее невредимую. Что бы без нее сделали с бедной Lucretia Floriani, у которой в 25 лет было четверо детей от разных отцов, которых она забыла и не хотела знать, где они... Слышать о ней считали бы за большой грех, а она становится перед вами так, что вы готовы обнять ее. И тут же рядом вы смотрите с сожалением на выученную добродетель короля, на его узкую, корыстолюбивую любовь. Если нет другого пути и женщина падет, много раз падет – я ее приму с любовью и уважением, лишь бы осталась жива ее душа, тогда все перегорит и все нечистое сгорит, останется одно золото.
(с 13 декабря до 10 января 1847 – нет ничего в тетрадке. Она оканчивается следующей припиской).

10 января.

Уезжаем 16-го. Опять все симпатично и тепло... всех люблю, вижу, что и они любят нас. С большой радостью уезжаю – чувствуя, что с радостью буду возвращаться. Настоящее хорошо – отдаюсь ему безотчетно.

<!.>. ПИСЬМО К ОГАРЕВУ

24 декаб<ря> 1846.

Поздно, вечер. Все у Корша на елке, я не совсем здорова и потому дома.

Прочла твое письмо к М<арье> Ф<едоровне>, не понравилось оно мне, я как-то не привыкла тебя видеть в таком ровном, порядочном расположении. Не прими это за упрек тебе, нет, это мой недостаток и недостаток ужасный, потому что он мешает мне и другим жить со мною. Так много понимать и не иметь силы сладить с этим, не иметь твердости пить равно горькое и сладкое, а останавливаться на первом – жалко! И это все я понимаю как нельзя больше и все-таки не могу выработать себе не только наслаждения, ни даже снисхождения. Мне бы хотелось, чтоб ты понял, как это все и почему, – объяснять лишнее, если сам не понимаешь, да мне же и трудно говорить и писать много от непривычки. Хорошее я понимаю вне себя, отдаю ему должную справедливость, а в душе

629

отражается одно мрачное и мучит меня и терзает. Много тут вины людской, а моей еще больше. А что переменит меня – не знаю... а жизнь идет, идет и прожито уже много лет.

Сегодня долго мы говорили с Гр<ановским> – опять та же симпатия, теплая, возносящаяся выше убеждений, выше всего, и все так искренно, так горячо, так нежно... и тут мой демон не допускает меня отдаться безотчетно. Среди всего этого встает чудовищная мысль, что завтра будет снова отречение, и так же искренно и от души, как примиренье нынче, и так становится пусто и равнодушно, и что ж за шашки люди, и что играет нами? И что за цель этой игры? Бывало еще лучше – за одно слово, за одну мысль готов распять человека или за него идти на крест. Теперь привык ко всему, щеки не разгораются, сердце не рвется из груди, а какой-то яд переливается по всему существу, а лицо спокойно и страдаешь спокойно или, как это сказать, лениво тупо, и не хочется спасать и не хочется гибнуть. Скажи пожалуйста, понял ты что-нибудь из того, что я тебе говорила? Если нет, так лучше я и мучить тебя не стану попустому. Лучше я поговорю с тобой пристойно и прилично, как со всеми, что мы собираемся в дорогу, покупаем чемоданы, что нам приятно путешествовать и видеть разные редкости и привезти много хороших вещей за дешевую цену и т. д. Дай же мне твою руку и скажи со мною вместе, что тебя ничто не удовлетворяет, что ты ничем, ничем не доволен, а потом научи меня радоваться, веселиться, наслаждаться, у меня все есть для этого, лишь развея эту способность.

Вчера было рождение М<арьи> Ф<едоровны>, его праздновали у нас, и молча с ней пили тост, который пьем всегда молча. А как мне жаль, что вы не увидите с Алекс<андром>... У нас звонят колокола, заутреня. Прощай, работай, работай, я бы сама работала, кабы у меня не было столько дела.

II. С ДОРОГИ

(к Огареву)

В начале 1847.

Прощай, саго! Прощай, я жду много наслаждений, мне и теперь несмотря на все хлопоты с детьми – хорошо. Наслаждайся, трудись и ты! Желаю, чтоб ты встретился с Москвою так, как мы простились с нею, да кажется, иначе и быть не может. А какие люди-то все дети! дети! Мне жаль только М<арью> Ф<едоровну>, она ехала с большим желанием, а все плачет, скажу откровенно, я этого уважать не могу, это своего рода распушенность, а впрочем, для меня большое счастье, что она с нами. Руку – прощай.

III. ИЗ ПАРИЖА

Твои письма имеют такое действие, как будто, сидя долго в душной, мрачной комнате, вдруг отворишь окно – светло, чистый воздух, жив, да жив в самом деле, а не так, как плелось в мыслях, пока лежал в креслах в лени, в полудремоте; выглянув в окно, хочется умыться, одеться и идти – куда не знаю, только идти,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович иди!.. и верится, что будет хорошо, больше чем хорошо, что будешь делать... и силы расправляются, как крылья у птицы, когда она хочет лететь. Да, друг, нам жить тяжело. И хорошо жить нам, друг! Я бы тебе написала многое, что я чувствую и думаю, если б это не было написано в твоём письме ко мне, мне смешно иногда читать, как можно до такой степени сходно понимать, а ощущать

630

иное. Я уже, кажется, раз просила тебя не обижаться этим, надеюсь ты исполнишь мою просьбу?

В хозяйстве твоём я ничего не понимаю, а верю, что должно быть хорошо. А что же школа будет у тебя в деревне? Тогда мы привезем наших детей туда учить, и учителей, я сама буду учить чему умею, и М<арью> Ф<едоровну> привезем, потому что, верно, и Федя будет в этой школе. Саша учится здесь гимнастике, а тогда уж не надобно будет, возле лес и река есть. Заводи же поскорее школу, а я здесь научусь поскорее, да мы выпишем туда и Гр<ановского> преподавать историю, твоего и нашего состояния вместе достанет, чтоб учредить все и содержать всех хорошо, только вина не будем выписывать много, да вино и заниматься будет мешать. Составь выбор книг, мы запасаемся здесь чем нужно – и вырастет юное поколение и будет жить, мы состаримся, умрем и будем жить в них. А похоронят нас в твоей деревне. Большие люди как дети, которые заиграются до того куклой, что воображают ее живую, а она из тряпочек, да только моя кукла не из тряпочек, а не умна она оттого, что холодно.

631

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ, ДАРСТВЕННЫЕ И ДРУГИЕ НАДПИСИ

1. НАДПИСЬ НА ТЕТРАДИ, ПОДАРЕННОЙ Т. П. ПАССЕК

1820-е годы.

Не для вздорных статей.

2. НАДПИСЬ НА СТАКАНЕ,
ПРИСЛАННОМ Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ ИЗ КРУТИЦ

24 июля 1834 г. Москва.

24 juillet à ma sœur.

Перевод

MLCCSXXXIV

24 июля моей сестре.

3. ВЯТСКОМУ ЗЕМСКОМУ ИСПРАВНИКУ

15 марта 1837 г. Вятка.

Г<осподину> вятскому земскому исправнику.

В сведениях, доставленных Вами в Вятский губернский статистический комитет, имелись следующие недостатки и несообразности, требующие немедленных поправок и дополнений.

1- е. Против 9 пункта сумма всех селений Вятского уезда поставлена 2165. В числе коих показаны

6. свыше 50 двор. 2 с. от 10 до 50 дв. 10 000 г. – менее 10 8159 итого – 18 161

Это число дворов, а явным образом надлежало тут выставить число селений, иначе не выйдет никакого смысла в вопросе и в ответе.

2. При описании земледельческой промышленности одна и та же земля 18 161 десят<ин>, занятых строениями и огородами, показана два раза. Неизвестно число десятин собственно занятых.

632

Сколько десятин вообще земли принадлежит частным лицам, фабрикантам, крестьянам, приписанным к фабрикам и заводам, и, в частности, сколько у них пахотной, под лугами, лесами и неудобной?

3. Сколько десятин земли принадлежит монастырям, церквам, духовенству с тем же разделением?

4. Показано, что в Вятском уезде нет пчеловодства «по суровости климата», в смежных же уездах пчеловодством занимаются, а климат тот же самый. Требуется пояснить, отчего нет пчеловодства и точно ли во всем уезде нет пчеловодства. Написав удовлетворительные ответы на сие, предписываю Вам представить в самом кратком времени ко мне.

4. В. А. ЖУКОВСКОМУ

На брошюре «Речь, сказанная п<ри> открытии публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 года»

Его превосходительству

Василию Андреевичу

Жуковскому

в знак глубокого почитания

от сочинителя.

5. НАДПИСЬ НА ЗОЛОТОМ КОЛЕЧКЕ,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Герцен

ПОДАРИТЕЛЬНОЕ Н. А. ГЕРЦЕН

1841 г. Новгород.

1841. Новгород. А. Г.

6. ДОВЕРЕННОСТЬ И. Я. ШУЛЬЦОВУ

26 декабря 1844 г.

Иван Яковлев!

В имении моем, состоящем Костромской губернии Чухломского уезда в деревне Лепехиной с деревнями и пустошами, есть часть земель в чресполосном с другими помещиками владении, также встречается иногда надобность по хозяйственным расчетам и другим случаям из оного имения некоторых крестьян, дурного поведения, нерадящих о хозяйстве и не подающих надежды к исправлению, отдавать в рекруты в зачет будущих наборов или без зачета. А как я, по жительству моему в Москве сам лично распорядиться оным не могу, то и поручаю тебе: во-1х, о землях чресполосного владения войти в соглашения с участниками в оном, о размежевании к одним местам, соблюдая как пользы мои и моих крестьян, так и спокойное на будущее время владение. Когда же через таковые соглашения достигнешь указанной цели, тогда к сделанной по сему предмету полюбовной сказке вместо меня подписаться и, по утверждении оной законным порядком, быть тебе при отмежевании в мое владение из чресполосного участка земли в натуре и постановлении межевых знаков, что все и утвердить тебе вместо меня подписом, а после получить на сей участок мой план с межевою книгою. Во-2х, из оного имения крестьян дурного поведения, нерадящих в хозяйстве и не подающих надежды к исправлению, представлять к отдаче в рекруты в зачет будущих наборов или в случае негодности и без зачета с получением в первом случае законных квитанций. Для того иметь тебе по оным вышепоименованным предметам ходатайство, и вместо меня, куда следовать будет, разного рода бумаги подавать, подписки и расписки давать; в чем во всем вышеизъясненном я тебе верю, и что ты по сему законно учинишь, впредь спорить и прекословить не буду.

Помещик твой надворный советник Александр Иванов сын Герцен.

1844 года декабря 26 дня 1-й Московской гражданской палаты на основании т. X Зак. Гр. изд. 1842 г. ст. 1998 свидетельствует, что сие верящее письмо подписано подлинно рукою надворного советника Александра Иванова Герцена, — и дано деревни Лепехиной крестьянину Ивану Яковлеву Шульцову. <Слева от абзаца стоит фигурная скобка и запись: по 7 книге № 232 — ред.>

Товарищ председателя: Саражинович <?>

Секретарь: С о к о л о в .

У сей подписи печать палаты

В должности надсмотрщика: Евреинов <?>

Сия доверенность принадлежит Костромской губернии Чухломского уезда деревни Лепехиной крестьянину моему Иоанну Яковлеву Шульцову.

7. НАДПИСИ НА РИСУНКЕ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ М. К. ЭРН:

«Плавание Марии Каспаровны по реке по Сходне»

1845 г. Москва.

8. НАДПИСЬ НА ПИСЬМЕ И. П. ГАЛАХОВА

Друг Г<алахов>, любезный друг.

9. <CONVENTION>

19 (7) августа 1849 г. Женева.

Entre le soussigné M-r Alexandre Herzen, propriétaire demeurant à Paris, rue...29[29] et M-r P.-J. Proudhon, publiciste et ancien représentant du peuple, demeurant à Paris, rue Mazas, 70, actuellement détenu à la Conciergerie, a été déclaré ce qui suit.

634

Les soussignés ont l'intention de fonder en commun à Paris un journal quotidien sous le titre de la Voix du Peuple.

Pour réaliser ce projet il a été fait entre eux la convention suivante:

Art<icle> 1er. M-r Herzen s'oblige à verser dans le plus bref délai possible, au Trésor, la somme de vingt quatre mille francs exigée par la loi à titre de cautionnement pour la publication du dit journal.

Art<icle> 2e. Pendant tout le temps que la somme ci-dessus restera dans les caisses du Trésor à titre de cautionnement l'intérêt en sera complété à M-r Herzen par l'administration du journal sur le pied de cinq pour cent par an.

Art<icle> 3e . M-r Herzen s'engage en outre à ne réclamer son remboursement qu'au bout de cinq ans, à compter de la date des présentes. Il sera néanmoins loisible à M-r Proudhon d'anticiper sur ce terme, en prévenant trois mois d'avance, et l'intérêt cessera d'être exigible à partir du jour du remboursement.

Art<icle> 4e. La loi sur le cautionnement exigeant que le garant soit propriétaire d'un quart de la somme, il sera fait à M-r Herzen un <...>30[30] en

bonne forme des trois quarts du cautionnement versé au Trésor, où il sera fait mention de son droit pour être exercé par préférence à tout autre.

Art<icle> 5e. La direction générale de la rédaction du journal la Voix du Peuple sera exclusivement confié à M-r Proudhon.

Art<icle> 6e. Quant à la rédaction, M-r Herzen se réserve le droit de donner, lorsque bon lui semblera, des articles de politique générale; ces articles devront être insérés sauf le cas où l'inopportunité serait évidente, ou bien encore où l'article serait de nature à donner lieu à une condamnation. Les parties déclarent s'en rapporter à cet égard à l'art<icle> 5.

29[29] Пропуск в подлиннике. - Ред. 30[30] Пропуск в подлиннике. - Ред.

Art<icle> 7e. M-r Proudhon s'engage à donner tous ses soins au dit journal et à faire tout ce qui dépendra de lui pour assurer le succès de sa publication.

Art<icle> 8e. L'entreprise dont il est ici question étant par sa nature une affaire commerciale, donnera lieu à des arrangements avec des tiers qui devront être ultérieurement réglés par un contrat. M-r Proudhon a seul mission d'en stipuler les clauses et les conditions.

Art<icle> 9e. Toutefois il prend ici et dès à présent l'engagement de n'employer les bénéfices de l'entreprise qu'à la propagation des idées dont le journal sera l'organe ou, s'il y a possibilité et opportunité, à la fondation d'une banque ayant pour but l'organisation et le développement du crédit gratuit.

Art<icle> 10e. M-r Herzen n'entendant entrer dans l'affaire qu'à titre de simple bailleur de fonds, il lui sera donné dans le plus bref délai possible les garanties stipulées dans l'art<icle> 4.

Fait et signé double à Paris par M-r Proudhon, le quatorze août mil huit cent quarante neuf.

P.-J. Proudhon.

10. М. К. РЕЙХЕЛЬ

19 ноября 1851 г. Ницца.

(Продиктовано Луизе Суццер)

Nizza, den 19 Nov<ember> 1851.

Liebe Madame Reichel!

Unsern Brief aus Marseille, worin wir Ihnen unsere glückliche Ankunft dort mittheilten, werden Sie erhalten haben. Könnte ich Ihnen nur auch das Gleiche von unserer Ankunft in Nizza schreiben!

635

Wir fahren Sonntag Abend 10 Uhr mit dem Dampfboot «La Ville de Grasse» von Marseille ab. Anfangs hatten wir Sturm und waren alle krank. Gegen 3 Uhr des Morgens legte sich der Sturm und die Fahrt ging sehr gut. Auf einmal erlitt unser Schiff einen furchtbaren Stoß. Alles ging auf das Verdeck und nun sahen wir, daß ein anderes Dampfboot, «La Ville de Marseille», das von Neapel kam, an das unsere angestoßen hatte, wodurch es ein bedeutendes Loch bekam. Hülfe war sogleich da, man ließ das Rettungsboot ab, ungefähr 200 Schritte von uns entfernt, war noch ein drittes Boot «Nantes et Bordeaux», daß auch Hülfe sendete. Ich und Adelheid wurden nach «Nantes et Bordeaux» gebracht, und kamen Sonntag Abend hier an. Die Tante, Kola und Spielmann sind entweder in Hier<es> oder in Toulon. Alexander ist sogleich abgereist, um sie zu31[31]

Милая госпожа Рейхель!

Наше письмо из Марселя, в котором мы сообщили вам о своем благополучном приезде в этот город, вы, конечно, получили. О, если б я могла написать вам то же и о нашем приезде в Ниццу!

Мы выехали из Марселя в воскресенье, в 10 часов вечера на пароходе «La Ville de Grasse». Вначале мы попали в шторм и были все больны. Около 3 часов утра шторм утих, и поездка продолжалась прекрасно. Вдруг наш пароход испытал ужасный толчок. Все пассажиры бросились на палубу, и тут мы увидели, что другой пароход, «La Ville de Marseille», который шел из Неаполя, столкнулся с нашим, вследствие чего на последнем образовалась порядочная пробоина. К нам тотчас же подоспела помощь, спустили спасательную лодку; примерно в 200 шагах от нас находилось еще третье судно – «Nantes et Bordeaux», которое также направило нам помощь. Меня и Адельгейду доставили на «Nantes et Bordeaux», и в воскресенье вечером мы приехали сюда. Тетушка, Коля и Шпильман находятся либо в Гиере, либо в Тулоне. Александр сразу же выехал, чтоб их32[32]

11. ПОМЕТЫ И ПОПРАВКИ НА РУКОПИСИ СТАТЬИ

Н. П. ОГАРЕВА 1857 г. «ЧТО БЫ СДЕЛАЛ ПЕТР ВЕЛИКИЙ?»

К фразе о Петре I: «Живо воскресает в воображении исполненное благородной силы лицо великого царя-революционера» – сделано примечание, относящееся, видимо, к эпитету «благородной»: гениальной

К фразе: «Долой китайский халат царя, взлелеянного холопами; он является царем-диктатором в одежде образованного человека...» – сделано примечание против

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
слов «образованного человека»:

(простого офицера?)

12. ЗАМЕЧАНИЯ НА РУКОПИСИ ЗАМЕТКИ Н. П. ОГАРЕВА

1858 г. «ПРОЛЕГОМЕНА АД ГИСТОРИОСОФИИ»

К абзацу, в котором рассматривается взгляд Гегеля на развитие человечества «от непосредственности к самосознанию», сделано следующее замечание:

Греция у Гегеля представляет художественную гармонию непосредственности и идеализма.

636

Против фразы: «Каким образом мозг секретит мысль – дело темное» – написано: «декретировать мысль» – можно употреблять только в полемике.

К абзацу: «То есть человечество вертится около своей стадной животности, стараясь определить чувство гармонии. Этот процесс совершается во времени» – сделано замечание:

Т. е. религия.

К странице, на которой излагается теория «винтообразного» движения прогресса и высказывается сомнение, меняется ли при этом «высота винта» и нет ли в таком случае «кажущегося» прогресса, сделано замечание:

Нет ли арифметического прогресса? В памяти былого и в приобщении большего и большего числа к выработанным результатам.

13. ПОПРАВКИ В ЗАПИСКЕ Н. П. ОГАРЕВА 1860 г.

О ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ

Итак, полезное в общественном смысле – это знание окружающего, т. е. наука, и отстранение препятствий, мешающих человеку ясно мыслить и последовательно действовать. Или скажем определеннее: соби́рание полезных желательных истинно элементов для популяризации [науки] 33 [33] знаний и [гражданская] общественная реформа.

Было ли когда-нибудь и может ли быть теперь тайное общество, которое имело бы в своей [власти] цели эти два средства общественной пользы? <...>

<...> Кто же нам мешает употребить тот же метод для распространения [положительной науки] положительных знаний и приобретения [гражданских] общественных реформ, сообразных с нашими понятиями? <...>

Центр должен быть искренен, как бы одно лицо, а его понимание вещей должно быть энциклопедическим; это *conditio sine qua non* [34], когда дело идет о [положительной науке] положительных знаниях и практических [гражданских] общественных реформах <...>

Конечно, прежде всего наш центр должен быть нравственной силой без всяких *quasi*-правительственных форм <...> Повиновение агента прежде всего должно иметь основание в его внутреннем согласии с поручением <...>

[Правда одно:] Но чем специальное дело, тем менее агент должен знать о существовании общества (это единственное условие, которого требует самосохранение общества) <...>

Без сомнения, для нас теперь главная задача – общественная реформа [– это уничтожение крепостного сословия]. Следственно, центр предлагает задачу и группирует около нее членов общества. Главная задача [уничтожения крепостного сословия] имеет свои соприкосновенные задачи <...>

14. НАДПИСЬ НА БУМАГЕ С ЗАВЕРНУТЫМИ В НЕЕ

ЛАВРОВЫМИ ЛИСТЬЯМИ

3 марта 1865.

Elmfield House.

637

15. НАДПИСЬ НА ФОТОГРАФИИ ОРГАНА В ФРИБУРГЕ

Портрет орган, за то, что очень хорошо играли.

16. В. И. КАСАТКИНУ

18 (6) марта 1866 г. Женева.

Надпись на портрете П. Я. Чаадаева.

Виктору Ивановичу Касаткину от друга Чаадаева.

А. Герцен.

17. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Надпись на фотографии А. И. Герцена.

В память жене́вской встречи.

2 июня 1867.

18. ПОМЕТА НА РУКОПИСИ «MEMOIRES D'UNE IDEALISTE»

М. МЕЙЗЕНБУГ

17 (5) июня 1868 <г>. Женева.

Чернецкому.

Отдайте Давиду и с помощью архангельской начинайте.

17 июня.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Герцен. 19. ПОМЕТА НА РУКОПИСИ СТАТЬИ Н. П. ОГАРЕВА 1869 г.

«С УТРА ДО НОЧИ»

«Также нельзя от физиологии индивида добиваться искомого явления, потому что оно прямо явление общественное; и до сих пор физиология отдельного человека точно так же не нашла в жизненных отправлениях организма условий, необходимо производящих общественность, как не нашла в изучении организма муравья необходимости стадной жизни. Стадная жизнь животных и человеческая общественность остаются простым наблюдением неотразимого факта, органически ничем не объясненного».

Слава богу, слава вам. Да я только-то это и требовал от Саши и Шиффа.

КОММЕНТАРИИ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Архивохранилища

ГЛМ – Государственный литературный музей. Москва.

ЛБ – Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Москва.

ПД – Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Ленинград.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Москва.

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив.

Ленинград.

ВМ – British Museum (Британский музей. Лондон).

ВН – Bibliothèque Nationale (национальная библиотека. Париж).

IISG – Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (Международный институт социальной истории. Амстердам).

МВР – Museo della Biblioteca Centrale del Risorgimento di Roma

(Музей Центральной библиотеки Рисорджименто в Риме).

2. Печатные источники

АО – Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. Собрал и приготовил к печати М. О. Гершензон. М.–Л., 1930.

К – «Колокол».

Л – (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) –

А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. Пг., 1915 – 1925, т. I–XXII.

ЛН – сборники «Литературное наследство» (т. 39–40 – 1941 г.; т. 61 – 1953 г.; т. 62 – 1955 г.; т. 63 – 1956 г.; т. 64 – 1958 г.).

Огарев – Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, тт. I–II, М., 1952–1956.

ОРГ – «Описание рукописей А. И. Герцена». Составили А. В. Аскарянц и З. В. Кеменова под ред. Б. П. Козьмина. Изд. 2, М., 1950.

Пассек – Т. П. П а с с е к. Из дальних лет. Воспоминания, т. I–II. М., 1963.

ПЗ – альманах «Полярная звезда».

Тургенев. Письма – И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений

и писем. Письма, т. I–VIII, М.–Л., 1961 – 1965 (издание продолжается).

Тучкова-Огарева – Н. А. Тучкова – Огарева. Воспоминания,

М., 1959.

Ссылки на вышедшие тома настоящего издания даются с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

641

Книга вторая тридцатого тома, завершающая издание Собрания сочинений А. И. Герцена, включает дополнения и поправки ко всему изданию.

Основную часть тома составляют вновь найденные произведения и письма Герцена.

Это запрещенная цензурой и считавшаяся утраченной статья 1843 г. «Публичные чтения Г. Грановского (Письмо второе)», три заметки из газеты «Voix du Peuple» 1850 г., Открытое письмо к редактору газеты «L'Homme» (русский перевод его Герцен поместил в качестве Приложения к «Письмам из Франции и Италии»), Открытое письмо Шарлю Рибейролю (1854 г.), заметка «Католическая пропаганда Назимова» («Колокол», 1860) и Открытое письмо Жюлю Барни (1867).

В разделе «Записи, наброски, примечания, обработанные корреспонденции» впервые полностью печатаются парижские записи 1869 г. и два черновых наброска, обнаруженные в ЦГАЛИ в составе так называемой «Пражской коллекции» бумаг Герцена. Здесь же помещены опубликованные в 1963 г. в сборнике «Проблемы изучения Герцена» строки Герцена о «русском социализме» (1862) и несколько заметок редакционного характера.

Специальный раздел тома составляют переводы, сделанные Герценом на французский язык, главы «Samicia rossa» и отрывка из четвертой части «Былого и дум», его «Письма к Гарибальди» и фрагмента повести «Долг прежде всего».

Для ряда произведений обнаружены новые источники текста. Впервые в настоящем

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
томе приведены варианты первого издания брошюры «Le peuple russe et le socialisme», рукописной копии статьи 1867 г. «Ответ И. С. Аксакову», первого, итальянского, издания «Письма о свободе воли» и варианты чернового автографа статьи 1869 г. «Réponse à M. G. Vyrouboff».

Из двадцати пяти писем, помещенных в томе и не входивших в издание под ред. М. К. Лемке, двенадцать публикуются впервые: Н. А. Захарьиной до 20 июля 1834 г., Тате Герцен и М. К. Рейхель от 31 мая 1852 г., Тате Герцен от 15, 26 июня и 2 августа 1852 г., недатированное письмо к ней же, относящееся к 1852 г., неустановленному лицу от 28 июня 1860 г., Е. В. Салиас де Турнемир от 6 января 1862 г., О. А. Герцен и М. Мейзенбург от 30–31 января 1863 г., Н. П. Огареву – недатированный отрывок, относящийся к 1864 г., А. А. Герцену от 4 июня 1866 г., О. А. Герцен от 21–22 ноября 1868 г. Таким образом, общее число писем Герцена, включенных в настоящее издание, равно 3175; надписей и деловых бумаг – 180. Из них 1225 не входили в Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке.

642

В «Приложениях» к тому перепечатаны из «Прибавлений» к «Вятским губернским ведомостям» и «Владимирским губернским ведомостям» статьи и заметки Герцена, связанные с его служебной деятельностью в Вятском статистическом комитете и с редактированием неофициальной части владимирской газеты; выписки из разных книг, сделанные Герценом в вятской тетради; материалы записной тетради 1850–1860 гг., деловые бумаги, дарственные и другие надписи.

Специальный раздел тома составляют дополнения и поправки к текстам и комментариям томов I – XXX.

Тексты и комментарии подготовили: А. Л. Гришунин (письмо 24); В. П. Коршунова

(письмо 19); Л. Р. Ланский (заметки из «Voix du Peuple», «Au citoyen rédacteur de l'Homme», Открытое письмо Шарлю Рибейролю, французские примечания к публикациям сочинений Герцена, «Жернов засоренный и при мелководе...», Парижские записи 1869 г., раздел «Авторские переводы», варианты «Le peuple russe et le socialisme», «Quatrième partie», письма 1, 14); А. М. Малахова (публикации в «Вятских губернских ведомостях» и «Владимирских губернских ведомостях»), Ю. Г. Оксман («О „русском социализме“»); М. К. Перкаль (Открытое письмо Жюлю Барни, варианты «Письма о свободе воли»); М. И. Перпер (Записи в Вятской тетради, варианты немецкого издания «О развитии революционных идей в России»); Е. И. Прохоров (варианты «Ответа И. С. Аксакову»); И. Г. Птушкина («Публичные чтения Г. Грановского (письмо второе)», письмо 7, из записной тетради 1850–1860-х годов); И. Ю. Твердохлебов («Католическая пропаганда Назимова», «Становой пристав Гриневиц и ковенские порядки», письма 2–6); В. А. Черных (варианты «Réponse à M. G. Vyrouboff», письмо 23); Н. Я. Эйдельман («10 лист „Колокола“ выйдет...»); Н. Д. Эфрос (письма 20 и 25).

Раздел «Деловые бумаги, дарственные и другие надписи» составили: Л. Р. Ланский, А. М. Малахова, И. Г. Птушкина, И. Ю. Твердохлебов.

Дополнения и поправки к текстам и комментариям томов I – XXX сообщили: М. Г. Ашукина, Л. М. Долотова, Л. Р. Ланский, С. Д. Лицинер, Ю. Г. Оксман, М. К. Перкаль, И. Г. Птушкина, А. Е. Полозова, И. Ю. Твердохлебов, Т. И. Усакина, В. А. Черных, Л. К. Чуковская, Н. Я. Эйдельман. Отдельные справки для этого раздела тома дали: Д. И. Бернштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, Н. М. Дружинин, З. Н. Липовецкая, А. М. Малахова, В. Е. Невлер, В. С. Нечаева, Г. В. Озеров, М. И. Перпер, В. А. Путинцев, Е. Л. Рудницкая, М. Ф. Рылский.

Обзор «Неизвестные произведения и неосуществленные замыслы Герцена» написан Л. Р. Ланским.

Редакция благодарит В. П. Велчева (Болгария) за справку о дарственной надписи на книге «Прерванные рассказы Искандера» (1857), хранящейся в Софии; М. Кадо (Франция) – за предоставление фотокопии со списка статьи «Michel Bakounine»; М. Партридж (Англия), приславшую фотокопию неизвестного ранее письма Герцена 1860 г. (в наст. томе письмо 14).

643

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ Г. ГРАНОВСКОГО
(Письмо второе)

Печатается по авторизованной писарской копии, сохранившейся в архиве Д. Н. и А. Д. Свербеевых (ЦГАЛИ, ф. 472, оп. 1, ед. хр. 712). Впервые опубликовано: «Новый мир», 1962, № 3, стр. 233–238.

Возможно, что эта копия была сделана для редакции «Московских ведомостей». Копиист не разобрал в статье одно слово (стр. 488, строка 8), для которого сделал пропуск. Ошибочно прочитанное им слово «in grado» (стр. 491, строка 23) исправлено Герценом: «in crudo». Подпись «И-р» и дата в конце статьи поставлены

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
рукой Герцена. Им же, очевидно, вычеркнута последняя фраза статьи: «Ежели вы
имели терпение прочитать все письмо, конечно вы имеете на то полное право, – и
не мне оспаривать его».

Список настоящей статьи сохранился также в архиве братьев Тургеневых (ПД, ф. 309, № 1345). Сделанный неизвестной рукой, он значительно менее исправлен: в нем имеются опiski, пропуски отдельных слов, обесмысливающие текст, и т. д. Пропущенное в копии ЦГАЛИ слово, не разобранным копиистом (стр. 488, строка 8), отсутствует и в списке ПД; это позволяет предположить, что список восходит не к автографу, а к копии ЦГАЛИ. Однако список ПД относится к 40-м годам: об этом свидетельствуют водяной знак «КН» и филигрань бумаги.

Вторая статья о публичных лекциях Грановского была задумана Герценом сразу же после опубликования в «Московских ведомостях» первого письма об этих лекциях (см. ниже). 28 ноября 1843 г. Герцен записал в дневнике: «Пора приниматься за вторую статью» (II, 318), а 15 декабря статья была им уже закончена. 17-го же декабря Герцену стало известно, что ведавший делами цензуры попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов запретил печатание новой статьи (II, 319). Подробнее об этом см. в публикации И. Г. Птушкиной «Неизвестная статья А. И. Герцена о публичных лекциях Т. Н. Грановского» («Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1962, т. XXI, вып. 1, стр. 41 – 44), а также «Новый мир», 1962, № 3, стр. 231–233.

Заключительная фраза статьи («Позвольте в третьем письме изложить вам превосходную лекцию г. Грановского о проповедовании слова божия в Германии») свидетельствует о том, что в декабре 1843 г. у Герцена родился замысел создать цикл статей о публичных лекциях Грановского. Однако после запрещения комментируемой статьи Герцен, очевидно, отказался от этой мысли, ограничившись публикацией обобщающей

644

статьи, посвященной окончанию публичного курса (см. статью «О публичных чтениях г-на Грановского (Письмо второе)» – II, 121 – 127).

Стр. 483. В прошедшем письме <ж несколько мыслей о значении лекций г. Грановского... – В статье «Публичные чтения г. Грановского (Письмо в Петербург)», напечатанной в «Московских ведомостях», № 142 от 27 ноября 1843 г. (II, 111–115 и 447).

Два первые чтения были посвящены введению... – Грановский начал свой курс публичных лекций 23 ноября 1843 г., вторая лекция была прочитана 27 ноября. См. дневниковые записи Герцена от 24 и 28 ноября 1843 г. – II, 316 и 317–318.

Стр. 485. ...протестант Лео – талантливый историк Италии и иезуит во всеобщей истории. – Называя Лео представителем «иезуитского направления» в истории, Герцен имеет в виду, с одной стороны, его пятитомный труд «Geschichte der italienischen Staaten» (Hamburg, 1829 – 1832), а с другой – произведения Лео, в которых сказались характерные для него реакционные, политические и религиозные взгляды (например: «Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters», Halle, 1830; «Studien und Skizzen zu einer Naturlehre des Staates», Halle, 1833; «Lehrbuch der Universalgeschichte», Halle, 1835–1844, Bd. 1–6, и др.). Ср. отзыв Герцена о Лео – II, 113.

...творение Августина «о веси господней»... – Речь идет о сочинении Августина, епископа Гиппонского, «De civitate dei» («Государство божье»).

Стр. 486. ...на трагическом образе Кондорсе, который закованной рукою, ожидая плахи, писал свои утопические верования... – Жан Антуан де Кондорсе, заочно приговоренный к смертной казни за борьбу с якобинцами, скрываясь от ареста, написал свой труд «Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain» («Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», 1794). В марте 1794 г. Кондорсе был арестован и в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

Стр. 487. ...Гегель римский период называет возмужалостью... – Во «Введении» к «Философии истории» (раздел «Деление истории») – Гегель. Сочинения, т. VIII, М.–Л., 1935, стр. 101.

...у него человечество вертится всю жизнь в беличьем колесе dei corsi (et ricorsi: чтоб написать «Scienza nuova», надобно было иметь исполинский гений... – Весь ход исторического развития человеческого общества Дж. Вико рассматривал как некий замкнутый круг, в котором период подъема (corsi) каждой исторической культуры сменяется периодом упадка (ricorsi). Эта теория была обоснована Вико в его трактате «Principi di una scienza nuova d'intorno alla commune natura delle nazioni» («Основания новой науки в связи с общей природой народов», 1725).

...г. Грановский ~ не забыл упомянуть брошюру Чешковского – «Prolegomena zur Historiosophie»... – Работа польского философа Августа Цешковского «Prolegomena zur Historiosophie» вышла в Берлине в 1838 г. Герцен познакомился с этим произведением в 1839 году и высоко оценил его. В письме к А. Л. Витбергу он указывал на близость исторических и философских взглядов автора своим

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович собственным (XXII, 38) и позднее рекомендовал эту книгу Огареву (см. XXII, 307). Стр. 488. Вторая лекция была читана увлекательно... – Оценку второй лекции Грановского, прочитанной 27 ноября 1843 г., Герцен дал в дневниковой записи от 28 ноября 1843 г. (II, 317– 318). ...Талиони ~ увлекала меня своей грацией ~ чистотою своих движений. – Герцен видел Тальони, гастролировавшую в России, в декабре 1839 г. и в августе 1840 г. (XXII, 68, 87 и 88). Отзыв Герцена о мастерстве Тальони см. в его письме к Н. А. Герцен от 21–23 декабря 1839 г. (XXII, 68). Ср. также дневниковую запись от 1 мая 1843 г. (II, 279).

645

CONTENTI ESTOTE

Печатается по тексту газеты «Voix du Peuple», № 144 от 22 февраля 1850 г., где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Об авторстве Герцена содержится упоминание в заметке, напечатанной в газете «National» 2 марта 1850 г. и, вероятно, принадлежащей перу Л. Виардо. Приводим текст этой заметки:

«„La Suisse" опровергает сообщенную нами новость о высылке сына политического изгнанника – шестилетнего ребенка, находившегося в цюрихском учебном заведении. Это опровержение „La Suisse" считает удобным представить нам, не собрав никакой предварительной информации. Мы позволяем себе не согласиться с этим опровержением.

Пусть же „La Suisse" сперва разузнает, а уж потом опровергает – это будет гораздо более логично. Что же касается нас – вот в чем можем мы ее заверить: рассказ, напечатанный в „National", был перепечатан (с несколькими небольшими уточнениями) в „Voix du Peuple". Кто же является автором этого сообщения, таким образом уточненного? Отец высланного ребенка. На каком документе он основывался? На письме самого директора цюрихского учебного заведения» (перев. с франц.). См. комментарии к заметке «Le journal la Suisse nie le fait...».

Стр. 494. «National» рассказывает нам отвратительную историю. – Речь идет о следующей заметке в «National» от 21 февраля 1850 г., автором которой, вероятно, был Л. Виардо, узнавший от И. С. Тургенева, со слов Герцена, о конфликте его со швейцарской полицией:

«Преследования, которым подвергаются в Швейцарии эмигранты, перешли все границы гнусности. Они доходят теперь до смешного. Вот пример, слишком поразительный, чтобы к нему не было привлечено общественное мнение.

Г-н***, политический изгнанник (по понятным причинам мы не сообщим ни его имени, ни откуда он родом), находящийся в настоящее время в Париже, поместил в Цюрихе, в учебное заведение для глухонемых, своего единственного шестилетнего сына.

Директор этой школы получил приказание выбросить на улицу бедного ребенка, сына изгнанника.

Понимая, какую ответственность он возьмет на себя по отношению к родителям и отступая перед гнусностью подобного поступка, директор упомянутого учебного заведения поспешил написать г.***, что тому придется забрать своего сына. При этом он сообщил, что ему с большим трудом удалось оттянуть исполнение этого приказа на несколько дней, и то благодаря тому, что он внес залог в восемьсот франков, долженствующих гарантировать, что молодой эмигрант – этот шестилетний глухонемой! – не нанесет никакого ущерба безопасности соседних правительств. Как ни неправдоподобен этот рассказ, мы ручаемся за его полную достоверность. Он покажет, до чего доходит требовательность правительств, до чего доходит унижение Швейцарии».

«Да здравствует[ш] Коля! – писал Герцен Г. Гервегу в тот же день, 21 февраля, по поводу этой заметки в „National". – Я в восхищении, мы открыли ему путь к славе, я намерен писать здесь tanto poco о Швейцарии» (XXIII, 278).

646

<CE QUI NOUS ETONNE PARFOIS DANS LES ORGANES DE L'HEBERTISME MONARCHIQUE...>

<ЧТО ИНОГДА УДИВЛЯЕТ НАС В ОРГАНАХ МОНАРХИЧЕСКОГО ГЕБЕРТИЗМА...>

Печатается по тексту газеты «Voix du Peuple», № 147 от 26 февраля 1850 г., где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по содержанию заметки. Обещание ответить в одном из ближайших номеров газеты на недавнее выступление Донозо Кортеса соотносится с письмом Герцена Г. Гервегу, отправленным, по-видимому, в тот же день, когда была написана комментируемая заметка, – 25 февраля 1850 г.:

«Я хотел было послать тебе весьма

значительную речь некоего Донато Кортеса (в Мадриде), но она мне нужна, я хочу написать об

этом несколько слов» (XXIII, 281). Статья Герцена о Донозо Кортесе была закончена 3 марта и появилась в «Voix du Peuple» только 18 марта (VI, 351–359). Осуждение реакционной парижской журналистики неоднократно встречается в

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович переписке Герцена этого времени. Строки заметки: «Можно ли, например, серьезно спорить с французской газетой, благословляющей небо за то, что оно дало „Радецкого Австрии“, благословляющей кроатов, „варваров, энергия которых необходима для расслабленных цивилизаций“!» – текстуально близки суждениям Герцена в письме к Г. Гервегу от 17 марта 1850 г.: «Кстати, „La Patrie“ вчера заявила: „Мы благословляем меч, который истребит врагов общества“. Что ты скажешь об этих каннибалах, об этих литературных картушах?» (XXIII, 306). Аналогичные высказывания см. также в «Письмах из Франции и Италии» и «С того берега». По своему характеру и стилистическим особенностям комментируемая заметка близка к написанной Герценом гораздо позже, в 1868 г., французской статье «La manie de délation» (XX, 356–363).

Стр. 496. ...в органах монархического герберизма ... – Герцен имеет в виду главным образом газеты «Patrie» и «Assemblée Nationale», требовавшие террористических методов борьбы с революцией – подобно тому, как Эбер и его последователи, гебертисты, самые непримиримые деятели французской революции 1789–1793 гг., требовали террора по отношению к контрреволюционным элементам. «Защитники порядка, – писал Герцен в „Письмах из Франции и Италии“, – с какой-то болезненной горячностью напрашиваются на самый грубый деспотизм, лишь бы власть обеспечила неприкосновенность стяжания» (V, 192). Упоминание о «красных легитимистах» см. в письме Герцена к Г. Гервегу от 16 марта 1850 г. (XXIII, 304).

Стр. 497. ...непричастен к убийству Росси... – Премьер-министр Папской области граф Пеллегрини Росси был убит террористом 15 ноября 1848 г. у входа в Капитолийский дворец в Риме, где он должен был выступить с речью перед Палатой депутатов.

<LE JOURNAL LA SUISSE NIE LE FAIT...> <ГАЗЕТА «SUISSE» ОТРИЦАЕТ ФАКТ...>

Печатается по тексту газеты «Voix du Peuple», № 152 от 3 марта 1850 г., где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Об авторстве Герцена свидетельствует упоминание в части пятой «Былого и дум» (глава XL). Рассказав о придирках швейцарской полиции, требовавшей внесения денежного залога за его глухонемого шестилетнего сына Колю, Герцен писал: «Я рассказал это в Париже, кто-то

647

из моих знакомых напечатал об этом в „Национале“. Устыдившись гласности, полиция сказала, что она не требует высылки, а только какую-то ничтожную сумму денег в обеспечение (caution), что ребенок не кто-нибудь другой, а он сам. Какое же обеспечение – несколько сот франков? А с другой стороны, если б у моей матери и у меня не было их, так ребенка выслали бы (я спрашивал их об этом через „Националь“)»? (X, 161). Упоминаемый здесь запрос Герцена в «National» напечатан не был; поскольку он появился на страницах «Voix du Peuple», одним из редакторов-издателей которой был сам Герцен, есть все основания считать его автором комментируемой заметки. Была ли она отвергнута «National» и только после этого попала в «Voix du Peuple» или Герцен сразу передал ее в эту газету – не установлено.

Стр. 498 ...шларечь в «National» и «Voix du Peuple». – Герцен имеет в виду заметку из «National» от 21 февраля 1850 г. (см. наст. том, стр. 645) и свою заметку «Contenti estote», появившуюся в «Voix du Peuple» 22 февраля того же года (см. стр. 493–494 настоящего тома).

AU CITOYEN REDACTEUR DE L'HOMME

Печатается по тексту газеты «L'Homme» от 22 февраля 1854 г., где опубликовано впервые, с подписью:

A. Herzen. Русский перевод, выполненный впоследствии самим Герценом и опубликованный в приложении к «Письмам из Франции и Италии», – см. V, 218–224. В ЛБ хранится страница газеты «L'Homme» с пометой Герцена: 22 février <22 февраля> и со следующей авторской правкой (учтенной в настоящем издании): usurpations <узурпации> переделано на aspirations <стремления> – стр. 501, строка 9; после: un monde nouveau <новый мир> вставлено: que <что> – стр. 501, строка 26; вместо зачеркнутого: hémisphérique <гемисферическую> – вставлено: paralysée <парализованную> – стр. 501, строка 29; séjournera <останется> – переделано на retournera <вернется> – стр. 502, строка 3; вместо: diluviennes <делювийские> – вставлено: siluriennes <силурийские> – стр. 502, строка 4; слово: convulsions <конвульсии> – переделано на: illusions <иллюзии> – стр. 503, строка 8; перед: saints martyrs <святых мучеников> зачеркнуто: beaucoup <много> – стр. 503, строка 26; перед: galériens <каторжников> – зачеркнуто: tous <всех> – стр. 503, строка 26; перед: quelque chose <нечто> зачеркнуто: maintenant <теперь> – стр. 504, строка 25; слово: dégoût <отвращение> переделано на dégât <убытки> – стр. 506, строка 10. В экземпляре «L'Homme», хранящемся в ЦГАЛИ, Герценом слово: usurpations

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович <узурпации> переделано на méditations <размышления> (стр. 501, строка 9). На обороте надпись рукой Герцена: Ruu Blas и Royer Collard. Ниже приводятся основные разночтения французского и русского текстов. Страницы и строки указываются по т. V настоящего издания.

Стр. 218

4 Слово: издатель – отсутствует.

5–9 Вместо: Три года ^ журнала? // Больше трех лет тому назад я издал в Германии том писем об Италии и Франции. Издание имело успех. События 1848 года – в оценке русского, – в этом было нечто пикантное.

У меня есть еще три письма, которые никогда не издавались; это не рассказы, а скорей размышления – философские и – простите за выражение – лирические, – о событиях, предшествовавших 2 декабря.

10 Вместо: предложить их вам // об этом

Хотите напечатать их в вашем журнале?

11 Вместо: двери // свои колонки

12 Слова: стало – и нашему – отсутствуют.

13–14 Вместо: Чем ^ французского, немецкого? // В чем и каким образом можно различить революционные мнения во Франции, в Германии?

14 Перед: Родина // Истинная

16 Вместо: положения наши розны // положение совсем иное...

17–18 Вместо: не думал ^ особенно // серьезно не рассматривал странное, эксцентрическое положение русского в Европе

19 Перед: празднующимся // туристом

20 Вместо: Нам дома скверно. Глаза постоянно // жизнь у нас невыносима.

Все взгляды

22 Вместо: Ехать за границу // Совершить путешествие в Европу Вместо: порядочного человека // образованного русского

23 Вместо: стремимся видеть, осязать // страстно желаем увидеть собственными глазами

25 Вместо: с малолетства поражал нас // вызывает в нас издали глубокое восхищение После: стремимся // может быть

26 После: не видать // больше

Вместо: ни голубой и зеленой полиции // ни петербургских альгвазилов

28 Вместо: Русский ^ опьянении // Мы покидаем родину, опьянев от счастья

29 После: развязан // помолодевшие, полные любви Стр. 219

2–5 Вместо: Мы любили ^ прав // Мы ходим счастливые и несколько смущенные по священной почве, на которой совершалась великая борьба за независимость мысли...

6 Вместо: кажется // идет

После: ожидали // не перестаешь восхищаться

7 Вместо: потом мало-помалу // Но через несколько месяцев

7–8 Вместо: что-то не узнавать, на что-то сердиться // не узнавать новый мир. Мы рассержены, мы оскорблены

8 Слово: шири – отсутствует.

9 Слово: просто – отсутствует.

Вместо: со стыдом прячем мы это // и мы боимся собственных чувств; мы даже краснеем от этого и старательно прячем от всех свое

12–16 Вместо: придать ^ платье // напялить на себя потертый фрак... рано или поздно фрак этот рвется, и варвар является с обнаженной грудью... смущенный тем, что не умеет носить фрак – который не для него шит и уже истрепан другими!..

17 После: barbare // г-жи де Сталь

18 Вместо: в выигрыше // в проигрыше Перед: не знаю // ничего

19–22 Вместо: варвар ^ будит совесть... // у Европы нет свидетеля более неприятного, чем русский. Обидное изумление, которым сменяется у него восхищенное изумление – является упреком; оно словно угрызение совести; это пробуждающаяся совесть Европы

23 Вместо: Дело в том, что // И вот причина этого

23–24 Вместо: с ее собственным идеалом и с верой в него // неся в своей душе ее собственный идеал, ставший нашей религиозной догмой, нашим знаменем

24 Вместо: книжно // теоретически

25–30 Вместо: по ее праздничной ^ европейской жизни // мы знаем ее такой, какой она хочет, чтоб ее знали, мы изучаем ее по ее очищенным

649

и перегнанным отвлеченностям, по ее общим мыслям, спокойно и ясно всплывающим над бездонными пучинами...

Эта освещенная сторона, действительно, очень реальна; но это лишь одна сторона, это единственная освещенная четверть луны... к несчастью, европейская жизнь

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович имеет другие, очень мрачные три четверти

32 Вместо: действительностью, которая возносится к идеалу // идеализируемой действительностью
Стр. 219-220

33- 4 Вместо: целью ^ нажива // политическим идеалом, литературным desideratum и рыночными, а также домашними вождениями – существует расстояние, которое сохранялось во все времена между евангельским заветом и жизнью христианских народов, между проповедуемой нравственностью и поведением на практике. С одной стороны – слова, с другой – действия; с одной стороны – стремления, с другой – право пользования; с одной стороны – размышления, с другой – наслаждения; с одной стороны – вечная говорильня, освещение a giorno <дневное (итал.)>, с другой все проходит в тени и молчании.
Стр. 220

5 Вместо: быт // дуализм

5-12 Вместо: Он сложился ^ божий // это результат великого и длительного исторического существования. Жизнь сформировалась посильно, как могла лучше. Отложения всех веков, наносы всех наций вросли в современный быт; они влекли за собой пену и грязь, пороки и наследственные болезни времен Рима и всех времен... Ряды всевозможных народов истощились и уже погибли в этом потоке западной жизни, который влечет с собой их кости, их трупы и с почтением сохраняет их мысли и их мечтания.
То идеал, всплывающий над этим глубоким морем и освещающий его поверхность; то дух божий, носящийся

15 Вместо: крепок ^ привыкли к нему // слишком хорошо организован, он слишком нравится одним, его еще слишком мало знают другие – он может еще в течение некоторого времени влачить свое существование – разъединенное, противоречивое, парализованное

16-23 Вместо: Тягость ^ на Китай // Русский чувствует с большей горечью, чем другие, этот дуализм не потому, что он иностранец, а потому, что он одновременно и является и не является иностранцем.
Настоящий иностранец смотрит на особенности страны с любопытством, изучает их, отмечает их хладнокровно. Что ему до них? В сущности, он к ним безучастен, он иностранец. Это Бу-Маза, смотрящий на Париж из своих окон, выходящих на Елисейские поля; это европейский путешественник в Китае

24 Слова: страстный зритель, он – отсутствуют.

25 Слова: в своем уповании – отсутствуют.

Вместо: он чувствует // он замечает

28 После: своя почва // своя пустыня

28- 29 Слова: у него есть свой быт – отсутствуют.

29- 32 Вместо: у еврея ^ бытом // Еврей – этот эмигрант сирурийских эпох, этот изгнанник diluvi testis <допотопный (лат.)> – имеет где-то кивот, на котором почитает его вера – где он испытывает примирение...

33 Перед: беднее бедина // До последнего времени русский был

34-11 Вместо: нет ^ понять ее // не было – никакого утешения, никакого примирения, и в этом, быть может, надобно искать объяснение находящегося в нем революционного зародыша.
Дуализм у нас более очевиден, более жесток, более бессмыслен – и по этой самой причине менее глубок и его труднее переносить. Оторванный от народной жизни в течение полутора веков, образованный русский воспитан не как русский, а как европеец. Едва лишь завершается его воспитание, как он оказывается лицом к лицу с чудовищем официальной России. Он слишком слаб, чтобы сбросить его, и слишком человек, чтобы с ним пойти на сделку. Соглашения быть не может – надобно удалиться, отстраниться или навсегда оподлеться.
Удалиться – но куда? Невелико число тех избранников, которые могут успокоить крик сердца оргиями, игрой и внешней суетой – удалиться в науку... так-то и поступает образованное меньшинство.
Изучают историю, великую эпопею конца ХУТТТ века. Культ французской революции – это первая религия молодого русского; и кто из нас не обладал, тайком, портретами Робеспьера и Дантона?
Второе посвящение – это германская наука. И мы не нуждались в нескромностях Фейербаха, чтобы понять, что философия религии являлась надгробной речью на могиле христианства
Стр. 221

12 Вместо: он идет // молодой русский приходит, наконец

13- 15 Вместо: т. е. идет ^ господню // он идет туда, как пилигримы отправлялись в Иерусалим – вернее, возвращается туда. Вообразите себе острогота IV века,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович отправляющегося в Рим, в Рим Гелиогабала и К°, чтобы искать там Весь господню Августина!

17 Слова: в Иерусалиме – отсутствуют.

18 Слова: в Европе – отсутствуют.

19 Слово: мучительными – отсутствует.

20 Слова: Будет ли она жива – отсутствуют.

21 Вместо: Будет ли жив // Умер ли

22 Вместо: суеверны // идолопоклонники

23 Слова: они ничего не могут сказать – отсутствуют.

24 Вместо: Наивный дикарь // Он

25 Вместо: брал за чистые деньги // принимал за чистое золото

25– 26 Вместо: Теперь, разглядевши, он знать ничего не хочет // и вот он упорствует, он возмущается

27 Перед: вексель // просроченный

Вместо: писанные // книги

После: на слово // он требует воплощения своих иллюзий

28 После: смеются // в лицо, его жалеют

Вместо: и он с ужасом догадывается // и он начинает замечать

29– 30 Текст: «Где же ^ обанкрутились?» – отсутствует.

32–33 Вместо: приложение ^ миру // система Лау, приложенная к нравственности! Стр. 221–222

34–4 Вместо: Непоследовательность ^ суды // Но где же те, кто руководил нами, наши пророки, наши оракулы, сильные люди, мудрецы, вожди?

Это первые несостоятельные должники. Они оробели в двух шагах от берега. Они, столь отважные, столь преданные, столь упорные, в области логики – трусы; они боятся крайних следствий принципов, за которые они проливали свою кровь. Они пожалели

651

современный мир, – но пока они утирают слезы, мир будущего ускользает от них; им тягостно уничтожать мир прошедшего, и почти все они остаются на другом берегу – там, где для наших врагов – дворцы и церкви, а для нас – виселицы и тюрьмы...

Стр. 222

5 Перед: Печальное // Итак, мы видим в этом

Вместо: предела // бессилия

5–8 Вместо: смерти ^ Тюильри // знак смерти; и мы его видим равно написанным на челе святых мучеников и на челе каторжников из Тюильри

10 Вместо: осмеливаются видеть? //это русские, утверждающие, что они видят этот знак!

12 Вместо: тонким // великолепным Перед: нам // и вы знаете, что Слово: особую – отсутствует.

12–13 Вместо: говоря, что у нас глаза ящерицы // называл нас народом с глазами ящерицы.

Позвольте мне процитировать то, что я писал в 1851 году Ж. Мишле в письме, изданном в Ницце («Русский народ и социализм»), весь тираж которого был у меня похищен французской таможней в Марселе, так что не сохранилось ни одного экземпляра. (Русский перевод следующей далее цитаты см. в т. VII, 332–334).

Стр. 223

34 Слово: Австрийский – отсутствует.

34– 35 Вместо: об моей книге «Vom ändern Ufer» // об одной из моих немецких брошюр

Стр. 224

1 Вместо: развалинах июньских баррикад // на июньских баррикадах

2 Вместо: замечательна // очень интересна

3 Вместо: беспорядок // ущерб

Вместо: вносит в русскую голову // наносит русскому уму

7 Вместо: при воспоминании // при мысли

11 Вместо: я могу указать // если они смогут указать

11–12 Слово: сверкнули – отсутствует.

12 Вместо: понимания // мозгу

После: точки зрения // гражданин редактор

<ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ШАРЛЮ РИБЕЙРОЛЮ>

Печатается по черновому автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 61, стр. 222 – 223.

Стр. 508. ...для вашего альманаха революционной схоластики... – Так Герцен иронически называет эмигрантский «Almanach de l'Exil pour 1855» («Альманах изгнания на 1855 год»), готовившийся на Джерсее Ш. Рибейролем.

...несколько новых вариаций на весьма старые темы. – Герцен послал для публикации в «Almanach de l'Exil» свою статью «Le dualisme c'est la monarchie»

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович (XII, 217–225), представлявшую собой авторскую контаминацию отрывков из «Писем из Франции и Италии» и «С того берега» (глава «*Omnia mea mecum porto*»). Публикуемое открытое письмо должно было служить предисловием к этой публикации, но статья появилась в альманахе без него.

...говоря в письме, опубликованном в «L'Homme», что мы находимся

652

в совершенно исключительном положении... – См. в настоящем томе статью «*Au citoyen rédacteur de l'Homme*». См. также: V, 218–224.

...когда я читал брошюру Свентославского... – Речь идет об английской брошюре

3. Свентославского «*The Cause of the Slavonians*» («Славянское дело»), Jersey, 1854.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА НАЗИМОВА

Печатается по тексту К, л. 77–78 от 1 августа 1860 г., стр. 653, где

опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Заметка имеет, как это видно из заключительной ее фразы («Не хотите ли, чтоб мы рассказали...»), редакционный характер. По содержанию тесно связана с аналогичными откликами Герцена на политику церковного и полицейского преследования униатов, на злодеяния царской администрации западных губерний, в частности, генерал-губернатора

В. И. Назимова – см. статьи «Секущее православие», «Гродненская история (Симашко, Филарет)», «Гонение христиан папских христианами полицейскими» и др. Содержащийся в заметке намек на «гиперболу», поставленный в связь с именем Назимова, подразумевает материал статьи Герцена 1859 г. «Блистательная победа, одержанная в Ковенской губернии гусарским е. и. в. полком» (в ней рассказывалось о случаях мародерства в полку, оставленных Назимовым без внимания – см. XIV, 146 – 147). Резко сатирический и обличительный смысл этого, исполненного сарказма, упоминания о назимовской «гиперболе», свидетельствуя об авторстве Герцена, придает тематико-стилистическое единство целой группе заметок в «Колоколе»: таковы упомянутая выше «Блистательная победа, одержанная в Ковенской губернии...», затем публикуемые в наст. томе «Католическая пропаганда Назимова» и «Становой пристав Гриневич и ковенские порядки», а также заметка «Васильев и Назимов» (т. XV). Характерен для Герцена и общий стиль заметки с контрастными противопоставлениями «героизма», «мученичества», «святости» униатов – «полицейским и всяким мерзким средствам», употребляемым администрацией и «прочей духовной полицией».

«История, бывшая в Ковенской губернии», была рассказана в «Колоколе», л. 82 от 1 октября 1860 г. – см. в наст. томе публикацию «Становой пристав Гриневич и ковенские порядки».

<ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЖЮЛЮ БАРНИ>

Печатается по тексту: *Annales du Congrès de Genève* (9–12 septembre 1867).

Préliminaires – Les quatre séances – Appendice. Genève, 1868, pp. 96–97

<Летописи женеvского конгресса (9– 12 сентября 1867). Прелиминарии. – Четыре

заседания. – Приложение. Женева>. Публикации письма предшествовала следующая заметка редакции «*Annales...*»: «Более сорока русских предварительно присоединились к конгрессу и во главе их две самых знаменитых жертвы царизма: Михаил Бакунин и Александр Герцен. Первый, живший тогда в Италии, специально прибыл в Швейцарию, чтобы присутствовать на конгрессе. Что касается второго, то он решил туда не приезжать и мотивировал свое отсутствие письмом, которое приводится ниже» («*Annales...*», стр. 96).

В России «Летописи женеvского конгресса...» были запрещены цензурой. 14 апреля 1871 года С.-Петербургский комитет цензуры иностранной вынес следующее решение: «Принимая во внимание, что политические статьи и речи этого сборника имеют целью доказать, что европейские нации должны устранить монархический образ правления и заменить его общеевропейской республикою, что статьи эти особенно враждебно относятся

653

к нашему правительству, а христианская церковь подвергается дерзким нападкам, г. Гольмблат полагал необходимым запретить это сочинение если не безусловно, то по крайней мере для публики. В подтверждение предосудительности этого сочинения г. цензор указывает в особенности на стр. 92–97, 171, 178, 186 – 191, 346–352 и др. Комитет постановил: запретить это сочинение для публики» (ЦИАЛ, ф. 779, оп. 4, ед. хр. 5, лл. 113–113 об.).

Текст письма Герцена к Ж. Барни оставался неразысканным (см. «Список несохранившихся и найденных писем Герцена», т. XXIX, кн. 2, стр. 779).

Известен был лишь фрагмент авторской копии (или черновика) письма – две заключительные строки (см. XX, 619).

Письмо адресовано Жюлю Барни, президенту учредительного бюро конгресса Лиги мира и свободы, проходившего в Женеве с 9 по 12 сентября 1867 г. 30 августа 1867 г.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Огарев писал Герцену из Женевы: «Третьего дня встретил Барни, который непременно требует, чтоб ты приезжал на писсовую конгрессовку (она имеет быть 9 сентября), – говорит, что все твои друзья будут, даже Гарибальди» (ЛН, т. 39–40, стр. 466). Герцен отклонил это предложение из принципиальных соображений, обоснованных впоследствии в статье «Un fait personnel». 3 сентября 1867 г. письмо было отправлено Огареву в Женеву для пересылки в учредительный комитет конгресса (см. ХХІХ, 189). Герцен рассчитывал, что его письмо будет оглашено на конгрессе или опубликовано и явится началом полемики в печати. «Пусть Барни читает, даже, если хочет, печатает мою эпистолю», – писал Герцен. 5 сентября Герцен писал Огареву: «Я рад, что послал Барни письмо, и если б он отвечал, я рад писать второе – и даже для печати. Нам надобно себя поставить в противоположность с глупыми обвинителями» (ХХІХ, 193). На конгрессе были прочитаны письма Л. Блана, Ж. Фавра, Ф. Левальд и др., однако письмо Герцена не было оглашено. Уже после закрытия конгресса, 16 сентября 1867 г., Герцен писал Огареву: «Я все еще не знаю, получено ли мое письмо Барни» (ХХІХ, 200). В статье «Un fait personnel» Герцен писал, что в «деловой суете» конгресса Барни «забыл упомянуть» о его письме. Можно, однако, предположить, что письмо не было оглашено из тактических

соображений (см. письмо Огарева к Герцену от 14 сентября 1867 г. – ЛН, т. 39–40, стр. 473). Письмо было опубликовано лишь через год после его написания в «Летописях женевского конгресса...» (предисловие Ж. Барни к этому изданию датировано августом 1868 г.), по-видимому, без ведома Герцена.

Стр. 512. ...я с вами ^ моя подпись была одной из первых в списке. – Герцен получил приглашение приехать в Женеву для участия в конгрессе еще в июне 1867 г. (см. письма к Герцену Э. Аколлы и А. Наке в статье: Н. П. Анциферов. Герцен и женевский конгресс Лиги мира и свободы. – Вестник АН СССР, 1945, № 1–2, стр. 24–25). К этому времени в западноевропейской печати появилось несколько сообщений о предстоящем конгрессе и был опубликован манифест парижского инициативного комитета, определивший основные задачи Лиги мира и свободы. В манифесте, в частности, отмечалось, что «при отсутствии международного права, которое обеспечивает мир и свободу, единственное средство предотвращения зла и преступлений завоевательных и агрессивных войн должно и можно искать лишь в свободном, постоянном, народном союзе граждан всех наций, которые, понимая величие этого дела, пожелают его эффективного осуществления». Манифест провозгласил также, что мир «может быть достигнут лишь путем конфедерации народов, которая неотделима от их политического освобождения» («Annales», стр. 4). В августе парижский инициативный комитет принял программу конгресса («Annales», стр. 8–10). После выступления К. Маркса на заседании Генерального Совета 13 августа 1867 г. учредители конгресса вынуждены были изменить свою первоначальную программу и заменить

ее другой, более демократической (см. письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 4 сентября 1867 г. – Соч., изд. 2-е, т. 31, стр. 287. Подробно об отношении Маркса к конгрессу Лиги мира и свободы см.: Первый интернационал. Часть 1. 1864–1870. Изд. «Мысль», М., 1964, стр. 126–130, 133, 139–140). Новая программа была оглашена на первом заседании конгресса 9 сентября 1867 г. («Annales», стр. 127–128). О своей поддержке конгресса заявили Дж. Гарибальди, Л. Блан, Э. Кине, Э. Реклю, Ж. Симон, А. Наке и др. В списке сочувствующих целям конгресса, среди представителей различных периодических изданий, названы: «Des Russes: Hertzén (de la Cloche), Ogareff». Об участии Герцена в предстоящем конгрессе было объявлено также в «L'Indépendance belge» от 1 сентября 1867 г., № 244.

Наше положение вновь стало очень трудным. – Герцен имеет в виду антирусскую кампанию в западноевропейской прессе (см. т. ХХІХ, письма 149, 165, 168, 172, 177, статьи «Un fait personnel», «Prolegomena» и комментарии к ним).

Мы очень серьезно намерены вынести еще раз на обсуждение этот вопрос в сборнике... – О намерении Герцена и Огарева выпустить сборник статей на французском языке см. т. ХХІХ, письма 141, 149, 157.

ЗАПИСИ, НАБРОСКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБРАБОТАННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ «LA RUSSIE»

Печатается по фотокопии с автографа (ВМ). Впервые опубликовано: «Oxford Slavonic Papers», vol. III, 1952, p. 98.

Примечание было послано Герценом из Женевы Эмме Гервег в письме от 26 октября 1849 г. (см. ХХІІІ, 203) и должно было появиться в газете «Voix du Peuple» при публикации статьи «La Russie». По каким-то причинам статья вышла в свет без этого примечания (№№ 50, 57 и 71 от 19 и 26 ноября и 10 декабря 1849 г. – см. VI, 150–223).

Стр. 513. «Russische Zustände, 1849» – брошюра М. А. Бакунина (вышла анонимно).

собрание сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

<LA TRADUCTION ALLEMANDE DE L'OUVRAGE...>

Печатается по автографу (МБР). Впервые опубликовано в газете «L'Homme», 1854, № 31. Текст заметки приведен в письме Герцена к Л. Пьянчани от 19 (7) июня 1854 г. (см. XXV, 189–190).

<10 ЛИСТ «КОЛОКОЛА» ВЫЙДЕТ...>

Печатается по тексту К, л. 9 от 15 февраля 1858 г., стр. 74, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Стр. 514. ...ordre du jour губернатора П. Новосильцева... – Циркуляр рязанского губернатора П. П. Новосильцева, касающийся расправы с крестьянами с. Мурмина. О «мурминском деле» сообщил Герцену Н. А. Мельгунов еще 3 апреля 1857 г., правда, в довольно спокойных тонах (Мурмино принадлежало поэтессе К. К. Павловой-Яниш и ее мужу журналисту Н. Ф. Павлову – другу Мельгунова). В л. 10 «Колокола» была помещена корреспонденция под названием «Прокламация губернатора П. Новосильцева и воз розог», рисующая картину жестокого «усмирения» крестьян по распоряжению губернатора. Корреспонденция была составлена в 1857 г. (в тексте ее говорится, что события происходили «в июне месяце этого года»).

В Рязани ходили неблагоприятные для Н. Ф. Павлова слухи о его роли во время экзекуции над крестьянами. М. Е. Салтыков-Щедрин, 656

занимавший в 1858 г. должность рязанского вице-губернатора, писал В. П. Безобразову 29 июня 1858 г.: «Гуманист Павлов, которого здесь подозревают в сообщении в 10 № «Колокола» статьи о возмущении крестьян села Мурмина, оказывается человеком весьма сомнительным. Когда крестьяне эти (принадлежащие его жене) бунтовали, то он был при их усмирении и всех больше настаивал, чтоб строже секли, и заставил высечь 75-летнего старика. Вот и гуманист!» (М. Е. Салтыков – Щедрин. Полное собрание сочинений. Гослитиздат, М., 1937, т. 18, стр. 137–138). О том, что Н. Ф. Павлов действительно присутствовал при расправе, свидетельствует и Мельгунов (ЛН, т. 62, стр. 356). Однако посылка самим Н. Ф. Павловым корреспонденции в «Колокол» мало вероятна. Содержание корреспонденции свидетельствует о том, что ее автор наблюдал действия Новосильцева, но на самой экзекуции не присутствовал (в статье сказано, что отказ губернатора принять от мурминских крестьян хлеб-соль «привел, говорят, крестьян в крайнее негодование»). Автор хорошо знает всю процедуру прохождения дел о «крестьянских бунтах», приводит полный текст инструкции, данной губернатором для земского исправника. Корреспондентом Герцена, видимо, был чиновник особых поручений при рязанском губернаторе в 1847–1859 гг. – Степан Тимофеевич Славутинский, впоследствии сотрудник «Современника». Он занимался преимущественно крестьянскими делами, хорошо знал историю «крестьянских бунтов». В 1858 г. Славутинский расследовал «дедновское дело», которое попало позже на страницы 27-го листа «Колокола» (см. стр. 777 наст. тома). Позднее были напечатаны отрывки из его воспоминаний «Крестьянские волнения в Рязанской губернии в 1857–58 гг.» – «Древняя и новая Россия», 1878, №№ 9–10.

СТАНОВОЙ ПРИСТАВ ГРИНЕВИЧ И КОВЕНСКИЕ ПОРЯДКИ

Печатается по тексту К, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 688, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В оглавлении к «Колоколу» заметка названа: «Ковенские порядки».

Основу заметки составила корреспонденция, опубликованная в редакционном изложении. О редакторской обработке ее Герценом свидетельствуют, в частности, заключенная в скобки ироническая реплика («что за наказание! вдруг бы разбойников стали переводить в наказание с Тульского тракта на Рязанский?»), высказанное от лица редакции пожелание («Мы советуем...» и т. д.), а также остро сатирическая концовка о «становых гиперболах» Назимова, тесно связанная с другими разоблачительными заметками Герцена о ковенском генерал-губернаторе (см. в наст. томе комментарий к заметке «Католическая пропаганда Назимова»).

<О «РУССКОМ СОЦИАЛИЗМЕ»>

Печатается по автографу, находящемуся в собрании Ю. Г. Оксмана (Москва). Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 9.

На таком же листке, как и заметка Герцена, сохранилось несколько философско-исторических сентенций Н. П. Огарева (см. тот же сборник, стр. 10).

Обе заметки – и Герцена, и Огарева – предназначались, по всей вероятности, для французского литератора Анри Мартена. Подробнее см. в статье Ю. Г. Оксмана – сб. «Проблемы изучения Герцена», стр. 10–15.

<ПРИМЕЧАНИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ПЕРЕВОДУ ГЛАВ «БЫЛОГО И ДУМ» В «КОЛОКОЛ»>

Печатается по тексту «KoloKol», № 14–15 от 1 декабря 1868 г., стр. 225.

Это подстрочное примечание относится к следующему тексту перевода главы XXVI «Былого и дум»: «Французы того времени <1847 г.> одобряли нас, выражали удовлетворение, хвалили наше хорошее произношение и наше богатство, слегка бранили за крепостное право в Польше» (ср. X, 36).

<ЖЕРНОВ ЗАСОРЕННЫЙ И ПРИ МЕЛКОВОДЬЕ...>

Печатается впервые, по автографу (ЦГАЛИ). Запись сделана на обороте черногого письма Герцена к Г. Кинкелю от 31 (19) июля 1868 г., чем и определяется дата наброска, текстуально близкого к высказыванию Герцена в письме к Огареву от 23 июля 1868 г. о необходимости прекратить издание «Колокол»: «В вчерашнем письме я именно тебе писал о бастовании – жернов останавливается больше и больше, мы вяло толчем воду, окруженные ерническим смехом и подлой завистью. Россия глуха. Посев сделан, она прикрыта навозом – до осени делать нечего. Мне пришло в голову написать тебе письмо (т. е. официальное) – с предложением сделать stoppage <приостановку> – я и сделаю это» (XXIX, 416). Письмо к Огареву от 22 июля неизвестно. Возможно, что комментируемый набросок представляет собою выписку из этого письма, которую Герцен намеревался использовать в статье на эту же тему.

<ПАРИЖСКИЕ ЗАПИСИ 1869 г.>

Печатаются по автографу (ЛБ). Впервые опубликованы (частично): ОРГ, стр. 25–26. Полностью публикуются впервые. Автограф представляет собой три вырванных из тетради листа.

Стр. 516–517. Из письма к Огареву: «ю косточки и Боке». – Ср. письмо к Н. П. Огареву от 21 октября 1869 г. (стр. 222–223 настоящего тома. См. также комментарии на стр. 430–431).

Стр. 517. Я был накануне 24 фев<раля> в Париже ^ письма об нем. – Герцен имеет в виду свои «Письма из Франции и Италии» с описанием событий, предшествовавших февральской революции 1848 г.

Дилке – замечательно умный человек, его слова ^ о Японии ^ между Америкой и Россией. – Герцен писал об этом же Огареву 21 октября 1869 г.

...о стрельбе в Обен... – Речь идет о расстреле французскими правительственными войсками стачечников в Обене 6 октября 1869 г.

АВТОРСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

QUATRIEME PARTIE

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВН). Как устанавливается по надписи, сделанной Герценом в конце рукописи, эта глава «Былого и дум» была переведена им 26 февраля 1856 г. специально для Мальвиды Мейзенбург и посвящена ей (см. стр. 522 наст. тома). На обороте л. 1-го автографа надписи рукой Герцена: «Les hors d'oeuvres du IV volume», «IV partie», «Corso» («Дополнение к IV тому», «IV часть», «корсо»).

Приводим перечень расхождений между русским оригиналом и французским автографом. Ссылки на страницы даются по тому X настоящего издания:

Стр. 25

Заголовок «Западные арабески» – отсутствует.

Подзаголовки: Вместо: Тетрадь первая. I. Сон // часть четвертая (1847–1852). I. Друзьям в России

4 Слово: друзья – отсутствует.

4– 5 Вместо: как хорош ^ солнечный // тот прекрасный зимний день, не холодный и

5– 6 Вместо: Черной Грязи, когда // первой почтовой станции...

7 Вместо: рыдая, расстались? // обнялись... и я отправился, рыдая. – Вы тоже плакали

8 Слово: уже – отсутствует.

Вместо: возок заскрипел // под нашими санями заскрипел снег

9 Вместо: вслед и не догадывались // на нас еще долго, и никто из вас, однако, не думал

10 После: одного // из друзей

11 Слова: он один был далек – отсутствуют.

13 Вместо: 21 января // 21 января/2 февраля

16 Текст: Чего и чего не было в это время, и – отсутствует.

16– 17 Вместо: общее ^ счастье // Свобода мира и личное счастье, революция и очаг, республика и мой домашний кров

19 Вместо: от прежней жизни // на месте

20 Слово: предшествовавшая – отсутствует.

21–25 Вместо: я смело ^ общим // я спешил покинуть маленькую группу людей, тесно спаянных жизнью, общей любовью и тем же

659

Стр. 26

1 Вместо: я искал // я жаждал

2 Вместо: на воле... // без пут

3–5 Вместо: я уже ^ удивление и // я не жду ничего, я готов ко всему... по крайней мере, ничто не удивит меня...

5 Перед: обузданы // будут

6 Текст: Почти ^ равно – отсутствует.

8 Вместо: начало // рождение
9–10 Вместо: признание ^ мира // eine Anerkennung <признание (нем.)>
11– 12 Вместо: коварные ^ угла // подлости... дружбу, которая с улыбкой и слезами на глазах примешивает яд в стакан... преданность, гордо и с высоко поднятой головой похищающая деньги
12 Слово: нравственное – отсутствует.
14 Перед: рассказа // моего
15 Вместо: от нее // от этой задачи
Вместо: части // тома
18– 19 Перед: мучительных // ряда 20 Вместо: В памяти // В голове
После: образы // или отвратительные лица... преступления... подлости
22 Вместо: спасения // примирения, спасения, торжества
23 Вместо: жизни // пребывания
24– 25 Слова: с детского пробуждения мысли – отсутствуют.
25 Вместо: отроческого обручения // детской клятвы
26– 27 Вместо: Испуганный ^ снова // действительно, до Рима, Париж 1847 года приводил меня в трепет и преисполнял скорбью... но я вскоре полностью
27 После: меня // в великолепной раме Италии. Я видел революцию у подножия Везувия, я видел ее перед Ватиканом
29 Вместо: сделанного ручным // на которого народ надел намордник
30– 32 Вместо: вихрь ^ пробуждение // и снова я проникся страстной верой... то было опьянение, лихорадка... ураган уносил всё, подымал всё... вся Европа подымалась, встала, двигалась – я тоже ринулся в водоворот...
32 Вместо: пришел // начал приходить
33 После: исчезло // все погибло
34 Вместо: с крыши // со своей крыши, ибо это был припадок лунатизма, а не пробуждение...
Слова: с ожесточением – отсутствуют.
35 Перед: я очутился // через несколько дней
36 После: мстителем // не знаю, чем еще Стр. 27
1 Вместо: ничего не сумел // не имея ни силы, ни знания, чтобы предпринять что-нибудь
3 Перед: и теперь // и все то было... все то прошло – это невероятно
3– 11 Вместо: куда ^ кладбища // в вечном мраке, окруженный чужой мне породой, погруженный в тяжелое дыхание Атлантического океана – в котором формы расплываются, в котором огонь делает только пятна и в глубине которого кишит и мятется целый мир... мир, уходящий в хаос... или из него выходящий, приближающий всё, но не для нас...
А вдали, по ту сторону кладбища... эта светлая линия – и там – страна, утопающая в свете, омываемая синим морем под синим небом
12 Вместо: к твоим обманам // к тебе
660
13 Вместо: охотно // скаречно и сладострастно
После: за день // час за час
17 Перед: народ // римский
17– 18 Вместо: носится слух // говорят
18 Вместо: с войском // со своими войсками против Австрии...
20 Вместо: то приливает ^ дух // приближается... волны, которая удаляется...
21 После: строятся // в колонну, «sento la polvere» <пахнущую порохом (итал.)>
23 Вместо: с нами! // в ряды... если вы с нами...
Вместо: десятки голосов // со всех сторон
26 Вместо: Пошли и мы // И мы вступили в колонны
27 Перед: Вперед // Вперед иностранцев!
Вместо: вперед дам // и в особенности дам
28 Вместо: толпа ^ расступилась // народное море разделилось надвое с радостным топотом
29 Вместо: поэт народных песен // бледный и болезненный, поэт
30– 33 Вместо: трибун ^ народу // Они подошли, чтобы пожать нам руки. «дамы под знамена», кричит народ, и трибун, il popolo <человек из народа (итал.)> становится впереди... и от десяти до пятнадцати тысяч человек движется вдоль всего Корсо от Piazza del Popolo до форума Траяна, это один огромный ящер, извивающийся по вечному городу – с той величавой грацией, которая свойственна только римлянам и которая в равной степени далека от солдатского шаганья французов и грубой суматохи англичан
34 Вместо: Передовые // Первые ряды

Вместо: Палаццо // дворец посольства

35 Вместо: двери залы растворились на балкон // двери балкона

растворились...

Стр. 27–28

35– 1 Слова: успокоить народ – отсутствуют.

Стр. 28

1 Слова: о войне – отсутствуют.

1– 2 Вместо: с исступленной радостью // с восторженным топанием

5 Вместо: я как теперь их вижу // Я их вижу, как будто это было вчера

6 После: трибуне // выступающей из старинного, строгого Палаццо

7 Вместо: бесчисленный // взволнованный

Вместо: проклятиями иезуитам громкое // иногда угрозой свое

8 После: forestiere // Evviva le sorelle forestieri!.. «да здравствуют иностранные сестры!..» (итал.)>

9–10 Вместо: их ^ камнями // их бы освистали и подвергли оскорблениям 10

Вместо: подкупных // русских

12 Вместо: горячо и искренно // с искренностью и доброжелательством

14 Слово: еще – отсутствует.

14–15 Вместо: сердечной памяти // сердечная память остается незапятнанной

16 Вместо: и будто ^ может // что за странный сон...

17– 18 Вместо: тем ^ нельзя было // воздержавшимся тогда мудрецам, которые не уснули с улыбкой на устах. Вскоре пришлось проснуться polens volens

<волей-неволей (лат.)> и

661

НАДПИСЬ НА АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ ОТРЫВКА ИЗ «БЫЛОГО И ДУМ»

«QUATRIÈME PARTIE»

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (BN).

Об обстоятельствах, при которых была сделана настоящая надпись, сообщает в своих воспоминаниях М. Мейзенбург:

«В последних числах января <1856 г.> я навестила ее <Анну Альтгауз> и рассталась с ней дружески, причем она поручила мне передать Герцену всякие смешные вещи. На следующее утро, рано, когда еще было совсем темно, меня разбудил стук в дверь. Я с испугом вскочила, вошел Герцен с свечой в руке, бледный и расстроенный, и когда я с большим волнением спросила его, что случилось, он ответил дрожащим голосом: „Я получил только что известие от Шарлотты. Анна ночью скорпостижно скончалась“. Я словно окаменела от неожиданного удара. Одеться и побежать туда было делом нескольких минут. Вслед за мной пришел и Герцен, и трудно описать всю его отзывчивость и сердечность. Он принес массу прекраснейших цветов, чтобы осыпать ими, по итальянскому обычаю, смертное ложе <...> В ближайшие вечера мы собирались тесным кружком в доме покойницы: Фридрих и Шарлотта, Шурц с женой, Герцен, его сын и я. Герцен прочел нам одно из своих лучших произведений, утром специально переведенное с русского на французский язык. Это были воспоминания о Риме и горячих днях 48 года <...> Воспоминания были написаны так прекрасно, так драматично, так мощно устремлялись в идеальные сферы, что вполне совпадали с нашим настроением, умиротворяли нашу скорбь и приводили нас в умиление и в возвышенный восторг. С глубокой благодарностью я приняла знак нежной дружбы, когда, кончив чтение, он передал мне перевод со словами: «Я кладу эти листы, как маленький бледный венок из иммортелей, рядом с цветами, украшающими покойницу, и посвящаю вам эти строки в день, когда вы потеряли свою подругу» (М. Мейзенбург. Воспоминания идеалистки. М.–Л., 1933, стр. 337–338).

L'ARISTOCRATIE RUSSE <РУССКАЯ АРИСТОКРАТИЯ>

Печатается по тексту газеты «La Cloche», № 1 от 20 сентября 1862 г., где опубликовано впервые, со следующими вступительными строками от редакции: «В повести Искандера (псевдоним Александра Герцена) под заглавием „Долг прежде всего“ („Прерванные рассказы“, Лондон, 1854) мы находим весьма характерную картину трех последних поколений русской аристократии. Мы даем здесь ее перевод, прося читателей не забывать, что эти строки были написаны во времена императора Николая». О том, что этот отрывок из «Долга прежде всего» переведен Герценом, можно судить по характеру приводимых ниже многочисленных вариантов, которые могли быть сделаны только автором повести, а не переводчиком. Публикуя впоследствии в «La Cloche» полный и точный перевод «Долга прежде всего» (№№ 34–44 от 25 декабря 1863 – 25 мая 1864 г.), вероятно, выполненный А. Делаво, редакция ввела в него и комментируемый отрывок в первоначальном переводе, резко отличающемся от всего остального текста своими многочисленными отступлениями от русского оригинала.

662

Приводим перечень расхождений французского и русского текстов (страницы и строки указываются по тому VI настоящего издания):

обрение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 Стр. 299
 25 Вместо: корпусный командир // Генерал-аншеф
 27 Вместо: Нину // француженку Перед: Бастилию // большую
 30 Вместо: введенных казаками во владение // восстановленных на троне
 казаками, и потопленный
 31 Вместо: Он был прострелен двумя пулями // Он был покрыт ранами
 32 Вместо: нетвердо ступал, неясно слышал // не совсем твердо держался на
 ногах, он не так хорошо слышал, как хотел бы
 36 Вместо: актрису на содержании // певицу на содержании, менее привлекательную
 чарами голоса, чем контурами груди на античный лад
 1- 2 Вместо: Это лицо ^ принадлежать // Мой старый князь меня чрезвычайно
 занимал. Он принадлежал
 3- 4 Вместо: очень хорошо знал // хорошо знал в юности
 4 Вместо: сохранить // запечатлеть, прежде чем он сотрется навсегда. Он
 принадлежал
 5 После: 1812 года // высшего офицера времени императора Александра
 6 Перед: Русское // Надобно напомнить, что Перед: раза четыре // по
 меньшей мере Вместо: изменяло нравы // меняло кожу
 7 Перед: екатерининских стариках // людях времени Петра I и Вместо:
 говорили очень много // говорили много, писали много Вместо: люди // офицеры
 9 Вместо: ближе // слишком близки
 9-10° Вместо: но их мало ^ не похожи // кто знает? Их по-прежнему не выводят на
 сцену, не изображают в романах, хотя они совсем не похожи на своих отцов и на
 современных актеров «придворного календаря»
 13 Слово: петербургском – отсутствует.
 15 После: гордое // невежественное
 16 Вместо: люди // придворные
 17 Вместо: как своим добром // как хозяева
 20- 21 Вместо: и что ^ дворца // зная также, что если Петропавловская
 крепость находится в соседстве от дворца, то Пелым и вся Сибирь тоже недалеко от
 него
 21- 22 Вместо: крамольная горсть богатых // Эта мятежная толпа
 22- 23 Вместо: с участием гвардейских офицеров, двух-трех немецких плутов //
 при помощи крамольных офицеров императорской гвардии и двух-трех немецких
 интриганов
 23- 24 Вместо: наружный ^ подобострастия и // по отношению к государю вид
 неизменной покорности и безграничной
 25 Вместо: царское место // трон по своему выбору
 25-27 Вместо: давая знать ^ больно // Распорядившись короной в свою пользу, они
 давали знать народу столицы и других городов империи о том, что произошло, кто
 теперь царь и кто им перестал быть. В конечном счете, народу было не слишком-то
 интересно узнать имя того, кто именно держал кнут, скипетр, который всегда так
 крепко держали в руке
 28 Перед: Орловыми // графами
 663
 29- 30 Вместо: умела с лукавою хитростью женщины и куртизаны обстричь //
 соединив искусность женщины с коварством куртизаны, обстригла
 30- 31 Вместо: буйным олигархам // наглым вельможам
 31- 34 Текст: важным ^ говорили – отсутствует.
 Стр. 300-301
 34-2 Вместо: В этих людях ^ диких // В этом окружении Екатерины ТТ, в этих
 изнеженных медведях была смесь боярского, патриархального, допотопного начала с
 началом напудренным, версальским.
 У этих дикарей была неприступная спесь европейской аристократии, покорность
 восточных рабов, непоседливый нрав казачьих гетманов, нахальство пандуров и
 коварство дипломатов
 Стр. 301
 4- 5 Вместо: с русскими ^ говорили ты // к нашему брату они лишь снисходили
 6 Вместо: собой, вельможи эти // своим величием, эти удивительные
 существа
 7 После: любили // искренне
 8 Вместо: снисходительно // с величайшей снисходительностью
 9 Вместо: не считая нужным исполнять их // разумеется, никогда им не
 следуя
 10 Вместо: ворчунов // вельмож
 12 Вместо: первой степени // святого Андрея Первозванного
 Перед: тростью // длинной, с золотым набалдашником
 12- 13 Вместо: и гайдуками // в сопровождении великанов, одетых по-гусарски

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

13 После: стариков // говорю я

Вместо: громко, смело // громогласно

14-15 Вместо: Павла Петровича // Павла I

17- 19 Вместо: сделал ^ дом // преобразил мужской сераль, роскошную обитель похоти, называвшуюся Зимним дворцом, и сделал из него кордегардию, тюрьму, исправительное заведение, «Ехегаелат», полицейский бивуак, казарму

20- 21 Вместо: какие-то смутные рыцарские порывы от прежнего состояния // некоторые романические идеи рыцарства

22 Вместо: с сентиментальными выходками, угрюмый и влюбленный // вспышками любовной нежности

24 Перед: трон // императорский

25-26 Вместо: Перевернул ^ уважению // Он сурово обошелся с этими старыми вельможами, привыкшими к почтительному отношению и торжественности покоя

27- 28 Вместо: штык-юнкеры и каптенармусы // сержант-майоры и капралы

29- 31 Вместо: новому ^ темпам // ружейным приемам и целой теории военных приветствий. Он хотел, и это было естественно, применить упражнения, которые он сам изобрел в Гатчине, к ведению дел и управлять империей в двенадцать темпов, как при зарядке ружья

32- 33 Вместо: еще ни разу не являлось в России, как при Павле // никогда не проявлялось даже в России

33 После: бред // горячка

34 Вместо: марсомания // солдатомагия

35 Вместо: до презрительного и в то же время // до абсурда

36-38 Вместо: этот коронованный ^ маршировали // Вообразите себе этого коронованного Казимодо, проливающего слезы и хлопающего в ладоши с спазматической радостью, когда солдаты верно отбивают шаг

664

Стр. 301-302

38-1 Текст: Те же пароксизмы бывали потом у цесаревича Константина – отсутствует.

3 Вместо: был бессмысленный, горячечный, ненужный // имел характер подлинного помешательства

5 Слова: и за что? – отсутствуют.

5- 7 Вместо: Но вельмож ^ слуги // Как бы то ни было, но вельможи перепугались. Они поняли, что сами такие же крепостные, изгоняемые и заключаемые в тюрьму по первой прихоти, что они зависят от капризов царя, как их собственные крестьяне от их капризов

7 Вместо: император // его величество

9 Вместо: тащились // отправлялись, кто под одним предлогом, кто под другим

12- 15 Вместо: Там их ^ поместьях // Александр остерегся извлечь их из этого добровольного изгнания, император не счел нужным беспокоить их старость и предоставил им спокойно дремать в своих поместьях, где они учреждали

16-18 Вместо: Александр ^ сил // Молодое поколение, иссеченное резкой бизой павловского режима, было бодро и любознательно. Именно им окружил себя Александр.

18 Вместо: их довоспитали // взяли на себя их воспитание

19 Вместо: борьба 1812 года // 1812 год

21 Вместо: победоносными генералами // ко двору с генеральскими чинами Вместо: поражения // невзгоды

22- 23 Вместо: с армией Наполеона и с чужими краями // с великой армией, жизнь за границей

24 Вместо: и очень недалекие, с религией // откровенные, великодушные, люди с этим фанатизмом

25 Вместо: крючков // мундиров

26 Вместо: владели // правили

Вместо: николаевское // новое

27 Вместо: военных чиновников и статских солдат // статских военных и военных учеников, воспитанных Николаем

28 Вместо: высших // всех

30 Вместо: о делах // о ведении дел

После: не читая их // или не подписывая их вовсе (дела от этого шли не хуже)

31- 33 Вместо: солдат ^ палкой // солдата и били его при каждом случае, не из жестокости, а потому, что им никогда не приходила в голову мысль, что можно обучить солдата, не прибегая к палке

34 Вместо: не имея своих, тратили // и так как у них никогда не бывало достаточно денег, то без стеснения брали

34- 35 Вместо: красть собак, книги и казну у нас никогда не считалось воровством. Но они // Кража собаки, невозвращение книги не считается в некоторых

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
странах воровством. – В России не слишком-то щепетильны в отношении казенных
сумм; в этом проявляется национальное чувство. – С другой стороны, эти люди
36 Вместо: ни шпионами и за подчиненных стояли головой // ни инквизиторами и
рьяно защищали своих подчиненных
Стр. 302–303

38–4 Вместо: лихой ^ царствования // болтун, щеголь, мот, весь в долгах, десять
раз выкупленный императором Александром и всегда без гроша; это был любезнейший
в мире человек, идол солдат, превосходный генерал-губернатор Петербурга, никогда
665

не знавший ни одного закона. – Милорадович был убит, по странной игре рока, в
день вступления на престол императора

Стр. 303

5 Вместо: раненого Милорадовича // генерала, раненного на Исаакиевской
площади

6 Перед: Арендт // доктор Вместо: раны // рану

7 После: та foі // любезный доктор

8– 9 Вместо: раненых ^ вынимать // ран; эта смертельна; но если вы хотите
для очистки совести, чтобы вынули пулю

9– 10 Вместо: лекарем; мне помочь нельзя, а // лекарем. Он ко мне был
сильно привязан. Его огорчит, право, если кто другой, а не он сделает мне
операцию

11– 12 Вместо: пулю ^ слезами // отправились за старым лекарем, который,
рыдая, вынул пулю

14– 15 Вместо: он думал, думал // не зная, что ему продиктовать, он
поразмыслил

16–17 Вместо: ну так ^ малый // но как бы то ни было, надо с этим кончить.
Делайте всё, как требует закон. – Нет ли у вас, ваше превосходительство,
какой-нибудь особой просьбы? – спросил нотариус. – Никакой. Впрочем, пожалуй,
напишите: есть молодой человек, сын одного из моих старых приятелей

18 Вместо: он, я знаю, замешан в это дело // кажется, я его видел среди
мятежников

19 Вместо: я // генерал Милорадович Вместо: государя // императора

20 После: не знаю // что вам еще продиктовать 22 Вместо: осеннему //
туманному

24 После: лекаре // умирая

25 Вместо: сыне приятеля // мятежнике

Вместо: неловки // не покладисты Перед: громко // слишком

26 Перед: шумят // слишком Слово: иногда – отсутствует.

Вместо: судят вкривь и вкось // действуют, как им вздумается

27 Вместо: готовы всегда лить свою кровь // льют свою кровь до последней
капли

28 После: служат // с оружием в руках

28– 29 Вместо: войны внешней тогда не предвиделось, а для внутренней они //
но, к счастью, тогда не предвиделось другой войны, кроме войны внутренней, а к
ней-то именно эти люди

30 Вместо: к государю // в кабинет императора

31 Вместо: пять // десять

После: в день // в течение лет двадцати

31– 32 Вместо: какие люди // тип тех людей, какие 34 Вместо: воины //
генералы Стр. 304

2– 6 Вместо: по особым ^ теперь // это поколение служащих, носящих саблю и
перо, генералов от жандармерии, всех этих комиссаров-ревизоров, надзирателей и
шпионов, сокрытых под более или менее смягчающими наименованиями

7–10 Вместо: да ^ бедную // жернов мастера своего дела Николая измолот, истер,
износил все, что оставалось хорошего – людей и вещи – от времен Александра.

Жернов этот измолот целую Польшу

666

Он мелет балтийские провинции, отличающиеся такой преданностью, и несчастную 12
Вместо: белая горячка // болезнь

13– 15 Вместо: она перешла ^ николай // выродившись в хроническую форму, эта
болезнь превратилась в изнурительную лихорадку, в малярию деспотизма. Отец,
настигнутый подобным припадком, будучи не в состоянии свернуть шею России, умер
оттого, что она свернула шею ему. Сын

16–18 Вместо: несколько ^ школы... // нет пасса, завтра – школы, послезавтра –
книг; сегодня несколько русских повешено, завтра – несколько поляков расстреляно

LETTRE A GARIBALDI

Печатается по тексту брошюры: Alexandre Herzen-Iskander. Camicia Rossa. – La
Chemise Rouge. – Garibaldi a Londres. Bruxelles, 1865, Appendice (Приложение),

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
pp. 101 – 120. Впервые опубликовано в «La Cloche», № 36 от 25 января 1864 г. На
русском языке: «Колокол», л. 177 от 15 января 1864 г. В письме к Н. А.
Тучковой-Огаревой и Н. П. Огареву от 25 ноября 1863 г. Герцен указал, что
«Письмо к Гарибальди» «писалось для иностранцев» (XXVII, 380) –
по всей вероятности, оно было написано вначале по-французски, а затем
уже переведено на
русский язык. Не исключено, что при издании в «La Cloche» и в брошюре «Camicià
Rossa» французский текст подвергся некоторой стилистической обработке.
Ниже приводятся основные расхождения французского и русского текстов. Страницы и
строки указываются по т. XVIII наст. издания:

Стр. 21

2 Вместо: глубокоуважаемый друг // и почтенный друг, дорогой

2– 3 Вместо: все, что хотите // я вас буду называть, как вы захотите

4– 5 Вместо: оно ^ мое перо, и я скорее // звание это настолько ниже
вас, что перо мое

отказывается присваивать его вам, и я

7– 9 Вместо: мне хотелось ^ я слышал // отправиться позать вам руку с
уважением и глубоким сочувствием, ибо мне говорили

9– 10 Вместо: устроились иначе // не позволили мне этого

10 Вместо: раньше, чем думал // через несколько дней

11 Вместо: поездкой к вам общего друга нашего // посещением вас одним из
наших друзей 13 Вместо: особую цель // особые причины

22 Перед: преднамеренным // вымыслом,

перед: больного // причудливого и

24 Вместо: молча // так

25 После: к вам // сегодня

27 Вместо: подавляемо // таково, что никакая сила не может его подавить 29

Слова: вы любите – отсутствуют.

Перед: без римской тоги // какими их сделала история Стр. 22

3 Вместо: заступником // святым

Подстрочное примечание отсутствует.

3– 4 Вместо: из вашей красной рубахи сделал свое святое облачение // взял
вашу красную рубаху, чтобы сделать из нее

4 Перед: что женщина // вполне естественно также

667

6 Вместо: вождя слабых, ищущих воли // поборника независимости

7 Вместо: в святыню // в распятие

8 Вместо: полнейшего // большего

9– 11 Вместо: красной, святой рубахи // «camicià santa»

10– 12 Вместо: делается ^ Австрии // происходит в глубинах, во мраке этого
неизведанного моря, которое переливается через край с одной стороны, в долинах
восточной Азии, и ограничено с другой Пруссией и Австрией

12 Перед: видимого оцепенения // состояния

14 Вместо: какое-то движение, беспокойство // глухое волнение

15 Вместо: в полях // в степях

15– 16 Вместо: что с тех пор что-то переделывают, к чему-то стремятся – это
известно всем // наконец, что правительство что-то переделывает и что народ к
чему-то стремится, это хорошо известно

16– 17 Вместо: Но чего хочет Россия, куда идет она? // Но не знают, чего
хочет этот народ и куда идет он

17 Вместо: она восстановит // он отвоевать

18– 19 Вместо: возвратиться, как Польша, к славному прошедшему? //
восстановит, как Польша, свое славное прошлое?

20 Вместо: восстанавливать // отвоевывать

21 Вместо: угрюмой истории своей // туманного своего прошлого

22 Слова: в плоть и – отсутствуют.

23 Перед: резко // то есть

После: народность // ощущение своей силы Подстрочное примечание отсутствует.

Стр. 23

1 Вместо: забор // только

3 Перед: Социальная // Право на землю, эта

4 Вместо: неотъемлемых прав // неотъемлемого, незыблемого права

6 Вместо: заселялись // были добыты скорей благодаря

7– 8 Вместо: и скорей ^ чем побеждали их // и поглощения финских
аборигенов, чем завоеваниями

10 Вместо: татарское иго // завоевание монголов

11 Вместо: народного быта // социальных условий

11– 12 Вместо: чтоб объяснить ^ народа // тогда легко поймешь возникновение

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович права

12- 13 Вместо: судьбы государства // превратности

13 Слово: первое – отсутствует.

Слова: в нем – отсутствуют.

14- 15 Вместо: вопрос ^ на черед // первым вопросом, естественно, стал вопрос об освобождении с землей

16- 18 Вместо: потому что ^ море // и лацарони, по выражению одного из наших соотечественников, имеют право на море и держатся за него

19 Перед: стремится // постоянно

20 Вместо: в частное и личное владение // в руках частных лиц

23 Вместо: надобно // очевидно, что надобно

23- 24 Вместо: всеми силами ^ избегая // покончить с этой двойной опасностью и избежать

25-26 Вместо: весь образованный мир собственников // всю цивилизацию *l'humanité* possidentes <блаженствующих собственников (лат.)>

27-28 Вместо: в котором ^ приговоренной // который, стирая личность, сделал бы из каждого человека – приговоренного

29 Вместо: два указания: самый быт и устройство нашей // двух руководителей, обычаи, быт и жизненное устройство

30- 32 Вместо: результаты ^ приложения // экономическую науку, социальную науку, такую, какую Запад выработал, не реализовав ее

668

32 Слово: Сельская – отсутствует.

33- 35 Вместо: государственное ^ судом // начальную организацию автономного государства, располагающую своими экономическими силами, в результате всеобщего избирательного права, самоуправляющуюся, обладающую полицией и выборными судьями

36- 38 Вместо: клетчатку ^ начале // ткань с соединением многих общин в один кантон, который также управляется избираемой администрацией

1- 2 Вместо: народное ^ далее // народные учреждения. Волость сталкивается с полицией, фиском, императорской администрацией

4 Слово: правительственный – отсутствует.

6 Вместо: нелепую // непомерную

7 Перед: застав // колоссальных

Вместо: развитие // всякий прогресс, только что

10 После: другой // заставы

12- 13 Вместо: давши ^ учреждений // теперь, сыгравшею, оно серьезно коснулось свободы

16 После: сохранить их // нетронутыми

17- 18 Вместо: его не могло ^ в логическом // из него не выпутается, правительство истощается и беснуется в порочном

19 Слово: было – отсутствует.

20- 23 Вместо: Оно ^ было // истощает страну, замышляет полнейшую реакцию и дает новое издание николаевского царствования, ожесточенно преследуя каждую мысль о независимости под прикрытием умеренного либерализма. Итак, надобно

25 Вместо: прежде всего // раз навсегда

27-29 Вместо: надобно ^ вероисповеданий // есть только одно средство.

Принудить

правительство к созванию парламента (собора), избранного всем народом, без различия сословий и вероисповеданий

29 Вместо: каждого // кого ему будет угодно

30- 33 Вместо: Если б ^ многие // Если правительство согласится, тем лучше, тогда удастся избежать пролития крови, избежать многих несчастий. А если оно не согласится? Надо его принудить и созвать собор вопреки ему

36- 37 Вместо: о безразличии вероисповеданий // о религиозной терпимости

37 Вместо: это следует пояснить // это нуждается в нескольких пояснительных словах

37- 38 Вместо: в России считается миллионов до двадцати // у нас около 20 миллионов

Стр. 25

1 После: преследует // чем прежде

1- 2 Вместо: на них смотрят сквозь пальцы – этого мало // но с трудом терпят

4 После: России // она составляет 9/ю всего населения

9 Вместо: не признавали империи // не шли на сделку с империей 11 Вместо: Сбитые с толку // увлеченные

11- 12 Вместо: из них // старообрядцы 13 Вместо: поступок // шаг 14 Вместо: льгот и обманулись // некоторых уступок; вероломство оказалось бесполезным

15 Вместо: принесли бы // должны принести

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

16 Слово: быт – отсутствует.
669
16– 18 Вместо: идея ^ средой // и встретить там энергичных представителей современной идеи и науки. Среда, которая даст этих представителей – уже совсем готова, – это среда смешанная, как та
23 После: дворянство // по причине своего положения Вместо: власть // произвол
24 После: чиновников // имеющих личное дворянство
27 Слово: замкнутый – отсутствует Вместо: потеряло // теряет
28 Вместо: слоем // этажом
29–30 Вместо: предоставляя ^ (domesticité) // и дать захапнуть своим верхушкам и вершинам в Зимнем дворце, в величавой праздности и придворной, украшенной галунами службе
32 Вместо: почву // основу
32–33 Вместо: и оно это понимает // Оно само это так хорошо чувствует, что
34 Вместо: государя // императора
35– 36 Вместо: не принося ^ простым // мешали всяким
36 Вместо: Государь // Император
37 Вместо: сам // первый
38 Вместо: застарелая привычка дворца // стало привычкой в Санкт-петербургском дворце Стр. 26
3 Слова: до манифестаций – отсутствуют.
4– 5 Перед: реакцию // открытую
6– 9 Вместо: писателей ^ Одни // газетных писак и распускает слух, что оно само в глубокой тайне разрабатывает проекты реорганизации, которые стремятся наградить нас чем-нибудь не меньшим, чем свобода на французский манер и учреждения – на австрийский
10 Вместо: со стороны власти // под сень правительственного покровительства
10– 11 Перед: дались // единственные
11– 12 Вместо: Тайно ^ в чем дело и // Между тем, подпольные листы, разрывая мрак
13 Вместо: среды // атмосферы
14 Вместо: Еще раз ^ положение // Прежде чем идти дальше, прошу у вас разрешения резюмировать наше положение, еще раз указать на наши надежды, на наши стремления
16 Вместо: владением // законом
17 Вместо: самосудом // самоуправлением
19 Перед: волости // общины
25– 26 Вместо: связывающих ^ смело берем // старых цивилизаций, не имея ничего, что следовало бы хранить, мы принимаем без колебаний и предосторожностей
27– 28 Вместо: социальную // социалистическую
28 Вместо: свободе // независимости
32 Вместо: превыспренние // идеалистические
34–35 Вместо: прелестную лазурь // голубое небо
Стр. 27
2 Вместо: santa, не римская латиклава // rossa, не римская тога
5 Вместо: процесса // двойной работы
6 Вместо: поднимавшегося с самого дна // произведенного в глубинах
7 Вместо: крепостных крестьян // крестьян
9 Перед: середь // наконец
9– 10 Вместо: правительственного // политического 11 Вместо: самовластием // деспотизмом Вместо: консерватизмом // statu quo
670
13 Перед: Для нас // Эта революция была для нас далеко не благоприятна, она была
13– 16 Вместо: правительством ^ очень хорошо // газеты, подкупленные русским правительством, обвиняли нас в том, что мы якобы утверждали, будто все готово в России, – с целью ускорить польское движение. Мы
17 Перед: офицерские // русские
19 Вместо: польское восстание // движение
20 Перед: рекрутский // не один только 22 После: край // сосуда
24– 26 Вместо: Во всяком случае ^ полякам // Поляки одни могли судить о своевременности мятежа:
2– е подстрочное примечание:
2 Вместо: и пр. // Ростковского
Перед: Обручева // офицера императорской гвардии
3 Вместо: двадцать других // десяток других офицеров Вместо: комитетов // офицерского комитета

- 4 Вместо: адресов, напечатанных в «Колоколе» // адреса, напечатанного нами
- 4- 6 Вместо: и это в то время ^ рядах // Так вот, именно тот, кто привез нам адрес, член русского офицерского комитета, приехавший в Лондон, Андрей Потебня, погиб, сражаясь в польских рядах под Пескова-Скала
- 8- 10 Текст: (Прим. в письме). По возвращении ^ восстанию – отсутствует.
- 6 Перед: героизма // мученичества и
- 7 Вместо: на наше искупление // на удовлетворение
- 13 Вместо: В начале восстания // Когда вспыхнуло восстание
- 13- 14 Вместо: вовсе не было враждебно Польше // было скорее благожелательно к полякам
- 14 Слова: с своей стороны – отсутствуют.
- 15- 17 Вместо: старалось ^ вереницы // изошрялось разжигать самые злобные страсти, какие только может породить исключительный национализм, то выдвигая преувеличения и клеветы, то посылая тучу
- 18- 19 Вместо: европейской войной и пр. // перспективой войны со всей Европой
- 19 Вместо: нашло // не замедлило найти
- 20- 25 Вместо: не слишком ^ народ // недорогого помощника; целая литература, состоящая из продажных проходимцев, журналистика, находящаяся на жалованье и защищенная ценсурой от нападок двух или трех независимых газет, – таковы были руководители общественного мнения. Агенты правительства обрабатывали народ, литературные проходимцы взяли на себя воспитание цивилизованных сословий
- 27 Вместо: деятельное ожесточение // чувство ожесточения
- 28 После: Польши ^ почву // и поляков. Оно поняло, как следует поставить вопрос
- 30 Вместо: солдат, и то при дозволении грабежа // солдата, которому одновременно разрешалось грабить
- 31 Вместо: этого было мало // надобно было что-нибудь другое
- 31- 32 Вместо: польское восстание // польскую революцию
- 32 Слова: крестьянам и – отсутствуют.
- 32- 36 Вместо: за восстание ^ революция // за мятеж шляхты и католических священников. Выдавая себя, таким образом, за поборника масс и защитника греческого вероисповедания, оно притворялось
- 671 более революционным и более демократическим, чем революция и демократия.
- 36- 37 Вместо: бывши в Нижнем, молился // отправился в Нижний-Новгород, и там
- 37- 38 Вместо: государство // Россию Стр. 29
- 1 После: поляков // хозяев Москвы
- 2- 3 Вместо: давно ^ журналах // рассеянных, если верить русским газетам 6
- После: к нам // издателям «Колокола»
- Подстрочное примечание отсутствует.
- 6- 7 Вместо: громко повторить // именно тогда следовало сказать, что польское правительство
- 8- 11 Вместо: землю ^ предоставляет // за крестьянами право на землю и прибавить, что оно желало воссоединения польских провинций – оно, которое никогда не соглашалось на их раздел, а представляло
- 14-15 Вместо: разожженный ужасом дикий, кровавый патриотизм // патриотизм дикого террора
- 19 Вместо: Западного края // областей, русское
- 25 Вместо: им вызванное // вызванное этим потрясением
- 26 После: сходки // в городках в местечках!
- 27 Перед: люди собирались // в деревнях
- 28 После: войне // Москва и Петербург испрашивали разрешение образовать гражданскую стражу
- 29 Вместо: и отдавало крестьянам конфискованную землю // и кончилось тем, что экспроприировало большую часть помещиков, чтоб отдать землю крестьянам и привязать их тем к себе
- Стр. 30
- 2- 3 Вместо: остановится // может остановиться 6 После: соединяющимся // из нравственного сродства
- 7- 8 После: деятельности // – это им, это нам
- 13 Вместо: нелепость, глупость // блажь
- Вместо: страх перед // безумный страх, внушаемый
- 14 После: мешает // действовать
- 15 После: знали // почтенный друг

Вместо: нетерпением // тревогой

16- 17 Вместо: Наши головы ^ тяжестью // Мы придавлены ярмом

21- 22 Слова: и осуждения – отсутствуют.

24 Вместо: осуществлять // искать

24- 25 Вместо: разрушая по дороге эту империю // трудиться над разрушением этой империи.

31- 32 Вместо: уважении, удивлении к вам // почтении, восхищении вами 33

Вместо: и-р // А. Герцен.

CAMICIA ROSSA

Печатается по тексту брошюры: Alexandre Herzen-Пкандер. Camicia Rossa. – La Chemise Rouge. – Garibaldi à Londres. <Красная рубашка. Гарибальди в Лондоне>. Bruxelles, L. Fontaine, éditeur de la Cloche (kolokol), 1865, pp. 1 – 76.

Впервые опубликовано в брюссельской газете «La Cloche», 1865, №№ 52–54 от 1 января, 1 и 15 февраля, с подписью: Iskander и следующим примечанием:

«Перепечатка этих статей, которые должны вскоре появиться в виде брошюры, запрещена». После заголовка в «La Cloche»: «Dédié à mes enfants absents» («Посвящено моим отсутствующим детям»).

672

Ни в публикации «La Cloche», ни в отдельном французском издании, ни в объявлениях о его выходе в свет нет указания, что французский текст представляет собой перевод с русского оригинала. Это свидетельствует о том, что Герцен придавал ему самостоятельное значение. Существенные разночтения и дополнения (в том числе целые абзацы с новым текстом), которые могли быть сделаны только автором – особенно в таком ответственном и актуальном «репортаже», обращенном к передовой европейской аудитории, в том числе и к основным действующим лицам «Camicia Rossa», делают несомненным самое непосредственное участие Герцена в работе над переводом.

Приводим перечень основных разночтений русского оригинала и французского перевода (страницы и строки указываются по русскому тексту в т. XI настоящего издания):

Стр. 254

Заголовок. После: Camicia Rossa // Красная рубашка. – Гарибальди в Лондоне. – Требник. – Введение.

1- 2 Вместо: Сближение ^ историей // История иногда вытягивает за волосы свои сближения

3-16 Вместо: Народ, собравшись ^ масс // Народ лондона собрался, чтоб отпраздновать великое threecentenary. Торжественно посадив дерево в честь своего поэта на великолепном холме «Primrose Hill», он принялся обсуждать внезапный отъезд Гарибальди. Около тридцати полисменов разогнало пятьдесят тысяч человек, подчинившихся незаконному приказу из уважения к закону.

То, что произошло в эти дни перед нашими глазами на туманном и однообразном фоне английской жизни, чрезвычайно напоминает, действительно, одну из тех фантастических грез, которые умел воплощать один Шекспир и в которых наблюдаешь странное сочетание великого и пошлого, раздирающего душу и режущего слух. Рядом со святой простотой человека из народа и наивной простотой масс – заговоры министров, лордов

17 Перед: Знакомые // Хорошо

Вместо: мелькают в других образах // проходили перед нами

18 Вместо: до короля // и короля

Вместо: и Корделий // до Корделии

19 Вместо: Яго – всё крошечные // Эти Яго были лилипутами...

21 Слово: Пролог дано в виде заголовка.

Стр. 254-255

21- 7 Вместо: является ^ на ногах // Грохочут пушки, звонят колокола, на кораблях

развешиваются флаги, – и если нет музыки – то только потому, что гость Англии приехал в воскресенье, а воскресенье – постный день, предназначенный одновременно для отдыха и для скуки. – Вот он, полубог, идол масс, единственная великая личность, единственная народная личность, поднявшаяся с 1848 года. – Она появляется во всем великолепии славы. Лондон, весь Лондон выстаивает шесть часов на ногах в ожидании великого человека

Стр. 255

9 Слова: на улице – отсутствуют.

Вместо: взрыв // оргию Вместо: толпы // тысячи людей После: его // карету

10 Вместо: ночью, в час, из оперы // после полуночи из Ковент-Гардена в Сен-Джемс

1- 12 Вместо: швеи и лорды, банкиры // пэры и лакеи, прачки

13 Вместо: февральской революции, республиканец // гроз

14-20 Вместо: босой ^ дощечку // уличный мальчишка, «sweeper», покрытый
лохмотьями, не имевший ни отца, ни матери, хотя бы пожать ему руку, увидеть его;
Глазгов, Ньюкастль-он-Тейн, Манчестер, вся Шотландия трепещут от желания
обладать им... а он исчезает в ночи Атлантического океана, как тень
Гамлета-отца; он ступил ногой на министерский трап
21- 22 Вместо: какой-то парус, готовый отплыть // надувшийся парус
23 Вместо: Народ английский одурачен // Как они одурачили английский
народ!..
24 Вместо: о нем // один великий
24- 26 Вместо: Добрый ^ смешно! // Мне жаль его, бедного Джона-Булля, такого
доброго, сильного, упорного, но такого медлительного и тяжеловесного, и, как мне
ни жаль его, я не могу не смеяться
26 Перед: Бык // Бедный
Перед: только что // ты
27 Вместо: порасправился // ты приукрасился
Перед: гостя // своего
28 Вместо: он // ты
29-30 Вместо: отняли // украли
31- 32 Вместо: двойным ^ сердится // ногой землю и рычит
32 Вместо: сторожа // его сторожа слишком хорошо Стр. 256
Вместо: которыми он заперт // чтобы испытывать от этого беспокойство
1 Вместо: какой-то вздор // вздорные сказки
2 Вместо: исчезает в океане // эта все больше и больше удаляется и совсем
исчезает
3-4 Вместо: Бедный ^ молот // Будь же рассудителен, бедный Булль, вернись на
свою Сизифову скалу
6- 7 Вместо: в камере пэров и в низшей камере, в журналах и гостиных // в
обеих Палатах и в десяти гостиных, в газетах и подписанных письмах
10- 15 Вместо: «Кому ^ матерью... // Можно ли после этого сомневаться?
Вдумайся в старую историю о мельнике, который говорил своему другу, что его осла
нет дома. Сосед, слыша осла, хотел обидеться, но был обезоружен мельником,
который с печальным видом сказал скептику: «Разве ты больше веришь ослу, чем
своему другу?» – Не забудь, что эти лорды, эти министры больше, чем твои друзья,
– они твои опекуны, твои отцы и матери в государстве...
16- 17 Вместо: подробно ^ и кантатах // рассказали во всех подробностях о
пирах и обедах, банкетах и мечях, о пропетых речах и произнесенных кантатах
17- 18 Вместо: Балет ^ арлекины // Декорации, костюмы, балеты, феерии,
арлекинады
19 Вместо: описаны довольно // все было проиллюстрировано, раскрашено,
распродано по пенни
19- 20 Вместо: с ними ^ передать // в запоздалую конкуренцию с этими
рассказами, я осмеливаюсь просто предложить
20 Вместо: из которого я смотрел // где я расположился, чтобы смотреть
22-23 Вместо: в них ^ лиц... // В них будут недостатки, присущие всем
фотографиям, которые воспроизводят иногда не изящные складки, неловкие позы,
случайные мелочи, сопровождающие каждое явление в реальной жизни, и черты, не
подправленные искусством
27- 29 Вместо: Рассказ ^ 17 апреля // Протокол мой я посвящаю своим
отсутствующим детям, для них-то я и начал эту работу, и я повторяю
674
им, что мне было очень мучительно не иметь их близ себя 17 апреля 1864 года
30 Заголовок. Вместо: I. В Брук гаузе // Camicia Rossa. I. Брукгауз.
32- 33 Вместо: завертят, опутают, утомят // успеют увлечь в смерч, для него
подготовленный, прежде чем повлияют на него, утомят, изнурят
34 Слово: по-многому – отсутствует.
Слово: просто – отсутствует.
Стр. 256-257
2- 7 Вместо: из Корнелия Непота ^ Штатов // из тома Плутарха или Корнелия
Непота; с тех пор он превзошел многих из этих героев; с тех пор он сделался
«uncrowned king» <<невенчанным королем» (англ.)> народов, их святым, их
легендой, и это от Испании до Украины, от Шотландии до Сербии
Подстрочное примечание отсутствует.
7 Вместо: людей // волонтеров После: армию // королевство
7- 8 Вместо: освободил целую страну // и дал свободу двум странам
9 Вместо: обманут и побит // побежден...
11 Вместо: свою народную силу // свой престиж
11- 12 Вместо: Рана ^ народом // Кровь его раны, пролитая своими, еще более
тесно спаяла его с народами

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

12- 13 Вместо: к величию героя прибавился венец мученика // он был их героем, он сделался их святым, их мучеником, ореол стал освещать его лавры
14- 15 Вместо: добродушный ^ из Бостона // бравый и добрый капитан «Common wealth», которого я видел в 1854 году
16 Вместо: носящейся по океану // на Атлантическом океане, готовый причалить всюду, где в ней могли нуждаться народы
16- 17 Вместо: ницким белетом, привезенным из Америки // прибыв из Бостона, каким-то ницким вином, называемым белет
18- 19 Вместо: во-вторых ^ людях // затем я хотел видеть его, чтобы рассказать ему о нелепостях, вытворявшихся в Лондоне частью его поклонников
20 Вместо: пьедестал ему // триумфальные арки
Вместо: привязывавших // старавшихся привязать
21 Вместо: Хотелось ему рассказать // Я был уверен, что он не знает подробностей
22- 23 Вместо: и о тех нищих ^ по крайней мере // и о зле, творимом нищими разумом либералами, поддерживавшими тори, которые в этом вопросе имели совсем иную цель, а именно
24 Слова: на Стансфильде – отсутствуют.
25- 26 Вместо: и заменить его ^ тряпьем // при помощи министерства, беззубого и закутанного в старую ветوشь
27- 28 Вместо: ...В Соутамтоне ^ Вайт // Итак, я отправился 4 апреля. В Соутамтон я прибыл через несколько минут после отъезда Гарибальди на остров Вайт, где он должен был провести несколько дней у члена парламента Сили, в Брук гаузе
28 Перед: видны // еще
29 Вместо: группы народа // украшения, довольно многочисленные группы
30 После: я отправился // с первым же пароходом
31 Перед: в отелях // как
После: о его приеме // о его красной рубашке
32- 33 Текст: отдельные ^ Сутерландского – отсутствует.
33 Слова: в Коусе – отсутствуют.
675

Стр. 257-258

34- 2 Вместо: когда матросы ^ водку // он приветствовал матросов, которые выстроились, когда он проходил, сделал шаг и, вдруг повернувшись, пожал руку каждому матросу. Одним этим поступком он полностью завоевал сердце доброго английского эаюг'a <морьяка (англ.)>
Стр. 258
3-5 Текст: узнал ^ взморью – отсутствует.
5-7 Вместо: Море ^ исчезая // сонное море лениво колыхало свои волны, видно было, как возникал и исчезал
8 Вместо: который люблю // нежный
10 Слова: клуба или – отсутствуют.
Вместо: было светло и празднично // имело праздничный вид...
12 Вместо: Англия напомнила о себе // я сразу же заметил, что нахожусь в Англии
13- 14 Вместо: из которой лился частый, мелкий дождь // слегка исполосованная тонким и неумолимым дождем
15 Вместо: вперед говорит // казалось, говорит вам
После: думаешь // быть может
16 Перед: ошибаешься // глубочайшим образом
После: в семь часов // утра
17 После: душой // в полузакрытой коляске
19 Вместо: записку // свою карточку и письмо от Саффи
20 Вместо: Гверцони // Г. Гверцони. Он тотчас же появился
21 Вместо: сказать // доложить
22 Вместо: постукивание трости и голос // неровный шаг и постукивание трости; он не хотел меня дожидаться и пошел сам, спрашивая
22- 24 Вместо: я вышел ^ сказав // Я отворил дверь, выходящую в широкий коридор, и оказался лицом к лицу с Гарибальди. Он находился там, спокойно глядя на меня и говоря мне
26- 27 Вместо: хотите ^ сел // там подальше – моя», и он сел на небольшой стул
29- 31 Вместо: так, как вы ^ особым образом // в свой костюм, который известен всему миру по гравюрам, статуэткам и т. п., то есть на нем была его шерстяная *camisia rossa* и на нее накинут был плащ, сверху донизу
32- 33 Вместо: не на шее ^ на груди // на шее у него был платок, завязанный по-матросски

обрание сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 33- 34 Вместо: необыкновенно ^ плащ // великолепно шло
 36 Вместо: никуда не годятся // весьма посредственно передают его черты
 38 Вместо: высказывается // запечатлен Стр. 259
 1 Слова: его самого – отсутствуют.
 Перед: той притяжательной // мы хотим сказать
 1- 2 Слова: и отдающейся – отсутствуют.
 2- 3 Вместо: покорял ^ диаметра // оказывал на все окружавшее его
 4 Вместо: матросов на океане // парохода
 6 Вместо: всех стран ^ шара // целые континенты
 9- 19 Вместо: беспредельной ^ чувствуется // добротой, столь
 простодушной, столь
 симпатичной, столь трогательной, столь преданной, дышит такой
 доброжелательностью, что невозможно не полюбить этого человека, если не имеешь
 только предвзятого мнения или не получаешь жалованья от какого-нибудь
 правительства. То же в его взгляде, в его улыбке, в тембре его голоса. Однако
 доброта далеко не исчерпывает все выражение его лица, так же, как не определяет
 весь его характер. Чувствуешь, что под этой добротой таится
 676
 19 Вместо: твердость // мощь, безграничная
 самоотверженность, и наряду с его
 непринужденностью
 20 Вместо: задумчивый // меланхолический
 20- 21 Вместо: Этой черты ^ в нем // Впервые заметил я теперь в нем этот
 оттенок грусти
 22 Вместо: обрывается // останавливается
 23 Вместо: морю // по морской глади
 23- 24 Вместо: Ужас ли то перед судьбами, лежащими на его плечах // страх ли
 то перед миссией, которая легла на его плечи
 25 Вместо: от которого он уже не может отказаться? // перед задачей, которую ему
 предстоит совершить, от которой он уже не вправе отречься?
 25- 28 Вместо: после того ^ деле... // воспоминание ли о стольких изменах,
 стольких падениях, или же искушение самолюбия, славы, власти? Нет, его личность
 растворилась в совершаемом им деле, она затерялась в нем
 29- 32 Вместо: подобная ^ в народе // подобные черты, подобные предчувствия
 страдания виднелись на лице Иоанны д'Арк и Иоанна Лейденского. Все трое вышли из
 народа и не порвали с таинственными предчувствиями
 33 Вместо: а фатализм сам по себе бесконечно грустен // а основа фатализма
 глубоко грустна
 34 После: воля твоя // а я здесь не причем
 35 После: твоя // а не моя Стр. 260
 1- 2 Вместо: ее сын-плебей ^ горе // с грустной покорностью судьбе ее сын,
 идя на свершение своих судеб
 3- 4 Вместо: разные ^ в Лондоне // подробности своего посещения Лондона в
 1854 году
 5-7 Вместо: в Indian Docks ^ с Бюхананом // опоздавши возвратиться в доки, как
 он подарил мне фотографию моего сына, которую заказал у Кальдези, не проронив об
 этом ни слова; я
 напомнил ему об американском обеде, на котором присутствовали Бюханан, все
 американское посольство, а также и мы, обеде
 8 Слова: в сущности – отсутствуют.
 9 Перед: смысла // никакого
 Подстрочное примечание отсутствует.
 10 Вместо: покаяться // признаться
 10- 11 Вместо: к вам приехать не без цели // повидаться с вами не без некоей
 задней мысли
 12- 16 Вместо: атмосфера ^ выслушать? // английская атмосфера, туманная, как
 всегда, не позволит вам увидеть интересный механизм новой пьесы, которую ставят
 на парламентских подмостках. Вы предоставите мне право высказать все, что я
 хочу, не правда ли?
 17 После: друзья // сказал он, улыбаясь
 18- 27 Вместо: дебаты ^ на сию минуту // о дебатах и газетах, о выкриках
 против Маццини, о парламентской пытке, которой подвергли Станфильда. Я показал
 ему, что тори преследуют в этом вопросе не только Маццини, которого они
 смешивают с революцией, не только Палмерстона, которого они хотели бы свалить на
 этом вопросе, но и самого Станфильда, то есть молодого и способного человека,
 который без аристократических связей и высокого положения в обществе достиг
 места лорда в адмиралтействе.
 – Вас еще щадят, – сказал я ему, – они не смеют нападать на вас
 Страница 106

28 Перед: трактуют // уже

28- 35 Вместо: в Коусе ^ исполните // приехав в Коус, я купил «Evening
677

Standard», я вам его привез. Этот листок притворяется, будто уверен, что вы достаточно поймете обязанности, которые возлагает на вас английское гостеприимство, чтобы не иметь никаких сношений с вашим старым товарищем и воздержаться от посещения Thurlow Square, 35 (дом Дж. Станфильда). Далее следует маленькая предварительная головомойка на случай, если вы иначе поймете свой долг

Стр. 261

1 Вместо: кое-что ^ Разумеется // разговоры об этом, дайте-ка мне эту газету 4

Вместо: лучше меня // лучше чем кто-нибудь другой 6 Вместо: свидание // наше свидание и также поднявшись

7 Вместо: и стал прощаться // и пожелал ему набраться побольше сил, чтобы вынести ураган энтузиазма, который его ожидает

8 Перед: поидемте // не покидайте еще меня Вместо: теперь ко мне // ко мне в мою комнату

8- 9 Слова: и мы пошли – отсутствуют.

10 Вместо: сильно // заметно

11 Вместо: торжественно // блистательно

11- 14 Вместо: из всякого рода моральных ^ изящен // из всех испытаний последнего времени, из всех хирургических и моральных операций, двух больших ран – одна из которых – в ноге, другая – в сердце. Я шагал рядом с ним и снова бросил взгляд на его костюм

16 Слово: Непринужденность – отсутствует.

17- 18 Вместо: остановили салонные пересуды и тонкие насмешки // в корне пресекли салонное ханжество, критические замечания жеманников и жеманниц.

18 После: европеец // кроме Гарибальди

Перед: сошла с рук // безнаказанно

19 Вместо: в дворцах и палатах Англии // в дворцах английской олигархии

20 Вместо: притом // и не следует забывать, что

Вместо: в красной рубашке // в человеке, носящем красную рубашку

21 Вместо: народ // человек из народа

Слова: и своего – отсутствуют.

23- 24 Вместо: и рад // и удовлетворенно улыбается, видя, как

24- 27 Вместо: пошли в конюхи ^ и скороходов // выполняют обязанности конюхов, мажордомов, псарей и ловчих

28 Вместо: заметили беду // хорошо почувствовали значение этого костюма

29 Вместо: безнравственность и бесчиние гарибальдиевского костюма //

безнравственный эффект не совсем приличного одеяния Гарибальди

31 Вместо: Гарибальди с тех пор // со времени монтевидейских войн Гарибальди

достаточно продвинулся в чине

33 Вместо: монтевидейского волонтера? // присвоенный этому званию?

35- 36 Вместо: к мундиру ^ знак // Каждый мундир обязательно украшен

каким-нибудь смертоносным оружием, каким-нибудь знаком

38 Вместо: не страшат // не желает страшать

Вместо: так же мало военного, как // нет военного, как

Стр. 262

2 Слова: В Кристаль-паласе – отсутствуют.

Перед: меч // почетный

678

6 Слова: сказал он в другом месте – отсутствуют.

9 Вместо: Его обращение мягко до женственности // у него чрезвычайно мягкие манеры Вместо: человек // rorolano <человек из народа (итал.)>

11 Вместо: плебея // человека из народа Вместо: итальянца // человека

13 Вместо: мантия // плащ

После: застегнутая на груди // застегнутый на груди и лежащий широкими складками

14 Слова: profeta-re – отсутствуют.

15 Слова: и привета – отсутствуют.

16 Вместо: а не военного приказа // а не повелительного жеста приказа

17 Перед: Гарибальди // когда мы очутились в его комнате

17- 18 Вместо: Он дивился отваге поляков // он говорил с восхищением об отваге, самоотверженности поляков

19 Вместо: без людей // без денег

20 Вместо: выступить // начать войну

21- 22 Вместо: такого примера нет в истории // я преклоняюсь перед этими

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
героями

22- 25 Вместо: Хорошо ^ я промолчал // Я думаю, что движение в Галиции
спасет их, и имею основание предполагать, что движение это начнется.

Он остановился и, видя, что я ничего не говорю, добавил:

26 Вместо: вы не верите? // Вы, кажется, не верите в это?

27 Вместо: Нет, я просто // Простите, но я

30 Вместо: письмо // свое длинное письмо. К последнему слову дана подстрочная
ссылка: См. приложение.

32- 34 Вместо: во всех злодействах ^ глубже // общественного мнения, ни
перед чем не останавливается, идет на кровь и жестокости и презирает Европу

34 После: молчит // он чувствует, что

35 Вместо: но вопрос розно поставлен // и это все, мы жалеем поляков, мы
восхищаемся ими, но мы ничего не можем для них сделать, у нас не один и тот же
путь, и

36 Вместо: а у них его нет // тогда как им нельзя терять ни одного дня
Стр. 263

1-2 Вместо: начались в дверях // я заметил, что в коридоре начали вновь и вновь

4 Вместо: Куда вы торопитесь? // Вы торопитесь?

5 Перед: я // Нет, но

6 Слова: Не правда ли? – отсутствуют.

7 Вместо: я непременно буду. Правда, что вы останавливаетесь // Конечно,
но правда ли, что вы должны были остановиться

9- 10 Вместо: Да ^ отказаться // Он так просил меня

12 Вместо: пудренный слуга // лакей

13 Вместо: В это время явился поэт-лауреат Теннисон с женой // Гверцони
пришел сообщить Гарибальди о прибытии поэта-лауреата Теннисона с супругой

16- 19 Вместо: Пароход ^ обед // Надобно было ожидать более двух часов

парохода в Соутамптон. Я зашел в первую попавшуюся гостиницу в ожидании обеда

19- 20 Вместо: С первых строк // Первое, что меня поразило, была отставка

Стансфильда

20 Перед: Семидесятипятiletнии // Старый

21- 22 Вместо: судившийся месяца два тому назад за какие-то шашни с новой //

у которого в прошлом году состоялся маленький процесс с маленькой

23 Текст: Отставка Стансфильда была принята – отсутствует.

24- 25 Вместо: Гарибальди начинал свое торжественное шествие в Англии //

Англия начала принимать Гарибальди

26- 27 Вместо: видя, что травля продолжается, совершенно естественно // это
меня почти не удивило; при возобновившихся нападениях, неслыханных в

парламентской жизни Англии, у него не было выбора

28- 29 Вместо: стать ^ лордшипство // гордо встать и отказаться от своего
лордшипства

29 Текст: Стансфильд сделал свое дело – отсутствует.

30 Слова: с товарищами – отсутствуют.

30- 34 Вместо: лепетал ^ et c° // и что он явился бормотать в своей речи о
преданности magnanimous ally <великодушному союзнику (англ.)> и необходимых

мерах для сохранения его драгоценных дней?

35 Вместо: Это была Мажента // Это был день Мажента

36 Перед: бумаги // листок

37 Вместо: досады // недавнего негодования

Перед: «Теймс» // мое письмо и Стр. 264

1- 2 Вместо: я ему писал о безобразии этой апотеозы Гарибальди рядом с
оскорблениями Маццини // эта апотеоза одного из величайших борцов Италии рядом с

анафемой, направленной против другого, привела меня в бешенство

3 Вместо: признаюсь // уверяю вас

4 Слово: негодования – отсутствует.

5 Вместо: несправедливости» и проч. // очевидной несправедливости!

7 Вместо: вынес, многое умеет выносить // выстрадал

8 Вместо: ни утомить, ни низложить нельзя // ни согнуть, ни утомить нельзя, у
него сильные плечи, способные нести самый тяжелый груз. Вера его преисполнена

отваги

8- 10 Вместо: но тут ^ из стремян // Все ж он был грустен и подавлен тем,
что его выбрали полем битвы против

10- 12 Вместо: когда ^ передо мной // его величественное и серьезное лицо,
его искрящиеся глаза стояли передо мной, когда я писал письмо

13 Вместо: и человек подал обед // письмо

14 Перед: белокурый // чрезвычайно

16 Вместо: à l'américaine, хитро утвердивши ноги // Он усиленно старался держать
свои ноги на американский лад, то есть

17- 19 Вместо: Манера ^ меня еще больше // его провинциальная манера
говорить
скороговоркой и малопонятный для меня акцент утвердили меня в мысли
20 Вместо: мичман // морской офицер
23 Перед: пожилых // довольно
26 Перед: близкое // долгое и
27- 28 Вместо: делающаяся натуральной от долгого употребления // превратившаяся в привычку
29 Вместо: Казалось, что он хорошо знал мичмана // Это был, вероятно, друг моряка
680
30 Вместо: трех-четырёх // двух или трех
30- 31 Слова: перестал говорить и – отсутствуют.
Стр. 264-265
31- 1 Вместо: «Видел я ^ ливанской... // Да, – говорил он, – да, видел я Гедеона... и я преклонился пред ним. Я видел меч в длани господней, и душа моя смягчилась. Избрал он Давида посрамить Голиафа. Добрый народ английский – народ столь христианский – это понимает и потому-то он принимает его, как невесту ливанскую».
Стр. 265
5- 7 Вместо: Линдзей ^ Brook house // и другие 9 Вместо: мичман // моряк сильно
9- 13 Вместо: недвусмысленным ^ ланцеты // великолепным презрением и откровенной ненавистью смотрел он на «почтенных мужей», которые сели за стол с нами
14- 35 Вместо: Я спросил ^ теолог // Я повернулся к нему и спросил, достаточно ли написать на моем письме: «Brook house», чтоб оно туда дошло. Он ответил мне утвердительно. Услышав наш краткий разговор, один из членов депутации сказал мне: «Мы сию минуту туда едем, ваше письмо дойдет раньше, чем по почте, если вы сочтете нужным мне его доверить». Я отдал ему свое письмо. К чести Англии надобно сказать, что подобный случай возможен только в Англии. На континенте, быть может, есть много обязательных людей, готовых сделать подобное предложение, но ни одного достаточно смелого человека, чтобы принять его. Нет нужды прибавлять, что на другой день я уже получил ответ от Гверцони. Я покинул почтенное общество, одолевавшее отвратительный обед, и отправился в «Smoking room» <курительную (англ.)>. Моряк уже находился там, а черномазый человек уже проповедовал
Стр. 266
1- 6 Вместо: что, – сказал ^ оставил // Моряк обратился ко мне и сказал: «Ну, что скажете вы об этих лицах? Можно со смеху лопнуть. Они отправляются навстречу Гарибальди – лорд Шефсбюри едет приглашать его? Что за комедия! Подумали ли когда-либо эти люди о том, что собой представляет Гарибальди?» – Это орудие в руках Всемогущего, – перебил его проповедник, – это праща того, кто не знает ни времени, ни пространства, и потому он прославляет его и оставляет
7- 11 Вместо: да зачем ^ дюки // продолжал моряк. – Но спрашиваю, зачем едут эти люди в Брук гауз? Если б речь шла о том, чтобы принять участие в постройке «Алабамы», то это другое дело; дайте-ка ему приехать в Ньюкастль-он-Тейн, там он увидит настоящий английский народ
12 Вместо: мичман // моряк
13- 16 Вместо: о безвыходности ^ раздвоил // много говорил об этом и не видел никакого выхода из войны.
– Если господь разделил народ, – сказал проповедник 18 Вместо: провидению // и иметь безграничное доверие к мудрости провидения
19- 21 Вместо: Вот где ^ разумно // Вот в какой странной форме я услышал еще раз в жизни, как излагают знаменитый гегелевский тезис «Все, что действительно, то разумно» («Alles wirkliche ist vernünftig»)
22 Вместо: каплану // мрачному товарищу 24 Слово: радикального – отсутствует.
33 Вместо: с письмами, удивляясь тому, что // передать свои письма
681
Стр. 267
1 Вместо: искать // туда, куда он меня направил, я искал
7- 8 Вместо: преисподней // своего подземелья
8- 9 Вместо: чтоб ^ не мог // ругательств, которыми я несомненно должен был его осыпать 10 Вместо: Дело // Положение
18 Перед: залу // общую
Перед: Там все еще // Несколько французов
29 Вместо: сказал // написал

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

30 Вместо: всякого // письменного
33 Вместо: Я хочу запечатать заведение и уйти // Я сейчас запру лавочку и уйду
Стр. 268
6 Вместо: не обещал // не обманывал
18 После: эффект // от этого письма
26- 27 Вместо: Словно я сделался духовником // Я решительно перешел на
положение духовника
28 После: но я готов // вас выслушать
29 Вместо: Несколько слов // Одно только слово
31 После: очень хорошо? // не правда ли?
1- 3 Вместо: запретит ^ до ночи // может посоветовать не посещать ваше
заведение, а вы знаете, что французы – хорошие клиенты для вас, они здесь с утра
до вечера и даже ночью
5 После: бюст // у входа
10- 11 Текст: Не сомневайтесь ^ спальню его – отсутствует.
Заголовок. Вместо: В Стаффорд гаузе // Стаффорд гауз
16 Вместо: запруженные им улицы // длинные улицы, наводненные людьми
17 Вместо: карниз // крыша
18 Вместо: в иных местах // пять и
21 Слова: у подъезда ^ с женой – отсутствуют.
23- 24 Вместо: драк, без пьяных, без всякого рода отвратительных сцен //
возмутительных сцен, пьяных драк
25- 30 Вместо: На этот раз ^ ликпockety? // В этот день порядок был
совершенный, я припоминаю лишь одно судебное разбирательство о краже. Толпа
поняла, что она больше, чем зрительница, и соответствующим образом держалась
31- 32 Вместо: народ так плотно сжался // толпа образовала такую плотную
массу
33 Перед: тянувшаяся на версту // огромная Вместо: ушла вперед // подвигалась
одна Стр. 270
I- 2 Вместо: народ ^ целовало // становились на колеса, жали ему руку,
целовали
3 После: «welcome!» // «добро пожаловать!»
3- 8 Вместо: С каким-то ^ причем // Хотели отложить лошадей – и повезти
коляску. Одна людская волна следовала за другой.
9 Вместо: несколько шагов // один шаг
10 Вместо: континентальных консерваторов // консервативных газет
10- 11 Вместо: совершенно понятны // законы
II- 14 Вместо: не только ^ вышло // нарушал все правила передней, иерархии и
создавал пример, плачевный антецедент. Поэтому листы трех императоров и
императорского торизма вышли
15- 16 Вместо: помутилось в глазах, зашумело в ушах... // голова пошла у них
кругом. Как!
17 После: мастерских // с тов <толпой (англ.)>.
18 Перед: мятежника // флибустьера
19 Вместо: освободить Сицилии // стать освободителем Сицилии и Неаполя!
20 Вместо: говорит опростоволосившаяся // справедливо замечает
21 Вместо: так не встречал маршала Пелисье // не встречал с таким
энтузиазмом маршала Пелисье или маршала Мак-Магона
22- 24 Текст: и даже несмотря ^ тараканов – отсутствует.
25- 26 Вместо: Жаль ^ Сутерландского // И джук Сутерландский с дюшессой
встречают его у крыльца Стаффорд гауза!.. Здесь я целиком согласен с листами
партии порядка: что ему было делать в Стаффорд гаузе?
26- 27 Вместо: неважное значение и политическая стертость «пожарного» //
Политическая незначительность
28 Слова: все же обстановка не шла – отсутствуют.
29- 33 Вместо: затеянная ^ маццини // была затеяна до его приезда и
нашла затем
чрезвычайно благоприятную почву. Дворец этот своими стенами, своими ливреями,
своей атмосферой удалял Гарибальди от работника и от его друзей, которые
остались верными своему прежнему знамени
Стр. 270-271
34- 1 Вместо: сдула ^ свидетелей // постоянно опрокидывали эти ширмы,
которые на
следующий же день снова старательно устанавливались
Стр. 271
2 Вместо: в 6 // в 6, 7 часов
2- 3 Вместо: она удалась бы совсем // его не удавалось бы видеть наедине
или среди своих

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

3 Слово: интриги – отсутствует.

Перед: раньше // вставать в Лондоне

4 Вместо: не шло // подняться не может

Вместо: Гарибальди // генерала

10 Вместо: говорить // переброситься словом!

11– 20 Вместо: Гостеприимство ^ очень много // Кроме того, гостеприимство дюка было довольно скаредным. Секретарю, доктору, даже сыновьям Гарибальди не нашлось места в Стаффорд гаузе, и они поселились в Bath Hotel. чтоб хорошо оценить это, надо видеть это здание. В случае нужды там можно было бы поместить без малейшего стеснения для дюка и дюшессы всех крестьян, разоренных и выселенных отцом нынешнего дюка, а их было множество

21 Перед: дурные // очень

22– 23 Вместо: в первый ^ около него // уже с первого моего посещения Гарибальди паутина, которой старались его окружить

24 Вместо: фигаро и фактотумы // Туча разных фактотумов, фигаро

24– 25 После: непрерывно // вокруг него

25– 27 Вместо: Какой-то итальянец ^ заседать // объявляли себя импрезарием, бутафором, суфлером, полицмейстером, церемониймейстером, метрдотелем, дворецким, комиссионером... Да и действительно, как устоять перед честью заседать на тайных собраниях

28 Вместо: предпринимать // изобретать

28– 29 Вместо: предупреждения и пресечения всех сближений // предупреждения сближения Гарибальди с простым народом и излишней близости с его друзьями

31 Вместо: вождя // героя

32 Вместо: ежедневно // на каждом шагу

33 Слово: например – отсутствует.

683

34– 35 Вместо: Сейчас ^ читает // живо собирают всяких фигаро комедийных слуг, негодяев, чтобы найти средство. Они могут найти их двадцать, пятьдесят. На следующий день весь Лондон читает, в газетах
Стр. 271–272

35– 14 Вместо: в таком-то часу ^ Ледрю-Роллена // около 2 часов генерал Гарибальди посетил Джона Френса, проживающего Онслотеррас, Бромтон». Ни слова лжи. Меблированные

комнаты, в которых живет Маццини, содержит Джон Френс. Как ловки они, эти фактотумы, «very clever» <«как мудры» (англ.)>.

Я был там, когда Гарибальди посетил Маццини, и от души смеялся, видя эту проделку фигаро. Мысль отречься от Маццини никогда не приходила в голову Гарибальди. Между ними могло быть расхождение в средствах, в их своевременности, но отнюдь не в цели. Однако Гарибальди мог покинуть Лондон, не подтвердив публично свою близость с Маццини. Ловкачи постарались мошеннически предотвратить его посещение. Подумав обо всем этом, я зашел к одному stationer <торговцу канцелярскими принадлежностями (англ.)> и написал письмо к Маццини. Я спрашивал, полагает ли он, что Гарибальди примет мое приглашение, несмотря на большое расстояние между Лондоном и Теддингтоном, сказав ему при этом, что в случае утвердительного ответа я буду счастлив пригласить его с Гарибальди, а также весьма узкий кружок друзей. Маццини ответил мне на другой день, что он сообщил об этом Гарибальди, что оба принимают мое приглашение и приедут на lunch быть может в воскресенье, а было это в пятницу

15– 17 Вместо: и, не застав ^ возвратился // повидаться, чтобы спросить у него окончательно, собирается ли он приехать в воскресенье. Его не было дома, но он не замедлил вскоре возвратиться. Сени были забиты толпой второго порядка, входившей благодаря протекции лакеев дюка. Когда Гарибальди появился у высокой двери

17 Вместо: толпа посетителей, ожидавших в сенях и коридоре, бросилась // посетители ринулись

18 Вместо: храбрый бритт вырвал у него палку // могучий англичанин схватил его палку, вырвал ее у него из руки

19– 26 Вместо: и с каким-то ^ разговор: // говоря со свирепой энергией: «Эта лучше, эта лучше». – «Я вполне доволен своей... да зачем же...» – сказал Гарибальди, но, видя, что англичанин без ожесточенного сопротивления не уступит его палки, улыбнулся, слегка пожал плечами и оперся на новую палку.

Когда мы оказались в гостинной, я услышал за нами, в амбразуре одного из окон, как два человека весьма оживленно спорят. Один из них был Гверцони, другой – какой-то из импрезариев

27– 28 Вместо: громко повторенные // следующие

29 Вместо: Capite <Поймите (итал.)> // Ma capite <Но поймите (итал.)>

30 Слова: Помилуйте, да – отсутствуют.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

Вместо: материально ^ 16–18 миль // неприемлемо, это 16 или 17 миль Стр. 272–273

32– 4 Вместо: Я обернулся ^ Гарибальди // – От 12 до 13, – сказал я громко, обернувшись к собеседникам.

«И 13 миль – не шутка, знаете ли вы, сколько приглашений получено генералом на воскресенье? Во всяком случае, надо отложить, надо выбрать другой день».

Гверцони ответил ему кратко: «Генерал

684

Стр. 273

5– 8 Вместо: К итальянскому ^ заметил им // Вскоре итальянский опекун получил подкрепление в лице опекуна англичского, который нашел, что принятие приглашения в Теддингтон явилось бы досадным antecedentом. Желая покончить с этой дискуссией и дать им почувствовать неделикатность продолжения ее в моем присутствии, я сказал им

9 Вместо: ваш спор // ваши пререкания

9– 10 Вместо: тут же ^ ему // обернувшись к Гарибальди, я продолжал

11– 26 Вместо: бесконечно ^ ясно? // очень дорого, оно имеет совсем особое значение в нынешнюю, столь мрачную для России полосу; вы посетите не только меня но и всех наших братьев и друзей, находящихся в тюрьмах, на каторге. Я не смел приглашать вас в Теддингтон, зная, как заполнено ваше время. По одному слову Маццини, вы велели мне передать, что хотите приехать ко мне, и это обстоятельство делает для меня еще более драгоценным ваше посещение. Я уверен даже, что вы искренне желаете этого, но ввиду столь непреодолимых препятствий я не настаиваю». – «Какие препятствия?» – спросил Гарибальди. – «Я ничего о них не знаю, расспросите этого господина, имя которого мне неизвестно», – и я указал его пальцем.

Импрезарио подошел и той итальянской скороговоркой, которая всем известна, начал объяснять, что невозможно ехать в 11 часов в Теддингтон и возвратиться к 3 часам в Лондон...

что может быть проще, – сказал Гарибальди, – надо ехать не в 11 часов, а в 10 или 9 часов

Стр. 273–274

29– 2 Вместо: ни новых ^ неверии // улицы, дома, я сам приеду к вам завтра в 9 часов.

Я расстался с ним, получив это обещание.

Накануне он сказал Маццини, что хотел бы встретиться у меня с Ледрю-Ролленом; поэтому я отправился пригласить того к себе, как только покинул Гарибальди. Я не видал Ледрю-Роллена около года. Не потому, что между нами хоть что-нибудь было, отнюдь нет, но лондонская жизнь, и в особенности в suburbs <предместьях (англ.)> этого громадного города разделяет людей незаметно для них самих; а впрочем, в нашей деятельности было мало общего.

Ледрю-Роллен ведет весьма уединенную жизнь, продолжает сохранять пламенную веру в чрезвычайно близкое воцарение единой и нераздельной республики. Я же имею несчастье сомневаться в этом

Стр. 274

3– 7 Вместо: Ледрю-Роллен ^ года) // Он принял меня со своей обычной вежливостью, но отказался принять приглашение. Он, конечно, был бы счастлив встретиться с Гарибальди, и у меня скорей, чем в ином месте; но как представитель французской республики, как участник событий 13 июня 1849 года

9 Перед: политические // случайно

11– 12 Вместо: в моем ли лице, в лице Луи Блана или кого-нибудь из нас // нанеся визит мне, Луи Блану или любому другому французскому республиканцу

12– 14 Вместо: свиданье ^ до него // также всякое свиданье

14– 15 Вместо: полутайком // тайком

16 После: скажите // мне

17 Вместо: согласны вы с моим рассуждением или нет? // находите ли вы справедливым мое рассуждение?

685

18– 20 Вместо: я полагаю ^ напротив // Совершенно справедливым. Вы позволите мне повторить ваши слова Гарибальди?

– Конечно.

21–25 Вместо: Затем ^ надежда // Предмет разговора переменялся, он перешел на общие темы. Я снова увидел перед собой призрак 1848 года в том же образе ее великого трибуна; он был передо мной таким, каким я его видел некогда; несколько морщин, несколько седины больше – вот и все, что изменилось в нем. Та же вера, тот же стиль, те же обороты мысли, те же надежды

26– 30 Вместо: не знает ^ друг другом // выбита из колеи; не только Париж, но даже департаменты поднимают голову, общественное мнение растет, – да и пора и т. п., и т. п.»

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Да будет так!

32 Перед: карету // большую

32– 33 Вместо: и отправился в Стаффорд гауз // Читатель увидит, что это было в высшей степени кстати

34– 36 Вместо: Когда ^ Теддингтон // Войдя в Стаффорд гауз, я наткнулся на импрезарио furioso <неистового (итал.)>, который разглагольствовал, ораторствуя против Теддингтона

Стр. 275

1–5 Вместо: Неужели ^ всё те же? // Возможно ли, – говорил он Гверцони, который его не слушал, – возможно ли, чтобы лошади джюка могли вынести подобную поездку? Да их и не дадут.

– Они нам не нужны, у меня внизу есть карета.

– Неужели вы думаете, что можно возвратиться за три часа на тех же лошадях!

7– 16 Вместо: с бешенством ^ но // начал повышать голос и употреблять более резкие выражения; его противник также. В эту минуту

Стр. 275–276

17– 12 Вместо: Покойно ^ карету // он посмотрел на одного, посмотрел на другого и сказал со спокойной серьезностью: «Думаю, что пора, я совсем готов. Простите – еще одну минуту – здесь находится мой друг, который только что приехал из Италии и которого я должен принять до того, как мы отправимся. Вы, может, его знаете – это Мордини, бывший проконсул Сицилии.

– Хорошо знаю. Если позволите, я его приглашу.

– Буду очень рад.

Я пригласил его вместе с Саффи, одним из моих самых старых итальянских друзей. Импрезарио подошел ко мне, чтобы сказать, что нехватает мест. Я попросил поэтому Саффи и Мордини поехать железной дорогой. Я предложил бы то же самое и Гарибальди, но так как мною заранее не были приняты соответствующие меры, то могло случиться, что на платформе Теддингтонской станции мы не нашли бы кареты, а я не хотел заставить его идти пешком до моего дома.

Наконец, к великому неудовольствию импрезарио, мы вышли, встреченные громкими приветствиями народа

Стр. 276

13– 14 Вместо: он с братом ^ Виндзор // в этот день он со своим братом отправлялся в Виндзорский парк

14– 16 Вместо: которой ^ права // единственный человек в Великобритании, не имевший права видеть Гарибальди

21– 23 Вместо: ясность ^ случающиеся // законченность, полнота и ясность, от которых я отвык за последние пятнадцать лет

Перед: сыновьями // обоими 19–21 Текст: и был ^ лет – отсутствует.

23 Вместо: праздник наш не имел бы // собрание наше не имело бы

24 Вместо: неитальянцем // гостем-неитальянцем

25 Вместо: была бы боязнь, что он исказится // боязнь, что он исказится, испортила бы всё

26– 27 Вместо: вершины... ^ звуках // вершины жизни, над ними – ничего... не больше, чем в звуках мелодии, чем в виде распустившегося цветка

28– 31 Вместо: исчез ^ диапазон // исчезли Стаффорд гауз, швейцар его джюкского высочества, лакеи и фигаро... расположение духа изменилось, стало безоблачным, серьезным, независимым

32– 33 Вместо: теснимый ^ ив полы // снова ласкаемый, теснимый толпой, целуемый и целующий

35 Перед: говорили // мы много Стр. 276–277

35– 2 Вместо: дивился ^ сладят // сказал, между прочим, что его сильно удивляет, как это немцы не хотят понять, что в нынешней войне возьмут верх не их единство, не их свобода, а две суверенные и деспотические армии, которые поработят их после войны

Стр. 277

Подстрочное примечание: Вместо: Не странно ли ^ К. Фогтом? // Это мнение, выраженное Гарибальди, совпадает с мнением, которое Карл Фогт развил в своей замечательной брошюре

3– 4 Текст: в ее борьбе, – говорил он, – отсутствует.

4– 5 Вместо: отвлечены ^ действий // связаны на Севере, чего только нельзя было бы совершить

6– 7 Вместо: что на них наклепали космополитизм // что им создали репутацию космополитов

7– 8 Вместо: по книгам // лишь в книгах и по книгам

8– 9 Вместо: патриоты ^ зная // шовинисты, как самые французистые из французов, но французы знают

9- 11 Вместо: знают ^ репутацию // наоборот, не пользуются особым уважением, и это приводит их в бешенство

13- 22 Вместо: хотят ^ совершенно // немцы, которые искренне хотели бы открыть для вас Венецию и квадрилатер? Может, еще Венецию, ее аристократическое имя, шум, который вокруг нее поднимают... но поговорите с ними о Триесте, о Познани. Славянские народы им необходимы, чтоб их цивилизовать и т. п. Я сообщил ему, наконец, ответ Ледрю-Роллена, прибавив, что в глубине души я полностью разделяю его мнение. «Конечно, он прав, тысячу раз

24 Слова: прибавил он, – отсутствуют.

25- 27 Вместо: Вондсвортском ^ сказать // большой Вондсвортской дороге. Ледрю-Роллен живет в лондонском квартале позади Реджент парка. Это было расстояние в верных восемь миль. Я в свой черед нашел

28- 30 Вместо: Гарибальди ^ он // его черты омрачались и выражали великую скорбь. Он молчал и

Стр. 277-278

31- 4 Вместо: а смотрел ^ победу // Я смотрел на него, думая: «Не знаю, меч ли он господин, но очевидно, что он не воин по ремеслу, не генерал. Солдат и апостол, он готов сражаться и проповедовать, готов отдать свою кровь и кровь своих сыновей за свой народ, за свое дело, готов нанести сильные удары и получать их, готов рассеять по воздуху прах своих врагов, и, забывая победу, готов

687

Стр. 278

6- 10 Вместо: Все это ^ казненного // И именно это поняли массы. Благодаря чему? Как? – Благодаря ясновидению, которое помогло им понять непонятную тайну искупления и которое заставило их поклоняться виселице казненного человека

11 Вместо: чтить, молиться // боготворить

12- 26 Вместо: Оттого-то ^ прием! // Это-то и делало все бедное население Теддингтона. Когда мы подъехали к садовой калитке, не было возможности пройти. Толпа бросилась на него, окружила его, сдавила, крича: «God bless you, God bless you, Garibaldi». Женщины подымали детей своих, придвигаясь к нему, чтоб он до них дотронулся; женщины (я это видел своими собственными глазами), плача, целовали ему руки. Гарибальди улыбался, просил не повалить его, сам жал всем руки; он казался патриархом в собственной семье. Едва взойдя в дом, он снова вышел из сеней и, положив обе руки на грудь, поблагодарил толпу, продолжавшую его шумно приветствовать.

Очень трудно объяснить людям, родившимся в канцеляриях, воспитанным в передних, причину подобного восторженного приема, повсюду оказывавшегося этому флибустьеру, сыну моряка из Ниццы, солдату-повстанцу

27- 29 Вместо: объяснения ^ демонстрации» // правдивой правды, объяснения загадки и

находят, наконец, как московский журналист, что «все это было тайком подготовлено нынешним министерством, наловчившимся в искусстве

29- 31 Текст: Нас ^ читали! – отсутствует.

32- 34 Вместо: Чего доброго ^ во время бури // Считаю вполне возможным, что даже лодочник с Киайи, который носил медальон Гарибальди на груди вместе с медальоном богородицы

Подстрочное примечание. Вместо: «Колокол», № 177 (1864) // см. «Письмо из Неаполя» в Приложении.

Стр. 279

1- 10 Вместо: Хотя оно ^ обоняние... // По правде говоря, мне кажется, что игру таких игроков, как Палмерстон, Гладстон и компания, нелегко постигнуть нашим московским публицистам, но все же они могли бы разгадать ее вследствие того сочувствия, которое, например, крошечный паук может испытывать к нашим огромным тарантулам; что же касается тайной интриги, скрывающейся в основе приема Гарибальди, то она им не по зубам. И это для них большое счастье. Если бы они когда-нибудь поняли эту великую тайну, эти полисмены нашей литературы, то им оставалось бы только повеситься на первом же дереве. Клопы на том только основании и могут жить уютно и быть счастливыми, что они не подозревают о своем запахе. Горе клопу, который вздумал бы приладить себе человеческий нос

12 Вместо: встречать к воротам // ему навстречу Слова: услышав, кто это – отсутствуют.

13- 15 Вместо: народ ^ собственников и проч. // английский народ вообще мало знает мащини, но люди из народа, знающие его, питают к нему ту же симпатию, которую они питали к Кошуту. Страх перед конспираторами, агитаторами и заговорами начинается только с shopkeepers <лавочников (англ.)> и мелких собственников.

16- 18 Текст: Несколько слов ^ повторять отсутствует. Разночтения в речах

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Маццини и Гарибальди, не введенных Герценом в русский текст «*Samicià rossa*» в связи с тем, что они были полностью опубликованы им ранее в статье «17 апреля 1864» (XVIII, 116 – 118), приводятся нами здесь в результате сличения с этой статьей. Речи

Маццини во французском тексте предшествует следующий абзац:
 Как только все сели за стол, Маццини поднялся и сказал среди полной тишины Стр. 117 (т. XVIII)

5 Вместо: «В провозглашенном мною тосте я соединю // «В моем тосте будет содержаться 9 Вместо: в наше время // своей деятельностью

11 Вместо: которой сыны // которая

12 Вместо: дерутся // дерется

Вместо: умирают // умирает

13 Вместо: юную // новую

Вместо: знаменем // девизом

14– 15 Вместо: братскую ^ независимость // в один недалекий уже день сестринскую руку для защиты ее свободы и независимости

16 Вместо: вслед за другом нашим Герценом // с нашим другом Герценом во главе

17 Вместо: развития // расцвета

Перед: России // новой

18– 19 Вместо: дает нам силы, на борьбу и смерть, за эти идеи! // поможет нам бороться до самой кончины за то, чтобы всё провозглашенное мною исполнилось!

20 Вместо: рюмкой // бокалом

22– 23 Вместо: я хочу ^ Между нами // Сейчас я сделаю заявление, которое мне давно уже следовало сделать:

24 Вместо: и свободе вообще // и делу свободы

28 Перед: Он один бодрствовал // Он один сохранил священный огонь

33– 35 Текст: в голосе ^ слезами – отсутствует.

1 После: независимость // за страну

38 Вместо: с которыми я совершенно сочувствую // которые являются превосходным выражением моих собственных чувств

5 Слово: очевидно – отсутствует.

9– 10 Вместо: которая дает нам возможность собраться дружески вместе, как

теперь // которой мы обязаны счастьем находиться здесь вместе

Стр. 279 (т. XI)

19– 27 Вместо: все были ^ в историю // Растроганный голос Гарибальди, глубокая искренность, с которой он только что говорил о Маццини, торжественность, которую его слова приобрели от ряда предшествовавших событий, поразили всех до такой степени, что никто ничего не отвечал; царило полное молчание, у дам на глазах были слезы, даже слуги приостановились с подносами в руках, чтобы благоговейно слушать, словно каждый сознавал, что слова, которые раздаются в этой маленькой гостиной, вписаны в историю.

Маццини протянул ему руку и два раза повторил: «Это слишком! это слишком!»

28– 36 Вместо: Я подошел ^ видел! // Я приблизился к нему с бокалом в руке и сказал ему, что его тост дойдет до сибирских рудников и до казематов, в которых заключены наши друзья, и я поблагодарил его от их имени!

После завтрака мы перешли в другую комнату. В коридоре находилось несколько человек, проникших сюда, чтоб увидеть Гарибальди, и я заметил среди них хромого старика, итальянского эмигранта тридцатилетней давности, бедного кондитера работавшего у владельца ресторана, который доставил завтрак. Он подавал

689

мне знаки, чтоб я помог ему пробраться и представил его Гарибальди. Схватив его руку, старик сказал, заливаясь слезами: «Теперь я умру спокойно, я его видел, я его видел», – и он покрывал поцелуями руку Гарибальди.

Стр. 280

I– 10 Вместо: обнял ^ ушел вон // нежно обнял старика

II– 25 Вместо: ко всему этому ^ впереди? // к подобным проявлениям чувств, Гарибальди, тронутый, взволнованный, вошел в гостиную и сел на диванчик, и снова темные облака покрыли его лицо. На этот раз он не мог удержаться и сказал: «Иногда странное чувство страха овладевает мною, это чувство так мучительно, что я боюсь потерять голову. Слишком много счастья; прием народа английского превзошел мои ожидания. Ах, как я помню дни, последовавшие за моим возвращением из Америки в Ниццу, когда я вновь увидал, наконец, родительский дом, когда нашел там свою семью, своих старых знакомых, места, которые я так хорошо знал; я был так счастлив, так счастлив! Вы знаете, – сказал он, повернувшись ко мне, – все, что произошло потом. Что же меня ждет теперь?»

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Я не имел ни одного слова утешения, с которым мог бы к нему обратиться. Я сам внутренне дрожал перед этим вопросом: «Что же его ждет?»

26 Слово: крепко – отсутствует.

27 Слово: дружески – отсутствует.

27– 29 Вместо: снова ^ снова // и снова толпа теснилась следом за ним; прозвучали «ура», смешиваясь с

31 Вместо: умчалась // исчезла Стр. 280–281

31– 5 Вместо: каком-то ^ негодования... // торжественном и задумчивом расположении духа, словно только что присутствовали на богослужении. Все перебирали подробности этого посещения, невольно возвращались к грозному вопросу, который он нам задал: «Что же его ждет?»

Стр. 281

6 Вместо: Маццини, уехали гости // и Маццини

После: близкими, и тихо настали сумерки // друзьями, и вечер наступил в глубоком спокойствии

8– 9 Вместо: искренно ^ годы // Сколько раз, дети мои, глубоко жалел я, что вас здесь не было. Хорошо хранить в памяти такой день.

10 Вместо: Их очень мало // подобные дни столь редки! Я вспомнил на следующий день, что совершенно забыл предложить тост. Речь Гарибальди в ответ на слова Маццини, казалось мне, завершила этот праздник. Я написал тогда Гарибальди следующие строки:

Далее следует текст письма Герцена к Гарибальди от 18 апреля 1864 г. – см. его в т. XVII настоящего издания, стр. 459–460.

12 Слова: «Что-то будет?»... – отсутствуют.

14– 15 Вместо: спокойно ^ пирует или // почует на лаврах

15– 28 Вместо: Раздор ^ в дураках // месть, раздор, зависть, в костюмах, присвоенных им по чину, собираются в какой-нибудь темной туче, чтобы сыграть с ним шутку. Так поступили и с «Гостем Англии». Только постановка была приспособлена к нашим нравам. В наш цивилизованный век эти глухие происки не вершатся более в облаках аллегориями, а в хорошо освещенных гостининых простыми представителями рода человеческого, за которыми следуют не растрепанные фурии, а отлично напудренные лакеи. Ужасные декорации классических поэм и пантомим Christmas <рождества (англ.)> заменены игрой, более простой и более действенной. В ход было пущено не более колдовства и магии, чем делает это честный лавочник, который душой своей клянется, продавая черносмородиновую настойку с водкой, что это подлинный олдпорт, хорошо зная, что никто ему не верит, но и что никто не решится сделать ему процесс, потому что из этого ничего не выйдет

Стр. 281–282

29– 5 Вместо: называл ^ неловкого гостя и // в Теддингтоне спокойно беседовал с друзьями, интриганы собрались, чтоб устроить заговор против его пребывания в Англии. Надобно было покончить с этим визитом, который становился все более и более стеснительным

Стр. 282

7 Слова: и падшие на ноги – отсутствуют.

7– 8 Вместо: они сыграли свою игру вовсе не хуже // они применили, однако, не больше искусства

8– 9 Вместо: на свое честное слово смородинную ваксу // черносмородиновую настойку...

10 Вместо: правительство // министерство

10– 11 Вместо: и не выписывало Гарибальди // Гарибальди, никогда оно и не возражало против его визита

11– 26 Вместо: вздор ^ не приглашает его // сплетни мелких дипломатов и крупных политических газет

Стр. 282–283

27– 19 Вместо: согласился ^ благости // принял приглашение своих английских друзей, чтобы выдвинуть итальянский вопрос, чтоб объединить фонды, предпринять затем кампанию в Адриатике и совершившимся фактом увлечь Виктора-Эммануила. что английский народ устроит Гарибальди восторженный прием, знали хорошо, но оборот, который приняли и грозили принять в крупных центрах овации, возбуждал неудовольствие. В этой апотеозе революционного героя был как бы скрытый упрек, как бы косвенное порицание.

20 Перед: Настоящей // Вместе с тем Слово: разумеется – отсутствует.

Английской аристократии на сию минуту нечего бояться от своего Самсона, согбенного под тяжестью каторжной работы, и, вообще, не европейская революция наводит на нее страх. Однако характер, который принял народный энтузиазм во время приема Гарибальди, был ей не слишком-то приятен. Эта агитация, хоть она и была совершенно мирной, выводила работников из их обыденной колеи, отвлекала от их вечных забот о труде ради куска хлеба, о hard labour, на который они были

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
осуждены не по собственной воле, а по воле нашего общего фабриканта (нашего
Макег'а), бога Шефсбюри, бога Дерби, бога Сутерленда и Девоншира...□

21 Вместо: не приходило изгонять Гарибальди // никогда не приходило
невежливо изгонять Гарибальди

22 Перед: утянуть // поглотить его

23 Вместо: волоокая Гера, забавляясь с Зевсом // Юнона, любезничая с
Юпитером

24 Вместо: заласкать // развлечь

24- 25 Вместо: не дать ^ одному // занять его таким образом, чтоб он не имел
ни одной минуты для себя или для своих друзей

26 Вместо: собрать // уделить ему из своих сбережений

27 Вместо: благостью // мудростью

28 Слова: тихую и благословенную – отсутствуют.

29 Вместо: набросаем // соберем, если надо

29- 32 Вместо: полпари ^ серебром // дадим ему пари за лошадь на эпсомской
скачке

691

33 Вместо: часть // половину

34- 35 Вместо: купим удивительную // подарим ему

35 Вместо: кататься по морю // море

36 Слова: под вздором – отсутствуют.

Стр. 284

1 Перед: освобождение // окончательное

1-2 Вместо: мы предоставим ему пользоваться рентой // мы будем ему выплачивать
эту сумму в виде годовой ренты, как это делают с несовершеннолетними и
слабоумными

Подстрочное примечание. Вместо: просил // хотел; вместо: Разумеется ^ Капреру //
Читатели помнят, что он отказался от всей суммы, как только узнал об этих
условиях

3- 4 Вместо: с самой ^ мало // усердно и успешно и, тем не менее

5- 14 Вместо: как облака ^ по счастью // временами прорывался сквозь густые
тучи, озарял все ярким светом... и снова исчезал.

В других городах его роль могла сильно измениться.

Вот тогда-то провидение послало на помощь аристократии дельцов, государственных
деятелей. Эти-то, без всякой щепетильности и без ребяческих знаков уважения,
придали делу совсем иной вид. Они-то уж не боялись демонстраций работников, у
них были другие заботы – сосед, соседи, – а Стансфильдово дело было так недавно!
По поразительной случайности 14 Перед: Кларендону // лорду

16- 25 Вместо: Наполеон ^ министерству // В Париже он посудачил с
императором о Гарибальди. Все шло, как следует, император был доволен тем, что
английский народ так высоко ценит великих людей – иностранцев. Дрюэну де Люису
Кларендон сказал – то есть он ничего не говорил – но если б он посмел, то сказал
бы, как Палмерстон: «Civis romanus sum».

Что же касается австрийского посла, то он, возможно, был не столь удовлетворен,
но он не сказал ни слова насчет скандального приема «des berüchtigten
Umwälzungs-Keneral».

И, вместе с тем, на душе у министерства царапались кошки, его мучила бессонница
Стр. 284-285

26- 27 Вместо: с другом ^ иной раз // с третьим, третий с лордом Шефсбюри,
лорд Шефсбюри с Сили, членом п^арламента, Сили, член п^арламента, – с
Фергуссоном с Медицинского факультета, Фергуссон – с дюком-пожарным. Гладстон
первый приходит в себя, но он чувствует, что охвачен живейшей, сильнейшей
скорбью, материнским беспокойством о здоровье Гарибальди. Кто мог бы думать, как
много нежности, как много любви, какая пропасть чувствительности лежит

Стр. 285-286

3- 14 Вместо: поехал я в Лондон ^ уеду // беру я вечернюю газету. Крупная
новость, болезнь генерала Гарибальди, отъезд генерала Гарибальди. – Не обладая
чувствительностью Гладстона, я почуял что-то странное, но не обеспокоился
здоровьем человека, которого видел накануне в отличном состоянии. Конечно,
бывают болезни скоротечные, император Павел лег спать вечером в совершенном
здравии и не встал на следующий день. Но Гарибальди был не таким человеком,
чтобы получать апоплексический удар в висок. – «Нет, это заранее подготовленная
штука, а ну-ка посмотрим», – сказал я сам себе.

Прежде всего я отправился к Маццини и, не застав его, поехал к одной из его
приятельниц. Она мне первая дала некоторые объяснения
насчет обостренного внимания и пылких чувств министерства, для которого здоровье
великого человека всегда дорого...

Считаю излишним передавать подробности. Шен в своей речи на втором митинге в

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Примроз-Гилле рассказал эту историю, и его не опровергли. Коснусь поэтому только общего характера этой театральной постановки.

Когда в воскресенье Гарибальди возвратился к себе из Теддингтона, заговорщики уже находились за стеной его комнаты, в Стаффорд гаузе. Он не догадывался ни о своей болезни, ни о заговоре и ел виноград. Шел горячий спор о том, кому отдадут предпочтение, никто не домогался чести быть первым; в конце концов, был сделан великолепный выбор. Говорить должен был Гладстон. Шефсбюри и Сили должны были содействовать ему своим красноречивым молчанием.

Нельзя шутить с таким говоруном, как Гладстон, который, каждый раз, как он обращался к парламентам, университетам, корпорациям, делегациям, заставлял их терять нить их собственного рассуждения и соглашаться с его доводами. Слово *carlino benevolentiae* <домогательство благоволения (лат.)> он начал на итальянском языке, и великолепно сделал, ибо он говорил с глазу на глаз, перед двумя свидетелями, которые не знали ни слова по-итальянски. Вначале Гарибальди не понял, в чем дело, и сказал, что он совершенно здоров. Министр не хотел принять случайный факт и пытался доказать ему, по Фергуссону, с письмом в руке, что он очень болен. Наконец, Гарибальди заметил, что в этом дружеском внимании есть нечто странное, и спросил у собеседника, не значат ли случайно его слова, что правительство желает, чтоб он уехал. – Министр не скрыл от него, что его присутствие, столь дорогое для него и его коллег, весьма усложняет и без того натянутое положение. «Ну что же, – сказал Гарибальди, – я готов ехать».

Успех был слишком велик, слишком быстр, Гладстон испугался и наемкнул Гарибальди, что не к чему торопиться, что прежде чем возвратиться на Капреру, он мог бы посетить два-три города.

– Выбор для меня невозможен, – ответил Гарибальди, – но даю вам слово, что уеду через два-три дня.

Новость о его отъезде распространилась по всему городу, повсюду высказывалось сильное недовольство.

Стр. 286

15– 26 Вместо: В понедельник ^ трудной // Вечером (в понедельник) была интерпелляция в парламенте. Молодой и ветреный Палмерстон объявил членам палаты общин, что сам он вовсе не желал отъезда Гарибальди, но имел очень серьезные опасения насчет здоровья генерала, и тут он вступил в такие гигиенические подробности, словно его светлость был любящей женой или врачом, служащим в компании по страхованию жизни; он говорил палате о часах сна и часах обеда генерала, о последствиях его раны и сильном волнении, которое должны были вызывать у него приемы; в своей заботливости он дошел до того, что превратил заседание парламента в медицинскую конференцию; он ссылался не на Чатама, не на Берке, а на Фергуссона, который усердно помогал ему в этой

29– 30 Вместо: Города ^ в кабинете // Области и графства, города и деревни, университеты и местечки обладают в Англии чрезвычайно широким self-government самоуправлением (англ.)>. Правительство с самым боязливым педантизмом отталкивает всякое поползновение вмешиваться в дела, которые его не касаются; из боязни ограничить свободу work-houses <рабочих домов (англ.)>, оно

693

терпит «starvation» <«голодную смерть» (англ.)>; из боязни ограничить промышленность, оно позволяет славным капиталистам кретинизировать целое население. И вот правительство делается вдруг сиделкой, хирургом, врачом, опекуном. Великие лоцманы государства бросают кормило великого корабля, чтобы дать медицинскую консультацию, и прописывают человеку, который не просит у них совета, поездку по Атлантическому океану. Министр финансов забывает государственную роспись долгов, кредит и дебет, income-tax <подходный налог (англ.)>, экспорт и импорт, баланс и надзор, и превращается в frater <брата милосердия (лат.)>, в то время как министр министров составляет медицинский и патологический доклад для представителей тех людей, которые имеют десять фунтов стерлингов ренты... Да неужели self-government желудка Гарибальди и других его органических отправлений не столь же свято, как произвол богоугодных заведений, которые столь хорошо служат передними для кладбищ?

Гарибальди имел полнейшее право не ехать, после декларации Палмерстона и Кларендона. Он должен был усомниться либо в советах, которые ему давали, либо в искренности Палмерстона, в искренности королевского министра, выступающего перед представителями Англии! Англии, которая так ненавидит ложь и лицемерие... Never! <Никогда! (англ.)>.

«Слова Палмерстона ничем не могут изменить данного мною обещания», – сказал Гарибальди своим друзьям, и он велел укладываться.

Это было Солферино!

Мой друг Белинский писал мне лет двадцать тому назад: «Знаешь ли ты, почему мы всегда проигрываем, играя с дипломатами? (кажется, он употребил не это именно

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович слово – двадцать лет не шутка, но смысл таков...). А потому что дипломаты с нами поступают так, словно и мы дипломаты, в то время как мы поступаем с ними, как с подобными нам людьми».

Теперь понятно, почему мы сказали, что одним днем позже наш праздник имел бы иной характер.

На другой день я поехал в восемь часов утра в Стаффорд гауз. Гарибальди там уже не было. Он захотел провести последние дни у Сили, в Лондоне (26, Princess Gate, Kensington Garden). Я нашел его там. Говорить с ним наедине было невозможно; с него не спускало глаз человек двадцать, которые ходили, говорили, следовали за ним в его комнату, бродили по соседней гостиной, но не уходили

31 После: сказал я // упрекающим тоном Стр. 287–288

34– 18 Текст: Он куда-то ^ молчал – отсутствует.

Стр. 288

19– 33 Вместо: часа в два ^ выходить // Гарибальди я пришел к нему в два часа. Он был грустен и утомлен; Стансфильд был там, он посмотрел на свои часы и сказал: «Ваш прием скоро начнется».

– Как, – сказал Гарибальди, словно испуганный, – возможно ли?

– Без десяти два.

– Слава богу, воспользуемся этими десятью минутами, чтобы немножко поговорить.

Но не прошло и пяти минут, как в комнату вошел импрезарио, он был озабочен, стал переставлять стулья и объявил, что гостиная, большой коридор – всё уже полно народу.

694

В этот день члены Парламента с семьями, часть выдающихся, еще не представившихся ему лиц, высшая nobility <знать (англ.)>, gentry <нетитулованное дворянство (англ.)> – всего около двух тысяч душ, по утверждению «Times», прибыли на поклон к Гарибальди. Это был подлинный утренний королевский прием и вдобавок такой прием, который был бы неосуществим не только для вюртембергского короля, но даже для короля прусского, разве только тот допустил бы к себе сержантов, ученых и докторов

Стр. 289

3– 4 Вместо: Могу же я ^ знакомого // Послушайте, – сказал он мне, улыбаясь, – могу же я принять одного старого друга

Стр. 289–290

5– 36 Вместо: в дверях ^ ходил за ним // человек в черном фраке с большим листом бумаги в руке расположился у входа. Этот церемониймейстер громогласно объявлял им имена входивших: – The right honourable... honourable... his Excellency... family... his Lordship... right honourable... Lady... Esquire... Esq... Miss... Esq. <Достопочтенный... его превосходительство... семьей... Лорд... Достопочтенный... Леди... Эсквайр... Эск... Миссис... Эск... (англ.)>.

Член парламента... М. р. <член> парламента (англ.)> М. р. ... м. р. ... без конца. После каждого имени врывались в комнату три-четыре огромных кринолина, которые медленно плыли, словно половинки аэростатов, в сопровождении своих путеводителей, по направлению к Гарибальди. Какие причудливые лица, прически, улыбки видел я во время этого церемониального марша... маленькие четырехугольные, коренастые, лысые старички – и старики длинные, похожие на жирафов, потерявших обе задние ноги, и старающиеся еще больше вытянуться, подпирая свою голову огромными желтыми зубами такой формы, какая никогда еще не придавалась подобного рода орудиям; и затем... молодые, и жирные, и рыжие, и жизнерадостные, и печальные, и сонные...

Каждый член парламента и каждый эсквайр имел с собой по меньшей мере трех дам, принадлежащих к трем разным поколениям. Каждая новая группа приближалась к Гарибальди, мужчины трясли ему руку с той мускульной силой, какую применяют, чтобы вырвать с корнем дерево. Одни обращались к нему с несколькими словами, другие – с несколькими звуками; дамы, слегка нырнув в криолин, проходили мимо, затем останавливались в нескольких шагах, чтобы созерцать Гарибальди с таким страстным вниманием, что, я уверен, в конце нынешнего года мы будем иметь урожай детей, похожих на Гарибальди, а так как дети носят уже повсеместно «Camisia rossa», то им будет нехватать лишь серого плаща.

Закончившие визит плыли в противоположную дверь и вливались в просторы большой гостиной; более смелые оставались до тех пор, пока можно было оставаться в давке, не задохнувшись.

Гарибальди сначала стоял вблизи диванчика; когда ему становилось невозможно, он присаживался на несколько мгновений; наконец он окончательно сел. Я посмотрел в окно: бесконечная цепь карет все еще подъезжала, и церемониймейстер продолжал объявлять: «Right honourable. – his Lordship. – М. р. – М. р.»

Великолепная музыка horse guards <конногвардейцев (англ.)>, если не ошибаюсь,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович раздавалась в одной из зал нижнего этажа. – Кринолины продолжали входить, долговязые и низенькие, лысые и седые, синие и красные, – наконец я потерял терпение и, отдавшись течению, без труда добрался вместе с одним из аэростатов до каскады и даже до двери кабинета, где работали Саффи и Гверцони.

695

Там никого не было. Я был грустен, угнетен. Эта фарса королевского приема и позолоченной высылки меня возмущала. Мне хотелось дожидаться Саффи, и я бросился на диван. Музыка играла отрывки из «Лукреции Борджиа». – Да, да. «Non sigiàmo l'incerto domani...!» – Мне видны были подъезжавшие кареты и кареты отъезжавшие, я думал о Гарибальди, о его раненой ноге, о его вывихнутой руке, о жирафах, аэростатах, и я заснул...

...Кто-то шумно отворил дверь и сказал мне: «Ах, извините!» и удалился. Я поднялся, музыка продолжалась, кареты подъезжали, кареты отъезжали. «Так этому и конца не будет», – подумал я и отправился домой. В день отъезда я явился в семь часов утра.

Гарибальди был еще более мрачен, он силился улыбаться; это не получалось, он был резок и даже нетерпим. Какой-то господин представил ему сапожника, изобретателя снаряда для его ноги, и попросил позволения примерить. Гарибальди терпеливо покорился. Когда железная шина была накрепко соединена, сапожник заставил его встать – он встал; походить – он походил. Все оказалось очень хорошо, сапожник и упомянутый господин удалились, а Гарибальди, бросившись на первый попавшийся стул, с отчаянием сказал своему молодому служителю

Стр. 291

1 Вместо: от этого снаряда // от этой машины

3 Вместо: ужасно смешно // поистине комично

6 После: к нему // попрощаться

9 Вместо: обнял меня // нежно обнял меня, он был растроган

9– 10 Вместо: голосом ^ сердцу // очень грустным тоном, который привел меня в смятение

12 После: в Капреру // приезжайте!

14– 15 Вместо: Гарибальди ^ Стаффорд гауз // Он собирался на свидание с принцем Вельским.

16 Вместо: Мы вышли из ворот и разошлись // Мы молча вышли из ворот

17– 19 Вместо: У Ротшильда ^ перебирал // По дороге я зашел в таверну позавтракать, там не было никого, я был этим очень доволен и съел ромстек, перебирая снова странные

21– 23 Вместо: сила ^ лир! // простота и великая сила! Ступай, плебей, *Samicia rossa!* Ступай, король лир, ступай на свою скалу!

23 Слова: оставь ее – отсутствуют.

25 После: действие // пьесы

26 Вместо: что-то будет // что увидим мы

696

ВАРИАНТЫ

LE PEUPLE RUSSE ET LE SOCIALISME

Первое издание брошюры «Le Peuple russe et le Socialisme», напечатанное в Ницце в конце 1851 г., как указал сам Герцен в предисловии ко второму изданию, получило распространение только в Пьемонте и Швейцарии: «Почти все издание было захвачено в Марселе таможней, забывшей возвратить его, несмотря на требования» (VII, 271). Экземпляр первого издания обнаружен в фундаментальной библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде. На нем – дарственная надпись Герцена К. Фогту. См. титульный лист брошюры и дарственную надпись в т. XXIV наст. изд., стр. 384–385.

На обороте титульного листа напечатано: «L'auteur se réserve la propriété et le droit de reproduction de cet ouvrage» <«Автор оставляет за собой собственность и право перепечатки этого труда»> и внизу: «Nice. Imprimerie Canis-frères». 1851. <«Ницца. Типография братьев Канис. 1851»>.

ОТВЕТ И. С. АКСАКОВУ

Варианты даются по рукописной копии (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 179). Текст, опубликованный в К, л. 240 от 1 мая 1867 г., см. в т. XIX, стр. 244–255.

Копия представляет собой небольшую шитую тетрадку из 13 листов, сохранившуюся в архиве адресата – И. С. Аксакова. На л. 1 (обложке) – видимо, позднейшая надпись карандашом рукой неустановленного лица: «Письмо Герцена к И. С. Аксакову»; подпись и указание на место написания, имеющиеся в печатном тексте, в копии отсутствуют, возможно, по конспиративным соображениям.

Происхождение и назначение копии точно не удастся установить. Однако неразобранное и пропущенное переписчиком слово «Stop», ошибки в фамилиях (Диссиарди вместо Риччиарди, Подляские вместо Падлевские и др.) показывают, что копия снималась не с печатного текста, а с рукописи, где некоторые слова могли

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
быть написаны неразборчиво; по всей видимости, рукопись представляет собою копию
с подлинного письма Герцена, полученного И. С. Аксаковым.
На полях копии – карандашные пометы рукой не установленного лица (возможно,
самого И. С. Аксакова). Возле слов Герцена: «Неужели
697

мне вам напоминать ^ был у государя на столе» (XIX, 246–247) написано: «Да ведь надо же когда-нибудь образумиться! Или так и переть в объятия заядлой польщиzny под звуки либеральной шарманки? В сем и была сила Каткова»; возле слов: «Поляков, которые хотели бы го довольно на моем веку» (XIX, 247) написано: «Но восстановить ягеллонову Польшу хотят все»; слова о Муравьеве – «бездушном злодее» (XIX, 249) подчеркнуты и после этих слов поставлен «?»; возле слов: «Для меня остается ^ о польском деле не ругаясь» (XIX, 249) написано: «Да ведь кровь проливали из-за мертвецов», а возле слов, где Герцен говорит, что он поехал бы в Россию, если бы верил, что в случае оправдания его «отпустят с миром» (XIX, 251), поставлено «NB».

Варианты даются по первому – итальянскому – изданию «Письма»: Lettera inedita di Alessandro Herzen padre a suo figlio il Dottore Alessandro («Strenna della Rivista Europea», Firenze, 1871, p. 109–114).

по-французски «Письмо о свободе воли» было напечатано А. А. Герценом пять лет спустя в журнале «Revue philosophique et de l'étranger». Первый русский перевод появился под заглавием: «Неизданное письмо А. И. Герцена о свободе воли» («Православное обозрение», 1877, т. I, стр. 285–293). В 1890 году письмо «о свободе воли» было напечатано по-русски в переводе Г. Паперна в предисловии к книге А. А. Герцена «Общая физиология души», СПб., 1890. В письме к переводчику, объясняя происхождение этого письма, А. А. Герцен писал: «... В 66-м году я написал по-итальянски первую статью о воле с физиологической точки зрения; вопрос этот заинтересовал моего отца, и он написал мне длинное письмо на французском языке (чтобы я мог показать его друзьям). В ответ на это письмо я стал писать целый ряд статей, из которых впоследствии мало-помалу и составилась сперва мой томик „Physiologie de la Volonté“ (первоначальное французское заглавие сочинения), а потом и „Psychophysiologie générale“, которую вы переводите...» В 1894 году книга А. А. Герцена с письмом «О свободе воли» вышла вторым изданием.

Черновой автограф статьи сохранился в составе «пражской коллекции» (ЦГАЛИ). Текст, опубликованный в «Supplément du Kolokol» от 15 февраля 1869 г., см. XX, 507–510.

ПИСЬМА

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (архив семьи Рист, Версаль). Фотокопия письма (как и фотокопии писем 20 и 25 в наст. томе) предоставлена Доминикой Рист, правнучкой О. А. Герцен и праправнучкой А. И. Герцена. Письмо могло быть написано только до ареста Герцена, т. е. до 20 июля 1834 г., чем и определяется его приблизительная дата.

Написано и отправлено в один день с письмом от 31 мая 1852 г., в котором Герцен сообщал М. К. Рейхелью о своем намерении «приписать» после получения от нее вестей с дороги: «Я еще заеду на почту, и если есть письмо, прежде прочту и припишу вам» (XXIV, письмо 180).

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВА).
Настоящие строки служили, по всей вероятности, припиской к письму от того же числа (15 июня 1852 г.), адресованному М. К. Рейхель (см. т. XXIV, письмо 190), и были посланы вместе с ним. О покупке упоминаемого в комментируемом письме браслета для Таты Герцен сообщил ей через несколько дней – 20 июня 1852 г. (см.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
т. XXIV, письмо 191).

4. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВА).

Эти строки Герцена, обращенные к дочери, по всей вероятности, являлись частью его письма от того же числа (26 июня 1852 г.), адресованного М. К. Рейхель (см. т. XXIV, письмо 193), и были посланы одновременно с ним.

699

5. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВА).

Год написания определяется непосредственной связью содержания письма с письмами Герцена к М. К. Рейхель и А. Рейхелю от 2 августа 1852 г. (см. т. XXIV, письма 208 и 209), вместе с которыми, по всей вероятности, были посланы и настоящие строки, обращенные к дочери.

6. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (ВА). Автограф – на нижней правой части почтового листа с траурным ободком и со следами букв вверху (по линии отреза).

Публикуемые строки являются, по всей вероятности, частью письма, адресованного М. К. Рейхель в тот период, когда Тата и Ольга жили у нее, т. е. с конца мая 1852 г. по апрель 1853 г. Содержание и тон письма, а также замечание Герцена о заведенном им порядке – складывании получаемых от Таты писем «в особую бумажку» – позволяют предположить, что оно было написано в первые месяцы разлуки Герцена с дочерью.

7. М. Ф. КОРШ

Печатается по автографу (ПД, Р. III, оп. 1, № 843). Впервые опубликовано: «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», т. XXIII, вып. 2, М., 1964, стр. 145. Письмо написано на бумаге с водяным знаком: «Joynson 1855». На обороте почтовые штампы: «8 MG. M<a>у 28.57», «Angl. Amn. Calais K. 28 mai 57» и «Paris. 29 m<ai> 57».

Щепкина жду с радостью и его супругу. – Герцен ожидал, что вместе с М. Ф. Корш к нему в Англию придет сын М. С. Щепкина – Николай Михайлович с женой Александрой Владимировной, сестрой Н. В. Станкевича (см. XXVI, 93). Однако поездка Н. М. Щепкина к Герцену была отложена из-за болезни А. В. Щепкиной. Щепкин приехал в Путней 29 июня 1857 г. без жены и пробыл у Герцена до 3 июля (см. XXVI, 102 и 103).

... он на скачке в Epsom, и Тургенев там же. – И. С. Тургенев находился в это время вместе с сыном Герцена в Эпсоме, городе, расположенном недалеко от Лондона, месте традиционных скачек. Как следует из письма Тургенева к И. И. Панаеву от 25 (13) мая 1857 г., он приехал в Лондон 24 (12) мая 1857 г. (Тургенев. Письма, т. III, М.–Л., 1961, стр. 120) и пробыл в Англии до середины июня (см. там же, стр. 511 и 657).

8. Н. И. ТУРГЕНЕВУ

Печатается по автографу (ПД, ф. 309, № 3933). Впервые опубликовано: «Бюллетени рукописного отдела института русской литературы (Пушкинский дом)», II, М.–Л., 1950, стр. 43. Автограф Герцена приклеен к записке Н. И. Тургенева (левый верхний угол записки поврежден): «<Если р>едакция «Колокола» согласится напечатать эту <статью>, то сочинитель оной просит поместить ее <в> следующем номере. В противном случае он убедительно просит возвратить статью поскорее в Париж, адресуясь на имя книгопродавца франка Rue Richelieu, 67».

По-видимому, комментируемая записка Герцена связана с публикацией в лондоне статьи Н. И. Тургенева «Об устройстве удельных имений, с целью уничтожения крепостного права». Ср. письмо Герцена от 16 октября 1858 г. (XXVI, 216 и 434–435). Записка не была послана адресату

700

и сохранилась в архиве Герцена, а взамен ее (возможно, в ответ на новое обращение Тургенева) отправлено известное нам письмо от 16 октября.

«Колокол» уже полон и в полтора листа. – Вероятно, л. 27 от 1 ноября 1858 г.

9. Т. К. СЭНДЕРСУ

Печатается по фотокопии с автографа, находящегося в частном собрании в Англии. Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 16–17.

...«Letters of a recent traveller» ^ были напечатаны в вашем журнале ^ имя автора – Парсон. – Томас Коллетт Сэндерс был редактором «Континентального обозрения» («Continental Review»), еженедельника, издававшегося с марта 1858 г. по 30 апреля 1859 г. О «Письмах»

ч. Г. Пирсона (Герцен называет его здесь неверно Парсоном) см. комментарии к письму 10.

... от статьи в «Universal Review». – Статья, опубликованная в мартовском номере «Universal Review» за 1859 г., содержала разбор четырех изданий: а) «Россия

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович глазами современного путешественника»; б) «Очерки по истории цивилизации в России» Н. Жеребцова; в) «Франция или Англия?» А. Герцена; г) «Русский вестник». Статья, возможно, принадлежала Г. Сетерленду Эдвардсу, автору книги «The Russians at Home», 1861 («Русские у себя дома»), главы из которой также впервые появились в «Universal Review».

Я написал о его труде несколько строк для «Колокола». – Заметка Герцена о книге Пирсона появилась в «Колоколе» 15 мая 1859 г. (см. XIV, 95). Комментируемое письмо достоверно подтверждает принадлежность этой заметки Герцену, что ранее устанавливалось по ряду косвенных признаков.

10. Ч. Г. ПИРСОНУ

Печатается по фотокопии с автографа, находящегося в частном собрании в Англии. Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 17.

... ваш труд о России. – Книга историка Чарльза Генри Пирсона «Russia, by a Recent Traveller. A Series of Letters, Originally Published in „The Continental Review“» («Россия глазами современного путешественника. Собрание писем, первоначально публиковавшихся в „Континентальном обозрении“») вышла в Лондоне в 1859 г. В 1858 г. Пирсон около двух месяцев пробыл в России. Он отправился туда, основательно снабженный рекомендациями (среди которых были письма к профессорам К. Д. Кавелину и С. М. Соловьеву). Целью его поездки, как он сам говорил потом в книге, было установить «возможность возникновения третьей цивилизации и третьего пути развития – в дополнение к романским и германским влияниям, воздействию которых подвергалась Европа». Он вернулся с намерением уверить англичан в том, что последнее мало вероятно, но что Россия гораздо сложнее и жизнеспособнее, чем можно судить по схематическим представлениям, сложившимся на основе прежних описаний ее. Пирсон заявил в своей книге, что русская цивилизация «весьма своеобразна, тем не менее у нее больше общих черт с английскими, чем с континентально-европейскими или азиатскими формами», и что установление тесной связи между двумя странами весьма желательно.

... экземпляр записок Екатерины II, изданных мною, а также три мои брошюры... – Воспоминания Екатерины, посланные Пирсону при этом письме, вышли в свет в конце ноября 1858 г. («Mémoires de l'impératrice Catherine II, écrits par elle-même et précédés d'une préface par

701

A. Herzen», Londres, 1859). «Три брошюры», посланные вместе с книгой, – это, видимо, только что появившееся третье издание «Du développement des idées révolutionnaires en Russie par Alexandre Herzen», Londres, 1858; «La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russie par Iscander (A. Herzen)», Londres, 1858; «La France ou l'Angleterre? Par Iscander (A. Herzen)», Londres, 1858.

Печатается по фотокопии с автографа, находящегося в частном собрании в Англии. Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 18. Год написания определяется упомянутыми в письме корреспонденциями из Италии (о ходе австро-франко-итальянской войны 1859 г.).

... с редактором еженедельного журнала... – Возможно, «Saturday Review», в котором Пирсон тогда сотрудничал. Летом 1859 г. Пирсон сам намеревался ехать в Италию. У него было рекомендательное письмо к Гарибальди, полученное, возможно, от Герцена. Однако сражение при Сольферино и заключение перемирия в июле нарушили планы Пирсона.

12. М. ГРАНТ-ДАФФУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в собрании Ш. Соколовой-Грант (Англия). Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 31.

О М. Грант-Даффе (1829 – 1906), английском политическом деятеле, лондонском знакомом Герцена, см. в том же сборнике, стр. 34–35.

... письмо к Ж. Мишле... – Рекомендательное письмо Герцена к Ж. Мишле, пересланное

Грант-Даффу, от 4 ноября 1859 г. (XXVI, письмо 318).

... одну даму, желающую познакомиться с ним. – М. Мейзенбург. Рекомендательное письмо к Ж. Мишле для нее Герцен написал 9 ноября 1859 г. (XXVI, письмо 321).

13. Ч. Г. ПИРСОНУ

Печатается по фотокопии с автографа, находящегося в частном собрании в Англии. Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 18–19. По адресу Герцена, указанному в письме, оно может быть отнесено к 1859 или 1860 г. 1859 год должен быть, однако, исключен, так как первое письмо Герцена к Пирсону относится

к 15 апреля 1859 г. (см. в наст. томе № 10).

... фамилия его, кажется, Good-Eve... – Томас Мингин Гудив, магистр искусств в

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Кэмбридж, был профессором естественной философии, прикладного искусства и механики в Королевском колледже с 1854 г. по июль 1860 г., а затем профессором прикладной математики и физики в Королевской военной академии (см. F. J. C. Hearnshaw. The Centenary History of К^п College. London, 1929, p. 191).

14. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
Печатается впервые, по фотокопии с автографа, хранящегося в Англии. (The Bodleian Library, Oxford). Год написания устанавливается по адресу Герцена, указанному в письме.
Печатается по фотокопии с автографа, находящегося в частном собрании в Англии. Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 19. Год написания устанавливается по упоминанию об открытом письме Герцена к русскому послу в Лондоне барону Бруннову (опубликовано в «Колоколе» 15 октября 1861 г. под названием «Бруты и Кассии III отделения» – XV, 154 – 156). Герцен, без сомнения, знал, что Пирсон в те времена регулярно сотрудничал в газете «The Spectator», и переслал свое открытое письмо в надежде, что Пирсон найдет возможным опубликовать его. Оно в самом деле появилось на страницах номера от 26 октября 1861 г.

16. Ч. Г. ПИРСОНУ
Печатается по фотокопии с автографа, находящегося в частном собрании в Англии. Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 20. Две первых прокламации ~ перепечатаны у нас. – Прокламации, выпущенные в Петербурге в 1861 г. подпольной революционно-демократической организацией «Великорус», были перепечатаны в «Колоколе» от 15 сентября и 15 октября 1861 г.

17. Ч. Г. ПИРСОНУ
Печатается по фотокопии с автографа, находящегося в частном собрании в Англии. Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 20–26. Год написания устанавливается по времени публикации статьи Пирсона («The Spectator», № 2 за ноябрь 1861 г.), которой посвящено письмо.
... мы признаем общину ~ не как переходную ступень. – Герцен откликается на следующее высказывание Пирсона: «Система коммун до сих пор хорошо оправдывала себя, хотя мы не считаем, что эта специфическая форма коммунизма может послужить лишь промежуточной ступенью в переходе к частной собственности». Обучаться за счет казны могут также и выходцы из аристократии или из духовенства. – Пирсон в своей статье рассказывал о волнениях в Петербургском университете, причиной которых послужило введение платы за обучение, с целью исключить бедных студентов.

18. Ч. Г. ПИРСОНУ
Печатается по фотокопии с автографа, находящегося в частном собрании в Англии. Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 26–29. Огарев написал ряд писем о России... – Речь идет о цикле писем, которые Огарев опубликовал впоследствии под заглавием «Essai sur la situation russe. Lettres a un anglais» (Londres, 1862).

19. Е. В. САЛИАС де ТУРНЕМИР
Печатается впервые, по автографу (ЦГАЛИ). Ранее находилось в коллекции Л. И. Рабиновича.
... повторить просьбу о немецкой даме. – Письма Герцена к Е. В. Салиас де Турнемир за 1860–1861 гг. до сих пор не обнаружены. «Немецкая дама» – очевидно, М. Мейзенбург.
... некогда подаренный мне портрет Огар<ева> ~ «Был<ое> и думы»... – О портрете Огарева Герцен писал в IV главе «Былого и дум» (см. VIII, 82–83). Салиас выполнила просьбу Герцена и выслала ему копию с портрета (см. XXVII, письмо 286). О портрете Огарева см. также ЛН, т. 63, стр. 773.

20. О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ
Печатается впервые, по фотокопии с автографа (архив семьи Рист, Версаль). Послано одновременно с письмом к Н. А. Герцен от 30 и 31 января 1863 г. (XXVII, 284–285). На листке с письмом к О. А. Герцен и М. Мейзенбург находится и окончание письма А. А. Герцена к Н. А. Герцен, считавшееся утраченным:
«... тогда George тайно нагнул ко мне и сказал мне на ухо: „It's Sunday, you know!“ <„Сегодня воскресенье, вы знаете!“> Неужели ты до сих пор ничего не слыхала об Гале? – Напиши им. Обнимаю тебя и Ольгу. Мали руку жму».
... мою болезнь послать... – В январе 1863 г. Лиза болела скарлатиной.
... Абиخت схвачен русскими. – Абиخت был арестован в ноябре 1862 г. и казнен 31 мая 1863 г. На его казнь Герцен отозвался гневной статьей в «Колоколе» – «Подлые!» (XVII, 192).
Видели ли вы – Вилих [™] взят в плен? – В действительности Вилих не был ни убит,

собрание сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович как пишет Герцен, ни взят в плен, как сообщила Мейзенбург, а получил тяжелое ранение, сражаясь в рядах армии северян во время гражданской войны в США. К моменту ранения он был бригадным генералом. О Вилихе см. «Былое и думы» (XI, стр. по указателю).

21. М. ГРАНТ-ДАФФУ

Печатается по фотокопии с автографа, находящегося в собрании Ш. Соколовой-Грант (Англия). Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 34.

22. Ч. Г. ПИРСОНУ

Печатается по фотокопии с автографа, находящегося в частном собрании в Англии. Впервые опубликовано в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 27–28. Насчет писем – дело не такое простое. – Пирсон собирался ехать в Польшу как корреспондент лондонского «The Spectator». Его корреспонденция о польском восстании была опубликована в качестве специального приложения к номеру от 12 сентября 1863 г.

Знаете ли вы графа Замойского ~ дать вам письмо. – Г. Сатерленд Эдвардс, корреспондент «The Times» в Польше во время восстания 1863 г., пишет в своих «Personal Recollections» («Личных воспоминаниях»): «Граф Ладислав Замойский был большим другом лорда Пальмерстона, лорда Джона Рассела, лорда Ландсдауна и вообще аристократической части крыла вигов. Он находился вне пределов Польши более тридцати лет» (стр. 220). С середины 1863 г. Замойский был представителем Временного национального правительства в Лондоне.

... два письма к полякам... – Одним из этих поляков был писатель Юлиан Клячко, который в письме от 15 сентября 1863 г. просил Пирсона поблагодарить Герцена за оригинальное предисловие. В результате этих сношений брошюра Пирсона появилась в Париже под названием

704

«Un Anglais en Pologne». Она была издана дипломатическим агентством, которое возглавлял Владислав Чарторыский (см. А. Lewak. Polska działalność dyplomatyczna, Warszawa, 1937, t. 1, str. 413).

23. Н. П. ОГАРЕВУ (?) (отрывок)

Печатается впервые, по автографу (ЦГАЛИ). Датируется предположительно по сопоставлению содержания черновика с письмом к И. С. Тургеневу от 10 апреля 1864 г. (строки о В. П. Боткине) и с письмом Огарева к Е. В. Салиас де Турнемир (XXVII, 513).

24. А. А. ГЕРЦЕНУ

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (IISG).

Год написания определяется связью содержания приписки Герцена с его письмом к сыну от 1 июня 1866 г. (XXVIII, 191).

Отдай 800 фр. Мейзенбург... – В письме к А. А. Герцену от 1 июня 1866 г. Герцен обещал прислать по почте на его имя 500 франков для М. Мейзенбург, собиравшейся в поездку на Эльбу.

25. О. А. ГЕРЦЕН

Печатается впервые, по фотокопии с автографа (архив семьи Рист, Версаль). Год написания определяется содержащимся в письме поздравлением Ольги с 18-летием (родилась 21 ноября 1850 г.).

То ли это Виши ~ в Пранжене... – В конце сентября – октябре 1868 г. Герцен проделал курс лечения в Виши, а вторую половину августа и первую половину сентября того же года провел в Пранжене.

... наш «Колокол» отзвонит в последний раз. – Речь идет о «Колоколе», издававшемся на французском языке («KoloKol»). Последний номер его (14–15) вышел 1 декабря 1868 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПУБЛИКАЦИИ В «ВЯТСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» И ВО «ВЛАДИМИРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»

В «Приложениях» к первому тому настоящего издания частично были перепечатаны некоторые работы Герцена, связанные с его служебной деятельностью в Вятке и Владимире: «Речь, сказанная при открытии публичной библиотеки в Вятке» и две заметки из «Статистической монографии Вятской губернии, составленной Герценом» («Вотьяки и черемисы» и «Русские крестьяне Вятской губернии»), появившиеся в первых номерах «Прибавлений» к «Вятским губернским ведомостям» за 1838 год; семь заметок редакционного характера, относящихся к 1838–1839 гг., когда Герцен был редактором «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям».

Дополнительное обследование названных газет позволило установить, что несколько статистических очерков, напечатанных в «Прибавлениях» к «Вятским губернским ведомостям» в течение 1838 – 1842 годов, или бесспорно принадлежат Герцену («Взгляд на ход статистических сведений и значение статистических комитетов»), или несут явные следы редакционной обработки им материалов, присылавшихся в

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Статистический комитет. К этой группе можно отнести очерки: «Икона Николая чудотворца», «Состояние народа в Вятке до времен Петра Великого», «О вотяках, черемисах и татарах Вятской губернии» (см. комментарии к ним).

Не исключено, что и другие историко-этнографические и статистические материалы, опубликованные в вятских «Прибавлениях», были собраны Герценом и, может быть, обработаны им в то же время (с сентября 1835 г. по декабрь 1837 г.).

К очерку Герцена «Вотяки и черемисы» тематически непосредственно примыкают публикации «Вотяцкие молитвы» («Прибавление» к № 9 от 26 февраля 1838 г., № 5) и «Вотяцкие молитвы осенью перед Филипповым заговеньем» («Прибавление» к № 21 от 21 мая 1838 г., № 11).

Однако доля и характер участия Герцена в обработке этого материала не поддаются сколько-нибудь точному определению.

В ряде случаев материалы, представленные в статистический комитет, публиковались за подписью корреспондентов, приславших их. Так, «Описание удельной слободы Кукарки» («Прибавления», 1838, № 8 и 9) подписано Иваном Чемодаковым, очерк «Свистопляска» («Прибавление», 1838, № 11) – Е. Мухачевым. Из записки «О статистических работах по Вятской губернии», составленной секретарем Вятского статистического комитета Короваевым 29 октября 1861 г. (кировский обл. архив, фонд 574, оп. I, ед. хр. 58), видно, что данные об удельных имениях в Вятской губернии («Прибавление», 1839, № 20) поступили в Статистический комитет в сентябре 1836 г.; что сведения о городе Малмыже и его уезде (опубликованы в «Прибавлениях», 1841, № 17 и 18) прислал священник Шубин в апреле 1837 г.; что описание Глазова и его уезда («Прибавления», 1839, № 1–3) прислал священник Родников; что статистическую записку о городе Нолинске («Прибавления», 1838, № 13–15) составил в мае 1837 г. священник Орлов.

Из той же записки явствует, что вятский архимандрит Никодим 11 ноября 1836 г. доставил в Статистический комитет описание достопримечательностей Кафедрального собора в Вятке и сведения о Покровской церкви. Эти описания соборов, сделанные на основании монастырских летописей и легенд, были затем напечатаны, по всей видимости, почти без редакционной обработки («Вятский кафедральный собор» – «Прибавление», 1838, № 2; «Собор в Котельниче» – «Прибавление», 1839, № 14; «Покровская церковь в Кукарке» – «Прибавление», 1839, № 26).

Большая часть материалов, присланных в Статистический комитет, не сохранилась. Их не было в делах комитета уже в 1861 г., когда Короваев составлял свою записку. Однако некоторые отчеты членов-корреспондентов Статистического комитета находятся и сейчас в архиве. Такова «Статья о быте вотяков и черемис», присланная ученым лесничим Н. Ивановым и послужившая основой очерка «О вотяках, черемисах и татарах Вятской губернии». Впрочем, сам Иванов указывает на книжный источник своих сведений. В сопроводительной записке он писал: «Извлеченное мною из „Географического Российской империи словаря“ г. Щекатова историческое обозрение Вятской губернии как необходимый материал для статистики честь имею представить в оный комитет, а засим по мере возможности всемерно буду стараться находить и сообщать другие материалы, нужные для составления статистических описаний губернии».

Сохранился в Вятском архиве и статистический отчет о Кирсинском железоделательном заводе («Прибавление», 1841, № 19), присланный в Вятский статистический комитет в конце 1836 г. При включении в общее описание губернии (или при публикации) он был существенно переработан. В статистику Вятской губернии вошли и данные, присланные в канцелярию губернатора в связи с организованной в 1837 г. выставкой (известно, что подготовкой ее занимался Герцен) и циркуляром губернатора по этому поводу, обязавшим прислать сведения о годовой производительности предприятий, о количестве людей, занятых на производстве, о способах изготовления изделий, о путях сбыта продукции. Эти данные включены в «Статистическое описание Холуницких чугуноплавленных и железоделательных заводов» («Прибавления», 1839, № 17, 18, 19), «Описание Павловского казенного винокуренного завода» («Прибавления», 1840, № 8–12) и «Описание существующего в Вятской губернии ижевского казенного оружейного завода» («Прибавления», 1841, № 2–7). Отдельные статистические сведения брались из годовых отчетов, присылавшихся в губернское правление из городов и уездов Вятской губернии. Исключительно из этих отчетов дополнялись статистические описания, собранные при Герцене, новыми данными за 1838 – 1840 гг. Таковы, например, «Статистическое и географическое описание города Елабуги» («Прибавления», 1839, № 6–11), «Географическое и статистическое описание города Слободского» («Прибавления», 1839, № 15 и 16), «Описание Слободского уезда» («Прибавления», 1839, № 22–25), «Описание Павловского казенного винокуренного завода» («Прибавления», 1840, № 8–12).

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Герцен был почти лишен возможности непосредственно познакомиться с бытом народов, населявших Вятскую губернию. Поэтому и в тех очерках, которые были напечатаны в томе I наст. изд., и в тех,

707

которые помещены в наст. томе, очевидно использование печатных исторических и фольклорных материалов. Это, прежде всего, «История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год, через 600 лет» А. В. Вештомова, которую Герцен мог знать по рукописи, хранившейся при Вятской мужской гимназии, или по журналу «Казанский вестник», издаваемый при императорском Казанском университете, где она печаталась в 1824–1827 гг.; «История государства Российского» Н. М. Карамзина; «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то черемис, чуваш и вотяков» Г. Ф. Миллера, изданное в 1781 г., и др.

Наиболее интересные очерки были перепечатаны из «Прибавлений» к «Вятским губернским ведомостям» в «Журнале министерства внутренних дел»: «Вотяки и черемисы» и «Предание о Елабужском Чортовом городище» – 1838, № 10; «Статистические сведения об удельном имении в Вятской губернии» и «О вотяках, черемисах и татарах Вятской губернии» – 1839, ч. XXXIV, № 11; «Кай и Шестаково» – 1840, ч. XXXVIII, № 10.

В «Прибавлениях» к «Владимирским губернским ведомостям» Герцен сотрудничал с № 10 этой газеты (март 1838 г.) до самого отъезда из Владимира (март 1840 г.), являясь почти все время единственным редактором (в конце 1839 г. у него появился помощник Я. Е. Протопопов, ставший после отъезда Герцена редактором).

В «Прибавлениях» к «Владимирским губернским ведомостям», помимо напечатанных в томе I семи редакционных заметок Герцена, были опубликованы его же статья «Владимирская публичная библиотека», очерк «Святая неделя» и ряд заметок редакционного характера. Эти тексты включены в настоящий том.

Кроме того, Герценом, видимо, обработан материал о Владимирском Успенском соборе. По всей вероятности, им были написаны два первых абзаца в этой публикации: «Подробности о нашем кафедральном соборе должны быть близки душе каждого русского. Владимир – одно из главнейших средоточий русского православия; а с долгой исторической жизнью города тесно соединяется история его собора. На возвышенном месте в Кремле стоит Успенский собор. Клязьма льется почти возле. Архитектура его принадлежит тому византийскому стилю, в котором строили наши предки, с его характером величия, простоты и прочности, которым вообще византийское зодчество так ярко делится от тевтонского, столь же величественного, но, так сказать, резного и гибкого. Четвероугольный, пятиглавый, он, как развернутая летопись Нестора, переносит во времена далекие. Собор построен из белого камня; есть народное предание, что камень этот привезен из страны Болгарской. Восемнадцать толстых пилонов и четыре контрфорса из белого камня поддерживают свод и стены. Средняя глава вызолочена, прочие покрыты зеленой краской».

С некоторой долей вероятности Герцену можно приписать около двадцати нейтральных по содержанию и стилю редакционных заметок, сопровождавших публикацию в «Прибавлениях» разного рода материалов. В настоящем томе помещаются редакционные примечания лишь к двум публикациям («Статистическое обозрение уездного города Суздаля» и «Отрывок из статьи г. Шелехова „Путешествие по русским проселочным дорогам“»), сопровождаемые подписью: «А. Г.».

По свидетельству К. Н. Тихонравова, с № 10 «Прибавлений» за 1838 г. Герцен постоянно участвовал в губернской газете «Трудами своими по разработке официальных статистических данных о губернии за 1837 г. и разными заметками по современной хронике» (К. Н. Тихонравов. Замечательные деятели во «Владимирских губернских ведомостях» с начала их существования. – «Владимирские губернские ведомости»,

708

часть неофициальная, № 44 от 1 ноября 1874 г.). Действительно, начиная с № 10 в «Прибавлениях» были напечатаны: «Отрывки из годового отчета за 1837 год о г. Владимире» (№ 10 – 13), «Некоторые сведения об уездных городах Владимирской губернии» (№ 22–28), «О состоявших во Владимирской губернии фабриках и заводах частных владельцев в 1837 г.» (№ 29).

ВЗГЛЯД НА ХОД СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ И ЗНАЧЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ Печатается по тексту «Прибавления» к «Вятским губернским ведомостям» от 7 февраля 1842 г., № 3, стр. 13–16, где опубликовано впервые. Автограф неизвестен. Широкий обзор истории статистики обнаруживает в авторе «Взгляда...» такую эрудицию, какую не мог обладать никто из тогдашних вятских чиновников, кроме Герцена. Можно с уверенностью утверждать, что статья представляет собою то «введение» и «начало отчета о занятиях комитета», которое Герцен обещал П. Я. Аленицыну, правителю губернской канцелярии, где он служил, и о котором вспоминал

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович позднее в «Былом и думах» (VIII, 246).

СОСТОЯНИЕ НАРОДА В ВЯТКЕ ДО ВРЕМЕН ПЕТРА ВЕЛИКОГО
Печатается по тексту «Прибавлений» к № 41, 43 и 45 «Вятских губернских ведомостей» от 8 и 22 октября и 5 ноября 1838 г., № 21–23, стр. 110–120, где опубликовано впервые.

Принадлежность этого очерка Герцену отмечена в «Библиографии произведений А. И. Герцена и литературы о нем. Составил А. Г. Фомин» (Приложения к книге Ч. Ветринского «Герцен», СПб., 1908, стр. 496).

В «Былом и думах», рассказывая о своей работе в Статистическом комитете, Герцен писал, что обещал Аленицыну, помимо «введения и начала», еще «очерки таблиц с красноречивыми

отметками, с иностранными словами, с цитатами и поразительными выводами» (VIII, 246). Комментируемый очерк представляет собой пример такого рода: статистические таблицы, исторические сведения перемежаются общими замечаниями и рассуждениями, принадлежность которых Герцену не вызывает сомнений.

Оценка влияния норманнов на формирование русского национального характера: «элемент норманский скоро совершенно поглотился элементом славянским в Киеве» – текстуально близка следующим строкам Герцена в статье «Двадцать осьмое января»: «Норманны <...> вскоре слились с подданными и потонули в славянском элементе» (I, 31).

Характеристика развития новгородской колонии в Вятской губернии текстуально близка к аналогичной характеристике в статье «Русские крестьяне Вятской губернии» (см. I, 373).

Продолжением статьи «Состояние народа в Вятке до времен Петра Великого» является очерк «Состояние Вятской области при Петре Великом и его преемниках», напечатанный в «Прибавлениях» к № 44, 46, 48, 50, 52 «Вятских губернских ведомостей» за 1840 г., № 22–26, в котором Герцену принадлежит, видимо, только первый абзац:

«С наступлением XVIII столетия отечество наше, руководимое гением Петра Великого, устремилось к преобразованию. Части гражданские и военные принимают новый вид, прежние устарелые формы заменяются новыми. По мере этих перемен в целой России, следовали перемены и в Вятской провинции».

709

ИКОНА НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

Печатается по тексту «Прибавления» к № 47 «Вятских губернских ведомостей» от 19 ноября 1838 г., № 24, стр. 121–124, где опубликовано впервые. Автограф неизвестен.

Вспоминая в «Былом и думах» о начале своей деятельности во «Владимирских губернских ведомостях» в качестве редактора, Герцен писал: «Дело это было мне знакомое: я уже в Вятке поставил на ноги неофициальную часть „Ведомостей“ и поместил в нее раз статейку, за которую чуть не попал в беду мой преемник. Описывая празднество на „Великой реке“, я сказал, что баранину, приносимую в жертву Николаю Хлыновскому, в стары годы раздавали бедным, а ныне продают. Архиерей разгневался, и губернатор насилу уговорил его оставить дело» (VIII, 304). В «Вятских губернских ведомостях» этот праздник подробно описывается только в очерке «Икона Николая Чудотворца», однако в нем отсутствует эпизод, вызвавший гнев архиерея. Можно предположить, что очерк был показан архиерею в корректуре и по его требованию был выпущен абзац, в котором содержалось описание обряда жертвоприношения святому Николаю Хлыновскому.

Принадлежность Герцену вводных и заключительных строк очерка (историческая справка об иконе взята из книги А. Вештомова) подтверждается сопоставлением их с рассказом о Великорецком ходе в «Былом и думах»: «Это главный летний праздник в Вятской губернии. За сутки отправляется икона на богатом дощанике по реке, с нею архиерей и все духовенство в полном облачении. Сотни всякого рода лодок, дощаников, комяг, наполненных крестьянами и крестьянками, вотяками, мещанами, пестро двигаются за плывущим образом <...> Дикое зрелище это очень недурно. Десятки тысяч народа из близких и дальних уездов ждут образа на Великой реке. Все это кочует шумными толпами около небольшой деревни, и, что всего страннее, толпы некрещеных вотяков и черемис, даже татар, приходят молиться иконе. Зато и праздник имеет чисто языческий вид» (VIII, 291–292). Далее следует описание обряда жертвоприношения, по которому можно восстановить содержание выпущенного в «Прибавлении» к «Вятским губернским ведомостям» текста: «За монастырской стеной вотяки, русские приносят на жертву баранов и телят, их тут же бьют, иеромонах читает молитвы, благословляет и святит мясо, которое подают в особое окно с внутренней стороны ограды. Мясо это раздают по кускам народу. Встарь давали его даром, теперь монахи берут несколько копеек за каждый кусок. Так что мужик, подаривший целого теленка, должен истратить грош– другой, чтоб получить кусок себе на снесь» (там же).

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Об этом же празднике и в близких выражениях Герцен писал Н. А. Захарьиной 24 мая 1836 г.: «Торжественность этого национального праздника удивительна. Я приехал туда ночью, часа в два, но толпы народа уже не спали; везде шум, крик; тут ряд телег делает настоящую крепость, и за ним тысячи мужиков, толпы нищих, уродов, толпы черемис, вотяков, чувашей с их странным, пестрым костюмом, с их наречием» (XXI, 80).

О ВОТЯКАХ, ЧЕРЕМИСАХ И ТАТАРАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Печатается по тексту «Прибавления» к № 42 «Вятских губернских ведомостей» от 21 октября 1839 г., № 21, стр. 84–87, где опубликовано впервые.

Очерк представляет собою редакционную обработку статьи лесничего Иванова о быте вотяков и черемис, присланной в статистический комитет (см. стр. 706).

710

О том, что обработка производилась Герценом, свидетельствует стилистическая близость комментируемого очерка со статьей «Вотяки и черемисы». В особенности показателен в этом смысле фрагмент о языке вотяков (материал этого рода совершенно отсутствует в корреспонденции Иванова), прямо соотносящийся с рассуждениями на ту же тему в статье «Вотяки и черемисы».

ВЛАДИМИРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Печатается по тексту «Прибавления» к «Владимирским губернским ведомостям», № 8 от 26 февраля 1838 г., стр. 39–40, где опубликовано впервые, за подписью: А. Герцен.

В «Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена» под ред. М. К. Лемке и в первый том наст. изд. комментируемая статья не вошла на том основании, что в 1861 г., в памятной записке, составленной для Н. М. Владимирова (см. XXVII, 202), Герцен заметил, что «сколько помнит», не писал ее, а в 1862 г. в статье «Личное объяснение» сообщил в подстрочном примечании: «Сколько я ни ломал себе голову, этой статьи совсем не помню. А знаю наверное, что при открытии библиотеки во Владимире не был. Очень вероятно, что я подписал статью, написанную моим товарищем по редакции – кандидатом Небабой (см. «Былое и думы»). Может даже, он составил ее по моей речи» (XVI, 120).

Итак, двадцать пять лет спустя Герцен неясно помнил обстоятельства публикации статьи о Владимирской библиотеке. Подпись Герцена, идейно-тематическая близость комментируемой статьи и речи А. Герцена, сказанной им при открытии Вятской публичной библиотеки, а также тематическая связь ее с другими статьями и заметками Герцена, напечатанными в «Вятских...» и «Владимирских губернских ведомостях», позволяют утверждать, что статья принадлежит Герцену (подробнее об этом см. в статье А. Малаховой «Статья А. И. Герцена „Владимирская публичная библиотека“» – «Известия Академии наук СССР, серия литературы и языка», 1963, т. XXII, вып. 5, стр. 423–427).

Не исключено, что заключительная фраза статьи – результат вмешательства извне, вернее всего – губернатора (факт такого именно вмешательства имел место при печатании речи об открытии Вятской библиотеки).

Однако для Герцена этой поры характерны политические иллюзии, свойственные очень многим представителям передовой дворянской общественности 30-х годов. Как отмечает Ю. Г. Оксман в своей статье «Белинский и политические традиции декабристов», кружок Станкевича усваивает в эту пору «ошибочные идеалистические представления Н. И. Надеждина и М. П. Погодина об объективной прогрессивности русского самодержавия, как якобы надклассового политического института, а не органа помещичье-дворянской диктатуры» («Декабристы в Москве» – «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», вып. VIII, М., 1963, стр. 206–207). В это же время во многих статьях центральной печати, в лекциях московских профессоров и в московских салонах очень часто отмечается большая прогрессивная роль верховной правительственной инициативы. Так, в программном заявлении П. Я. Чаадаева указывалось, что «правительство всегда шло впереди нации, и всякое движение вперед было его делом» («Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. II, 1914, стр. 307). Эта апология правительственной инициативы как фактора прогресса в экономически отсталой стране получила выражение и в «Петербургских письмах» В. Ф. Одоевского («Московский наблюдатель», 1835, ч. I, стр. 57–58). См. об этом же в наст. томе, стр. 729.

711

Некоторые высказывания Герцена в письмах и статьях, опубликованных в «Прибавлениях» к «Вятским» и «Владимирским губернским ведомостям», а также «Отдельные замечания о русском законодательстве» (I, 320–323) свидетельствуют, что и для Герцена этой поры была свойственна идеализация верховной правительственной инициативы.

СВЯТАЯ НЕДЕЛЯ

Печатается по тексту «Прибавления» к «Владимирским губернским ведомостям», № 15 от 16 апреля 1838 г., стр. 77, где опубликовано впервые, без подписи.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Перепечатано во втором томе «Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена» под ред. М. К. Лемке, стр. 176. Принадлежность статьи Герцену подтвердили М. Касаткин в статье «Герцен во Владимире» («Владимир», 1951, кн. I, стр. 175) и И. Т. Баландина в статье «А. И. Герцен и „Владимирские губернские ведомости“» («Ученые записки Владимирского государственного педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского», Владимир, 1958, вып. 5, стр. 133–166). Очерк близок к другим произведениям и высказываниям Герцена, содержащим оценку византийского зодчества и описание владимирского Дмитриевского собора (см. письмо к А. Л. Витбергу от 8 декабря 1838 г. – XXI, 398). Как в очерке, так и в письме к Витбергу обращается внимание на частичную реконструкцию собора, а также на время постройки этого храма (здесь и там упоминается вел. кн. Всеволод). Фразеологически близки в комментируемом очерке и в статье «Владимирский Успенский собор» определения византийского зодчества, «с его характером величия, простоты и прочности» (на примере Успенского собора) и отпечатком «простоты и величия» (на примере Дмитриевского собора). Мысль о важности выбора места для постройки архитектурного произведения развита в «Записках А. Л. Витберга», в написании которых принимал участие Герцен (ср. I, 382 и 407). Доказательством принадлежности очерка Герцену служит также письмо его к Н. А. Захарьиной от 8 апреля 1838 г., в котором сообщалось о прогулке Герцена в окрестностях Владимира в день праздника. «О как прелестны окрестности маленького Владимира, – писал Герцен. – Владимир спит в садах и горах, разбросанный сам по горам. Вот и лед ломается на Клязьме, и все так живо, живо, солнце радостно светило, а под ногами у меня (я был на горе) толпа народу веселая, пестрая, разодетая» (XXI, 355). Эти поэтические строки созвучны началу очерка. Заключительная фраза очерка перекликается со следующим местом в письме к Захарьиной от 9 – 13 января 1837 г.: «Заниматься продолжаю архитектурой, – века прошедшие встанут с своими пирамидами, храмами, соборами и рассказывают свою жизнь; слава богу, что можно переселяться в то время, когда не пугались великого, когда изящное считалось необходимою потребностью» (XXI, 135).

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА СУЗДАЛЯ
<ВСТУПЛЕНИЕ, ПРИМЕЧАНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатаются по тексту «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям», № 41 от 15 октября 1838 г., стр. 183 (вступление), стр. 185 (первое примечание); № 42 от 22 октября, стр. 188 (второе примечание), стр. 189 (третье примечание); № 43 от 29 октября, стр. 192–193 (заключение), где опубликованы впервые; под вторым примечанием стоит подпись: А. Г.

712

На принадлежность Герцену всего редакционного аппарата публикации указала впервые И. Т. Баландина в статье «А. И. Герцен и „Владимирские губернские ведомости“» («Ученые записки Владимирского государственного педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского», Владимир, 1958, вып. 5, стр. 125). Первое подстрочное примечание (второй отрывок текста) относится к описанию в разделе «Здания» Блохинской богадельни – «красивому и богатому зданию новейшей архитектуры», служащему украшением города Суздаля. Второе подстрочное примечание сделано к следующему месту в разделе «Богоугодные заведения»: «другая <богадельня>, общественная, утвержденная в 1834 году иждивением Московского 1-й гильдии купца Василия Блохина, для помещения бедных и немощных граждан суздальских, числом на 60 человек, на содержание коих внесено им в Московский опекунский совет 100 000 рублей». Третье примечание сделано в разделе «Торговля и промышленность», к фразе: «Всех лавок в гостином дворе считается 125». Стр. 612. В № 24 «Прибавлений» ~ краткое описание Суздаля... – В «Прибавлении» к «Владимирским губернским ведомостям», № 24 от 18 июня 1838 г., были помещены подробные статистические данные о торговле и промышленности, народонаселении, ремеслах, хозяйстве города Суздаля.

ОТ РЕДАКЦИИ <С НЫНЕШНЕГО ЛИСТКА «ПРИБАВЛЕНИЙ»...>

Печатается по тексту «Прибавления» к «Владимирским губернским ведомостям» от 7 января 1839 г., № 1, стр. 1–2, где опубликовано впервые, без подписи. Принадлежность Герцену определяется ответственным характером данного редакционного заявления.

Стр. 613. ...некролог г. Бенедиктова... – Некролог «Михаил Степанович Бенедиктов» был опубликован в «Прибавлении» к «Владимирским губернским ведомостям» от 19 февраля 1838 г., № 7.

... статью о рыбной ловле на Клязьме... – Статья П. И. Гаврилова «Рыбная ловля в Клязьме, называемая громом» печаталась в № 35 и 36 «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям» от 3 и 10 сентября 1838 г.

... досказал в 52 № о плавающем острове. – Статья «Плавающий остров» начала

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович печататься в отделе «Топография» с № 51 владимирской газеты от 24 декабря 1838 г.

... описание Спасо-Евфимьевского монастыря, в котором он поместил весьма важное открытие знамен с великобританскими гербами... – Заметка «Спасо-Евфимиевский монастырь в Суздале» была опубликована в № 37 «Прибавления» от 17 сентября 1838 г. Об английских знаменах, хранящихся в суздальском монастыре, в этой заметке сообщалось: «Труднее объяснить, откуда взялись знамена здесь лежащие. Их десять. На них очень красиво нарисован герб, довольно сходный с нынешним английским гербом. Те же животные, те же девизы, линии, золотая арфа и прочие украшения. Не принял ли Лисовский или другой польский военачальник английского герба, с некоторыми изменениями. Или, может быть, это знамена английских или шотландских войск, служивших у нас в начале царствования Петра Великого».

ВЛАДИМИР 13 ЯНВАРЯ

Печатается по тексту «Прибавления» к «Владимирским губернским ведомостям», № 2 от 14 января 1839 г., стр. 5–6, где опубликовано впервые, в отделе «Известия», без подписи.

713

Принадлежность Герцену очерка отмечена А. Г. Фоминым (приложение к книге Ч. Ветринского «Герцен», СПб., 1908, стр. 497).

Заметка имеет редакционный характер и непосредственно связана, как это отмечается в ее заключительных строках, со статьями «От редакции», помещенными в № 16–17 и № 50 «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям» за 1838 г. (см. I, 374 – 377).

Политические сентенции заметки соотносятся с достоверно принадлежащими Герцену «Отдельными замечаниями о русском законодательстве» (I, 320–323) и суждениями о Петре I и Екатерине II в статье «Двадцать осьмое января» и повести «Елена».

ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ Г. ШЕЛЕХОВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РУССКИМ ПРОСЕЛОЧНЫМ ДОРОГАМ»
<ПРИМЕЧАНИЯ>

Печатаются по тексту «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям», № 15 от 15 апреля 1839 г., стр. 59 (первое примечание) и № 17 от 29 апреля, стр. 69 (второе примечание), где опубликованы впервые; второе примечание подписано: А. Г.

Первое примечание относится к заголовку статьи. Второе сделано к следующему месту: «Флорищева мужская пустынь основана в 1651 году <...> отшельниками Моисеем и Мефодием». Статья «Флорищева пустынь» опубликована в «Прибавлении» к «Владимирским губернским ведомостям», № 24 от 18 июня 1838 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

<В ПРОШЕДШЕМ № «ПРИБАВЛЕНИЙ»...>

Печатается по тексту «Прибавления» к «Владимирским губернским ведомостям», № 44 от 4 ноября 1839 г., стр. 183–184, где опубликовано впервые, без подписи.

Авторство Герцена определяется редакционным характером статьи, представляющей собою своеобразный отчет перед читателями о проделанной работе за год в области составления статистического исследования Владимирской губернии и о программе на будущее.

Подтверждением авторства Герцена может служить текстуальная близость фразы:

«...этой великой страны, которую столь же великий император Петр называл частью света...» из комментируемой статьи и следующего места в «Письме из провинции»: «...участок России, которую Петр Великий не напрасно называл целую частью света» (I, 133).

ОТ РЕДАКЦИИ

<ЧТО МОЖЕТ СКАЗАТЬ СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ РЕДАКЦИЯ «ПРИБАВЛЕНИЙ»...>

Печатается по тексту «Прибавления» к «Владимирским губернским ведомостям», № 1 от 6 января 1840 г., стр. 3–4, где опубликовано впервые, без подписи.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, по содержанию прямо связанной с двумя другими заявлениями «От редакции» – в январе и в ноябре 1839 г.

714

ЗАПИСИ В ВЯТСКОЙ ТЕТРАДИ

Записи печатаются впервые, по автографам в Записной тетради (ЛБ).

Эта тетрадь в картонном переплете с кожаным корешком была сшита из 168 листов высококачественной белой бумаги фабрики А. Гончарова (производства 1834 г.). Два листа приклеены к внутренним сторонам переплета. 22 листа были вырезаны (один в самом начале, т. е. бывший второй, затем бывший 63-й и двадцать (89–109) в середине), 35 остались чистыми. Архивная нумерация охватывает 109 листов (все ссылки даются по этой нумерации).

В чьих руках оказалась тетрадь после смерти Герцена, неизвестно. Надпись на первом листе, сделанная в два приема, гласит: «Куплена 1872 года под Сухаревой башней в Москве Е. Некрасовой» (слова «под Сухаревой башней в Москве» вписаны

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович позднее чернилами другого цвета и более крупными буквами, но также рукой самой Некрасовой). Как известно, Е. Некрасова впервые опубликовала произведения Герцена, записанные в этой тетради (см. т. I настоящего издания), а затем передала ее в Румянцевский музей – ныне Гос. библиотеку им. В. И. Ленина. Первая запись в этой тетради была сделана Герценом 6 марта 1836 г., последняя – осенью 1861 г. Сначала Герцен назначил тетрадь для собственных произведений, позднее стал делать в ней выписки из читаемых книг и заносил в нее названия сочинений, которые хотел прочесть. Тетрадь заполнялась непоследовательно. Вскоре после приобретения тетради Герцен, оставив высчитанное им число страниц для переписки произведений, созданных в Крутицких казармах, написал на л. 69 заглавие «Встречи» и эпиграф и дал переписать кому-то из своих вятских знакомых (возможно, П. Медведевой) вступление к задуманному циклу рассказов. Вступление заняло два листа (70 и 71). Далее той же женской рукой переписан рассказ, озаглавленный «Первая встреча» (лл. 72–85) и под этой копией рукой Герцена написано: «Вятка, 1836 марта 10. Посвящено барону Упсальскому» (последняя фраза, вероятно, добавлена позднее – тогда, когда Герцен изменил название на «Вторая встреча» и внес несколько исправлений в текст копии). Сразу по завершении этой копии Герцен сам переписал (лл. 5–47) «легенду», пометив в конце: «крутицкие казармы, 1835 года, февраль м<есяц>. Пер<еписано> в Вятке 1836 мар<та> 12». (Так как Медведева жила в это время в одном доме с Герценом, переписывание обоих произведений могло идти параллельно.) Затем был переписан другой рассказ, сочиненный под арестом, – «Германский путешественник», с пометой: «крутицкие казармы. 1834, декабрь, переписано в Вятке 1836, июня 20». Этот рассказ занял лл. 48–68. Позднее Герцен изменил его название на «Первая встреча» и пронумеровал листы (1–39), очевидно, собираясь вырезать его из тетради и послать друзьям. Оставив еще 39 листов чистых, Герцен осенью 1836 г. начал записывать в тетрадь «Отдельные мысли». Потом, уже во Владимире, он использовал оставленные для еще одного рассказа из цикла «Встреч» листы под статью «Кристаллизация человечества», занявшую 20 с половиной листов. Статья эта была вырезана из тетради для отсылки друзьям (и до нас не дошла), сохранились только последние строки с датой: «Владимир, 12 фев. 1838». Лист с этими строками получил в хранилище номер 86. Следующие за ним листы (87–100) остались незаполненными, как и лл. 102–104. Сочинения и фрагменты Герцена, находившиеся в Вятской тетради, см. в т. I наст. изд. Публикуемые в наст. томе выписки и записи Герцена располагаются в порядке их размещения в тетради. Стр. 617. Kowalevsky™ London. – Адрес записан на внутренней стороне передней крышки переплета. Известно, что В. О. Ковалевский приехал в Лондон осенью 1861 г. и прожил там до начала 1863 г. В конце октября

715

1861 г. Герцен справлялся о нем у Ханыкова (см. XXVII, 908). В 1861 г. Герцен работал над вторым томом (ч. III, «Владимир-на-Клязьме») «Былого и дум», и Вятская тетрадь могла быть, в этой связи, у него под руками. Насмешка мертвого ~ флейта. – Запись (на л. 1) могла быть сделана в Петербурге весной 1841 г., после одной из бесед с Белинским. Рассказ В. Ф. Одоевского «Насмешка мертвого» впервые был опубликован в 1834 г. в альманахе «Денница», издававшемся М. А. Максимовичем; его же рассказ «Живописец (Из записок гробовщика)» впервые опубликован в «Отечественных записках», 1839, т. VI, № 10, отдел «Словесность», стр. 31–42. «Звезда» – повесть П. Н. Кудрявцева, заслужившая похвалу Белинского, была напечатана в «Отечественных записках» в марте 1841 г. (№ 3, отдел III, стр. 10–43). Последним названо также напечатанное в «Отечественных записках» (1841, № 2, отдел III, стр. 155) стихотворение В. И. Красова «Флейта», очень нравившееся Белинскому.

6 марта 1836. Вятка (!) – Дата указывает, вероятно, день получения или приобретения тетради. Обозначение года «1836» исправлено из «1835».

Восклицательный знак поставлен самим Герценом.

Fine Champagne™ Musa. – Первая надпись сделана на этикетке нарисованной бутылки шампанского. «Шампанское Эперне» – сорт вина, называвшийся по городу Эперне-на-Марне, где оно производилось. Вторая – на рисунке бокала: «Да здравствует искусство!» Рядом слова: «Братья. Муза». Записи сделаны, вероятно, в 1840 г. в Петербурге, после того как Г<е>рцен в обществе друзей отмечал свой день рождения. Очевидно, тогда же (тем же тонким пером и сохранившими свой цвет черными чернилами) была сделана надпись на обороте л. 85: «28».

Стр. 617–618. Sanguis perfectus™ S<anto> XXV. – Выписка (л. 3) из «Божественной комедии» Данте («Чистилище», песнь XXV, стихи 37–78), в которой излагаются средневековые представления о зарождении человека, его утробной жизни и происхождении разумной души. Данте Герцен читал и перечитывал в 1835 – 1838 гг., в 1837 г. представлял Данте в живых картинах, поставленных в доме Витберга в день его рождения, и неоднократно вспоминал об этом впоследствии. 18 июля 1835

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Герцен писал Кетчеру: «Да, кстати, я в Данте нашел вещь важную и дивную, новое доказательство его величия и силы; прошу покорнейше, г. путешественник, прочтите в *Del Purgatorio*, canto XXV о зарождении человека. Это *le dernier mot* нынешней философии зоогнозии, это мнение Жоффруа С.-Илера, вполне и еще полнее, ибо он распространил его и в растительное царство, и когда же, боже мой, когда же – во время Данта» (XXI, 46).

Стр. 618. Nur wer die Sehnsucht kennt ~ was ich leide! – песня Миньоны («Вильгельм Meister», ч. 1, кн. IV, гл. 11) «кто сам любил, поймет...». Вслед за этой выпиской находится на том же листе (4) заметка «Гретхен, в которую влюблен был Гёте...» (см. I, 330 и 523). Эта и другие выписки из Гёте сделаны на свободных листах, оставшихся после того, как в тетрадь были переписаны произведения самого Герцена, т. е. не ранее второй половины 1836 г., может быть, во Владимире, в 1839 г. или даже по отъезде оттуда, в 1840 г.

Symbolum™ Goethe (Loge). – Стихотворение Гёте «Символ», входящее в цикл его масонских стихотворений «Ложи» (1825), переписано на л. 101 и об. тетради, очевидно, во Владимире. Можно предполагать, что в руках у Герцена было штутгартское издание сочинений Гёте, либо 1827–1834 гг. (где это стихотворение занимает стр. 61–62 в третьем томе), либо одно из следующих изданий той же фирмы Котта. О присылке собрания сочинений Гёте Герцен просил весной 1839 г. (см. письмо к Кетчеру из Владимира от 15 – 17 марта, т. XXII, стр. 15).

Стр. 619. ... e rimasse immobile ~ Manzoni. – Выписка (л. 107 об.) из гл. VI романа А. Мандзони «Обрученные», сделанная, вероятно, в феврале 1838 г. 14 февраля Герцен писал Н. А. Захарьиной: «Я читаю теперь премилый

716 роман соч. Manzoni; у него то же заглавие, как и у нас: *I promessi sposi*» (XXI, 289). В распоряжении Герцена было, очевидно, брюссельское издание романа, вышедшее в свет в 1834 г. как видно из библиографических описаний, в этом издании сохранялась старинная манера писать в конце слова букву j вместо i. Эта особенность отразилась и в копии Герцена (слова *suoj ramj*).

«Ce que j'estime™ Luther (1524). – Выписка (л. 119 об.) из сочинения Мартина Лютера «*De servo arbitrio*» («О рабстве воли»). Герцен знакомился с произведениями Лютера по изложению и цитатам Мишле, выпустившего в 1835 г. в Париже два тома «*Mémoires de Luther écrits par lui-même. Traduits et mis en ordre par J. Michelet*», переизданные в 1837 г. в Париже и в Брюсселе. Герцен пользовался одним из этих повторных изданий. Эта и две другие выписки из первого тома книги Мишле о Лютере помещены на оставшихся свободными оборотах листов, т. е. в самое последнее время использования этой тетради, возможно, в начале 1841 г. (в письме к Огареву из Петербурга от 11–26 февраля 1841 г. Герцен приводит цитату из книги Мишле). Трактат Лютера был направлен против памфлета Эразма Роттердамского «*De libero arbitrio*» («О свободе воли»), опубликованного в 1524 г., и появился в свет в октябре того же года.

Перевод выписки Герцена из книги Мишле: «Я за то хвалю и уважаю тебя, что ты один разобрался в деле до конца, дошел до самой сущности, т. е. до свободы воли. Ты не досаждал мне посторонними делами вроде папства, чистилища, индульгенций и прочего вздора... Ты один ухватился за самый узел, ударил в самое горло. Спасибо, Эразм!».

L'Empereur ~ *Mémorial de S^{ainte}-Hélène*. Novemb^{re} 1815. (Т. I). – Выписки из книги Э. Лас-Каза «Воспоминания об острове св. Елены», знакомой Герцену с детства (первое издание ее вышло в 1823 г.), делались по изданию 1840 г., очевидно, уже в Петербурге, в 1840 г. или в начале 1841 г. Следы нового чтения Лас-Каза есть во второй части «Записок одного молодого человека», опубликованной в «Отечественных записках» в августе 1841 г. В тетради запись сделана на л. 120 и об.

Und so begann™ Aus meinem Leben. Т. 2. – Выдержки из «Поэзии и правды» Гёте также, вероятно, относятся ко времени после первой ссылки. Полного Гёте у Герцена не было ни в Вятке, ни во Владимире. 15 – 17 марта 1839 г. он писал Кетчеру о том, что выписал собрание сочинений Гёте (XXII, 15). Было ли оно получено, неизвестно. Можно полагать, что автобиографию Гёте Герцен читал во Владимире или уже выехав из Владимира и выписки сделаны в 1840 г.

Выдержка взята из книги VII второго тома «Поэзии и правды»: «Таким-то образом началось то направление, от которого я не мог уклониться во всю мою жизнь. То, что меня радовало или мучило, или вообще интересовало, я стремился превращать в образ и тем удовлетворять самого себя, чтобы исправить свои понятия о внешних предметах и успокоить свою душу. Дарование к этому никому не было нужнее, чем мне, который по своей природе бросался из одной крайности в другую. Поэтому все,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович что мною было опубликовано, представляет лишь отрывки одной большой исповеди, и настоящая книжка есть отважная попытка дополнить эту исповедь». (Пер. Н. А. Холодковского.)

В тетради эта выписка следует непосредственно за сделанной не раньше 1840 г. выпиской из Лас-Каза – внизу оборота л. 120 и в начале л. 121.

Der erste wahre [™] Goethe. Aus meinem Leben. – Выписана фраза, находящаяся несколькими страницами раньше предыдущей цитаты в той же VII книге второго тома: «Первое истинно высокое и настоящее жизненное содержание вложено было в нее <немецкую поэзию> Фридрихом Великим и подвигами Семилетней войны». В тетради эта выписка находится на л. 121. За ней

следует запись: «Итак: Протестантизм и Густав-Адольф...» (I, 331), которая также могла быть сделана только в 1840, а не в 1836 г.

Стр. 619–620. Ich möchte [™] Th<eil> 2. – Цитата из книги VIII второго тома «Поэзии и правды» Гёте. Она находится в конце книги и начинается так: «Я представлял себе божество, которое от вечности производит само себя...». Эти представления об истории сотворения мира, божестве и Люцифере перекликаются с несколько позднее сделанной выпиской из «Философского словаря» Вольтера. В тетради эта запись занимает лл. 121 об. –123 об.

Стр. 621. Unsere Wünsche [™] fühlen. – Выдержка взята из книги IX «Поэзии и правды»: «Наши желания – предчувствия скрытых в нас способностей, предвестники того, что мы в состоянии будем совершить ^ отдельная личность может быть только рада и счастлива, если она имеет мужество чувствовать себя частью целого». В тетради выписка занимает лл. 124–125.

...On nous dit ~ Mém<orial> de S<aainte>-N<é>lène. – Выписка из «Воспоминаний об острове св. Елены» Лас-Каза (20 мая 1816 г.). Перевод: «Говорят еще, что мы, узнав характер человека, получаем ключ к его поведению. Это неправда. Такой-то совершил дурной поступок, будучи в сущности порядочным человеком; другой, не будучи вовсе злым, сделал злое дело. Дело в том, что человек никогда почти не действует естественно и сообразно своему характеру, а под влиянием преходящих страстей, тайных, незаметных, скрытых в самой глубине его сердца» (л. 125).

Стр. 621–622. Premier chapitre du Schafte ^ Dict. Philos. de Voltaire (Ange). – Выписка с сокращениями (лл. 125 об. –126 об.) статьи «Ангел» из «Философского словаря» Вольтера. Каким изданием «Философского словаря» пользовался Герцен, установить трудно. Выписка была сделана очевидно, в 1840 г.

Стр. 622. Me voilà en Asie [™] le 18/29 mai 1767. – Выдержка из письма Екатерины II Вольтеру. Герцен пользовался не первым изданием (Кель, 1785), а изданием 1821 г. Выписанная Герценом часть письма от 18/29 мая 1767 г. была введена им в своем переводе в написанное в Вятке «Письмо из провинции» (см. I, 133).

Moscou est un monde [™] 6/17 octobre 1771. – Выдержка из письма Екатерины Вольтеру от 6/17 октября 1771 г.: «Москва это не город, а целый мир». В письме эта фраза следует за рассказом о чумном бунте и расправе толпы с архиепископом. Письмо Екатерины Герцен использовал в написанной в 1850 г. книге «О развитии революционных идей в России» (см. VII, 182).

Des pensées de Pascal [™] notre objet... – Выписки из «Мыслей» Паскаля (л. 127) сделаны по изданию, повторяющему издание Боссю (Bossut) 1779 г.

Перевод выписки: «Настоящее никогда не бывает нашей целью. Прошедшее и настоящее для нас средства, а стремимся мы только к будущему».

Стр. 622–623... Cet éloignement ~ voyons que nous. – Выписка из «Мыслей» Паскаля. Перевод:

«То, что люди бегут покоя, не умеют оставаться наедине с собой, имеет вполне действительное основание: оно состоит в нашем природном несчастном положении, мы слабы и смертны, мы столь жалки, что ничто не может нас утешить, когда ничто нам не мешает думать об этом, и когда мы видим только самих себя». Эту мысль Паскаля Герцен не раз вспоминал и цитирует ее, например, в книге «С того берега» (VI, 20 и 325).

Стр. 623. ...Il (Napoléon) appelait ^ том VU, page 220. – Выписка (л. 127) из книги Лас-Каза (6 ноября 1816 г.).

718

Перевод: «Наполеон называл эту великую борьбу наших дней войной полей против прилавков и крепостных стен против ремесленников».

La démocratie [™] etc., etc. – Выписка (л. 127) из той же книги (11 ноября 1816 г.). Перевод: «Демократия может прийти в ярость, но у нее есть человеческие чувства, ее можно тронуть; что же до аристократии, она всегда холодна и безжалостна и ничего не прощает».

...Le vrai est [™] de mes actes...> – Выписка (лл. 127 об. –128 об.) из той же книги (11 ноября 1816 г.).

Перевод: «На самом деле я никогда не располагал сам собой, я никогда не принадлежал себе по-настоящему».

Я мог составлять сколько угодно планов, но мне никогда не удавалось осуществить их. Я мог держать руль в руках, но, как ни сильна была моя рука, волны, налетавшие неожиданно вновь и вновь, были сильнее, и у меня хватало ума уступить им, а не идти ко дну, упрямо пытаюсь бороться с ними. Итак, я никогда не располагал собой, мною всегда управляли обстоятельства, так что, когда в начале моего возвышения, при консульстве, верные друзья, мои горячие сторонники спрашивали меня иногда <...> к чему я стремлюсь, я всегда отвечал им, что сам не знаю... и я говорил правду. Позднее, при империи, когда фамильярности было меньше, я читал тот же вопрос на многих лицах и мог бы повторить тот же ответ. Дело в том, что я не располагал собой...»

Er besitzt [™] Act II. Goethe. – Отрывок (л. 128 об.) из первой сцены II действия драмы Гёте «Торквато Тассо».

...Ведь обладает он

Всем тем, что мне – увы! – не достает.

Но пусть все боги собрались с дарами,

Когда малюткой спал он в колыбели,

Но грации отсутствовали там.

А кто лишен даров красавиц этих,

Тот может много дать, владея многим,

Но на груди его не отдохнешь.

(Пер. С. Соловьева).

Я ничего, я как для волка & один голос. М. Лютер. – Цитату из Лютера (из трактата «О рабском суждении») Герцен перевел сам – по книге Мишле («Mémoires de Luther...», Bruxelles, 1837, t. 1, p. 52. У Мишле: «Que sommes nous, nous autres? ce que le loup disait de Philomèle: Tu n'est qu'une voix: Vox es, praeterea que nihil». Филомела – соловей.

...L'unique disposition [™] Luther. – Выдержка из книги Мишле «Mémoires de Luther...», стр. 27. Один из тезисов Лютера в его полемическом выступлении 1517 г.: «Наилучшее и надежнее предуготовление к благодати и единственное средство получить ее есть воля господня, извечно и заранее предопределяющая нашу судьбу». В этой фразе содержится основное убеждение Лютера, противопоставившее его Эразму и другим гуманистам, – об отсутствии у человека свободы воли и невозможности самостоятельно определять свою судьбу.

Стр. 623–624. Landon [™] chrétienne». – Описание Лондона взято Герценом у мюнхенского архитектора Вибекинга, приводящего эту цитату в IV томе своего семитомного труда по истории архитектуры. Сочинение Вибекинга находилось, очевидно, в библиотеке Витберга. 12 декабря 1836 г. Герцен писал Н. А. Захарьину: «Знаешь ли, чем я теперь занимаюсь усердно и от души? Я достал огромное сочинение Вибекинга об архитектуре и перебираю эти памятники, отвердившие жизнь народов, – много мыслей родилось...» Чтение Вибекинга продолжалось и в 1837 г. и служило материалом при составлении совместно с Витбергом «Записок» (см. I, 380–456 и 531–534). Заметка самого Герцена об архитектуре («У египтян более гордости...» – I, 325–326) представляет собою отчасти вольный перевод, отчасти

719

размышления по поводу того, что сказано у Вибекинга в III томе (кн. V, гл. I, § 45, стр. 54–55) и IV томе (кн. V, гл. II, § 106 и заключение, стр. 77 и 106).

Отрывок более поздней рукописи, начинающийся словами «Есть высшая историческая необходимость...» (I, 326–328), также является осмыслением, а частью (предпоследний абзац) изложением текста Вибекинга (т. I, кн. I, § 6, стр. 3–4; § 9, стр. 6; § 17, стр. 13 – 14; т. II, кн. III, стр. 4, 33–34; кн. IV, гл. I, § 6, стр. 188–189; т. III, кн. V, гл. I, § 45, стр. 54–61; гл. II, § 106 и т. д.).

Отдельно внесенный в тетрадь (л. 129) отрывок о Лондоне содержит противопоставление архитектурных памятников и статуй разных эпох: средневековой готики, дышащей

благочестием, и языческой пышности нового времени. Цитата взята Вибекингом со стр. 89 книги: J. V. Bag] aud et Ch.–P. Landon. Description de Londres et ses édifices. P., 1810.

Стр. 624. Pour peu [™] t. 3 (1792–94), p. 387. – Выписка (л. 129) из многотомного собрания материалов о генерале Лафайете: «Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, publiés[iv] par sa famille». Bruxelles, 1837–1841. Эту книгу Герцен читал во Владимире в феврале и марте 1838 г. и неоднократно упоминал в переписке. Прославляемое в выписанном отрывке благородство Лафайета Герцен оценивал так: «Лафайет слишком честный человек, чтоб быть великим» (XXI, 297); «Лафайет очень посредственный человек, важнейшее его дело это пример аристократа-либерала <...> Твердость его в правилах смешна. Это <...> стоячесть ума узкого» (XXII, 14). В дневнике 1843 г. Герцен записал: «Самый трогательный пример вреда от настроений – Лафайет. Это идеализм в политике... Человек

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович рефлексии и теории не идет дальше грани, поставленной им самим, и тут всегда, при благороднейшем стремлении, при безусловной чистоте, при таланте, он тормозит ход происшествий, а так как гора крута, его расшибает, как жиронду» (II, 297). У Липперта [™] Schaller über Hegel. – Этот список книг, находившихся у друзей и знакомых Герцена, был, возможно, составлен перед отъездом его во вторую ссылку, в 1841 г. Некоторые книги принадлежали Герцену, другие он собирался прочитать. О немецкой книге по философии, имевшейся у его петербургского знакомого, переводчика К. Липперта, Герцен знал только понаслышке. Такого автора в немецкой литературе нет. Ошибка слуха или памяти слила в одно имя Бадерхоффер фамилии известного в первой половине XIX века писателя по вопросам философии Франца Баадера и издателя его сочинений Франца Гофмана (Franz Xavier Baader и Franz Hoffmann). Жан Ребуль де Ним (Jean Reboul de Nîmes) – булочник из французского города Ним, выпустивший в 1836 г. книжку стихов, получившую неожиданную популярность и пять раз переизданную в течение трех лет. В 1839 г. Ребуль приезжал в Париж и был горячо встречен почитателями. С ним, как и с другими популярными тогда поэтами из народа, поспешил увидеться кн. П. А. Вяземский. Новое издание стихотворений Ребуля вышло в 1840 г. О книге Г. К. Котошихина «О России в период царствования Алексея Михайловича» Герцен писал 23 января 1841 г. В. В. Пассеку и впоследствии упоминал ее не раз (в изд. 1841 г. имя автора ошибочно обозначено «Кошихин»). Отдельным изданием в 1841 г. В. А. Соллогуб выпустил несколько своих повестей, до того печатавшихся в журналах («На сон грядущий, отрывки из вседневной жизни». СПб., 1841). Книгу польско-немецкого философа Цешковского (August Cieszkowsky, 1814–1894) «Prolegomena zur Historiosophie» («Пролегомены к философии истории»), Berlin, 1838, Герцен выписал в 1839 г. во Владимир и, прочитав и одолив, знакомил с нею друзей. У Носкова, университетского товарища Герцена, должна была находиться двухтомная биография Фихте, изданная сыном философа («Johann Gottlieb Fichte's Leben und literarische Briefwechsel, hgg. von seinem Sohne», I–II. Salzburg, 1830), а также работы о борьбе школы Шеллинга с гегелевской, 720

что живо интересовало тогда круг друзей Герцена (см., например, запись в дневнике Герцена от 18 августа 1843 г.), в том числе книги Шаллера: «Geschichte der Naturphilosophie von Bacon bis auf neuere Zeit». Bd. I, Leipzig, 1841, и «Die Philosophie unsrer Zeit», Leipzig, 1837.

17 генваря [™] 22 октября. – Запись календарных дат (л. 143 об.): 17 января – день именин матери Герцена, 27 июня – день ее рождения; 29 августа – именины, а 22 октября – день рождения Н. А. Захарьиной.

3 мес. 29 дней ~ Июль. – Набросанная карандашом (л. 128 об.) запись сделана, вероятно, в Вятке и представляет счет времени со дня отправления в ссылку (10 апреля 1835 г.), либо со дня свидания с Натальей Александровной в Крутицких казармах (9 апреля).

Buridan [™] 3 часть. – Книги, которые Герцен, возможно, хотел увезти с собой в Новгород: сочинения средневекового философа Жана Буридана, швейцарца Лафатера и Гёте (в частности, 3-ю часть «Поэзии и правды»).

С.-Петербур<г>ски<й> жур<на>л ~ par Quetlet. – Названия изданий (л. 144 об.), с которыми Герцен собирался, вероятно, познакомиться: «Санкт-Петербургский журнал», издававшийся Министерством внутренних дел в 1804 – 1809 гг.; «Журнал Министерства внутренних дел» (в редактировании которого принимал участие В. Ф. Одоевский), выходивший с 1829 г. какое из произведений Лерминье, «Историю права» которого Герцен собирался перевести в 1833 году, имеется в виду здесь, сказать трудно. Может быть, это новая его книга – двухтомный сборник статей «Etudes d'histoire et de philosophie», Bruxelles, 1836. Последнее сочинение, также вышедшее в Брюсселе в 1836 г., принадлежит Жуберу Кетле (J. A. J. Quetelet; у Герцена эта фамилия написана неточно) – «Sur l'homme et le développement des ses facultés, ou essais de Physique sociale», t. I–II. Bruxelles, 1836.

Картинки к Шекспиру. – Запись сделана на внутренней стороне задней крышки переплета. Может быть, она относится к серии гравюр-иллюстраций к пьесам Шекспира, выполненных немецким художником М. Речем (Leipzig – London, 1828), или вышедшей несколько позднее «Галерее персонажей Шекспира», включающей более ста рисунков работы французского художника А. Пишо (Paris, 1844). Не исключена возможность и того, что Герцен имел в виду много раз выпускавшийся на разных языках в конце 1830-х годов парижским издателем De l'oué альбом с 45 «портретами» шекспировских героинь.

<ИЗ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ 1850–1860-х годов>

Печатается по автографу в Записной тетради Герцена (ПД). Выдержки из дневника Н. А. Герцен (Захарьиной) и из ее писем к Огареву Герцен внес в свою записную книжку, так как они служили ему материалом для «Былого и дум» (см. об этом IX, 330). Переписывая, Герцен многое изменял. Ср. печатаемый в наст. томе текст с

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович подлинными записями Н. А. Герцен, перепечатанными в т. IX, стр. 271–275.

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ. ДАРСТВЕННЫЕ И ДРУГИЕ НАДПИСИ

1. НАДПИСЬ НА ТЕТРАДИ, ПОДАРЕННОЙ Т. П. ПАССЕК

Печатается по тексту «Русской старины», 1873, № 2, стр. 201, где опубликовано в составе воспоминаний Т. П. Пассек «Из дальних лет» (см. Пассек, I, 179).

2. НАДПИСЬ НА СТАКАНЕ, ПРИСЛАННОМ Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ ИЗ КРУТИЦ

Печатается по подлиннику (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 63, стр. 789. На футляре надпись Н. А. Герцен-дочери по-французски: «Стакан, который был у папаши в тюрьме в 1834 году».

3. ВЯТСКОМУ ЗЕМСКОМУ ИСПРАВНИКУ

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в Кировском областном архиве.

4. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Печатается впервые, по автографу (ЦГАЛИ). Вероятно, брошюра была послана В. А. Жуковскому Герценом вскоре после выхода ее в свет, в начале декабря 1837 г.

5. НАДПИСЬ НА ЗОЛОТОМ КОЛЕЧКЕ, ПОДАРЕННОМ Н. А. ГЕРЦЕН

Печатается по тексту, приведенному в описи мемориальных вещей Герцена, которую сделала Е. С. Некрасова. Впервые опубликовано: ЛН, т. 63, стр. 789.

Местонахождение этого «количка эмалевого с тремя бриллиантами» неизвестно.

Некрасова сделала в описи помету, свидетельствующую о том, что она не уверена в правильном прочтении этой надписи.

6. ДОВЕРЕННОСТЬ И. Я. ШУЛЬЦОВУ

Печатается впервые по подлиннику (ГЛМ). Написано на гербовой бумаге писарской рукой с печатью Московской палаты гражданского суда. Подпись – рукой Герцена.

7. НАДПИСИ НА РИСУНКЕ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ М. К. ЭРН: «ПЛАВАНИЕ МАРИИ КАСПАРОВНЫ ПО РЕКЕ ПО СХОДНЕ»

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 39–40, стр. 125. Лицо М. К. Эрн срисовано с ее портрета, сделанного в 1845 г. К. А. Горбуновым (ср. ЛН, т. 63, стр. 421). В автографе первоначально вместо: Выйду ль я из реченьки было: Выйду ль я на реченьку.

8. НАДПИСЬ НА ПИСЬМЕ И. П. ГАЛАХОВА

Надпись и карикатурный рисунок сделаны на письме И. П. Галахова от 23 августа 1846 г. (см. ЛН, т. 63, стр. 857).

9. CONVENTION

Печатается по тексту л V, 293–295, где опубликовано впервые. Автограф неизвестен. Русский перевод впервые напечатан в «Былом», 1907, № 4 и полностью приведен в комментариях к тому XXIII наст. издания, стр. 399–400.

Авторство Герцена устанавливается по ответному письму Прудона (от 23 августа), внесшего в текст отдельные изменения: «Отвечая на ваше дружеское письмо от 19 текущего месяца, имею честь сообщить вам положения и условия нашего с вами договора относительно залога для «La

Voix du Peuple», согласно проекту, который вы сами пожелали мне прислать. Не найдя в этом проекте ничего, кроме самого разумного и справедливого, я ограничился тем, что переписал его почти слово в слово <...> единичные изменения, которые я себе позволил внести, сделаны только для большей ясности... Итак, решено, что, под моим общим руководством, вы принимаете участие в редактировании «La Voix du Peuple», что ваши статьи принимаются без всякого контроля, кроме того, к которому редактора газеты обязывают уважение к собственным принципам и страх перед законом... что же касается оценки внешних событий, мы всегда будем вынуждены обращаться к вам» (XXIII, 459).

10. М. К. РЕЙХЕЛЬ

Печатается впервые, по автографу Луизы Суццер (ЦГАЛИ).

3 декабря 1851 г., рассказывая о гибели своей матери и младшего сына Герцен писал М. К. Рейхель: «В тот же вечер <17 ноября> отправился я в Nuèges. У меня была смутная надежда на спасенье Коли, насчет маменьки я не надеялся, Луиза видела, как она поскользнулась и упала в море. Вечером с жандармами и комиссаром осматривал тела, наших не было. Тяжело было ехать назад с такою вестью, что сказать – но и тут на дороге я думал об вас не меньше, чем о Наташе, я слышал, что вы сами кормите. Я продиктовал Луизе первое письмо, чтобы вас приготовить» (XXIV, 212). Публикуемый текст и является тем письмом, которое Герцен продиктовал Луизе Суццер (племяннице Л. И. Гааг, находившейся вместе с ней на тонущем пароходе). Не исключено, однако, что Суццер внесла в текст письма что-то и от себя (поэтому письмо печатается в разделе «Приложения»).

11. ПОМЕТЫ И ПОПРАВКИ НА РУКОПИСИ СТАТЬИ Н. П. ОГАРЕВА 1857 г. «ЧТО БЫ СДЕЛАЛ ПЕТР ВЕЛИКИЙ?»

Печатается по автографу (ЛБ) статьи Н. П. Огарева «Что бы сделал Петр Великий?», относящейся к первым месяцам 1857 г. (статья предназначалась для публикации в первом листе «Колокола»). Строки Герцена впервые опубликованы: Огарев, т. II, стр. 25, 26.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

12. ЗАМЕЧАНИЯ НА РУКОПИСИ ЗАМЕТКИ Н. П. ОГАРЕВА 1858 г. «ПРОЛЕГОМЕНА АД ГИСТОРИОСОФИАМ»

Печатаются по автографу (ЛБ) заметки Н. П. Огарева «Пролегомена ад гисториософиам» («Введение в теорию истории»), датированной им «20 февраля». Впервые опубликовано: Огарев, т. II, стр. 50–52. В рукописи рукой Герцена, кроме того, поставлен знак NB против двух следующих фраз Огарева: «Само же движение есть чувство гармонии, красоты, изящества. Оба данные обуславливают потребность знания».

13. ПОПРАВКИ В ЗАПИСКЕ Н. П. ОГАРЕВА 1860 г. О ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ

Печатаются по автографу[у] (ЛБ) записки Огарева в его записной книжке № 22, датируемой 1860 годом. Впервые опубликовано: ЛН, т. 39–40, стр. 323–328 (публикация Б. П. Козьмина

«Неизданные публицистические тексты Н. П. Огарева. II. Записка о тайном обществе»). В рукописи, кроме того, имеется ряд вычерков, сделанных, видимо, также рукой Герцена (см. указанную выше публикацию статьи Огарева).

723

14. НАДПИСЬ НА БУМАГЕ С ЗАВЕРНУТЫМИ В НЕЕ ЛАВРОВЫМИ ЛИСТЬЯМИ

Печатается по автографу (ГЛМ). Впервые описано (с неточным прочтением текста) в серии «Бюллетени Государственного литературного музея», № 5 – «Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка и документы», М., 1940, стр. 88.

15. НАДПИСЬ НА ФОТОГРАФИИ ОРГАНА В ФРИБУРГЕ

Печатается по автографу на фотографии (ГЛМ). На обороте фирменный знак фотографии: P. Rossier. Photographe à Fribourg. Репродукцию фото см. на стр. 636 наст. тома. Впервые описана как «дарственная надпись Лизе Герцен» (с неточным прочтением текста) в серии «Бюллетени Государственного литературного музея», № 5 – «Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка и документы», М., 1940, стр. 240.

Орган в фрибургском соборе св. Николая работы А. Mooser был достопримечательностью города и считался одним из красивейших в Европе.

16. В. И. КАСАТКИНУ

Печатается впервые, по автографу (ПД).

17. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Печатается впервые, по автографу на обороте фотографии Герцена 1865 г. (см. т. XXVIII, фронтиспис), хранящейся в Краеведческом музее г. Кургана.

18. ПОМЕТА НА РУКОПИСИ «MEMOIRES D'UNE IDEALISTE» М. МЕЙЗЕНБУГ

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 63, стр. 726. Год уточняется по времени печатания «Мемуаров идеалистки» М. Мейзенбуг в типографии Л. Чернецкого (вторая половина 1868 г.).

19. ПОМЕТА НА РУКОПИСИ СТАТЬИ Н. П. ОГАРЕВА 1869 г. «С УТРА ДО НОЧИ»

Печатается по автографу (ЛБ) статьи Н. П. Огарева «С утра до ночи», над которой Огарев работал в феврале – марте 1869 г. В состав этого произведения он включил из «старых бумаг» текст «начала одной статьи» – «Значение мены и ценности». Замечание Герцена сделано на полях рукописи этой статьи.

Строки Герцена впервые опубликованы: Огарев, т. II, стр. 197.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ К ТЕКСТАМ И КОММЕНТАРИЯМ

ТОМОВ I–XXX

727

Том I

ГОФМАН

Номер «Телескопа» 1836 г., в котором впервые опубликован был очерк «Гофман», сохранился в библиотеке Пушкина, причем разрезаны были в нем лишь страницы со статьей Герцена (Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина, СПб., 1910, стр. 135).

Много лет спустя, в связи с проектом издания в России однотомника избранных произведений Герцена, напечатанных до выезда его за границу, он писал 21 февраля 1869 г. Огареву: «Хорошо, если бы в сборнике не забыли „Гофмана“ – первую статью, помещенную в „Телескопе“ в 1836 году, рядом с чаадаевской статьей. Это – статья детская, но забавна» (XXX, 44). Об этом же Герцен писал А. В. Скалону 19 мая 1869 г.: «Может, вам лучше начать с повестей. Я даже советовал бы начать с моей очень незрелой статейки о Гофмане, помещенной в „Телескопе“, в самом последнем номере. Она представит исторический курьез» (XXX, 118). В вышедшем в свет в Москве сборнике «Раздумье (Разные вариации на старые темы)» эта просьба Герцена была выполнена.

Об особенностях отношения Герцена к поэтике и эстетике Гофмана см. статью

А. Л. Дымшица «Вопросы романтизма в литературной деятельности молодого А. И. Герцена» («Ученые записки Ленингр. гос. пед. института им. А. И. Герцена», т. 120, 1955, стр. 163–164).

ЛЕГЕНДА

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 Первая публикация повести в журнале «Русская мысль» разрешена была цензурой в результате специального обращения начальника Главного управления по делам печати П. П. Вяземского к обер-прокурору Святейшего синода К. П. Победоносцеву. В ответном письме последнего от 23 ноября 1881 г. отмечалось, что «в церковном отношении» он «не предвидит от нее <повести> соблазна, ибо она содержит в себе поэтическую переделку Жития св. Феодоры, без всякого критического отношения к предмету повествования» («Филологические науки», 1962, № 3, стр. 125–127).

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА
 К стр. 110.
 ...92 год проглядывал сквозь туманы Assemblée Nationale... – Намек на известное выражение из автобиографического стихотворения Виктора Гюго «Ce siècle avait deux ans» («Веку нынешнему тогда было два года») – 728

«Les Feuilles d'Automne» («Осенние листья», 1831): «Déjà vi[vi] Napoléon perçait sous Bonaparte» («Уже Наполеон проглядывал сквозь Бонапарта»).

К стр. 112.
 ...ses amis les ennemis... – Из стихотворения Беранже «L'opinion vii[vii] de ces demoiselles».

К стр. 122.
 ...красавица Венеция, Sara la baigneuse... – Герцен сравнивает Венецию с образом «купальщицы Сары», созданным В. Гюго в стихотворении «Sara la baigneuse» (сборник «Les Orientales» – «Восточные мотивы»).

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ
 К стр. 132.
 5 св. Вместо: сжались должно быть: сжились В тексте первоисточника явная опечатка.

ЕЛЕНА К стр. 142.
 ...«как струя дыма в воздухе». – Цитата из «Ада» Данте.

О СЕБЕ К стр. 177.
 Bon! La farira dondaine. Gai! La farira dondé! – Припев из песни Беранже «La Musique».

ИЗ РИМСКИХ СЦЕН К стр. 184.
 26–28 св. Вместо: существовать, любить – два великие начала и два великие окончания природы, положив в основу ей Венеру должно быть: существовать, любить – два великие начала и два великие окончания природы. Любовь – огонь, льющийся по жилам космоса, без него бы все окоченело, все сосредоточилось бы в эгоизме. Лукреций прав, он постигнул тайну природы, положив в основу ей Венеру.

К стр. 188.
 19 св. Вместо: закалывают должно быть: закаляют К стр. 193
 33 св. Вместо: Но кто мощный должно быть: Но кто? кто мощный К стр. 194.
 26 св. Вместо: Кружок обдерганных плебеев должно быть: Кружок обтерханных плебеев

Поправки даются по первопечатному тексту («Русская старина», 1876, № 11, стр. 551–559); см. публикацию А. Н. Дубовикова – ЛН, т. 63, стр. 620–621.
 Историко-литературный комментарий к этим сценам см. в статье А. А. Тахо-Годи «Проблемы античной культуры у Герцена» («Ученые записки Моск. обл. пед. института», т. XXVI, вып. 1, М., 1953).

ЗАПИСКИ ОДНОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА
 О месте «Записок одного молодого человека» в творчестве Герцена и в литературно-политической борьбе периода 1839–1841 гг. см. статью Т. И. Усакиной «Повесть Герцена „Записки одного молодого человека“» («Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 147–171).

729
 К стр. 280.
 «Наш век – век чудес», – говаривал Фонтенель... – Возможно, ошибка Герцена. В трагедии Расина «Аталия», д. 1, явл. I: «Et quel temps fut jamais si fertile en miracles?».

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О РУССКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
 К стр. 320.
 В гражданском обществе (dans le fait social) прогрессивное начало есть правительство, а не народ. – Эта же концепция, характеризующая взгляды Герцена на русский исторический процесс до Отечественной войны 1812 г. и появления первых организаций декабристов, лежит в основании третьей главы работы «О развитии революционных идей в России» (VII, 170).
 Политические формулировки Герцена очень близки сентенциям П. Я. Чаадаева, включенным в его проект объяснительной записки по поводу запрещения журнала И. В. Киреевского «Европеец» в 1832 г.: «Везде правительства следовали импульсу, который им давали народы, и поныне следуют оному, между тем как у нас

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
правительство всегда шло впереди нации, и всякое движение вперед было его делом»
(«Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. II, 1914, стр. 306–307. Перевод с
французского). Перефразировкой этой мысли Чаадаева явились и известные строки
Пушкина, вложенные им в уста московского либерала, полимизирующего с
«Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева: «Не могу не заметить, что со
времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди
на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а
иногда и неохотно» (А. С. Пушкин. Соч., т. XI, 1949, стр. 244). Об этом же
заявлял в 1839 г.

В. Г. Белинский в статье о «Бородинской годовщине» В. А. Жуковского: «У нас
правительство всегда шло впереди народа, всегда было звездою путеводною к его
высокому назначению» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III, 1953, стр.
246). Подробнее см. обзор Ю. Г. Оксмана «Новое издание Герцена» («Известия
Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1956, вып. 2, стр. 166–171).
ЗАМЕТКИ ИЗ «ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ 1836 г.»
к стр. 30.

...«И беси веруют и трепещут!» – Цитата из Послания Иакова, гл. 2, 19.

В АЛЬБОМ В. А. ВИТБЕРГ к стр. 331.

8–7 сн. Вместо: <при>зывала должно быть: сзывала

Исправляется по автографу в альбоме, хранящемся в ГЛМ. Запись Герцена сделана на
л. 55 альбома, содержащего иллюстрации, карандашные рисунки, нотные записи. Фото
автографа см. на стр. 732.

730

РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ ПРИ ОТКРЫТИИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ В ВЯТКЕ 6 ДЕКАБРЯ
1837 года

О перепечатке этой речи после 1837 г. в «Вятских губернских ведомостях» от 21
апреля 1862 г., а затем в «Северной пчеле» от 9 мая 1862 г. см. XVI, 119–120 и
392–394. О запрещении перепечатки этой же речи в «Памятной книжке Вятской
губернии на 1870 год» см. материалы переписки Главного управления по делам
печати с вятским губернатором от 29 декабря 1869 г. и 29 января 1870 г.
(«Красный архив», 1940, № 1, стр. 252).

ВОТЯКИ И ЧЕРЕМИСЫ

Доселе не было ничего полного собрано ни о их быте, ни о их религии... – Работа
Герцена над «Статистической монографией Вятской губернии», откуда очерк «Вотяки
и черемисы» был извлечен для публикации в «Прибавлениях» к «Вятским губернским
ведомостям» (1838 г.), относится к 1835–1837 гг. Между тем, за полтора года до
появления в печати очерка «Вотяки и черемисы» в журнале «Современник»,
издававшемся Пушкиным, была опубликована статья А. Емичева «Мифология вотяков и
черемис» («Современник», 1836, т. 2, стр. 180–188). По своему материалу статья
эта была очень близка данным статьи Герцена, что объясняется, видимо,
восхождением их обеих к документам архивов канцелярии вятского губернатора и
вятской духовной консистории об «идолопоклоннических жертвоприношениях в
Серпурской волости Уржумского уезда» в 1828 г. Документы эти частично
опубликованы в статье А. А. Андриевского «Дела о совершении языческих обрядов и
жертвоприношений» («Столетие Вятской губернии. 1780 – 1880. Сборник материалов к
истории Вятского края», т. 2, Вятка, 1881, стр. 540–541).

А. И. Емичев был уездным судьей в г. Слободском, а затем дворянским
заседателем в Вятском губернском суде. В 1835 г. в «Телескопе» и в «Библиотеке
для чтения» он печатал повести, а в начале 1836 г. опубликовал книгу: «Рассказы
дяди Прокопья, изданные

А. Емичевым», СПб., 1836. В конце 30-х годов А. Емичев состоял на службе в
Сенате в должности секретаря 2-го департамента. Ни в произведениях Герцена, ни в
дошедших до нас частях его переписки не сохранилось никаких упоминаний об А. И.
Емичеве и его статье в «Современнике».

ОТ РЕДАКЦИИ

к стр. 377.

11 св. Вместо: жизни и пролившей должно быть: жизни, пролившей

Поправка дана самим Герценом в «Прибавлении» к «Владимирским губернским
ведомостям» от 24 декабря 1838 г., № 51.

731

ТОМ II

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ

к стр. 33.

Статья эта нравилась многим и обошла всю Россию в рукописных копиях. – Об успехе
нелегальных чтений статьи «Москва и Петербург» в конце 40-х годов (вероятно, в
кружке И. И. Введенского) см. воспоминания А. А. Чумикова в письме к Герцену от
5 августа 1851 г. (ЛН, т. 62, стр. 718).

В письме анонимного корреспондента Герцена из Петербурга (без даты) сохранились

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович строки, проливающие свет на происхождение того списка статьи «Москва и Петербург», который был опубликован в «Колоколе» 1857 г., л. 2: «Я не могу послать ничего, кроме вашей же статьи „Москва и Петербург“. Мне приятно убедить вас и в том, как свято берегаются у нас ваши рукописи» («Полярная звезда на 1856». книжка вторая. Изд. 2-е, Лондон, 1858, стр. 254).
К стр. 39.

Белинский, проповедовавший в Москве народность ~ заткнул за пояс самого Анахарсиса Клоца. – Возможно, что Герцен по некоторым литературно-тактическим соображениям (Бакунин был в это время в ссылке) переадресовал в 1857 г. Белинскому строки, имевшие в виду в 1842 г. Бакунина. Имя Бакунина значится и в старейших списках памфлета, автограф которого до нас не дошел. Об этом см. Ю. Г. Оксман. Новое издание Герцена. – «Известия ОЛЯ АН СССР», 1956, вып. 2, стр. 168–169.

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ И ВЛАДИМИР-НА-КЛЯЗЬМЕ
К стр. 44.

...тут природа с величайшим усилием, как сказал Грибоедов, производит одни веники... – У Грибоедова: «Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели» («Загородная поездка (отрывок из письма южного жителя)», впервые опубликовано в «Северной пчеле» от 26 июня 1826 г., № 76).

КАПРИЗЫ И РАЗДУМЬЕ
К стр. 69.

«Марфа, Марфа, ты печешься о многом, а одно потребно, – Мария избрала благую часть». – См. XVIII, 367 и 634. То же XIV, 33.

732

О ПУБЛИЧНЫХ ЧТЕНИЯХ г-на ГРАНОВСКОГО (письмо второе)
К стр. 124.

Sine ire et studio! – формула из «Анналов» Тацита.
К стр. 125.

15 сн. Вместо: условимо должно быть: уловимо Поправка Герцена на оттиске статьи, подаренном К. Д. Кавелину (см. XXII, 281 и 431).
...воззрению, которое ~ приводило судьбы мира в зависимость от очертания носа у Клеопатры. – Герцен имеет в виду строки Паскаля «Нос Клеопатры: если б он был короче, весь облик мира изменился бы» (*Pascal. Pensées*, II).

ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ г-на ПРОФЕССОРА РУЛЬЕ
К стр. 143.

Это уже не Эпиктетов «Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо». – Цитата взята из Теренция. См. «*Neauton timorumenos*» («Самоистязатель»), I, 75–77.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЧЕСТИ
К стр. 170.

...«*natura*, – говорили древние, – *abhorret saltus*». – Герцен соединил в одну две сентенции: одну действительно древнюю, восходящую к Аристотелю – *Natura abhorret vacuum* (Природа не терпит пустоты), и другую, сформулированную впервые Линнеем, – *Natura non facit saltus* (Природа не делает скачков).

ДНЕВНИК 1842–1845
К стр. 242.

Vanitas! Vanitas! – книга Екклесиаста, гл. I, 2. То же VI, 112.

Письмо от Белинского. – О содержании несохранившегося письма Белинского, кратко изложенного и обобщенного в дневниковой записи Герцена, можно судить еще по отправленному Белинским тогда же письму к М. А. Бакунину (см. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, М., 1956, стр. 113–115).
К стр. 259.

22 св. Вместо: постановляет в люди <2 нрзб.> безличных рабов должно быть: постановляет в люди нас, восточно безличных рабов
К стр. 266.

4 св. Вместо: выйти из <1 нрзб.>, в котором сидел должно быть: выйти из кантина, в котором сидел
Кантин – погребок, от «*cantine*» (франц.).
К стр. 286.

...«взойдет заря пленительного счастья»... – Из послания Пушкина «К Чаадаеву».
К стр. 299.

В автографе читается: захлогшую; очевидно, описка.

733

К стр. 299–300.

Человек, отрекшийся от всего бывшего страны своей ~ имеет в себе что-то революционное, хотя и на троне... – Эта характеристика Петра I впоследствии легла в основание главы «*Pierre Ier*» в книге: «*Du développement des idées révolutionnaires en Russie*» (VII, 170–175).

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 К стр. 341.
 Vae victis! – Из «Истории» Тита Ливия (гл. 5, 48). То же VI, 13; XII, 42, 106.
 К стр. 348.
 Однажды ~ Петр стал приставать к Ягужинскому... – Этот анекдот Герцен использовал впоследствии в главе «Pierre Ier» в книге «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (VII, 170 – 171).
 К стр. 354.
 ...чаять жизни будущего века. – «Чаю воскресенья мертвых и жизни будущего века» – заключительные слова «Символа православной веры». То же XVI, 190.
 К стр. 375.
 ...имущество, точимое молью. – Цитата из Евангелия от Луки, гл. 12, 33; от Матфея, гл. 6, 19–20.
 К стр. 385.
 ...один испанский exaltado говорил, что Бакунин далеко ушел. – Герцен имеет в виду остроу
 В. П. Боткина, которому посвящена вся дневниковая запись от 30 сентября 1844 г., связанная с встречей Герцена в этот день с Арманс, женою Боткина, только что возвратившейся из Парижа. Именно она, видимо, привезла письмо Боткина (до нас не дошедшее) о встречах его с Бакуниным в Париже и о предстоящей поездке Боткина в Испанию.
 К стр. 407.
 «Encore une étoile qui file et disparaît! – Из песни Беранже «Les étoiles qui filent».
 Том III
 ДИЛЕТАНТИЗМ В НАУКЕ
 К стр. 54.
 ...зодчество ~ ««как остывшая музыка»... – См. Шеллинг. Vorlesungen über Philosophie der Kunst, стр. 576.
 К стр. 46.
 Жерновик учил, помнится, английского короля... – Имеется в виду король Георг III и хорватский скрипач-виртуоз Иван Мане Ярнович (ок. 1740 – 1804), выступавший в Лондоне с 1792 по 1796 г. О различных эпизодах жизни этого музыканта Герцен мог узнать из романа: «D e snü iresterres Gustave Le Brisoys». Jarnowick (XVIIIe siècle) par Gustave Desnoiresterres. Paris, 1844, vol. 1–2, а также из новеллы «Une leçon de Jarnovich» в книге: «Monnais Désiré Guillaume Edouard». Esquisses de la vie d'artiste par Paul Smith. Paris, 1844, vol. 1–2. Тот же анекдот о Жерновике приведен Герценом и в его статье «Сто пятнадцать благородных офицеров» (см. XV, 28–29).
 К стр. 57.
 ...consummatum est... – «Свершилось!» – по преданию, предсмертный возглас Иисуса (Евангелие от Иоанна, гл. 19, 30). То же III, 307.
 К стр. 63.
 ...современное поколение ^ смелее открывает последние завесы Изиды... – Мистический культ древнеегипетской богини Изиды предписывал держать ее лик сокрытым завесой, ибо тайны, хранимые ею, почитались недоступными смертным. Возможно, образ Изиды подсказан Герцену стихотворением Шиллера «Das verschleierte Bild zu Saïs», в котором юноша в поисках истины срывает завесы Изиды.
 К стр. 64.
 Погубящий свою душу найдет ее. – Из Евангелия от Матфея, гл. 10, 39.
 ПИСЬМА ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ
 К стр. 106.
 ...это та самая метода, по которой человеческий портрет рядом подобных копий сводится на изображение фрукта. – Герцен намекает на нашумевшую карикатуру художника Ш. Филиппона, изображившего короля Луи-Филиппа в четырех последовательных видоизменениях – от человека до груши, при сохранении сходства с прототипом («Charivari» от 17 января 1834 г.).
 Не помню, где и когда я читал ~ Кант – Мирабо, Фихте – Робеспьер, а Шеллинг – Наполеон... – Это сравнение, заимствованное из статьи Э. Кине, впервые отмечено Герценом в «Отдельных мыслях» (I, 135).
 К стр. 190.
 ...Аристотель был схоронен ~ пока аравитянин не воскресил его и не привел в Европу... – Имеется в виду арабский мыслитель Ибн-Рошд, или Аверроэс (1126–1198), последователь и истолкователь Аристотеля, известный своими комментариями к его сочинениям.
 К стр. 222.
 ...Ахилл сказал Улиссу в преисподней, что он пошел бы в рабы, лишь бы на землю... – Герцен имеет в виду рассказ об этом в «Одиссее» Гомера, песнь

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
одиннадцатая.

К стр. 268.

Гоббс ~ в одном деспотизме находит условие гражданского благоустройства. – Речь идет о сочинении Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства, церковного и гражданского» (1651). Органическая социология Гоббса привлекла особое внимание Герцена в связи с полемическими задачами седьмого и восьмого писем, направленных против вульгарного материализма (см. далее примеч. к стр. 303). Герцен с исключительной проницательностью уловил связь между последующими теоретиками собственнического государства и Гоббсом, который обосновал необходимость деспотизма несовершенством человеческой природы, звериными инстинктами, грозящими людям «повальным безумием», если не держать «в узде» их страсти. Против концепций, генетически связанных с договорной теорией Гоббса, Герцен выступил в повести «Доктор Крупов», воспользовавшись некоторыми сатирическими находками автора «Левиафана», которого он ставил тогда в один ряд с Шекспиром – за «смелость и консеквентность» обличения (III, 310). Подробнее об этом см. в статье Т. И. Усакиной: А «Krupov doktor» – Herzen filozofiai elbeszelese. – «Filologiai közlöny», 1963, IX evf.; 3–4 szam, Akademiai klado, Budapest.

К стр. 303.

...французы отрицали все нечувственное и, как черепословы, стремились истолковать мысль бугорками и углублениями... – Характеризуя антагонистов фикте, Герцен намекает на позитивистские теории. В 1844 – 1845 гг. Огюст Конт читал в Сорбонне публичные лекции о важности физиологии, в частности френологии, для объяснения жизни общества в целом. Под впечатлением этих лекций В. П. Боткин, Н. П. Огарев, Н. Г. Фролов и другие его русские слушатели усмотрели в «живом организме» путь «к изучению мирового процесса» («Русская мысль», 1891, № 6, стр. 20). Отвергая универсальность антропологического метода, Герцен обличил метафизическую ограниченность французского вульгарного материализма на примере школы Бэкона (в том числе и Гоббса), прямо отождествлявшей биологические и социальные процессы. В пародийно-гротескных формах беспомощность реалистического воззрения этого типа показана была на страницах «Кто виноват?» и «Доктора Крупова».

...в материализме далее Гоббса идти некуда – разве броситься в скептицизм... – Мысль о потенциальном скептицизме «реалистической» философии Герцен подкрепил ссылкой на «Левиафана» (см. выше) и несколькими месяцами позднее реализовал в повести «Доктор Крупов». В этой же связи Герцен вспомнил о «Левиафане» в одной из последних своих повестей – «Aphorismata по поводу психиатрической теории д-ра Крупова».

736

Том IV

КТО ВИНОВАТ?

Роман «Кто виноват?» был очень популярен в кругах петрашевцев. Формулируя новые принципы социально-философской художественной прозы, В. Н. Майков писал в июльской книжке «Отечественных записок» 1846 г.: «Беллетрист в истинном смысле слова, Протей между беллетристами, у нас один: это – автор романа „Кто виноват?“ <...> для него жизнь и наука составляют совершенное тождество <...>, так что на всю его художественную деятельность мы не можем смотреть иначе, как на средство выражения его идей в самой популярной форме, возводимой иногда наблюдательностью до художественности» (В. Н. Майков. Сочинения, т. I, Киев, 1901, стр. 177). Увлеченность герценовской прозой, поддержанная авторитетом Белинского и В. Н. Майкова, сказалась больше всего на творчестве молодого Салтыкова, члена майковско-милютинского кружка, связанного с обществом Петрашевского. Проблематика первой повести Салтыкова «Противоречия» (1847), сюжетно близкой роману «Кто виноват?», прямо перекликалась с содержанием последнего. «Кто виноват?» – спрашивал писатель и продолжал, перефразируя эпиграф к роману Герцена: «В этом-то и загадка вся, что этого-то и невозможно определить теперь, потому что средств еще нет... Со временем это откроется, и виноватый отыщется, а теперь...» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. I, М., 1941, стр. 110). Вслед за Герценом Салтыков обличал жизнь в «неразумии» и «ненормальности» всех имущественных установлений, сочувственно вспоминая об «остроумной теории доктора Крупова» (там же, стр. 339). Воздействие беллетристики Герцена на свое раннее творчество Салтыков-Щедрин отметил в автобиографии 1878 г. (там же, стр. 82). Обзор высказываний критиков и первых читателей романа «Кто виноват?» см. в «Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена» под ред. М. К. Лемке, т. IV, 1915, стр. 450–460. Высокую оценку романа «Кто виноват?» см. в письме Д. В. Григоровича от 3 (15) мая 1897 г. («Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 35). Об откликах на этот же роман в немецкой печати см. книгу: Eberhard Reissner. Alexander Herzen in Deutschland. Berlin, 1963.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Философско-историческая проблематика романа «Кто виноват?» освещена в статье Т. И. Усакиной «О философском содержании художественной прозы Герцена сороковых годов» – сб. «Вопросы славянской филологии». Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1963.

...солнце всходило... Гейне совершенно прав, говоря, что это – старая штука: отсюда оно всходит, а там садится... – Имеется в виду стихотворение 10 из цикла Гейне «Новые стихотворения» («Разные», «Серафина»):

Девушка, стоя у моря,
Вздыхала сто раз подряд –
Такое внушал ей горе
Солнечный закат.
Девушка, будьте спокойней,
Не стоит об этом вздыхать –
Вот здесь оно спереди тонет
И всходит сзади опять.
(Пер. Ю. Тынянова).

К стр. 131.

...древние говорили: *mens sana in corpore sano*. – Выражение из 10-й сатиры Ювенала.

К стр. 154.

...Байрон очень справедливо сказал, что порядочному человеку нельзя жить больше тридцати пяти лет. – Имеются в виду начальные строфы песни 12-й поэмы «Дон-Жуан». Возможно, Герцен читал «Дон-Жуана» в прозаическом французском переводе Б. Лароша (Париж, 1837), где в комментариях к песне 12 приводится аналогичное высказывание Байрона в одном из его писем.

К стр. 167.

1 –2 св. Вместо: глаза го горели кротко; юно, счастливо я смотрел на него должно быть: глаза го горели кротко, юно, счастливо; я смотрел на него

К стр. 171.

Человек в человеке всегда видит неприятеля, с которым надобно драться... – Возможно, намек на гоббсовскую теорию «войны всех против всех», о которой Герцен вспоминал в «Письмах об изучении природы» (III, 268). Впервые этот мотив «постоянной войны» между людьми прозвучал в повести «Доктор Крупов», где Герцен иронически обыграл его, упомянув о сочинении Крупова по сравнительной психиатрии: «Глава IV. Марсомания, отделение 1. Марсомания мирная и т. д.» (IV, 246 и 256). На страницах «Кто виноват?» Герцен передал Бельтову роль обличителя в круповском духе, социально мотивируя и углубляя критику неразумия действительности. Об этом же см. выше, примеч. к т. III, стр. 268 и 309.

Видала ль ты ~ Се жизнь теперь моя... – Из трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», д. II, явл. 1.

«СОРОКА-ВОРОВКА»

О прототипе героини повести – крепостной актрисе Кузьминой – см. сообщение Т. С. Грица «К истории „Сороки-воровки“» (ЛН, т. 63, стр. 655–660) и статью В. А. Путинцева «Крепостная актриса Кузьмина» («Вопросы литературы», 1963, № 9, стр. 190–195).

К стр. 213.

Твой дом, украшенный богато... – Автор эклоги «Графу С. М. Каменскому», из которой взят эпиграф к повести, был Ст. Богданович, учитель Орловской гимназии, автор статьи «Нечто о театре» («Украинский вестник», 1819, № 5). См. С. А. Венгеров. Критико-библиографический словарь рус. писателей и ученых. Том IV, СПб., 1895, стр. 102; статью Н. М. Чернова в «Орловской правде» от 3 апреля 1962 г.; «Вопросы литературы», 1962, № 7, стр. 236.

738

Parlez-nous de vous, notre grand père, // Parlez-nous de vous! – Герцен перефразирует строки из 1-й строфы стихотворения Беранже «Les souvenirs du peuple»:

Parlez-nous de lui, grand'mère,
Parlez-nous de lui!

ДОКТОР КРУПОВ

Замысел повести «Доктор Крупов» тесно связан с идейно-теоретическими исканиями Герцена, определившимися в пору его работы над «Письмами об изучении природы» (см. выше примеч. к т. III, стр. 303 и 309). Переходя от гносеологических вопросов к философии истории и к социологии, Герцен – беллетрист противопоставил всем теоретикам собственнического государства, от Гоббса и Бентама до русских западников и славянофилов, убеждение в бессмысленности, безнравственности и бесполезности всех гражданских и государственных устоев, основанных на порабощении и неразумии народных масс. Толчком к созданию теории доктора Крупова о «повальном безумии» явилась, очевидно, мысль Гоббса о потенциальном

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович сумасшествия человечества, его классификация «различных степеней» и «видов» помешательства (Томас Гоббс. Левиафан, М., 1936, стр. 80–86). Об этом см. выше примеч. к т. III, стр. 268.

«Выздоровление» человечества Герцен связывал прежде всего с выработкой широкого практически-действенного мировоззрения, вышедшего за пределы скептицизма. Отнюдь не разделял он руссоистских утопий, олицетворив в косом Левке и в его деревенском окружении мысль о трагической участи народа, удаленного всем ходом истории от просвещения и культуры (ср. критику Руссо в письме Герцена к Н. Х. Кетчеру от 1 января 1845 г. – XXII, 217). Трактовку этих проблем Герцен продолжил во второй части романа «Кто виноват?».

МИМОЕЗДОМ

К стр. 272.

8 св. Вместо: но вам должно быть: по вам В тексте первоисточника явная опечатка. 739

Том V

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ

К стр. 38.

...когда в опере поют: «L'Anglais ne régnera»... – Из оперы Ж.-Ф. Галеви «Карл VI», либретто К. Делавиня (акт V, картина 2).

К стр. 104.

Меттерних с улыбкой повторял, что «Италия – географический термин»... – Имеется в виду меморандум Меттерниха европейским державам от 2 августа 1841 г., в котором подводилась идеологическая база господству Австрии в Северной Италии. Меттерних повторил свое утверждение в 1847 г.

К стр. 114.

...цветов (обоих царств – растительного и животного)... – Цветы животного царства – метафорическое обозначение продажных женщин. Ср. XI, 452 – «живые цветы», 461 – «махровые цветы», 464 – «цветы Минервы».

К стр. 116.

Рита-Христина – известные сардинские близнецы, родившиеся сращенными. Умерли в Париже около 1829 г.

К стр. 148.

«La marée monte – monte – monte»... – См. XXVI, 398.

К стр. 155.

...Lex talionis – закон возмездия. То же V, 347.

Знаменитое grattez un Russe et vous trouverez un barbare... – Выражение приписывается принцу де Линю. Ср. XX, 839.

К стр. 223–224.

...русским Иеремием, плачущим на развалинах июньских баррикад... – По преданию, библейский пророк Иеремия оплакивал Иерусалим, разрушенный нашествием вавилонян.

ПИСЬМА ИЗ AVENUE MARIGNY

К стр. 238.

...*pia desideria* – благие пожелания (название трактата бельгийского иезуита Hermann Hugo – XVII в.).

740

К стр. 244.

...зачем я не Аполлон Савромах! – Имеется в виду скульптура Праксителя «Аполлон Сауруктон» (или «Аполлон, убивающий ящерицу»; «савромах», буквально с греческого – «ящерицоборец»).

ОПЯТЬ В ПАРИЖЕ

К стр. 334.

...*le roi s'amusait*... – От названия драмы В. Гюго «*Le roi s'amuse*».

К стр. 376.

«Chant du départ» – «Песня отплытия» (1794 г.). Текст М.-Ж. Шенье, музыка Мегюля.

741

Том VI

С ТОГО БЕРЕГА

Об откликах на книгу «С того берега» в немецкой печати см. критический свод материалов в монографии: Eberhard Reissner. Alexander Herzen in Deutschland. Berlin, 1963.

В числе откликов на книгу в кругах русской интеллигенции следует отметить отзыв В. П. Боткина, который, прочитав в рукописи полученную им от Н. М. Сатина главу «Перед грозой», писал Герцену 16 сентября 1848 г. из Москвы: «Мне необходимо сказать тебе, что я считаю „Перед грозой“ одними из прекраснейших страниц, какие мне случилось читать в моей жизни <...> Это превосходно. Под этим бы Дидро подписал свое имя <...> Никогда еще глубочайшие проблемы жизни и истории не были поставлены с такою неумолимую яркостью и упорством, и никогда

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович еще содержание, доступное только самой отвлеченной диалектике, не принимало таких простых, общепонятных форм» (ЛН, т. 62, стр. 45).

К стр. 61.

Vixerunt! – Заголовок этот восходит к сентенции Цицерона, который 5 декабря 63 г. до н. э. словом «Vixerunt!» информировал римских граждан о состоявшейся казни пяти участников заговора Катилины.

К стр. 1п.

...бежал, чтоб только не видеть «берегов своей родины». – Имея в виду Байрона, Герцен цитирует строки из «Паломничества Чайльд-Гарольда» (песнь I, последняя строфа «прощальной песни» Чайльд-Гарольда):

Неси меня к любой стране,

лишь не к родной моей!

(Пер. Г. Шенгели)

К стр. 140.

...сентенций вроде «Salus populi suprema lex»... – из Цицерона (De legibus, 3, 3). То же XIX, 185; XXIII, 95.

ДОЛГ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Об И. С. Гагарине как возможном прототипе Анатоля Столыгина см. в статье: М. П. Алеев. По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции. – «Русская литература», 1963, № 2, стр. 53–85.

742

Том VII

DU DEVELOPPEMENT

DES IDEES REVOLUTIONNAIRES EN RUSSIE <О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ> Впервые эта работа была опубликована в переводе на немецкий язык в бременском журнале Адольфа Колачека «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», в семи номерах, вышедших в свет в январе – мае 1851 г. Перевод не был авторизован, и Герцен в письме к московским друзьям от 19–20 июня 1851 г. жаловался на то, что рукопись его была «испорчена редакцией и переводчиком» (XXIV, 183). Судя по его же письму к А. Колачеку от 30 марта 1851 г. (XXIV, 166), немецкий перевод выполнен был, видимо в Ницце, с французского оригинала (таким образом, русского текста этой работы, во всяком случае в законченной редакции, не существовало. Подзаголовок немецкого перевода «Aus dem russischen Manuscripte» либо ошибочен, либо содержит в себе намек на русского автора). В этом же письме к Колачеку Герцен извещал его о предстоящей публикации отдельного издания его работы, «в количестве 500 экземпляров», предназначенных «главным образом для России». В ответ на запрос Колачека об отдельном немецком издании (этот проект не осуществился) Герцен писал, что «ни в коем случае не разрешит его печатать, не исправив его по французскому тексту <...> Три первые части кишат ошибками» (XXIV, 169).

Несмотря на резкую характеристику текста немецкой публикации, некоторые ее варианты бесспорно восходят к первой редакции не дошедшего до нас автографа Герцена. См. об этом в статьях Г. Цигенгайста: G. Ziegengeist. Die Erstfassung von A. Herzens Schrift «Von der Entwicklung der revolutionären Ideen in Russland» in der «Deutsche Monatsschrift...» – В кн.: Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik. Beiträge auf der Berliner Slawistentagung (11.–13. XI 1954). Berlin, Akademie-Verlag, 1956; Herzen und Kolatschek. – «Zeitschrift für Slawistik», 1957, Bd. II, No. 3; «Die Herzen-und Turgenev-Forschung im Institut für Slawistik der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin». – Forschungen und Fortschritte, Berlin, 1957, Heft 8; Unbeachtete Äußerungen Alexander Herzens über die Russische Geistes Bewegung der Jahre 1812–1848. – «Zeitschrift für Slawistik», 1958, Bd. III, No 2–4, S. 445–482.

Ниже приводятся основные отличия немецкого издания от французских. Страницы и строки указаны по т. VII настоящего издания.

743

Стр. 44 (174)

6(12) После: gouvernement <правительство> // frei von jedem kontakt mit ihr <вне какого бы то ни было соприкосновения с ним>

Стр. 46 (176)

17(21) После: propriétaires de centaines de mille paysans <владельцев сотен тысяч крестьян> // und mit den Abkömmlingen der Grossfürsten schliesst, wäre abgeschmackt.

Als Klasse hatte sie nur ein einziges gemeinsames Interesse, in welchem sie sich vereinigen konnte: die Befestigung der herrschaftlichen Rechte den Bauern gegenüber. Dieses Interesse vereiniget den Adel nicht mehr. Schon zu Peter des I. Zeiten teilte sich der tätige Teil des Adels in Conservatoren und Progressisten, in Männer, welche mehr oder weniger die alten Gebräuche

bedauerten und die Neuerungen wider willen annahmen und in solche, welche ganz und gar von der Reform fortgerissen waren, mit Verachtung die letzten Ueberreste des vergangenen Lebens von sich warfen und in der offen angenommenen europäischen Civilisation das einzige Heil erblickten. Auf ihrer Seite war die Regierung, sie arbeitete an die Civilisation. Bis zum 18. Jahrhundert ging die Partei des Fortschritts mit wenigen Ausnahmen Hand in Hand mit der Regierung vorwärts.

Die französische Revolution erschütterte den Geist der Kaiserin Katharina der II. Sie wurde besorgt, nachdenkend und sprach nicht mehr von ihrer Bewunderung für die Encyclopädisten und für die Werke von Montesquieu. Die Regierung fing an, den Schritt zu mässigen, die Früchte der Civilisation waren nichts für den Palast der Autokratie. Auf grobe Art versuchte Paul der I., jeder geistigen Bewegung einen Damm zu setzen, er wurde getödtet und Alexander nahm die durch diesen Willen von Gatschina unterbrochene Tradition wieder auf, bemerkte aber nach dem Kriege von 1812 bald, dass man entweder die Willkühr der souveränen Macht oder tiefe Civilisation beschränken müsse, von der er einer der Vorkämpfer war. Die Partei des Fortschritts war nicht mehr auf der Seite der Regierung, sie wagte sich auf ihre eignen Füße zu stellen. Die Regierung, gemässiger und weiser als zu Zeiten des Kaiser Paul, aber vollkommen von der europäischen Reaktion mit fortgerissen, versuchte die Bewegung zu hemmen. Alexander ist in der letzten Zeit seiner Regierung nicht mehr derselbe, er ist verwirrt, furchtsam, noch verschlossener, aufgereg, besorglich gemacht durch das Gerücht von heimlichen Gesellschaften, die Tendenzen der Literatur, der Universitäten beunruhigen ihn, er unterdrückt die Freimaurerei, welche er früher beschützt hatte, schliesst die biblischen Gesellschaften, deren Patron er war, spricht nicht mehr von freien Institutionen, wie auf dem polnischen Landtag, entsagt einem deutschen Mysticismus und wandert, sich auf einen kaltgrausamen Soldaten, den Grafen Araktschejev, und auf unwissende Mönche in der Art des berühmten Photius stützend, einem Grabe an den Ufern des Schwarzen Meeres zu.

Die Trennung zwischen der progressiven Partei des Adels und der Regierung, welche Alexander vorfühlte, bestätigte sich gleich nach seinem Tode. Nachdem die Regierung den Aufstand besiegt hatte, warf die sich blindlings in die Arme der Reaktion und blieb den Ideen Peter des Grossen nur in Betreff des Staates und dessen Vergrösserung treu, erklärte sich als Feind gegen jeden Gedanken an Civilisation und Freiheit. Zwischen ihr und der neuen Partei des Fortschritts ist weder Friede, noch Verständniss möglich, und das ist unter anderm das grosse Resultat des 14. Decembers <и потомков князей> >.

Как сословие дворянство имело лишь один общий, объединявший его интерес – укрепление своего права угнетать крестьян. Но этот интерес более не объединяет его. Уже при Петре I значительная часть дворянства разделилась на консерваторов и прогрессистов, на тех, кто в большей или меньшей степени сожалел о старых порядках и против воли принимал

744

нововведения, и тех, кто полностью соглашался с реформами, презрительно отбрасывал остатки старины и видел свет только во всеобщем принятии европейской цивилизации. Правительство было за них, они работали на цивилизацию. До ХУНТ столетия партия прогресса, за немногими исключениями, действовала рука об руку с правительством.

Французская революция смутила дух императрицы Екатерины II. Государыня стала тревожно задумываться и уже не восхищалась более энциклопедистами и сочинениями Монтескье. Правительство начало принимать меры: плоды цивилизации не годились для дворцов деспотии. Павел I самым варварским образом пресекал всякое умственное движение. Его убили, и Александр возобновил было прерванную гатчинским дикарем традицию, но вскоре, после войны 1812 года, увидел, что приходится ограничить либо своеволие верховной власти, либо развитие цивилизации, одним из рыцарей коей он сам был прежде. Итак, партия прогресса оказалась уже не на стороне правительства и осмелилась встать на собственные ноги. Этому развитию постаралось поставить препоны правительство, хотя и поумневшее и более умеренное, чем при Павле, но проникшее духом европейской реакции и вражды ко всему передовому. В последний период своего царствования Александр I сделался сам не свой: был беспокое, нерешителен, еще более замкнут, встревожен и смущен опасением тайных обществ; стремления литературы и университетов его пугали; он запретил франкмасонство, которое раньше защищал, закрыл библийские общества, которым прежде покровительствовал, перестал говорить о вольных учреждениях вроде польского ландтага, отрекся от своего немецкого мистицизма и, опираясь на холодно жестокого солдата – графа Аракчеева и невежественного монаха – пресловутого Фотия, добрался до могилы на берегу Черного моря.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
Расхождение между правительством и партией прогресса, которое предчувствовал
Александр, установилось сразу после его смерти. Подавив восстание, правительство
слепо бросилось в объятия реакции; верность замыслам Петра Великого сохранялась,
лишь поскольку они были полезны государству, его росту и укреплению; всякая
мысль о просвещении и свободе воспринималась как враждебная правительству. Между
ним и новой партией прогресса стало невозможным ни примирение, ни
взаимопонимание – это, между прочим, существенное последствие <4 декабря>
Стр. 53 (183)

2(12) После: des classes civilisées <цивилизованных классов> // Der Russe hat
während des Gottesdienstes nicht mehr die Ausdauer des Engländers, der aus
Anstand religiös und konservativ ist, im Gegentheil, er vernachlässigt sogleich
die äusseren Formen. Diese erotische Bildung des hohen Adels entfernte ihn noch
mehr vom Volk. Nach Peter I. blieb zwischen den Herren und Bauern noch ein
patriarchalisches Band; die Herren verstanden die Bedürfnisse der Bauern und
schonten ihre Gewohnheiten. Die neuen Herren, mit ihrer französischen Erziehung
und den Gelüsten eines egoistischen Positivismus, strebten dahin, an die Stelle
ihres patriarchalischen Verhältnisses zu den Bauern das des Pflanzers zum
Sklaven einzuführen

<Русский человек уже не выслушивает церковную службу с долготерпением
англичанина, религиозного и консервативного из приличия; наоборот, он скорее
пренебрегает теперь внешними формами. Чужеземное воспитание высшего дворянства
еще больше отдалило его от народа. После Петра I между господами и мужиками
оставалась еще патриархальная связь, господа понимали еще нужды крестьян и не
нарушали их обычаев. Новые же господа, с их французским воспитанием и
чувственностью эгоистического позитивизма стремились ввести вместо
патриархальных отношений отношения плантаторов к рабам>
Стр. 60 (190)

18(27) Вместо: Dix ans auparavant ^ il l'a humanisée <десятью годами раньше ^ он
сделал литературу гуманною> // Zehn Jahre früher
hätte Katharina Novikoff zu sich kommen lassen, ihn durch ihren Empfang
bezaubert, sie hätte gesehen, dass kein kleiner dynastischer Konspirator vor ihr
stand und ihn als Freund entlassen. Jetzt liess sie ihn mit einigen seine
Freunde in die Festung werfen; er blieb bis zur Regierung des Kaisers Paul im
Exil. Die Freimaurerlogen waren dennoch nicht geschlossen. – Erst nach 1820
hatte der Kaiser Alexander, ihr einst glühender Beschützer, angefangen, sie zu
verfolgen. Der unermüdliche Novikoff fand unter den Zöglingen der Adels Pension
den letzten grossen Schriftsteller dieser literarischen Periode, welche mit
Lomonosoff beginnt, deren poetischer Repräsentant Derschawin und deren
glorreicher Schluss Karamsin ist. Novikoff führte Karamsin in die Welt ein.
Karamsin brachte von seiner Reise im Jahre 1790 einige revolutionäre Ideen mit,
aber weit weniger, als man hätte erwarten können, er war zu zerstreut. Karamsin
hatte sehr viel Lebenswürdigkeit, Seelenadel und erhabene Gefühle, er war es,
welcher die russische Literatur humanisierte, und ein durch die Eleganz der Form
und die Leichtigkeit des Stils wirklich vollkommenes Russisch schrieb. Sein
Einfluss auf die Literatur kann dem Einfluss Katharina's auf die Gesellschaft
verglichen werden. Es war ein Liberaler, ohne dass er selbst, wenigstens in
seinem spätern Alter, sich dessen bewusst gewesen <десятью годами раньше
Екатерина послала бы за Новиковым, очаровала бы его своим приемом и, увидев, что
перед ней не мелкий крамольник из замышляющих дворцовые перевороты, рассталась
бы с ним дружески. Но теперь она приказала бросить его с несколькими друзьями в
крепость. Пока не воцарился Павел, Новиков оставался в изгнании. Франкмасонские
ложи, однако, еще не были закрыты. Лишь в 1820 году на них ополчился император
Александр, первоначально их пылкий защитник. Неутомимый Новиков среди питомцев
Благородного пансиона отыскал последнего большого писателя той литературной
эпохи, которая началась с Ломоносовым, в поэзии была представлена Державиным и
блестяще завершилась Карамзиным. Новиков ввел Карамзина в свет. Из своего
заграничного путешествия в 1790 году Карамзин привез несколько революционных
идей, но гораздо меньше, чем можно было предполагать: он был слишком рассеян. У
Карамзина была бездна любезности, благородства и возвышенных чувств, – это он
научил русскую литературу гуманности, и писал он действительно прекрасным по
изяществу формы и легкости слога русским языком. Он был либералом, сам за собой,
особенно же в зрелом возрасте, этого не подозревая>
Стр. 66 (196)

12'14(10'12) Вместо: Cette minorité ^ régime impérial <Но меньшинство это ^
царского

строга> // Für sie galt es entweder unterzugehen, oder zu einer regelmässigen
Regierung, einer Serie von Garantien, einer socialen menschlichen Organisation
zu gelangen <Ему приходилось либо погибать, либо добиваться справедливого

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
правления, ряда гарантий, гуманной организации общества>

22-23(20) После: tout autre <совершенно иным> // man konnte sich in das Petersburger Kaisertum nicht mehr finden, welches sich damals zu seinem eignen Unglück in seiner ganzen Unfähigkeit manifestierte. Sobald die Civilisation sich zu verwirklichen begann, wurde der Despotismus abgeschmackt <нельзя было больше терпеть петербургский монархизм, который доказал уже тогда, к собственному несчастью, свою полную неспособность. Как только цивилизация начала развиваться, деспотизм стал невыносим>

Стр. 68 (198)

6(6) После: tous les rapports <во всех отношениях> // Die Regierung liess die Zügel schiessen, eine geheime Polizei gab es fast nicht mehr, die Zensur war mehr blödsinnig als streng, man sprach viel und frei, man sprach überall, selbst an öffentlichen Orten <Правительство выпустило вожжи из рук, тайная

746

полиция почти исчезла, цензура была скорее глупа, чем строга, говорили много и свободно, говорили везде, даже в общественных местах>

13(13) После: une solution irrévocable <к неотвратимой развязке> // Rileeff, in der Voraussicht dessen, was seiner erwartete, sagte: «Ich fühle, ich weiss und ich segne mit Heiterkeit mein Los» <Рылеев в предвидении ее говорил: «Я это чувствую, я знаю, и радостно свой жребий я благословляю»>

Стр. 69 (199)

24(24) После: propriété foncière dans la révolution <в революцию поземельную собственность> // Pestel schlug mithin nicht mehr und nicht minder als eine sociale Revolution im Verein mit einer politischen Revolution vor <Пестель требовал не более и не менее как социальной революции вместе с политической>

31(31) После: Courier <Курье> // Beranger, ohne von Canning zu sprechen <Беранже, не говоря уж о Каннинге>

Стр. 70 (200)

2(2) После: chef de l'association du Sud <вождем Южного общества> // die hervorstehendste Persönlichkeit der Association <самой выдающейся в нем личности>

9(10) После: sa terre <собственной землей> // die Einwürfe, welche man nach der französischen Revolution in Betreff der traurigen Folgen einer Zerstückelung des Grundbesitzes gemacht hat, kommen in Russland, wo das Land der Commune gehört und das Individuum nur den Niessbrauch davon hat, nicht einmal in Anwendung. Pestel ist auch der erste, welcher das Volk in die Revolution einzuführen denkt. Die anderen ahnten, indem sie aufrichtig das Wohl des Volkes wollten, nicht einmal die Möglichkeit, dies durch das Volk zu erreichen <Предложения, которые в послереволюционной Франции были вызваны печальными результатами раздробления земельной собственности, в России, где земля принадлежит общине, так что крестьянин получает ее лишь во временное пользование, вовсе не находят себе применения. Пестель первый задумал привлечь народ к участию в революции. Другим, как ни искренне они желали народу блага, ни разу даже в голову не пришло, что добиться этого можно силами самого народа>

Стр. 71 (201)

1(3) После: comme perdu <как бы затерявшись в нем> // wo der freie Mensch, der Bojar, sich mit dem Namen «Slave des Zaren» ehrte und alle seinen Menschenrechten entsagte <где свободный

человек, боярин, привык гордиться именем «царского раба» и отречься от своих человеческих прав>

9(10) После: punir avec ferocité <наказанием> // indem er der französischen Grausamkeit noch nach österreichischem Regime die Ewigkeit der Strafe hinzufügte. Aber die Sache war gemacht, das Schweigen ^ den Augen. Man erblickte einen gewaltigen Feind vor sich, aber man verstand, dass er ein Feind und an eine Ausgleichung nicht zu denken war. Man konnte sich verkaufen, aus Furcht schweigen, Verfolger, Henker, Spion werden, aber nicht mehr ehrlich auf die Seite des Kaisers treten <в котором он соединил французскую жестокость с австрийской верой в бесконечность кары. Но дело было сделано. Безмолвие ^ с глаз. Люди увидели пред собой врага сильного, но поняли, что это враг и что о примирении с ним нечего и думать<.> Можно было предаться врагу, замолчать из трусости, сделаться гонителем, палачом, шпионом, но нельзя было уже оставаться с честью на стороне царя>

29(31) После: parut le grand poète russe Pouchkine <появился великий русский поэт Пушкин> // Zu dieser Zeit gab es viele Männer von Talent in der russischen Literatur und hauptsächlich unter den Dichtern. Die Fabeln von Kriloff waren von aller Welt, selbst vom Volke gelesen. Eine feine Ironie, eine sarkastische, ganz nationale Spöttelei, ein nervigter, einfacher, einschmeichelnder Styl, stellten Kriloff weit über die modernen Fabeldichter.

Seine Fabeln waren weit weniger Regeln einer prosaischen Moral als kleine satyrische Scenen voll Leben, Kunst und Talent. Jukovsky und Batuschkoff haben einen durch ihre poetische, schöne und von ihnen geschaffene Sprache grossen und vollkommen verdienten Erfolg gehabt. Jukovsky hat die Ära der servilen Nachahmung der französischen Autoren geschlossen, durch ihn wurde die russische Literatur von der deutschen und englischen überflutet. Die russische Literatur muss sich freuen, die poetischen Werke dieser Männer einregistrieren zu können, aber man fühlt zu gleicher Zeit, dass auch ohne sie keine Lücke in der geistigen und literarischen Entwicklung Russlands geblieben wäre <В это время в русской литературе появилось много талантливых людей, особенно среди поэтов. Басни Крылова читались всеми, даже народом. Тонкая ирония, злая, чисто национальная сатира, слог энергичный, ясный и лукавый ставили Крылова гораздо выше современных ему баснописцев. В его баснях меньше всего нравочений прозаической морали; это сатирические комедийки, полные жизни, поэзии и таланта. Жуковский и Батюшков имели огромный и вполне заслуженный успех благодаря прекрасному, ими самими выработанному, поэтическому языку. С Жуковским кончилась пора рабского подражания французским литераторам, через него в русскую литературу хлынули сочинения немецких и английских писателей. Русская литература может только радоваться, что усвоила себе их поэтические творения, но нельзя сомневаться в то же время, что и без них умственное и литературное развитие России шло бы без пробелов>

Стр. 74 (204)

16(26) После: un onéguine borné et mal élevé <ограниченный и дурно воспитанный Онегин> // Ich selbst habe, ohne daran zu denken, ohne es zu wollen, in Beltoff, einer Person aus meiner Novelle «Wer ist schuldig?», einen Oneguine dargestellt <я сам, не думая, не гадая, выставил Онегина в Бельтове, одном из действующих лиц моей повести «Кто виноват?»>

Стр. 82 (212)

21(18) После: canons <пушкам> // von den kleinen Hinrichtungen, bei denen das Ganze damit endete, dass etwa zwanzig Bauern in die Bergwerke verschickt und ein Hundert ausgepeitscht wurden, sprechen wir nicht. Eine ernste Betrachtung zeigt, dass das russische Volk noch lange in jedem Aufstand bestegt werden wird, weil weder Einheit noch Einverständnis dabei hergestellt wird und ein Aufstand fast immer nur die Tat einer einzigen Commune oder einiger angrenzenden Gemeinden ist. Immer ist's eine Lokalfrage, welche die Bauern aufständig macht, eine Compagnie Soldaten und ein Schwarm Kasacken setzen der ganzen Rebellion ein Ziel, ihnen folgt das Tribunal <не говоря уже о мелких завершающих расправах, когда тут сослали на каторгу десятка два мужиков, там выпороли сотню. Серьезное размышление показывает, что русский народ будет терпеть поражения при каждом восстании еще долго – пока у него нет единения и единомыслия, пока восстания будут делом отдельной общины или нескольких соседних общин. Пока крестьяне будут восставать из-за местных причин, роте солдат или отряду казаков нетрудно будет подавить бунт, а затем последует судебная расправа>

32(29) После: la censure <при цензуре> // Mit der Erweiterung des Tatkreises, ändert die Literatur ihren Charakter, verlässt den aristokratischen Sessel und wird populärer. Ihr erster Repräsentant nach dem 14/26. December ist weder ein grosser Herr, noch ein Minister, sondern ein Kaufmann aus Sibirien, Polevoy <С расширением сферы деятельности литература меняет свой характер, сходит с аристократических высот и становится общедоступной. Первым ее представителем после 14 декабря явился не вельможа, не министр, а сибирский купец Полевой>

748

Стр. 84 (214)

2(4) Вместо сноски: Ich beginne diesen Teil meiner Übersicht mit einer gewisser Scheu und Erregung. Mein ganzes früheres Dasein ist an diese Zeit gebunden, in ihr begraben. Die Taten, von denen ich jetzt zu sprechen habe, sind persönliche Erinnerungen. Die heiligsten und traurigsten Augenblicke meiner Jugend sind unauflöslich an die Ereignisse dieser Epoche geknüpft. Unwillkührlich werde ich aus der Geschichte in die eigene Lebensbeschreibung verfallen. Ich muss mit dem Leser nahe an den mir teuern Gräbern vorübergehen; möge er denn nachsichtig sein, wenn beim Öffnen der Särge zuweilen das Gefühl die Oberhand über die Gedanken nimmt, und verzeihen, wenn ich bei einigen Einzelheiten verweile, die vielleicht von grösserem Interesse für mich als für ihn sein dürften. Ausserdem kommt für mich noch etwas in Betracht, das ich dem Leser mit der Bitte, es nicht zu vergessen, mitteilen muss. Man wird leicht begreifen ^ in Sibirien wissen, und mein Aufsatz ist keine Hülfe für die dritte Sektion der kaiserlichen Kanzlei. Ich hatte selbst viele Bedenken, ob ich dasjenige, was ich

veröffentliche, an den Tag bringen sollte; ich habe mich erst nach reifer Überlegung dazu entschlossen. Das absolute Schweigen $\wedge$ zur Hälfte. <Не без страха и волнения приступаю я к этой части моего обозрения. С этим временем связана вся моя юность, с ним она погребена. То, о чем я буду теперь говорить, – мои личные воспоминания. Самые священные и самые скорбные минуты, пережитые мною в юности, нераздельно слиты с событиями этой эпохи. Я невольно буду переходить от истории к описанию собственной жизни. Мне придется пройти с читателем мимо дорогих могил; пусть он будет снисходителен, если в горькую минуту чувство возьмет у меня верх над разумом; пусть простит, если я остановлюсь на некоторых частностях, может быть, более интересных для меня, чем для него. Кстати надо мне попросить читателя иметь в виду еще следующее. Понятно, что $\wedge$ в Сибири; моя же статья не предназначена в помощь третьему отделению канцелярии его императорского величества. Я долго колебался, прежде чем решился открыто вынести на свет то, о чем говорю здесь, и решился на это лишь по зрелом размышлении. Абсолютное молчание $\wedge$ наполовину.>

u(i4) После: *laisser percer des regrets* <выказать свою скорбь> // Nur die russischen Frauen hatten den Heroismus, Mütter, Schwester, Frauen zu bleiben, und als man sich von diesem widerwärtigen Schauspiel des Servilismus abwandte <Только русские женщины имели героизм оставаться матерями, сестрами, женами и, когда, отворачиваясь от гнусного зрелища этого холопства> Ср. VIII, 59.

25-26(29) После: *de tous les hommes pensants* <всех мыслящих людей> // und wie in einer solcher Lage nicht zweifeln? Eine finstere kalte Nacht schloss sie ein, deren Morgenrot man nicht einmal vorhersah <и как не прийти в отчаяние в таком положении? Беспросветная ледяная ночь охватила все кругом и конца ей не было видно>

Стр. 85(215)

22(24) После: *ses sympathies étaient libérales* <егосимпатии были либеральными> // und er besass auf eine wunderbare Weise die Kunst, sich der ganzen Welt mit Ausnahme des Censoren verständlich zu machen. Er war ein geborener Journalist, und zwar ein Journalist der Opposition <и он в поразительной степени обладал искусством быть понятным всем на свете, кроме цензора. Это был прирожденный журналист – и журналист оппозиции>

749

Стр. 86(216)

3(3) После: *plus bourgeois* <более буржуазной> // Der Aristokratismus ist, wie wir gesehen haben, der russischen Literatur sehr nützlich gewesen. Die Schriftsteller gewöhnten sich im allgemeinen an eine ungezwungene Schreibart und zu gleicher Zeit an die Zurückhaltung der guten Gesellschaft. Nichts Gemeines, nichts Verletzendes, nichts Plumpes mischte sich je in die Schriftsprache, und doch verstand man sehr gut alles zu sagen, die frivolsten, boshaftesten, misslichsten Dinge auszudrücken. Karamsin, Jukoffsky und später Puschkin haben zur Bildung dieses eleganten, ausgezeichneten Stils, der der ganzen Welt zugänglich ist, viel beigetragen. Mit einem Wort, die gute Wirkung war hervorgebracht und von dem Einfluss selbst konnte man sich emancipieren. Polevoy schrieb, indem er den aristokratischen Hochmut und die Pruderie der russischen Literatur herabsetzte und verhöhnte, das Beste, das feinste Russisch mit der ganzen Leichtigkeit und Urbanität eines Weltmanns <Аристократизм, как мы видели, был полезен русской литературе. Писатели привыкли писать вообще непринужденно, сохраняя в то же время сдержанность, свойственную хорошему обществу. К литературному языку не примешивали ничего низкого, уродливого, пошлого, и тем не менее прекрасно выражали всё, что хотели сказать, в том числе и самые фривольные, злые и неприятные вещи. Карамзин, Жуковский, а позднее Пушкин много способствовали выработке этого изящного, совершенного, всем доступного стиля. Короче говоря, аристократизм дал литературе много хорошего, но пришла пора освободиться от его влияния. Полевой, нападавший на аристократическое высокомерие и жеманство русской литературы, писал прекрасным русским языком с легкостью и непринужденностью светского человека>

Стр. 87(217)

Сноска. Вместо: *plus adroit* <более ловок> // wer der Mächtigste, wer der Geschickteste ist <кто окажется сильнее и хитрее>

Стр. 88(218)

33(38) После: *plus de cinq ans* <более пяти лет> // obwohl kein Beweis gegen uns vorlag. Wir müssen der Regierung noch für die Ehre danken, dass wir die Ersten in Russland von ihr wegen Socialismus verfolgten waren. Wir sind stolz darauf <хотя наша вина никак не была доказана. Нам остается поблагодарить правительство за честь первыми в России подвергнуться преследованию за социализм. Мы гордимся этим>

Стр. 89(220)

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

34(7) После: *entreprise commerciale* <предприятие> // *Er kannte sein Publikum und der Erfolg war ungeheuer* <Он знал своих читателей и добился неслыханного успеха>
Стр. 90(220)

13-14(26-27) Вместо: *avec le gouvernement. On ne pardonne pas en Russie à un renégat* <с правительством. В России ренегату не прощают> // *mit der Regierung, d. h. mit der Polizei schloss. Einem Abtrünnigen verzeiht man in Russland nicht, das ist ein bemerkenswerter Zug, der unter anderm noch die Jugend des geistigen und politischen Leben gekundet.*

Senkovsky ist gelesen worden, viel gelesen worden, und das ist seine Rechtfertigung. Für einen Renegaten konnte man ihn nicht nehmen, weil er in der russischen Literatur mit demselben Charakter, oder richtiger mit demselben Charactermangel auftrat, mit welchem er seine Laufbahn verlassen hatte. Er war auch nicht *gouvernemental* <с правительством, т. е. с полицией. В России ренегату не прощают; это замечательная черта, которую – в числе прочего – усваивает молодежь, вступая в умственную и политическую жизнь.

Сенковского читали и читали много – в этом его оправдание. Его нельзя считать ренегатом, поскольку в русской литературе он проявлял тот же характер или, вернее, ту же бесхарактерность, что и в своей личной жизни. Но он не был на службе у правительства>

Стр. 90(221)

34(11) После: *s'effaçait bientôt complètement* <совсем стушеввался> // *Lermontoff, Gogol, alle diese waren nicht nach Senkovsky's Geschmack; aber seine ganze neckende Ironie reichte nicht einmal hin, um einen ernsten Kampf mit Belinsky zu beginnen, als dieser letzte sich des Journalismus bemächtigte, und diesem Löwen der Polemik den Handschuh zuwarf. «Die Bibliothek» wurde seit 1841 fade, blass, bescheiden, ja so bescheiden, dass ich nicht einmal weiss, ob sie noch erscheint.*

Senkovsky umgab sich mit einem Kreis junger Literatoren, welche er dadurch zu Grunde richtete, dass er ihren Geschmack verdarb und sie für sein Journal ausbeutete und abnutzte. Sie war eine Effektliteratur, voll Convulsionen – glänzend auf den ersten Anblick, verfälscht auf den zweiten, ein Hohlspiegel von Eis für das Feuer der Leidenschaften, diese Literatur erinnert uns an die Nachahmer von Victor Hugo und noch mehr an Franconi, ohne das Talent, ohne die Humanität des französischen Dichters, ohne die Gelenkigkeit des grossen Bereiters von Cirkus. Es war eine monströse, erlogene Dichtung, eine Dichtung von Petersburg oder besser von Wassilievsky Ostrov. In diesen hysterischen Bildern und Verrenkungen <Лермонтов, Гоголь, все они были ему не по вкусу, но его всеотрицающей иронии не под силу было вступить в серьезный бой с Белинским, когда тот завладел журналистикой и бросил перчатку «льву полемики». С 1841 г. «Библиотека» становилась все хилее, бледнее, смиреннее да смиреннее, так что я даже и не знал, выходит ли она еще на свет.

Сенковский окружил себя молодыми литераторами, которых он губил, развращая их вкус и всячески эксплуатируя их в своем журнале. Это была литература эффекта, судорожно-конвульсивная, на первый взгляд блестящая, на второй фальшивая, напоминавшая подражателей Виктора Гюго, а еще более франкони, но без таланта и гуманности французского писателя и без ловкости циркового наездника. Это была уродливая, ложная поэзия, поэзия петербургская или скорее василеостровская. В этих истерических чудовищных картинах>

Стр. 93(223)

2(21) После: *ces dix années* <десяти лет> // *Selbst die Empörung, deren Schrei zuweilen durchdrang, hatte eine andere Wendung, andere Masse, eine andere Tiefe, als zuvor. Werfen wir einen Blick auf die hervorstechendsten Ereignisse, welche der Veröffentlichung des Briefes von Tschadaeff folgten <Само недовольство, звуки которого иногда доходили до нас, имело иной характер, иной размах, иную глубину, чем прежде. Окинем же взгляд важнейшие события, следовавшие за опубликованием письма Чаадаева>*

Стр. 93(224)

32(15) После: *de deux côtés opposés* <с двух противоположных сторон> // *Es gab noch andere, noch viele, die grösstenteils Nachahmer von Puschkin waren; es würde jedoch schwer sein, die geistige Bewegung nach ihren Schöpfungen zu beurteilen. Für Lermontoff und Kolzoff hingegen gilt gerade das Entgegengesetzte. Sie sind grosse Repräsentanten zweier Welten, die sich in Russland so schlecht zusammenschweissen <Были и другие, многие, в основном последователи Пушкина, но по их произведениям трудно было бы судить о развитии умов. О Лермонтове и Кольцове надо сказать прямо противоположное. Это крупнейшие представители двух миров, которые так плохо сходятся в России>*

Стр. 95(225)

16(33) после: *ce divorce* <об этом разрыве> // *Libérale wie Reaktionäre zogen die*
Страница 152

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Брайен bei der Lectüre von Lermontoff's Poesien. Und wie konnte
751

man in der Tat den kühnen Dichter dulden, der die Frechheit hatte, Frankreich zu sagen: «Und ich möchte der grossen Nation sagen, welch eitles, nichtliges Volk bist du»; wie äussererwärts sich nicht empören, als er sagt, dass er sein Vaterland liebe, aber mit einer sonderbaren Liebe, dass er weder seinen Ruhm, noch seine Vergangenheit, noch seine Kraft liebt, aber den Tanz der betrunkenen Bauern bei der Kneipe. Konnte man endlich einen Menschen dulden, der die folgenden Verse an unsere Generation richtete: Betrachtung (Duma).

In einem solchen Menschen sah man nur einen blasirten Gecken, einen durch den Luxus abgenutzten Müssiggänger. Was kümmerte es die Leute, wie ein Mensch gekämpft, wie viel er gelitten hatte, eh er begreifen lernte, eh' er seine Gedanken auszusprechen wagte, welche jetzt von Tag zu Tag einfacher werden, aber nicht so einfach vor 10 Jahren waren. – Man hat im Deutschen eine treue Übersetzung von «Mziri» (der Tscherkessenknabe)³⁵[35]. Lesen Sie sie, um diese glühende Seele zu erkennen, die in ihren Ketten ringt, die zum fleischessenden Tiere, zur Schlange werden möchte, um nur frei, nur fern von den Menschen zu sein. Lesen Sie seinen Roman «Der Held unserer Tage», der französisch in den Blättern *Démocratie pacifique* erschienen und einer der poetischsten Romane ist, welchen die russische Literatur besitzt. Studieren Sie aus ihm diesen Menschen; denn alles dies ist nichts anderes als seine Beichte, sein Geständniss, und welches Geständniss! welch nagende Qualen! Sein Held ist er selbst. Nun, und was tat er mit ihm? Er lässt ihn in Persien verschwinden, wie Onegin im Morast des russischen Lebens untergeht. – Ihr Schicksal ist eben so entsetzlich wie das Schicksal Puschkin's und Lermontoff's <И либералы, и реакционеры хмурились, читая стихи Лермонтова. И действительно, можно ли было терпеть дерзкого поэта, который посмел заявить Франции: «Мне хочется сказать великому народу: ты жалкий и пустой народ!» Можно ли было не возмущаться, когда он говорил, что любит родину, «но странною любовью», что ему не любы ни ее слава, ни прошлое, ни могущество, а любы пляски с топанием и свистом под говор пьяных мужичков. Можно ли было, наконец, терпеть человека, который обратился к нашему поколению со следующими стихами. <Следует в прозаическом переводе весь текст «думы».>

³⁵[35] wir empfehlen dringend unsern Lesern die Bodenstedtsche schöne Übersetzung des «Tscherkessenknaben» und des Märchens über den Zaren Wassiliewitsch und seinen treuen «Opritschnik» von Lermontoff zu lesen.

В таком человеке видели только разочарованного фата, пресыщенного бездельника. Кому было дело до того, как он боролся, сколько выстрадал, прежде чем научился мыслить, прежде чем решился высказать свои думы, которые теперь становятся с каждым днем все понятнее, но десять лет тому назад были далеко не так понятны. На немецкий язык очень точно переведен «Мцыри» («Черкесский юноша»)³⁶[36]. Прочтите эту поэму, чтобы узнать пламенную душу юноши, который разбил свои оковы, который, как зверь, был чужд людям и полз и прятался, как змей, чтобы вырваться на свободу. Прочтите роман Лермонтова «Герой нашего времени» (французский перевод его был опубликован в газете «*Démocratie pacifique*»), один из поэтичнейших в русской литературе. Изучайте по нему этого человека, ведь всё это его исповедь, его признания. И какие признания! какие душевные муки! Его герой – это он сам. Что же он сделал с Печориным? Послал его погибать в Персии, как Онегину пришлось погибать в трясине русской жизни. Судьба этих литературных героев так же ужасна, как судьба Пушкина и Лермонтова

752

Стр. 96(226)

16(36) После: *ce débordement de la vie (oudale molodétzkaïa)* <удаль молодецкая> // Unsere Natur, unsere Felder, das Leben unserer Bauern mit ihren Ausdrücken und ihrer Weisheit – Alles dies finden Sie in Koltzoff wieder und dazu noch poetisch und volkstümlich ausgedruckt. Die traurige Bedingung, unter welcher der Ackerbauer sein Dasein hinschleppt, vermischt mit einer berausenden Sehnsucht nach grenzenloser Unabhängigkeit, nach einer, wenn Sie wollen, wahnsinnigen Ungebundenheit <нашу природу, наши равнины, быт наших крестьян, их способ выражаться, их мудрость – всё это найдете вы у Кольцова в глубоко поэтической и народной форме. Уныние безотрадного существования, которое влачит пахарь, сливается в песнях Кольцова с хмельной тоской по беспредельной воле, с какой-то, если хотите, бесшабашной независимостью>

Стр. 98(229)

15(2) После: *cette âme impure et maligne* <этой нечистой зловредной души> // Nur bei Völkern, welche lange schweigen, erscheint zuweilen ein Dichter, der mit einer Komödie, mit einem Roman für die Erniedrigung und Beleidigung eines ganzen Jahrhunderts zählt <Только у долго молчавших народов появляются иногда писатели, которые единственной комедией, единственным романом расплачиваются за вековые

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
обида и оскорбление»
Стр. 103(234)

36[36] Мы настоятельно рекомендуем нашим читателям превосходные переводы «Мцыри» и «Песни про царя Ивана Васильевича», принадлежащие Боденштедту.

38(6) После: resusciter <воскресить> // Der Katholicismus hat seine Zeit gehabt, sowie die griechische Kirche, der Protestantismus, und das Christentum selbst, sammt der monarchischen Europa, sammt der ganzen römischgermanischen Welt. Für das Christentum gibt es im allgemeinen keine Zukunft, vorzüglich aber keine für die griechische Kirche.

Der grosse Dienst, den sie Russland geleistet hat, besteht darin, es vor dem Katholicismus, und mit ihm vor dem Feudalwesen und dem römischen Rechte geschützt zu haben. Das empfängliche, passive und weiche russische Volk wäre durch den verderblichen Einfluss des Papsttums und der aristokratischen Einrichtungen unwiderruflich verloren oder gebrochen worden. Der Katholicismus führt in seinem Gefolge, wie ein Gegengift, den Protestantismus, welcher nichts anderes ist, als ein Fegefeuer ohne Ende, welches den Geist nur zur Hälfte befreit und läutert. Die griechische Kirche ist für den Laien nur ein Götzendienst, ein Rituel von Förmlichkeiten und Vorschriften, welche spurlos zerfallen werden, sobald nur ein wenig Licht in die Geister gedrungen sein wird. Wir finden den Beweis bei den gebildeten Ständen, welche in Russland nichts weniger als religiös sind, und in der Leichtigkeit, mit welcher sich die Secte der «Duchoborzy» verbreitet, welche ein gänzliches Leugnen der Kirche ist und auf Art der Antibaptisten und der mährischen Brüder, eine communistische Doctrin mit christlichem Namen sich gebildet hat.

Ich gebe gern zu, dass die griechische Kirche den Grundsätzen des Evangeliums treuer blieb, dass sie die Lehren der Kirchenväter reiner bewahrte, und dies ist eine von den Ursachen, warum sie sich noch weniger durchführen lässt, als die Kirche des Westens. Aber unglücklicher Weise sind für uns die geschichtlichen Elemente und die Keime der Bewegungen und Entwicklungen viel wichtiger als die Treue der Tradition und die Reinheit der evangelischen Theodiceen. Die orientalische Kirche floh die Welt, war bloss in Streitschriften, inmitten der Geistlichkeit, in Klöstern tätig, sie machte wenig Propaganda, octroyierte dem Volke ihre Glaubenssätze von oben herab, und stritt nie mit der weltlichen Macht, vor welcher sie immer auf den Knien lag. Rom im Gegenteile, herrschsüchtig und despotisch seinem innersten Wesen nach, demütigte die deutschen Kaiser und die übermässigen Anmassungen des Staates dem Individuum gegenüber. Die

753

demütigere griechische Kirche befriedigte sich mit geheimem Einflusse, handelte durch die Eunuchen und in den Vorzimmern der Höfe und beschäftigte sich damit, die Klöster auf dem Berge Athos zu organisieren. Gewiss war dies viel christlicher und viel lauterer, allein weniger einflussreich auf das Volk und die Geschichte.

Und diese erschöpfte und apatische Religion, welche einen Staat wie das damalige byzantinische Reich voraussetzt, wollten die Slawophilen als Schlussstein auf das Gewölbe des künftigen Russlands setzen

<Католицизм отжил свое, как и греческая церковь, и протестантизм, и само христианство вкупе с монархической Европой и со всем римско-германским миром. У христианства вообще нет будущего, а у греческой церкви особенно. Она сослужила России великую службу, защитив нас от католицизма, а вместе с ним от феодализма и римского права. Восприимчивый, податливый и мягкий русский народ погиб бы или сломился под губительным воздействием папства и аристократического правления. Католицизм влечет за собой, как противоядие, протестантизм, который есть не что иное, как бесконечное чистилище, лишь наполовину освобождающее и просветляющее человеческий дух. Греческая же церковь для мирян просто идолопоклонство, ритуал обрядов и предписаний, которые будут заброшены, не оставив и следа, как только в умы проникнет хоть немного света. Доказательство этому мы видим в просвещенном сословии, которое в России ни от чего так не далеко, как от религии, и в легкости распространения секты «духоборцев», которая есть прямое отрицание церкви и, подобно анабаптистам и моравским братьям, выработала себе коммунистическое учение под христианским именем.

Я готов согласиться с тем, что греческая церковь более верна основам христианства, в большей чистоте сохранила учение отцов церкви, – это одна из причин, по которым она меньше дает себя знать, чем церковь Запада. Но для нас, увы, исторические элементы, зародыши движения и развития гораздо важнее, чем верность традициям и чистота евангельского богословия. Восточная церковь удалялась от мира, ее служители не сочиняли трактатов, а действовали в монастырях, она мало занималась прозелитизмом, преподносила народу сверху вниз

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
символ веры, с мирскими властями не препиралась, а всегда гнула перед ними шею.
Рим же, властный и деспотичный по своей природе, напротив, унижал немецких
императоров и противопоставлял личность чрезмерным притязаниям государства.
Униженная греческая церковь мирилась с тайными влияниями, передававшимися через
евнухов и дворцовую челядь, и забавлялась устройством монастыря на Афоне.
Христианского духа и бескорыстия здесь, конечно, больше, зато влияния на историю
и народ меньше.

И эту-то оскудевшую апатичную религию, введенную таким государством, как
тогдашняя Византия, славянофилы хотели бы восставить краеугольным камнем в
здании будущей России>

Стр. 104(235)

37-38(4-5) вместо: nerveux: Bélinnsky <раздражительный: Белинский> // nervös.
Wir sprechen von Vissarion Belinsky, einer der merkwürdigsten Persönlichkeiten
in der Geschichte unserer Journalistik und jüngsten Literatur <раздражительный.
Мы говорим о Виссарионе Белинском, одной из замечательнейших личностей в истории
нашей публицистики и молодой литературы>

Стр. 105(236)

34(3) вместо: notre ami Bakounine <нашего друга Бакунина> // unseres
unglücklichen Freundes Bakunin <нашего несчастного друга Бакунина>.

Стр. 106(236)

Щ25) После: vingt-cinq ans <двадцати пяти лет> // (nicht aber im 15. oder 16.)
<(а не пятнадцати-шестнадцати)>

27(33) вместо: le journal d'Arnold Ruge Au temps <журнал Арнольда Руге
времена> // die berühmten Hallischen Jahrbücher gemachten Propaganda. Allein man
muss sich in die Jahre 1838 und 39 zurückversetzen, wo die Moskauer Hegelianer
entzückt waren von der Vorträgen werdenden und die Kühnheit der Strauss'schen
Werke bewunderten. Die Hegelianische Orthodoxie von Berlin war noch bezaubert
von jenen dialektischen Taschenspielerereien, durch welche die christliche
Religion, welche in der Phänomenologie und Logik zu Grunde gerichtet und
aufgelöst worden war, sich von Neuem in der Religionsphilosophie aufrichtete,
gehüllt in ein speculatives Leichentuch, ohne das Jemand den Mut gehabt hätte,
zu bemerken, dass dies nicht mehr ein lebendes Wesen, sondern nur ein Schatten
sei. Man war damals sehr zufrieden, dass Hegel sich nicht über die
Unsterblichkeit der Seele ausgesprochen hatte. Mit einem Worte, damals war
noch die Zeit

<пропаганды, которую вел выходивший в Галле знаменитый ежегодник.

Но надобно

перенестись в годы 1838 и 39, когда московских гегельянцев восхищало
изложение в

сочинениях Вердера и поражаало глубокою в трудах Штрауса. Ортодоксальное
гегельянство в Берлине еще было тогда зачаровано диалектическими фокусами,
посредством которых христианская религия, разбитая и уничтоженная в
«Феноменологии» и «Логике», воскресала в виде «Философии религии», закутанная в
саван спекулятивных рассуждений, так что ни у кого не хватало мужества
разглядеть, что это не живое существо, а всего лишь тень. Тогда очень радовались
тому, что Гегель не высказывался о бессмертии души. Одним словом, то были
времена>

Стр. 107(237)

1-2(9_10) После: mettait une feuille de vigne sur ses vérités <прикрывавшей
фиговым листком свои истины> // hob er das Feigenblatt mit kecker Hand auf.
Unter demselben fand er weder Gott noch Religion, wohl aber den Nekrolog der
Gottheit und die Chronik der Religionen. Ohne sich einschüchtern oder
adschrecken zu lassen, sprach er dies offen aus, zum grossen Entsetzen eines
Teiles seiner Freunde, welche noch an dem feigen Deismus oder dem sinnlosen
Panthéismus der Berliner hingen.

Ich erinnere mich noch sehr gut, wie sich eines Tages Belinsky nachdem er
stundenlang gestritten, blass wie der Tod und von Aufregung bebend, erhob und
mit zitternder Stimme sagte: «Ihr wollt ^ nichts miteinander gemein».
Nachdem er sich von der Kirche losgesagt, musste er sich auch vom Staate
lossagen, was er etwas später auch tat. Der sinnlose Vergleich, den die
Philosophie mit der Wirklichkeit (Realität) eingegangen war, dieses zweite
Zugeständniss und diese zweite Lüge der Wissenschaft hielt die Geister gefangen.
Man erinnert sich wohl, wie man aus dem Hegel'schen Satze: «Alles wirkliche ist
vernünftig», die einfältigsten Folgerungen zog. Die Rechtfertigung alles
Bestehenden, die Rehabilitation der Tatsache führte zu einer vollständigen
Apathie und einer völligen Indifferenz gegen alles, was nicht transcendental und
metaphysisch war man verachtete die praktischen Kreise, das alltägliche Leben,
die Zufälligkeiten des Daseins, man betrachtete die Dinge nur sub specie

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович аeternitatis.

Die Philosophie wurde eine irdische Religion, eine Religion ohne Himmel, ein logisches Kloster, in das man sich aus der Welt flüchtete, um sich mit Abstraktionen zu beschäftigen, sie war die schlimmste Sorte von Christentum und Dualismus. Diese Anschauungsweise tödtete in dem Menschen die Lust zum Kampfe selbst, und welches Mittel gibt es denn, den Widerspruch zwischen dem Gedanken und dem Bestehenden aufzuheben, als den Kampf? Nachdem Belinsky ein oder zwei Jahre in diesem Sinne geschrieben hatte, wich er mit Entsetzen von seinem Irrtum zurück und gestand seinen Fehler mit seiner ganzen Freimütigkeit ein.

Von dieser Zeit (40–48) beginnt die eigentliche Wirksamkeit Belinsky's

755

Damals bemächtigte er sich der Leitung der «Jahrbücher» und beherrschte die russische Journalistik sechs Jahre hindurch. Er fiel als tapferer Krieger <и смело сбросил его, не найдя под ним ни бога, ни религии, а лишь некрологию божества и летопись религии. Безбоязненно и мужественно он говорил об этом открыто – к великому смятению некоторых своих друзей, все еще цеплявшихся за робкий деизм или за бестолковый пантеизм берлинцев. Я хорошо помню, как однажды, после многочасового спора, бледный как смерть и дрожащий от волнения Белинский встал и прерывающимся голосом произнес: «Вы хотите ^ ничего общего у меня с ним нет»».

Отказавшись от церкви, надобно было отказаться и от государства, и немного спустя он сделал это. Нелепое уподобление, приравнивавшее философию к действительности, этот второй тезис и вторая ложь науки, держало умы в плену. Каких только глупейших следствий ни выводили, помнится, из гегелевской сентенции: «Все действительное разумно». Оправдание всего существующего, признание всего, что совершается, приводило к полнейшей апатии и совершенному равнодушию ко всему нетрансцендентальному и неметафизическому, к пренебрежению практическим кругом дел, повседневностью, случайностями бытия; к тому, что все рассматривалось только sub specie aeternitatis³⁷[37]. Философия сделалась земной религией, религией без небес, логическим монастырем, куда бежали от мира, чтобы погрузиться в абстракции, худшим видом христианства и дуализма. Эти взгляды убивали в человеке стремление к борьбе, а какое же еще есть средство разрешить противоречие между идеей и действительностью, как не борьба? Года два Белинский писал в этом духе, а затем ужаснулся своего заблуждения и со всем свойственным ему прямодушием признался в нем. С этого времени начинается собственная деятельность Белинского (1840–48). Тогда он взял в свои руки руководство «Отечественными записками» и шесть лет господствовал в журналистике. Он погиб как мужественный боец»

Книга «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», доставленная Николаю I префектом парижской полиции Карлье не позже начала сентября 1851 г. (см. письмо М. С. Скурыдина к Н. В. Гоголю от 13 сентября 1851 г. – «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. I, М.–Л., 1936, стр. 133), была запрещена специальным постановлением Главного управления цензуры от 9 октября 1851 г. Это решение вызвано было предварительным заключением Комитета цензуры иностранной о необходимости отнести сочинение Герцена к числу тех, которые подлежат «безусловному запрещению на основании § 3 Устава о цензуре» («Красный архив», 1940, № 1, стр. 242).

П. В. Анненков, отмечая в своих заметках «Две зимы в провинции и деревне» то исключительное впечатление, которое произвела запрещенная книга в кругу Грановского, свидетельствует, что друзья ее автора долгое время «не вполне понимали, как могла пройти брошюра Герцена, не унеся кого-либо из них или всех вместе». И далее: «Николай Милютин рассказывал, что в разговоре с его дядей Киселевым Орлов упомянул о книге Герцена и прибавил: „Многих она выдала лучше всякого шпиона“. – „Да кого же она могла выдать? – возразил Киселев. – Ведь она говорит только о мертвых“. – „Э! – отвечал шеф жандармов. – Если бы мы захотели, то именно по мертвым-то до живых и добрались“» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 540).

Некоторые отголоски паники, охватившей круги передовой интеллигенции после выхода в свет французского издания «О развитии революционных идей в России», звучат и в тех упреках по адресу Герцена, которые получили выражение в «Письме к издателю» К. Д. Кавелина

756

и Б. Н. Чичерина, опубликованном с подписью «Русский либерал» в первом выпуске «Голосов из России», Лондон, 1856, стр. 9–36.

О позднейшем проекте издания «О развитии революционных идей в России» на русском языке см. письмо Герцена к Е. Я. Колбасину от 9 июня 1859 г. (XXVI, 272).

К стр. 171 и 177–178.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
Петр I сделал императрицей трактирщицу, жену шведского солдата ^ Императрица
Анна жила по-супружески с бывшим своим конюхом Бироном ^ Регентша Анна
Брауншвейгская летом спала со своим любовником на освещенном балконе дворца. –
Строки эти развивали и документировали одно из центральных положений статьи
Герцена «La Russie» об отсутствии в русском народе «особенной преданности
престолу»: «Народ бесстрастно молчал, не беспокоясь о том, признает ли камарилья
императорами и Романовыми – принцессу Брауншвейгскую или Курляндскую...» (VI,
212). Эти же страницы Герцена впоследствии легли в основу одной из частей
«Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина («Сказание о шести градон
ачальницах»).

К стр. 236.

...пропаганды, которую вела газета Арнольда Руге... – Имеется в виду
литературно-философский журнал левых гегельянцев «Hallische Jahrbücher für
deutsche Wissenschaft und Kunst», издававшийся в Лейпциге в 1838–1841 гг.
Редакторами журнала были А. Руге и Т. Эхтермейер. Журнал выходил ежедневными
листочками. О полемике, которая велась на страницах этого издания «против
бесплодного, аристократического и бесчеловечного понимания науки немецкими
профессорами, против их бегства в области абсолюта», – Герцен упоминает также в
статье «Michel Bakounine» (VII, 356).

...«Здесь», как выразился в 1848 году оратор одной польской депутации. – Эти
слова могли принадлежать Станиславу Ворцелю или Войцеху Дарашу, возглавлявшим
весной 1848 г. депутацию польских революционных эмигрантов в Париже (ср. XI,
127).

LE PEUPLE RUSSE ET LE SOCIALISME <РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ>

К стр. 338.

Очень распространенная в России сказка гласит... – Эту же «простонародную
сказку» Герцен вспоминал в письме к Н. А. Захарьиной от 28 апреля 1837 г. (XXI,
165).

MICHEL BAKOUNINE <МИХАИЛ БАКУНИН>

К стр. 343.

12 св. После слов: d'autre intérêt должно быть: Il nous rappelle les chrétiens
des premiers siècles et plus encore ces hommes ardents et infatigables de
l'époque de la restauration des sciences, qui, comme Cardan, Bruno, Pierre de la
Ramée, allaient de pays en pays propager leurs idées, enseigner, convaincre,
lutter avec les préjugés, exposant leur existence pour leur parole libre; ces
hommes persécutés, chassés partout, qui, après de longues fatigues et une
existence de dévouement, ne savaient où reposer leur tête, si la mort ne leur
venait en aide sur un bûcher ou dans un cachot obscur.

Русский перевод см. VU, 354: Он напоминает нам прозелитов ^ или в мрачной
тюрьме.

757

<Далее следует страница рукописного текста на французском языке – ред.>

Страница копии статьи «Michel Bakounine».

Историческая библиотека города Парижа.

К стр. 350.

8–9 св. После слов: gouvernement russe должно быть: «Et pourquoi ne pensez-vous
pas, – ai-je répondu, – que cet argent lui venait au contraire des ennemis du
gouvernement russe?» <<«А почему не думаете вы, – отвечал я, – что эти деньги он
получил, наоборот, от врагов русского правительства?»>

Купюры восстанавливаются по авторизованному списку статьи, обнаруженному
французским исследователем М. Кадо среди бумаг Ж. Мишле в Bibliothèque
historique de la Ville de Paris. См. публикацию М. Кадо в «Revue de Littérature
Comparée», 1960, № 136, стр. 585–595.

Копия сделана неустановленным лицом; в некоторых местах – правка Герцена. Вместо
Dessau ранее было: Anhalt-Cöthen (стр. 346, строка 38); после слова «torturé» –
стр. 350 (в переводе: стр. 362, после слова «пытке») зачеркнуто: mais quant à
des preuves, j'en manque <что же до доказательств – то у меня их нет>.

Заключительные три строки статьи (Post scriptum) вписаны рукой самого Герцена.

758

Том VIII

«БЫЛОЕ И ДУМЫ», чч. I–III

Об особенностях жанра, стиля и композиции «Былого и дум» см. книгу Л. Я.

Гинзбург «„Былое и думы“ Герцена», Л., 1957.

Критический свод откликов на «Былое и думы» в немецкой печати второй половины
XIX в. см. в книге: Eberhard Reissner. Alexander Herzen in Deutschland. Berlin,
1963.

К стр. 104.

...читал ~ БУРЬВНШ «Mémorial de S-te Hélène»... – Названная книга принадлежит

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Лас-Казу (см. VIII, 453). Но существуют и «Мемуары» Бурьенна (10 томов, 1829 – 1831) – один из важнейших мемуарных источников биографии Наполеона.

К стр. 125.

Попечитель Писарев считал нужным ^ отдать приказ... – Намек на военное звание А. А. Писарева (генерал-майор), который в бытность свою попечителем Московского учебного округа ввел в университете почти военную дисциплину и распорядок.

К стр. 221.

...говаривал А. А... – Имеется в виду А. А. Тучков.

К стр. 265.

Большая часть крещеных при Елизавете тайно придерживается своей печальной, дикой религии ~ Дьявол (шайтан) почитается наравне с богом. – Строки эти, как и приведенный Герценом на следующей странице ответ черемисов Курбановскому, восходят к данным очерка «Вотяки и черемисы» (I, 369, 371–372).

В Вятской губернии крестьяне особенно любят переселяться ^ за захватившими. – Это примечание восходит к данным очерка «Русские крестьяне Вятской губернии» (I, 373).

К стр. 274.

...председатель уголовной палаты... – Им был в то время надв. советник П. С. Куломзин.

К стр. 275.

...прокурор... – Губернским прокурором во Владимире был в то время коллежский советник П. Н. Шкларевич.

К стр. 286.

...статс-секретаря. – Имеется в виду бар. М. А. Корф.

759

К стр. 292.

...архиерей был человек сговорчивый... – Вятский епископ Нил Исакович (в миру Николай Федорович).

К стр. 295.

...sans phrase. – Выражение принадлежит Сийесу. 17 января 1793 г. на заседании Конвента решалась участь Людовика XVI. Голосование происходило открытое, каждый член Конвента, подававший голос, выступал с аргументацией своего мнения, один Сийес произнес только: «La mort». Возвращаясь на место, он сказал: «J'ai voté la mort sans phrases». То же XI, 475; XIX, 195.

К стр. 331.

...жених оставил ее... – Речь идет о Григории Можарове, письмо которого от 2 января 1833 г., адресованное Е. В. Пассеку, хранится в Харьковском филиале Государственного архива УССР (фонд Пассеков, № 778, ед. хр. 451, лл. 1–2). В этом письме, ссылаясь на болезнь, Можаров отказывался от брака со своей невестой, Л. В. Пассек.

К стр. 333.

«Ах, люди, люди злые, Вы их разрознили...» – Из песни «Вот мчится тройка удалая», текст которой восходит к стихотворению Федора Глинки «Сон русского на чужбине» (1825 г.).

К стр. 370.

...встречаясь ~ часто с одним из них... – Знакомым Герцену офицером Сибирского уланского полка, стоявшего во Владимире, был поручик Богданов. Он согласился быть шафером на свадьбе Герцена (ср. XXI, 372).

Охотники до реабилитации всех этих дам с камелиями и с жемчугами... – Имеются в виду романы А. Дюма-сына «Дама с камелиями» и «Дама с жемчугами».

К стр. 394.

...офицер С. – Жандармский офицер Соколов, дежуривший в Крутицких казармах (ср. XXI, 38).

К стр. 399.

Я протестовал. Это не помешало одному журналу напасть на меня. Я отвечал... – Герцен имеет в виду свое открытое письмо издателю «The Globe» от 23 октября 1855 г. с протестом против измененного заглавия английского перевода «Тюрьмы и ссылки» (см. «Mr Alexander Herzen – to the editor of „The Globe“» – XII, 301). О полемике, развернувшейся тогда же на страницах журнала «The Morning Advertiser» и о помещенном в журнале письме Герцена «My exile in Siberia (To the editor of „The Morning Advertiser“»)», см. XII, 545.

760

Том IX

«БЫЛОЕ И ДУМЫ», ч. IV

К стр. 19.

...Арнольд Руге, которого Гейне так удивительно хорошо назвал «привратником Гегелевой философии»... – Еще ранее «привратником немецкой философии» («Portier der deutschen Philosophie») А. Руге был назван в статье Ф. Энгельса «Дебаты по

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Гольцман «польскому вопросу во Франкфурте», напечатанной 7 сентября 1848 г. в органе К. Маркса и Ф. Энгельса «Neue Rheinische Zeitung», № 96.

К стр. 22.

«Все действительное разумно»... – Формула Гегеля в его «Основах философии права».

К стр. 27.

...проезжал по Новгороду Огарев... – Огарев был у Герцена в Новгороде 16 января 1842 г.

К стр. 48.

...там во всяком обществе наверное есть муха или две. – Имеются в виду шпионы (одно из значений французского *mouche* – муха).

...одна из самых энергических партий движения ставит мистическую формулу на своем знамени... – Вероятно, имеется в виду религиозно-идеалистическая окрашенность лозунгов итальянского республиканского движения, возглавленного Дж. Маццини – от тайного революционного общества «Молодая Италия» с девизом «*Dio e rolo*» («Бог и народ») до возникшей в 1855 г. «Партии движения».

К стр. 168.

...«каких ни вымышляли пружин, чтоб умудриться...» – Из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможа»:

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.

К стр. 182.

...отец мой оставлял десять тысяч серебром одному родственнику ~ его сестре небольшое имение... – Имеются в виду внебрачные дети дяди Герцена сенатора Л. А. Яковлева – Сергей и Софья (Левицкие). По духовному завещанию отца Герцена, составленному при жизни Льва

761

Алексеевича, в его владение должно было перейти село Архангельское («Дубасово тож») Керенского уезда Пензенской губернии. Однако после смерти брата в 1839 г. имение это И. А. Яковлев завещал Д. П. Голохвастову, но в особом письме к нему от мая 1845 г. выразил желание, чтобы он передал его «в потомственное владение» дочери брата Софье Львовне, в замужестве Поленовой (см. копии духовного завещания И. А. Яковлева за 1828, 1837 и 1839 гг., хранящиеся в архиве ГЛМ, а также – XX, 275 и 428).

«...c'est le testament d'Alexandre le Grand». – По преданию, Александр Македонский, когда его спросили перед смертью, кому он оставляет царство, ответил: «Тому, кто окажется достойнейшим».

К стр. 187.

...вдова коменданта Орской крепости... – Н. И. Вигель, о которой см. также XVIII, 86.

К стр. 218.

...отказал, последний раз по просьбе графа Строгонова... – Имеется в виду конфиденциальное письмо гр. С. Г. Строгонова от 16 марта 1843 г., в котором он запрашивал гр. А. Х. Бенкендорфа о возможности получить Герцену разрешение на кратковременный выезд за границу. К этому письму была приложена записка Герцена с изложением просьбы, подписанная Строгоновым (см. XXII, 275 и 427). См. также материалы «Дело попечителя Московского учебного округа о недозволении надворному советнику Герцену отправиться за границу». – «Звенья», VIII, М., 1950, стр. 87–89.

К стр. 242.

...«Возьми одр твой и ступай»... – Из Евангелия от Матфея, гл. 9, 6.

К стр. 248.

...*habent sua fata libelli!* – цитата из Теренциана Мавра – «О буквах, слогах, стопах и метрах». К стр. 251.

...с точки зрения вечности... – *Sub specie aeternitatis* – формула Спинозы в «Этике». То же X, 121; XX, 513.

К стр. 256.

...mit Perlen und Diamanten. – Перифраза стиха Г. Гейне из «Лирических интермеццо» («Du hast Diamanten und Perlen»). То же XI, 239; XIX, 176.

К стр. 274.

...одно существо... – По всей вероятности, имеется в виду Евд. В. Сухово-Кобылина, об «утаенной любви» к которой Н. П. Огарева ЛН, т. 61, стр. 648–649, 859.

762

Том X

«БЫЛОЕ И ДУМЫ», ч. V

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович К стр. 21.
 Это был герцог де Ноаль... – Очевидно, герцог Paul de Noailles (1802–1885), член палаты пэров, с 1849 г. член Французской академии.
 К стр. 24.
 Te souviens-tu [™] noble souvenir. – Из песни Поля-Эмиля Дебро «Te souviens-tu» («Ты помнишь ли», 1817).
 К стр. 37.
 .об Байроне ~ и о материях важных. – Перифраза стиха из «Горя от ума», д. IV, явл. 4.
 ...я взял пасс у одного молдо-валаха и уехал в Женеву. – Герцен переехал французско-швейцарскую границу с паспортом валаха Самюэля Петри. Под этим именем он и зарегистрирован в женевском паспортном регистре 22 июня 1849 г. (№ 5386): «Предъявленные бумаги: паспорт, выданный в Вене 4 января 1849 г. Имя: Петри Самюэль. Возраст: 30 лет. Национальность: австриец. Живет в гостинице Берг. Последняя вписанная виза: Париж, 15 июня. Бумаги возвращены 28 июня. Переданы Фази» (Marc Vuilleumier. Alexandre Herzen et James Fazy. – «Musées de Genève», 1963, № 32; (février), p. 12; ср. упоминания о Петри в т. XXIII наст. издания).
 К стр. 58.
 ...на манер гранвилевской иллюстрации, написать памфлет: «Les réfugiés peints par eux-mêmes». – Речь идет о серии рисунков Ж. Гранвиля «Les Français peints par eux-mêmes».
 К стр. 121.
 ...совлечь с себя старого [™] Адама... – Выражение из Послания апостола Павла к римлянам, гл. 6, 6; ефесянам, гл. 4, 22; колоссянам, гл. 3, 9. То же XV, 147.
 К стр. 129.
 ...per fas et nefas... – Из Тита Ливия, 6, 14.
 К стр. 191.
 15 св. Вместо: соображает должно быть: воображает В тексте первоисточника явная опечатка.
 К стр. 222.
 1 –2 св. Вместо: Июньских дней должно быть: до Июньских дней По списку «В» (ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 32).
 763
 К стр. 228.
 ...сквозь бледносинюю республику виднелись черты претендентов... – См. в наст. томе дополнение к т. I, стр. 110.
 К стр. 230.
 ...свободен от «трагичервических явлений»... – Цитата из «Евгения Онегина», гл. V, строфа XXXI.
 6–7 сн. Вместо: мировых колей должно быть: мировых колес По списку «В» и сопоставлению с текстом «Концов и начал» (XVI, 168).
 К стр. 338.
 12 св. Вместо: и огромным должно быть: и с огромным В тексте первоисточника опечатка.
 К стр. 361–362.
 Утром 4 марта ^ сделались для нас пятью распятиями». – Строки эти повторяются в статье «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне» (XVII, 77–78).
 ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ГЛАВ ИЗ ПЯТОЙ ЧАСТИ В «КОЛОКОЛ»
 В черновом автографе предисловие было первоначально озаглавлено: «Feuilleton. Fragments du IV volume des „[Faits] Souvenirs et pensées“ par Iscander. 1848–1853». Это заглавие зачеркнуто и заменено: «Feuilleton. Cogitata et visa».
 К стр. 381(382).
 8(3) Вместо: et au goût desquels j'ai une grande confiance <и ко вкусу которых питаю большое доверие> в автографе было: et qui ne flattent personne <и которые никому не льстят>
 22(7) Вместо: pour les lecteurs <для читателей> // pour tous les autres lecteurs <для всех других читателей>
 АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД гл. XXXVII
 В автографе в конце л. 1 текста имеется подпись (позднее зачеркнутая): I>scande>г.
 К стр. 382.
 37 После: Qu'ont-ils fait? <что они сделали?> в автографе было: C'est le Piémont qui donnera l'indépendance à l'Italie, le Pape sera échangé contre un Napoléon, le gras Bourbon contre un gros Murat
 <Это Пьемонт даст независимость Италии, папу обменяют на Наполеона, жирного Бурбона – на толстого Мюрата>
 Том XI

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

«БЫЛОЕ И ДУМЫ», чч. VI–VIII

Работа над седьмой частью «Былого и дум» не была закончена в 1867 г., а продолжалась и в 1868 г. Дополнительный анализ текста и содержания отдельных глав седьмой части позволяет уточнить некоторые даты. Так, публикуя начало главы «Апогей и перигей», Герцен отметил: «Писано в 1864 г.» В действительности опубликованные разделы главы (стр. 295–312) созданы в 1865 г., работа продолжалась в 1866 г. и была завершена лишь весной 1867 г. Весной и летом 1866 г., работая над эпизодом о приезде Бакунина в Лондон, Герцен выделил этот разросшийся рассказ в отдельную главу – «Бакунин и польское дело» (в рукописи эта глава датирована Герценом: «в конце 1865 г.» – по зачеркнутому: «весной 1866»). В 1866 г. создавался, по-видимому, и рассказ о приезде Бахметева, впоследствии перенесенный в главу о «молодой эмиграции». Наконец, весной 1867 г. из главы «Апогей и перигей» выделилось повествование о Кельсиеве, продолженное тогда же, весной 1867 г., в качестве отдельной главы. В составе этой главы весной 1867 г. создается и рассказ о «молодой эмиграции», куда переносится фрагмент о Бахметеве. В июле 1867 г., когда Герцену стало известно о ренегатстве Кельсиева, он выделил повествование о молодых эмигрантах в особую главу, работа над которой продолжалась и в 1868 г. параллельно с близким ей по своей идейной проблематике эпистолярным циклом «Еще раз Базаров». Глава же «В. И. Кельсиев» была завершена не ранее августа 1868 г.: вступление и некоторые другие фрагменты текста могли быть написаны лишь после знакомства Герцена с мемуарами Кельсиева «Пережитое и передуманное» (СПб., 1868) и откликами на них в русской прессе. Работа над главой «За кулисами (1863–1864)» была начата также после лета 1866 г., т. е. времени создания текста «М. Бакунин и польское дело». По первоначальному замыслу она должна была охватить более широкий круг событий, чем только рассказ о польской эмиграции и об экспедиции Лапинского. Эти написанные два раздела датированы Герценом 3 мая 1867 г. Развернутые обоснования датировок и поправок в тексте (в наст. томе стр. 766–767) уш[уш] см.: С. Лищинер. О датировке и составе «Былого и дум» (Новые материалы). – Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. XXIV, 1965, вып. 1, стр. 55–62.

К стр. 14.

...испортил шкуру медведя. – Намек на последние строки басни Крылова «Крестьянин и работник»:

Чему обрадовался сдуру?

Знай колет, всю испортил шкуру!

765

К стр. 39.

C'est une halte dans la boue... – Выражение наполеоновского генерала Ламарка, которым он охарактеризовал Реставрацию.

К стр. 54.

...«у меня в Швабии есть свой король»... – Из «Невского проспекта» Н. В. Гоголя, слова немца Гофмана: «Я швабский немец; у меня есть король в Германии».

...индийского борда – комитета по делам Индии (англ. board).

К стр. 120.

Tambourgi! Tambourgi! they'larum afar... – Начальная строка албанской песни из поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» (песнь вторая, после строфы LXXII).

К стр. 171.

...горькое пиво разлуки было нагоняемо сладким пивом нового знакомства. – Пародия на известное изречение из «Рая» (песнь XVII, ст. 58–59) Данте:

Tu proverai sì come sa di sale

Lo pane altrui

(Ты узнаешь, как горек чужой хлеб...)

...и скверный табачный дым Германии им сладок и приятен был. – Пародия на стих из «Горя от ума» Грибоедова (д. 1, явл. 7):

И дым отечества нам сладок и приятен.

К стр. 175.

«Pricadier – répondit Pandore». – Из стихотворения Г. Надо «Pandore ou les deux Gendarmes» («Brigadier, répondit Pandore»).

К стр. 190.

...«горький хлеб изгнания», wie der Schiller sagt. – Цитата не из Шиллера, а из Данте. Ср. выше примеч. к стр. 171.

К стр. 276.

День этот ~ был одним из самых светлых... – О банкете в честь Гарибальди в доме Герцена 17 апреля 1864 г. см.: В. Е. Невелер. Эхо гарибальдийских сражений.

М., 1963, стр. 92. Там же воспроизведено: «Menu au déjeuner à l'honneur du Général Garibaldi, donné par Monsieur de Herzen, Avril le 17, 1864».

К стр. 291.

Обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович...этого «сновидения в весеннюю ночь»... – Рассказывая о событиях, бывших весной 1864 г., Герцен иронически перефразирует название комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

К стр. 301.

Императрица плакала над письмом к ней о воспитании ее детей... – Воздействие письма Герцена на царицу и на некоторых придворных вызвало беспокойство в синоде. В результате была составлена (вероятно, обер-прокурором А. П. Толстым) специальная записка «Возражение Искандеру», предназначенная для внутреннего обращения в высших придворных кругах. См. о ней в статье Н. Я. Эйдельмана «Церковь в борьбе с Вольным русским словом». – «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 197–199.

К стр. 302.

От знойных Колхиды до льдов... – Перифраза стихов Пушкина («Клеветникам России»).

766

К стр. 327.

5 св. Вместо: еще вылазила должно быть: еще не вылазила Описка Герцена, перешедшая в текст К стр. 336.

24 св. После слов: мысль, которой бы он отдался должно быть:

Едва Кельсиев ушел за порог, новые люди, вытесненные суровым холодом 1863, стучались у наших дверей. Они шли не из готовящегося наступавшего переворота, а с обрушившейся сцены, на которой они уже выступали актерами. Об них мы поговорим после.

Поправка дается по автографу (ЛБ).

К стр. 345.

Молодой человек с видом кадета ^ седьмых-восьмых сыновей степных помещиков. – П. А. Бахметев родился 8 августа 1828 г. в с. Изнаир Сердобского уезда Саратовской губернии. В 1851 г. закончил саратовскую гимназию, причем в последние месяцы был учеником

Н. Г. Чернышевского (сообщено Е. Г. Бушканцем). В 1856 г. Бахметев обсуждал в Петербурге с Чернышевским свой проект создания ассоциации социалистического типа в Океании. Впоследствии послужил прототипом героя романа «Что делать?», «особенного человека» Рахметова (см. С. А. Рейс с ер. «Особенный человек» П. А. Бахметев. – «Русская литература», 1963, № 1). П. А. Бахметев покинул Россию не раньше мая 1857 г. (объявление о его отъезде помещено в «Саратовских губернских ведомостях» от 28 апреля 1857 г.). Герцен отмечает (XI, 348), что Бахметев уехал из Англии «на другой день» после передачи денег (31 августа), т. е., очевидно, 1 сентября 1857 г.

К стр. 348.

...ехал этот человек в Маркизские острова. – Судьба Бахметева после его отплытия из Англии остается невыясненной. В 1860 – 1861 гг. министерство иностранных дел безуспешно пыталось установить местопребывание Бахметева. Некоторые косвенные данные позволяют предположить, что Бахметев направился из Англии не на Маркизские острова, а в Соединенные Штаты Америки.

Друзья, с глубокой любовью и глубокой печалью провожаем мы ~ Н. Огарев. – Список Обращения к комитету русских офицеров в Польше, подписанный Н. Огаревым, сделан рукой А. А. Герцена. В статье Я. З. Черняка и А. В. Аскарянц «К вопросу об отношении Герцена и Огарева к польскому восстанию» (Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей. Вып. XIII, М., 1952, стр. 161) высказано неверное предположение, что список обращения сделан рукой А. А. Потебни.

К стр. 378.

1 –3 св. Вместо:

<Глава V>

Пароход «Ward Jackson» R. Weatherley & Co

1

должно быть:

<Глава V>

За кулисами (1863–1864)

...Мы остались одни – без веры прислушиваясь к дальним раскатам выстрелов, к дальнему стону раненых. В первых числах апреля пришла весть о том, что Потебня убит

767

в сражении у Песковой горы. В мае был расстрелян Подлевский в Плоцке. А там и пошло – и пошло.

Трудное, невыносимо трудное время!

И ко всему печальному, быть невольным зрителем людской тупости, бестолковости, проклятого очертя голову, губящих все силы около себя.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович И.

Пароход «ward Jackson» R. weatherley & C°

Поправка дается по автографу (ЛБ).

Приведенное здесь начало главы V «Былого и дум» должно быть исключено из раздела «Другие редакции» (XI, 547).

...я получил второе письмо того же содержания через дом Ротшильда. – В статье «Предостережение в редакцию „Польского демократа“» Герцен сообщал, что «отлично» знает «лицо, которое писало второе письмо», что это лицо «находится в России», что это человек, которого он «очень уважает и в правдивости слов которого нисколько не сомневается» (XIII, 65). Из приведенного в статье текста этого письма видно, что автор обращается к Герцену на «ты» и, надо думать, являлся одним из его старых друзей. Поскольку Герцен сообщил в письмах к М. Мейзенбуг (XXVI, 129) и Ж. Мишле (XXVI, 135), что получил все сведения о Михаловском из Петербурга, можно предположить, что автором «второго письма» был К. Д. Кавелин или П. В. Анненков. Из других друзей Герцена никто в 1857 г. в Петербурге не проживал.

К стр. 407.

...в роли рыцаря индустрии – т. е. проходимца (франц. *chevalier d'industrie*).

К стр. 416.

15 сн. Вместо: письмо С. должно быть: письмо В.

Описка Герцена. Надпись «вы трусите» сделана Головиным именно на письме В (в автографе первоначально литер письма был обозначен верно – В, но затем ошибочно переправлен Герценом на С).

2 сн. По недосмотру не поставлен литер С.

К стр. 417.

18 сн. Вместо: *reconnaissance* <признательности> должно быть: *recrudescence* <вспышки> Исправляется по автографу.

К стр. 419.

13 св. Вместо: *Joseph and Josephus* должно быть: *Joshua and Josephus*

3 сн. Вместо: Иосиф и Иосиф Флавий должно быть: Иисус и Иосиф

Имеются в виду Иисус (*Joshua* – древнееврейская форма) и Иосиф, муж матери Христа.

К стр. 450.

...*Città*™ *dolente*... – Выражение из «Ада» Данте (песнь III, стих 1-й).

К стр. 455.

...что вы отлеонтины маленькой ... – О встрече Герцена и его жены с Леонтиной см. в письме Н. А. Герцен к Эмме Гервег от 8 марта 1850 г. – ЛН, т. 64, стр. 278–279.

...«*dame aux perles*»... – Героиня романа А. Дюма-сына «*La Dame aux perles*».

К стр. 465.

...«блеск упоительный бала»... – Из стихотворения Лермонтова «М. А. Щербатовой».

У Лермонтова: «Блеск утомительный бала».

К стр. 475.

...«Ныне отпускаеши!» – Из Евангелия от Луки, гл. 2, 25–32.

К стр. 491.

...господин «средних лет, ни толстый, ни худой». – Неточная цитата из гл. I «Мертвых душ» (описание Чичикова).

К стр. 515.

17–18 св. Вместо: несправедливым. Таким ли был я расцветая? должно быть: несправедливым Таким ли был я расцветая?

Опечатка в тексте ПЗ.

К стр. 545.

9 – 10 св. Вместо: *chief of the Exchequer* скоро обойдет двух спянных врагов должно быть: *chief of the Exequies* скоро обойдет двух приапически спянных врагов

Исправляется по автографу.

К стр. 625.

Третий был М. ... – В. Милович.

К стр. 626.

6 и 14 св. Вместо: Проватов должно быть: Провансов Исправляется по автографу.

К стр. 793.

Левый столбец, 9 – 10 сн. Вместо: Проватов, член «Земли и воли» – 626 должно быть: Провансов – конспиративное имя А. А. Слепцова (см.).

Том XII

DO REDAKCJI «DEMOKRATY POLSKIEGO» <В РЕДАКЦИЮ «ПОЛЬСКОГО ДЕМОКРАТА А»>

К стр. 79.

10–11 св. После слов: лучших дел должно быть: Таково мое глубочайшее убеждение.

Пропуск в переводе (ср. стр. 71).

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович ЮРЬЕВ ДЕНЬ! ЮРЬЕВ ДЕНЬ!
Прокламация была написана в конце мая 1853 г. Герцен сообщал М. К. Рейхель 30 мая: «Написал маленькую штучку под заглавием „Юрьев день! Юрьев день!“. Не знаю, как вы благословите, иным нравится» (XXV, 69).
КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
К стр. 98.
...литографию ^ «Славянского невольника»? – Герцен имеет в виду литографию, зарегистрированную в научном описании материалов музея Адама Мицкевича в Париже под названием: «L'esclave slave». Lithographie d'Oziembowski, distribuée a un cours au Collège de France où Mickiewicz parlait des misères et de la grandeur morale du paysan slave («Inventaire du Musée A. Mickiewicz, portraits et souvenirs». Paris. 1948, стр. 34, № 547). Справка об этом получена от польского литературоведа Б. Бялокозовича.
LE DUALISME, C'EST LA MONARCHIE <ДУАЛИЗМ – ЭТО МОНАРХИЯ>
К стр. 228.
.. .рассматривает человека, подобно Аристотелю, как *zoon politicon*. – См. Аристотель. Политика, 3, 6.
770
DISCOURS D'ALEXANDRE HERZEN
В ЦГАЛИ хранится вырезка из газеты «The People's Paper» с правкой Герцена (исправление явных искажений) в тексте его речи (ед. хр. 367, л. 17 об.).
К стр. 264.
Оставим же мертвым хоронить мертвых! – Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 8, 22. Ср. XVI, 14.
ОБЪЯВЛЕНИЕ О «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ», 1855
Первая книга «Полярной звезды» вышла в свет около 20 августа 1855 г. (15 августа Герцен писал Л. Пьянчани: «„Полярная звезда“ выйдет только 20-го» – XXV, 295). В начале сентября отпечатанный альманах был отправлен М. К. Рейхель (см. XXV, 298). Уточнение даты выхода книги проясняет обстоятельства получения «тетради стихотворений Пушкина, Лермонтова и Полежаева», о которой Герцен сообщил в первой книге «Полярной звезды». «Книжка наша была уже отпечатана, когда мы получили тетрадь», – уведомлял Герцен (XII, 454). За несколько дней до выхода «Полярной звезды», 16 августа 1855 г., в Лондон прибыл один из старых московских друзей Герцена, П. Л. Пикулин, проживший у Герцена неделю (см. XXV, 296). По всей вероятности, стихи были привезены им. Судя по письму Герцена к М. К. Рейхель от 25 сентября 1855 г. (см. XXV, 301), он же, возвращаясь из Лондона в Россию, провез какой-то нелегальный груз – очевидно, только что вышедшую первую книгу «Полярной звезды».
К стр. 267.
Порядок царил в Париже... – Проводя аналогию между Францией и Польшей, Герцен вспоминает историческую фразу французского министра иностранных дел Себастиани: «L'ordre règne à Varsovie», сказанную в 1831 г. в разгар кровавых событий в Польше.
ПИСЬМО К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ
В составе «Празжской коллекции» (ЦГАЛИ) сохранился отдельный оттиск «Письма», изготовленный в Вольной русской типографии.
«RENAISSANCE» PAR J. MICHELET
К стр. 284.
«Взгляни на лилию, она не прядет, а одета лучше тебя»... – Неточная цитата из Евангелия от Матфея, гл. 7, 28–29.
«Кесарю кесарево»... – Там же, гл. 22, 15–21.
...посредством простых. – Так назывались растения и некоторые минералы, из которых составлялись лекарства.
К стр. 285.
ОТВЕТ <Милостивый государь! Вы не ошиблись...>
Добрый немецкий монах Спренгер, написавший книгу «Млат колдовства»... – Авторами этой книги 1487 г. были монахи ордена доминиканцев, профессора богословия и инквизиторы Генрих Инститорис и Яков Шпренгер. См. русский перевод их книги: Инститорис и Шпренгер. Молот ведьм. Перевод с лат. Н. Цветкова. ОГИЗ, 1932. □
20 сентября 1855 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Получил по почте целую критику на „Полярную звезду“ – из Берлина, а сдается, что это от Н. И. Тургенева» (XXV, 301).
Как устанавливается рукописным библиографическим справочником П. П. Пекарского, хранящимся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, автором письма «Г. издателю „Полярной звезды“» был не Н. И. Тургенев, а С. Д. Полторацкий, библиофил, библиограф и популяризатор русской литературы на Западе (см. Б. Егоров. С. Д. Полторацкий – сотрудник «Полярной звезды» А. И. Герцена. –

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
«Русская литература», 1963, № 3, стр. 150).

ОБА ЛУЧШЕ

К стр. 332.

1 сн. Вместо: и совсем злое должно быть: и совсем не злое В тексте первоисточника опечатка.

К стр. 337.

10 св. Вместо: врагом должно быть: Орасом

Исправлено в тексте газетной вырезки, хранившейся в архиве Герцена – см. ЛН, т. 63, стр. 796.

23 св. Вместо: которую он оставил должно быть: которую отец оставил.

Исправляется на том же основании.

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА

К стр. 374.

...целой ширинги плечистых *virorum obscurorum*... – Сатирически использовано заглавие памфлета Ульриха фон Гуттена «*Epistolae obscurorum virorum*».

ЕЩЕ ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ

Возможно, 3 февраля 1857 г. – действительная дата завершения статьи. Написав статью 8 ноября 1856 г., Герцен сообщал И. С. Тургеневу, что будет ее печатать «еще через два месяца» (XXVI, 47), т. е. в начале 1857 г. Расположение статьи «Еще вариация на старую тему» в конце третьей книги «Полярной звезды» и получение Мельгуновым и Тургеневым листов «Полярной звезды» с этой статьей в последних числах марта 1857 г. – говорят о том, что дата 3 февраля 1857 г. не была вымышленной.

PREMIERE LETTRE <ПИСЬМО ПЕРВОЕ>

К стр. 473.

Нет, нет, ты уж не моя Лизетта! – Из стихотворения Беранже «*Ce n'est plus Lisette*».

«*Laissez faire, laissez passer*»... – Принцип этот, требующий невмешательства правительства в экономическую жизнь общества, провозглашен был французскими физиократами середины XVIII столетия.

772

Том XIII

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

К стр. 21.

Александр И. Речь к московскому дворянству. – Речь Александра II к депутатам московского дворянства была произнесена 30 марта 1856 г.

ЛОБНОЕ МЕСТО

Как видно из писем Герцена от 14 августа 1857 г. И. С. Тургеневу и М. К. Рейхель, статья была закончена до этой даты.

OSTRZEZENIE... <ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ...>

Документы архива III отделения о Генрихе Михаловском опубликованы в «Полн. собр. соч. и писем

А. И. Герцена» под ред. М. К. Лемке, т. XXII, 1925, стр. 67–72. О разоблачении предателя Герцен писал 14 октября 1857 г. М. Мейзенбуг и 12 ноября 1857 г. Ж. Мишле (XXVI, 128 и 134).

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «14 ДЕКАБРЯ 1825 И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ»

Листы незавершенного русского издания, упомянутого М. К. Лемке (см. л IX, 584 и XIII, 514), ныне хранятся в библиотеке Н. П. Смирнова-Сокольского (Москва).

Книга начинается со шмуктцитула: «Письмо к императору Александру II». Далее следует самое письмо (стр. 1–18), а затем «Разбор книги барона Корфа» (стр. 1–126). Пагинация эта не совпадает с пагинацией лондонского издания. Как указывает Н. П. Смирнов-Сокольский, в недопечатанную книгу вклеен листок, на котором «по-видимому, рукой прежнего владельца», написано: «Эта книга напечатана в России, в самом Петербурге, на ручном станке, во время студенческих волнений при Филиппсоне и Путятине. Место печати – Офицерская, у Большого театра. Полагаю, книга наиредчайшая» (Ник. С м и р н о в – С о к о л ь с к и й . Рассказы о книгах. М., 1959, стр. 432). Таким образом определяется, во-первых, место и время этой нелегальной попытки перепечатать книгу Герцена (1861) и, во-вторых, фактическая несостоятельность данных М. К. Лемке о происхождении дошедших до нас ее листов.

ЧТО ЗНАЧИТ СУД БЕЗ ГЛАСНОСТИ

«Благодетельным генерал-адъютантом» К., упомянутым в письме Тургенева и в тексте статьи (стр. 186), являлся, вероятно, гр. П. Д. Киселев, русский посол в Париже, с которым, как и с его ближайшим сотрудником Н. А. Орловым, Тургенев поддерживал в то время связь. Видимо, от них и были получены Тургеневым материалы о «деле» А. В. Кочубея (покушавшегося на жизнь И. Зальцмана), пересланные затем Герцену и напечатанные в «Колоколе». Об этом «деле» см. в книге А. Д. Любавского «Русские уголовные процессы», т. I, СПб., 1866, стр. 335–336, а также в обзоре Б. С.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Гинзбурга «Отношение читательских кругов России к статьям „Колокола“ (1857–1861)». – Сб. «Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.», М., 1963, стр. 312–313.

ОХАПКА ДРОВЕЦ СТАРУШКИ

К стр. 192.

...великого славянина. – Речь идет о Яне Гусе.

A MONSIEUR LE MINISTRE DE L'INTERIEUR A DRESDE <САКСОНСКОМУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ>

Немецкий перевод письма Герцена, опубликованный в официальной дрезденской газете, воспроизведен в «Русском библиофиле», 1914, № 4, стр. 62.

ЛОЖНЫЙ ДОНОС НА НАС И БЕЗГРАМОТНЫЙ ЦИРКУЛЯР О НАШИХ КНИГАХ

К стр. 204.

Приславший его нам говорит, что его сочинил А. И. Левшин... – Точный текст секретного циркуляра министерства внутренних дел, а также осведомленность приславшего о том, что документ «сочинил

А. И. Левшин» – позволяют предположить, что корреспондентом «Колокола» в данном случае был начальник отделения министерства внутренних дел В. П. Перцов, пересылавший Герцену секретные материалы различных ведомств (см. статью Н. Я. Эйдельмана «Анонимные корреспонденты „Колокола“», в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 255–279). По-видимому,

В. П. Перцовым прислана и другая корреспонденция из материалов министерства внутренних дел, которая легла в основу заметки «Разграбление монастыря и поход черниговского губернатора против монахинь» и была опубликована в л. 10 «Колокола» рядом с заметкой «Ложный донос...» (см. XIII, 442 и 625).

LA FRANCE OU L'ANGLETERRE? <ФРАНЦИЯ ИЛИ АНГЛИЯ?>

К стр. 253.

...призраки ходят быстро в наши дни ! – Из поэмы Бюргера «Ленора» (в подлиннике вместо „призраки“ – „мертвецы“).

ЗАКРЕВСКИЕ БЕРУТ ВЕРХ

La patrie est en danger!.. – Лозунг, провозглашенный законодательным корпусом Генеральной Ассамблеи 11 июля 1792 г. в связи с вторжением интервентов во Францию.

774

ПОЛЬЗА ОТ ГЛАСНОСТИ ДЕЛО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА Г. ПОДПОЛКОВНИКА СЕЧИНСКОГО

В основу этих статей легли материалы, доставленные Герцену, по всей видимости, через П. Л. Пикулина. С его письмами связана и первая публикация о деле полицмейстера Сечинского и девицы Янсон, вошедшая в состав статьи Герцена «Под спудом» (см. XIII, 518). В конце марта – начале апреля 1858 г. Герцен сообщил М. Мейзенбуг о новом письме Пикулина, извещавшем, что «император приказал немедленно отдать полицмейстера под суд» (XXVI, 169). Видимо, Пикулин переслал Герцену и «промемотию, пущенную в Москве Сечинским» (XIII, 256). Подробнее о деле Анны Янсон см. статью С. Штрайха «Убийство Анны Янсон» («30 дней», 1932, № 12, стр. 71–76).

О ГРАФ ВИКТОР НИКИТИЧ!

К стр. 265.

Следует исправить подстрочный перевод: 1 Высший закон – высшая несправедливость (лат.).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НЕКРОЛОГА

АВРААМИЯ СЕРГИЕВИЧА НОРОВА

Г. Вендт, пославший корреспонденцию, которая легла в основу статьи, был личным секретарем

А. С. Норова. Он сопровождал министра в заграничном путешествии, описанном в статье Герцена. Поссорившись 30 июля 1857 г. в Дрездене со своим патроном, Вендт разорвал с ним отношения и написал письмо Герцену (см. «Русская старина», 1898, № 5, стр. 251).

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ

«„О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ" КНЯЗЯ М. ЩЕРБАТОВА И „ПУТЕШЕСТВИЕ" А.

РАДИЩЕВА...»

Книга эта вышла в свет в середине июля 1858 г. В «Колоколе» от 15 апреля 1858 г. объявлялось, что книга печатается. В номере от 1 мая 1858 г. это объявление было повторено, и лишь 15 июля 1858 г. появилось объявление о том, что книга поступила в продажу (ср. письма Герцена к М. Ф. Корш от 22 июля 1858 г. и к М. К. Рейхель от 30 июля 1858 г. – XXVI, 193 и 194).

К стр. 277.

...исторический путь и не есть прогулка по Невскому! – Эти строки Герцена послужили источником широко известного выражения Н. Г. Чернышевского:

«Исторический путь – не тротуар Невского проспекта» (см. его статью 1861 г. о книге Г. Кэри «Политико-экономические письма к президенту Американских

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Соединенных Штатов». – Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 923).

ТАМБОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО

К стр. 283.

...мы охотно верим корреспонденту, что князь Голицын виноват... Об отношениях Герцена с Ю. Н. Голицыным см. XI, 313–324, XIV, 89 и 366 и XXVI, 200. Тяжбу Ю. Н. Голицына с крестьянами освещают материалы архива министерства внутренних дел (см. ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 19, № 868).

775

АРХИПАСТЫРСКОЕ РВЕНИЕ О МРАКЕ

Обеспокоенный разоблачениями «Колокола», обер-прокурор синода А. П. Толстой, прямо задетый в данной статье, подготовил секретную записку на имя Александра II «О противодействии сочинениям Искандера», которая никаких явных практических последствий, однако, не имела.

1 июля 1858

К стр. 296.

Многие упрекают «Колокол», и в том числе прусская «Крестовая газета», в непочтительном тоне... – Подстрочное примечание к статье повторяет во многом, местами дословно, письмо Герцена от 3 июня 1858 г. к П. В. Анненкову и И. С. Тургеневу (XXVI, 181), где Герцен отвечал на их упреки (и упреки «московских друзей») относительно направления «Колокола». Названное письмо позволяет предположить, что ссылка на «Kreuzzeitung» носит маскировочный характер.

ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТ

Статья основана на материалах, присланных Герцену, вероятно, К. Д. Кавелиным, П. В. Анненковым и И. С. Тургеневым. Первые сведения о «кавелинской истории» Герцен получил, видимо, в начале июня 1858 г. (ср. его упоминание о «страшно интересных письмах» Анненкова и Тургенева, которые были по прочтении им уничтожены – XXVI, 181). 13 июля 1858 г. Герцен именно Анненкова информировал о том, что «кавелинская история» помещена в «Колоколе», и писал об этом как о чем-то хорошо известном адресату (XXVI, 191–192).

А. ИВАНОВ

К стр. 324.

...он жил у одного приятеля... – В Петербурге А. Иванов жил на квартире у М. П. Боткина, который, вероятно, и сообщил Герцену сведения о последних месяцах жизни Иванова. Подробности, рассказанные в статье, совпадают с деталями, содержащимися в книге М. П. Боткина «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка», СПб., 1882. Вскоре после смерти Иванова М. П. Боткин уехал за границу, откуда писал Герцену (ответное письмо Герцена см. XXVI, 240–241).

К стр. 327.

На другой день мы ходили с ним в National-Gallery... – Это было 6 августа 1857 г. См. записку Герцена к В. П. Гаевскому, датированную этим днем (XXVI, 118–119).

LO TZAR ALESSANDRO II E IL GIORNALE «LA CAMPANA» <ЦАРЬ АЛЕКСАНДР II И ГАЗЕТА «КОЛОКОЛ»>

Русский перевод статьи появился впервые в харьковской газете «Утро» от 31 июля 1911 г., № 1411 (в публикации опущено начало статьи и примечания, а также исключены высказывания Герцена о внешней политике русского правительства). Номер газеты «Утро» со статьей Герцена был конфискован, а редактор газеты А. А. Жмудский привлечен к судебной ответственности на том основании, что «вся статья направлена к умалению личности покойного императора и оскорблению его памяти, потому представляет преступное деяние, предусмотренное статьей 107 Уголовного Уложения» («Красный архив», 1940, т. I (98), стр. 259).

776

В связи с содержавшимся в газете указанием на то, что статья Герцена будет напечатана в «августовской книжке» «Русской мысли», между харьковским окружным судом и Главным управлением по делам печати возникла переписка о необходимости принять санкции против журнала (см. ЦГИАЛ, ф. 776, 1878, оп. 6, д. 363, лл. 18–21). В результате редакция «Русской мысли» отказалась от перепечатки статьи Герцена.

ARPEL A LA PUDEUR

К стр. 409.

Духа же празднословия не даждь ми! – Цитата из великопостной молитвы Ефрема Сирина.

К стр. 413.

...партикулярной пчелы... – Газета «Северная пчела» формально была частной (партикулярной), а не государственной (официальной) газетой.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА (ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ) (Примечание)

К стр. 423.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович...неизвестного корреспондента, приславшего нам это письмо. – Письмо из Петербурга, помещенное во 2-м листе «Колокола», являлось первой корреспонденцией из России, представлявшей большой общественно-политический интерес. Значительная осведомленность его автора в секретных делах министерства внутренних дел, особенно касающихся раскольников, сближает «Письмо к издателю» с другими известными нам корреспонденциями, посланными в «Колокол» из министерства внутренних дел, особенно с «Письмом к редактору» в 25-м листе «Колокола». Характерно, что и автор письма «Из Петербурга» во 2-м номере и «Письма к издателю» в 25-м называют правительство «революционером», фактически толкающим народ к революции (ср. К, л. 25, стр. 205–206, и К, л. 2, стр. 14–15). Эти соображения позволяют предположить, что автором обеих статей был В. П. Перцов (см. Н. Я. Эйдельман. Анонимные корреспонденты «Колокола». – Сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 255–279). Статья «Из Петербурга» была передана Герцену Н. А. Мельгуновым. Именно о ней Н. А. Мельгунов справлялся в своих письмах к Герцену от 15 и 22 мая 1857 г. (см. ЛН, т. 62, стр. 352–360).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЭМЕ Н. П. ОГАРЕВА «ЮМОР»
Поэма Огарева «Юмор» вышла в свет в 1857 г. (см. объявления в К, лл. 2 и 3 от 1 августа и 1 сентября 1857 г.).

ШАРМАНКА
Вопрос об авторе «Шарманки» остается открытым, так как даже весьма вероятная гипотеза о передаче этого стихотворения в «Колокол» именно В. Р. Зотовым ни в какой мере не является доказательством самой принадлежности ему этого произведения. См. «Вольная русская поэзия второй половины XIX века». Подготовка текста и примечания С. А. Рейсера и А. А. Шиловой, 1959, стр. 721–722; Е. Г. Бушканец. Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1962, № 4, стр. 343).

777
НОВГОРОДСКОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ в 1831 (Примечания)
Примечания к публикации принадлежат не Герцену, а М. И. Семевскому (см. Н. Я. Эйдельман. Анонимные корреспонденты «Колокола». – Сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 252–255).

ЗАМЕТКИ О ПОЛУЧЕНИИ СТАТЕЙ
Об участии Н. И. Тургенева в «Колоколе» см. новейшие работы: Barry Hollingsworth. N. I. Turgenev and „Kolokol“ («The Slavonic and East European Review», v. XLI, N 96, December, 1962, стр. 89–100); В. М. Тарасова. Декабрист Н. И. Тургенев – сотрудник «Колокола». – «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 239–250.

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНЫЕ СТАТЬИ, ПОЛУЧЕННЫЕ НАМИ...
Автором статьи «Разбор программы занятий губернских комитетов» был А. И. Кошелев.

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ
...душевно благодарим писавшего... – Письмо написано начальником отделения департамента общих дел министерства внутренних дел В. П. Перцовым, возможно, при участии его брата, Э. П. Перцова.

МЫ ОТПРАВИЛИ ПРОШЛЫЙ ЛИСТ...
К стр. 433.
Важность «Дедновского дела»... – Подробное изложение «Дедновского дела» см. в книге С. Т. Славутинского «Генерал Измайлов и дедновское дело», Academia, М. –Л., 1936. Неизвестный корреспондент «Колокола» упоминал – довольно неодобрительно – самого Славутинского в числе расследователей «Дедновского дела». По этому поводу С. Т. Славутинский оправдывался перед Н. А. Добролюбовым (см. сб. «Огни», Пг., 1916, стр. 41–42).

СЕНАТОР АВЕРКИЕВ
К стр. 438.
Некто Г..., служивший в консультации при министерстве юстиции... – В консультации при министерстве в 1857 г. служил лишь один человек, чья фамилия начиналась на букву «Г» – Аф. Иванович Горяинов. Судя по «Адрес-календарю», в 1858 г. он служил уже в Москве.

ПО ВОЕННОМУ ВЕДОМСТВУ
К стр. 438.
...неизвестный нам корреспондент... – Автором приведенного в статье письма был Георгий Иванович Миклашевский. Участник крымской войны, вышедший в 1856 г. в отставку, он в 1857 г. уехал за границу, обосновался в Лейпциге, стал сотрудничать в типографии Бера и завязал переписку с Герценом. Миклашевскому принадлежит инициатива создания «Русской библиотеки», в которой должны были

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Рудницкой «Из истории революционных русских изданий конца 1850-х годов за границей („Дело" Г. И. Миклашевского)». – Сб. «Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.». М., 1963.

778

ХЕРСОНСКАЯ ЗЕМСКАЯ ПОЛИЦИЯ ХЕРСОНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ПАЛАТОЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ

Возможно, что оба сообщения из Херсонской губ. были получены Герценом от В. М. Раевского, служившего в 1857–1860 гг. в Херсонском губернском статистическом комитете. Ранее вместе с братом Н. М. Раевским он был членом Харьковского подпольного студенческого общества (см. Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики 1856–1858. Харьков, 1930, стр. 42). О связях Н. М. Раевского с Герценом см. стр. 820 наст. тома. В 1860 г. В. М. Раевский был арестован по делу Харьковского подпольного общества, причем у него было изъято письмо без подписи из Одессы (вероятно, от С. С. Громеки), где автор предупреждал В. М. Раевского о грозящем аресте и извещал о том, что уже сообщил об этом факте «другу своему Герцену» (Ф. Ястребов. Революционная демократия на Украине. Киев, 1960, стр. 226). Вероятно, В. М. Раевский был также автором корреспонденции, положенной в основу заметки «Предостережение» (XIII, 449).

779

Том XIV
РОССИЯ И ПОЛЬША

К стр. 11

«Есть время камни собирать, – говорит Соломон, – и есть время камни метати». – Цитата из Екклесиаста, гл. 3, 5 (автором Екклесиаста считался царь Соломон).

К стр. 17.

...статья о «кражах полковыми начальниками». – Подразумевается статья В. Н. Чичерина «О полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях», напечатанная анонимно в «Голосах из России», первый выпуск второй части, Лондон, 1856, стр. 46–109.

К стр. 38.

...во время войны 1859 я говорил ^ освободить западных славян. – Герцен имеет в виду свои высказывания в очерке «Война», вошедшем затем в статью «Война и мир» (см. XIV, 106 – 107).

ОПЯТЬ ОБЪЯСНЕНИЕ

К стр. 61.

Мы получили письмо, в котором сильно нападают на нас... – Герцен отвечает на письмо Ю. Н. Голицына, содержавшее упреки за публикацию «Письма к редактору» в 25-м листе «Колокола» (см. Н. Я. Эйдельман. Переписка Ю. Н. Голицына с Герценом. – Сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 485–495).

ГЕНЕРАЛЫ ОТ ЦЕНСУРЫ И ВИКТОР ГЮГО НА БАТАРЕЕ САЛЬВАНДИ

Фельетон Герцена, без ссылок на нелегальный первоисточник, был широко использован Ф. М. Достоевским в его введении в цикл статей о современной русской литературе в журнале «Время», 1861, № 1, отд. 3, стр. 7.

НОВАЯ МЕРЗОСТЬ В ПОЛЬШЕ

В тексте «Колокола» после слов «Ох вы мои...» – марашка, которой забыты слова: «Płon- Płon».

См. сообщение И. Ю. Твердохлебова «К истории статьи Герцена „Новая мерзость в Польше"». – Сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 468–478.

780

RUSSIA BY A RECENT TRAVELLER

Автором книги, сочувственно рецензированной Герценом, был Ч. Г. Пирсон, профессор Лондонского университета по кафедре новой истории. Книга его была издана без имени автора. В письме от 24 марта 1859 г. к Т. К. Сендерсу, редактору еженедельника «Continental Review», где впервые были опубликованы письма Пирсона о его поездке в Россию, Герцен указал, что он уже откликнулся в «Колоколе» на статьи Пирсона. Письма к Сендерсу и Пирсону см. в наст. томе, стр. 581–593.

К стр. 95.

...«Russia and the west of Europe»... – Эта статья, опубликованная в 1859 г. в мартовском номере «Universal Review», т. I, принадлежала, возможно, Г. Сетерленду Эдвардсу (см. об этом в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 16, 17, 29).

СТРОГОНОВ И PORTO FRANCO

К стр. 96.

...еще церковь не сгиняла... – Ироническая перефразировка строки польской патриотической песни (Jeszcze Polska nie zginęła), впервые исполненной польским легионом, сформированным Домбровским в 1796 г.

обрание сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 ВОЙНА И МИР
 К стр. 97.
 ...«Капуе умов». – Так назвал Вену Грильпарцер в книге «Abschied von Wien» (1842).
 К стр. 100.
 ...Тосканский герцог... – Леопольд II.
 К стр. 114.
 ...его противник, его союзник... – Австрийский император Франц Иосиф I и сардинский король Виктор Эммануил II.
 VERY DANGEROUS!!!
 Развернутая характеристика литературных и политических позиций Герцена как автора этой статьи дана в работе Т. И. Усакиной «Статья Герцена „Very dangerous!!!“ и полемика вокруг „обличительной литературы“ в журналистике 1857–1859 гг.» (сб. «Революционная ситуация в России 1859–1861 гг.», М., 1963, стр. 246–270).
 ГОНЕНИЕ УМЕРШИХ
 К стр. 136.
 ...до места «злачна и прохладна». – Цитата из православной заупокойной молитвы («в месте злачне, в месте покойне»).
 РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ
 К стр. 148.
 «Историки делаются – поэты рождаются», – говорит латинская сентенция. – В латинской сентенции поэтам противопоставляются не историки, а ораторы (Цицерон. Речь в защиту греческого поэта Архия).
 К стр. 151.
 «Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!» – цитата из А. Этьена-младшего – «Les Prémices», Epigramme CXCI. То же XIV, 161.
 781
 К стр. 185.
 ...Entendez-vous dans les campagnes mugir ces féroces Allemands, ils viennent... – Из «Марсельезы» Руже де Лилля. Слово soldats (солдаты) заменено на Allemands (немцы).
 «PAS DE REVERIES», ВЕДУЩЕЕ К FAUX PAS!
 К стр. 201.
 ...зачем герои великой ретирады не ретируется из Варшавы... – Подразумевается кн. М. Д. Горчаков, назначенный в 1855 г. главнокомандующим Крымской армией и вскоре вынужденный отдать приказ о выводе войск из осажденного Севастополя. В 1856 г. Горчаков был назначен наместником Царства Польского.
 ГРАФ СТРОГОНОВ, ШПИЦРУТЕНЫ И ШТАБС-КАПИТАНША БАРАНОВА
 К стр. 203.
 Вот что нам пишут в пополнение помещенного нами в прошлом листе «Колокола»... – Регулярная информация из Одессы поступала к Герцену начиная с 1859 г.
 По-видимому, одесскими корреспондентами Герцена были С. С. Громека и И. Ф. Минацкий (см. ЛН, т. 62, стр. 109 – 114). О деятельности первого см. вступительную статью Е. Л. Рудницкой к публикации писем С. С. Громеки – Герцену (ЛН, т. 62, стр. 105 – 109). И. Ф. Минацкий – преподаватель Одесской гимназии и Ришельевского лицея – находился в переписке с И. С. Тургеневым и, очевидно, также с Герценом (в письме С. С. Громеки Герцену от 11 декабря 1859 г. сообщается: «Ивана Федоровича Минацкого сильно прижали было по подозрению за доставление вам сведений» – ЛН, т. 62, стр. 112). Вероятно, из того же источника Герцен получил информацию и для других «одесских» статей и публикаций: «Строгонов и Porto Franco», «Дело о высеченном генерале кандыбе и его жене», «Граф Строгонов и Старицкий», «Тот же граф Строгонов, плачущий на гробе сеченого Кандыбы», «Черты из жизнеописания одесского градоначальника барона Местмахера».
 К стр. 204.
 ...наш вопрос «Правда ли?» об этом деле. – Имеется в виду статья «Еще о Гутцейте» (XIV, 125).
 К стр. 205.
 17 св. Вместо: Валдемского должно быть: Валдайского Опечатка в тексте «Колокола».
 РАЗГОВОРЫ С ДЕТЬМИ К стр. 211.
 ...маленькие кудрявые головки ^ с двумя-четырьмя крылышками... – Изображение ангелов в католической церковной живописи.
 18 6 0 год
 К стр. 220.
 ...Ивана Онуфриевича, секущего ^ на своих заводах... – В приложении к «Колоколу» – «Под суд!», л. 3 от 15 декабря 1859 г., была помещена публикация «Ивана

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Сухозанета, Зажлуского и Подъячева под суд за варварское управление заводами». Юрьзань-Ивановский чугуноплавильный завод принадлежал жене генерал-адъютанта И. О. Сухозанета
782
(брата военного министра) кн. Е. А. Белосельской-Белозерской, однако управлялся, как отмечалось в публикации, «самим Сухозанетом, приезжающим для личных распоряжений по управлению заводом почти ежегодно». АИ ДА КОРФ!
...добрые люди и плохие музыканты... – Эти же строки Э. Т. А. Гофмана Герцен вспоминает в письме к Н. А. Захарьиной от 17–23 ноября 1837 г. (см. XXI, 231 и 532).
ОТ РЕДАКЦИИ <Предисловие к «Письму из провинции»>
Возможно, «Письмо из провинции» было доставлено Герцену Н. А. Серно-Соловьевичем. Он прибыл в Лондон 24 февраля 1860 г., т. е. днем раньше даты, поставленной в предисловии Герцена «От редакции» (см. приписку Н. А. Герцен в письме А. И. Герцена к сыну от 25 февраля 1860 г. – XXVII, 22). Герцен писал в те дни о Н. А. Серно-Соловьевиче как об «очень интересном госте, прямо из Петербурга» (там же). Дата отъезда Н. А. Серно-Соловьевича из России (последнее объявление о его отъезде – в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 2 января ст. ст. 1860 г.) очень близка вероятной дате написания «Письма из провинции» (после того, как достиг Петербурга 60-й лист «Колокола» от 1 января 1860 г. н. ст. со статьей Герцена «1860 год»).

Существенные отличия взглядов Серно-Соловьевича от позиции «Русского человека», автора «Письма из провинции», исключают вероятность авторства самого Н. А. Серно-Соловьевича (см. статью И. Б. Володарского «Н. А. Серно-Соловьевич» в книге: Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика. Письма. Изд. АН СССР, М., 1963). Возможно, «Письмо» было передано Серно-Соловьевичу Чернышевским.

НАБЕГ НЕМЕЦКИХ ТАТАР В ТАМБОВСКУЮ ГУБЕРНИЮ
О действиях генерал-адъютанта Н. М. Толстого по ликвидации волнений в Тамбовской губернии см. официальные документы, использованные в статьях Г. Лурье «Питейные бунты 1859 года» (сб. «Звенья», т. III–IV, Academia, 1934, стр. 426–450) и И. М. Корсакова «Разгром питейных домов на территории Мордовии (1859 г.)». – «Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР», т. XI, Саранск, 1949, стр. 132–154.

СЛОВО ГРАФА ВИКТОРА ПАНИНА К ДЕПУТАТАМ
к стр. 255.
...«дверь должна быть заперта или открыта!» – Название одноактной комедии Мюссе «Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée». Эта же поговорка использована Герценом в «Письмах к будущему другу» (XVIII, 99).

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ
к стр. 257.

ПОЧТА В РОССИИ
...«шанже через половину манежа»... – Термин верховой езды. Шанже – перебросить поводья из одной руки в другую, в зависимости от того, надо ли пустить лошадь вправо или влево. Здесь намек на то, что Александр II повернул своего «коня» направо.
...«каких ни вымышляй пружин...» – Из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможа». LA VERITE SUR LA RUSSIE к стр. 264.
...с их волом и ослом... – Реминисценция одной из заповедей Моисея (Исход, 20, 17).

ЕЩЕ ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ к стр. 285.
...ès lettres décachetées... – каламбур с выражением, созвучным: lettres de cachet (предписание об аресте – нередко следовавшее за перлюстрацией писем).

РУССКАЯ МУЗЫКА В ЛОНДОНЕ
к стр. 291.
...«князей, бояр и воевод». – Цитата из «Дмитрия Донского» Озерова, д. I, явл. 1.

ПАЛЬТО МЕНЩИКОВА И РУБАХА МУРАВЬЕВА-ВЕШАТЕЛЯ
к стр. 303.
«Хвала тебе, свободы чадо!» – Из «Бориса Годунова» Пушкина (сцена в Кракове, доме Вишневецкого).

CRAB AND LOBSTER
В заголовке заметки использовано название ресторана в Вентноре: «Crab and Lobster». Об этом «удивительном рыбном заведении» см. письмо Герцена к Н. П. Огареву от 19 августа 1859 г. (XXVI, 289).

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ИСТОРИЧЕСКОМУ СБОРНИКУ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ЛОНДОНЕ», 1861 г., кн. II
к стр. 350.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Династия ^ даже и не салтыковская... – Ирония по поводу одной из версий о происхождении Павла I, по которой отцом его признавался фаворит Екатерины II (тогда еще вел. княгини) С. В. Салтыков, камергер двора наследника престола Петра Федоровича; ср. предисловие Герцена к «Запискам Екатерины II» – XIII, 385–386, а также анонимное предисловие (П. И. Бартенева) к русскому изданию «Записок», Лондон, 1859, стр. VI.

К ИЗДАТЕЛЮ «DAILY NEWS»

В составе «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 74) сохранилась вырезка из неустановленной газеты на немецком языке с переводом этого письма. Перевод точный, тексту предшествуют слова: «В „Daily News“ помещено следующее послание к издателю».

...нашего протеста против «обвинительного акта» г. Ч. – Протест был напечатан в том же листе «Колокола» без подписи под заглавием «Автору „Обвинительного акта“ г. Чичерину»» (стр. 260–264).

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «КОЛОКОЛА»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛУНИНЕ (Примечание)

К стр. 362.

...не знаем ли мы брошюры, напечатанной в Англии или в Америке... – Вопрос неизвестного корреспондента «Колокола» о какой-то брошюре декабриста М. С. Лунина, якобы «напечатанной в Англии или в Америке», до сих пор остается неразрешенным. См. последнюю критическую сводку данных об этом в книге С. Б. Окуня «Декабрист М. С. Лунин». Изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 230–237. Однако, судя по тому, что в бумагах Лунина, изъятых при обыске у него в урике 27 марта 1841 г., сохранился сделанный им самим перевод на английский язык его же рукописи под названием «Разбор донесения Следственной Комиссии 1826 г.», можно не сомневаться в том, что именно эта его статья предназначалась Луниным для нелегальной отправки в Англию или Америку. Другие свои произведения Лунин предполагал опубликовать при помощи сестры, Е. С. Уваровой, во Франции. Возможно, что он рассчитывал при реализации этих замыслов на содействие декабриста-эмигранта Н. И. Тургенева, с братом которого, А. И. Тургеневым, Е. С. Уварова встречалась в Москве весной 1840 г. См. записи о Луине и его нелегальных рукописных произведениях, в том числе о «Разборе донесения Следственной Комиссии», сохранившиеся в дневнике А. И. Тургенева от 31 марта 1840 г. и опубликованные в статье И. А. Боричевского «Пушкин и „нераскаянные“ декабристы» («Звезда», 1940, № 8–9, стр. 263–264), а также материалы, опубликованные Ю. Г. Оксманом («Вопросы истории», 1964, № 9, стр. 158–160).

О ПОЛОЖЕНИИ ЕВРЕЕВ В РОССИИ

(Заключение)

К стр. 363.

Ох, слепота большой порок. – Перифраза из «Горя от ума» (д. III, явл. 20).

ВОЗРАЖЕНИЕ НА 63 № «КОЛОКОЛА»

Принадлежность «Возражения» Н. И. Тургеневу документально доказана В. М. Тарасовой в статье «Декабрист Н. И. Тургенев – сотрудник „Колокола“» (см. стр. 777 наст. тома).

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИБИРИ

(Примечание)

Автором статьи «К характеристике Сибири» был Г. Н. Потанин, как свидетельствуют его воспоминания в газете «Сибирская жизнь», 1913, № 93. См. также статью А. Г. Грумм-Гржимайло «Кто был автором статьи „К характеристике Сибири“, напечатанной в „Колоколе“ за 1860 г.?» («Известия Всесоюзного географического общества», 1963, т. 95, стр. 458–459).

785

ОТЧЕТ

К стр. 385.

...польского офицера... – М. Домогальского.

ПО ДЕЛУ О ХАРЬКОВСКИХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ЗИНОВЬЕВА И ПОТВОРСТВЕ КОВАЛЕВСКОГО

К стр. 395.

Мы получили подробную и прекрасно составленную записку... – Эта записка о «Харьковской истории» была составлена членами подпольного харьковско-киевского студенческого кружка М. Левченко и Е. Марковым, как явствует из показаний М. Левченко во время дознания по делу студенческого тайного общества в 1860 г. (см. ф. Ястребов. Революционная демократия на Украине. Киев, 1960). Содержание записки, сохранившейся в архиве Герцена (ЛБ), показывает, что ее автор – один из пяти депутатов, выбранных в 1858 г. харьковскими студентами для переговоров с начальством. В числе этих депутатов был М. Левченко. Записка не была напечатана в «Голосах из России», видимо, потому, что Герцен боялся публикацией ее скомпрометировать харьковских заговорщиков, арестованных 1х[1х] в начале 1860 г. Д. Н. ЗАМЯТНИН

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович К стр. 420.

...не подражая в нравственности министру юстиции при Людовике Филиппе Мартин дю Нор? – Никола Мартен дю Нор (1790 – 1847) – министр юстиции, один из виднейших деятелей июльской монархии, карьера которого неожиданно оборвалась после того, как он был захвачен полицейским патрулем в публичном доме, где вместе с другими его завсегдатаями «предавался безобразнейшему разврату». О Мартен дю Норе и о «фоблазовском окончании его поприща» Герцен неоднократно упоминал в «Письмах из Франции и Италии» (V, 231, 243, 310).

ПОТОЦКИЙ, ЗАКРЕВСКИЙ, ИЛЬИНСКИЙ

...у голубого князя! – Намек на жандармский мундир начальника III отделения В. А. Долгорукова.

SOUVENIRS MODESTES

О МЕРТВОРОЖДЕННОЙ ЦЕНСУРЕ КОРФА

К стр. 448.

6 св. Вместо: Лярский должно быть: Вонлярлярский

В тексте «Колокола» опечатка: речь идет о Евгении Петровиче Вонлярлярском, камергере, чиновнике особых поручений при IV отделении собственной е. и. в. канцелярии.

786

Том XV

ГОНЕНИЕ ХРИСТИАН ПАПСКИХ

ХРИСТИАНАМИ ПОЛИЦЕЙСКИМИ

К стр. 7.

4 св. Вместо: полицейскую церковь должно быть: полицейскую церковь ЦЕНЗУРНЫЕ ЗУАВЫ К стр. 42.

...им помогает из иностранного министерства Бюлер... – В автобиографии барона Ф. А. Бюлера, члена Главного управления цензуры от министерства иностранных дел, отмечалось: «Мне поручено было наблюдать за политическими обозрениями в толстых журналах и на меня претендовали Чернышевский, Альбертини, Усов, Лебедев, не понимая, что цензура политическая зависит не от каприза цензора, а от движений телеграфной проволоки. На меня даже послана была жалоба в Лондон, и Герцен, в своем „Колоколе“, обозвал меня „цензурным зуавом“» («Знакомые». Альбом М. И. Семева, издателя журнала «Русская старина», СПб., 1888, стр. 288).

VIVAT POLONIA!

К стр. 45.

...мы отвечали ему: «Разве есть восстание ^ стоит в сошках?» – Герцен имеет в виду статью «Россия и Польша» (ср. XIV, 24).

МАНИФЕСТ!

Автором «Внутреннего обозрения» в № 3 «Современника» за 1861 г. (см. XV, 324–325) был не Н. Г. Чернышевский, а Г. З. Елисеев.

ОТЕЧЕСКИЙ СОВЕТ

К стр. 94.

...не приняли ваши «пузыри за фонари»... – Перевод французской поговорки «prendre des vessies pour des lanternes», означающей: «попасть пальцем в небо».

787

БРУТЫ И КАССИИ III ОТДЕЛЕНИЯ

О пересылке экземпляра этой статьи Ч. Г. Пирсону и ее публикации в газете «The Spectator» 26 октября ^6! г. см. письмо Герцена к Пирсону от 22 октября 1861 г. и комментарий к нему (наст. том, стр. 586 и 702).

К стр. 155.

...den Dolch im Gewande. – Из стихотворения Ф. Шиллера «Порука»<.>

ИСПОЛИН ПРОСЫПАЕТСЯ!

К стр. 176.

«Times» говорит, что Краевский, граф Кушелев-Безбородко и Громека подавали какой-то протест против незаконного ареста Михайлова... – Речь идет о письменном обращении «редакторов и сотрудников петербургских журналов» от 15 сентября 1861 г. на имя министра народного просвещения гр. Путятина с просьбой принять меры к освобождению из тюрьмы только что арестованного поэта и литератора М. Л. Михайлова. Об этом эпизоде см. документы, опубликованные М. К. Лемке (полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. XI, 1919, стр. 261–265), а также воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», Л., 1929, стр. 99–100.

ТРЕТЬЯ КРОВЬ!

К стр. 186.

...filia del reggimento... – Название оперы Доницетти «Дочь полка».

БАКУНИН СВОБОДЕН К стр. 194.

Извещаем ^ всех друзей Бакунина. – Редакционная заметка о письме Герцена, полученном в Париже К. Э. Хоецким и содержавшем информацию о побеге М. А.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Бакунина, была напечатана в «Opinion National» от 24 ноября 1861 г. (Сообщено М. Кадо.)

ПОЛЬСКОМУ КОМИТЕТУ

Французский текст письма, с датой: 27 ноября 1861 г., см. в наст. издании, т. XXVII, стр. 198–199. «КВАРТЕТ» КРЫЛОВА к стр. 214.

...лица, съезжающиеся теперь в Комитет министров, будут съезжаться в Совет... – 12 ноября 1861 г. Александром II был издан указ об учреждении Совета министров – для рассмотрения дел особой государственной важности, требующих, в отличие от решений Комитета министров, не только «высочайшего утверждения», но и личного присутствия царя при их обсуждении.

МРАКОБЕСИЕ ЦЕНСУРЫ

К стр. 230.

...статья «Предисловие к нынешним австрийским делам», помещенная в февральской книжке «Современника» за 1861 г. – Эта статья без подписи принадлежала Н. Г. Чернышевскому (см. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, 1950, стр. 433–465, 682).

788

БРАТЬЯ РЫЛЬСКИЕ

К стр. 238.

Правда ли, что братья Рыльские $\wedge$ сосланы $\wedge$ по доносу Васильчикова... – Как свидетельствуют документальные данные архива киевского генерал-губернатора, студенты Киевского университета Фаддей и Иосиф Розеславовичи Рыльские с 7 ноября 1860 г. подлежали секретному полицейскому надзору за внушение ими крестьянам Бердичевского уезда «мыслей о равенстве и коммунизме». 11 января 1861 г. при обыске в усадьбе Рыльских в их бумагах были обнаружены выписки из «Колокола». Киевский военный губернатор кн. И. И. Васильчиков в своем донесении на имя шефа жандармов предложил «выслать братьев Рыльских в Казань, переведя их в Казанский университет и поручив строгому надзору как гражданского, так и учебного начальства». 16 февраля 1861 г. Александр II утвердил представление Васильчикова, но последний в своем донесении от 31 марта предложил оставить братьев Рыльских в Киеве, так как после опубликования манифеста об освобождении крестьян высылка Рыльских представлялась нецелесообразной. Это представление было утверждено царем 8 апреля 1861 г. (справка Л. М. Венгерова в архиве М. Ф. Рыльского в Киеве). О полицейском преследовании Ф. Рыльского в 1860 г. см. также материалы в статье В. Базанова («Русская литература», 1959, № 3, стр. 50).

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Сейчас получили мы следующее письмо... – Об Э. П. и В. П. Перцовых как авторах корреспонденции см. статью Н. Я. Эйдельмана «Анонимные корреспонденты „Колокола“». – Сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963.

789

ТОМ XVI

MORTUOS PLANGO...

К стр. 7.

...не все, что прошло, будет мило... – Перифраза стиха Пушкина «Что пройдет, то будет мило» (стихотворение «Если жизнь тебя обманет»).

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I и В. Н. КАРАЗИН

Об источниках этой статьи и ее месте в литературном наследии Герцена см. в статье И. Г. Птушкиной «Исторический очерк Герцена „Император Александр I и В. Н. Каразин“». – Сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 172–188.

К стр. 61.

«Славься, славься ты, Екатерина!» – Рефрен из «хора» Державина «Гром победы, раздавайся!»

К стр. 77.

...женихом грядущим... – Перифраза евангельского текста («Се жених грядет»; от Матфея, гл. 25, 6).

ULTIMATUM

К стр. 99.

р. р. с. – Сокращение формулы pour prendre congé, т. е. «в знак прощания», применявшейся и в дипломатическом, и в светском быту при отъезде или уходе с должности. Ср. в конце статьи: «...мы делаем вам теперь наш прощальный визит...» (XVI, 101).

ДУРНЫЕ ОРУЖИЯ

К стр. 126.

«Отворите мне темницу... – Из стихотворения Лермонтова «Узник».

КОНЦЫ И НАЧАЛА

Об особенностях жанра этого эпистолярного цикла см. в статье С. Д. Лищинер «Эпистолярные циклы в публицистике Герцена шестидесятых годов» (сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 201–214).

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович К стр. 152.

...Спартакюс-Брютиус-жюниор – Спартак-Брут младший (во французском произношении). 790

К стр. 157.

...à la Dumas jun. «блудными отцами». – Намек на драму Дюма-сына «Блудный отец». К стр. 182.

Симфония эроика... – Героическая симфония (франц. «Symphonie héroïque») – третья симфония Бетховена.

ПОДРЯДЧИКИ РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА В ЛОНДОНЕ

К стр. 209–210.

...«la Russie se recueille et n'écoute pas aux portes». – Намек на известную сентенцию

А. М. Горчакова. Поддерживая в своей ноте 10 сентября 1856 г. принцип невмешательства во внутренние дела других государств, Горчаков подчеркнул, что Россия не отказывается от права голоса в решении международных проблем, но временно от этого воздерживается: «La Russie ne boude pas – elle se recueille» («Россия не высказывает недовольства, а собирается с силами»).

ПИСЬМО ГГ. КАТКОВУ И ЛЕОНТЬЕВУ

К стр. 213.

2 сн. Вместо: 10 июня 1862 должно быть: 10 июля 1862 Несомненная опечатка в К, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1156.

ЖУРНАЛИСТЫ И ТЕРРОРИСТЫ К стр. 221.

...ultima ratio ^ царей... – Ultima ratio regum – надпись, которая при Людовике XIV гравировалась на артиллерийских орудиях.

ХРОНИКА ТЕРРОРА

Мы получили длинное письмо из Петербурга. – Именно об этом письме Герцен сообщал В. В. Стасову 4 августа 1862 г.: «...сегодня получено письмо, наполненное

петербургскими труфлями. И я кое-что вам скажу: все, разумеется, гадко, – каков наш Митрофанушка-Нерон с своими потапленниками?» (XXVII, 250; ср. начало статьи, текстуально близкое к этим строкам письма).

ПО ПОВОДУ КРЕПКИХ СЛОВ Г. КАТКОВА И СЛАБОСТЕЙ ГЕНЕРАЛА ПОТАПОВА

К стр. 233.

Боясь зимы и продолжительной, и холодной! – Цитата из первой части поэмы Рылеева «Войнаровский».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСОК ОДНОГО НЕДЕКАБРИСТА (Предисловие)

Автором записок был Н. И. Греч.

ПО ТВЕРСКОМУ ДЕЛУ

К стр. 281.

...inde irae! – Стих из первой Сатиры Ювенала.

791

Том XVII

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАДРЕС

К стр. 14.

C'est la faute ^ de Rousseau! – Один из многочисленных вариантов припева женевской песенки Ж. Ф. Шапоньера. Ср. у Беранже в «Mandement des Vicaires-généraux de Paris. Mars 1817».

БАЛТИЙСКИЕ НЕМЦЫ

К стр. 16.

И истина должна открыться... – Цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможа».

RESURREXIT !

Что такое этот татарский набор, можно ясно видеть из превосходных статей «Daily Telegraph». – Статьи варшавского корреспондента «Daily Telegraph» от 17 и 18 января 1863 г. были перепечатаны, вместе со статьей «Resurrexit!», в «La Cloche» от 10 февраля 1863 г., № 13.

1853 –1863

К стр. 76.

...гафсоврен – полфунта стерлингов (англ. half sovering).

GREAT WESTERN К стр. 85.

...не имеет кумира разве его ... – Цитата из Библии: Исход, гл. 20, 4–5.

ГРАФ НОСТИЦ К стр. 114.

3 –4 св. Вместо: вдруг расстроил свое здоровье – должно быть: вдруг так расстроил свое здоровье В «Колоколе» – явная опечатка.

792

ГРАФИНЯ ХРЕБТОВИЧЕВА И АРХИЕРЕЙ ФЕЛИНСКИЙ

К стр. 116.

...в «совете нечестивых». – Реминисценция из Псалтыря, псалом 1,1.

Oh, Charles ~ tabandonne! – Неточная цитата из оперы Гретри «Ричард Львиное

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
сердце» (либретто – М. Ж. Седена).
РУССКИЕ ПОСЛАННИКИ
К стр. 119.
Du, treues Land, du, Land der Eichen... – Неточная цитата из стихотворения К.-Т. Кёрнера «Mein Vaterland» (слова «und der Junker» добавлены Герценом). Эта же цитата приведена в качестве эпиграфа ко второй главе статьи «Гофман» (I, 68).
ПЕРВОЕ МАЯ
К стр. 136.
...не в Екатерингофе и не в Сокольниках... – В Екатерингофе под Петербургом и в Сокольниках под Москвой ежегодно 1 мая происходили весенние гулянья.
ЧЕГО ОНИ ТАК ИСПУГАЛИСЬ?
К стр. 139.
...«не тронь меня»... – Цитата из Евангелия от Иоанна, гл. 20, 17.
ДОНОС НА «СПБ. ВЕДОМОСТИ»
К стр. 143.
...quel sort plus digne d'envie? – Иронически использованы слова хора жирондистов из драмы А. Дюма-отца и О. Макс «Le Chevalier de la Maison-Rouge» («Mourir pour la patrie, c'est le sort le plus beau, le plus digne d'envie»).
РОССИАДА
К стр. 160.
Доленга имел уже 2700 человек. – Доленго – конспиративное имя З. Сераковского.
«ДЕНЬ» И «КОЛОКОЛ»
К стр. 197.
...следующее письмо... – Автограф этого письма Герцена обнаружен в архиве И. С. Аксакова (ПД, ф. 3, оп. 5, ед. хр. 26).
К стр. 229.
...«с злобной радостью»... – Реминисценция из «Вольности» Пушкина («С жестокой радостью вижу»)
... А ДЕЛО ИДЕТ СВОИМ ЧЕРЕДОМ
К стр. 231.
С нами бог – и да расточатся поляцы!» – Пародия на чтение в память избавления «от нашествия галлов»: «С нами бог и да расточатся врази его».
<«КОЛОКОЛ» В 1864...>
Заметка была перепечатана в К, л. 176 от 1 января 1864 г. По недосмотру повторена в т. XVIII наст. изд., стр. 481.
793
ТОМ XVIII
РУССКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И АНГЛИЙСКИЙ ЖУРНАЛ
...слово [™] m. p. Гран'Дофа... – М. р. – сокращенное обозначение англ. слов member of parliament (член парламента).
ГРАФИНЯ АНТОНИНА БЛУДОВА И МАТФИЙ ХОТИНСКИЙ
К стр. 59.
«Мне (пишет корреспондент)... – Корреспондентом «Колокола» был в данном случае кондуктор клипера «Алмаз» П. А. Мордовин. В фондах Канцелярии морского министра обнаружено донесение от 10 мая 1864 г. управляющего морским министерством Н. Краббе, в котором сообщалось, что Мордовин «ведет переписку с Герценом, получает от него „Колокол“ и другие сочинения и распространяет вредные идеи между своими товарищами», что он «написал для „Колокола“ пасквиль на своего капитана, а часть его письма о Хотинском напечатана в № 179»; что «во время пребывания своего в Лондоне он постоянно посещал дом Герцена, присутствовал на митингах, бывших в пользу Польши» (Центр. Гос. историч. архив Морского флота, ф. 140, оп. 5, ед. хр. 14, л. 95). Донесение Краббе было основано, конечно, на шпионских сведениях Хотинского.
ПИСЬМА К БУДУЩЕМУ ДРУГУ
К стр. 75.
11 – 15 сн. Необходимо по смыслу исправить пунктуацию фразы. Должно быть:
...порылись между развалинами беспутной Греции, распутного Рима (известно, что древние бесстыдники, лишенные двухтысячелетнего воспитания в телобоязнь и телоумерщвление, ваяли свои статуи так-таки нагишом, как мать родила) и откопали несколько греховных истуканов их.
К стр. 97.
...non possumus... – Слова апостолов Иоанна и Петра, сказанные в ответ на требование прекратить проповедь учения Христа: «Не можем, ибо видели и слышали, не говорить» (Деяния апостолов, 4, 20). То же XVIII, 325; XXIX, 29, 237.
794
К стр. 98.
Magnum ignotum... – Ср. в письме Герцена к сыну от 1 декабря 1859 г.: «Все то, что мы в природе не знаем, Бэкон называл Magnum Ignotum» (XXVI, 314).

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

«LE NORD» И LE TZAR ЗА ЗЕМЛЮ И ВОЛЮ

Но такова сила правды, *volentem ducit, nolentem trahit*. – Герцен цитирует строки Сенеки (послание 107): *volentem ducunt fata, nolentem trahunt* (желающего судьба ведет, не желающего тащит), однако относит их не к судьбе, а к истине («сила правды»). То же XX, 543.

<НОВАЯ ФАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ>

К стр. 168.

..m'a pu se terminer faute de combattants. – Реминисценция из «Сида» Корнеля, д. 4, явл. III.

К стр. 219.

...carmen horrendum – выражение Тита Ливия (*Ab urbe condita libri, I, 26*).

FÜR DEN LIFLÄNDISCHEN ADELSTAG NOCH!

К стр. 228.

...в Schleswig-Holstein'e – meerumschlungen... – В Шлезвиг-Голштейне, омываемом морем. Цитата из песни К.-Ф.-Г. Штрауса, положенной на музыку Ц.-Г. Бельманом (1842).

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

К стр. 300.

Le roi est mort – vive le roi! – Этой формулой в королевской Франции герольд с балкона дворца возвещал смерть короля и вступление на престол его преемника.

К стр. 303.

Esse Mulier... – Се женщина (лат.).

К стр. 308.

...сосланный император ^ пророчил, что Европа будет через пятьдесят лет *républicaine ou cosaque*. – В 1816 г. Наполеон говорил Лас-Казу о возможности своего освобождения с острова св. Елены: «...Последняя возможность, и едва ли не самая вероятная, это то, что я понадобится против русских, ибо, при нынешнем положении вещей, не пройдет и десяти лет, как вся Европа будет либо казацкой, либо республиканской» («Mémorial de Sainte-Hélène», 1, Paris, 1842, p. 454).

ПРИВИВКА КОНСТИТУЦИОННОЙ ОСПЫ

К стр. 318.

...«еще не служба, а службишка, служба, мол, еще впереди». – Реминисценция из «Конька- Горбунка» Ершова.

...и вдруг Польша ^ предана на пропятие, даже без замены Варавой. – По евангельской легенде, Пилат предлагал освободить Иисуса Христа, предав вместо него казни разбойника Варраву (Евангелие от Луки, гл. 23, 14-24).

ПИСЬМА К ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

К стр. 354.

...мундиров, выпушек, петличек. – Реминисценция из «Горя от ума» (д. III, явл. 12).

«Красный призрак»... – Заглавие контрреволюционного памфлета Ромье («Le Spectre Rouge»), вышедшего в Париже в 1851 г.

К стр. 367.

...смесь французского с нижегородским». – Стих из «Горя от ума» (д. I, явл. 7).

СТАРОВЕРЫ И ЕВРЕИ К стр. 400.

...pas de rêveries! – Известное выражение Александра II (в его речи к варшавским депутатам в мае 1856 г.), рассеивавшее надежды поляков на получение национальной независимости.

БОЛТОВНЯ С ДОРОГИ

К стр. 412.

...несчастный Траверзе умер в тюрьме... – О Н. А. Траверсе см. статью Г. В. Озерова «Н. А. де Траверсе – корреспондент „Колокола" и распространитель изданий Герцена». – Сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 479–484.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

(Вступление и примечания)

Критический свод высказываний Герцена об аресте Н. Г. Чернышевского и о его осуждении см. в статье Н. В. Пороха «Герцен о процессе Чернышевского». – Сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 215–238.

К стр. 485.

В следующем листе будет вторая. – Автором второй анонимной статьи о Чернышевском (к от 15 октября 1864 г., л. 190) был М. А. Воронов, петербургский литератор, ученик и единомышленник Чернышевского. См. статью И. Е. Семеновой «Автор анонимной статьи в „Колоколе" о Н. Г. Чернышевском» («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1962, № 2, стр. 143–146).

ПИСЬМА К ПРОТИВНИКУ

К стр. 706.

Впервые опубликовано: л XVIII, 312–314. Об истории создания цикла см. в статье: С. Лицинер. К творческой истории «Писем к противнику» Герцена.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович (неопубликованные наброски). – «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXIII, м., 1964, вып. 5, стр. 431–434.

796

Черновые отрывки

к стр. 706–707.

3 сн. Вместо: <2 нрзб.> должно быть: к казни 2 сн. Вместо: обычная должно быть: обыкновенно

На л. 5 об. рукописи находятся следующие черновые записи Герцена:

Неужели страх – государственная мудрость – и поронье горячки.

Щапов38[38].

«Жизнь за царя» Глинки и Хомякова замечания39[39].

Какой же, наконец, результат – мы будем биться между Екатер^{иной} и Павл^{ом}, Алекс^{андром} и Николаем – образованный деспотизм политический.

На обороте чернового автографа письма Герцена к Самарину от 17 августа 1864 г. – отдельные полемические заготовки и выписки для «Писем к противнику»:

«1 янв^{аря} 1859. „Кол^{окол}“. Я знаю, что с религией демократии не совместно говорить что-нибудь о венценосцах, кроме зла; признаюсь, что мне религия демократии так же не по сердцу, как религия пана Фиалковского и воссоединенного Симашки».

«Мы не сложились, мы ищем своих начал»40[40].

38[38] Ср. «Письмо второе» (XVIII, 286).

39[39] Ср. «Письмо первое» (XVIII, 279).

Как соединить нравст^{венную} свободу – с рабским поглощением себя – народом41[41].

Социализм хотели ввести à la Babeuf декретом, вообще так, как политическую меру. Он входит как некое соединение частных сил, оставляющее дело государ^{ственного} устройства, обход его.

Наш протест – наша статья на 1864 – свидетельство веры – да, мы не пали духом.

Студент^т Яковлев на 6 лет. 1863. Аргиропуло.

Доказательство Варфоломеевской ночи Падлевский говорил Тепляков? первый сказал, что Орлов ездил42[42].

<Далее следует печатный текст на итальянском языке – ред>

Первая страница итальянского издания писем Герцена

«К старому товарищу».

797

Том XIX

1789

Французский перевод статьи был напечатан в газете «La Rive gauche» от 8 апреля 1866 г., № 14. ИРКУТСК И ПЕТЕРБУРГ

Французский перевод статьи был напечатан в газете «La Rive gauche» от 20 мая 1866 г., № 20.

КАТКОВ И ГОСУДАРЬ

40[40] Цитаты из статьи «Россия и Польша» (см. XIV, 17 и 29).

41[41] Ср. «Письмо третье» (XVIII, 295).

42[42] Ср. там же, 294. О поездке русского посла в Брюсселе Н. А. Орлова в Варшаву с целью предотвратить рекрутский набор мог первым сообщить Герцену Тепляков, бывший в Лондоне в конце ноября – начале декабря 1862 г.

...отвечал классическим стихом: «Дружба великого человека – дар небес!» – Цитата из «Эдипа» Вольтера, д. I, явл. 1.

ПОЛЬША В СИБИРИ И КАРАКОЗОВСКОЕ ДЕЛО

к стр. 130.

...французскую поговорку о «самодержавии, ограниченном убийствами» (temperé par l'assassinat)? – Цитата из книги маркиза де Кюстина «La Russie en 1839», I, стр. 317.

ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ!

к стр. 175.

...выжидал, когда «груша поспеет». – Перифраза французской поговорки «La poire n'est pas mûre» («Груша не поспела»).

к стр. 179.

...та вера, которая двигает горы. – Реминисценция евангельского текста (от Матфея, гл. 17, 20).

к стр. 184.

Руссо, говорящий, что человек родился быть свободным, и Гёте, говорящий, что человек не может быть свободным... – Суждения Руссо в «Общественном договоре» и Гёте в драме «Торквато Тассо».

РУССКАЯ КОЛОНИЯ

к стр. 309.

...этого «hero-worship»... – Герцен использует заглавие книги Т. Карлейля «On

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Герценов. «Hero worship» – лекции о героях и героическом в истории.

НА ПЛОЩАДИ СВ. МАРКА
К стр. 450.

В письме Герцена к Огареву от 22 марта 1867 г. вместо: «в сред<ину>» должно быть: «вперед» (см. XXIX, 66). Статья была напечатана в виде передовой «Колокола» от 1 апреля 1867 г. по этому указанию Герцена.

UN FAIT PERSONNEL
<ЛИЧНЫЙ ВОПРОС>
К стр. 19.

...милого русского старичка Шамеровцева, который лет сорок посвятил освобождению чернокожих... – Возможно, описка или ошибка памяти Герцена. Известен секретарь «Английского и иностранного антирабовладельческого общества» Шаллеровцев, поляк по происхождению, театральный критик, деятельность которого подвергалась резкой критике со стороны английских и американских клерикалов и консерваторов (см., например, «New York Observer», 1860, September, 13, стр. 290).

LETTRE A N. OGAREFF <ПИСЬМО К Н. ОГАРЕВУ>
Под впечатлением этого «Письма» о предстоящем прекращении «Колокола» И. С. Тургенев писал Герцену 11 марта 1869 г.: «Я прочел твои „Adieux de Fontainebleau“ в „Колоколе“. Я всегда сожалел о том, что ты не кончил разом, а как Рейн, разбивающийся на множество мелких ручьев при впадении в море; и особенно мне было досадно, что ты мог вообразить, будто французам нужно знать правду – о чем бы то ни было, не говоря уже о России!» (Тургенев, Письма, т. VII, 1964, стр. 323).

L'ELOQUENCE DE LA NOBLESSE <ДВОРЯНСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ>
К стр. 430.

...о Николай! о государь мой! – Пародия на возглас «O Richard! O mon roi!» в опере Гретри «Ричард Львиное сердце» (акт. I, сц. 2).

СКУКИ РАДИ
К стр. 450.

...«нищие духом...» – Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 5,3.
К стр. 459.

...продолжался и плодился, как пески морские... – Реминисценция библейского текста (Бытие, 22,17).
К стр. 474.

...Европа танцевала свою историю на конгрессах... – Перефразировка сентенции принца де Линя о Венском конгрессе 1814–1815 гг.: «Конгресс не подвигается, он танцует».

...Павла I, называвшего движения в Женеве «бурями в стакане». – Как рассказывает французский дипломат Луи Дютен (Louis Dutens), Павел (будучи еще наследником) назвал «бурей в стакане воды» волнения в Женеве после французской революции.
К стр. 478.

...«в поте, мол, лица твоего снискивай хлеб»... – Перифраза из Библии (Бытие, 3, 19).

ДОКТОР, УМИРАЮЩИЙ И МЕРТВЫЕ К стр. 553.

...«дурные четверть часа»... – Перевод французского идиома – «un mauvais quart d'heure».

К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ
Письма «К старому товарищу» были впервые напечатаны по-французски, в переводе А. А. Герцена, в книге: A. HeLen. De l'autre rive. Troisième édition (première édition française). Traduit du russe par Alex. Herzen fils. Genève, 1870. Articles inédits, p. 215–246 <А. Герцен. «С того берега». Третье издание (первое французское издание). Перевод с русского Алекс. Герцена-сына. Женева, 1870. Неопубликованные статьи, стр. 215–246>. В послесловии к книге А. А. Герцен писал: «...к этой работе <„С того берега“> я прилагаю перевод серии статей, которые мой отец писал в последние годы своей жизни и в которых он возвращается после двадцатилетнего перерыва к тем же самым вопросам, к великой социальной проблеме. Я полагаю, что интерес, который представляет сравнение его взглядов в 1847–50 и 1869 гг., будет в глазах вдумчивого читателя достаточно убедительным подтверждением общности „Писем к старому товарищу“ и „Даниила-Тьера“ с очерками, из которых состоит эта книга под названием „С того берега“» (стр. 246). По свидетельству А. А. Герцена, перевод писем «К старому товарищу» был осуществлен с подлинной рукописи. В примечании к четвертому письму он писал: «Без даты и продолжения; рукопись этого письма находилась в папке моего отца, на столе, за которым он сидел в последний раз» (там же). Французское издание «С того берега» и других статей Герцена преследовало определенные политические цели. После смерти Герцена венская газета «Neue Freie Presse» поместила серию статей против него, принадлежащих перу Карла Блинда. Грубо извращая сущность взглядов Герцена, Блинд объявил его ярким панславистом,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович поборником идеи всемирного владычества России, злейшим врагом Германии и всей европейской культуры. В защиту отца от клеветы выступил А. А. Герцен. В газете «Le Siècle» от 19 июня 1870 г. было напечатано его открытое письмо, в котором, в частности, говорилось: «Венская газета „Neue Freie Presse“, сразу после смерти моего отца, начала печатать серию статей, написанных одним из многочисленных хористов великой драмы 1848 г. Карлом Блиндом. Он направляет свои нападения против исковерканных и извращенных цитат, приписывая словам моего отца такой смысл и скрытые намерения, каких он никогда не имел; он пытается унижить до уровня жалкой интриги обыденной политики философски-социологический труд, в котором каждый серьезный читатель увидит научный и чисто объективный анализ действительности. К несчастью, г. Блинду помогает то обстоятельство, что два издания этого труда – одно на немецком (1850), другое – на русском (1855) разошлись без остатка. Но г. Блинд не долго будет играть на редкости этой книги: я вскоре закончу ее французский перевод. Он выйдет приблизительно через месяц» (АО, стр. 307). Перевод «С того берега» вышел, по-видимому, в июле 1870 г. (послесловие А. А. Герцена к книге датировано: 1 июля 1870 г.).

Одновременно с французским изданием «С того берега» А. А. Герцен готовил русский «Сборник посмертных статей Ал. Ив. Герцена», в котором, помимо неопубликованных глав «Былого и дум» были напечатаны письма «К старому товарищу» и статья «Даниил-Тьер». По первоначальному плану, «Сборник» должен был открываться предисловием А. А. Герцена, затем предполагалась биография Герцена, написанная Огаревым (проект обложки «Сборника», написанный рукой А. А. Герцена, см. АО, стр. 305–306). Однако этот план издания по ряду причин не был осуществлен. В неопубликованном письме к А. А. Герцену от 7 марта 1870 г. Огарев сообщал: «Биографии я ближе 6 месяцев не могу приготовить; статью я могу приготовить сейчас» (ЛСГ). Известно также, что Огарев не был согласен с некоторыми положениями писем «К старому товарищу» (см. ЛН, т. 61, стр. 151–204). В момент подготовки «Сборника», находя издание писем «К старому товарищу» несвоевременным, Огарев решительно возражал против публикации этого произведения Герцена. В цитированном письме от 7 марта 1870 г. Огарев писал: «Останови Натали <Тучкову-Огареву> печатать письма Герцена, особенно впереди всего – это бросить вызов и возбудить вражду с двух сторон – со стороны реакции и прогресса и присвоить его к буржуазии. Может, вам этого хочется – я не знаю, но я решительно требую, чтобы их печатали только в гораздо позднем выпуске. А хотите делать по-своему – ну! разойдемся». В ответ А. А. Герцен предложил издание «Сборника» разделить на несколько выпусков и политические статьи, в том числе письма «К старому товарищу», напечатать в позднем выпуске (см. письмо А. А. Герцена к Тучковой-Огаревой от 21 марта 1870 г. – АО, стр. 80).

Однако в марте 1870 г. Н. А. Тучкова-Огарева, находившаяся в Женеве и наблюдавшая за изданием обеих книг, получила угрожающее письмо от имени не существовавшего иностранного агентства русского революционного общества «Народная расправа» с требованием отложить публикацию статей Герцена – см. Тучкова-Огарева, стр. 260. (Подлинник письма «Народной расправы», переданный Тучковой-Огаревой в редакцию «Русской старины», хранится в Институте русской литературы – ПД, ф. 265, оп. 2, № 615).

Угроза вызвала решительный протест А. А. Герцена и укрепила его желание напечатать все рукописи отца во что бы то ни стало. В связи с этим пришлось взять обратно данное Огареву обещание отложить печатание «статей о социализме». Необходимо также отметить, что Огарев в дальнейшем уже не возражал против публикации статей Герцена, а, наоборот, находил издание их своевременным. В письме к А. А. Герцену от 12 июня 1870 г. он писал: «Со статьями Герцена, т. е. изданием его сочинений, по моему мнению, надо спешить. Они теперь будут иметь большой успех. Я не статью о нем писать хотел, а работаю над биографическим очерком... Подметным письмам „Расправы“ – я не верю; это какая-нибудь здешняя котёрка – из других рук» (ЛСГ).

Подготовка «Сборника» была завершена, по-видимому, в конце лета 1870 г. (предисловие Огарева, открывающее «Сборник», помечено сентябрем 1870 г.). Однако А. А. Герцен счел необходимым сначала напечатать французский перевод «С того берега», включавший письма «К старому товарищу», а затем уже пустить в продажу «Сборник посмертных статей Ал. Ив. Герцена». Определенные указания на этот счет содержатся в письме А. А. Герцена к Тучковой-Огаревой от 28 июня 1870 г. «Во всяком случае я прошу, – писал А. А. Герцен, – об одном: чтобы мой перевод „С того берега“ пустить в продажу 3 или 4 месяца прежде сборника

801

(АО, стр. 82). Это письмо, а также приведенное выше объявление в газете «Le Siècle» о выходе «С того берега» позволяют заключить, что русскому изданию писем

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Герцен «К старому товарищу» в «Сборнике посмертных статей Ал. Ив. Герцена» предшествовал французский перевод этого произведения. В феврале – марте 1871 г. письма «К старому товарищу» были напечатаны А. А. Герценом в итальянском переводе: «Lettere ad un vecchio amico. Articoli inediti di Alessandro Herzen (Padre)» («La Rivista Europea», Febbraio, 1871, p. 419-424; Marzo, 1871, p. 32-42).

К стр. 580.

...представителей «прежней правды», делающейся «настоящей неправдой»... – Герцен пользуется противопоставлением «давной правды» и «нашей правды современной» в стихотворении Баратынского «Предрассудок! Он обломок давней правды».

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

К стр. 602.

...les châtiments... – Реминисценция названия сборника В. Гюго «Возмездие».

МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ К стр. 660.

17-18 сн. Вместо: стянуть должно быть: стегнуть 7 сн. Вместо: касается должно быть: кажется Очевидно, ошибки копииста.

К стр. 13.

4 сн. Вместо: по механике должно быть: на механике 2 сн. Вместо: я кандидат должно быть: я кандидат К стр. 14.

I св. Вместо: приступим должно быть: приступлю

II св. Вместо: холодна должно быть: холодна

15 св. Вместо: но... довольно должно быть: но... но довольно 19 св. Вместо: химией должно быть: химиею 26 св. Вместо: расставаться должно быть: расстаться

12 сн. Вместо: моих должно быть: моя

На обороте: Его благородию милостивому государю Николаю Платоновичу Огареву, Пензенской губ. Саранского уезда в селе Старое Акшено.

Поправки даются по автографу, хранящемуся в Центр. гос. архиве г. Москвы, ф. 16 (канцелярия московского генерал-губернатора), секретное отделение, оп. 31, ед. хр. 80, дело «О собраниях некоторых лиц, которые поют в оных разные неприличные и противузаконные песни», лл. 67–68 об.

96. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

К стр. 146.

Offene Tafel... – Открытый стол (т. е. обед с посторонними).

113. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ К стр. 186.

«Это делайте в мое воспоминание!» – Цитата из Евангелия от Луки, гл. 22, 17–19.

121. Н. Х. КЕТЧЕРУ К стр. 205.

...«Калибана-гиену»... – В этом прозвище Тютчева использован образ Калибана из «Бури» Шекспира. То же XXI, 213, 243, 291.

Не пора ли положить мне меч свой на весы... – Галльский полководец Бренн, наложивший контрибуцию на побежденный Рим, взвешивал золото гирями, вызвавшими сомнение римлян. Тогда он положил на весы еще свой меч со словами: «Горе побежденным» (Тит Ливий. История, гл. 5, 48).

124. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

188. А. Л. и А. В. ВИТБЕРГАМ

К стр. 380.

...car tel est bon plaisir de monsieurs... – Формула указов французских королей.

196. Н. И. АСТРАКОВУ

К стр. 387.

...fatum qui nolentem trahit... – См. выше, стр. 794.

РАПОРТ ВЛАДИМИРСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

Автограф хранится во Владимирском государственном областном архиве, ф. 14 (канцелярия владимирского губернатора), оп. 1, т. 4, ед. хр. 5345, дело «По предписанию министра внутренних дел, в коем сообщена высочайшая воля о переводе из г. Вятки титулярного советника Герцена в г. Владимир, под надзор полиции», л. 7.

804

Том XXII

27. Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

К стр. 38.

Коли любишь – так скажи, А не любишь – откажи! – Из песни «Как пошли наши подружки...» («Песни русского народа, собр. И. Сахаровым», ч. II, СПб., 1838, стр. 379).

28. А. Л. ВИТБЕРГУ

...on se hâte lentement. – Реминисценция из «Поэтического искусства» Буало.

90. В. В. ПАССЕКУ

Ничто не ново под луною! – Реминисценция из Н. М. Карамзина («Опытная Соломонова мудрость»).

92. Н. Х. КЕТЧЕРУ

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович К стр. 102.

...муж отходит от совета нечестивых... – Цитата из Псалтыря, Псалом 1,1.

99. Н. Х. КЕТЧЕРУ К стр. 110.

Соколов ~ начальником больницы ~ надо всеми пациентами. – А. И. Соколов в то время занимал в Одессе должность непрямого члена Приказа общественного призрения, в ведении которого находилась городская больница. См. о нем в комментариях

Н. М. Мендельсона к письмам Огарева («Звенья», т. 1, стр. 150) и в статье В. С. Нечаевой «Путешествие Белинского по России в 1846 г.» (сб. «Белинский и современность», 1964, стр. 351).

109. В. Г. БЕЛИНСКОМУ

К стр. 116.

...он много может вам сообщить об Европе ^ ибо недавно воротился... – О П. В. Зиновьеве см. статью М. К. Перкаля «Новгородский знакомый А. И. Герцена и друг декабристов П. В. Зиновьев» («Русская литература», 1963, № 4, стр. 155-160).

140. Н. П. ОГАРЕВУ

К стр. 138.

Место написания письма не Петербург, а Москва.

805

147. Н. П. ОГАРЕВУ

К стр. 141.

...влюблен и очарован... – Из приписывавшегося Пушкину экспромта «Я влюблен, я очарован».

179. Н. Х. КЕТЧЕРУ

...с совопросником мира сего... – Речь идет об А. С. Хомякове. Ср. в письме Герцена к Огареву от 22 февраля 1867 г.: «Недаром Моршкин меня с Хомяковым называл „совопросниками мира сего"» (XXIX, 42).

К стр. 173.

La critique est aisée, mais l'art est difficile. – Из драмы детуша «Le Glorieux», д. II, явл. 5.

188. Н. Х. КЕТЧЕРУ К стр. 183.

...хотелось бы другое имя – «Ежемесячное обозрение». – В прошении Грановского в Московский цензурный комитет (Центр. гос. архив г. Москвы, ф. 459, оп. 2, ед. хр. 593) проектируемый им журнал назван «Московское обозрение». К прошению приложена копия с программы журнала; в нем предполагалось четыре отдела: «I. Науки и искусства; II. Критика; III. Произведения изящной словесности; IV. Смесь». 14 июля 1844 г. прошение и программа были направлены Д. П. Голохвастовым попечителю Московского учебного округа и 23 июля пересланы министру народного просвещения Уварову. Последний «на основании заключения Главного управления цензуры всеподданнейше испрашивал на сие предприятие разрешение государя императора: его величеству в 12 день сего декабря не благоугодно было изъяснить высочайшего на то соизволения». Об этом Уваров 16 декабря 1844 г. довел до сведения Д. П. Голохвастова. 22 декабря извещения об отказе на издание журнала были посланы Грановскому и в Московский цензурный комитет.

214. К. С. АКСАКОВУ

К стр. 209.

4 сн. Вместо: часто должно быть: постоянно На обороте: Константину Сергеевичу Аксакову.

Поправки даются по автографу, обнаруженному в фонде Аксаковых (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 99). 252. А. А. КРАЕВСКОМУ К стр. 252.

...imitatorum recus... – Реминисценция из Горация («O imitatores, servum pecus»). – Послания, 1, 19.

ПРОШЕНИЕ ВЛАДИМИРСКОМУ АРХИЕПИСКОПУ ПАРФЕНИЮ

К стр. 273.

13 св. Вместо: С чувством должно быть: С чувствами

Поправки даются по автографу, хранящемуся во Владимирском Государственном областном архиве.

806

Том XXIII

16. Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН

Судя по содержанию письма М. Ф. Корш к М. К. Эрн (написанного на том же листе), в письме Герцена речь идет об отъезде в Италию (а не в Г авр), происшедшем 21 октября 1847 г. Поэтому письмо Герцена следует датировать первой половиной октября 1847 г.

О парижской жизни семьи Герцена М. Ф. Корш писала: «Ну-с, слышали мы „Дон-Жуана". Очень было хорошо <...> Завтра опять „Дон-Жуан", и Алек<сандр> Ив<анович> опять везет нас. Вообще в последнее время мы загуляли. Были в St. Germain, в Hôtel Cluni и собираемся в Лувр с Натальей Алек<сандровной>».

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
50. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
К стр. 97.
«Ich habe gelebt und geliebt!» – цитата из «Пикколомини» Шиллера, д. III, явл.
7.
60. МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ
К стр. 112.
«Rien n'est changé en France, il n'y a qu'un suisse de plus». – В воображаемой речи Луи-Бонапарта «Шаривари» пародировал известную «историческую фразу» графа Д'Артуа, будущего Карла X, после его прибытия в Париж 12 апреля 1814 г.: «Rien n'est changé en France, si ce n'est qu'il s'y trouve un Français de plus».
145. Г. ГЕРВЕГУ
К стр. 243.
...an der Sonne Kl<arheit>... an des Mondes <Licht> ^ nicht. – Реминисценция из «Гамлета» Шекспира, д. II, явл. 2, в переводе А. В. Шлегеля.
ВЕРЯЩЕЕ ПИСЬМО <Г. И. КЛЮЧАРЕВУ>
К стр. 330.
Подлинник хранится в ПД (см. «Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома АН СССР», вып. VI, М.–Л., 1956, стр. 105).
К стр. 29.
Том XXIV
«Et non inducas in tentationem». – Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 6, 13.
73. М.–А. ПИНТО
Биографические сведения о Пинто см. в статье М. П. Алексеева «Микеланджело Пинто. Несколько данных к его характеристике по русским источникам» («Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver», G. C. Sansoni Editore, 1962, стр. 23–41).
76. М. К. РЕЙХЕЛЬ
К стр. 152.
...отраду ^ в старости подают... – Реминисценция из оды Ломоносова (1747).
86. К. КАППУ
О «Русском кружке имени Герцена в Лондоне», созданном группой политических эмигрантов в 1910 году, см. в кн.: И. М. Майский. Воспоминания советского посла. Книга первая. Путешествие в прошлое, М., 1964 (глава «Герценовский кружок и его люди»).
128. М. К. РЕЙХЕЛЬ
К стр. 205.
24 св. Вместо: За виски да стисни должно быть: За виски, да в тиски Очевидно, ошибка копииста.
158. М. К. РЕЙХЕЛЬ
Автограф письма хранится в ЦГАЛИ. Письму Герцена предшествует текст, написанный рукой К–Э.
Хоецкого (приводится в переводе с французского):
Ницца, 14 марта 1852 г.
Я говорил вам, сударыня, что над нами тяготеет злой рок, против которого ничего не могут поделать ни ваша доброта, которую я никогда не сумею в должной мере оценить, ни участие моих друзей, ни даже сила справедливости и истины.
Я должен однако уведомить вас обо всем, что произошло.
Четвертого числа сего месяца утром один из наших друзей А. Мате <Н. Машеу>, проживающий на ул. Мазарини, должен был получить следующие документы, посланные заказным письмом.
1. Доверенность, заверенную консулом и нотариусом, действовать от моего имени перед местными властями.
2. Копию акта признания мною <отцовства>, также заверенную компетентными властями, которую Мате должен был безотлагательным образом зарегистрировать в мэрии 1-го округа.
3. Подлинное письмо этих дам, посланное мне 4 ноября 1851 г., в котором сказано, что девочка будет мне передана, когда я этого захочу, при условии, что мать никогда больше не услышит о ней.
4. Два письма Беше, в которых он просит у меня 60 франков на содержание девочки, чтобы окончательно порвать с матерью.
Повсюду в этих письмах Беше обращается ко мне, как к отцу ребенка.
5. Письмо, посланное мною комиссару полиции в Нантере, в котором я прошу его оказать помощь и покровительство Мате, когда он придет к Беше требовать от моего имени ребенка.
Таковы, сударыня, были документы, которые я послал Мате и которые он, по нашим расчетам, должен был получить 4 числа сего месяца. Я сказал ему, чтобы он немедленно пошел к вам[x] и сообщил о линии поведения, которой он, а также П.–Ж. Пр<удон> намерены придерживаться в этом вопросе. Кроме того, в это же

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

письмо я вложил ассигнацию в 100 фр. на расходы по этому делу.

Как же теперь получается, что до сего дня, несмотря на то что письмо было отправлено заказной почтой, мы не получили никакого ответа и я ничего до сих пор об этом не знаю. Я вел постоянную переписку с Мате (бывшим руководителем V. Б. Т.) и никогда не случалось, чтобы он опаздывал с ответами. Этот человек – воплощенная точность.

Решительно это рок, несчастье, напасть, которые отняли у меня ребенка и посреди всех бедствий, которые обрушились на меня и на моих друзей, сделали мою жизнь невыносимой, и я не вижу ни конца, ни передышки моему отчаянию. Девочка была записана на фамилию неизвестных родителей сначала потому, что я отсутствовал в момент ее рождения, а закон требует подачи заявления в течение 24 часов, затем – потому, что я в то же время не ожидал встретиться когда-либо с подобными осложнениями со стороны этой ужасной женщины. Я сто раз предлагал матери жениться на ней, но она никогда не могла забыть, что я изгнанник и более или менее пролетарий. Как только я смог признать ребенка, я это сделал. Но и в этом деле мое положение эмигранта действует против меня. Должен ли я уступить?

Действительно, мне осталось бы только склонить голову, если бы друзья не оказывали мне доверия, если бы ваше участие, сударыня, не вдохновляло меня и если бы я мог, наконец, примириться с таким положением, когда стоит только кому-нибудь из наших поднять голову, как несчастье сразу же обрушивается на него без жалости и сострадания. Мне остается лишь поцеловать вашу руку, сударыня, еще раз поблагодарить вас за участие, которое вы сообразовали принять в этом печальном и отвратительном деле.

Сердечно жму руку Рейхелю и благодарю его за удовольствие, которое он нам доставил, разрешив Мель<гунову> дать нам прекрасное описание его концерта.

Прошу вас, сударыня, принять выражение моей признательности и глубокого уважения.

Шарль-Эдмон Х о е ц к и й.

809

К стр. 240.

6–7 сн. Вместо: так добры написать должно быть: те добрые, какие есть К стр. 241.

4 св. Вместо: Мат<ьё?> должно быть: Мате

6 св. Вместо: ответ должно быть: ответы 196. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Автограф письма хранится в ЦГАЛИ. Письму Герцена предшествуют тексты:

Рукой Саши Герцена:

8 июля. Лугано.

Милая Тата,

мы ходили третьего дня на гору, которую называют Monte Sant Salvatore. Нас было много и одна английская дама, с нею ее друг, хромой старичок с железной ногой.

Ему было очень трудно ходить, но он имел столько силы, что взшел с нами, а чтобы взойти, надобно почти три часа. С этой дамой была собака, которую звали Сулук. С другим господином была другая собака, которую звали Али; он бросал свой платок и уходил далеко, потом говорил собаке, что он потерял платок, она бегала назад по дороге и приносила платок, но если это был платок кого-нибудь другого, она его не трогала.

Когда мы сходили с горы, уже было темно. Дама устала, и мы сели, чтоб отдохнуть. Хозяин Али пошел за водою в один городок, который был возле. Хромой господин был немного подалеже, потому что он не мог видеть дорогу, так один господин ему принес фонарь. Мы пошли все в городок, где Сулук и Али начали драться с другими собаками. Выпивши воды и молока, мы пошли домой и пришли почти в полночь.

Кланяйся Рейхелю, поцелуй Ольгу, Сашу, Морица и Машу. Будь здорова.

Рукой К.-Э. Хоецкого:

Милая Тата. Я слышал, что ты так хорошо играешь на фортепианах, что скоро дашь великий концерт. Я тогда приеду аплодировать тебя. Целую тебя, Олиньку и малого Сашу. А Марии Каспаровне и Рейхелю прошу поклониться от меня.

Твой верный друг

С<h a ne s> Ed<mond>.

К стр. 293.

10 сн. Вместо: Эдмонд должно быть: Эдмунт 9 сн. Вместо: в Марселе должно быть: в Марсели

205. Ж. МИШЛЕ К стр. 314.

Вы упоминаете о какой-то книге о России... – Речь идет о книге: <Jean-Geoffroy Rohr.> Un Missionnaire républicain en Russie. Paris, 1852, v. 1–2, вышедшей в свет анонимно (см. подробнее: ЛН, т. 58, стр. 694–696, а также: М. Кадо. Герцен – читатель книги Ж. Рора «Республиканский миссионер в России» – в сб. «Проблемы изучения Герцена», М., 1963, стр. 501–503. Ср. XXV, 23 и 371).

810

216. ТАТЕ ГЕРЦЕН

Автограф письма хранится в ВН.

После текста письма Герцена следуют приписки:

Рукой Э. Гауга:

Ma chère Tata, je voudrais bien venir chez toi ma sauterelle pour ta fête, mais ma gymnastique ne me suffit pas de sauter d'ici jusque à ta maison – prends donc mes vœux et aime toujours ton ami et frère

Ernest Peterson.

Dillon – Н-г43[43].

Рукой Саши Герцена:

Милая Тата!

Вот и пришли твои именины, но это не такой же праздник, как в другие раза: ты вспомни, что это был бы день именин нашей бедной Мамаши. – Вспомни, как мы с нею в этот день веселились; но этот день должен пройти как бы его не было. – Ты возьми Мамашин портрет и смотри на него долго.

Напиши нам, что ты хочешь, и мы с Папой поищем, потом пришем или привезем.

Целую тебя, Ольгу и всю Машину фамилию. Кланяйся Mme Gasparini и Marichen.

Саш а.

247. С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Автограф письма хранится в ВН.

Вместо текста последних двух абзацев должно быть:

Это правда, что Саша больше занимался языками, дело очень важное знать 5 языков.

Теперь сильно обращаемся к математике.

Рукой Саши Герцена:

Любезные друзья!

Я понимаю, с какими глубокими чувствами написаны ваши письма, и сердечно вас за них благодарю.

Скажите С<ергею> И<вановичу>, что я начинаю учиться математике.

Мне папа подарил флоридскую собаку – лучше Нонче – выше человека, когда станет на задние лапы. Ее зовут Boatswain.

Кланяйтесь Вере Артамоновне. И от меня44[44].

Целую вас.

43[43] Дорогая Тата, я очень хотел бы быть у тебя, мой кузнецик, чтобы поздравить тебя с именинами, но моих гимнастических возможностей не хватит, чтобы допрыгнуть отсюда до твоего дома, – прими же мои пожелания и всегда люби твоего друга и брата – Эрнест Петерсон. Д и л л он –Г<ау>г. (франц.). – Ред. Сегодня последний день страшного года для меня – остальные будут не лучше. Отдохнуть бы с вами. Господи, как бы хотелось.

На обороте рукой Герцена: Тане.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ Ж. САНД «ПОХОЖДЕНИЯ ГРИБУЛЯ»

Впервые опубликовано: Л VII, 124.

811

Том XXV

15. М. К. РЕЙХЕЛЬ

К стр. 23.

...я взял книгу «Un missionnaire républicain en Russie». – Об этой книге Ж.-Ж.

Рора см. наст. том. стр. 809.

46. М. К. РЕЙХЕЛЬ

К стр. 66.

...crédit foncier и mobilier... – Намек на появление во Франции в 1852 г. двух крупнейших финансовых предприятий, вызвавших бурный рост биржевого ажиотажа и денежных спекуляций: банка «Crédit foncier de France» («Поземельный кредит»), образованного декретом от 10 декабря 1852 г. на основе обществ поземельного кредита, а также учрежденного братьями И. и Э. Перейра и узаконенного декретом от 18 ноября 1852 г. нашумевшего своими прибылями акционерного банка «Crédit mobilier» (полное название: «Société générale du crédit mobilier» – «Главное общество движимого кредита»).

47. М. К. РЕЙХЕЛЬ

К стр. 67.

...ваша вдова с фортепьяном... – Из круга лиц, близких в это время к М. К. Рейхель, сочувствовала деятельности Герцена и желала оказать практическую помощь Вольной печати – Е. К. Трувеллер. Герцен ее характеризует в другом письме как человека «отважного с бравурой» (XXV, 318). Иронический оттенок отзыва («вдова с фортепьяном») также соответствует другим суждениям Герцена об Е. К. Трувеллер.

Сын Е. К. Трувеллер, морской офицер В. В. Трувеллер, был в 1861 – 1862 гг. активным корреспондентом и распространителем изданий Вольной печати, за что поплатился ссылкой в Сибирь (см. XI, 305–306).

65. М. К. и А. РЕЙХЕЛЯМ

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 ...écrire au Cap... – Каламбур, основанный на сходном звучании французского
 слова «сар» (мыс) и фамилии Ф. Каппа.
 115. М. К. РЕЙХЕЛЬ
 К стр. 143.
 10 св. Вместо: по Ришельевне должно быть: по Ришельевке 127. М. К. РЕЙХЕЛЬ К
 стр. 157.
 Вот для Лаво ^ в статье надобно и это помянуть. – Рецензия А. Делаво на издание
 «Прерванных рассказов» была напечатана в еженедельнике «L'Athenaeum française»
 от 18 марта 1854 г., № 11, стр. 237–239.
 812
 169. М. К. РЕЙХЕЛЬ
 Автограф письма хранится в ЦГАЛИ.
 К стр. 218.
 20 св. Вместо: фестиваль должно быть: фестиваль 27 св. Вместо: написал должно
 быть: писал 31 св. После: Grundbesitzer должно быть: etc...
 К стр. 219.
 4 св. Вместо: славянофилах должно быть: о славянофилах 8 св. После: с винцом
 должно быть: А Франк не пишет.
 А что Прудонец?
 171. С. ВОРЦЕЛЮ (черновое)
 О перемещении «Русской типографии» см. в данных о не дошедшем до нас письме
 Герцена к Л. Зенковичу (XXV, 492).
 204. Л. ПЬЯНЧАНИ
 ...распевая «...тройка...шестерка...дама пик»... – Первая опера на пушкинский
 сюжет «La Dame de pique» была поставлена в Париже в 1850 г. (муз. Галеви,
 либретто Скриба).
 234. М. К. РЕЙХЕЛЬ
 К стр. 301.
 Получил по почте целую критику на «Поляр<ную> звезду» ^ сдается, что это от Н.
 И. Тургенева. – О С. Д. Полторацком как авторе письма «Г. издателю „Полярной
 звезды“» см. стр. 770 наст. тома.
 249. Дж. КОУЭНУ
 Об отношениях Герцена и Дж. Коуэна подробнее см. в статье Моника Партридж «A.
 Herzen and the Jauner Joseph Cowen, M. P. Some unpublished Material» («The
 Slavonic and East European Review», v. XLI, № 96, December 1962, p. 56–63).
 252. А. САФФИ
 К стр. 321.
 ...Тримурти... – Иронический намек на руководителей революционно-республиканской
 эмиграции в Лондоне: итальянской – Дж. Маццини, французской – А.-О.
 Ледрю-Роллена и венгерской – Л. Кошута.
 263. М. К. РЕЙХЕЛЬ
 К стр. 332.
 ...отошлите афишку ^ «Presse» пропечатать. – Посланное Герценом объявление было
 напечатано в парижской газете «Journal des Débats politiques et littéraires» от
 2 марта 1856 г., стр. 4 («Publications russes de l'imprimerie russe à Londres»).
 Повторено в той же газете 10 марта.
 276. М. К. РЕЙХЕЛЬ
 К стр. 346.
 ...от шатания языков. – Перифраза цитаты из Псалтыря, псалом 2, 1: «Вскую
 шаташася языцы...» («Зачем мятутся народы...»); ср. также «Деяния апостолов» –
 4, 25.
 813
 СПИСОК НЕСОХРАНИВШИХСЯ И НЕНАЙДЕННЫХ ПИСЕМ ГЕРЦЕНА
 К стр. 486.
 Письмо № 39 включено в «Список» ошибочно. Намерение Герцена написать снова
 «относительно рисунка» (памятника Прео) было выполнено в сохранившемся письме к
 М. К. Рейхель от 9 ноября 1853 г. (см. XXV, письмо 102).
 814
 Том XXVI
 2. М. МЕЙЗЕНБУГ
 Автограф письма хранится в ЦГАЛИ.
 К стр. 9.
 16 св. Вместо: chez moi <ко мне> должно быть: chez nous <к нам>
 7. М. К. РЕЙХЕЛЬ К стр. 12.
 Даже и больше, я умер, и Мельгу<нов> меня с Кавелиным схоронили. – Речь идет о
 распространившемся в России в конце 1855 г. слухе о смерти Герцена, в связи с
 чем у Кавелина возникла мысль использовать «освободившуюся Лондонскую
 типографию» (см. ЛН, т. 62, стр. 318).

32. И. С. ТУРГЕНЕВУ

К стр. 46.

...окончил то письмо, которое тебе обещал... – О времени окончания статьи «Еще вариация на старую тему», в которой получили отражение споры Герцена с Тургеневым, см. выше, стр. 771 (примеч. к т. XII).

К стр. 47.

Он пишет длинную статью... – Видимо, речь идет о второй статье цикла «Русские вопросы».

52. Н. М. ЩЕПКИНУ К стр. 67.

...дедал... – лабиринт (франц. dédal).

53. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Огарев чистит твоей ваксой свою поэму. – Имеется в виду поэма «Сны».

54. М. К. РЕЙХЕЛЬ К стр. 70.

...путному старику... – Шутка с названием местечка Путней, где жил Герцен.

56. М. К. РЕЙХЕЛЬ К стр. 72.

...фензервы – приправы из душистых трав (франц. fines herbes)

13 св. Вместо: Гриб<овского> должно быть: Грыб<овскому>

815

60. М. К. РЕЙХЕЛЬ

К стр. 75.

...дусерами – сладостями.

73. М. МЕЙЗЕНБУГ

Автограф письма хранится в ЦГАЛИ.

77. М. К. РЕЙХЕЛЬ и Е. Б. ГРАНОВСКОЙ Письмо адресовано М. К. Рейхель и М. Ф. Корш.

К стр. 93.

8 св. Вместо: Елиз<авета> Богд<ановна>, вам должно быть: Елиз<аветы>

Богд<ановны> – вам

79. М. К. РЕЙХЕЛЬ К стр. 95.

2 сн. В подстрочном переводе должно быть: Путней – все в порядке!

82. М. МЕЙЗЕНБУГ

Автограф письма хранится в ЦГАЛИ.

85. М. К. РЕЙХЕЛЬ К стр. 100.

Книгу Грановского пришлите через кого-нибудь из книгопродавцев к Трюбнеру, прося его передать. – Речь идет о втором томе «Сочинений Т. Н. Грановского», изданных в Москве в 1856 г. Поручение Герцена М. К. Рейхель выполнила через В. Н. Кашперова, которому она писала из Дрездена в Берлин 7 июля 1857 г.: «Любезнейший Monsieur Кашперов! Позвольте мне обременить вас комиссией для А. И. Г<ерцена>. Я прямо обращаюсь к вам потому, что думаю, это будет вернее, – сделайте милость, передайте прилагаемый пакет, состоящий из двух вторых томов „Сочинений Грановского“, книгопродавцу Шнейдеру, кажется, Unter den Linden, 19, он в прямом сношении с Трюбнером в London, Paternoster City, 12, которому и следует эти книги переслать для передачи Герцену. Отсюда я не могу прямо переслать, надобно посылать через Лейпциг, а это, говорят, и не всегда верно» (письмо не опубликовано, хранится в Государственном центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина, ф. 111, В. Н. Кашперова, № 73298). Однако письмо было отправлено Кашперову на адрес П. М. Грибовского только спустя десять дней (об этом свидетельствует приписка, сделанная 17 июля), так как Рейхель не знала точного берлинского адреса Кашперова. Этим объяснялся и ее запрос об адресах Кашперова и книгопродавца Шнейдера, на который Герцен ответил 17 июля 1857 г. (см. XXVI, 106).

96. М. МЕЙЗЕНБУГ

Автограф письма хранится в ЦГАЛИ.

109. И. С. ТУРГЕНЕВУ К стр. 117.

...a vista – быстро (итал.).

116. М. МЕЙЗЕНБУГ

Автограф письма хранится в ЦГАЛИ.

816

125. М. К. РЕЙХЕЛЬ

К стр. 136.

...превосходное стихотворение Огарева... – Стихотворение «Мертвому другу».

142. И. С. АКСАКОВУ К стр. 154.

...письмецо, доставленное дамой и ее мужем. – По-видимому, речь идет о Д. И. Каншине и его жене. Именно Каншин передавал в 1858–1859 гг. поручения Герцена к Аксакову (см. XXVI, 182, 183, 273, 275). 7 июня 1859 г. Герцен писал Каншину в Москву как человеку, с которым он уже встречался прежде (XXVI, 182–183). Во время первого своего посещения Каншин, без сомнения, явился к Герцену с женой. «Вы с супругой или один?» – спрашивал Герцен при новом появлении Каншина в

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Лондоне в июне 1859 г. (XXVI, 273); позднее Герцен говорил о Каншине как о человеке, находящемся под влиянием жены. О личности Д. И. Каншина см. «Звенья», 1950, т. VIII, стр. 33. В письме от 26 февраля 1858 г. Герцен спрашивал Аксакова: «Что же вы не отвечаете Кауфману <...> Я тотчас отвечал (т. е. отвечал Кауфману) после вашего письма, присланного через доктора» (XXVI, 161). По-видимому, «доктор» – это Д. И. Каншин, занимавшийся физиологическими проблемами и написавший книгу «Физиология питания».

143. М. МЕЙЗЕНБУГ
Автограф письма хранится в ЦГАЛИ.

150. И. С. АКСАКОВУ к стр. 161.
Письмо мое прождало нашего знакомого около двух месяцев... – «Знакомый», с которым Герцен передал письмо, – очевидно, кн. В. А. Черкасский. Несколько месяцев спустя, 14 (26) августа 1858 г., П. И. Бартенев писал из Бонна Е. А. Черкасской (жене В. А. Черкаского): «Поклонитесь от меня князю. Скажите ему, что в Лондоне мне чрезвычайно хвалили усердие, с которым он ходил слушать процесс Бернара, и оставил там по себе самое выгодное впечатление». Процесс Бернара происходил в начале марта 1858 г. (см. о нем в «Былом и думах», XI, 106–123), т. е. примерно в те же дни, когда было написано данное письмо. «Выгодное впечатление» Черкасский, видимо, произвел на Герцена и Огарева. Проезжая Берлин, Черкасский захватил у Ф. Шнейдера посылку для Аксакова. В ответном письме Герцену Аксаков сообщал: «Ч. доставил мне от Шнейдера 10 экземпляров „Полярной звезды“ <...> остальных покуда нет возможности доставить в Россию, иначе как по частям» (ЛБ, ф. 69, п. IX, ед. хр. 2. Приведенные строки исключены из публикации письма в «Вольном слове», 1883, № 60). О посещении Лондона В. А. Черкасским см. также Тучкова-Огарева, стр. 114–115.

160. М. МЕЙЗЕНБУГ
По всей вероятности, письмо к М. Мейзенбуг было написано до 24 марта 1858 г., т. е. до получения упомянутого в письме «пакета из Дрездена», о котором Герцен писал М. К. Рейхель 24 марта: «Получил все исправно...» (XXVI, 166).

165. М. МЕЙЗЕНБУГ
к стр. 173.
11 св. В переводе вместо: маркиза Поза, Плесскова должно быть: маркиза Позы из Плесскова
То же исправление следует сделать в комментариях к письмам 152, 154, 165.

178. П. В. АННЕНКОВУ и И. С. ТУРГЕНЕВУ
к стр. 181.
...бранить бургграфов можно меньше – но того натура требует. – И. С. Тургенев и П. В. Анненков в своих письмах (несохранившихся), на которые отвечает Герцен, приводили высказывания о Герцене какого-то лица, который «сказал, что издали ругаться не трудно». Лицо это находилось в Париже, знало Тургенева и Анненкова (так что Герцену надо было маскировать друзей «крестовой газетой»), особенно Тургенева («я очень просил бы Тургенева поставить сие на благоусмотрение»). Оно, очевидно, принадлежало «к первым двум классам» и было на родине «защищено морем полиций, ценсур». Вероятно, это был или только что вышедший в отставку кн. П. А. Вяземский или отставленный министр А. С. Норов. Жалобы Вяземского Тургеневу на Герцена известны. «Вяземского ругать буду всечасно, и старому дураку не верь», – писал Герцен Тургеневу 14 августа 1857 г. (XXVI, 112), видимо, в ответ на просьбу последнего «смягчить удары». В упомянутых письмах Тургенева и Анненкова, вероятно, тоже содержалась просьба «меньше бранить» некоторых персон (под впечатлением статьи «Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова» из 15-го листа «Колокола»). Иронический титул «бургграф» относится именно к А. С. Норову: в статье «Материалы для некролога...» бывший министр был представлен как обладатель «замка народного просвещения», перед которым однажды «раздается рожок, гремят цепи подъемного моста и въезжает оруженосец Марковский, посланный от маркиза Паулуччи, начальника тайной полиции в Варшаве» (XIII, 269).

183. М. МЕЙЗЕНБУГ
к стр. 186.
Niemand und keiner... – Из детской игры.

196. П. В. АННЕНКОВУ
к стр. 198.
Кто писал превосходную статью в 19 «Колоколе»? – Автором статьи «Программа для занятий губернских комитетов» в 19-м и 20-м листах «Колокола» был, очевидно, А. И. Кошелев (см. в наст. томе стр. 777).

199. А. А. ГЕРЦЕНУ
202. А. А. ГЕРЦЕНУ к стр. 203.
7 сн. Вместо: вперед должно быть: впредь
3 сн. Вместо: цензор должно быть: ценсор

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
203. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 204.
12 св. Вместо: Николаевна должно быть: Николавна
16 св. Вместо: об экскурсиях должно быть: об экскурциях
28 св. Вместо: мое письмо должно быть: письмо мое
После текста Герцена приписка рукой Н. А. Герцен:
Милый Саша!
Маленькая... Николаевна очень мила, я ее уже несколько раз нянчила. Нат<алья>
Аполлоновна приехала 3 сен<тября> и привезла с собой детские книги для Оли, а
мне самовар такой чудесный – в нем можно рассматриваться, как в зеркале, потом
туфли чудесные бронзового цвета с розетками спереди и обшитые с шелком, просто
чудо.
Мне очень жаль, что ты не остался до приезда Нат<альи> Апо<ллоновны>, – она
премилая дама, я ее очень, очень полюбила. Натали еще очень больна, но Deville
говорит, что хорошо идет.
Саша, отчего же ты не послал письмо ко мне с почтой, ведь оно бы гораздо скорее
приехало? Ты уж успел о подарках подумать, эх! эх! какой ты плут. У меня
несколько дней зубы очень болели, теперь все прошло, но правый глаз очень распух
и болит, и Deville мне приказал ночью прикладывать катаклазмы из яблок.
Прощай, мой милый, целую тебя крепко. Приезжай в декабре, пожалуйста, хоть на
денек, – мне так хочется тебя повидать, право, мне кажется, как будто бы ты бог
знает сколько
45[45] Поправки и дополнения к текстам писем А. А. Герцену, помещенных в XXVI
томе, даются по фотокопиям с автографов (ЯSG).
месяцев тому назад уехал. Разные знакомые тебе кланяются, Иван Иван<ович> едет
опять в Россию и нам только один мешок с грешневой кашей оставил. Но он
воротится прежде тебя и много с собой принесет.
206. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 205.
После текста Герцена приписка рукой Н. П. Огарева:
Твоим письмом к Наташе, милый друг, я был очень доволен. Хотел на этот счет
написать тебе три короба, по обычной лени и по непривычному положению иметь дочь
– оставляю мое послание к тебе до более досужного времени. А покаместь обнимаю
тебя, как старый друг юного друга. – Наташа тебе кланяется, она еще слаба, но
все идет превосходно, пострадала – таки она при родах, так что была минута
опасности, но все сошло с рук благополучно. Ergo – поздравь меня.
208. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 207.
6– 7 сн. Вместо: возможность должно быть: возможно
211. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 211.
3 св. Вместо: писал должно быть: послал
8 св. Вместо: надобно должно быть: надобно было
После текста Герцена приписки – рукой Н. А. Тучковой-Огаревой:
Тата читает мне твои письма, Саша, они нас всех очень радуют, несмотря на
расстояние. Мы как будто все ближе стали – хорошо бы, как бы ты приехал зимой,
мне хочется тебе Лизу показать, только не удивляйся, что она страшная дурняшка,
одна Тата находит ее красивой.
Ну, прощай, целую тебя за себя и за Лизу. Ты прав, Саша, хорошо бы нам всем
побывать в Ницце на могиле, мы бы все лучше стали...
Прощай.
Твоя N.
819
Рукой Н. П. Огарева:
Милый Саша, читал я твое письмо из Ниццы и плакал. Не стыжусь этих слез:
воспоминание о ней осталось у меня как воспоминание о чем-то таком чистом,
светлом и любящем, что ее потеря для меня была самой большой потерей в жизни.
Обнимаю тебя крепко.
Твой Ага.
Рукой Н. А. Герцен:
Милый мой Саша!
В предпрошедшем воскр<есенье> мы, дети, поехали в Richmond к Deanes'ам, он
сделал шесть портретов, два раза я и Оля сидели, два раза я одна, раз четыре
девочки, и раз miss Mills все дети. Оля и я и две кошки да две собаки – этот
портрет был сделан для стереоскопа. Они все тебе кланяются и велели между прочим
сказать, что молодой Crisp умер в чахотке.
Несколько дней тому назад у нас был незнакомый русский с сыном и велел мне тебе
от него до пояса кланяться. Жду от тебя письма, милый Саша, пиши мне, приедешь

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 ли ты в декабре.
 Целую тебя.
 Твоя Тата.
 212. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 211.
 17 сн. Вместо: получил должно быть: получал
 6 сн. Вместо: Получил ли ты «Колокол» 23–24? должно быть: Получил ли ты
 «Колокол» 23 и 24?
 К стр. 212.
 1 св. Вместо: образовав должно быть: образовать
 19 св. Вместо: Страль и Германа: «Geschichte должно быть: Стралья и Германа «Die
 Geschichte 9 сн. Вместо: Оттимию должно быть: Оттилию 214. А. А. ГЕРЦЕНУ К стр.
 213.
 4 сн. Вместо: надо должно быть: надобно К стр. 214.
 После текста Герцена приписка рукой О. А. Герцен:
 Милый Саша,
 когда ты приедешь к нам? Здоров ли ты? Я тебе писала, но папа забыл послать мое
 письмо. Прощай, целую тебя.
 Твоя Оля.
 216. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 215.
 5 св. Вместо: занятия должно быть: занятий
 6 св. Вместо: о философии должно быть: об философии
 9 св. Вместо: не заменят должно быть: не заменит
 24 св. Вместо: Воскресения должно быть: Воскресенья
 220. А. А. ГЕРЦЕНУ К стр. 217.
 7 св. Вместо: решать должно быть: решить 31 св. После: пакет должно быть:
 пошли
 221. А. А. ГЕРЦЕНУ К стр. 218.
 10 сн. Вместо: средств должно быть: средства
 222. А. А. ГЕРЦЕНУ К стр. 219.
 Новостей никаких нет – кроме того, что молодой Раевский умер в Брюсселе,
 собираясь в Париж. – Речь идет о Николае Михайловиче Раевском, в 1856 – 1857 гг.
 видном деятеле подпольного Харьковского кружка, одном из основателей
 «Пасквильного комитета», авторе известных пасквилей-пародий, вызвавших переполох
 среди харьковских властей (см. Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики 1856 –
 1858 гг. Харьков, 1930). В тайное общество он вступил вместе с братом Виктором
 Раевским. Судя по сохранившимся скудным сведениям, Н. М. Раевский был человеком
 незаурядным, являлся президентом так называемого «литературного общества»
 харьковских студентов, был серьезным ученым, убежденным атеистом, автором
 материалистического труда «о душе животных». Судя по отклику Герцена на смерть
 Н. М. Раевского, они были знакомы и, очевидно, встречались. «Молодого Раевского»
 знал также сын Герцена. Стало быть, Н. М. Раевский посетил дом Герцена не
 позднее середины
 августа 1858 г. (24 августа 1858 г. А. А. Герцен уехал в Швейцарию). «Ты видел в
 Лондоне людей, учившихся в Казани, в Харькове», – писал Герцен сыну 26 сентября
 1858 г. (XXVI, 218). Возможно, что Раевский был автором разбора книги И.
 Беллюстина «Описание сельского духовенства», сохранившегося среди бумаг
 «Колокола» – см. предисловие П. Г. Рынзюнского к публикации «Разбора» (ЛН, т.
 63), а также в наст. томе, стр. 778.
 223. И. С. АКСАКОВУ
 К стр. 220.
 Пишу к вам ответ с тем же общим знакомым, с которым вы мне прислали письмо от
 молодого человека. – «Общий знакомый» Аксакова и Герцена – П. И. Бартенев. 16
 (28) ноября 1858 г. Бартенев писал Аксакову из Веймара: «Из Бельгии я шмыгнул
 еще раз в Лондон, прельщенный моим свободным положением и близостью великого
 города» (ЛБ, фонд Аксаковых, ГАИС III, п. 1, ед. хр. 42). В первый раз Бартенев
 был у Герцена в Лондоне, всего вернее, в августе 1858 г., так как в середине
 сентября Герцен уже начал печатать «Записки императрицы Екатерины II»,
 привезенные
 821
 Бартеневым (см. XXVI, письма 209 и 210); в первой половине сентября это
 посещение не могло состояться – о нем вспоминает Н. А. Тучкова-Огарева, а она с
 3 сентября была прикована к постели после рождения Лизы. О поездках Бартенева в
 Лондон см. статью Л. Б. Светлова «Из разысканий о деятельности А. И. Герцена. I.
 А. И. Герцен и П. И. Бартенев» («Известия АН СССР», серия истории и философии,
 т. VIII, 1951, № 6, стр. 542–544).
 Я собирался к нему писать длинное письмо, а теперь П. И. меня взял врасплох... –

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович П. И. Бартенев во время поездки за границу летом и осенью 1858 г. выполнял ряд поручений И. С. Аксакова, как это видно из их переписки (ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 555). И. С. Аксаков между прочим просил Бартенева, чтобы тот посетил берлинского издателя Шнейдера и лейпцигского – Вагнера, для организации регулярной пересылки корреспонденции из России за границу и облегчения заграничной подписки на славянофильские издания.

224. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 221.

15 сн. Вместо: чтобы должно быть: чтоб 226. А. А. ГЕРЦЕНУ К стр. 223.

10 св. Вместо: Для статистики должно быть: Для статейки

23 св. Вместо: колоссальным шагом должно быть: колоссальными шагами 6 сн.

Вместо: у нас должно быть: у меня

229. А. А. ГЕРЦЕНУ⁴⁶[46]

25–27 (13–15) ноября 1858 г. Фулем.
Park House. Persy Cross. Fulham. 25 нояб<ря>

Ну вот мы и в новом доме – дом очень, кажется, хорош, все эти дни была стужа – нынче полегче – у нас, как следует, все разбросано. Наташе поручаю сделать план и описание, Ольге – разрисовать его.

Natalie показывала мне твое письмо – может, лучше было бы писать прямо ко мне, какое посредство может быть между мной и тобой. Меня огорчил телеграф и фогтово письмо – именно потому, что они мне напомнили те недостатки твои, против которых я сильно боролся – и, вероятно, неловко. Невнимание, распушенность и отсутствие серьезных интересов и истинной любви к науке. Чему же ты удивился, что это меня огорчило и что тон писем изменился. Вместо того, чтоб возражать (и притом дурно, как ты дельвал на словах) – тебе надобно другое. Строгий разбор себя, строгую поверку, наконец обдуманность, которая возвращала бы тебя на отчет в собственных действиях. Мои требования не могут быть несправедливы – потому что ты знаешь источник, из которого они идут, и знаешь меня. По силам ли они тебе? Это другой

822

вопрос, но именно этот вопрос ты и должен решить – мужеством, любовью, наконец тем юным самолюбием, которое заставляет идти вперед. – Письмо твое к Фогту мне также весьма не нравится – тон французского бланбека, а не русского юноши. Обдумай все это – и ты поймешь просто, что меня огорчает и почему я на эту сторону особенно налегаю.

Вы заменяете для меня – и семью, и дом, и главное вашу мамашу – я хотел бы видеть в вас сколько-нибудь продолжение ее и продолжение нашей жизни. Я не много требую. Вы сами должны видеть истинность того, что я хочу.

Насчет поездки моей – погодим решать; если в Пруссии дела пойдут лучше (как кажется) – может, я и приеду – к Новому ли году или после – не знаю. Впрочем до масленицы не далеко. Увидим, но главное – скорым шагом и вперед!

Нового у нас мало. Книжки русские пришлю, когда ты напишешь, что у тебя есть и чего нет. Также и Екатерину – ее ты можешь поднести старику Фогту – или Карлу.

46[46] Полностью печатается впервые, по фотокопии с автографа (DSG)/ взамен текста, помещенного в т. XXVI, стр. 228.

Посылаю тебе – прибавление к «Колоколу», которое попроси Фогта напечатать в Бернской газете, с таким примечанием: «Английские журналы поместили следующее объяснение г<осподина> Гер<цена> – против клеветы, бывшей в Нью-Йоркск<ой> „Evening post"», или пошли в Женеву.

Прощай и будь здоров.

Где лермонтов<ские> стихи, два тома? Не можешь ли переслать поумнее – они были у К. Фогта.

Думаю, что «Vivos voco» лучше не вырезать. Во-первых, потому что Медведь не зовет vivos иначе, как для того, чтоб закусить ими – и его зык скорее отгоняет. Потом это слишком важно. Мой девиз некогда был: Semper in motu⁴⁷[47] – а сверху огонь,

Об этом еще надобно подумать.

230. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 229.

I св. Вместо: понимания должно быть: пониманья

II св. Вместо: имения должно быть: именья

13 сн. Вместо: Стенька Разин должно быть: Степка Разин

231. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 230.

8 св. Вместо: заплатят должно быть: заплотят

11 св. Вместо: «Konversationslexikon» должно быть: «Conversation's Lexicon».

232. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 230.

На обороте: Switzerland.

бранье сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 Alexandre Herzen jun<ior>.
 Aux soins de M. le Professeur Vogt.
 Bern.
 ...аще не вложу перста... – Цитата из Евангелия от Иоанна, гл. 20, 25.
 235. М. К. РЕЙХЕЛЬ
 237. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 235.
 2 св. Вместо: у нее отнимает должно быть: отнимает у нее 5 св. Вместо:
 гувернантку должно быть: гувернанту 22 св. Вместо: я приехал бы должно быть: я и
 приехал бы 12 сн. Вместо: отучить Шарика должно быть: Шарика отучить
 239. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 236.
 2 сн. Вместо: квартиру должно быть: квартиру К стр. 237.
 4–5 св. Вместо: о даме ^ о ней должно быть: об даме ^ об ней
 241. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 238.
 8 св. Вместо: 11 февраля 1859 должно быть: 11 февраля
 244. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 240.
 5 св. Вместо: пришлось по вкусу должно быть: пришло по вкусу
 246. А. А. ГЕРЦЕНУ
 Автограф письма хранится в IISG.
 247. А. А. ГЕРЦЕНУ
 7– 8 сн. Вместо: про апрель, а восьмое марта через десять дней, у нас
 должно быть: про апрель. А восьмого марта через десять дней. У нас
 3 сн. Вместо: вакации должно быть: вакансии
 К стр. 243.
 24 св. Вместо: к 1 мая должно быть: к 1 мая После текста Герцена приписка Н. А.
 Герцен:
 Милый мой Саша!
 Сегодня мне только время тебя поцеловать. Ольге что-то нездоровится.
 что делает музыка? Я боюсь, что тебе некогда играть.
 А Лиза все здорова, завтра Deville ей оспу прививает. Ее нянька – шотландка, и
 она нам шотландские шапки сделала.
 Ну, прощай, милый мой Саша, будь здоров, целую тебя тысячу раз.
 Твоя Тата.
 Эмму тоже целую.
 Все знакомые очень хохотали над твоей французской речью.
 249. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 244.
 22 сн. Вместо: 24 марта 1859 должно быть: 24 марта К стр. 245.
 1 св. Вместо: рождению должно быть: рожденью После слов: Прощай. Жду рапорта с
 дороги.
 Рукой О. А. Герцен:
 Милый Саша, у меня была лихорадка, и теперь я здорова.
 Прощай, милый Саша.
 ...за право напечатать отрывок из вашего письма... – Отрывку из письма К. Фогта
 от 3 апреля 1859 г., переписанному рукой Герцена и переданному им Ф. Пульскому
 (листок вклеен в дневник Пульского), предшествуют строки, также написанные рукой
 Герцена:
 «А. Герцен разрешил нам привести эти замечательные строки из письма, которое он
 только что получил от своего друга Карла Фогта – известного натуралиста, бывшего
 одним из викариев во времена франкфуртского парламента» (перев. с франц.).
 256. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 253.
 4 св. После слов: к 7 апреля должно быть: не забыл мне...
 7 св. Вместо: Рождение должно быть: Рожденье
 12 – 13 св. Вместо: заплаченные должно быть: заплоченные
 17 св. Вместо: платит 80 фунт. должно быть: плотит 80 фунт.
 24 св. Вместо: все должно быть: все 7 сн. Вместо: делают должно быть: делает
 ...пфифики – плуты (нем. Pfiffikus).
 260. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 256.
 19 сн. Вместо: 27 апреля 1859 должно быть: 27 апреля 4 сн. Вместо: письмо должно
 быть: письма После текста Герцена приписка рукой Н. А. Герцен:
 Милый мой Саша!
 Очень рада, что с тобой ничего не случилось, мы все боялись за тебя.
 Святое воскресенье довольно весело прошло. У нас были поляки, моряки, Боке и

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович много знакомых, между прочими один русский, который Ольгу нашел очень красивой и принес ей множество фруктов. Несколько дней тому назад приезжаем мы домой, Натали нашла у себя большой шляпный ящик, а так как мы только что купили шляпы и велели их прислать, это ее не удивило, но как она удивилась, как открыла и нашла там чудеснейший букет, ящик этот приехал из Брюсселя: несколько дней прежде какой-то русский у нас был, а потом уехал и должен был через Брюссель ехать, так папаша предполагает, что он прислал это. Ну, чтобы воротиться к Святому воскресенью – у нас было много людей, пасха, кулич и много яиц, Тхоржевский принес нам тоже яйца, на одной стороне было нарисовано красками букет, на другой – золотой крест. Это один из моряков нарисовал. Альфред с женой и Мальвида были, и мы долго яйцами играли, обед был заказан к восьми часам, папе время показалось слишком длинно и он попросил меня и Альфреда опять сыграть сцену Молиера, которую мы прежде играли, а я и Альфред другую выучили на этот вечер – тоже Молиера, но ничего не сказали и пошли одеваться, это было скоро сделано, у Альфреда были желтые панталоны, красная рубашка и борода, я была одета французкой.

262. М. МЕЙЗЕНБУГ

Автограф письма хранится в ЦГАЛИ.

263. А. А. ГЕРЦЕНУ

К стр. 260.

5 св. Вместо: гарансиновых должно быть: гарансовых

8 св. Вместо: отдай должно быть: отдан<ные>

825

270. А. А. ГЕРЦЕНУ

К тр. 264.

11 сн. Вместо: 1 июня должно быть: 1 июня

К лр. 265.

5 св. Вместо: Гирш должно быть: Гирш

273. А. А. ГЕРЦЕНУ

Тексту Герцена предшествует письмо Н. А. Тучковой-Огаревой:

Благодарю тебя, Саша, от всей души и за письмо и за цветок. Как кстати твое письмо, второго мая так недавно еще оживило все эти воспоминанья. Ты улыбнешся, если я тебе скажу, что все это время собиралась тоже писать к тебе – мне захотелось напомнить тебе прошлое, в котором так много дорогого моему сердцу, ты связан с этими воспоминаньями, Саша, от этого так сердце и щемит при мысли, что иногда какие-то тени пробегали между нами, – нет, этого не должно быть; ты тот ребенок, которого я убаюкивала сказками, тот, которого она сама мне доверяла с такой любовью. Как бы мне хотелось, чтоб ты меня застал еще здесь, чтоб мне дано было самой изгладить из памяти все дурное – приезжай, ты с могилы ее привезешь нам ее благословение – знаешь, твои письма из Ниццы всегда на нас благотворно действуют – грустно, но как-то образ ее яснее представляется – и многое, многое легче кажется.

Не знаю, что будет со мною и с Лизой, в Россию ли поедем или в Гер<манию> – все еще темно, а война еще более нагоняет сумерок. Ты, верно, знаешь, что Ага вызывали. Дадут ли мне пашпорт после этого, не знаю. Из России вести тоже ненадежные – кажется, С<атиных> не пускают. Если Лиза будет умна дорогой, то я непременно заеду в Берн хоть на один день, ехать в Россию и не проститься с ее Сашей было бы невозможно. – Послушай, Саша, будь со мной откровенен, во-первых, это в твоей натуре, если ты чувствуешь, что тучи сбежали, скажи мне это просто и давай откликаться время от времени, когда сердце захочет – я не могу часто писать да и тебе некогда, но иногда так хочется сказать хоть слово, напомнить о себе. Ну, прощай, дай мне свою руку, я крепко и светло ее сжимаю, приезжай, приезжай осенью.

Твоя Н а т а л и.

Вчера приехало много наших. Ут<ин> вспоминал с удовольствием о свиданье с тобой в Женеве.

276. А. А. ГЕРЦЕНУ

К стр. 268.

2 сн. Вместо: однако должно быть: одного

К стр. 269.

12 св. Вместо: о войне должно быть: об войне

13 св. Вместо: ты имеешь? должно быть: ты имеешь.

280. А. А. ГЕРЦЕНУ

К стр. 273.

11 св. Вместо: свидании должно быть: свиданьи

После текста Герцена приписки –

Милый мой Саша, обнимаю и целую тебя тысячу раз. В будущий <раз> тебе больше напишу, сейчас Althaus будет.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 У нас очень много русских бывают. Тургенев и несколько прошлогодних
 826
 тоже были, был и Станислав, племянник Сатина, который, может быть, у тебя будет, он очень милый мальчик.
 Погода у нас прескверная, больше на осень похожа, чем на лето. Я опять была у Milner Gibson.
 Прощай, много раз тебя и Эмму целую.
 Твоя Тата.
 Рукой О. А. Герцен:
 Милый Саша, Натали мне купила трубку. Прощай, милый Саша.
 Твоя Оля.
 283. М. К. РЕЙХЕЛЬ
 К стр. 274.
 Такой Мак-Магон поднимают... – французский маршал Мак-Магон нашумел Маджентской победой в войне с Австрией.
 285. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 276.
 19 св. Вместо: читал должно быть: внимательно читал 14 сн. Вместо: Фогтам должно быть: Фогтом далее приписка рукой Н. П. Огарева:
 Поздравляю тебя, мой 20-летний юноша, иди вперед твердо, неутомимо. А отчего ж ты мне не пишешь подробности своих занятий, как обещал? Из этого могла бы завязаться очень интересная переписка для нас обоих. Экой ты ленивый! А все-таки обнимаю тебя.
 3 сн. Вместо: вакации должно быть: вакансии
 К стр. 280.
 5 св. Вместо: вскочил должно быть: выскочив
 16 св. Вместо: Бюхеру должно быть: Бюхер,
 После текста Герцена приписка рукой Н. А. Герцен:
 2 июля 1859.
 Милый мой Саша!
 Мы здесь праздновали твоё рождение вот как: сперва мы поехали к фотографу и хотели сделать наш и Лизин портрет для тебя, но Лизин не удался, а наш, т. е. Папа, Ольга и я, кажется, хорош. После этого мы поехали к Böhm'у, чтобы сказать ему не приезжать и спросить адрес Грасса, от него мы поехали к Грассу посмотреть на мраморный папин бюст, который Трюбнер ему заказал, чтобы выставить в лавке. Бюст, разумеется, очень хорош. Грасса дома не было, мы все без него рассмотрели. Отсюда мы поехали в Zoological Garden, Лиза на больших зверей, как слон и гипопотам, смотрела без удивления, она не понимала, что это, а что ей больше всего понравилось – это маленькие птицы и их писк. Она с каждым днем делается милей, голова её совсем поправилась и у неё четыре зубка.
 Мы получили недавно письмо от Луизы, в котором она просит меня быть крестной матерью сыну её Zuzo, Папа ей так учтиво отказал, что она приняла отказ за согласие и все называет его моим крестником, так у меня два крестника теперь – Саша Рейхель и Zuzo Zabel. Мы ожидаем множество русских к концу этого месяца. Что ты, в конце июля или в начале августа приедешь? Когда ты будешь у Маши, так, пожалуйста, сведи их всех к фотогрависту и сделай их
 827
 портрет для меня, и коли ты можешь это ловко сделать, так Папа говорит, что ты можешь заплатить и сказать, что мы им наш пришлем.
 Ну, прощай, милый Саша, много раз крепко тебя целую.
 К стр. 280.
 ...в новую оперу Маер Бера. – в 1859 г. впервые ставилась опера Мейербера «Динора».
 291. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 281.
 9 сн. Вместо: 10 июля 1859 г. должно быть: 10 июля
 К стр. 282.
 9 – 10 св. Вместо: ваш второй отец должно быть: второй ваш отец
 После текста Герцена приписка рукой А. Таландье (в переводе с франц.):
 Дорогой Александр,
 Спешу воспользоваться предложением твоего отца, оставляющего мне местечко в письме, которое он тебе пишет. Нахожу, что мы слишком уж долго остаемся без отклика. К счастью, ты вот-вот возвратишься, и мы вознаградим себя за то, что не отпраздновали твоего дня рождения. Я хотел написать тебе по этому поводу, но вынужден сознаться, <что> не мог припомнить точной даты <...>48[48], а Тата также позабыла мне о ней <напомнить>49[49]. Теперь поздравляю <...>50[50] вести речь о прошедшем празднике, но нет никакой нужды в торжественном поводе для того, чтобы высказать тебе, какое удовольствие испытываю я при мысли, что ты нас

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
не забываешь более и что мы не забываем тебя. Сердечно преданный тебе
Альфред Таландье.
На обороте:
Switzerland.
Alexandre Herzen fils.
Aux soins de Monsieur le Professeur Vogt.
Bern.
48[48] Письмо повреждено. – Ред.
49[49] Письмо повреждено. – Ред.
295 и 296. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
Адресатом писем, как и письма 305, мог быть М. И. Семевский. Автографы писем
сохранились в его архиве; в июле – сентябре 1859 г. Семевский находился за
границей и жил в Париже. Герцену в Лондон он посылал исторические материалы для
публикации.
313. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 298.
6 св. Вместо: в половине должно быть: в половину
828
8 св. Вместо: сыро, жарко должно быть: сыро-жарко
9 св. Вместо: горькая необходимость заставляет должно быть: горькая
необходимость, заставляющая
16 св. Вместо<:> было должно быть: была
После текста Герцена приписка рукой Н. А. Герцен:
Милый мой Саша.
Ну как же ты доехал? Напиши. Нового ничего нету, только что Маша приглашает меня
в Дрезден, но ты понимаешь, что нельзя сделать. Потом – что Татьяна Петровна в
Дрездене и, по всей вероятности, сюда приедет.
Не знаю, что тебе еще писать, милый Саша, я замедлила письмом, а теперь спешу,
потому что должна Лизу кормить. Натали Ольгу провожает.
Янзой мы обе очень, очень довольны, он прехороший и приятный учитель. Боке вчера
не был; Грасс был и еще раз сливал наши руки.
Однако прощай, милый Саша, будь здоров и весел и пиши.
Крепко тебя целую.
Твоя Т а т а Г.
Кауфман и другие знакомые кланяются тебе. □
Тексту Герцена предшествует письмо Н. А. Герцен:
Твои просьбы исполняются.
20 октября 1859.
Милый мой Саша!
Первая большая новость та, что Лиза отнята от груди, немножко плакала, но теперь
все кончено.
Искание домов все еще продолжается, Тхоржевский больше всех хлопочет, должно
быть, мы где-нибудь в John's wood'e будем жить.
Я теперь рисую руки, это очень трудно, я несколько гипсовых⁵¹[51] нарисовала и
свою собственную начала; кажется, Боем хочет, чтобы я в следующий раз саму себя
<нарисовала>, не знаю, удастся ли. Уроки с Jansa идут очень хорошо.
Напиши мне, Саша, как ты провел время с Levier в Нешателе.
Я прочла «Fadette», «Mare au Diable» и «André», и все мне очень нравятся.
Ну, прощай, милый Саша, очень крепко тебя целую, будь здоров, весел и пиши к
твоей Тате Г.
К стр. 299.
15 св. Вместо: 21 октября 1859 г. должно быть: 21 октября.
317. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 301.
10 св. Вместо: о долге должно быть: о даме
11 св. Вместо: час должно быть: час
322. А. А. ГЕРЦЕНУ
К стр. 306.
5 св. Вместо: хоть должно быть: хотя
10 св. Вместо: статью должно быть: 3-ю статью
После текста Герцена приписка рукой Н. А. Герцен:
Милый мой Саша!
Ну вот, два удовольствия исполнились, Папа взял меня в «Динору». Опера, то есть
«sujet», кажется довольно бессмыслен, нельзя даже всего понять, но хоры и
декорации очень хороши, особенно вода; я совсем не понимаю, как они это делают:
ты знаешь, сцена, которую везде представляют, когда Динора в воду падает, так
тут вода так хороша, что можно бы, право, принять ее за воду, волны все
увеличиваются, потом вдруг вода начинает через край течь, и актеры были хороши.

А кончилось тем, что когда выходили, я простудилась.

После этого мы были в «Кристал Паласе» на шиллеровском празднике. Праздник был очень хорош. Кинкель говорил речь, он сказал, что три звезды восстали из немецкого народа и что немцы должны их рождение десятого ноября праздновать – Шиллер, Мартин Лютер и Роберт Блум, а речь он кончил, с гордостью повторяя слова самого Шиллера: «Да, я горд, что немец!»

После этого был концерт, средь которого показали бюст Шиллера, шести футов величины. Бюст очень хорош, и кто же его делал? Не кто иной, как друг наш милый Андрей Грасс!

По всем залам бегали мальчики в дурацкой одежде и продавали портреты и «Das Lied der Glocke» Шиллера. Вечером был «факелцуг». Все террасы были покрыты народом, издали видно было красный свет, а впереди фонтаны играли, освещенные бенгальскими огнями. Процессия стала кругом фонтанов ходить, потом постепенно возвышаться до второй террасы, – говорят, что шестьсот факелов горели, – тут бросили все факелы в одну кучу, и немцы стали петь, а англичане, которые тут были, им все мешали, перебивая их.

Все немцы были с кокардами, на некоторых были шарфы золотого, красного и черного цвета и шпаги. В семь часов должен был начаться обед или ужин, но мы сейчасш1[x1] уехали после факелцуга и даже с трудом уселись.

В понедельник Ольгино рождение. Погода у нас теперь ужасная, туман, холод!!!!..

Ну, прощай, милый мой Саша, целую тебя крепко, будь здоров, весел и пиши.

Твоя Тата.

В будущее воскресенье я еду к Вильме.

325. Н. П. ОГАРЕВУ

...воскресенье было куртажное – от придворного термина куртаг (прием гостей).

328. А. А. ГЕРЦЕНУ

К стр. 311.

13 св. Вместо: гувернанткой должно быть: гувернантой

331. А. А. ГЕРЦЕНУ

К стр. 314.

...теопумпам – студентам, выкачивающим (нем. pumpen) из идеализма объяснение того, что материалистически для них необъяснимо.

9 – 10 св. Вместо: с усовершенствованием должно быть: с усовершеншением

830

25 св. Вместо: колеса на одну сторону, а сила на другую должно быть: колеса по одну сторону, а сила по другую

В подстрочном переводе вместо: совесть должно быть: сознание

К стр. 315.

Перед постскриптумом – рукой Н. П. Огарева:

Мне почти нечего прибавить к письму патера, милый Саша; моя прибавка – только повторение. Сознание, любовь, всякое чувство вообще так же мудрено отделить от организма, как звук от струны. Сознание sui generis – вибрация мозга. Если кристаллизация производит осадком из раствора, т. е. падением почти прямолинейным, если растение представляет постоянный насос, то животный организм отличается сотрясением внутри себя. Явление голода – мы можем описать, но объяснить не умеем, как вообще не умеем объяснить потребность. Потребность пищи, потребность женщины, потребность любви к женщине, потребность любви вообще – равно, при настоящем положении науки, необъяснимы; но из этого не следует, чтобы звук происходил без сотрясения звучащего тела, не следует, чтобы жизнь могла быть без живого тела, чтобы чувства, чувство и мысль – жили сами по себе, независимо от чувствующего и мыслящего субъекта, или были бы не производением его внутреннего сотрясения, а извне вложенным заранее материалом.

Крепко обнимаю тебя и принимаюсь ругать Московск<ий> университет, который издал правила для студентов – позорные.

7 св. Вместо: А спрашиваю 3 раза должно быть: я спрашиваю 3<-й> раз

333. А. А. ГЕРЦЕНУ

К стр. 316.

10 св. Вместо: 14 декабря должно быть: 14 декаб<ря> 1859.

16 св. Вместо: перерыв должно быть: прерыв 24 св. Вместо: ee – qu'elle должно быть: se qu'elle К стр. 317.

3 св. Вместо: Тате должно быть: Тате

После текста Герцена приписка рукой Н. А. Герцен:

Милый мой Саша,

мои руки так промерзли, что я почти не могу держать перо. Вчера был у нас Deville, Лизе и мне прививал оспу.

Теперь я начала читать Шиллера. «Wilhelm Tell'a» я давно уже с An&at'ом читала и с ним теперь «Wallenstein'a» читаю, теперь я прочла «Don Carlos'a», «Maria Stuart» и «Jungfrau von Orleans» теперь читаю.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Собственный портрет, о котором я тебе писала, так себе удался, совсем en face было бы слишком трудно, я его три четверть сделала, так что глаза вышли неестественные.

Нового ничего нету, мы все здоровы.

Прощай, целую тебя.

Твоя Тата.

Надеюсь скоро Vilmo увидать, я ее в рождение пригласила.

Что делает Эмма? Будь здоров и пиши.

831

336. А. А. ГЕРЦЕНУ

К стр. 318.

5. ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ М. К. РЕЙХЕЛЬ

Альбом, в котором находится портрет Е. Б. Грановской с дарственной надписью Герцена, был подарен Огаревым сыну Герцена Александру в день его рождения 25/13 июня 1858 г. (так читается дата в автографе), а в 1871 г. А. А. Герцен передал альбом сестре. Надпись: «Тате Герцен. 6-го апреля 1871 года. Женева» сделана рукой А. А. Герцена.

11. ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ НЕУСТАНОВЛЕННОМУ

ЛИЦУ

Экземпляр книги «Прерванные рассказы Искандера» (Лондон, 1857) с дарственной надписью Герцена находится в Государственной библиотеке им. Кирилла и Мефодия в Софии. Текст надписи дефектен: край листа с именем лица, которому была подарена книга, оказался при ее переплетении отрезанным. По свидетельству П. Ю. Тодорова, первоначально на экземпляре книги было написано: «Любену Каравелову. В знак искренних симпатий. От А. Герцена. 22 мая, 1858» (см. П. Ю. Тодоров. Собрания сочинения, т. III, София, 1958, стр. 462). Однако это свидетельство (в части, касающейся адресата) было затем оспорено (ср. Боян Пенев. История на новата българска литература, т. IV, ч. II, София, 1936, стр. 1200) и в известных фактах о взаимоотношениях Герцена и Л. Каравелова подтверждения не находит.

832

Том XXVII

135. И. С. ТУРГЕНЕВУ

К стр. 124.

...как пришелся побег Орлихи. Эта история zu schön. – Очевидно, Герцену стала известна история, происшедшая с женой кн. А. Ф. Орлова (урожд. О. А. Жеребцовой).

Н. А. Белоголовый так рассказывал о ней в письме от 25 ноября 1860 г., адресованном А. А. Белоголовому: «Хороша история с князем Орловым: жена его, баба лет 60, поехала за границу к больному сыну, взявши с собой из Питера какого-то доктора Шульца, и этот доктор увлек старуху до того, что она перевела свой капитал в деньги, перешла в католицизм и вышла замуж за Шульца. При первом удобном случае я буду пить за здоровье доктора и докторши Шульца от всей души, потому, что Орлов, узнавши об этом, чуть с ума не сошел и теперь так болен, что вряд ли встанет» (письмо не опубликовано, хранится в ЛБ, ф. 22, Н. А. Белоголового, папка 3, ед. хр. 486).

167 и 168. А. С. УВАРОВУ

Факсимильное воспроизведение писем см. в «Ежегоднике Государственного исторического музея», М., 1962, стр. 131 и 132.

Два проекта были напечатаны нами... – Автором второго проекта («Проект действительного освобождения крестьян») был Н. А. Серно-Соловьевич (см. Огарев, т. II, стр. 562).

191. Д. К. ШЕДО-ФЕРРОТИ (Ф. И. ФИРКСУ)

235. Г.-А. МАНО

Автограф письма находится в ГЛМ (часть листа с подписью Герцена, его адресом и датой вырезаны).

280. Н. П. ОГАРЕВУ

К стр. 247.

Говоря о каком-то поляке из Парижа... – Речь в письме Бакунина шла о З. Падлевском – см. сб. «Русско-польские революционные связи. Восстание 1863 года. Материалы и документы», т. I, М., 1963, стр. 524–525. Встреча Герцена с Падлевским произошла 19 июля 1862 г. См. дарственную надпись № 14 – XXVII, 563.

833

381. Ф. ЗЕНКОВИЧУ

Об этом письме см. статью Г. В. Киселева «По следам одного письма Н. П. Огарева и А. И. Герцена» («Славянский архив», 1963, стр. 159–164).

406. Н. П. ОГАРЕВУ и Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

К стр. 376.

11 сн. Вместо: граф Нессельрод должно быть: граф<иня> Нессельрод

обрение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 Речь идет о жене гр. Д. Н. Нессельроде, сына канцлера – Лидии Арсеньевне
 (урожд. Закревской), которая жила в эти годы в Париже и в Италии.
 452. М. МЕЙЗЕНБУГ и Н. А. ГЕРЦЕН
 К тр. 451.
 Ein gutes Herz, verwirrte Phantasie. – Из эпиграммы А. Г. Кестнера. Ср. в наст.
 изд. II, 268 и 470.
 454. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ
 я безмерно доволен нашим старым другом с 1854. – Речь идет о Дж. Гарибальди.
 501. Ю. Ф. САМАРИНУ
 К стр. 502.
 В тексте письма опечатка. Вместо: badinger (строка 29 св.) должно быть:
 Badinguet
 Badinguet – распространенное во Франции прозвище Наполеона III, бежавшего 25 мая
 1846 г. из Гамской крепости, где он находился в заключении, в одежде
 рабочего-каменщика Баденге.
 14. ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
 К стр. 563.
 Фотография с этой надписью была подарена Герценом З. Падлевскому, приехавшему в
 Лондон около 16 июля 1862 г. См. об этом: А. Р о к о р. Nieznane dedykacje
 Hercena i Bakunina. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1954, №
 2 (7), стр. 82; сб. «Русско-польские
 революционные связи», т. I, М., 1963, стр. 523–525.
 834
 Том XXVIII
 22. Н. П. ОГАРЕВУ
 К стр. 31.
 ...послал совсем иной портрет. – Денежную ассигнацию с портретом, вероятно,
 Наполеона III.
 32. Н. П. ОГАРЕВУ
 К стр. 41.
 ...in contumacium – в неудовольствии (лат.).
 69. Н. А., О. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ
 К стр. 80.
 Шокенж! – Англ. shoking (ужас) во французском произношении.
 80. А. А., Н. А. ГЕРЦЕНАМ, ЛИЗЕ ГЕРЦЕН и Н. П. ОГАРЕВУ
 Off кордо. – Искаженное на итал. лад английское off course (конечно).
 97. А. А. ГЕРЦЕНУ
 К стр. 106.
 Это мой горшок Таузену на голову Катк<ову>. – В «Былом и думах» Герцен
 рассказывает о том, как Карл Таузену вылил содержимое ночного горшка на
 эмигранта Нидергубера, уличенного в связях с парижской полицией. См. XI, 203.
 127. М. МЕЙЗЕНБУГ
 К стр. 136.
 Печальный Фрелих... – В нем. тексте каламбур. Фрелих – фамилия и нем. слово
 fröhlich (веселый).
 835
 Том XXIX
 62. М. МЕЙЗЕНБУГ
 К тр. 72.
 ...the battle of life. – «Борьба за существование» – принятый в английской
 экономической литературе термин (и название романа Ч. Диккенса).
 79. Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ
 К тр. 89.
 Получила ли Лиза арифметику Лили – а я ей привезу «A voyage»... – Книги из серии
 альбомов с рисунками датского художника Лоренца Фрёлиха и надписями Р.-J. Stahl
 (псевд. Этцеля): «L'Arithmétique de Melle Lili, par L. Froelich», 1866 и
 «Voyages de découvertes de mademoiselle Lili et de son cousin Lucien», 1866.
 88. М. МЕЙЗЕНБУГ
 К rnp. 100.
 Еще одна звезда...падает... – Из песни П.-Ж. Беранже «Les étoiles qui filent».
 То же ср. в письме 250.
 22–23 св. Вместо: ...bien s'énonce, ...arrivent clairement, aisement, должно
 быть (по автографу): ...bien, s'énonce clairement, ...arrivent aisement.
 Цитата из «Поэтического искусства» Буало.
 К стр. 148.
 21 св. Вместо: я не прочту Огар<еву> письма должно быть: я не прочту Огар<ева>
 письма
 143. М. МЕЙЗЕНБУГ и О. А. ГЕРЦЕН

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович К стр. 155.

...une entrevue de Tilsit... – Намек на тильзитское свидание Наполеона с Александром I в 1807 г.

836

145. Н. П. ОГАРЕВУ

К стр. 157.

6 сн. Неразобранное слово читается: истауриваньа

Возможно, образовано от слова таурин – вещество, находящееся в желчи. Не исключена также возможность образования от глагола тауриться – глядеть исподлобья, хмуриться.

157. Н. П. ОГАРЕВУ

К стр. 173.

Zanzari die komarvollen Nächte ^ weinend sa ß. – Пародийное использование стихов Гёте из «Вильгельма Мейстера»: «wer nie die kummervollen Nächte/Auf seinem Bette weinend saß» («кто в полные скорби ночи не плакал, Сидя на своей постели»).

173. Н. П. ОГАРЕВУ

У вас Луи Блан – кланяйся ему... – Л. Блан не участвовал в работе конгресса Лиги мира и свободы. Его объяснительное письмо было оглашено на втором заседании конгресса 10 сентября – см. «Annales du Congrès de Genève (9–12 septembre 1867). Préliminaires – Les quatre Séances – Appendice». Genève, 1868, стр. 153. По поводу отказа Л. Блана от участия в конгрессе см. письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 12 сентября 1867 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 31, стр. 196).

Бак<унин> говорил речь, я недоволен ею... – О недовольстве Герцена речью Бакунина, произнесенной на конгрессе Лиги мира и свободы, см. также письма 176, 179, 180. Еще до открытия конгресса Герцен и Огарев опасались, что в своем выступлении Бакунин поддержит те антирусские настроения, которые в это время были широко распространены на Западе (см. письмо 168 и комментарии к нему). Стремясь направить выступление Бакунина в нужное русло, Герцен в письмах к Огареву просил довести до сведения Бакунина свою точку зрения и требовал ее поддержки (см. письмо 173). Однако в своей речи Бакунин не коснулся поставленных Герценом вопросов, что и явилось, по-видимому, главной причиной недовольства Герцена. В печати появилось краткое и неточное резюме речи Бакунина. При подготовке к печати сборника материалов конгресса редакция, не имея стенограммы речи Бакунина, обратилась к нему с просьбой внести исправления в печатный текст. В ответ Бакунин направил 3 января 1868 г. следующее письмо:

«Вы меня ставите в крайне затруднительное положение. Перед отъездом из Италии в Женеву я приготовил большую речь, в которой попытался представить положение России по отношению к Европе, с одной стороны, и с другой стороны, абсолютное несоответствие между централизованным бюрократическим и военным государством и свободой. Я поставил перед собой задачу закончить речь развитием принципов федерализма и автономии провинций и коммун – единственное, на мой взгляд, что в согласии с социалистическим принципом могло бы привести к миру в Европе, основанному на подлинном освобождении народов.

Вы видите, что моя программа была обширной, слишком обширной для тех 15 минут, которые по регламенту предоставляют каждому оратору. Я понял, что необходимо отбросить первоначальный план и довольствоваться изложением своего тезиса без какого-либо развития. Таким образом

837

я занимал трибуну всего лишь 10 минут. Я симпровизировал свою маленькую речь, и так как я не имел никаких записей ни до выступления, ни после, а с тех пор прошло уже четыре месяца, то должен вам признаться, что совершенно забыл не только содержание, но и форму. Единственное, что я могу сказать, это то, что отчет, который был в бюллетенях, не только неточен, но и неверен» («Annales du Congrès de Genève (9–12 septembre 1867). Préliminaires – Les quatre Séances – Appendice». Genève, 1868, стр. 96–97). Из приведенного письма следует, что текст речи, напечатанный в собраниях сочинений Бакунина, на самом деле не был произнесен на конгрессе, а написан позже, и что подлинный текст речи Бакунина остается неизвестным.

180. Н. П. ОГАРЕВУ

...письмо Осипа Иван<овича> в писсовку ^ Умно и последовательно. – Открытое письмо Дж. Маццини от 6 сентября 1867 года, в котором он заявил о своем отказе от участия в конгрессе Лиги мира и свободы, было опубликовано в газете «Unità Italiana» (эта публикация остается неизвестной) и перепечатано 17 сентября 1867 года в «L'Indépendance belge», № 260 и

«Journal des Débats». См. также: «Annales du Congrès de Genève (9–12 septembre 1867). Préliminaires – Les quatre Séances – Appendice». Genève, 1868, стр. 336–342.

обрение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
 191. Н. П. ОГАРЕВУ
 К стр. 208.
 13 и 16 сн. Вместо неправильного чтения: Мишелю должно быть: Мишели Речь идет о
 Каролине Мишель.
 233. И. С. ТУРГЕНЕВУ
 К стр. 241.
 ...выйдет Три-Бад – что нехорошо. – Tribade – развратная женщина (франц.).
 243. Н. А. ГЕРЦЕН и М. МЕЙЗЕНБУГ
 К стр. 251.
 ...mille e tre. – Тысяча три – слова из арии Лепорелло в опере Моцарта
 «Дон-Жуан».
 268. М. МЕЙЗЕНБУГ
 К стр. 275.
 Amour sacré de la Patrie... – Из французского национального гимна – «Марсельезы»
 (слова Руже де Лилия).
 296. М. МЕЙЗЕНБУГ
 К стр. 305.
 С высоты Альп – пятьдесят шесть лет взирают на вас с признательностью. – Герцен
 пародирует известное выражение Наполеона: «Сорок веков взирают на вас с высоты
 этих пирамид», намекая при этом на день своего пятидесятишестилетия.
 838
 297. Н. П. ОГАРЕВУ
 К стр. 306.
 Ламартин написал статью о Тургеневе... – Панегирическая статья А. Ламартина о
 Тургеневе, поверхностная и непомерно растянутая, была опубликована в его издании
 «Cours familier de littérature». Paris, t. 22, 1866, p. 237–378; t. 23, 1867, p.
 5–79. См. XXX, 348.
 ...он в воге – в моде (франц. vogue).
 300. Н. П. ОГАРЕВУ
 К стр. 310.
 ...«сева» – жизненные соки (франц. sèves).
 303. Н. П. ОГАРЕВУ
 К стр. 314.
 ...супап – клапанов (франц. soupapes).
 321. Н. П. ОГАРЕВУ
 К стр. 340.
 ...в пти – не верах – а философах... – Каламбур: птивер (petit verre) – рюмка;
 Пти философ (Petits Philosophes) – улица в Женеве, на которой жил Огарев.
 332. Н. П. ОГАРЕВУ
 К стр. 351.
 ...до ридикюля – осмеяния (франц. ridicule).
 337. М. МЕЙЗЕНБУГ
 К стр. 356.
 Неразобранное слово в строке 8 св. читается: Spandau
 353. Н. П. ОГАРЕВУ
 К стр. 371.
 Неразобранное слово в строке 1 св. читается: на платке
 ...аксесцев. – Уменьшительное от франц. assès – припадок. В автографе Герцен
 первоначально написал: аксесцев, затем исправил: ахсесцев.
 360. Н. П. ОГАРЕВУ
 Le sublime est à un pas du vil... – Перефразируя известное изречение Наполеона,
 Герцен заменяет слово «ridicule» («смешное») – словом «vil» («гнусное»).
 839
 Том XXX, кн. 1.
 5. Э. КИНЕ
 К стр. 11.
 ...вашим «Горам». – Имеется в виду упоминаемая далее в письме статья Э. Кине в
 «Revue des Deux Mondes» – «La Nouvelle Genèse». Книги «Птица», «Насекомое»,
 «Море» и «Гора» принадлежали перу Ж. Мишле.
 46. М. МЕЙЗЕНБУГ
 К стр. 61.
 Вместо Adolf von <1 нрзб.> должно быть: Adolf von Asten
 119. Н. П. ОГАРЕВУ
 К стр. 144.
 Не забудь послать Саше ответ для Penisi – сделай его непространным. – Вероятно,
 имеется в виду заметка Огарева о положении русского духовенства, материал
 которой мог быть использован Пенизи для публикации на французском языке (см. ЛН,
 т. 39–40, стр. 336–341).

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
134. Н. И. УТИНУ
К стр. 158.

...тень ««Банка»... – Намек на статью неизвестного автора в л. 178 «Колокола» от 1 февраля 1864 г.

204. А. А. ГЕРЦЕНУ

В ГЛМ хранится подлинное «Дело по рапорту Чухломского земского суда о взятии в опеку имения г. Герцена впредь до явки наследников. Чухломской дворянской опеки. Началось 1 мая 1852 г. кончено 10 июля 1864 г.». В этом деле, документация которого доведена до 1878 г., имеются рапорты и отношения Чухломского земского и уездного судов, доверенности, указы гражданской палаты, описи имения, рапорты опекуна подполковника Вас. Перфильева, его отчеты, приходно-расходные книги и другие документы (всего около 300 листов).

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ ГЕРЦЕНА

Настоящий обзор представляет собой аналитический свод различных сведений о не дошедших до нас произведениях Герцена. Часть из них (и, очевидно, большая часть) безвозвратно пропала; другая часть, вероятно, еще хранится в государственных собраниях и у отдельных лиц, в СССР и за рубежом, и рано или поздно станет достоянием читателей. То же можно сказать и о некоторых произведениях Герцена, напечатанных в русских и особенно в иностранных периодических изданиях, но до сих пор не выявленных.

Сведения о неизвестных произведениях Герцена заимствованы из его писем⁵²[52] и сочинений, а также из мемуаров и переписки современников, из следственных материалов и периодической печати. Публикуемый перечень дает возможность не только убедиться в том, насколько велика утраченная часть творческого наследия Герцена, но в какой-то степени восстановить содержание многих не дошедших до нас произведений. Работа эта может служить и своего рода ориентиром в целенаправленных поисках утраченных трудов Герцена.

В обзор включены также творческие замыслы Герцена, упоминаемые в различных источниках; в ряде случаев трудно, а порой и совсем невозможно утверждать, что тот или иной замысел не был реализован писателем. В сущности, авторское изложение неосуществленного замысла и передача содержания безвозвратно утраченного произведения не имеют значительного качественного различия.

Для удобства пользования обзором замыслы каждый раз отмечаются перед заголовком значком *.

Вне настоящего обзора остаются сведения о замыслах Герцена, недостаточно конкретно обозначенных. Таковы, например, программа статей для задуманного им в 1834 г. журнала (I, 59–61); высказанное намерение записать «характеристические подробности», слышанные от «очевидца и долею актера в трагедии следствия по 14 декабря» – А. А. Тучкова (II, 268); согласие участвовать в «издании для отроческого возраста»

52[52] Следует иметь в виду, что переписка Герцена дошла до нас далеко не в полном объеме (например, остаются неизвестными его письма за 1820-е годы и начало 1830-х годов, очень мало сохранилось писем за 1840-е годы и т. п.). В утраченных письмах, вероятно, также упоминались неизвестные произведения Герцена. Если же учесть, что далеко не о всех своих трудах Герцен считал нужным или возможным сообщать своим корреспондентам, то количество его неизвестных произведений можно считать гораздо более значительным, чем то, которое выявлено в настоящем обзоре.

(Пассек, II, стр. 446), в неустановленной иностранной газете (XXVII, 278–279), в каком-то русском издании⁵³[53] (XXVIII, 196), в журнале «дело» (XXX, 136); готовность напечатать в «Колоколе» историю «огаревского наследства», обличающую Н. А. Некрасова (XIX, 89), и новые подробности о провокаторе Г. Михаловском (XIII, 66; ср. XVII, 258); согласие ответить адресату «Писем к путешественнику», если он найдет в них «что-нибудь неясного» (XVIII, 383), и т. п. Остаются вне обзора также отдельные упоминания о творческих планах последних лет жизни: «Кой-какие труды я имею в голове – о них доклад лично» (XXIX, 481); «...примусь писать в Брюсселе – много набралось материала» (XXX, 144); «желал бы я <...> записать еще кое-что людям на память...» (XXX, 157) и др. Не рассматриваются как конкретный замысел и следующие строки из письма Герцена к Т. Н. Грановскому от 24 сентября 1849 г.: «В восемьдесят лет быть юношей, над которым старики в 18 лет будут ругаться, золотушные, слепые, без энергии и годные только для унаваживания полей. Какой сюжет для драмы или повести» (XXIII, 185), – хотя впоследствии сходной темы Герцен коснулся в повести «Доктор, умирающий и мертвые».

Не упоминаются в обзоре и утраченные ранние редакции произведений Герцена. Исключение сделано только для «Палингенезии» – первоначальной редакции «Лициния», написанной стихами и в сущности представляющей собой совершенно самостоятельное произведение, а также для «Между старичками» и «Третьего

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович письма», легших в основу писем «К старому товарищу», но существенно отличающихся от окончательной редакции этого цикла. Таким образом, вне обзора остаются предварительные варианты «Былого и дум», отвергнутые и «брошенные» Герценом (VIII, 11), «мемуар» о семейной драме, из которого выросло это произведение (см. XXIV, 352, 359 и др.), первоначальные варианты «Гофмана», ранний вариант «О развитии революционных идей в России», названный Герценом «небольшой заметкой о развитии либерализма и оппозиции в русской литературе» и «небольшим письмом о русской литературе» (см. XXIV, 106 и 110), первый вариант цикла «Еще раз Базаров» и др. Не введено в обзор и упоминание о неизвестных главах «Скуки ради», отправленных Герценом в 1869 г. в редакцию петербургской «Недели» и оставшихся неизданными вследствие приостановки этой газеты (XXX, 377). Для полноты обзора в него включены и те неизвестные сочинения, которые были названы в краткой справке «Утраченные произведения Герцена 1830-х годов» (I, 535–537).

1826

53[53] Высказывалось предположение, что в данном случае имелся в виду «Современник» (ЛН, т. 67, стр. 480), что маловероятно, так как этот журнал был запрещен двумя неделями ранее. Вдобавок взаимоотношения Герцена и Некрасова в это время полностью исключали возможность их совместного сотрудничества.

1. СРАВНЕНИЕ МАРФЫ ПОСАДНИЦЫ

С ЗЕНОВИЕЙ ПАЛЬМИРСКОЙ

Сочинение было написано Герценом по заданию домашнего учителя, И. Е. Протопопова. В письме к Н. Х. Кетчеру от 9 ноября 1843 г. Герцен отнес этот исторический разбор (вероятно, написанный в духе плутарховых «Параллельных жизнеописаний»⁵⁴[54]), к 1823 г., шутливо заметив, что

842

о Зеновии Пальмирской он «ни тогда, ни теперь ничего не знал» (XXII, 155). Об этом же «сравнении Марфы Посадницы (то есть не настоящей, а той спартанской Марфы, о которой повесть написал Карамзин) с Зеновией Пальмирской» Герцен упомянул несколько ранее в «Записках одного молодого человека», отнеся его к четырнадцатилетнему возрасту, т. е. к 1826 г., что представляется гораздо более вероятным (I, 274). По поводу «Сравнения Марфы Посадницы с Зеновией Пальмирской» и подобных ему статей Герцена Т. П. Пассек писала впоследствии в своих воспоминаниях: «Выражались мы большей частью в тоне возвышенном. У меня преобладали картины, у Саши мысль. В его полудетских статьях уже сквозил священный огонь таланта и широта взгляда» (Пассек, I, 244).

2. СРАВНЕНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА С КРОМВЕЛЕМ

Об «исторической статье» «Сравнение Бориса Годунова с Кромвелем», относящейся к тому же времени, что и «Сравнение Марфы Посадницы с Зеновией Пальмирской», Герцен упоминает в «Записках одного молодого человека» (I, 274).

1826–1829

3. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЗОРЫ (РУССКИЕ ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)

Герцен указал в «Записках одного молодого человека», что во второй половине 1820-х годов он написал ряд «литературных обзоров», в которых «уничтожал» классицизм. В них подвергались резкой критике эстетические воззрения Буало (Герцен пишет далее: «Я перевел свои обзоры на французский язык и гордо подал Маршалю: „Вот, мол, как я уважаю вашего Буало“»). «Жаль, очень жаль, – замечает Герцен, – что, когда мы переезжали из старого дома в новый, пропали эти статьи! С каким наслаждением перечитал бы я их теперь!» – I, 274).

54[54] о чтении Герценом в отрочестве Плутарха см. упоминания в его дневнике (II, 286) и в «Былом и думах» (VIII, 73, 100).

Герцен вспоминает, что его учитель «приходил в восторг» от этих статей, и добавляет при этом: «И немудрено – его же мысли повторялись мною» (I, 274). О литературных и политических воззрениях Протопопова см. в «Былом и думах» – VIII, 64.

1829– 1830

4. <О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ Ф. ШИЛЛЕРА «ВАЛЛЕНШТЕЙН» И ДРУГИЕ СТАТЬИ

В «Былом и думах» встречается упоминание о том, что Герцен в 1829 и 1830 гг. «писал философскую статью о Шиллеровом Валленштейне» (VIII, 73). Подчеркнув слово философскую, Герцен, вероятно, хотел придать ему несколько иронический характер. Т. П. Пассек также указывает в своих воспоминаниях, что летом 1829 г. в селе Васильевском Герцен писал и читал ей свою статью о «Валленштейне» (Пассек, I, 314). Не исключено, впрочем, что это упоминание является лишь реминисценцией из «Былого и дум». О других статьях, «писанных взапуски с Темирой», см. в «Записках одного молодого человека» (I, 274).

843

1820-е годы 5. <ЗАПИСИ В АЛЬБОМ Т. П. ПАССЕК>

Как явствует из «Записок одного молодого человека», Герцен в отрочестве писал

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович «раз двадцать» в альбом Т. П. Пассек – «по-русски, по-французски, по-немецки, даже, помнится, по-латыни» (I, 272). Сама Т. П. Пассек уточняет в своих воспоминаниях: «Альбом этот подарил мне Саша в мои именины. Несколько лет тому назад <т. е. в начале 1870-х годов> его у меня украли как редкость» (Пассек, I, 228). Одну из сохранившихся надписей см. – I, 331.

Начало 1830 – х годов

6. «ДИССЕРТАЦИИ», ПИСАННЫЕ ДЛЯ Л. В. ПАССЕК>

Герцен вспоминал в «Былом и думах», что Людмила Васильевна Пассек, в период их взаимного увлечения, писала ему стихи, а он ей «в прозе целые диссертации» (VIII, 331). О характере этих «диссертаций» можно отчасти судить по следующим далее словам Герцена: «...мы вместе мечтали о будущем, о ссылке, о казематах <...> Внешняя сторона жизни никогда не рисовалась светлой в наших фантазиях, обреченные на бой с чудовищною силою, успех нам казался почти невозможным» (там же).

1832

7. О КРИСТАЛЛИЗАЦИИ, ЕЕ УСЛОВИЯХ, ЗАКОНАХ, ФОРМАХ

Об этой лекции, экспромтом прочитанной Герценом-студентом в Московском университете перед профессорской и студенческой аудиторией, в присутствии министра народного просвещения С. С. Уварова, сенаторов, генерал-губернатора Д. В. Голицына, поэта И. И. Дмитриева, Герцен упоминает в главе VI части первой «Былого и дум»: «Пока я придумывал, с чего начать, мне пришла счастливая мысль в голову: если я и ошибусь, заметят, может, профессора, но ни слова не скажут, другие же сами ничего не смыслят, а студенты, лишь бы я не срезался на полдороге, будут довольны, потому что я у них в фавёре. Итак, во имя Гайю, Вернера и Митчерлиха я прочел свою лекцию, заключил ее философскими рассуждениями и все время относился и обращался к студентам, а не к министру. Студенты и профессора жали мне руки, и благодарили...» (VIII, 128). О «поздравлениях целой аудитории» Герцен вспоминал впоследствии в письме к Н. А. Захарьиной от 22 октября 1837 г. (XXI, 221).

В официальной «Краткой записке о происшествии в Императорском московском университете и в Округе его с 1 июля 1832 по 1-е же число июля месяца 1833 года» сохранилось следующее упоминание об этих лекциях: «Чтения в аудиториях Университета начались в бытность в Москве товарища министра, ныне управляющего Министерством просвещения, господина тайного советника и кавалера Сергея Семеновича Уварова <...> Ободряемые благоснисходительною его приветливостию, лучшие из студентов наших, иногда по первому вызову, почти без приготовления, читали с кафедры полные лекции о предметах, которые известны были им из лекций профессорских. Знаменитые саном или дарованиями особы, по приглашению благодетельного начальника нашего и следуя

844

его примеру, посещали аудитории, желая быть свидетелями подвигов юных питомцев» («Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского московского университета июля 6 дня 1833 года», М., 1833, стр. 73). Ревизия Московского университета Уваровым происходила в августе – сентябре 1832 г.

1833 *8. ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ (СТАТЬЯ 2-я)

Сообщая 8 марта 1833 г. Д. В. Пассеку о том, что у него «прибавилось несколько мыслей» к статье «Двадцать осьмое января», Герцен указал, что, может быть, будет вскоре «писать вторую часть, т. е. что сделала Россия от Петра до наших дней». «Вопрос огромный...», – добавлял Герцен (XXI, 10–11). Во вступлении к первой статье из цикла «Двадцать осьмое января» также кратко охарактеризован основной тезис второй статьи: «После устремления России к европеизму, в чем и как успела она до нынешнего времени» (I, 30).

*9. <ПЕРЕВОД КНИГИ Э. ЛЕРМИНЬЕ>

О своем намерении перевести на русский язык книгу Э. Лерминье «Histoire du Droit» («Историю права») Герцен сообщил Н. П. Огареву 5 июля 1833 г. (XXI, 17). У Лерминье книги, указанной Герценом, нет, поэтому называем два его сочинения со схожими названиями. Они вышли в Париже – первое в 1829, второе в 1831 г.: «Introduction générale à l'histoire du Droit» и «Philosophie du Droit». Вторую из этих книг горячо рекомендовал Герцену Н. П. Огарев в письме от 4 сентября 1832 г. (Огарев, II, стр. 256).

*10. <О РОЛИ ГЕРМАНИИ В ОБНОВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА>

Сохранилась подробная программа этой задуманной Герценом статьи. Она приведена в его письме к Огареву от 31 августа 1833 г.: «Вот новые мысли и гипотезы мои. Век анализа и разрушений, начавшийся Реформациею, окончился революциею. Франция выразила его полноту; поелику же народ выражает одну идею, а Франция выразила свою в век критический, то и возникает вопрос: в ней ли будет обновление? Кажется, по феории, нет, да и разбирая фактально, выйдет то же. Французский народ в грубом невежестве; сверх того, он сделался участником разврата XVIII

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Столетия, он нечист. Годился рушить, но им ли начинать новое, огромное здание обновления? Где же? В Англии? Нет, ее девиз – эгоизм, их патриотизм – эгоизм, их тори и виг – эгоисты, нет характера общности, нет пространного основания. Норманны дали англам Magna Charta – Европа не участвовала; был Кромвель – Европа в стороне. Где же? Я смело отвечаю: в Германии, да, в стране чистых тевтонов, в стране вемических судов, в стране Burschenschaft и правила: Alle für einen, einer für alle! Дивятся поверхностные люди, что Германия не принимает ярко нынешнее направление; но что такое нынешнее направление – une transaction entre la féodalité et la liberté, контраст между господином и слугою; но не нужно ни господина, ни слуги. С чего же Германия начала – с просвещения. Вот ответ-то! Франция, кичливая своим просвещением, послала в 1830 году Кузенья в Пруссию. Кузенья удивился. А Пруссия,

845

всякий знает, не есть лучшее. Некоторая часть Виртемберга, Ваймар гораздо выше. Я останавлиюсь, ты понимаешь мою мысль; я ее обработаю в статье для друзей (XXI, 26).

11. НЕАПОЛЬ И ВЕЗУВИЙ

Свою аллегорию «Неаполь и Везувий» Герцен в письме к Н. А. Захарьиной от 9 февраля 1838 г. охарактеризовал как «просто вздор», заметив при этом, что не понимает ее сам. «Вообще я писал аллегории тогда, когда дурно писал. Что хочешь сказать, говори прямо», – добавлял он (XXI, 282). Единственная сохранившаяся аллегория Герцена – «3 августа 1833» – относится ко времени, указанному в ее заглавии (I, 56–58). К 1833 г. можно приурочить и аллегорию «Неаполь и Везувий». Именно в 1833 г. в Москве демонстрировался аттракцион «Кинетозографические виды Купаренко», среди движущихся картин которого была описанная одним из современников «диорама: огнедышащая гора Везувий, полная пиитическим извержением; огненная лава, вылетающая из жерла горы вместе с камнями, льется по покатости, освещая своим заревом ужасного пожара прибрежные места и залив, покрытый судами любопытных» («Московские ведомости» от 22 февраля 1833 г., № 15). Это впечатляющее зрелище, возможно, и вызвало аллегорию Герцена «Неаполь и Везувий» и отчасти отразилось также на аллегории «3 августа 1833», написанной в духе Жана-Поля Рихтера.

12. СЦЕНЫ ИЗ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ

В ответе на вопросный пункт Следственной комиссии 24 июля 1834 г. Герцен указал, что им были начаты «сцены из развития христианской религии» (XXI, 415). Написаны они были под непосредственным впечатлением от французского романа «Арминий»⁵⁵[55]. В «Былом и думах» Герцен вспоминал впоследствии: «Я был так увлечен „Арминием“, что сам принялся писать около 1833 ряд исторических сцен в том же роде, и их в 1834 критически разбирал обер-полицмейстер Цынский» (X, 238). Автор «Агшшб», замечает Герцен в «Концах и началах», характеризуя встречу и столкновение германских варваров и римлян, попытался воспроизвести эту коллизию «двух миров у семейного очага: одного – идущего из леса в историю, другого – из истории в гроб. Всемирная история тут граничит со сплетнями и потому становится ближе к нам, доступнее, соизмеримее» (XVI, 168).

1833–1834

13. <О КНИГЕ Ф. БЮШЕ>

Упоминание об этой статье, написанной по поводу книги французского историка, идеолога христианского социализма Филиппа Бюше

846

«Introduction à la Science du Développement du Genre humain» («Введение в науку о развитии рода человеческого»), встречается в ответе Герцена на вопросный пункт Следственной комиссии от 24 июля 1834 г., в котором Герцену предлагалось указать свои сочинения и переводы (XXI, 414). В другом, более развернутом ответе (от 23 августа того же года) Герцен заявил, что видел в теории Сен-Симона «дальнейшее развитие учения о совершенствовании рода человеческого» и что именно это было высказано в его статье о книге Бюше. «Здесь под сенсимонизмом, – замечал далее Герцен, – я совершенно понимал другое, нежели секту Энфантена (см. в статье о Бюше). Главное положение Сен-Симона – что за разрушением следует создание; мне приходили эти мысли и прежде, ибо я не мог представить, чтоб человек жил только разрушая, что видим с реформации до революции 89 года, которая разрушала остатки общества феодального» (XXI, 422). Эти строки, написанные для Следственной комиссии, дают некоторое представление об основной идее статьи Герцена. Однако в своем ответе он, несомненно, старался затушевать революционные тенденции статьи. В своих показаниях Герцен заявил, между прочим, что рукопись статьи о книге Бюше была передана им издателю «Московского телеграфа» Н. А. Полевому (XXI, 414).⁵⁵[55] Библиографические изыскания и консультации с французскими библиографами свидетельствуют о том, что роман под названием «Агшшб» во Франции в 1800–1835 гг. не издавался. Ассоциировать названное Герценом произведение с каким-нибудь

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович из немецких сочинений об Армии также не удастся. Можно предположить, что роман, неоднократно упоминавшийся Герценом, действительно вышел в свет во Франции, но под другим названием.

14. <ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ>

30 января 1838 г. Герцен сообщал Н. А. Захарьиной: «Я выписал из Москвы оставленные мною две целые книги писанных разборов на сочинения, которые я читал в 1833 и 1834 годах; с жадностью перечитал я их. Первое, что мне бросилось в глаза, – это что я в 1833 году не был так глуп, как я предполагал, внимательный разбор тотчас показал бы всего меня (из этих тетрадей печатная статья моя «Гофман») – но чувств нет, а есть увлечение, ослепление нашим веком» (XXI, 274). В заключении статьи «Гофман» Герцен замечал: «Может быть, на досуге поговорим и о других прозаиках Германии» (I, 80). Вероятно, он намерен был напечатать и остальные статьи из своих рукописных «разборов» 1833–1834 гг.

1834 * 15. СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД КНИГИ Л. СИСМОНДИ

О намерении перевести (совместно с Н. И. Стрекаловым) «сокращенную историю Италии» Л. Сисмонди Герцен писал в ответе на вопросный пункт Следственной комиссии 24 июля 1834 г. (XXI, 415). Речь идет о книге: «Histoire des Républiques italiennes du Moyen Age» («История итальянских республик Средневековья»).

16. <ПЕРЕВОД «МИНЕРАЛОГИИ» Ф.-С. БЕДАНА>

Об этом переводе книги Ф.-С. Бёдана «Traité élémentaire de minéralogie» («Элементарный курс минералогии»), осуществлявшемся при участии М. Н. Носкова, см. в ответе Герцена на вопросный пункт Следственной комиссии от 24 июля 1834 г. – XXI, 415–416. Вероятно, работа не была завершена.

847

17. <ПЕРЕВОД КНИГИ В. КУЗЕНА>

О начавшемся печатании своей книги, представлявшей собой сокращенный перевод или изложение труда Виктора Кузена «Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques pays de l'Allemagne et particulièrement en Prusse» («Доклад о состоянии народного образования в некоторых странах Германии и особенно в Пруссии»), Герцен упомянул в ответе Следственной комиссии 24 июля 1834 г. (XXI, 414). Рукопись книги под названием «Состояние народного просвещения в некоторых странах Германии» поступила в Московский цензурный комитет от «титularного советника Герцена» 15 июня 1834 г. Часть ее была отпечатана до его ареста, но в свет книга не вышла. В следственном деле находилось несколько напечатанных листов, бесследно пропавших, как и сама рукопись. В материалах Московского цензурного комитета указан объем книги – 62 листа – вероятно, речь шла о двухстраничных листах (дата ценз. разр. книги – 3 июля 1834 г. – Моск. обл. Гос. ист. арх., ф. 31, оп. 5, св. 388, д. № 88, лл. 146 об. – 147. – См. ЛН, т. 63, стр. 282). Перевод книги Кузена Герцен, по-видимому, сопровождал предисловием или послесловием и примечаниями, в которых развил свой взгляд на роль Германии в «обновлении человечества» (см. выше № 10).

Книга Кузена вышла в Париже в 1832 г. и тогда же была получена Герценом. См. упоминание о Кузене в письме Огарева от 4 сентября 1832 г. – Огарев, т. II, стр. 255. Утверждение Я. З. Черняка о том, что Огарев в этом письме поздравил Герцена с окончанием перевода книги Кузена, маловероятно. Столь же маловероятно и утверждение, что, поздравляя Герцена «с Мишле и с письмами», Огарев имел в виду «перевод какой-то книги или статьи немецкого философа-гегельянца Людвига Михелета» (там же, стр. 586). Скорей всего Огарев поздравил Герцена с чтением книг Кузена и Л. Михелета (или Ж. Мишле).

18. О ЧЕЛОВЕКЕ В ЗООГНОСТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Герцен упомянул об этом сочинении в ответе на вопросный пункт Следственной комиссии, указав, что рукопись находится у издателя «Московского телеграфа», Н. А. Полевого (XXI, 414). Высказывалось предположение, что труд «О человеке в зоогностическом отношении» представляет собой уже известную статью «О месте человека в природе» (I, 13–25), рукопись которой была изъята у Герцена при его аресте (I, 536). Однако именно то обстоятельство, что автограф «О месте человека в природе» был изъят при аресте (о затребовании его от Полевого нет никаких упоминаний в следственном деле), делает более основательным предположение, что Герцен упомянул о какой-то другой своей работе.

19. <СТАТЬЯ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ>

Публикуя письмо Н. А. Полевого от 25 февраля 1836 г. об обстоятельствах, при которых была напечатана статья «Гофман», Герцен указал, что Н. Х. Кетчер поставил под ней подпись Искандер и что эту подпись сам Герцен «шутя употребил в одной статье, назначенной не для печати» (XI, 517). Никакими сведениями о статье, под которой стояла подпись Искандер, сделавшаяся впоследствии основным псевдонимом Герцена, мы не располагаем.

848

1835 *20. <ПРИБАВЛЕНИЕ К «ЛЕГЕНДЕ»>

О намерении написать прибавление к «Легенде» Герцен сообщил Н. А. Захарьиной в конце августа 1835 г.: «В „Легенде“ я прибавляю новый опыт своей души, там хочу я выразить, как самую чистую душу увлекает жизнь пошлая, такая, которую я веду здесь. Жизнь та же, которую ведут все» (XXI, 49). К этому месту Герцен сделал впоследствии следующую ремарку: «И не написал ничего» (там же).

21. <ПАСКВИЛИ И ЭПИГРАММЫ>

«...я здесь потешаю публику пасквилями и эпиграммами», – сообщал Герцен Н. Х. Кетчеру из Вятки в середине декабря 1835 г. (XXI, 59).

22. ПИСЬМА К ТОВАРИЩАМ («КАЗАНЬ, ПЕРМЬ, ВЯТКА И ВЛАДИМИР»)

Первое упоминание об этой статье встречается в письме Герцена к Н. Х. Кетчеру от середины декабря 1835 г. Сообщая об отправлении Н. А. Полевому двух своих статей – «„Гофмана“ и об Вятке», Герцен прибавлял: «...куда он хочет, пусть поместит или велит поместить. Возьми последнюю и заметь там все сказанное мною о вотяках; я эту мысль разовью гораздо подробнее – но еще не имею материалов» (XXI, 60).

Работу над статьей Герцен возобновил в следующем, 1836 году. 2 сентября он писал Н. А. Полевому, что к статье о Вятке прибавлены Казань и Пермь (XXI, 95).

По-видимому, радикальной переработке должна была подвергнуться та часть статьи, в которой шла речь о Вятке. «Статья о Вятке идет вперед», – писал он 14 октября (XXI, 108). Во второй половине октября Герцен уже собирался выслать в Москву свои готовые письма о Казани и Перми; что касается части статьи, посвященной Вятке, то он надеялся пополнить ее новыми фактами, в связи с предстоявшей ему вскоре поездкой по Вятской губернии. Командировка эта была отменена, и работу над статьей в 1836 г. Герцен не возобновил. Только 7 июля 1837 г. он упомянул, что работает над «письмами из Вятки», которые назвал здесь же «карикатурой» (XXI, 184). «Путевые письма» носят на себе клеймо «самой злой, ядовитой иронии», – отмечал Герцен 13 января 1838 г. (XXI, 261).

Свои «Письма к товарищам» – «Пермь, Вятка и Владимир» – Герцен намерен был включить в прибавление к задуманной им автобиографической книге (XXI, 262).

Последнее упоминание об этом произведении находится в письме к Н. Х. Кетчеру от 22 февраля 1838 г.: «Я было взялся за „Вятские письма“, да так показались мне плоски, что я чуть их не сжег» (XXI, 296–297).

Остается неясным, относятся ли все приведенные выше выдержки к одному цельному произведению или к нескольким разным, писавшимся в разной манере (в отношении «Владимира» остается даже невыясненным – реализован ли был этот замысел). По всей вероятности, напечатанное в 1840 г. «Письмо из провинции», в котором описана Казань (I, 131 – 133), представляет собою фрагмент из «Писем к товарищам». Более чем вероятно, что сатирические описания города Малинова (Вятки) в «Записках одного молодого человека» восходят именно к несохранившимся

849

и, может быть, уничтоженным автором «Вятским письмам». Влияние «Путевых картин» Генриха Гейне на замысел «Путевых писем» Герцена не вызывает сомнения.

1836

1 апреля 1836 г. Герцен писал Н. А. Захарьиной: «Новая мысль для повести – человек, одаренный высокою душою и маленьким характером. Человек, который в минуту размышления отряхивает прах земли и в следующую за тем платит дань всем предрассудкам. Оттого, что слабый характер согнут, подавлен толпою, не может выработаться из мелочей. Ежели вздумаю писать, то стоит только приделать рамку к этой мысли» (XXI, 73).

*24. <ПАДЕНИЕ ЛЮЦИФЕРА>

Из письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 27 апреля 1836 г.: «Теперь у меня в голове бродит план весьма важной статьи, может для развития которой нужно написать целый роман, который поглотит в себе и ту тему, о которой писал тебе в прошлом письме, и многое из моей собственной жизни <...> Пусть впечатления, которым я подвергался, выражаются отдельными повестями, где всё вымысел, но основа – истина. Теперь меня чрезвычайно занимает религиозная мысль – падение Люцифера как огромная аллегория, и я дошел до весьма важных результатов» (XXI, 76). Взгляд на «падшего ангела» – Люцифера, – в котором молодой Герцен находил много сходства с собой, изложен в ряде его писем 1836 г. (XXI, 52, 109–110, 113, 182 и др.); особенно отчетливо он выражен в письме к Н. Х. Кетчеру и Н. И. Сазонову от 22 сентября (XXI, 101).

25. <НОВАЯ СТАТЬЯ>

Сообщение о «новой статье», в которой Герцен описывал свое собственное развитие, чтобы раскрыть, как опыт привел его «к религиозному воззрению», см. в письме к Н. А. Захарьиной от 13 мая 1836 г. «Между прочим, – писал Герцен, – я представил там сон или, лучше, явление, в котором нисходит ко мне дева, ведущая в рай, как Беатриче Данта... Этот сон мне удалось хорошо написать. Витб«ерг» был очень доволен, но не знал причины. Он думает, что я так живо представил мою мечту и

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
что моя мечта так хороша – а я просто описал тебя, и не мечта, а ты так хороша» (XXI, 78). Уподобление Н. А. Захарьиной Беатриче из «Божественной комедии» Данте очень часто в переписке Герцена этого времени.

26. <ПОВЕСТЬ БЕЗ НАЗВАНИЯ>

5 августа 1836 г. Герцен сообщил Н. А. Захарьиной: «я занят очень литературным трудом, о котором скажу после» (XXI, 90). Вероятно, он имел в виду ту повесть, о которой несколько позднее, 9 сентября, писал той же корреспондентке: «...я и забыл тебе написать план повести, которую я уже начал; напиши мне откровенно твое мнение. Витбергу она не очень нравится:

Юноша, живший до 17 лет в деревне, пылкий, но подавленный холодом родных, является в университет учиться медицине... Он робок, застенчив, у него нет друзей, он боится шумной вакханалии студентов, у него нет деви, которая разделила бы его страдания, его одиночество, и он живет одной наукой. Однажды ему надобно рассекать какой-то женский труп в анатомической зале; он пришел, уже вонзил нож в тело, у которого лицо было покрыто, когда вздумал он взглянуть на него. И что же? Это тело прелестной девушки – он влюбился в нее (извини это глупое выражение, я тороплюсь); эта любовь – первое его чувство; оно сильно, оно растет, оно должно сжечь его, уничтожить, свести с ума, сломать всю душу и все тело... И вот он крадет труп и сжигает его; этот пепел в урне – все, что у него есть на белом свете; он любит этот пепел – он не может жить без него; и тут блеснула мысль, что алхимики имели средства воскрешать и что же значит греческий миф феникса, возрождающегося из пепла; Парацельс и Аполлоний Тианский воскрешали, и сам Иисус. – Вот решена его жизнь, он ищет этот способ; проходят годы, и он, погруженный в мрак мистики и колдовства, ищет и ищет, и он будет искать всю жизнь, ежели бы жизнь его была долее Мафусаила. – Но тайна не открывается; однако Надежда (главная идея повести) с ним, без нее он умер бы. Заключение. Он седой старик, одичалый, полубезумный, все еще работает и ищет тайны воскрешения. Слабый, больной, он уже на одре смерти говорит друзьям: „Теперь близко, близко к открытию“; засыпает; она слетает к нему, и он не существует более» (XXI, 98–99).

По-видимому, просьба, с которой обратился Герцен к Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру во второй половине октября 1836 г. – прислать ему литературу о мистицизме (XXI, 112), связана, главным образом, с работой над этой повестью.

*27. <НОВАЯ ПОВЕСТЬ>

14 октября 1836 г. Герцен сообщил Н. А. Захарьиной: «Новая повесть есть в голове – страшная, ядовитая. В будущий раз напишу план» (XXI, 108). Через несколько дней, 18 октября, Герцен лаконично изложил свой замысел: «Моя повесть – это моя жизнь; он хочет стянуть душу ее и опять заключить в оковы земного бытия. Эгоизм! Ангела хочет запылить землей, а не себя сделать ангелом. Так и я; ты чистой молитвой летела б в рай, но на мне остановился твой взор, на моей красоте конечного – и я стягиваю тебя в удушливую сферу страстей...» (XXI, 109–110).

28. <СТАТЬЯ О РЕЛИГИИ И ФИЛОСОФИИ>

Герцен сообщил Н. А. Захарьиной 10 ноября 1836 г., что на днях он «долго читал духовные книги, много размышлял о христианстве, – сочиняя статью о религии и философии. Устал; пора было спать; я многое раскрыл, написал мысли, совершенно новые, и радовался» (XXI, 118). Указание в комментариях к этому письму, что речь идет о «Мысли и откровении», ошибочно: статья «Мысль и откровение» упоминалась еще 15 июля 1836 г. под своим полным названием (см. XXI, 87).

1836– 1839

29. О СЕБЕ

(«ЮНОСТЬ», «ЮНОСТЬ И МЕЧТЫ», «МОЯ ЖИЗНЬ»)

Это автобиографическое произведение имеет длинную творческую историю, которую удастся довольно полно проследить по переписке Герцена с Н. А. Захарьиной. О своем намерении описать «все яркое, цветистое» своей юности в отдельных статьях и повестях (под общим заглавием «Юность и мечты»), «вымышленных по форме, но истинных по чувству», Герцен сообщил еще 29 июня 1836 г. «Теперь, когда все еще это живо, – замечал Герцен, – я и должен писать, и потому уже должен писать, что юность моя прошла, окончилась 1-я часть моей жизни. И как резки эти отделы. От 1812 до 1825 ребячество, бессознательное состояние, зародыш человека; но тут вместе с моею жизнью сопрягается и пожар Москвы, где я валялся 6<ти> месяцев на улицах, и стан Иловайского, где я сосал молоко под выстрелами. Перед 1825 годом начинается вторая эпоха; важнейшее происшествие ее – встреча с Огаревым. Боже, как мы были тогда чисты, поэты, мечтатели; эта эпоха юности своим девизом будет иметь дружбу. Июль месяц 1834 окончил учебные годы жизни и начал годы странствования. Здесь начало мрачное, как бы взамен безотчетных наслаждений юности; но вскоре мрак превращается в небесный свет. 9 апреля откровением высказало всё, и это эпоха Любви, эпоха, в которую мы составили одно я, это эпоха твоя, эпоха моей

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Наташи» (XXI, 85–86). К воплощению своего замысла Герцен приступил почти через полтора года. 20 октября 1837 г. он сообщил своей корреспондентке, по совету которой предпринял работу над автобиографией: «Я описал отдельными чертами все мое ребячество от 1812 до 1825 <...> Когда отделаю первую часть под заглавием „Дитя“, то пришлю и тебе» (220). Отмечая, что в его произведении «много иронии, часто шалость, редко желчь» и что «предисловие хорошо», Герцен 14 января 1838 г. указал: «Со временем это будет целая книга, вот план. Две части: 1-я до 20 июля 1834. Тут я дитя, юноша, студент, друг Огарева, мечты о славе, вакханалии, и все это оканчивается картиной грустной, но гармонической, – нашей прогулкой на кладбище (она уже написана). Вторая начнется моей фантазией „22 октября“. Вообще порядка нет: отдельные статьи, письма, tutti frutti, все входит; за этим „Встреча“, „I Maestri“ и „Симпатия“; далее – что напишется <...> В биографии я сначала задел было крепко Тат<ьяну> Пет<ровну>, но смиловался и выпустил. В первой части один святой – Ог<арев>, но его владение ограничено, его влияние ограничено. Во второй ты святая, и твое владение безгранично, и я на коленях перед тобою. Осмелюсь ли я писать 9 апреля? Боюсь» (262). Из письма от 19 января 1838 г.: «С маменькой пришлю я тебе начало моей биографии <...> Тебе понравится предисловие и VI глава под заглавием „Пропилеи“. Остальное шалость, но я не уничтожу, это заставляет меня в грустные минуты улыбаться» (266). «Моя биография готова», – писал Герцен 9 февраля (282). В письме от 14 марта содержатся следующие подробности о работе над автобиографией: «...написал VIII главу в свою жизнь, и написал очень хорошо, и уж, конечно, не догадаешься о чем – о любви к Люд<миле> П<ассек>; тут и ты на сцене – трудно было, и очень, холодно писать о холодных отношениях к тебе – но написал, и ты явилась превосходно, чудом, какой-то священной мистерией, лилией, принесенной архангелом Гавриилом в день моего рожденья. Да, доволен, вообще биография идет прекрасно (я ее пишу по твоему приказанию). Далее описана самая черная эпоха, от 9 июля 1834 до 20-го, но halte là. как дойдет дело представлять тебя тобою, ибо ты уж очень близка была мне 20 июля, – перо дрожит, душа волнуется, и ангел ускользает от кисти земного богомаза. Однако напишу, я уж пробов<ал>. Ирония та, моя ирония, на месте тут. Зачем ты не любишь ее? Она проникает особым огнем целое, ибо это не насмешка, а внутреннее неудовольствие за мелочничество людей, и мне она естественна, как дышать. Сердце твое сожмется, когда ты будешь читать 9 июля – не за него ли и было 9 апреля? А я думаю, весело о себе читать в статье, писанной с огнем и поэзией» (325–326). «Поэма моя „О себе“ оканчивается, – писал Герцен 30 марта. – Дальше 9 апреля она не должна идти. Да, это поэма юности, и она хороша, 852

юноша ее не прочтет хладнокровно, жаль, что по многому не везде все сказано. В IX главе описана студентская оргия и прогулка; бога ради, не смешай часть их с обыкновенными выходками иронии, о нет. Ты не знаешь этот шумный, пламенный водоворот разгула, представить его трудно: бурный вальс высоких идей и плоских острот, вдохновенных речей поэта и bavardage пьяного. Но все это вместе имеет свой изысканный отпечаток, даже со всеми шалостями, как описано. Я перелистываю и радуюсь: ничего темного, ничего пошлого, моя юность прошла хорошо <...> 20 июля я тебя заставил говорить не совсем так, слово в слово, но заметь: мысли и даже выраженья взяты из твоих писем...» (342). 1 апреля Герцен писал: «Ну вот и переписана тетрадь „О себе“ и кончена почти, недостает двух отделений: „Университет“ и „Молодежь“. Но этих я не могу теперь писать, для этого мне надобно быть очень спокойну и веселу, чтоб игривое воспоминание беззаботных лет всплыло, это напишу тогда. Крутицы, сентенция и 9 апреля – все есть, много сильных мест, вдохновенных, однако и шалости не забыты...» (345).

14 января 1839 г. Герцен писал Н. И. Астракову: «...я опять принялся за свою биографию и довольно удачно написал „Университет“ и „Холера“. Теперь пишу „Вятка“. Смертельно хочется печатать – или уж подождать освобожд<ения>?» (XXII, 9). «Одна моя биография хороша, одушевлена, она и останется», – отмечал Герцен в письме к Огареву от 14 ноября того же года, отрицательно отзывавшись о всех других своих произведениях и выразив намерение «много жечь» (53). До недавнего времени считалось, что из повести «О себе» до нас дошел только один отрывок «Вакханалия» (I, 170 – 182). Между тем, как это установлено А. Н. Дубовиковым, многочисленные тексты Герцена, вошедшие в состав воспоминаний Т. П. Пассек «Из дальних лет», представляют собой фрагменты из «О себе» (в том числе из глав «Дитя», «Огарев» «Университет», «Холера», «Ландыш», «Аиàухр». См. об этом в ЛН, т. 63, стр. 9–55. О соотношении «О себе» с «Записками одного молодого человека» и другими автобиографическими произведениями Герцена см. в книге В. А. Путинцева «Герцен- писатель», изд. 2-е. М., 1963, стр. 18–51). 1836– 1838

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Герцен. Мысль и откровение («Швед», «Третья встреча»)

Об этом произведении, главным героем которого являлся А. Л. Витберг, Герцен впервые упомянул в письме к Н. А. Захарьиной от 15 июля 1836 г. («Статья моя „Мысль и откровение“ пишется, и первая часть хороша» – XXI, 87). О том, что статья «Швед» («Мысль и откровение») готова и может быть выслана для печатания, сохранилось свидетельство в письме Герцена от второй половины октября того же года (XXI, 111 – 112).

4 ноября Герцен известил Н. А. Захарьину о своем намерении послать через две недели в печать, наряду с другими своими двумя статьями, и «Третью встречу», которую он просил прочесть «со вниманием» (XXI, 115). Герцен следующим образом оценил свое новое сочинение: «„Мысль и откровение“ – хорошо потому, что тут нет повести, а просто пламенное изложение моей теории» (XXI, 143). По мнению Герцена, его статья выразила собой гораздо более высокое религиозное состояние, чем «Легенда», в которой он «выразил самую легкую часть – практическую нравственность христианства, а не самое христианство» (XXI, 158). О том, что «Мысль и откровение» «кончены давно», Герцен упомянул в письме от 28 мая 1837

г.;
853

утверждая при этом, что его новое произведение не имеет конца. «Это статья, в которую надобно вписывать каждую религиозную мысль; рама сделана, и формы никакой нет; это повесть, разговор, диссертация, это изложение чувств и дум, как вылилось; следственно, вздор, что она кончена» (XXI, 172). «Я прибавил в мою статью „Мысль и откровение“ „Сон“, и в нем, в идеал религии, перенес твои черты, даже твое имя», – писал Герцен Н. А. Захарьиной 14 июля (XXI, 184). «Мысль и откровение» Герцен относил к тем своим статьям, которые «выходят постоянно с печатью любви и веры» (наряду со «Встречами», «I Maestri» и «Симпатией» – XXI, 261). Об отчетливо выраженном в «Мысли и откровении» недоверии к «мудрости века сего» Герцен упоминает в письме к невесте от 30 января 1838 г. (XXI, 274). Статья была послана Н. А. Захарьиной около 28 февраля 1838 г. (XXI, 306). Н. А. Захарьина следующим образом откликнулась на присланное ей произведение Герцена: «„Мысль и откровение“ читала, незнакомые слова препятствуют вполне оценить ее» (Соч. А. И. Герцена и переписка с Н. А. Захарьиной в семи томах. Изд. Ф. Павленкова, т. VII, СПб., 1905, стр. 507. – Письмо от 8 марта 1838 г.).

1837

31. ЖИВЫЕ КАРТИНЫ ИЗ ДАНТЕ

О поставленных по сценарию Герцена в день именин А. Л. Витберга 15 января 1837 г., живых картинах из «Божественной комедии» Данте см. в письме его к Н. А. Захарьиной, написанном на следующий день: «Картины сочинил я, и ты узнаешь в них мою вечную мысль, мысль о Наташе. 1-я представляла Данта, утомленного жизнью, измученного, изнуренного, – он лежит на камне, и тень Вергилия ободряет его и указывает туда, к свету; Вергилий послан спасти его Беатричей <...> 2-я – Беатриче на троне: Лучия – свет поэзии, и Матильда – благодать небесная, открывают вуаль; Дант, увидев ее, бросается на колени, не смеет смотреть, но она с улыбкой надевает венок из лавров <...> 3-я – Ангел <...> держит разверстную книгу, в ней написан текст: „Да мимо идет меня чаша сия, то яко ты хочешь...“ Беатриче показывает грустному Данту этот текст – Лучия и Матильда на коленях молятся. Успех был более, нежели ожидали» (XXI, 137–138). Ср. резюме мысли Герцена, положенной в основу его живых картин: «Когда Данте терялся в обыкновенной жизни, ему явился Вергилий и рядом бедствий повел его в чистилище; там слетела Беатриче и повела его в рай. Вот моя история, вот Огарев и ты...» (из письма к Н. А. Захарьиной от 29 сентября 1836 г. – XXI, 102; см. также выше № 25).

32. ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАТЬИ «МЫСЛЬ И ОТКРОВЕНИЕ»

О том, что Герцен «утром в великую пятницу», т. е. 16 апреля 1837 г., написал «коротенькую статейку, вроде продолжения статьи „Мысль и откровение“», см. в его письме к Н. А. Захарьиной от 17 апреля (XXI, 161).

33. I MAESTRI

Автобиографическая статья «I Maestri» («Мастера») была задумана Герценом в конце мая 1837 г.; окончена к 19 июня того же года (XXI, 172 и 177). Этот свой «первый опыт прямо рассказывать воспоминания» Герцен находил весьма удачным и считал, что «I Maestri» несравненно выше

854

всего написанного им ранее (XXI, 179). «Это – живое воспоминание, горячий кусок сердца» (XXI, 181; ср. 253–254). В «I Maestri» Герцен описал свои встречи со знаменитыми людьми, сыгравшими значительную роль в его жизни: с поэтом И. И. Дмитриевым в 1833 г., с А. Л. Витбергом в 1835 г. и с В. А. Жуковским в 1837 г. Н. А. Захарьина, которой Герцен в конце июня 1837 г. выслал рукопись окончательной отделанной статьи, следующим образом передавала свои впечатления автору: «Встречу с Дмитриевым я читала покойно, она хорошо написана, но в ней

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович еще нет Тебя <...> 35-й же и 37 годы – тут-то, в этих встречах, ты, мой Александр! Они рассказаны тем языком, которым ты говоришь со мною в письмах и без писем, твоим языком <...> Только одно лицо описано страшно, я содрогнулась, вспомнив, что оно существует на самом деле, особенно при конце, – у меня даже посинели ногти» (Соч. А. И. Герцена и переписка с Н. А. Захарьиной в семи томах. Изд. Павленкова, т. VII, СПб., 1905, стр. 341). В последней фразе Наталья Александровна имела в виду «Калибана-гиену» – вятского губернатора К. Я. Тюфяева. 3 сентября она продолжала: «Всего лучше для меня в этой статье мир dei Maestri и видение; но нет, вся хороша, особенно 35 и 37 годы...» (там же, стр. 342). Откликаясь на это письмо, Герцен писал 28 сентября: «„Встреча с Дмитриевым“ показывает, каким я вышел из рук воспитания, две остальные показывают, каким ты меня сделала <...> В первой встрече есть огонь – но огонь ума, огонь без теплоты, фосфор. Во второй и 3-й все проникнуто теплотою души, которая перелилась из небесного сосуда» (XXI, 212). По словам Герцена в другом письме, «I Maestri» относятся к тем произведениям, которые несут на себе «печать любви и веры» (XXI, 261). Помимо трех основных персонажей – Дмитриева, Витберга и Жуковского, а также «Калибана-гиены» – Тюфяева, – в статье являлись «как идеал, как фантазия» Н. А. Захарьина и Н. П. Огарев, приметы которых Герцен, по его словам, «не осмелился написать» (XXI, 179). Н. А. Захарьина была представлена в «I Maestri» в виде ангела, а ее письма к Герцену именовались там «песнями ангела» (XXI, 198, 205 и 271). Встреча с И. И. Дмитриевым – наименее ясный эпизод в этой несохранившейся статье, так как Герцен почти нигде не высказывался о своих отношениях с престарелым московским поэтом. Только в «Былом и думах» встречается упоминание о том, что Герцен «ездивал к нему студентом, вооруженный романтическими предубеждениями, личным знакомством с Н. Полевым и затаенным чувством неудовольствия, что Дмитриев, будучи поэтом, был министром юстиции» (VIII, 304). Известно, что Дмитриев присутствовал в Московском университете на лекции Герцена-студента о минералогии (VIII, 127). Можно предполагать, что Герцена с Дмитриевым познакомил старый чудак-литератор Д. И. Пименов (VIII, 99–101). – Своим отношениям с А. Л. Витбергом Герцен уделил весьма значительное место и в письмах 1830 – 1840-х годов и в «Былом и думах». В письме к Н. А. Захарьиной от 30 августа 1837 г. Герцен назвал «I Maestri» «надгробной речью» таланту Витберга (XXI, 201). – Что касается Жуковского, то знаменитый поэт оказал решительное влияние на судьбу Герцена, обезопасив его от враждебных нападений «Калибана-гиены» – Тюфяева, и содействовал его переводу из Вятки, и эта провиденциальная роль его была, вероятно, особенно акцентирована в «I Maestri». Из позднейшей переписки Герцена известно, что Жуковский внимательно прочел «I Maestri», сделал в рукописи какие-то пометы и вымарал последние пять строк, где в «карикатурном виде» был выведен «Калибан- гиена» (XXI, 241, 258, 274, 300). Посетив Жуковского двумя годами позднее, Герцен писал о нем жене из Петербурга: «Он тот Жуковский, о котором писано в „I Maestri“» (XXII, 64). Одна строка из «I Maestri» процитирована Герценом в письме к Н. А. Захарьиной от 7 июля 1837 г.: «Как железо, пройдя по брильянту, царапает самого себя...» (XXI, 183).

855

*34. <ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК>

14 июля 1837 г. Герцен писал Н. А. Захарьиной: «Когда я поеду, сделаю себе маленькую тетрадку и буду записывать все чувства, все думы при приближении к тебе...» (XXI, 186). Ранее Герцен дневника никогда не вел.

1837– 1838

35. СИМПАТИЯ

О начале работы над «статьей» «Симпатия» Герцен упомянул в письме к Н. А. Захарьиной от 27 июля 1837 г. «...Не знаю, выйдет ли толк, а основа недурна», – замечал при этом Герцен и разъяснил далее, что намерен рассказать о своем знакомстве с Полиной Тромпеттер (XXI, 189–190). О том, что «Симпатия» готова, Герцен сообщил в письме к той же корреспондентке 13 января 1838 г. Выразив убеждение, что статья эта понравится Н. А. Захарьиной, Герцен отметил: «„Симпатия“ – маленькая статья, как Полина, но и хороша, как Полина <...> Она писана тем языком, каким „I Maestri“ – много выражений из моих писем – это неудивительно. Мои письма – я». Здесь же Герцен отнес «Симпатию» к числу тех своих произведений, которые вышли из-под его пера «с печатью любви и веры» (XXI, 261). В других письмах к Н. А. Захарьиной содержатся дополнительные подробности о «Симпатии», которую Герцен намерен был включить в состав «О себе». Статья была посвящена дочери А. Л. Витберга – Вере Александровне (XXI, 262). Около 24 января «Симпатия» была послана в Москву. Известно, что в «Симпатии» встречались выходы «против продажи книг» (XXI, 282). Фрагмент статьи, датированной 13 января 1838 г., – см. I, 325–326; см. также в ЛН, т. 63, стр. 47–55 два отрывка из этого

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович произведение, восстановленных А. Н. Дубовиковым по мемуарам Т. П. Пассек. 1838

36. <МРАЧНАЯ ПОВЕСТЬ>

«Есть у меня еще повесть, но ее боюсь тебе послать: мрачна, как черная ночь, – писал Герцен Н. А. Захарьиной 20 января 1838 г. – Перечитывая сегодня, я сам содрогнулся. Привезу сам, а то мрачного и без того довольно. Да ее же надобно поправить» (XXI, 266). Трудно сказать, идет ли здесь речь о совершенно неизвестной повести или о каком-нибудь произведении, уже упоминавшемся в переписке Герцена.

37. КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

31 января 1838 г. Герцен сообщил Н. А. Захарьиной, что заканчивает свою «архитектурную мечту» «Кристаллизация человечества». Статья эта, по словам автора, содержала в себе «новый взгляд на зодчество». Основными ее мыслями, глубоким проникновением в «историческую структуру» архитектурного искусства Герцен потряс самого А. Л. Витберга, которому статья и была посвящена:

«...зодчий-гений должен был уступить мне, юноше, не артисту» (XXI, 276). 12 февраля статья была закончена (см. стр. 714 наст. тома) и вызвала глубокое удивление у самого автора, охарактеризовавшего ее следующим образом: «Бесспорно лучшее,

856

что выходило из моего пера, глубокая мысль переплетена в огонь, проникнута огнем и огнем» (XXI, 288 и 296–297). «Сожду все <что писал>, кроме статьи „архитектурной“», – говорил он две недели спустя (XXI, 309). Вероятно, замысел этой статьи относится к концу 1836 г., когда Герцен с увлечением читал огромный труд Вибикинга «Гражданская архитектура, теоретическая и практическая, дополненная описательной и аналитической историей самых замечательных старинных и современных сооружений» (см. выписку из этого сочинения на стр. 623–624 наст. тома), «усердно и от души» изучал архитектурные памятники, «отвердившие жизнь народов» (XXI, 127–128). Рождавшиеся у него при этом мысли он заносил в свою «Записную тетрадь» (см. I, 325–326; ср. 326–328). «Я продолжаю непрерывно заниматься архитектурой», – писал он несколько позднее Н. А. Захарьиной (XXI, 131), «века прошедшие встают с своими пирамидами, храмами, соборами и рассказывают свою жизнь». Осуждая современное состояние архитектуры – «переход болезненный, где все высокое спит, где только думают о материальных нуждах, и горе тому, кто не падает с головою в болото», Герцен радовался возможности мысленно переселяться в то время, «когда не пугались великого, когда изящное считалось необходимою потребностью». Герцен высоко оценил роль Витберга, павшего жертвой царящей пошлости, и предсказывал, что «его подвиг не умрет, его память, как память страдальца Тассо, вдохновит поэта и станет рядом с строгими, важными тенями людей, которые пренебрегали всем земным для одной высокой мысли» (XXI, 135; ср. VIII, 278–280).

Пробуждением интереса к архитектуре Герцен обязан был, в первую очередь, своему знакомству с Витбергом. Однако немалое влияние должны были оказать на него «Собор Парижской богородицы» Гюго и «Арабески» Гоголя, в которые была включена статья «Об архитектуре нынешнего времени», во многом близкая по духу молодому Герцену.

Отрывок из «Кристаллизации человечества» см. I, 524.

38. ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

«...я от скуки начал писать новую повесть – „Его превосходительство“, – сообщал Герцен Н. А. Захарьиной 18 февраля 1838 г.; – написал довольно и, кажется, хорошо. Сюжет самый отвратительный, возмущающий все чувства благородного человека, и таковы будут ее подробности. Главное лицо – „Калибан-гиена“ в „I Maestri“. В эту томную неделю и могла явиться такая мысль, тут гуляй моя ирония, клейми людей» (XXI, 291). Под именем «Калибана- гиены» в «I Maestri» был выведен, как известно, К. Я. Тютчев (см. выше № 33). Через два дня Герцен сообщил Н. А. Захарьиной сюжет своей повести, в которой содержался намек на судьбу П. П. Медведевой: «Повесть новая идет на лад; вот в чем дело: муж мерзавец и жена ангел, муж под судом и дает жену во взятку губернатору. Жена в отчаянии, чахотка, смерть. Муж пьян, и в день похорон губ<ернатор> получает владимирскую звезду, у него пир горой. Будет хороша...» (XXI, 293). О том, что новая повесть, кажется, удачна и что ее «только надобно поправить», Герцен извещал своих друзей в двадцатых числах февраля 1838 г. (XXI, 296).

О характере повести можно получить некоторое представление и по главе XIV части второй «Былого и дум», где дана впечатляющая характеристика «его превосходительства» – К. Я. Тютчева, а также история взаимоотношений с ним Герцена (VIII, 234–251). См. также XXI, 205 и 213.

857

*39. ГРАНИЦА АДА С РАЕМ

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович О замысле новой повести – «Граница ада с раем» – Герцен упомянул в письме к Н. Х. Кетчеру от 22–28 февраля 1838 г. (XXI, 297). Вероятно, об этом именно произведении он писал 1 марта того же года Н. Х. Кетчеру: «Есть мысль хорошая для новой повести, а как примешься писать, – выйдет черт знает что» (там же, 309).

*40. <СТАТЬИ ДЛЯ «МОСКОВСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ»>

В конце августа – начале сентября 1838 г. Герцен писал Н. Х. Кетчеру: «...да повторяю, хочешь ли для „Наблюдателя“ статей от меня?» (XXI, 390). Никаких публикаций Герцена в «Московском наблюдателе» обнаружить не удалось.

41. ДИССЕРТАЦИЯ О ТОМ О СЕМ

Упоминание о том, что Герцен начал работу над каким-то новым произведением («диссертацией о том о сем»), встречается в письме его к Н. Х. Кетчеру от 4 октября 1838 г. (XXI, 392). Не исключено, что речь идет о № 44.

1838– 1839

42. ПАЛИНГЕНЕЗИЯ (СТИХОТВОРНЫЙ ВАРИАНТ «ЛИЦИНИЯ»)

Первое упоминание об этом произведении относится к концу августа – началу сентября 1838 г. В письме к Н. Х. Кетчеру Герцен сообщил, что вскоре придет, если успеет, всю первую часть «Лициния» (XXI, 390). Намерение это было, однако, не сразу выполнено Герценом, который 4 октября писал тому же корреспонденту: «При первой оказии я пришлю тебе первую часть фантазии „Палингенезия“. Я написал Сазонову, что это драма; нет, просто сцены из умирающего Рима». В этом же письме Герцен упомянул, что свое произведение он пишет пятистопным ямбом и что раньше никогда не писал стихов (XXI, 392; ср. 394–396; упоминаемое письмо к Н. И. Сазонову о «Палингенезии» неизвестно). В начале января 1839 г. Герцен послал своему вятскому другу А. Е. Скворцову черновой автограф этого произведения (XXII, 7–9; ср. 22–23). Скворцов следующим образом отозвался о «Лицинии»: «Идея Лициния и Геспера – прекрасна. Времена апостольства были и прежде любимой мечтой твоей <...> В первых сценах много Рима, а последняя, где является апостол, греет душу и разливает то отрадное чувство, которое ощущается после судорожного крика страдальца душою...» (ЛН, т. 62, стр. 756). Перебеленный автограф (или писарская копия) «Лициния» был отправлен Герценом Н. Х. Кетчеру, который неодобрительно отнесся к новой работе Герцена. Отклик Герцена на не дошедшее до нас письмо Кетчера дает довольно полное представление о замысле «Лициния» (письмо от 15 марта): «Ты как-то уж давно побранил моего „Лициния“ и был не вовсе прав. Во-первых, тут два элемента – сам Лициний и Рим. Лициний тип, так, он и пожертвован идее. Но заговор Латерена взят мною целиком из Тацита, почему же ты говоришь, что все лица – слепые орудия моей *arrière-pensée*? Впрочем, этот заговор представлен дурно, думаю его исправить, а потом приняться и за вторую часть. Тут я хочу

858

коснуться до заповеднейших вопросов быта общественного: с одной стороны – идеал христианства, с другой – факт Рима. Ежели успею да ежели будет *bonne volonté*, о которой столько писано выше, то пришлю еще что-нибудь из „Лициния“» (XXII, 14 – 15). Несколько дней спустя Герцен предложил Н. Х. Кетчеру опубликовать в «Московском наблюдателе» отрывок из «Лициния» (что осуществлено не было). При этом он разрешил «сделать маленькие поправки в стихах; но никак в смысле» (XXII, 17–18). В «Былом и думах» Герцен упоминает о том, как он в 1838 г. «написал в социально-религиозном духе исторические сцены, которые тогда принимал за драмы». «В одних я представлял борьбу древнего мира с христианством, тут Павел, входя в Рим, воскрешал мертвого юношу к новой жизни <...> Я эти сцены, не понимая почему, вздумал написать стихами». Далее Герцен рассказывает о том, как он в 1839 или 1840 г. передал Белинскому для ознакомления две тетрадки – с «Лицинием» и «Вильямом Пенном» – и как критик возвратил ему обе тетрадки, предложив переписать их, «не отмечая стихов», т. е. прозой, что являлось недвусмысленным отрицанием стихотворных достоинств обоих произведений Герцена (VIII, 288–289). Отрывок «Из римских сцен», т. е. из «Лициния», в прозаическом изложении – I, 183 – 195. Отклик А. Л. Витберга на «Лициния» см. в «Русской старине», 1897, № 12, стр. 490.

1839 *43. ДАНИИЛ В ВАВИЛОНЕ

28 февраля 1839 г. Герцен сообщил Н. Х. Кетчеру, что у него «бродит в голове новая поэма „Даниил в Вавилоне“». При этом он выразил досаду, что не имеет никаких книг о семитических народах, кроме Библии и сочинения А.-Г.-Л. Геерена «Понятия о политике, сношениях и торговле главнейших народов древнего мира» (XXII, 13). Книга Геерена не могла дать необходимого материала из-за отсутствия в ней, как замечал Герцен, художественного и философского элемента. Поэтому почти единственным источником для задуманной поэмы должна была послужить Библия. Пребыванию пророка Даниила в Вавилоне посвящены все четырнадцать глав библейской «Книги о пророке Данииле».

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович

В том же письме к Кетчеру Герцен обратил внимание своего корреспондента на «пророчество Иезекииля, где он говорит о Тире и Сидоне». Возможно, что многочисленные подробности о жизни и быте обоих древних городов и впечатляющие пророчества об их предстоящей гибели (гл. 26–28) должны были послужить Герцену материалом для той же «поэмы» или лечь в основу другого произведения в аналогичном роде.

44. КАКОЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ПРОШЕДШИМ И БУДУЩИМ
НАШ ВЕК?

Итогом усиленных занятий Герцена историей и философией явилась начатая им в первые месяцы 1839 г. диссертация «О XIX веке» – «Какое звено между прошедшим и будущим наш век?», упоминание о которой сохранилось в письме к А. Л. Витбергу от двадцатых чисел июля 1839 г.: «Вопрос важный, я обработал очень много. Вдруг вижу что-то подобное, напечатанное в Берлине: „Prolegomena zur Historiosophie“, выписываю, и представьте мою радость, что во всем главном я сошелся с автором до удивительной степени. Значит, мои положения верны – и я еще больше примусь за обработку ее» (XXII, 38). См. также письмо к Н. П. Огареву от 7 апреля, в котором упоминается «продолжение к статье о XIX веке» (XXII, 21), и № 41.

859

Герцен говорит здесь о книге левого гегельянца, поляка А. Цешковского «Пролегомена в историософию», вышедшей на немецком языке в Берлине в 1838 г. Книга состоит из трех глав:

«Организм мировой истории», «Категории мировой истории» и «Телеология мировой истории».

Автор отмечал в ней, что до Гегеля не было цельной философии истории, а существовали только фрагментарные и субъективные гипотезы. Однако и Гегель исключал из своей системы изучение будущего, объявив его непознаваемым. Между тем по отдельным элементам прошлого можно конструировать будущее, воссоздавать «организм мировой истории», как Кювье по одному зубу допотопного животного восстанавливал весь его организм.

Книга «Пролегомена в историософию» представляет исключительно ценный материал для изучения социально-исторических воззрений Герцена в конце 1830-х годов, поскольку он сам засвидетельствовал почти полное совпадение своих взглядов со взглядами, изложенными Цешковским.

См. об этой книге в статье Герцена «Публичные чтения г. Грановского (письмо второе)» на стр. 487 наст. тома.

45. <ДНЕВНИК 1839 г.>

Из дневника, который Герцен вел во время владимирской ссылки, сохранились только отдельные записи, на листах, вырванных из тетради (см. I, 332–334).

1840

*46. РАССКАЗЫ О ВРЕМЕНАХ МЕРОВИНГСКИХ (СТАТЬИ 2-я и СЛЕД.) <И ДРУГИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОМПИЛЯЦИИ

После публикации первой части перевода-переработки книги Огюстена Тьерри о Меровингах Герцен намерен был подобным же образом подготовить для «Отечественных записок» ряд глав этого произведения (см. II, 7, 10), а также других иностранных исторических сочинений в том же роде. О последних упоминает В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину от 11 декабря 1840 г., отмечая, что «живая, деятельная и практическая натура» Герцена «в высшей степени способна на это» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 579). Публикации первого из «Рассказов о временах меровингских» предшествовала вступительная заметка Герцена, озаглавленная «Статья первая».

1841

*47. ОПЫТ ДЕТСКОЙ КНИЖКИ, ПРИУГОТОВИТЕЛЬНОЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
О задуманном «опыте детской книжки, приуготовительной для изучения всеобщей истории» Герцен упомянул в письме к Н. П. Огареву от 11 февраля 1841 г. (XXII, 99).

*48. ПИСЬМА О ПЕТРОВСКОМ ПЕРИОДЕ

Сообщая Н. П. Огареву 11 февраля 1841 г. о своих «планах, проектах литературно-жизненных», Герцен упомянул «диссертацию о петровском перевороте» и обещал прислать тезисы к ней (XXII, 99). Через две с лишним недели Герцен отметил в письме к Н. Х. Кетчеру, что в его занятиях на первом плане стоит «философия и период Петра» и что он намерен писать «Письма о петровском периоде». Далее Герцен довольно подробно изложил план своего философского (а не чисто исторического) сочинения: «Нами заключается петровское время, мы, выходящие из национальности в чисто европейскую форму и сущность, заканчиваем великое дело очеловечения Руси, но после нашего времени начнется период органического, субстанциального развития, и притом чисто человеческого, для Руси. Тогда ее роль будет не отрицательная в судьбе Европы (преграда Наполеону, например), а положительная. Положение наше относительно Европы и России странно,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
une fausse position, но оно лежало в идее петровской революции, и вся крутость и
скорбность ее была необходима, этими скорбями искупается десятивековое
отчуждение от человечества» (XXII, 103).

Основным историческим источником об эпохе Петра I должно было служить Герцену
полное издание многотомного труда И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого
преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по
годам», Москва, 1788–1789 (XXII, 103).

1842 49. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕОРОМАНТИЗМА

Статья эта, написанная для альманаха, посвященного памяти В. В. Пассека –
«Литературный вечер», – не была разрешена цензурой. Упоминание о ней сохранилось
в дневнике Герцена (см. запись от 6 ноября 1842 г.). По мнению друзей Герцена,
она могла показаться «обидной для пиетистов», т. е. имела явно антирелигиозный
характер. Сам Герцен, раздраженно комментируя в дневнике это высказывание и
данный ему совет «изменить», «скрыть» мысль, лежащую в основе статьи, замечал:

«И какую мысль? Пусть бы
революционную, возмутительную. Нет, мысль теоретическую, которая до пошлости
повторялась в Пруссии и в других монархиях. Может, правительство и промолчало бы
– патриоты укажут, растолкуют, перетолкуют! Ужасное, безвыходное состояние!»
(II, 241 и 254; ср. XXII, 140, 150).

Высказывалось предположение, что под названием «К характеристике неоромантизма»
имелась в виду статья «Дилетанты-романтики» (см. II, 468). Однако с гораздо
большими основаниями ее можно ассоциировать с работой Герцена «По поводу одной
драмы», датированной 10 октября 1842 г. и появившейся – вероятно, в сильно
урезанном или измененном виде – в «Отечественных записках», 1843, № 8 (II,
49–72). В ней подвергаются «теоретическому анализу» «религиозные установления» –
христианский брак в современном буржуазном обществе – и критикуются
ультраромантические воззрения на любовь. Однако прямыми свидетельствами об
идентичности этого произведения со статьей «К характеристике неоромантизма» мы
не располагаем.

*50. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЧЕСТИ (СТАТЬЯ 2-я)

Свою статью конца 1843 – 1846 гг. «Несколько замечаний об историческом развитии
чести» Герцен заключил утверждением, что «эгоизм и гуманность лишают нас
половины гражданских добродетелей и делают нас вдвое больше людьми», обещая
пояснить сказанное «в следующем разделе» своей статьи (II, 176). Это не было
выполнено Герценом – вероятно, вследствие невозможности провести основную мысль
статьи через цензуру в сколько-нибудь неискаженном виде (ср. II, 307; XXII,
158).

*51. ПРОДОЛЖЕНИЕ «ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК Г. ВЕДРИНА»

В заключительных строках заметки Герцена «Путевые записки г. Вёдрина» («Отеч.
записки», 1843, № 11), представляющей собой пародию на путевой дневник М. П.
Погодина «Год в чужих краях», содержится обещание вскоре ознакомить читателей с
еще несколькими отрывками из дневника «Вёдрина» (II, 110).

В письме к Н. Х. Кетчеру от 19 ноября 1843 г., упоминая о материалах для «Отеч.
записок», Герцен заметил: «Журнальные шутки вроде „Вёдрина“ и „Коперника“ можно
набрать» (XXII, 158). Под названными произведениями он имел в виду свою пародию
на М. П. Погодина «Путевые записки г. Вёдрина» (II, 108 – 110) и фельетон
«„Москвитянин“ о Копернике» (II, 103–107). «Набрать» материал для своих
«журнальных шуток» Герцен, без сомнения, собирался снова в «Москвитянине» и в
отдельно выпущенных трудах его издателей.

Извещая 2 декабря 1843 г. Н. Х. Кетчера о том, что он сжег свою статью «Два
литературных брака», предназначавшуюся для «Отеч. записок» (см. ниже), Герцен
заявил: «Вёдрина не думаю, чтоб можно было удачно написать 2-й раз, эти вещи
хороши нежданно и один раз, потом они делаются пошлы», – и высказал намерение
компенсировать редакцию другой статьей: «Дайте выйти новому „Москвитянину“»,
было бы болото – чертей найти можно» (XXII, 161 – письмо от 2 декабря 1843 г.).
См. также ниже № 56, 58, 59, 60.

52. ДВА ЛИТЕРАТУРНЫХ БРАКА

2 декабря 1843 г. Герцен сообщил Н. Х. Кетчеру, что он написал было «два
литературных брака – Греч и Булгарин», Погодин и Шевырев», но так как в
этой статье оказалось «много просто личностей», то он ее поэтому сжег (XXII,
161). На ту же тему – «о двух журнальных браках» – вскоре была написана Герценом
другая статья, озаглавленная «Ум хорошо, а два лучше» (II, 116–120). Возможно,
что она во многом совпадает с уничтоженной статьей «Два литературных брака».

*53. АФОРИЗМЫ К ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

О намерении прислать в «Отеч. записки» свои «Афоризмы» Герцен сообщил Н. Х.
Кетчеру 3 декабря 1843 г.: «...пора смотреть на вещи с действительной точки, а я
так с Гегелем начинаю ссориться за то, что

862

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович он все натягивает идеализм, и хочу прислать вам афоризмы к философии истории. Меня бесит, когда он говорит: „Дух снисходит до многообразия бытия“, „дух покидает чуждую среду мира природы“, – это так же глупо, как сказать: „дети в коклюше любят сильно кашлять“» (XXII, 162).

*54. <В ЗАЩИТУ Т. Н. ГРАНОВСКОГО>

Собираясь выступить в защиту Т. Н. Грановского от предполагаемых нападков С. П. Шевырева (в «Москвитянине»), Герцен 8 декабря 1843 г. сообщил Н. Х. Кетчеру, что он уже «в уме составлял ответ – который бы понравился Виссариону» (т. е. Белинскому) – XXII, 162. – Недовольный шумным успехом публичных лекций Грановского, С. П. Шевырев упрекал молодого профессора в открытой пропаганде взглядов Гегеля и в игнорировании христианства вообще и православной церкви в частности (см. II, 319).

*55. ИЗЛОЖЕНИЕ ЛЕКЦИИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО>

Статья «Публичные чтения г. Грановского (Письмо второе)», не появившаяся в печати при жизни Герцена, завершается словами: «Позвольте в третьем письме изложить вам превосходную лекцию г. Грановского о проповедовании слова божия в Германии» (см. стр. 492 наст. тома). Это намерение не было выполнено Герценом, вероятно, из цензурных соображений.

1844 *56. ПИСЬМО Г. ВЕДРИНА О «МОСКВИТЯНИНЕ»

«Письмо г. Вёдрина о „Москвитянине“», т. е. полемическую заметку от имени Вёдрина, прототипом которого являлся издатель «Москвитянина» М. П. Погодин, Герцен обещал прислать в редакцию «Отеч. записок» 30 июля 1844 г. (XXII, 195. – см. также № 51, 52, 58, 59). В это же время Герцен сообщил М. Ф. Корш (XXII, 198), что он собирается написать «Письмо г. Вёдрина о „Москвитянине“», но что для этого ему нужно знать, не сделал ли Погодин «каких-нибудь подлых примечаний» к его статье о лекциях Т. Н. Грановского, печатавшейся в «Москвитянине» (1844, июль). Возможно, что сдержанность Погодина, сопроводившего статью Герцена лишь пометой «Сообщено», заставила последнего отказаться от своей полемической заметки.

*57. <О «ЖИЗНИ ВИЛЬГЕЛЬМА ГЕГЕЛЯ»

КАРЛА РОЗЕНКРАНЦА>

О намерении написать для «Отечественных записок» разбор книги: «Georg Friedrich Wilhelm Hegel's Leben durch Karl Rosenkranz» («Жизнь Георга Фридриха Вильгельма Гегеля, описанная Карлом Розенкранцем»), изданной в 1844 г. в Берлине, Герцен сообщил Н. Х. Кетчеру 10 октября 1844 г. (XXII, 202; ср. там же, 213). Вскоре, однако, он отказался от этого замысла (там же, 223).

О характере задуманной статьи можно получить довольно полное представление по записям в дневнике Герцена, читавшего эту книгу о Гегеле в августе-сентябре 1844 г. Герцен считал Розенкранца «ограниченным

863

человеком и плохим мыслителем» и находил, что поэтому его «рассказ плох и взгляд очень ограниченный». Тем не менее многочисленные выписки из сочинений и писем Гегеля, напечатанные в книге Розенкранца, а также ряд приложенных к ней материалов придавали этому изданию в глазах Герцена несомненную ценность.

Отметив, что биографами великих людей бывают большей частью люди ограниченные, вносящие в свое дело усердие и честность, но не обладающие ни пониманием, ни талантом, Герцен излагает свой собственный взгляд на то, как должна была бы быть написана биография великого философа. Другой биограф, пишет он, «иначе воспользовался бы жизнью Гегеля, он представил бы этого человека демоническим явлением, мыслью, поглотившую всю деятельность, но мыслью, носившую религию, науку, искусство, право будущего». Далее Герцен разъясняет свой взгляд на личность, деятельность и учение Гегеля (II, 376–379 и 381–382). Ср. также высказывания Герцена в дневнике от 18 ноября 1842 г. – об отрывке из работы Розенкранца в альманахе Прутца (II, 243–244). В таком духе, вероятно, и должна была быть выдержана статья Герцена об этой биографии Гегеля.

В подстрочном примечании к письму пятому «Писем об изучении природы» Герцен следующим образом охарактеризовал «длинную биографию Гегеля, написанную Розенкранцем»: «...в ней есть высокого интереса отрывки из Гегелевых бумаг и почти без всякого интереса жизнеописание. Немецкая жизнь без событий, с переменою кафедр, mit Sparbüchsen für die Kinder, Geburtsfeiertagen etc.» (III, 241).

*58. СКАЗАНИЕ О ВЗЯТИИ ВИНЕТЫ

О характере полемической статьи, направленной против славянофилов, которую Герцен предполагал написать для «Отеч. записок» (см. об этом в его письме к Н. Х. Кетчеру от 16 ноября 1844 г. – XXII, 206), можно судить по записям в его дневнике от 9 ноября 1844 г. и 23 февраля 1845 г. Герцен с негодованием отмечал «дику» нетерпимость славянофилов», готовых «преследовать Грановского как лицо»

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович за то, что в своей диссертации о Винете и Волине он утверждал, будто город Винета, упоминание о котором встречается в славянских преданиях, никогда не существовал (см. II, 388–389 и 406). Именно «варварскую нетерпимость» славянофилов и редакции «Москвитянина» Герцен намерен был высмеять в своей статье.

*59. ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ «ПИСЬМА ИЗ ПРОВИНЦИИ» («О НОВОСТЯХ МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ») В письме к А. А. Краевскому от 24 декабря 1844 г. Герцен предложил присылать из Москвы для «Отеч. записок» «Письма из провинции» – о каждом номере «Москвитянина» (XXII, 213). Ко второй книжке журнала он прислал только несколько строк, озаглавленных «Письмо первое о „Москвитянине" 1845 года». В примечании к этой заметке говорилось: «Один из наших московских корреспондентов <т. е. сам Герцен> взял на себя обязанность доставлять в „Отечественные записки" ежемесячно сведения о новостях московской журналистики, вообще малоизвестной в Петербурге. Так как до сих пор в Москве издается только один литературный журнал – „Москвитянин" – то и известия нашего корреспондента должны пока ограничиться им одним...» (II, 132). В третьей книжке «Отеч. записок» появилась единственная статья из обещанного цикла Герцена – «„Москвитянин" и вселенная» (II, 133–139). 864

1845 *60. <СТАТЕЙКА ВОДЯНСКОГО>

Сообщая Н. Х. Кетчеру 30 марта 1845 г., что редакция «Москвитянина» после появления в «Отеч. записках» памфлета «„Москвитянин" и вселенная» готовит «гром и молонье» на его автора, Герцен указал, что хотел бы ответить на готовящийся выпад, но опасается, что редактор «Отеч. записок» «опять так урежет, выйдет глупо» (XXII, 236; ср. там же, 237).

29 мая 1845 г. Герцен осведомился у А. А. Краевского, согласится ли тот снова поместить «статейку Водянского», который «порывается» (XXII, 237). Вероятно, речь шла о задуманной полемической заметке в духе того герценовского фельетона, который был напечатан ранее в «Отеч. записках» (1845, № 3) под названием «„Москвитянин" и вселенная» (II, 133–139) и подписан псевдонимом Ярополк Водянский.

*61. <О СПИНОЗЕ И ЛЕЙБНИЦЕ>

Колебания Герцена – стоит ли писать статью о Спинозе для цикла «Письма об изучении природы» – отражены в его письме к А. А. Краевскому от 29 мая 1845 г. (XXII, 237). 27 ноября того же года Герцен просил Краевского ответить – продолжать ли ему работу над «письмами» или же приняться за что-нибудь другое, так как «самое живое изложение истории философии не может победить некоторую абстрактность языка, говоря о Спинозе, о Лейбнице...» (XXII, 247). В письме от 23 декабря того же года Герцен сообщил, что не будет писать о Спинозе и Лейбнице по крайней мере до лета будущего года, т. е. до отъезда на дачу (XXII, 249).

*62. <О «КОСМОСЕ» А. ГУМБОЛЬДТА>

О намерении Герцена написать для отдела «Критики» «Отеч. записок» «что-нибудь о гумбольдтове „Космосе"» упоминается в его письме к А. А. Краевскому от 23 июня 1845 г.

(XXII, 240). Вскоре, однако, Герцен убедился, что книга Гумбольдта – «просто компиляция», и отказался писать о ней, заявив, что «жаль на выписки тратить время» (XXII, 242).

*63. <О РЕАЛИЗМЕ В АНГЛИИ, ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ В XVIII ВЕКЕ>

В сентябре 1845 г. Герцен писал А. А. Краевскому по поводу продолжения своего цикла «Писем об изучении природы»: «Следующее „письмо" будет об реализме в Англии, потом еще об реализме во Франции в XVIII. Сим на 1845 год я и заключаю. Если вы желаете, то с будущего начну продолжение этих писем, но уж там пойдет речь о Германии» (XXII, 243).

*64. О ТЕОРИЯХ И ВОЗЗРЕНИИ Ф. РУЛЬЕ

В статье «Публичные чтения г-на профессора Рулье», напечатанной в «Московских ведомостях», № 147 и 148 от 8 и 11 декабря 1845 г., Герцен упомянул, что «попросит дозволения» у читателей высказать в одной

865

из следующих статей свое мнение «о теориях и воззрении г. Рулье» (II, 150). О намерении писать по поводу лекций Рулье Герцен упомянул также в письме к А. А. Краевскому от 23 декабря 1845 г. (XXII, 249).

*65. <О СБОРНИКЕ ЛЕКЦИЙ Т. Н. ГРАНОВСКОГО>

23 декабря 1845 г. Герцен сообщил А. А. Краевскому, что не будет по многим причинам писать о Т. Н. Грановском, но добавил при этом, что Грановский «собирается печатать свои лекции, тогда можно будет поговорить» (XXII, 249). О том, что он попытается «разобрать самый курс» Грановского, «поговорить о нем подробно», Герцен указал также в заключительных строках статьи «О публичных чтениях г-на Грановского (Письмо второе)», напечатанной в «Москвитянине», где он также предполагал опубликовать и свой разбор (II, 127). Лекции Грановского,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
однако, при жизни автора в свет не вышли.

66. О ПРИСТРАСТИИ

«Статьежку» Герцена, называемую «О пристрастии», упомянул в письме к автору от 2 января 1846 г. Белинский (В. Г. Белинский, т. XII, стр. 252). Не исключено, что такое название имела статья «Новые вариации на старые темы» в целом или же четвертая ее глава (впервые напечатанная только в 1862 г.), где сопоставляются понятия «пристрастие» и «справедливость» и доказывается, что «пристрастие настолько выше справедливости, сколько любовь выше равнодушия» (II, 99). Однако с полной уверенностью говорить об идентичности этих произведений нельзя, тем более, что «Новые вариации на старые темы» датированы не январем, а июлем 1846 г. и Герцен мог коснуться в них разработанного ранее в статье «О пристрастии» вопроса или же просто привести из нее отдельные положения.

67. НОВЫЕ ВАРИАЦИИ НА СТАРЫЕ ТЕМЫ

(СТАТЬЯ 2-я)

В заголовке статьи «Новые вариации на старые темы» из цикла «Капризы и раздумье», опубликованной в «Современнике», обозначено: «Статья первая». Вторая статья в журнале не появилась, но, по-видимому, была написана: перепечатавая в 1862 г. по автографу текст первой статьи, Герцен указал в подстрочном примечании: «Конца нет в тетради» (II, 102).

до 1847

68. КРАЙНОСТИ СХОДЯТСЯ

В статье «Вместо предисловия или объяснения к сборнику» (1849) Герцен указал, что присовокупит к своим статьям 1848 г. (публикацию которых он собирался осуществить в сборнике русских статей) маленький очерк «Крайности сходятся», не пропущенный русской цензурой (VI, 149). Других упоминаний об этом произведении в известных нам источниках нет.

866

1847 *69. <ПЕРЕВОД-ПЕРЕДЕЛКА «ПАРИЖСКОГО ВЕТОШНИКА» ФЕЛИКСА ПИА>

В конце мая 1847 г. Герцен осведомился у своих друзей, не хочет ли М. С. Щепкин, чтоб он, Герцен, переделал для него французскую пьесу Феликса Пиа «Парижский ветошник» и возможна ли в России ее постановка по цензурным условиям. Находя, что «Парижский ветошник» в оригинале слишком растянут, Герцен сообщал, что составил план, «как, не искажая, сделать пьесу и короче и лучше» (XXIII, 25). Анализ пьесы Феликса Пиа Герцен посвятил часть письма третьего в «Письмах из Avenue Marigny» (V, 42–49). Одобрительно отзывавшись о всей пьесе, Герцен назвал «нелепой», украденной из шиллеровой драмы «Коварство и любовь» сцену в тюрьме, а также осудил «мелодраматическую развязку», которой Пиа «сгубил и растянул» пьесу. В позднейшем примечании к этой статье, а также в предисловии к русскому переводу книги Жорж Санд «Похождения Грибуля» и в примечании к главе III части шестой «Былого и дум» Герцен привел, между прочим, свой разговор с автором «Парижского ветошника». Герцен упрекал его за «последнее действие, которое к делу не идет и все портит нелепой развязкой», «портящей и нравственность пьесы и ее артистическое единство», – развязкой, в которой «порок наказан и добродетель торжествует» (V, 49; XI, 43; XIV, 357). По-видимому, в задуманной Герценом переделке была бы устранена эта фальшь, сознательно внесенная автором, по его собственному признанию, в угоду банальным вкусам парижского буржуазного зрителя. Первое упоминание об этом юмористическом произведении встречается в письме Герцена к Г. И. Ключареву от 20 ноября 1847 г. (XXIII, 45). Герцен сообщал в нем, что написал в Ницце «небольшую шутку», озаглавленную «На пароходе», и упомянул в ней Бычка – скаковую лошадь Д. П. Голохвастова (не без иронии описанную впоследствии в «Былом и думах» как объект единственного страстного увлечения хладнокровного доктринера Голохвастова – IX, 199–200). Герцен выразил в письме к Ключареву надежду, что не возмутит «этим итальянским воспоминанием» праха незадолго до того издохшей лошади (итальянским воспоминанием Герцен назвал здесь свой очерк потому, что Ницца, где он был написан, принадлежала тогда Италии). В не дошедшем до нас письме к В. П. Боткину от 13/1 ноября 1847 г. Герцен, по-видимому, изложил сюжет этой статьи. В своем ответе Боткин писал (25 ноября): «На характеры, действующие „На пароходе“, я замечу только, что напрасно ты сделал немца скептиком. Скептицизм – не в немецкой натуре...» (ЛН, т. 62, стр. 40). Через месяц, 31 декабря, Герцен вторично упомянул о своем произведении в письме к В. П. Боткину, утверждая, что больше не в состоянии писать эту статью, которую «поправлял, поправлял, да и испортил, а сначала было очень смешно, да и черновую имел глупость бросить в Ницце. Может, и налажу; я читал исправлен<ное> Ал. Ал. <Тучкову>, он смеется крепко» (XXIII, 52). Эту утраченную статью Герцена некоторые исследователи ошибочно ассоциировали с первой статьей в книге «С того берега», называющейся «Разговор на палубе», – по той причине, что действие в обоих произведениях происходило на пароходе.

867

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович 1848

71. <О ПОТЕРЕ БУМАЖНИКА С ДЕНЕЖНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ>

12 февраля 1848 г. Герцен сообщил из Неаполя Г. И. Ключареву, что потерял бумажник со всеми своими документами, в том числе и денежными (XXIII, 62). Через два дня он известил того же корреспондента, что «напечатал в здешней и в римской газете о потере» (там же, 64. См. также V, 114–122) 56[56].

*72. <СТАТЬИ (?) В ГАЗЕТЕ «L'ЕРОСА»>

5 августа 1848 г. Герцен сообщил своим московским друзьям, что он во время своего пребывания в Италии дружески сошелся в Риме с редакцией газеты «L'Ероса» и способствовал приданию этой газете «республиканского колорита». (XXIII, 90). Печатали ли Герцен в «L'Ероса» свои статьи или имел в виду личное влияние на редакторов, до сих пор не установлено из-за невозможности ознакомиться с комплектом этой римской газеты. В «Прибавлении к третьему письму» из «Писем с Via del Corso» Герцен упоминает о том, как итальянская либеральная 56[56] к моменту печатания настоящего тома нам удалось разыскать эти объявления Герцена в газетах «Giornale del Regno delle Due Sicilie», № 33 (12 февр. 1848) и «Gazzetta di Roma», № 28 (24 февр. 1848). – Л. Л. аристократия, буржуазия и «все любители порядка» «испугались радикализма, который стал высказываться прямо и открыто в новом римском журнале „Б'Ероса"» (V, 294). Газета «Б'Ероса» издавалась в Риме с 16 марта 1848 г. по 26 марта 1849 г.

73. ИСТОРИЯ РЕАКЦИИ

2 августа 1848 г. Герцен сообщил из Парижа своим московским друзьям, что если успеет привести в порядок, то пришлет им начало своей «Истории реакции» (XXIII, 83). Через два дня, в приписке к тому же письму, Герцен прибавил: «Истории своей решительно не пошлю» (там же). Предполагается, что под «Историей реакции» Герцен имел здесь в виду первые письма из цикла «Опять в Париже» (V, 303 и след.). Однако не исключено, что в данном случае речь могла идти о каком-нибудь другом начатом им сочинении.

1849 *74. <СТАТЬИ О РОССИИ>

1 мая 1849 г. в предисловии к предполагавшемуся русскому сборнику Герцен указал, что в следующей книжке будет напечатан «ряд статей о значении России, о ее отношениях к Европе, о ее внутреннем быте» (VI, 149).

75. <СТАТЕЙКА ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ>

14 мая 1849 г. Герцен сообщил Т. Н. Грановскому: «Я написал так, для детского чтения, еще статейку, – спроси Шевырева, отца пажей, – не желает ли? Я пришлю ему в „Москвитянин"» (XXIII, 138). Возможно, что Герцен, в шутку или опасаясь перлюстрации, назвал так «Сошо!айо», 868

датированное 1 марта 1849 г. (VI, 86–106). Во всяком случае, упоминание о возможности публикации «статейки» в «Москвитянине» имеет в письме Герцена несомненно иронический характер.

*76. <О «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЕ»>

Герцен собирался написать, по-видимому по предложению Георга Гервега, для какого-то зарубежного издания статью о петербургской рептильной газете «Северная пчела». Однако весной 1849 г. в письме к Гервегу он сообщил, что статью о «Северной пчеле» писать не станет. При этом он подробно изложил свой взгляд на этот «полуофициальный орган р<усского> правительства», который открыто выражал ранее свои симпатии к генералу Кавеньяку, а теперь восхваляет Луи-Наполеона и его контрреволюционную деятельность на посту президента Французской республики (см. XXIII, 145–146). Вероятно, именно в этом плане и должна была быть построена статья о «Северной пчеле».

*77. <ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД «С ТОГО БЕРЕГА»>

О своем намерении выпустить в свет французский (исправленный) перевод «С того берега» (произведения, написанного частично по-русски, частично по-немецки) Герцен упомянул в письме к московским друзьям от 27–28 сентября 1849 г. (XXIII, 190).

*78. LES REFUGIES PEINTS PAR EUX-MEMES

В главе XXXVII части пятой «Былого и дум» Герцен вспоминал: «Было время, когда, в порыве раздражения и горького смеха, я собирался, на манер гранвильской иллюстрации, написать памфлет: «Les réfugiés peints par eux-mêmes» <«Эмигранты в их собственном изображении»>. Я рад, что не сделал этого. Теперь я смотрю покойнее, меньше смеюсь и меньше негодую <...> Тем не меньше я и теперь скажу, что эмиграции, предпринимаемые не с определенной целью, а вытесняемые победой противной партии, замыкают развитие и утягивают людей из живой деятельности в призрачную. Выходя из родины с затаенной злобой, с постоянной мыслью завтра снова в нее ехать, люди не идут вперед, а постоянно возвращаются к старому...» (X, 58). Замысел статьи относится к осени 1849 г. (см. ниже), когда Герцен

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович находился в тесном общении с эмигрантской колонией в Швейцарии. Именно в главе, где описывается «вавилонское столпотворение» эмигрантов в Женеве 1849 г., и сообщает Герцен о своем нереализованном замысле. В письме к московским друзьям от 27–28 сентября 1849 г. Герцен замечал, между прочим: «Швейцария имеет удовольствие видеть в своих горах 12 000 réfugiés, из которых 6000 наверное прокармливается ею. Réfugié – новое звание теперь, новая каста и превредная для них, это совсем особая жизнь – совершеннейшая праздность и трагический интерес. Впрочем, человек пятьдесят дельных найдется в этих 12 т<ысячах>. Я шутя предлагал издать альманах „Les réfugiés peints par eux-mêmes“ и поместить портреты всех уродов, шутов, все необычайные костюмы и прически, в главе мы бы поместили отца Струве и в конце – портрет Ivan Golovine, который в Бурже на вопрос: „Кто вы?“ сказал президенту: „Citoyen anglais, expatrié de la Russie et auteur français“» (XXIII, 191). В качестве «образца» Герцен собирался взять пятитомную серию «физиологических» очерков, выпущенную в 1840-х годах в Париже под названием «Les Français peints par eux-mêmes» («Французы в их собственном

869

изображении»). В этой «моральной энциклопедии девятнадцатого века», как называли книгу издатели, было помещено множество отдельных характеристик различных представителей французского общества – лавочника, гризетки, студента, врача, светской дамы и т. п. Среди многочисленных авторов были Бальзак, Жанен, Карр и другие. Книга была богато иллюстрирована рисунками Гаварни, Монье, Гранвиля и других художников.

Публикуя в «KoloKol» 1868 г. отрывок из «Былого и дум» о революционных эмигрантах, Герцен в предисловии к этому французскому переводу охарактеризовал свои наброски тем же названием: «Les réfugiés peints par eux-mêmes» (X, 381). В письме к сотруднику «Voix du Peuple» Карлу Эдмунду Хоецкому от 20 октября 1849 г. Герцен просил напечатать в этой газете какой-то проспект или часть его «с маленьким обращением» (XXIII, 200). По-видимому, к письму был приложен проспект, написанный Герценом, который являлся одним из издателей «Voix du Peuple». Проспект, однако, в этой газете не появился.

1850 *80. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЗАМЕТКИ «NATIONAL» И СТАТЬИ О ШВЕЙЦАРИИ

Герцен предполагал выступить с опровержением заметки, появившейся в парижской газете «National» 21 февраля 1850 г. В этой заметке, вызванной попыткой швейцарских властей выслать из Цюриха шестилетнего глухонемого сына Герцена, сообщалось, что источником информации для автора явился отец ребенка, т. е. сам Герцен (см. ЛН, т. 63, стр. 801). Собираясь опровергнуть это, Герцен хотел одновременно указать на непричастность к делу директора училища для глухонемых Шибеля и Георга Гервега (см. в письме к Гервегу от 5 марта 1850 г.: «В конце концов я буду вынужден написать опровержение, даже насчет тебя...» – XXIII, 293). Где предполагал опубликовать свое опровержение Герцен – в «National» или же в швейцарской печати, – не установлено.

Советуя Гервегу «продолжать ссору с гнусной швейцарской полицией», Герцен в письме к нему от 21 февраля 1850 г. обещал напечатать в Париже «несколько великолепных строк по этому поводу» (XXIII, 279). Там же он сообщал о своем намерении писать «tanto roso» о Швейцарии (XXIII, 278). Ср. в наст. томе стр. 493–494 и 498.

*81. <ОТВЕТ М. ГЕССУ>

Немецкий публицист Мозес Гесс в обширном письме к Герцену от февраля 1850 г. подверг обстоятельному анализу незадолго до того вышедшую в свет на немецком языке книгу «С того берега» (с включенным в нее открытым письмом к Георгу Гервегу, впоследствии озаглавленным «Россия»). Давая чрезвычайно высокую оценку этому сочинению, Гесс, тем не менее, выразил несогласие с рядом основных положений, высказанных Герценом. По мнению Гесса, Герцен переоценил идеологическую сторону исторической жизни человечества, оставив в тени ее экономические основы. Гесс упрекал Герцена в чрезмерно пессимистическом взгляде на перспективы европейской революции и в сознательном самоотстранении от политической борьбы, находил в его книге враждебный взгляд на историю Западной Европы и тенденциозное противопоставление европейской революции «социалистических» принципов русской сельской общины

870

(см. ЛН, т. 7–8, стр. 74 – 79). Рассматривая обращение Гесса как удобный повод для полемики и дальнейшего пропагандирования своих взглядов, Герцен в ответном письме от 3 марта того же

года заявил, что будет очень польщен, если Гесс опубликует в брошюре свое письмо, и обязался ответить на него в печати (XXIII, 290). На следующий день Герцен писал Гервегу о Гессе: «Его критика превосходна, с подобных позиций можно еще раз обсудить множество вопросов» (там же, 291).

82. ИММАНУИЛ КАНТ И ЭМИЛЬ ЖИРАРДЕН

В письме к Мозесу Гессу от 3 марта 1850 г. Герцен упомянул, что собирается «сейчас написать статейку против сумбура, проповедуемого Эм. Жирарденом по вопросу о большинстве и меньшинстве» (XXIII, 290). Сообщая на следующий день Георгу Гервегу о том, что у него «тьма планов», Герцен повторил, что намерен написать «против нелепостей Эм. Жирардена» (XXIII, 292). 9 марта он писал тому же корреспонденту: «Я задумал также маленькую поэтическую шутку под названием „Эмиль Жирарден и Иммануил Кант“, чтобы сказать ему, что он не только плохой республиканец, но и плохой диалектик. Я не только располагаю возможностью, но одержим манией писать маленькие рассуждения по поводу маленьких глупостей, повторяемых в больших газетах» (XXIII, 296–297). Вероятно, именно в этот день, 9 марта, Герцен начал писать свою статью. Последнее упоминание об этой незавершенной работе см. в письме Герцена к Гервегу от 20 марта: «„Иммануил Кант и Эм. Жирарден“, начатые до 10 марта, не клеятся» (XXIII, 310).

*83. <РЯД СТАТЕЙ О НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ>

4 марта 1850 г. Герцен писал Георгу Гервегу: «... у меня тьма планов, между прочим – написать для французов ряд статей о немецкой филос<офии>» (XXIII, 292).

*84. <СТАТЬЯ О ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТАХ>

Во французском оригинальном тексте статьи Герцена «Донозо Кортес», напечатанной в парижской газете «Voix du Peuple» 18 марта 1850 г., встречаются следующие строки, предваряющие характеристику реакционной речи Донозо Кортеса: «Позвольте мне привести вам один недавний пример этой неопределенности в мыслях наших противников; в другой раз я намерен выбрать пример из жизни нашей семьи» (VI, 529). Какой факт из жизни французской (?) радикальной интеллигенции Герцен собирался в ней осветить, – не совсем ясно. В письме к П.-Ж. Прудону, написанном еще 27 августа 1849 г., находятся, однако, строки, в какой-то мере разъясняющие замысел Герцена: «Надо показать во всех углах Европы, надо преследовать в печальных рассказах о последних революциях старый мир, реакцию, христианство, не в рядах наших врагов – это чрезвычайно легко, но в стане революции, надобно обличить эту круговую поруку демократии и власти; надо показать людям, что быть наполовину свободными – это патент на несостоятельность...» (XXIII, 177).

*85. CHARLOTTE CORDAY (СТАТЬЯ 2-я)

В заключительной части своей французской статьи «Charlotte Corday», напечатанной в парижской газете «Voix du Peuple» 26 марта 1850 г., Герцен писал, что оставляет все подробности об одноименной пьесе Ф. Понсара для своей второй статьи. При этом он обещал познакомить читателей с трагедией Бюхнера «Смерть Дантона», «исполненной великих красот» и совершенно неизвестной во Франции (VI, 246). Была ли эта вторая статья написана Герценом, неизвестно, однако в позднейшем списке своих работ, предназначенных к переизданию (XX, 621), он назвал и «Charlotte Corday». Вряд ли Герцен мог думать о перепечатке статьи в том незавершенном виде, в каком она появилась на страницах «Voix du Peuple».

*86. ПРОЛОГ

1 апреля 1850 г. Герцен писал Г. Гервегу: «Я собираюсь написать маленькое добавление к моим диалогам, но совсем в другом роде. Во-первых, название будет „Пролог“. И затем последуют перефразированные еванг<ельские> тексты: „Она не спит, она мертва“ и „Оставим мертвым хоронить мертвецов“. – Довольно отчаиваться, все кончено, тяжелые времена прошли. Он мертв, этот старый мир, ну а мы не трупные черви <...>

Нравится ли вам это?

Я напишу там, что в 1848 году, когда все верили в жизнь, иные пророчили приближение смерти.

В 1849 году, когда мир ясно ощутил свою болезнь, пророчили самую смерть. Но в 1850 году – забежав немного вперед – надо пророчить наступление дня, следующего за похоронами, надо заняться наследством и наследниками» (XXIII, 325–326).

В приведенном плане встречаются некоторые соответствия со статьей «Omnia mea mesum porto» (впоследствии вошедшей в «диалоги» Герцена «С того берега») и датированной 3 апреля 1850 г. – VI, 115–132). Однако неосторожно было бы безоговорочно соотносить его с этой статьей: не только приведенные выше заглавия, эпиграфы и отдельные подробности не встречаются в дефинитивном тексте «Omnia mea mesum porto», но и основная мысль этой статьи о демонстративном «разрыве с современностью», о намерении «сойти с рынка», «отойти с миром», покинув революционное поприще, – противоречит главному тезису приведенного выше плана: о необходимости «пророчить наступление дня, следующего за похоронами», «заняться наследством и наследниками».

*87. <О ПРЕДСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ «THE LEADER»>

В письме к английскому революционному деятелю В. Линтону от 1 апреля 1850 г. Герцен обещал поместить на страницах газеты «Voix du Peuple» «сочувственное

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Грановский. «Сообщение» о его новой газете «The Leader» (XXIV, 9).

*88. <«ACTUALIA» ИЗ НИЦЦЫ>

В письме к Г. Гервегу от 11 июня 1850 г. Герцен просил передать Ю. Кампе (в связи с предстоящим вторым изданием «Vom andern Ufer»), что напишет ему из Ниццы, если он «согласен ждать», какие-нибудь «Actualia», т. е. злободневные статьи (XXIV, 90).

*89. <ОБ ОБЫСКЕ У ЭММЫ ГЕРВЕГ>

В письме от 28 или 29 июня 1850 г. Герцен сообщал Георгу Гервегу из Парижа: «Я принял за новые письма. Затем надобно же, наконец, рассказать

872

историю вторжения варваров с Иерусалимской улицы к Эмме. Что думает об этом ваша милость?» (XXIV, 99). Герцен в это время работал над письмом двенадцатым «Писем из Франции и Италии». Обыск, произведенный в Париже у Эммы Гервег полицейскими чиновниками (префектура парижской полиции помещалась на Иерусалимской улице), он собирался, однако, описать в каком-то другом произведении, о чем свидетельствуют слова: «Затем надобно же, наконец, рассказать...».

*90. <ОТВЕТ Я. ФАЛЬМЕРАЙЕРУ>

Сообщая 10 июля 1850 г. Г. Гервегу о чтении первого тома книги Я. Фальмерайера «Fragmente aus dem Orient» («Отрывки о Востоке»), Герцен указал на ряд «огромных ошибок», допущенных немецким публицистом: «... он судит о русском народе по Анатолии и христианам Византии, — отмечал Герцен. — Он говорит об отвращении восточных христиан к анализу, к скептицизму, о полной их безгласности. Ничего этого нет в России. Русский человек остается идолопоклонником, остается равнодушным, пока он не цивилизован. Первое, что рушится с цивилизацией, — это религия. Русские дворяне — материалисты, вольтерьянцы. Я готов писать к нему на эту тему. И еще ошибка — он не считается с переворотом, совершенным Петром Великим...» (XXIV, 109–110). Можно с большой долей вероятности предположить, что Герцен собирался выступить с открытым полемическим письмом о книге Фальмерайера, а не с частным обращением к автору.

*91. <СТАТЬИ (?) ДЛЯ «ITALIA DEL POPOLO»>

О том, что издававшаяся Дж. Маццини газета «Italia del Popolo» «открыта» для Герцена, см. упоминание в его письме от 27–28 сентября 1849 г. (XXIII, 190). Обещание прислать в эту газету статьи о России см. в обращении Герцена к ее издателю от 13 сентября 1850 г. (XXIV, 143). Можно предположить, что в «Italia del Popolo» так же, как и в другой издававшейся Маццини газете, «Italia e Popolo», напечатаны статьи Герцена, остающиеся до сих пор неизвестными.

*92. <ОТВЕТ Р. ЗОЛЬГЕРУ>

В № 12 журнала «Deutsche Monatsschrift für Politik...» 1850 г. появилась анонимная критическая статья «Упадок», автор которой, публицист Р. Зольгер, упрекал Герцена в беспросветном пессимизме и в пренебрежительном отношении к европейской революционной демократии. Герцен безоговорочно признал в авторе статьи остроумного, талантливого и темпераментного критика, но намерен был ответить ему на страницах того же издания, чтобы доказать ошибочность и несправедливость подобной точки зрения. Зольгер, по словам Герцена, не сумел увидеть в его «увещаниях» «трагическую, фатальную, лирическую» сторону (XXIV, 162–163. — письмо от 12 февраля 1851 г.). «Мне хотелось многое написать на эту тему, — замечал Герцен в письме к издателю журнала, А. Колачеку, — не ради полемики, но для того, чтобы доказать, что я проповедую вовсе не всеотрицающий индивидуализм (сатану христиан) — но автономию, автократию личности. Не покой отщепенца — но деятельность в иной сфере, на иной основе. Не холодное, высокомерное отрешение, но свободную преданность...» (там же, 167–168).

873

1851 *93. <О ПРИЧИНАХ ВЫСЫЛКИ ГЕРЦЕНА ИЗ НИЦЦЫ>

Откликаясь в письме к жене от 24 июня 1851 г. на приведенные ею высказывания А. Х. Энгельсона о причинах его высылки из Ниццы, Герцен писал: «Что Ал<ександра> Хр<истиановна> пишет насчет причин высылки — это смешно, и если так, то я напечатаю все это в позор дураку интенданту» (XXIV, 190).

*94. <ДИСКУССИЯ С М. ГЕССОМ ПО ПОВОДУ «LE PEUPLE RUSSE ET LE SOCIALISME»>

В не дошедшем до нас письме к М. Гессу, отправленном вместе с брошюрой «Le peuple russe et le Socialisme» (VII, 271–339), Герцен предложил вступить с ним в дискуссию по поводу этого открытого письма к Ж. Мишле. См. отклик М. Гесса на это предложение (от ноября 1851 г.) в кн. Moses Hess. Briefwechsel. 1959, S.

277.

1852

95. <ДИФИРАМБИК>

11 апреля 1852 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «После „штатского удара“ я написал небольшой дифирамбик с эпиграфом:

...„Совершилось“, и Христос испустил дух.

– ...Чего ты плачешь, – сказал он Магдалине, – иди и скажи ученикам „Христос воскрес“ <Евангелие от Иоанна, гл. 2>.

Между этой фактической гибелью и этой поэтической верой именно та полоска людей, которая собою обновляет вялую массу живого мяса и отдает себя в ненужную жертву и которая на краю гибели – кричит: „Чего ты плачешь... Христос воскрес...“»

(XXIV, 267). «Штатским ударом» Герцен называл, употребляя каламбур Н. А.

Мельгунова, государственный переворот (Statsstreich), произведенный во Франции

Луи Наполеоном 2 декабря 1851 г. (см. XXIV, 261). Не исключено, что под этим

«дифирамбиком» Герцен имел в виду письмо четырнадцатое цикла «Письма из Франции

и Италии», датированное 31 декабря 1851 г. и завершающееся словами: «Смирение

перед неотвратимыми судьбами! и твердым шагом взойдем в новый год!» (V, 210–

217). Однако в этой статье нет ни эпиграфа, приведенного Герценом, ни прямых

соответствий с программой, даваемой в письме, вследствие чего под «дифирамбиком» можно предполагать и другое произведение.

96. LETTRES D'UN RUSSE DE L'ITALIE.

REMINISCENCES DE 1850–1852

О замысле Герцена написать на французском языке «Письма русского из Италии.

Воспоминания о 1850 – 1852 годах» свидетельствует начало черного автографа,

хранящегося в ЦГАЛИ (см. V, 385 – 393). По-видимому, Герцен собирался издать

цикл писем из Италии, включающий весь период его пребывания в Ницце (тогда еще

итальянской) – 1850–1852 гг. Открыть эту серию «Писем из Италии» должен был

перевод письма, объявляющего о приезде Герцена в Ниццу, которым завершалась

серия

874

«Писем из Франции и Италии», т. е. письмо двенадцатое русского издания (по старой нумерации). К этому письму, вероятно, должно было быть подключено два законченных ниццских письма – тринадцатое и четырнадцатое (фрагмент перевода письма тринадцатого также обнаружен нами среди бумаг Герцена – см. V, 393), после чего должен был последовать ряд новых писем, охватывающих время до лета 1852 г., т. е. до выезда Герцена из Ниццы.

*97. <СКАЗОЧКА>

24 мая 1852 г., в ответ на просьбу своей десятилетней дочери Таты, Герцен обещал написать сказочку (XXIV, 276). Через неделю Герцен снова писал ей из Ниццы о том, что сказочку «не так легко написать». «Вот когда я уеду отсюда и буду совсем покойно жить, – заключал Герцен, – тогда напишу и сказочку...» (там же, 280).

1853 *98. <О КНИГЕ Ж. РОРА>

О намерении Герцена «немножко потеревить в статейке» книгу Ж. Рора «Un Missionnaire républicain en Russie» («Республиканский миссионер в России») см. в его письме к М. К. Рейхель от 19 февраля 1853 г. книга Рора вышла в Париже анонимно в 1852 г. (в трех томах). По характеристике, которую Герцен дал автору

в письме к М. К. Рейхель, можно получить некоторое представление о том, в каком духе должна быть выдержана задуманная статья: «Это милый французик, не знавший

вовсе жизни, фразер, но добрый, который поехал делать пропаганду в Россию и для этого влюбился в какую-то princesse Olga. Там есть о Гран<овском>, об Анненкове,

о Дм<итрии> Павл<овиче>, о Васильчиковых, вообще много напоминает; разумеется,

он ничего не понимает и глупее даже своего камердинера Тимофея, но так пахнет

Москвой, что прочесть не мешает <...> Я прочел только первый том» (XXV, 23).

Выдержки из книги Рора см. в работе: Л. Р. Лански Й. Гоголь в неизданной

переписке современников. – ЛН, т. 58, стр. 694–696 и 699–700; см. также стр. 809 наст. тома.

*99. <О БРАКЕ Г. КУДЛИХА И Л. ФОГТ>

В феврале 1853 г., в ответ на отказ швейцарских властей оформить брак австрийского революционного эмигранта Ганса Кудлиха с Луизой Фогт (из-за

отсутствия у жениха метрического свидетельства), отец последней, профессор

Филипп Вильгельм Фогт, публично заявил, что самолично соединяет в браке молодых

людей. Этот смелый вызов общественному мнению привел в восторг Герцена, и он в

письме к сыну профессора, Карлу Фогту, от 5 апреля 1853 г. назвал этот брак

«историческим событием, предвестием революции» и попросил разрешения написать о

нем статью для лондонской газеты «The Leader», «которая перепечатана будет в „La Nation“». «Как он, однако, возвысил, нравственно облагородил глупейший институт

брака», – писал по поводу Ф.-В. Фогта Герцен (XXV, 42). О характере задуманной

Герценом статьи, так и не появившейся в «The Leader», можно судить по

приведенным выше цитатам и по главе XI части пятой «Былого и дум» (см. X,

165–169). Сообщенный Герценом факт лег в основу статьи В. Линтона в его журнале «English Republic» 1853 г.

875

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович (см. XXV, 394). М. К. Лемке упоминает о том, что заметка Герцена «о свадьбе дочери Фогта» напечатана в «La Nation» после 10 апреля (ЛН, т. 63, стр. 847–848). Проверить это пока не удалось.

1854 *100. <СТАТЬИ О РОССИИ ДЛЯ «WESTMINSTER REVIEW» И ПЬЕМОНТСКОГО ИЗДАНИЯ>
К Герцену в конце января 1854 г. обратились с просьбой написать статьи о России издатель английского журнала «Westminster Review» и М.-А. Пинто из Пьемонта. Сведениями о том, были ли эти статьи написаны и напечатаны, мы не располагаем. В письме к М. К. Рейхель от 28 января, сообщая о просьбах издателей, Герцен добавлял: «Но что-то пишется плохо» (XXV, 147–148).

*101. <ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «L'НОММЕ»>

В связи с появлением в бельгийской газете «Nation» 18 июня 1854 г. сообщения из Парижа, в котором утверждалось, будто «русские агенты» «поднимают итальянцев на восстание», Герцен отмечал в письме к Л. Пьянчани от 19 июня, что «это тупоумное непонимание нашей точки зрения» газетой Ледрю-Роллена и Маццини подбивает его «написать небольшое письмо» к издателю «L'Номме» Ш. Рибейролю, «если он пожелает его поместить» (XXV, 190).

*102. <ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД ГЛАВЫ «БЫЛОГО И ДУМ»

ДЛЯ «ALMANACH DE L'EXIL POUR 1855»>

Герцен писал Л. Пьянчани 3 ноября 1854 г. в связи с просьбой прислать что-нибудь для «L'Almanach de l'Exil pour 1855»: «...я предлагаю вам статью <...> „Дуализм – это монархия“ <...> Если это не подходит – хотите главу (в переводе) из 3-го тома моих воспоминаний? <...> Я мог бы перевести главу о Петербурге и тайной полиции. Только прикажите» (XXV, 207). Речь идет о главе XXVI части четвертой «Былого и дум» (IX, 47–76). Перевод ее в «L'Almanach de l'Exil» не появился, так как Пьянчани согласился опубликовать статью «Дуализм – это монархия». Вероятно, этот же французский перевод Герцен затем предложил В. Линтону для его нового издания (XXV, 234). В другом письме к Линтону Герцен упомянул, что может доставить ему «много материалов» (там же, 229).

1855

*103. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В «L'НОММЕ» ОБ И. Г. ГОЛОВИНЕ>

Сообщая Л. Пьянчани 23 марта 1855 г. о том, что у Александра II «объявился подлый и лстивый панегирист – не кто иной, как Иван Головин», с которого «маска сорвана», Герцен упомянул и о том, что, возможно, придет «для напечатания в „L'Номме“» «письмо об этой скотине». В своем открытом письме Герцен, вероятно, упомянул бы и о характеристике,

876

которую дала Головину реакционная «Allgemeine Zeitung» («Аугсбургская газета»), назвавшая ренегата «придворным биографом», о чем Герцен сообщил Пьянчани (XXV, 250).

104. <ЗАМЕТКИ О «RENAISSANCE» Ж. МИШЛЕ>

30 мая 1855 г. Герцен сообщил Жюлю Мишле: «Теперь мы написали <о вашей книге> заметки для „People's Paper“, для немецких газет и для газет Нью-Йорка» (XXV, 265). Заметки эти остаются до настоящего времени невыявленными. Отметим, что издатель «People's Paper» Э. Джонс в том же 1855 г. предлагал Герцену сотрудничество в своей газете («столбцы нашей газеты к вашим услугам» – «Звенья», VIII, 55). По-видимому, Герцен в своей заметке (или заметках), предназначенной для иностранной прессы, высказал примерно те же мысли, что и в статье о «Renaissance», написанной для русских читателей и помещенной незадолго до того в «Полярной звезде» (XII, 277–290; ср. 286.).

*105. <ФРАНЦУЗСКИЕ ЭМИГРАНТЫ ЭМИГРАНТЫ ИЗ ДРУГИХ СТРАН И АНГЛИЙСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

В статье, посвященной книге Жюль Мишле «La Renaissance» и датированной 1 июля 1855 г., Герцен отмечал, что «беспрерывное общение французских изгнанников с изгнанниками разных стран и с английскими работниками сильно отразилось на образе мыслей излечимых», и обещал посвятить особую статью этому предмету, «до такой степени важному и полному будущего» (XII, 281). Это намерение не было реализовано. Правда, в части шестой «Былого и дум» Герцен уделил немало места вопросу о взаимоотношениях французской и других эмиграций (XI, 32–65), но осветил этот вопрос в ином аспекте.

1856 *106. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ДЛЯ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»>

14 января 1856 г. Герцен просил М. К. Рейхель передать Е. Ф. Коршу, принимавшему участие в редактировании московского журнала «Русский вестник», что «неизвестный литератор» (так полужутливо-полуконспиративно назвал здесь себя Герцен) «готов посылать в их ревью корреспонденцию», полностью отвечающую цензурным условиям (XXV, 326–327). Предложение издателя «Полярной звезды», по-видимому, не было принято редактором журнала, М. Н. Катковым, хотя сам Герцен сообщил Рейхель, что «Корш статей хочет» (там же, 338).

*107. ИЗ ПИСЕМ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВНУТРЕННОСТИ АНГЛИИ (ПИСЬМО 2-е)

В статье Герцена «Из писем путешественника во внутренности Англии», напечатанной

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович в «С.-Петербургских ведомостях», 1856, № 91 от 26 апреля и датированной 1 марта 1856 г., есть подзаголовок «Письмо первое». В конце статьи Герцен выразил готовность продолжать свои «сказания о внутренностях Англии, если читатели того пожелают» (XII, 328).

877

*108. <НЕКРОЛОГ П. Я. ЧААДАЕВА>

Под впечатлением от смерти П. Я. Чаадаева, известие о которой было получено в Лондоне в конце апреля 1856 г., Герцен обещал в «Полярной звезде на 1856» «поместить в следующих книжках этого альманаха» портреты Чаадаева и другого сошедшего в могилу «сильного деятеля» – Т. Н. Грановского (умершего годом ранее) и сопроводить эти портреты «несколькими словами любви и воспоминания» (XII, 305). Некролог П. Я. Чаадаева написан не был (глава XXX части четвертой «Былого и дум», частично ему посвященная, была напечатана еще при жизни Чаадаева в «Полярной звезде на 1855» – IX, 139–148). Что касается Т. Н. Грановского, то опубликованная в «Полярной звезде на 1858» глава «Былого и дум» «На могиле друга» (IX, 121 – 132) оказалась во всех отношениях шире первоначального замысла.

*109. ОБА ЛУЧШЕ (СТАТЬЯ 2-я)

Небольшая статья Герцена «Оба лучше», напечатанная в «С.-Петербургских ведомостях» 20 сентября 1856 г., заканчивается словами: «Прикажете продолжать?» (XII, 338). Вероятно, Герцен намерен был во второй статье развить высказанные им мысли о деградирующем влиянии буржуазии («мещанства») на современное искусство и общественную жизнь.

После появления в «С.-Петербургских ведомостях» статьи Герцена издатель этой газеты и журнала «Отеч. записки» А. А. Краевский посетил его в Лондоне и предложил присылать ему еще статьи для публикации. Сообщая об этом И. С. Тургеневу 13 ноября 1856 г., Герцен отметил, что Краевский готов на все условия (XXVI, 49).

Середина 1850 – х годов 110. О БУРЖУАЗНОЙ ЕВРОПЕ

Сохранившийся в бумагах Герцена автограф начала статьи «Première Lettre» («Первое письмо» – XII, 463–480) свидетельствует о том, что им был задуман, а может быть и осуществлен, целый цикл статей (в эпистолярной форме), посвященный буржуазной Европе и близкий по своим основным положениям к «Post scriptum» из «Западных арабесок» («Былое и думы», X, 124–131), а также к статье «Оба лучше» (XII, 332–338).

111. «РОССИЯ – БРАННАЯ ЦАРИЦА»

Судя по сохранившемуся черновому наброску французской статьи Герцена, озаглавленной пушкинским выражением «Россия – бранная царица», он представляет собой начало произведения, в котором развивалась излюбленная тема Герцена – об упадке западноевропейской буржуазной цивилизации – и предсказывалась блестящая историческая роль молодой крестьянской России в социальных преобразованиях ближайшего будущего. По ряду признаков статью следует отнести к середине 1850-х годов (XII, 481–482).

878

1857

*112. ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ ПРОТИВ А. В. ДРУЖИНИНА В ЗАЩИТУ В. Г. БЕЛИНСКОГО
Откликаясь на сообщение И. С. Тургенева о том, что А. В. Дружинин напечатал в «Библиотеке для чтения» (1856, № 11) свою «тупую» статью «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения», в которой бросает на Белинского «взгляд свыше» (Тургенев. Письма, т. III, стр. 69–70), Герцен 11 января 1857 г. попросил своего корреспондента прислать ему книжку «консервативного» журнала со статьей Дружинина, заявив при этом: «Дай мне его затерзать, уязвить за Белинского – если рука подойдет» (XXVI, 68–69).

*113. ПРОТЕСТ ПРОТИВ ПУБЛИКАЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ

В. В. ГРИГОРЬЕВА О Т. Н. ГРАНОВСКОМ

О намерении Герцена послать анонимное открытое письмо в редакцию «Московских ведомостей» с резким протестом против публикации в «Русской беседе» 1857 г. клеветнических

воспоминаний В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» см. в письме к М. К. Рейхель от 31 января 1857 г. (XXVI, 72). Ср. примечание к статье «Лобное место», помещенной в л. 2 «Колокола» 1857 г. (XIII, 30).

*114. СТАТЬЯ О ЗАПАДЕ И РОССИИ

В открытом письме к И. С. Тургеневу от 3 февраля 1857 г., озаглавленном «Еще вариация на старую тему», Герцен отказался выполнить данное ранее обещание – написать статью, разъясняющую его прежние высказывания о Западе и о России. Герцен объяснил свой отказ тем, что после отъезда Тургенева, под влиянием его замечаний и замечаний их общих друзей, он пересмотрел часть написанного и нашел, что прибавлять ему нечего (XII, 423).

*115. <СТАТЬЯ ДЛЯ «TIMES» О КНИГЕ Ж. МИШЛЕ>

Выражая недовольство статьей Ф. Пульского о книге Ж. Мишле «Лига и Генрих IV», помещенной в газете «Leader», Герцен сообщил автору книги 25 мая 1857 г., что постарается поместить статью о ней в лондонской газете «Times», но что это, может быть, и не удастся (XXVI, 94). О характере задуманной (и, может быть, не написанной) статьи можно судить по отзыву Герцена об этой «поэтической, художественной» книге: «Генрих IV, Габриэль, Ришлье; всё лица знакомые, но так живо, близко, sans gêne, с таким свежим колоритом и освещением мы их не видали. Может, есть частности, в которых историк увлекся воображением, но вообще эта книга, как мы имели случай заметить в „Полярной звезде“ 1855, говоря о первом томе ее, – произведение мастерское, история тут становится искусством, эпопеей в прозе. Лета не имеют никакой власти над седым Мишле – он юнеет» (XIII, 100).

*116. <О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ КОНСТАНТИНЕ НИКОЛАЕВИЧЕ>

В письме к И. С. Тургеневу от 14 августа 1857 г. Герцен писал: «... я до сих пор на тебя и Огарева» имею зуб за то, что вы дали мне

879

абортив, когда я тяжёл был констант<ином> Николаев<ичем>. Cela ne se retrouve plus» (XXVI, 112). Предполагается, что именно статьей о великом князе Герцен намерен был продолжить свою серию «Августейших путешественников», начатую в л. 1 «Колокола» от 1 июля 1857 г. описанием путешествия Александры Федоровны («Вдовствующая императрица») и имеющую в подзаголовке цифру I (см. XIII, 13). Однако следует заметить, что свое большое заграничное путешествие вел. кн. Константин Николаевич совершил только в следующем, 1858 г.

*117. <БЕСЕДЫ С МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ (СТАТЬЯ 2-Я И СЛЕДУЮЩИЕ)>

В заключительной части «Опыта бесед с молодыми людьми», написанного в первой половине октября 1857 г. (XXVI, 129) и напечатанного в «Полярной звезде на 1858», Герцен упомянул о возможности продолжения этой серии статей и изложил их программу:

«Явления, ожидающие нас, если мы будем продолжать наши беседы, становятся определеннее и вводят нас в сферы больше живые. Мы видели, что с сжатием является теплота, с теплотой свет; при их посредстве рассеянные частицы вещества обнаруживают больше и больше действий друг на друга (химизм), с теплотой и химизмом неразлучно электричество, а тут является и кристаллизация и органическая клетчатка, а с ними все животное царство и человек» (XIII, 62).

*118. <ПО ПОВОДУ СТАТЬИ О ЧИНОВНИЧЕСТВЕ>

Отметив специальным примечанием в «Колоколе» получение «замечательной статьи о чиновничестве в России» (л. 5 от 1 ноября 1857 г.), Герцен выразил надежду, что «почтенный автор» не посетует на него за то, что при публикации статьи ему будет сделано «несколько возражений с полным уважением к его таланту изложения и к его полезному труду» (XIII, 424).

*119. <О «НАСЕКОМОМ» Ж. МИШЛЕ>

12 ноября 1857 г. Герцен сообщил Жюлю Мишле, что в л. 5 «Колокола» будет напечатана заметка о его книгах «История XVI столетия» и «Насекомое» (XXVI, 135). Лист 5-й «Колокола» вышел 1 ноября 1857 г., так что Герцен в письме к Мишле имел, вероятно, в виду следующий, 6-й лист, вышедший 1 декабря. Там в статье «Западные книги» был помещен краткий отзыв лишь об «Истории XVI столетия» (XIII, 100).

*120. КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЖИЗНЕОПИСАНИИ К.-Ф. ТОЛЯ И ЗАПИСКАХ Я. И. СИВЕРСА> В статье «Западные книги», напечатанной в листе 6 «Колокола» от 1 декабря 1857 г., Герцен обещал «поговорить особо в одном из следующих листов „Колокола“ о жизнеописании генерала К.-Ф. Толя (Theodor von Bernhardi. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. russ. Generals von der Infanterie Carl Friedrich Grafen von Toll. Bd. I – IV. Leipzig, 1856 – 1858; к 1857 г. вышли I – III тома) и книге К.-Л. Блюма о графе Я. И. Сиверсе (Karl Ludwig Blum. Ein russischer Staatsmann. Der Grafen Jakob Johan Sievers. Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. Bd. I–IV. Leipzig und Heidelberg. 1857–1858; в 1857 г. вышли два тома). Герцен особенно отметил в биографии Толя «мастерские портреты и чрезвычайно

880

интересные страницы». Высоко оценив искусство Бернарди в создании военной истории, которая занимает и невоенных, Герцен указал, что в первом томе биографии Толя «итальянский поход и Суворов выходят очень рельефно и необычайно занимательны». Здесь же содержится указание на то, что Записок Сиверса Герцен еще не получил (XIII, 101 – 102).

О своем намерении указывать в «Колоколе» на «важнейшие литературные произведения на Западе и в особенности на книги о России» Герцен упомянул в статьях «Нашим анонимным корреспондентам» и «Западные книги» – «Колокол», лл. 4 и 6 от 1 октября и 1 декабря 1857 г. – XIII, 48 и 92.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович ПРЕДИСЛОВИЯ К «РЫБАКАМ» Д. В. ГРИГОРОВИЧА («О РОМАНЕ ИЗ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ»)

В письме к переводчице «Рыбаков» на немецкий язык М. Мейзенбург от 28 декабря 1857 г. Герцен сообщил, что, может быть, напечатает русский перевод своей французской статьи «О романе из народной жизни в России» (XIII, 170–180) в «Колоколе» (XXVI, 148).

1858 *122. <РУССКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ 14 ЯНВАРЯ 1858>

На обложке французской брошюры Герцена «Франция или Англия?» было указано (по-видимому, от имени издателя): «Автор обещает нам предоставить через несколько недель одну или две другие вариации. Эти статьи будут напечатаны в русской газете „Колокол“, выходящей в Лондоне каждые две недели под редакцией Г. Искандера» (см. XIII, 545). Брошюра «La France ou l'Angleterre?», вызванная покушением Ф. Орсини на Наполеона III 14 января 1858 г., была напечатана в Лондоне в конце марта 1858 г. (см. XXVI, 167).

123. <СТАТЬЯ В «DAILY NEWS» И «MORNING STAR»>

О статье Герцена, которая должна была появиться 30 мая 1858 г. в лондонских газетах «Daily News» и «Morning Star», – см. упоминание в его письме к С. Тхоржевскому, написанном накануне (XXVI, 180). Можно не без основания предположить, что речь в ней шла о преследовании «Колокола» и других изданий Герцена правительствами германских государств по прямому наущению русских дипломатических чиновников. Именно этому вопросу Герцен уделял тогда значительное место в «Колоколе» (см. XIII, 541). По нашей просьбе сотрудниками «British Museum» были просмотрены комплекты обеих газет с 30 мая по 30 июня 1858 г., однако статья Герцена в них обнаружена не была.

*124. <ПРОЕКТЫ П. И. МЕЛЬНИКОВА ОБ ОБРАЩЕНИИ РАСКОЛЬНИКОВ В ПРАВОСЛАВИЕ>

Относительно намерения Герцена рассказать об «апостольских подвигах» П. И. Мельникова, «на обращение заблудших братьев-раскольников направленных», см. в заметке о Мельникове, напечатанной в л. 16 «Колокола» от 1 июня 1858 г. (XIII, 285).

881

*125. О НЕИСПРАВНОЙ ДОСТАВКЕ РУССКИХ ГАЗЕТ

В письме к П. В. Анненкову от 13 июля 1858 г. Герцен упомянул о том, что до него не доходят русские «журналы» (так Герцен чаще всего называл газеты), и заявил, что он об этом «позоре и гадости без границ» через месяц в самом деле напечатает в «Колоколе». «Не можешь ли ты передать этому Андрюшке Монетчику, – добавлял Герцен, имея в виду А. А. Краевского, – что это бесстыдно и гнусно» (XXVI, 191). Аналогичного рода жалобы встречаются в переписке Герцена и в дальнейшие годы.

*126. ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЕМ В. А. ЭНГЕЛЬСОНА>

В примечании к статье «Энгельсоны» (1858), вошедшей в «Былое и думы», Герцен упомянул о своем намерении напечатать когда-нибудь значительную часть «очень замечательных» писем к нему В. А. Энгельсона (см. X, 352). Публикация подобного рода не могла бы быть осуществлена без предисловия или комментариев Герцена.

1859 *127. РАЗГОВОРЫ С ДЕТЬМИ (СТАТЬИ 2-я И СЛЕД.)

Публикуя в «Полярной звезде на 1859» свою статью «Разговоры с детьми» 57[57], Герцен сделал в заголовке помету о том, что это статья первая. Следующие статьи в печати, однако, не появились (см. XIV, 206).

*128. ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ К. ФОГТА>

О своем желании написать предисловие к немецкой брошюре Карла Фогта «Studien zur gegenwärtigen Lage Europas» («Этюды о современном положении Европы», 1859)

Герцен упомянул в письме к Ф. Пульскому от 6 мая 1859 г. (XXVI, 263).

*129. <О «PROGRAMME DE LA SAINTE-ALLIANCE DES PEUPLES»>

Рекомендуя читателям в л. 47 «Колокола» от 1 июня 1859 г. брошюру В. А. Панаева «Программа Священного союза народов», вышедшую в Брюсселе, Герцен обещал «в одном из будущих листов „Колокола“» поговорить «о этом самобытном произведении, в котором (хотя мы не совсем согласны с автором) веет тем новым веянием, по которому можно узнать русского, на каком бы языке он ни писал» (XIV, 366).

882

130. <ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД ГЛАВЫ «ЛОНДОНСКИЕ ТУМАНЫ»>

57[57] в т. XIV наст. изд. (стр. 525) статья эта датирована ошибочно: основанием для датировки явилась приписка к письму от 1 июля 1858 г. (XXVI, 189). Между тем и приписка, и упоминаемая в ней статья, «интересная детям и людям, начинающим заниматься естественными науками», принадлежали не Герцену, а его сыну Александру. – Л. Л.

ШЕСТОЙ ЧАСТИ «БЫЛОГО И ДУМ»>

Сделанный Герценом перевод четырех страниц из этой главы «Былого и дум»

упоминается в письме к М. Мейзенбург от 2 июня 1859 г. Перевод, по-видимому, не был напечатан, так как Герцен, не желая мешать появлению перевода Мейзенбург,

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович попросил редактора возвратить рукопись (XXVI, 270).

*131. <ЗАМЕЧАНИЯ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ «DU DEVELOPPEMENT DES IDEES
REVOLUTIONNAIRES
EN RUSSIE»>

Герцен ответил 9 июня 1859 г. согласием на просьбу Е. Я. Колбасина – разрешить ему издание русского перевода работы «О развитии революционных идей в России», вышедшей в 1851 г. на французском языке. При этом Герцен заметил переводчику, что поскольку книжка была «писана для иностранцев, при совсем иных обстоятельствах», то он не может «не прибавить несколько замечаний к переводу – следовало бы даже сделать изменения» (XXVI, 272). Книгу предполагалось издать в Лондоне.

132. <СТАТЬЯ ДЛЯ ГАЗЕТЫ «HERMANN»>

28 октября 1859 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «Итак, моей статьи нет в Кинкелиане – я этому очень рад, – так кто же лучше знает людей?..» (XXVI, 300). По-видимому, Герцен передал статью Г. Кинкелю для публикации в газете «Hermann», которую Кинкель начал с 1859 г. издавать в Лондоне, и она там не появилась из-за несогласия Кинкеля со взглядами, высказанными Герценом.

*133. ««NOUVELLE BIOGRAPHIE GENERALE», t. XVIII»

В издательском плане избранных сочинений Герцена на французском языке, набросанном самим Герценом (XX, 621), среди названий различных его произведений находится запись: «Nouv<elle> Biographie générale. F. Didot (réd. Dr Hoefffer), t. XVIII».

Речь идет о сорокашеститомном французском биографическом словаре:

«Nouvelle

Biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, avec les renseignements bibliographiques et l'indication des sources à consulter, publiée par Firmin Didot frères sous la direction de M. le Dr Hoefffer. Paris, 1852–1866» («Новая Всеобщая биография, с отдаленнейших времен до наших дней, с библиографическими данными и обозначением справочных источников, публикуемая братьями фирмен Дидо под редакцией г. д-ра Гёфера, Париж, 1852–1866»). В томе XVIII, выпущенном в свет в 1858 г., напечатаны статьи на имена Florus – Fruxell. Остается неясным, почему этот том упомянул в списке своих работ Герцен: за его подписью в томе нет ни одной статьи; нет и статей, которые могли бы быть приписаны Герцену. Ничего не говорят об участии Герцена и другие тома этого издания и список сотрудников, приложенный к последнему тому. Остается предположить (с малой долей вероятия), что Герцен опубликовал где-нибудь рецензию на этот том.

*134. <ПЕРЕВОД-ПЕРЕДЕЛКА «РОССИИ И ПОЛЬШИ»>

Отвечая 23 марта 1860 г. на предложение Прудона сотрудничать в его новом издании, Герцен писал: «... вот что я вам предлагаю – перевод (обработанный для французских читателей) серии писем о России и Польше <...> Если это вам подходит, я засяду за работу, чтобы сделать перевод...» (XXVII, 32–33). Герцен намерен был обработать свою серию писем «Россия и Польша», публиковавшихся в «Колоколе» (XIV, 7–59).

*135. PANINIANA (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Публикуя в листе 79 «Колокола» от 15 августа 1860 г. обличительные данные о В. Н. Панине, Герцен упомянул, что решил в свое время печатать наиболее любопытные материалы о министре юстиции, и занумеровал цифрой 1 публикуемое начало (XIV, 301).

*136. <ОТЧЕТ О КНИГАХ Н. И. ТУРГЕНЕВА, Н. Ф. ПАВЛОВА И И. В. ШЕРВУДА>

В заключительной части заметки «Вольное русское книгопечатание за границей» («Колокол», л. 83 от 15 октября 1860 г.) Герцен обещал поговорить впоследствии о книге Н. И. Тургенева «О суде присяжных и о судах полицейских в России», Н. Ф. Павлова «Статский – армейцу» и И. В. Шервуда «Из записок генерала Б. П.» (см. XIV, 328–329).

137. <ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Л. ФЕЙЕРБАХА>

В ноябре 1860 г. Герцен предложил своему лондонскому издателю Н. Трюбнеру выпустить русский перевод «Сущности христианства» Л. Фейербаха. Трюбнер решил на это только при условии, что Герцен напишет к книге предисловие. Судя по письму к П. В. Анненкову от 20 ноября 1860 г., Герцен дал на это согласие (XXVII, 114). Книга вышла в свет в Лондоне в 1861 г. с кратким предисловием, озаглавленным «Два слова от издателя русского перевода» и несомненно принадлежащим Герцену:

«Книги Бюхнера, Молешотта и Фохта читаются русскою молодежью с жадностью. Все эти писатели – ученики Фейербаха, первого мыслителя нашей эпохи, потому надобно ожидать, что перевод капитального его творения будет принят между молодым поколением с тою симпатией, которой заслуживает оно своим великим научным достоинством.

Но если мы думаем, что переводчик заслужит признательность всего молодого поколения России, то в особенности возбудит издаваемая теперь книга интерес, конечно, между молодыми людьми, находящимися в духовных русских училищах. Им ближе всего этот предмет. Огромное большинство этих молодых людей жаждут истины, но очень немногие из них могут читать книги на иностранных языках, а на русском до сих пор они не могли найти ничего, соответствующего их стремлению узнать сущность христианства, – потому-то и посвящен им перевод, нами издаваемый».

*138. <О ВЗРЫВЕ «ПЛАСТУНА» >

Герцен собирался поместить в «Колоколе» «рассказ о том, как чудовищное обращение с матросами довело до умышленного взрыва клипера» «Пластун». Об этом он упомянул в начале статьи «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“» («Колокол», л. 90 от 15 января 1861 г. – XV, 12). Несколько ранее, в л. 87–88 «Колокола» от 15 декабря 1860 г., в заметке «Константин Николаевич за линьки» Герцен писал: «Историю этого взрыва и некоторые подробности о капитане I ранга Шестакове, о наказаниях на „Генерал-адмирале“ мы надеемся в скором времени передать нашим читателям. Они узнают чудеса – о том, как матросам затыкают рты шваброй с навозом, как секут гардемарин и как при этом остаются любимцами либерального великого князя» (XIV, 347). В связи с публикацией в «Морском сборнике» официального отчета об этих происшествиях и в результате ходатайства вел. кн. Константина Николаевича перед Герценом, он счел возможным отказаться от обнародования подробностей в «Колоколе» (см. XXVII, 630). Тем не менее в письме к И. С. Тургеневу от 5 января 1861 г. Герцен упомянул о своем намерении в связи с «неистовством», с которым производились экзекуции в русском морском флоте, напечатать сборник имен «офицеров-истязателей» – «вроде Шестакова, Крузенштерна, Дистерло» и других – и просил довести это до сведения

А. В. Головнина, доверенного лица морского министра вел. кн. Константина Николаевича (XXVII, 124). Остается неизвестным, предполагал ли Герцен поместить в «Колоколе» корреспонденцию о взрыве «Пластуна», или обработать присланный ему материал.

139. <РЕЧЬ О КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЕ

(ДЕФИНИТИВНЫЙ ТЕКСТ И ПЕРЕВОД НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)>

Сохранился только черновой набросок речи Герцена, которую он намерен был произнести на устроенном им «празднике освобождения» 10 апреля 1861 г. в честь провозглашения манифеста о крестьянской реформе (XV, 217–219). Как известно, сообщение о «варшавской резне», дошедшее до Герцена в этот же день, заставило его отказаться от произнесения речи, завершавшейся здравицей Александру II, и, тем более, от ее публикации. Еще 28 марта, сообщая И. С. Тургеневу о предстоящем празднике, Герцен обещал прислать ему французский текст речи на «обеде с тостом» – вероятно, для опубликования в печати (XXVII, 144). Русский текст Герцен, несомненно, напечатал бы в «Колоколе», если бы не трагические происшествия, воспрепятствовавшие этому. По воспоминаниям бывшего наборщика «Колокола» А. Гончаренко (быть может, не совсем точным), речь была уже отпечатана на русском, польском, английском и французском языках и лежала в связках в доме Герцена для раздачи на балу, однако в тот же вечер все экземпляры ее были сожжены (см. М. Вильчур. Русские в Америке. Нью-Йорк, 1918, стр. 13–14. Цит. по XV, 420).

140. <ФИЛОСОФСКАЯ СТАТЬЯ>

В своих воспоминаниях «Из дальних лет» Т. П. Пассек сообщает, что Герцен во время ее пребывания в Англии (в августе 1861 г.) прочел ей «довольно обширную философскую статью – для отправки в Россию» (Пассек,

885 II, 445). Не исключено, что Пассек не совсем точно определила жанр статьи. Во всяком случае, установить, идет ли здесь речь о неизвестном произведении Герцена или о статье, вошедшей в его собрания сочинений, не представляется возможным.

141. <ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ ПРОТИВ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО>

В предисловии к заметке «Repetitio est mater studiorum» («Колокол», л. 107 от 15 сентября 1861 г.) Герцен назвал ее отрывком из статьи, предназначенной для «Полярной звезды» (XV, 143). Статья, о которой говорил Герцен, остается неизвестной. Ср. относящийся к ней же черновой набросок «Двояродный братец» (XV, 220–221).

1862 *142. <О СТАТЬЕ ШАРЛЯ МАЗАДА>

В подстрочном примечании к статье «Мясо освобождения», помещенной в «Колоколе», л. 121 от 1 февраля 1862 г., Герцен писал по поводу статьи Шарля Мазادا «Россия в царствование Александра II»: «В серьезных периодических изданиях бывают замечательные статьи о России. Не далее как во 2 январской книжке „Revue des Deux Mondes“ помещена очень интересная статья Charles de Mazade „La Russie sous le règne d'Alexandre II“. Мы поговорим об ней в одном из следующих листов» (XVI, 25–26).

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович 1863

*143. <ОБ УБИЙСТВЕ РУССКИХ СОЛДАТ В НАЧАЛЕ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ>

В подстрочном примечании к статье «Плач», напечатанной в «Колоколе» (л. 158 от 8 марта 1863 г.), Герцен писал в связи с сообщениями реакционной печати о сожжении польскими повстанцами русских солдат: «Мы знаем подробности об несчастном убийстве солдат при начальном восстании, знаем их от очевидца. Мы со временем расскажем этот печальный эпизод с именами; вред, произведенный этим вовсе не приготовленным событием, был огромен...» (XVII, 67).

Свою статью «„День" и „Колокол"», датированную 25 июля 1863 г., Герцен завершил словами: «Ну и довольно...», прибавив затем следующие строки: «Хотел я эту статью кончить иначе, снова явилось желание высказать еще раз наш символ веры. Один период нашей заграничной деятельности явным образом пришел к своему рубежу. На его-то пределе, вступая в грозное и черное время, хорошо было бы приостановиться, проверить себя, сказать еще раз, кто мы и почему мы считаем себя русскими не хуже издателя „Дня", – и в то же время „с злобной радостью" видим, как расседается петербургская империя <...> Хотелось нам потом спросить, что же удивительного, что боль от страданий народа, не бравшего никакого участия в оргиях империи, стоявшего молча и печально под ее же изнуряющими

886

ударами, вместе с одинакой кровью в наших жилах до того тесно срастила нас, что мы, любя и жалея его за его несчастное прошедшее, за бедственное настоящее, мало-помалу уловили несколько черт его будущего и этому будущему посвятили нашу жизнь так, как Альфиери посвятил свои трагедии – *al popolo italiano libero futuro?*.. Но оставим это до другого раза. Не место в этой статье внутреннему голосу, в ней его примут за оправдание, а нам не перед кем оправдываться...» (XVII, 228–229).

*145. <ВЕЛИКИЕ НИЩИЕ>

Описывая в «Трагедии за стаканом грога» мучительные переживания англичанина-официанта, не сумевшего «стать выше своей беды», Герцен закончил свой очерк словами: «Да зачем же не мог? Ну, уж это спрашивайте у Маколея, Лингарда и пр..., а я вам лучше когда-нибудь расскажу о других нищих. Да, я знал великих нищих – и потому-то, что я их знал, я и жалею слугу в „Георге IV", а не их» (XVII, 267).

По-видимому, говоря о «великих нищих», Герцен имел в виду некоторых деятелей европейской эмиграции.

*146. ВВОЗ НЕЧИСТОТ В ЛОНДОН <ПРОДОЛЖЕНИЕ>

В обличительной заметке «Ввоз нечистот в Лондон», напечатанной 15 декабря 1863 г. в л. 175 «Колокола», Герцен привел пародийную «главу XVIII» романа «Взболтанная помойная яма», в которой содержался намек на его взаимоотношения с А. Ф. Писемским. Пародия заканчивалась ремаркой «Продолжение потом» (XVII, 300). Хотя эта ремарка и не может рассматриваться как прямое указание на намерение Герцена продолжать обличение Писемского, однако она вставлена не случайно и представляла собой угрозу расширения полемики.

1864 *147. <О НАДЕЖДЕ ИВАНОВНЕ ВИГЕЛЬ, ВАРВАРЕ ЯКИМОВНЕ ТУЛЯЕВОЙ и др.>

В конце третьего письма из цикла «Письма к будущему другу», датированного 4 апреля 1864 г., Герцен высказал намерение рассказать в следующем письме «о двух приятельницах своего детства» (так он иронически назвал колоритных представительниц московского общества – тетку В. Ф. Вигеля и мать М. Н. Каткова – Надежду Ивановну Вигель и Варвару Якимовну Туляеву), а также «воскресить» еще две-три комические личности (XVIII, 86). В письме четвертом он указал, что решил отложить это до «другого раза» (там же).

После 1864 *148. <СМЕРТЬ ЛЕЛИ-ГЕРЛ И ЛЕЛИ-БОЯ>

29 ноября 1868 г. Герцен записал в своем дневнике [ххп]: «Опять приближается страшная годовщина – смерти детей. Сколько раз хотел я записать для себя – для детей – эти дни, эти ночи, страшное 4 декабря –

887
нет, не могу. Разве новое несчастье станет между им и воспоминанием. Свежая боль – осадит прошедшую» (XX, 611).

По письмам Герцена конца 1864 г. легко проследить трагические подробности гибели его детей-близнецов, которую он намерен был описать, подобно другим важнейшим эпизодам своей жизни. «Какую мрачную, ужасную полосу я пережил – все мы пережили – трудно сказать, – отмечал он, например, в письме от 19–20 декабря. – Я присутствовал при страшном зрелище самой жестокой смерти – смерти двух детей от удушья. Я держал маленькую во время операции трахеотомии – и я закрыл глаза Бою... Все это вместе, удар за ударом... как во сне <...> Все мелкие невзгоды последнего времени ничто перед этими ударами молнии, чумы, нелепости... Бедняжки – они умерли в полном сознании, чувствуя смерть, чувствуя недостаток дыхания – и

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович прося взять их, спасти...» (XXVII, 549). «Смерть Лели, – писал Герцен, – была поэма, лаокооновская поэма смерти, человеческого бессилия и стихийной дури», «ужаснее драмы я с 1851 не видал» (XXVIII, 31–32).

1865 *149. <СТАТЬЯ О П.–Ж. ПРУДОНЕ>
В некрологической заметке о П.–Ж. Прудоне, датированной 20 января 1865 г., Герцен обещал поговорить о подвиге этого «мощного бойца борьбы», который «все двигал, все покачивал, все затрогивал, отбрасывая условные уважения, освященные навыком понятия и принятый без критики церемониал...» (XVIII, 314).

*150. <СТАТЬЯ О ШВЕЙЦАРИИ>
11 августа 1865 г. Герцен писал сыну из Лугано: «Здесь очень хорошо – Швейцария к Европе относится, как рельефная карта Швейцарии к ней самой, – в ней есть и Италия, и Сибирь, и все исторические слои, от римских колонистов до французов, – мало мы изучаем живую жизнь, но об этом я напишу, пожалуй, статью Тиблену или иному» (XXVIII, 88).

151–152. <«ВТОРОЕ ПИСЬМО» И СТАТЬЯ О ФРАНЦУЗАХ>
17 сентября 1865 г. Герцен писал Н. П. Огареву: «Если вы не оставили копии с перевода – шлехт. А статью о француз<ах> не надобно посылать, пока они не напечатают моего 2 письма» (XXVIII, 102). Это место в письме Герцена неясно. Возможно, что речь идет о его неизвестных произведениях, пересланных Огаревым в какой-то иностранный периодический орган. Скорей всего под «2 письмом» Герцен подразумевал свое «Письмо к издателю „Отголосков“» (XVIII, 429–430; ср. XXVIII, 323).

153. <О НЕЗАКОННОМ АРЕСТЕ Н. П. ОГАРЕВА В ВЕВЕ>
О намерении поднять шум в газетах по поводу ареста Н. П. Огарева в Веве (Швейцария) Герцен сообщил 30 ноября 1865 г. Р. Лессеру (XXVIII, 120; ср. 121). «Но что же за разбойники ваши жандармы! – писал Герцен. – С каких пор дороги Швейцарии небезопасны – до того, что путешественников могут сажать в кутузку? <...> Почему его арестовали? и почему его – без всякой причины – поместили в вонючую камеру?»

888
<...> Вы меня крайне обяжете, написав мне, как зовут префекта Веве – и какое объяснение дал жандарм. Жандарм был очень груб, и было бы хорошо знать имя этого грубияна».

Лессер писал впоследствии в связи с этим инцидентом: «Одновременно с посылкой этого письма Герцен послал в разные газеты заметки о незаконном аресте русского эмигранта по произволу вевейской полиции и поднял на ноги буквально всю женевскую бюрократию, указывая, какой позор для Швейцарии, что она не в состоянии оградить свободы иностранных путешественников. Это имело свое действие, и Огарев был освобожден из заключения, причем префект полиции извинился перед ним в своем поступке. Впоследствии Герцен, приезжая в Веве, неоднократно вспоминал об аресте своего друга и каждый раз возмущался бесцеремонностью вевейского префекта» («Вестник литературы», 1907, № 1, стр. 4; ср. XXVIII, 332). По нашей просьбе, сотрудниками Швейцарской национальной библиотеки (Берн) и Женевской публичной и университетской библиотеки был просмотрен ряд газет, в которых могло появиться открытое письмо Герцена («Journal de Genève», «Suisse Radicale», «Confédéré» и др.), однако обнаружить его не удалось.

1866
154. <ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В «OPINION NATIONALE»>
В письме к Н. П. Огареву от 26 января 1866 г. Герцен упомянул о каком-то их «дельном письме», которое редакция парижской «Opinion Nationale» не сочла нужным поместить в своей газете (XXVIII, 145).

155. <РЕАКЦИЯ В РОССИИ>
В статье «Из Петербурга», напечатанной в «Колоколе» (л. 221 от 1 июня 1866 г.), Герцен упомянул о том, что у него была «готовая статья» о реакции в России, вызванной выстрелом Каракозова в Александра II, но, получив письмо с подробностями о правительственном терроре в Петербурге (письмо это цитировалось здесь же Герценом), он свою статью изорвал: «Все слабо и бедно, слов недостает, мы это глубоко чувствуем» (XIX, 85).

*156. <ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД СТАТЕЙ «ИЗ ПЕТЕРБУРГА» И «ПИСЬМО К АЛЕКСАНДРУ II»>
Герцен обещал сыну 1 июня 1866 г. прислать во Флоренцию французский перевод своих статей «Из Петербурга» (XIX, 85–88) и «Письмо к Александру II» (XIX, 81–82), с тем чтобы

А. Герцен «сунул» их в журналы и дал читать знакомым (XXVIII, 190).

*157. <ПРОГРАММА «КОЛОКОЛА» НА 1867 г. И «КОНТРБОМБАРДОС»>
20 октября 1866 г. Герцен предложил Огареву напечатать в декабрьском листе «Колокола», что газета в 1867 г. начнет выходить с 1 марта. В случае если бы

Обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Огарев согласился на это предложение, Герцен готов был «написать программу и контрбомбардоса» (XXVIII, 230). Какой смысл придавал здесь Герцен слову «контрбомбардос» – неясно. См. о термине «контрбомбардон» в ЛН, т. 63, стр. 427. 889

*158. ДОБАВЛЕНИЯ (?) К СТАТЬЕ В. И. КАСАТКИНА>

В не дошедшем до нас письме от двадцатых чисел октября 1866 г. Герцен предложил В. И. Касаткину отправить перевод какой-то его статьи (очевидно, не принятой в «Колокол») в парижскую газету «Temps», обещая, со своей стороны, поддать ей «шику» (см. об этом в письме Герцена к С. Тхоржевскому от 21 или 28 октября 1866 г. – XXVIII, 232). Вероятно, Герцен не собирался ограничиться редактированием перевода статьи Касаткина, писавшего по-русски чрезвычайно вяло и невыразительно. Никакими сведениями об этой статье и ее дальнейшей судьбе мы не располагаем.

1866–1867 *159. <ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАТЬИ «ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ!»>

Посылая Н. П. Огареву 11 декабря 1866 г. третий раздел статьи «Порядок торжествует!», напечатанный затем в л. 233–234 «Колокола» от 1 февраля 1867 г., Герцен обещал ему к 1 апреля «приготовить продолжение» (XXVIII, 247). В самой статье Герцен писал: «Мы об нигилизме еще будем говорить» (XIX, 198).

*160. <О «ЗАПИСКАХ» КНЯЗЯ П. В. ДОЛГОРУКОВА>

В связи с выходом в свет первого тома французских «Записок» кн. П. В. Долгорукова, Герцен в заметке, посвященной «новой „бархатной книге“ русских дворянских родов» («Колокол», л. 233–234 от 1 февраля 1867 г.), указал, что с нетерпением ждет второй части «великого обличения и разоблачения нашей аристократической дворни», и обещал тогда «разом» сделать выписки из чрезвычайно интересных «Записок» князя П. В. Долгорукова (XIX, 220).

*161. «VENEZIA LA BELLA» (ЧАСТЬ 2-я)

22 марта 1867 г. Герцен упомянул в письме к Огареву, что написал статью о Венеции и Италии, отметив при этом в скобках: «pars prima» (т. е. первую часть. – XXIX, 67). Из этого можно сделать вывод, что он собирался написать продолжение этой статьи, включенной впоследствии в «Былое и думы» и датированной мартом 1867 г. (XI, 468–483).

*162. <О «ДИКОЙ РЕАКЦИИ» В РОССИИ>

В письме к Н. П. Огареву от 29 марта 1867 г. Герцен обещал попробовать «сделать несколько строк» для «Колокола» о «дикой реакции» в России, основываясь на сообщениях брюссельской газеты «Indépendance Belge» (XXIX, 73; ср. 573).

*163. <ОТВЕТ НА ОТВЕТ И. С. АКСАКОВА>

В заключительной части своего «Ответа И. С. Аксакову», датированного 6 апреля 1867 г., Герцен писал: «Если б вы могли мне отвечать, я был бы счастлив, я увидел бы в этом доказательство, что предварительная

890

цензура у нас уничтожена в самом деле в виду освобождения мысли и слова. Со своей стороны я готов объяснить каждую строку, каждое выражение». К этому месту Герцен сделал следующее подстрочное примечание: «Валуев поторопился рассеять наши сомнения – „Москва“ остановлена на три месяца» (XIX, 255).

*164. <СТАТЬИ ДЛЯ ФЛОРЕНТИНСКОГО ЖУРНАЛА>

В ответ на просьбу сына, собиравшегося начать во Флоренции издание научного журнала позитивистского направления, Герцен в письме к нему от 26 мая 1867 г. обещал «давать статьи даром, до тех пор, пока журнал не станет на ноги» (XXIX, 107; ср. 124). Проект издания журнала реализован не был.

165. <ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В «ZUKUNFT»>

О своем письме, посланном в кенигсбергскую газету «Zukunft», Герцен сообщил Н. П. Огареву 25 июля 1867 г. (XXIX, 152). 6 августа он указал в письме к тому же адресату, что «Zukunft» этот «ответ» поместил (XXIX, 163). Отсутствие комплекта «Zukunft» в советских и в ряде зарубежных библиотек не дало до сих пор возможности выявить текст этого открытого письма Герцена.

166. <ВТОРОЕ ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В «ZUKUNFT»>

7 августа 1867 г. Герцен писал Карлу Эдмунду Хоецкому: «Мы до 1 января 1868 приостановили „Колокол“. Мы предупредили об этом всех книгопродавцев, сказали об этом в самой газете (которую я вам посылаю) – тем не менее с остервенением утверждают, будто мы просто перестали издаваться – будто „Колокол“ скончался. Вчера я прочитал об этом в „Figaro“: я тотчас написал – третьего дня – в „Zukunft“» (XXIX, 166). Текстом своего письма Герцен был крайне недоволен: «Мое письмо в „Фигаро“ и в „Zukunft“ ничтожно», – писал он Огареву 18 августа (XXIX, 178). По-видимому, это обращение в «Zukunft» идентично (или очень близко по характеру) небольшому письму, выявленному нами в «Figaro» (XIX, 312).

*167. <ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В «TEMPS»>

В письме к Н. П. Огареву от 18 августа 1867 г. (см. предыдущий №) Герцен высказался крайне раздраженно о тексте своих открытых писем, напечатанных в

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович «Figaro» и «Zukunft», по поводу временной приостановки издания «Колокола», а также «строк» в «Temps», заметив при этом, что они вызвали у него «вторичный припадок бешенства». По нашей просьбе, внук Герцена, Эдуард Моно-Герцен, просмотрел в Bibliothèque Nationale комплект газеты «Temps» за август 1867 г., однако письма он в ней не обнаружил. Не исключено, что Герцен мог здесь иметь в виду чью-нибудь беглую хроникальную заметку в «Temps» (ср. XXIX, 166).

*168. <О РОМАНЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?» Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО>
Свидетельство о том, что Герцен собирался написать статью по поводу «Что делать?», но тотчас же отказался от этого, опасаясь раздражить
891
последователей Чернышевского, – см. в его письме к Н. П. Огареву от 27 августа 1867 г. (XXIX, 185). О характере и основных положениях задуманной статьи можно составить некоторое представление по отзывам, сохранившимся в переписке Герцена за этот период – в связи с чтением романа, незадолго до того переизданного женевской типографией М. К. Элпидина. Герцен очень резко осудил стиль «Что делать?», находя, что произведение Чернышевского «гносно написано» (XXIX, 157), «писано языком ученой передней» (159), «форма скверная, язык отвратительный» (160), видел в нем «кривлянье» и т. п. Отрицательно высказывался Герцен, в частности, о стиле тех глав романа, которые посвящены описанию снов Веры Павловны («что за слог, что за проза в поэзии!» – 167). В то же время Герцен пришел к выводу, что в произведении Чернышевского «мысли есть прекрасные, даже положения» (157), что в нем «бездна хорошего», «поучительного – особенно в манере ставить житейские вопросы» (160), что «это очень замечательная вещь». В романе Чернышевского, находил Герцен, «бездна отгадок и хорошей и дурной стороны ультранигилистов. Их жаргон, их аляповатость, грубость, презрение форм, натянутость, комедия простоты и – с другой стороны – много хорошего, здорового, воспитательного. Он оканчивает фаланстером, борделью – смело» (167). Герцен считал «Что делать?» «удивительной комментарием ко всему, что было» в 1860 – 1867 гг. «И зачатки зла также тут», – добавлял он (185). Полагая, что Чернышевский намеренно «льстит нигилистам», Герцен замечал, что роман этот – «урод и мил» и должен был «вред принести немалый» (163). «Да и это, как гебертизм в 1794 году, – фаза, но и она должна пройти» (168).

*169. <ОБ ЭМИЛЕ ЖИРАРДЕНЕ>
5 сентября 1867 г. Герцен писал Н. П. Огареву: «А ты напрасно меня остановил от Эмиля Жирард-ена» (XXIX, 193), т. е., по-видимому, от намерения написать полемическую статью о французском публицисте, редакторе газеты «Liberté».

*170. <ВТОРОЕ ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЖЮЛЮ БАРНИ>
В письме к Н. П. Огареву от 5 сентября 1867 г. Герцен заявил: «Я рад, что послал Барни письмо, и если б он отвечал, я рад писать второе – и даже для печати. Нам надобно себя поставить в противоположность с глупыми обвинителями» (XXIX, 193). Ср. стр. 511 и 652–654 наст. тома.

*171. <О «ДОРОЖНЫХ ЗАПИСКАХ 1865 ГОДА» М. П. ПОГОДИНА>
Еще до прочтения «Дорожных записок 1865 года» М. П. Погодина, появившихся в газете «Русский» 10 апреля 1867 г., Герцен высказал желание непременно написать о них (Погодин рассказывал в своей статье о встрече с Герценом, состоявшейся в Мontre – XXIX, 178). Ознакомившись со статьей Погодина, Герцен, по-видимому, потерял к ней всякий интерес. В письме к Н. П. Огареву от 8 сентября 1867 г. он отметил, что Погодин «рассказал встречу верно, хотя и есть пропуски преднамеренные». Здесь же Герцен выразил отвращение к газете «Русский», печатающей «бред» в духе «холопской демократии», заявив, что не хочет в руки брать подобное издание (XXIX, 195). Высказанное Герценом в печати намерение сотрудничать в «Русском» (XIX, 243) имело, несомненно, иронический характер.
892

172. LETTRE A M. BAKOUNINE
11 сентября 1867 г. Герцен писал Н. П. Огареву: «Я пишу теперь „Lettre à M. Bakounine“. В нем-то я хочу на свой манер бросить перчатку, шитую жемчугом по бархату, – Западу. Благословите, отцы-святители, – у меня накопела такая злоба, что я пишу с мягкостью млека и меда. Там я скажу in extenso, что сказал в письме к Барни» (XXIX, 197). 16 сентября Герцен упомянул о судьбе этого открытого письма к М. А. Бакунину: «Письмо к нему (французское) я изодрал» (XXIX, 200).

*173. <СТАТЬИ ДЛЯ «РУССКОГО СБОРНИКА» Г. БРОКГАУЗА>
Осенью 1867 г. Герцен вел письменные переговоры с лейпцигским издателем Г. Брокгаузом, собиравшимся издать «Русский сборник» на немецком языке. О своем согласии «давать статьи Брокгаузу» Герцен упомянул в письме к Н. П. Огареву от 24 сентября 1867 г. (XXIX, 203).

*174. <СТАТЬЯ ДЛЯ «ГОЛОСА» ИЛИ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»>
8 октября 1867 г. Герцен писал А. О. Бауману: «Пробу сделать я готов, т. е. прислать какую-нибудь небольшую рукопись, если Кр<аевский> напечатает ее, не

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
исказив, и пришлет гонорар книгопродавцу Георгу <...> Когда и кому ее доставить?
и как?» (XXIX, 208).

*175. <ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦИКЛА «КОНЦЫ И НАЧАЛА»>

22 декабря 1867 г. Герцен писал Н. П. Огареву: «Может, я шутки ради и напишу по поводу письма Тург<енева> еще „Концы и начала“, одно письмо, но и в нем будет тоже репетиция <повторение>» (XXIX, 245). Следует отметить, что двумя днями ранее в письме к самому Тургеневу Герцен решительно заявил, что не станет больше с ним полемизировать по вопросу о России и Западе (XXIX, 242).

1867 (?) *176. <ФЕЛЬЕТОН>

План этой задуманной Герценом статьи сохранился в его архиве: «Граница потеряла свой характер. Девон <?> в 1860. Да и Париж потерял. Речь Гаусмана.

Нрав<ственная> стертость Парижа – лучшая децентрализация. Провинции не понимают еще этого. Апельсины и яблоки – то же в Пизмонте. Опять все идет своим чередом, даже в Константинополе. Выжиданье – лечение, внутренними средств<ами> или хирургия. – Сила мира сего – величайшая глупость и вздорные интересы». Здесь же Герценом выписаны эпитафии – диалог Карно и Фуше и цитата из Буало (XX, 617). Вопросы, упоминаемые в плане, были частично затронуты в главе «La Belle France» «Былого и дум», писавшейся в 1867 г. (XI, 484–496). Вследствие этого можно предположить, что именно к тому времени и относится намерение Герцена написать свой фельетон. – Об «апельсинах и яблоках» см.: XX, 618–619.

893

1868 *177. <О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ>

Упоминание о намерении Герцена «переделать что-нибудь о русской литературе» для «Колокол» см. в его письме к Н. П. Огареву от 9 января 1868 г. (XXIX, 257).

*178. «ПИСЬМО К И. С. АКСАКОВУ» (ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ)

Свое открытое «Письмо к И. С. Аксакову», напечатанное в «Колоколе» (XIX, 238–240), Герцен в январе 1868 г. предполагал перевести на французский язык для «Колокол» и снабдить комментариями – с тем, чтобы со статьей могли ознакомиться и иностранные читатели (XXIX, 257).

*179. <СТАТЬЯ ПРОТИВ РУССКОЙ «МОЛОДОЙ ЭМИГРАЦИИ»>

О намерении Герцена «выставить к позорному столбу во всей наготе, во всем холуйстве и наглости, в невежестве и трусости, в воровстве и доносничестве» ряд враждебных ему представителей так называемой «молодой эмиграции» см. в его письме к Н. П. Огареву от 29 апреля 1868 г. «И, может, если силы не ослабнут, – добавлял Герцен, – я еще и буду их палачом и положу им клеймо глупости на лоб» (XXIX, 326). 2 мая того же года в связи с новым инцидентом Герцен писал: «Что они меня потащили бы на виселицу – в этом я убежден. Что они еще сделают засаду – это ты увидишь. Поэтому надобно предупредить их и стать на военную ногу – статьей – или убить на дуэли...» (XXIX, 330, см. также 332–333).

*180. <ОБ ИЗДАНИИ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ>

15 мая 1868 г. Герцен писал Н. П. Огареву: «„Кол<окол>“ в России не идет, и одна причина и есть для издания – удержать вживе орган. Теперь, может, пошел бы ежедневный лист <...> Сделаем вызов – печатно – и посмотрим» (XXIX, 339).

*181. <ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ>

23 мая 1868 г. Герцен предложил Н. П. Огареву написать совместно «ряд драматических сцен, начинающихся в Париже в 1814 году и кончающихся в Петербурге в 1826 на гласисе крепости». – «Где надобно стихнуть, – замечал Герцен, – стихи» – где надобно прозить – постараюсь. Кадры – кадры <Планы – планы>» (XXIX, 343).

*182. <О Н. И. НОВИКОВЕ>

В статье «Nos grands morts commencent à revenir», напечатанной в «Колокол» № 9 от 15 июня 1868 г., Герцен назвал Н. И. Новикова «великой и святой личностью конца XVIII века» и обещал поговорить о нем в одном из следующих номеров газеты (XX, 320).

894

*183. <РАЗБОР КНИГИ В. И. КЕЛЬСИЕВА «ПЕРЕЖИТОЕ И ПЕРЕДУМАННОЕ»>

Еще до получения из России книги В. И. Кельсиева «Пережитое и передуманное» Герцен принял решение (в июне 1868 г.) писать на нее рецензию – «всене непременно, безотлагательно, неумытно» (XXIX, 371, 416). Однако, убедившись в том, что прямого предательства в мемуарах Кельсиева не оказалось («в книге есть много слабого, его ошеломило освобождение, он мало видит гнусной стороны, он падал до религиозных припадков – но где же преступление?»), Герцен решил воздержаться от обличительной статьи, задуманной им ранее: «А коли с него не шкуру снимать – так мне и рук нечего марать» (письмо к Н. П. Огареву от 30 июля 1868 г. – XXIX, 423). Свое нежелание писать о «Пережитом и передуманном» Герцен подтвердил также в письмах от 3 и 4 августа (XXIX, 428, 429), ограничившись краткой информационной заметкой, помещенной в № 11 «Колокол» (XX, 364).

*184. <ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦИКЛА «ЕЩЕ РАЗ БАЗАРОВ»>

Второе письмо из цикла «Еще раз Базаров» (конец июня 1868 г.) Герцен закончил утверждением, что нигилизм «новых начал, принципов» не внес. «Или где же они? – писал он, обращаясь к „адресату“ – Н. П. Огареву. – На это я жду ответа от тебя или, пожалуй, от кого-нибудь другого и тогда буду продолжать» (XX, 350).

*185. <О «СОВРЕМЕННОСТИ»>

7 июля 1868 г. Герцен писал Н. П. Огареву по поводу эмигрантского журнала, издававшегося в Женеве: «Я затерял „Современность“, а она мне нужна, хочу писать разбор и похвалить серьезно эти Грузины, – я думаю, что похвала наша должна их окончательно рассорить» (XXIX, 405).

*186. <СМЕРТЬ П. В. ДОЛГОРУКОВА>

В июле 1868 г., незадолго до смерти П. В. Долгорукова, по его просьбе, в Берн был вызван Герцен. «Ряд виденных мною сцен просится в печальный роман русской безобразной жизни», – писал он Н. П. Огареву 15 июля 1868 г. (XXIX, 409). Впоследствии, 5 марта 1869 г., Герцен сообщал И. С. Тургеневу о П. В. Долгорукове: «Я был с ним в ссоре, но на его требования и просьбы приехал к нему в Берн и видел его агонию (при самой смерти я не был – а за несколько дней). Ничего ужаснее не выдумывал ни один трагик. Может, когда-нибудь я напишу эту смерть» (XXX, 53). По письмам Герцена того времени легко определить, какие эпизоды должны были доминировать в описании этой «комедии в агонии» (XXIX, 428), а именно: ссоры его из-за «проклятого наследства» со своим сыном («сын, ожидающий смерти отца, – и отец, уверенный, что сын его отравляет» – XXIX, 406–408, 418, 421–422).

*187. <ПИСЬМО К Н. П. ОГАРЕВУ (РУССКИЙ ВАРИАНТ)>

Герцен намерен был напечатать в последнем номере «Колокол» от 15 декабря 1868 г. на русском и французском языках свое открытое письмо к Огареву, объясняющее причину прекращения издания. 4 октября

895

Герцен сообщил Огареву, что еще не перевел письма, но может перевести с набора (XXIX, 456). В газете появился только французский текст, вероятно, отличавшийся от русского.

188. <О ГЕРЦОГЕ Е. М. ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОМ>

В письме к Н. П. Огареву от 10 октября 1868 г. Герцен отменил публикацию какой-то своей заметки о герцоге Е. М. Лейхтенбергском («Не вели печатать о герцоге Лейхтенбергском – хотя это и правда, потому что я вижу, что он опять с Алекс<андром> Ник<олаевичем> <т. е. Александром II> в Берлине – видно, попросил прощенья?» – XXIX, 460) и послал вместо нее заметку «On s'inquiète en Russie...» (XX, 394).

*189. <ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ «КОЛОКОЛА»>

Считая необходимым выпуск второй части «Полярной звезды на 1869», Герцен предполагал напечатать в ней полемическую статью, направленную против русской реакционной прессы, которая, как он думал, с радостью встретит известие о прекращении издания «Колокол» («в ней-то мы поблагодарим за ослиные копыты умирающему „Колоколу“» – XXIX, 479. Письмо от 27 октября 1868 г.).

*190. <ОБ УМЕНЬШЕНИИ ОБЪЕМА «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ НА 1869»>

28 октября 1869 г. Герцен писал Н. П. Огареву насчет «Полярной звезды на 1869», которую, вследствие отсутствия материала, пришлось выпустить в половинном объеме: «Печатайте, бога ради, как хотите, – оговорку я сделаю в „Колоколе“. Продолжение не статей – а книги, обещанной в 20 листов» (XXIX, 479). «Полярная звезда» вышла в свет объемом в 11 печатных листов.

*191. <ОТКЛИК НА ОТВЕТНУЮ СТАТЬЮ Г. Н. ВЫРУБОВА>

В заключительной части статьи «Réponse à M. G. Vyrouboff» Герцен писал, обращаясь к Г. Н. Вырубову: «Наш колокол, как вам известно, перестал звонить; если вы захотите мне ответить, предоставьте мне местечко в вашем журнале для отклика» (XX, 514). В журнале, издававшемся Вырубовым, – «Revue de la Philosophie Positive» – ответ его Герцену не появился; не появилась поэтому и ответная реплика Герцена.

1869 192. МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ

31 января 1869 г. Герцен сообщил сыну о том, что он «написал длинное, дельное и едкое письмо к Бакун<ину> для печати в „Поляр<ной> звезде“ – под заглавием „Между старичками“. – Он не назван, но узнают все» (XXX, 24). 25 февраля, в письме к Н. П. Огареву, Герцен высказал предположение, что его статью после некоторой переделки можно будет опубликовать в легальном русском органе «Неделя» (46). Статья была послана Огареву 11 марта. «Она может напечататься в „Пол<ярной> з<везде>“ – если таковая будет, – или совсем не печататься. Но мое мнение о деле таково», – писал при этом Герцен (57). Огарев нашел в статье «чрезвычайно много хорошего», хотя далеко не во всем был согласен с автором. С разрешения Герцена он дал черновой автограф статьи самому Бакунину для

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Ознобихин (ЛН, т. 39–40, стр. 534, 541, 545). Своего намерения напечатать «Между старичками» в «Неделе» Герцен не осуществил, и статья осталась неопубликованной. До недавнего времени это несохранившееся произведение Герцена ассоциировали с первыми двумя письмами из цикла «К старому товарищу», но обнаруженный нами в «пражской коллекции» фрагмент авторизованной копии «Между старичками», сделанный рукой Н. А. Герцен (ХХ, 660–661), и отклик на эту статью Н. П. Огарева (ЛН, т. 61, стр. 193–204) свидетельствуют о том, что это произведение, легшее затем в основу первых писем «К старому товарищу», имело самостоятельное значение и текст его почти не совпадал с позднейшей редакцией (ХХ, 848–850).

Подробно об этом замысле см. в статье В. А. Путинцева и Я. З. Черняка, напечатанной в ЛН, т. 61, стр. 181–204.

*193. <ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ К «ПИСЬМАМ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ»>

В связи с просьбой барона Н. Врангеля о предоставлении ему права издания сочинений Герцена в России, в том числе «Писем об изучении природы», Герцен писал Н. П. Огареву 13 февраля 1869 г.: «Что за польза перепечатывать без комментариев „Письма об изучении природы“, – а примут ли комментарии – пожалуй, в 3 лице?» (ХХХ, 34). 21 февраля Герцен сообщил, что если найдет в Ницце экземпляр «Писем...», то постарается написать «хоть две– три страницы» (ХХХ, 44). Последнее упоминание об этом проекте встречается в письме к Огареву от 27 февраля. Герцен отмечал, что предисловие к «Письмам об изучении природы» от третьего лица написать трудно, и осведомился, можно ли сделать примечание «от автора»? (ХХХ, 47). Вероятно, последнее предложение было признано неудобным вследствие цензурных условий в России.

194. <ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В «DIE PRESSE»>

Герцен отправил (по-видимому, 16 марта) открытое письмо в редакцию венской газеты «Die Presse», в котором опровергал ложное известие о своих переговорах с русским правительством насчет возвращения в Россию и приезде в Вену для свидания с русским священником Раевским. В тот же день Герцен (через М. Мейзенбург) обратился к своей венской знакомой

А. Вальтер с просьбой проверить, появится ли в газете это письмо (ХХХ, 62 и 65). Как сообщил в ответ на наш запрос библиографический отдел Венской университетской библиотеки, письмо Герцена в «Die Presse» не появилось.

*195. НА КАКИХ УСЛОВИЯХ МЫ МОЖЕМ ВОЗВРАТИТЬСЯ

В подстрочном примечании к письму от 17 марта 1869 г., адресованному Н. П. Огареву, Герцен замечал, в связи с циркулировавшими слухами о его предстоящем возвращении в Россию: «Следовало бы написать статью „На каких условиях мы можем возвратиться“» (ХХХ, 63).

*196. ««ДВУГЛАВАЯ СТАТЬЯ»»

8 апреля 1869 г. Герцен писал Огареву: «Время, должно быть, настает для объяснения с чужими и своими. Я обдумываю двуглавую статью» (ХХХ, 79).

*197. <ПРЕДИСЛОВИЕ И ЭПИЛОГ К ИЗБРАННЫМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ, ПОЛИТИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНЫМ СОЧИНЕНИЯМ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ>

Предполагая издать на французском языке (под одним общим заглавием) «Былое и думы», «Кто виноват?», «Сороку-воровку», «Доктора Крупова», а также избранные «политические и социальные статьи», Герцен намерен был приложить «эпилог, и к началу политической части – предисловие» (ХХХ, 80. – письмо к Г. Н. Вырубову от 9 апреля 1869 г.).

198. ««СТАТЬЯ ИЗ НИЦЦЫ»»

В письме из Ниццы от 23 апреля 1869 г. Герцен рекомендовал Н. П. Огареву непременно прочесть в № 4 женевской газеты «Journal des Femmes», издававшейся Мари Гёгг, какую-то «статью из Ниццы» (ХХХ, 93). 25 апреля Герцен через Огарева попросил Л. Чернецкого приобрести и переслать ему пять экземпляров этого номера газеты (ХХХ, 96–97). Такого рода просьбы наводят нас на мысль, что статья из Ниццы в «Journal des Femmes» принадлежала самому Герцену. Разыскать № 4 газеты нам не удалось ни в советских, ни в крупнейших зарубежных книгохранилищах.

*199. «ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛИНСКОМ» И. С. ТУРГЕНЕВА>

В № 4 «Вестника Европы» 1869 г. были напечатаны «Воспоминания о Белинском» И. С. Тургенева. Герцен решил написать статью об этих мемуарах еще до того, как ознакомился с ними. Правда, при этом он сделал следующую оговорку (в письме от 28 апреля): «О тург<еневе> буду только в том случае писать, если из рук вон гадко» (ХХХ, 98). 30 апреля, по прочтении мемуаров И. С. Тургенева, Герцен писал старшей дочери: «Статья тург<еневе> о Белинском дрянно» (ХХХ, 101; ср. 104). В письме к сыну от 21 мая Герцен следующим образом охарактеризовал статью Тургенева: «Из рук вон слаба, дряблость его так и выразилась, когда он взялся описывать сильную и энергическую натуру» (ХХХ, 120).

В письме к Н. П. Огареву от 2 мая 1869 г. Герцен высказал намерение написать о Белинском. «Но где и как?» – недоуменно добавил он (ХХХ, 104).

*200. «ЗАМЕТКА О «НАШЕЙ ПОВЕСТИ» Н. П. ОГАРЕВА»

В ответ на настоятельные требования Н. П. Огарева, желавшего, чтобы Герцен поставил и свою подпись под написанной им прокламацией «Наша повесть», Герцен возразил ему (в письме от 4 мая 1869 г.), что эта статья «может быть подписана только одним, она субъективна по языку, по форме – потому что она – вовсе не воззвание и не манифест. Я думаю, лучше к ней приписать мою *adhésion* <заметку о своем согласии>, что я и сделаю...» (XXX, 104). Прокламация вышла в свет за обеими подписями без дополнительной заметки Герцена.

898

*201. «ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ ПРОТИВ Э. ВАШРО»

Извещая сына 11 мая 1869 г. о том, что он просмотрел напечатанную в «Revue des Deux Mondes» 1 мая 1869 г. статью Э. Вашро «Наука и сознание», Герцен заявил, что ему хочется «Коровкина отделать» – т. е. написать полемическую статью против Вашро (в переводе с французского Вашро – Vacherot – буквально значит Коровкин). Герцен, в частности, осудил идеалистический взгляд на свободу воли, высказанный Вашро (XXX, 107).

202. ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

В мае 1869 г. после переработки статьи «Между старичками», принявшей вид первых двух писем «К старому товарищу», Герценом была написана еще одна статья из этого цикла, озаглавленная «Третье письмо», на которую Н. П. Огарев ответил своей «Третьей статьей» (см. ЛН, т. 61, стр. 202–204). От «Третьего письма» Герцена сохранился только небольшой фрагмент (XX, 662). Насколько близко совпадала эта статья с письмом третьим «К старому товарищу», точно установить не представляется возможным, однако приводимые Огаревым основные мысли и отдельные выражения из этого произведения Герцена, а также сохранившийся фрагмент свидетельствуют о том, что позднейшая редакция существенно отличалась от «Третьего письма». См. об этом подробно в работе В. А. Путинцева и Я. З. Черняка в ЛН, т. 61, стр. 188–204.

*203. «ОТЧЕТ О «БАХМЕТЕВСКОМ ФОНДЕ»»

По поводу так называемого «бахметевского фонда» Герцен писал Н. П. Огареву 29 июля 1869 г.: «О разделе капитала и о том, что я употреблю для спасения 10 тысяч» – их все на типографию – которая и будет представлять помещенный капитал, но не легко убакуниваемый, – я составлю записку, и ее мы напечатаем – как отчет» (XXX, 154).

204. «О «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»»

В четырех письмах Герцена от второй половины 1869 г. упоминается его статья, написанная по поводу «Санкт-Петербургских ведомостей». Статья эта была уже набрана и даже выправлена автором в корректуре, однако редакция эмигрантского «Народного дела» из каких-то соображений ее не опубликовала. По-видимому, несмотря на настоятельные напоминания Герцена, автограф статьи ему так и не был возвращен (см. XXX, 166, 277, 282 и 296).

*205. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ О РОССИИ

В письме от 21 августа (?) 1869 г., адресованном, по-видимому, редакции парижского журнала «Revue des Deux Mondes», Герцен предложил свое сотрудничество, сообщив, что ему и его друзьям «очень легко составлять корреспонденции из России о внутренних делах» (XXX, 172).

899

206. ««ЗАТРЕЩИНА ШВЕЙЦАРИИ»»

Герцен упомянул 4 сентября 1869 г. в письме к старшей дочери, что в газете «Liberté» от 31 августа была помещена его «затрещина Швейцарии» – за незаконные действия полиции в «деле Оболенской» (XXX, 188). Газеты под названием «Liberté» издавались в Брюсселе и в Париже, однако ни в той, ни в другой открытого письма Герцена выявить не удалось, несмотря на специальные разыскания сотрудников парижской и брюссельской библиотек.

207. «ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В «INDEPENDANCE BELGE»»

1 сентября 1869 г. Герцен писал Н. П. Огареву: «Сегодня я пушу брандер в „Indépendance Belge“» (XXX, 186), имея в виду свое открытое «зажигательное» письмо по поводу так называемого «дела Оболенской» (о котором см. XX, 594–596). В этом письме Герцен обвинял швейцарское правительство в грубейшем нарушении законности. По нашей просьбе, библиографическим отделом Бельгийской королевской библиотеки (Брюссель) был просмотрен комплект «Indépendance Belge» за сентябрь 1869 г., однако письмо Герцена в нем обнаружено не было.

*208. «СТАТЬЯ О ФРАНЦИИ – ЭЛЬЗАСЕ – ГОЛЛАНДИИ – ДАНИИ И ШВЕЦИИ»

На обороте наброска, озаглавленного «В другую сторону» и написанного, по-видимому, в сентябре 1869 г., сохранилась следующая запись Герцена (XX, 876), представляющая собой, вероятно, план задуманной статьи:

«Шамберги – Страсбург – Голландия.

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович Парижский плебей.

Дания и Швеция».

*209. «ОТВЕТ НА СТАТЬИ «ZUKUNFT»»

Сообщая 2 октября 1869 г. Н. П. Огареву о получении нескольких номеров газеты «Zukunft» с «Письмами о России», в которых Герцен был обруган и назван «русским агентом», он упомянул о своем намерении ответить. Однако, убедившись, что «Письма о России» представляют собой не что иное, как «хлам», Герцен от ответа воздержался (XXX, 206).

*210. ВОЗБНОВЛЕНИЕ КАМПАНИИ О «ДЕЛЕ ОБОЛЕНСКОЙ»

3 октября 1869 г. Герцен писал Н. П. Огареву из Парижа о том, что после большого перерыва «мудрено начать снова шум о деле Оболенской» в зарубежной печати. «Но я постараюсь», – добавил Герцен (XXX, 207).

*211. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ О РУССКОЙ ЖИЗНИ

Герцен известил 6 октября 1869 г. Н. П. Огарева, что редакторы «Siècle» «не только безусловно принимают нашу корреспонденцию об России – но просят об ней <...> Я из „Голоса“ кое-что составлю» (XXX, 209).

900

*212. <ПАРИЖ ОСЕНЬЮ 1869 Г.>

По поводу намерения Герцена «на досуге» описать свои впечатления от Парижа, охваченного предреволюционным брожением, подобно тому, как это было сделано в 1848 – 1849 гг. в «Письмах из Франции и Италии», см. в его письме к Н. П. Огареву от 22 октября 1869 г.: «Что за странная судьба, что мне опять приходится видеть, как за двадцать лет, – новый кризис старой болезни и, может, писать о нем» (XXX, 224; ср. стр. 516–517 наст. тома).

*213. <О ВЫХОДЕ В СВЕТ БРОШЮРЫ М. А. БАКУНИНА>

Советуя М. А. Бакунину 28 октября 1869 г. печатать выпусками в женеvской типографии свою новую работу на французском языке – «Исповедание веры русского демократа- социалиста, предшествуемое очерком о немецких евреях», Герцен обещал: «Когда будет все на мази – я помещу в десяти журналах аппопс'ы» (XXX, 228).

Брошюра Бакунина при жизни Герцена издана не была.

*214. «ОТВЕТ НА СТАТЬЮ Е. И. УТИНА «ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»»

15 декабря 1869 г., за несколько недель до смерти, Герцен писал Огареву: «Жалею очень, что ты не прочитал в „Вес<тнике> Европы“ статью Утина (Евг<ения>), в которой он великодушно хоронит нас. Многие из сказанного об нас и <омпа>нии верно – но не верно то себяобожание нового поколения, с которым он пишет о себе и своих. – Можно было бы написать кое-что против. Но об работе и думать нельзя при теперичной жизни» (XXX, 283).

НЕСОХРАНИВШИЕСЯ И НЕНАЙДЕННЫЕ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА (Дополнение к спискам, помещенным в томах XXI–XXX, кн. 1)

1. Т. А. АСТРАКОВОЙ. 5 ноября 1846 г. Москва. В своих воспоминаниях о Герцене Т. А. Астракова пишет: «Не помню я, по какому случаю я высказалась против него в том отношении, что я для него вовсе чужая, что он даже не замечает меня и проч. На это я получила от него интересное письмо, которое стоит передать целиком, так как Александр уже не притворялся в нем, и его взгляд и характер обрисовался в нем с известной стороны довольно верно. Вот это письмо: ноября 5 1846 году, с припиской Наташи, которая тоже некоторым образом интересна для его характеристики...» (на этом текст воспоминаний обрывается. – Пассек, т. II, стр. 648).

2. МЕЖДУНАРОДНОМУ КОМИТЕТУ (по проведению митинга в честь годовщины февральской революции). конец января 1855 г. Твикнем. Благодарность за избрание членом Комитета и за приглашение «сказать речь о России». Упоминается в «Былом и думах» (XI, 165). К. Маркс писал Ф. Энгельсу 2 февраля 1855 г.: «Русский Герцен сам явился на прошлое заседание, без приглашения, и предложил избрать себя в члены комитета. В заседании, на котором мы присутствовали <Маркс и Гец были на заседании 1 февраля>, читалось его льстивое письмо, и так как французские политические мудрецы находили, что он „un garçon charmant“, то его и приняли без дальнейших слов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, 1929, стр. 85). О митинге, об отношении к нему К. Маркса и об интриге, затеянной И. Головиным в связи с участием в митинге Герцена, см. т. XXVI, письма 181 – 185 и «Былое и думы» (XI, 165–167, 418–421 и 684–685). Письмо Герцена, предназначенное для публикации в «People's Paper», было передано редактором газеты Э. Джонсом К. Марксу и переслано Марксом Ф. Энгельсу (см. письмо К. Маркса к Энгельсу от 13 февраля 1855 г. – Сочинения, т. XXII, стр. 86). В документах Маркса и Энгельса, находящихся в СССР, письмо Герцена не сохранилось.

3. В. ГЮГО. конец марта – начало апреля 1857 г. Путней. Известно, что Герцен послал Гюго свою французскую брошюру о Ворцеле, вышедшую в марте 1857 г. (см. XXVI, 364). 15 апреля 1857 г. Гюго писал в ответ: «Дорогой осужденный, дорогой брат по изгнанию, спасибо за ваши сильные и благородные слова об этом

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович доблестном мертвец...» (V. Hugo. Correspondance, t. II, Paris, 1950, p. 267). Вероятно, посылке брошюры сопутствовало письмо, во всяком случае – дарственная надпись.

4. В. А. ПАНАЕВУ. Конец августа 1858 г. Путней. Согласие принять у себя В. А. Панаева и просьба привезти рукопись «Проекта освобождения крестьян». В своих воспоминаниях

В. А. Панаев привел текст письма, с которым он обратился к Герцену по прибытии в Лондон: «Милостивый государь Александр Иванович. Я, Панаев, двоюродный брат известного вам Ив. Ив. Панаева, составил проект освобождения крестьян, который желаю напечатать в вашей типографии, на что и прошу вашего разрешения». Далее мемуарист сообщает: «В тот же день я получил от Герцена ответ, который назначил на завтра утренний час для приема и просил привезти мою рукопись» («Воспоминания В. А. Панаева» – «Русская старина», 1902, № 5, стр. 319–320).

5. И. В. ТУРЧАНИНОВУ. Апрель – май 1859 г. Фулем. Ответ на письмо Турчанинова от 22 марта 1859 г. с предложением двух «пиес» (очевидно, статей) для «Полярной звезды» и с просьбой содействовать напечатанию французской повести жены (см. ЛН, т. 62, стр. 600). В ответном письме Турчанинова благодарил Герцена за «снисходительную готовность заняться» этой повестью (там же, стр. 602).

6. Е. Я. КОЛБАСИНУ. Вторая половина сентября – начало октября 1859 г. В письме к И. С. Тургеневу от 18 (6) мая 1860 г. Герцен писал: «Ты знаешь, вероятно, от Колбасина, что я вдруг вообразил, что ты на меня сердись, но он меня вразумил». Эти слова позволяют предположить, что было письмо к Колбасину, касающееся взаимоотношений Герцена с Тургеневым. Датируется это письмо на основании следующих данных. Известно письмо Тургенева к Герцену от 16 (4) сентября 1859 г., написанное за несколько дней до отъезда Тургенева в Россию. В нем Тургенев просил Герцена написать Колбасину и А. А. Шеншину о посещении Чернышевским Герцена в Лондоне и о целях его приезда. При этом Тургенев замечал: «Ты можешь для верности написать о Чернышевском иносказательно. Колбасин малый не промах, поймет» (Тургенев. Письма, т. III, стр. 340). Хотя Герцен скорее всего и не откликнулся на просьбу Тургенева (см. там же, стр. 620–621), но переписка Герцена с Колбасиным, по-видимому, продолжалась до отъезда последнего в Россию. Возвратился же Колбасин в Россию в октябре 1859 г. (см. письмо Тургенева к Д. И. Яздовской от 22 (10) октября 1859 г. – там же, стр. 352).

7. П. Д. БОБОРЫКИНУ 1865 г. Об этой записке, относящейся к «первым порам» знакомства с Боборыкиным, последний упоминает в своих воспоминаниях, напечатанных в «Русской мысли», 1907, № 11, стр. 113–117.

8. Н. ТРЮБНЕРУ. 1867 г., до 18 июня. Об этом «фульминантном» («гремучем») письме Герцен упоминает в письме к Н. А. Тучковой-Огаревой от 18 июня того же года. Герцен упрекнул в нем своего бывшего издателя, «этого разбойника», за то, что «весь хлам книг, данных им на комиссию Баксту и Тхоржевскому», – он поставил на счет Герцену (XXIX, 127). «Вы перешеголяли Бисмарка», – писал Герцен (XXIX, 130).

9. Н. П. ОГАРЕВУ. 1869 г. П. Д. Боборыкин в своих воспоминаниях упоминает о том, что Герцен «в письме к Огареву, относящемся уже к последнему году его жизни, признает Маркса великим инициатором в борьбе пролетариев с капиталистическим строем» (см. «Герцен в воспоминаниях современников», М., 1956, стр. 314–315). Возможно, что в руках Боборыкина побывало какое-то неизвестное до сих пор письмо Герцена к Н. П. Огареву.

Примечания:

i[i] Так в подлиннике. – Ред.

ii[ii] Исправленная опечатка. <Было: Раз, просидевши о мной... Исправлено на: Раз, просидевши со мной. – Ред.>

iii[iii] Исправленная опечатка. <Было: «Да здравствует Коля!... Исправлено на: «Да здравствует Коля!... – Ред.>

iv[iv] Исправленная опечатка. <Было: «Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, publiés. Исправлено на: «Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, publiés. – Ред.>

v[v] Исправленная опечатка. <Было: Печатаются по автографу. Исправлено на: Печатаются по автографу. – Ред.>

vi[vi] Исправленная опечатка. <Было: «Déjà. Исправлено на: «Déjà. – Ред.>

vii[vii] Исправленная опечатка. <Было: «L'opinion. Исправлено на: «L'opinion. – Ред.>

viii[viii] Исправленная опечатка. <Было: .(в наст. томе стр, 766–767).

Исправлено на: .(в наст. томе стр. 766–767). – Ред.>

ix[ix] Исправленная опечатка. <Было: .заговорщиков, арестованных. Исправлено на: .заговорщиков, арестованных. – Ред.>

обращение сочинений. Том 33. Дополнения к изданию. Публичные чтения Г. Грановского. Александр Иванович
x[x] Исправленная опечатка. <Было: .чтобы он немедленно пошел в вам. Исправлено
на: .чтобы он немедленно пошел к вам. - Ред.>
xi[xi] Исправленная опечатка. <Было: .но мы сайчас уехали после факелцуга.
Исправлено на: .но мы сейчас уехали после факелцуга. - Ред.>
xii[xii] Исправленная опечатка. <Было: .Герцен записал в своем дневике:.
Исправлено на: .Герцен записал в своем дневнике:.. - Ред.>
xш[xш] Исправленная опечатка. <Было: .уездного училища. Исправлено на: .уездного
училища. - Ред.>

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!